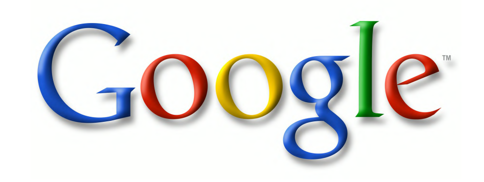
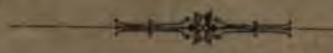

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

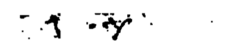
МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

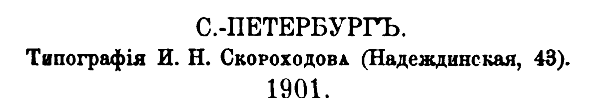

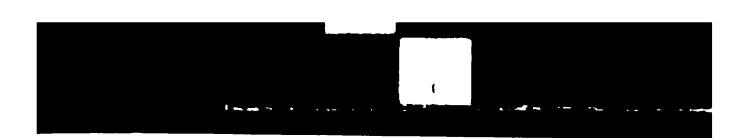
В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

ПЕТРЪ ВИНЕЙСКІЙ.

PETRUS DE VINEA.

(Vie et correspondance de Pierre de la Vigne, par A. *Huillard-Bréholles.* Paris, 1865).

Исторія, безспорно, не есть сборникъ біографическихъ свѣдѣній, и Biographie Universelle, конечно, не раскроетъ намъ законовъ историческаго развитія обществъ; думать иначе значило бы придавать слишкомъ большое значеніе случайнымъ, личнымъ интересамъ, которые стушевываются въ исторіи народовъ передъ великими вопросами, поднимаемыми человѣчествомъ, и великими задачами, надъ рѣшеніемъ которыхъ потрудился міръ. Но равнымъ образомъ было бы большою ошибкою пренебречь данными, которыя предлагаетъ намъ Біографическій Словарь, и историческая наука лишила бы себя драгоцѣннаго матеріала, который способенъ многое уяснить и оживить присутствіемъ лицъ, живыхъ, на сколько жизнь сохраняется въ помыслахъ и созданіяхъ человѣка.

«Время великихъ людей прошло; наступило время великихъ народовъ». Вполнѣ согласные съ тѣмъ честнымъ побужденіемъ, съ которымъ это изреченіе было высказано, мы не можемъ однако же признать справедливою выраженную въ немъ мысль и не замѣтить скрытаго въ немъ противорѣчія. Люди, наиболѣе ясно понявшіе требованія и нужды своего вѣка и наиболѣе практически удовлетворившіе этимъ нуждамъ и требованіямъ, всегда будутъ выдѣляться изъ толпы, для которой они потрудились, и имъ никогда не будетъ отказано ни въ сочувствіи современниковъ, ни въ благодарности *потомства;* такіе люди назовутся людьми великими.

*

I

Величіе народа высказывается прежде всего въ суммѣ его великихъ людей и затѣмъ уже въ той благодарности, съ которою народъ хранитъ память о человѣкѣ, потрудившемся для его величія. На сколько имя великаго человѣка живо въ умахъ народа, на сколько оно служитъ воодушевленіемъ для пѣвцовъ и разсказчиковъ, на сколько въ народныхъ преданіяхъ свѣтится грусть народа по исчезнувшей, но плодотворной жизни, на столько опредѣлится и величіе народа.

«Исторія человѣчества, исторія того, что человѣкъ выполнилъ въ этомъ мірѣ, въ основѣ своей есть исторія великихъ людей, которые жили и дѣйствовали въ этомъ мірѣ. Они были вожатаями человѣчества, эти великіе люди; они творили образцы, модели, были вполнѣ творцами всего того, что масса задумывала дѣлать, чего она желала достигнуть. Все, что ни совершено въ мірѣ, все это лишь внѣшній, матеріальный результатъ, практическое осуществленіе тѣхъ идей, которыя были присущи великимъ людямъ, посланнымъ въ міръ. Душа исторіи всего міра есть исторія этихъ великихъ людей» [1]. Рѣзко высказанное, какъ все сказанное знаменитымъ англійскимъ историкомъ, это мнѣніе можетъ показаться ложнымъ; но, вникая глубже въ основную мысль Карлейля, нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ именно смыслѣ, что великіе люди концентрируютъ въ себѣ «все, что народъ задумываетъ дѣлать или чего онъ желаетъ достигнуть». И въ этомъ-то отношеніи должно признать справедливымъ, что всѣ великіе люди въ основѣ своей совершенно одинаковы, всѣ они одного пошиба и представляютъ одно и то же явленіе — наиболѣе ясное уразумѣніе народныхъ нуждъ и желаній,—и лишь выборъ практическихъ средствъ дѣлаетъ между ними различіе [2]).

Это различіе можетъ быть дѣйствительно «неизмѣримо», если обратить вниманіе на сферу, въ которой было суждено жить и дѣйствовать тому или другому лицу. Вотъ почему

---

[1]) *Carlyle*. On heroes, heroworship and the heroic in history. London. 1841.
[2]) Ibid., p. 68.

мы признаемъ равное величіе за Ѳомой Аквинатомъ и Данте, дѣйствовавшими въ различныхъ, если не противоположныхъ сферахъ. Ранѣе Данте и при другихъ обстоятельствахъ дѣйствовало въ той же сферѣ, какъ и онъ, то лицо, которому мы посвящаемъ настоящій очеркъ. Это былъ человѣкъ великій, и исторія не признала за нимъ этого громкаго титула только потому, что сфера его дѣятельности, по своему характеру, ставила его на второй планъ и относила его труды къ той коронованной особѣ XIII ст., которую признаютъ «наиболѣе полнымъ представителемъ той эпохи» и которая извѣстна подъ именемъ Фридриха II, римскаго императора германской націи.

Въ исторіи вообще, не только въ исторіи среднихъ вѣковъ, рѣдко встрѣчаются личности, жизнь и дѣятельность которыхъ представляла бы столько историческаго интереса, какъ личность Петра Винейскаго. Мы называемъ этотъ интересъ историческимъ, такъ какъ его жизнь частная и политическая объясняетъ намъ многія стороны жизни той эпохи и дорисовываетъ картину, которая безъ того была бы не полна.

Наши свѣдѣнія о Петрѣ Винейскомъ чрезвычайно скудны: нѣсколько замѣтокъ, какъ бы случайно вошедшихъ въ хроники [1]; оффиціальные акты, имъ подписанные; сохранившійся отрывокъ изъ его переписки. Какъ ни кратка эта переписка [2], она должна занять первое мѣсто въ ряду историческихъ матеріаловъ: между тѣмъ какъ каждая хроника передаетъ болѣе или менѣе свое мнѣніе о Петрѣ Винейскомъ, въ этой перепискѣ, очищенной отъ риторическихъ прикрасъ, видѣнъ самъ корреспондентъ, каковъ онъ былъ. Петръ Вин. любилъ переписываться съ друзьями и близкими, видя въ этомъ средство,

---

[1]) За исключеніемъ Chron. fratris Franc. Pipini Bononien-is, въ которой ему посвящена особая глава въ нѣсколько строкъ. Cap XXXIX. De Magistro Perto de Vinei-. (*Muratori*. IX, p. 587—752).

[2]) Тридцать два письма Петра Вин. и двадцать одно адресованныхъ къ нему. Huill Breh., p. 374.

облегчающее тяжесть трудовъ [1]). Переписка его была, вѣроятно, довольно обширна и дошла до насъ лишь въ отрывкѣ. Самъ онъ писалъ письма чрезвычайно разнообразнаго содержанія: императрица Изабелла пожелала знать относительное достоинство цвѣтовъ розы и фіалки—Петръ Вин. отвѣчаетъ ей длиннымъ, довольно педантскимъ письмомъ, въ которомъ отдаетъ преимущество розѣ [2]). Въ настоящее время многіе произносятъ довольно строгій приговоръ надъ письмами Петра Вин., забывая, что письма эти были писаны шесть вѣковъ тому назадъ. Иначе смотрѣли на эти письма сами современники. Архіепископъ Капуи, Яковъ, человѣкъ довольно независимаго мнѣнія, такъ, въ письмѣ къ Петру Вин. [3]), разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ полученнымъ отъ него письмомъ: «Причина долгихъ задержекъ порвана; твое письмо явилось и улыбается мнѣ; это изображеніе твоего лица, лишенное лишь красокъ. Едва глаза познакомили меня съ содержаніемъ твоего письма, какъ я пришелъ въ удивленіе, что человѣкъ можетъ обладать такою геніальностью и излагать ее такимъ величественнымъ слогомъ. Признаюсь, я хотѣлъ освободиться отъ окружавшей меня толпы, чтобъ не утерять ни одной капли изъ этого краснорѣчія. Ты, быть можетъ, не повѣришь, что запахъ виноградника наполнилъ уже домъ, и присутствующіе по лицу Якова прочли письмо Петра, которое они еще и не видѣли. Всѣ хотѣли прочесть твое письмо; всѣ окружаютъ меня; всякій очарованъ, слушая твои строки; всѣ стараются возвысить свой духъ до высокихъ сферъ твоего слога и лишь принуждены вспоминать стишокъ

Non cuivis homini contingit adire Corinthum!“ [4])

Подобнымъ письмамъ, конечно, должно вѣрить лишь на половину; но и при этомъ въ остаткѣ получится человѣкъ, не только обладавшій краснорѣчіемъ, но и способный вызвать симпатію своимъ личнымъ характеромъ.

[1]) *Huill Bréh.*, p. 374. [2]) Ibid., p. 336—338.

[3]) P. V. Ep. lib. III, ep. XL. [4]) Не всякому дано достигнуть Коринеа.

Изъ дошедшей до насъ переписки мы можемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, обрисовать характеръ Петра Вин., вѣрнѣе, главную черту характера, чрезвычайно важную.

Вся семья Петра Вин. была, кажется, не крѣпкаго здоровья. Въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]) онъ извиняется въ своемъ молчаніи болѣзнью всѣхъ его окружающихъ [2]). Самъ онъ нерѣдко хворалъ [3]) и однажды былъ сильно боленъ, такъ что, едва оправившись, просилъ одного изъ своихъ друзей [4]) пріѣхать къ нему, чтобъ устроить его частныя дѣла. Онъ болѣе предпочитаетъ, какъ видно изъ другого письма, озаботиться о нихъ во время здоровья, чѣмъ предоставить все дѣлу случая [5]); выраженія письма ясно указываютъ, что болѣзнь принимала серьезный характеръ. Въ письмахъ тамъ и сямъ попадаются бѣглыя замѣтки о слабости здоровья. Конечно, эта болѣзненность организма должна была вліять на характеръ, и мы приписываемъ этому вліянію ту тихость, умѣренность, то отсутствіе рѣзкихъ направленій, которое составляетъ наиболѣе характерную черту Петра Вин. Судя по его письмамъ, онъ желалъ быть со всѣми въ возможно дружескихъ отношеніяхъ; онъ не любилъ интригъ и дрязгъ, нарушающихъ столь дорогое для него спокойствіе [6]).

Это направленіе характера отразилось и въ политикѣ: это

---

[1]) *Martene*, Ampl. Coll., v. II, n. XLIV, къ архіеп. Мессины.

[2]) *Martene*, p. 1169. [3]) *Huill. Bréh.*, p. 110.

[4]) Это былъ архіепископъ Палермы, Berardo; изъ переписки съ нимъ Петра Вин. сохранилось пять писемъ; изъ нихъ лишь первое не было издано, о которомъ Huill. Bréh. говоритъ: La première. dont le texte est très altéré, nous apprend que Pierre de la Vigne, en l'écrivant au mois de janvier 1232, n'était pas encore guéri d'une maladie dont il souffrait depuis le mois d'octobre, p. 119. Но оказывается, что первая же фраза письма: Sanus pater praesentibus culparetur si non sinistra exciperet, по своей конструкціи возбуждаетъ сомнѣніе, былъ ли боленъ Петръ Вин. или Бернардъ.

[5]) *Martene*, II, n. LXI, col. 1179.

[6]) Domino Symoni Vento Petrus de Vinea. *Martene*, II, n. XXXVI. Первая фраза письма: *Video quod apud me Salernitanus non es, sed verus amicus*, позволяетъ догадываться о какихъ-то неудовольствіяхъ, бывшихъ между Петромъ Вин. и салерницами, о которыхъ намъ неизвѣстно ничего.

было политикой возможно большихъ уступокъ, вмѣсто раздраженія противника. Въ одномъ письмѣ къ Генриху де Морра [1], управляющему дѣлами во время пребыванія императора въ Сициліи, Петръ Вин. совѣтуетъ ему быть какъ можно болѣе осторожнымъ относительно римскаго двора, по возможности избѣгать столкновеній, которыя могли бы повести къ войнѣ, и безъ особеннаго приказанія императора не тревожить ни тѣхъ, ни слуха, ни души папы [2]. Эту политику онъ высказывалъ не разъ. Девизомъ Петра Вин. въ политикѣ можетъ служить его же стихъ, подтверждающій главнѣйшую черту его характера:

[illegible] [3]

Кромѣ этой главной черты характера, которая проходитъ чрезъ всю его дѣятельность, трудно подмѣтить вторую столь же общую. Это былъ человѣкъ простой [4], радушный, готовый на услугу [5], любезный и чрезвычайно религіозный. Вѣкъ, въ который онъ жилъ, и отношенія, въ которыя онъ былъ поставленъ, наложили на него свою печать довольно рѣзко. Въ одномъ письмѣ къ молодому королю Конраду, онъ благодаритъ его за подарокъ кольца, подарокъ, «который вовсе не былъ необходимъ, такъ какъ онъ рабъ его и сынъ рабыни его» [6].

Этотъ рабъ молодого короля Германіи былъ довѣреннѣй-
-нымъ совѣтникомъ и близкимъ другомъ его отца, импера-
, если только такая дружба вообще возможна. Нельзя
замѣтить при этомъ высокаго, государственнаго таланта
-риха II, который онъ высказалъ въ выборѣ своихъ со-
-ковъ. Многіе историки видятъ въ этомъ особенное
-е императора: это несправедливо. Фридриху помогало

-omino magistro justiciario Petrus de Vinea. Martene, II, n. XXXVIII.
-artene, p. 1164.
-ремену срединнымъ путемъ, какъ то и слѣдуетъ. Du Meril, p. 169.
-apit cum lacrymis etc. Huil. Breh., p. 341.
-H. Breh., p. 345. [6]) Martene, p. 1161.

не счастье, а разумное начало, которымъ онъ руководился въ подобномъ трудномъ дѣлѣ: «Фридрихъ II отличалъ людей не по рожденію, не по крови, а по нравственнымъ ихъ качествамъ» [1]), какъ то замѣтилъ еще одинъ хронистъ. Вообще при Фридрихѣ II возвышались болѣе люди государственнаго ума, чѣмъ военныхъ наклонностей [2]), и въ этомъ отношеніи императоръ понималъ мысль Людовика XI, высказанную ѣдкими устами Вальтера Скота, что «желѣзнорукимъ воинамъ не слѣдовало бы входить въ кабинеты государей, но оставаться въ передней съ своими сѣкирами и бердышами. Руки ихъ, конечно, созданы для нашей пользы; но, государь, который захотѣлъ бы давать ихъ головамъ иное занятіе, кромѣ того, чтобы служить наковальнями для вражескихъ мечей и булавъ, уподобится глупцу, который подарилъ бы своей maitresse собачью свору вмѣсто брилліантовой цѣпочки».

Петръ Винейскій испыталъ судьбу людей, одаренныхъ истинными государственными талантами. Исторія его жизни поучительна во многихъ отношеніяхъ. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ, какъ того желало преданіе, милостынею снискивалъ себѣ средства образованія: личными талантами и собственными трудами достигъ высшихъ государственныхъ почестей, былъ любимцемъ императора и палъ жертвою придворныхъ интригъ: его пытали, выжгли глаза и, прежде чѣмъ казнить, водили по итальянскимъ городамъ, предавая позору и поруганію человѣка, предъ которымъ прежде преклонялись. Когда Sir Walter Raleigh былъ выведенъ на эшафотъ, онъ, въ рѣчи къ народу, просилъ вѣрить, что «дрожитъ не отъ страха казни, но вслѣдствіе лихорадки, не покидающей его съ прошлой ночи; Петръ Вин. болѣе краснорѣчиво повѣдалъ Италіи свое послѣднее «прости»: у него достало геройства разбить себѣ черепъ, чтобы избѣжать позорной смерти.

До настоящаго года жизнь Петра Винейскаго, давно всѣхъ интересовавшая, не находила себѣ біографа. Въ 1859 году,

[1]) *Murat.* VIII, *p.* 522. [2]) *Raumer*, Hohenst., III, 217.

чивъ знаменитое изданіе дипломатическихъ актовъ импе-
ра Фридриха II, Huillard-Bréholles извѣстилъ во введеніи,
онъ посвятитъ Петру Вин. спеціальное изслѣдованіе.
шло шесть лѣтъ и лишь въ началѣ нынѣшняго года по-
ся въ Парижѣ давно ожидаемый трудъ: *Vie et Corres-
ance de Pierre de la Vigne*, Ministre de l'empereur Fré-
: II. avec une étude sur le mouvement réformiste au
siècle. par *A. Huillard-Bréholles*. Paris. 1865.

Это сочиненіе распадается на три части: въ *первой* раз-
рывается публичная дѣятельность Петра Винейскаго; во
рой—его частная жизнь, переписка и приписываемыя ему
зведенія; *третья* часть составляетъ особый трактатъ о
ормаціонномъ движеніи въ XIII стол. или. точнѣе. схизма-
скія попытки Фридриха II и роль Петра Винейскаго въ
гіозномъ движеніи первой половины XIII столѣтія.

I.

Peccavi. Pater. in coelum et coram te.
Petr. de Vin. Ep. l. III. ep. XXXIX.

Петръ Винейскій—Petrus de Vinea [1])—родился, вѣроятно.
Капуѣ. Та важная политическая роль. которую онъ позже
лъ, породили споръ между многими городами, изъ кото-
ъ каждый желалъ присвоить себѣ честь быть мѣстомъ
денія великаго совѣтника и друга императора Фридриха II.

[1]) P. de Vinea [illegible] до настоящаго времени вопросъ спорный,
и не представляет [illegible] важности. *Raumer*, l. c., V, 322, I. De
(Bibl. [illegible]) говоритъ, что современники безразлично
[illegible] Huill. Bréh. замѣчаетъ: Pour moi. je ne
[illegible] bien constaté et tout à fait contempo-
[illegible]. Очевидно, авторъ будетъ оспаривать
[illegible] текста, въ которомъ употребленъ вто-
[illegible] этомъ мы могли бы сослаться на заглавіе
[illegible] Sir Thomas Philipps, которую авторъ ста-
[illegible] magistri Petri de *Vineis* de gestis Friderici
[illegible], не позже конца XIII столѣтія.

Споръ этотъ, хотя въ немъ участвовало менѣе *семи* городовъ, напоминаетъ извѣстный греческій споръ городовъ о мѣстѣ рожденія Гомера и не менѣе извѣстное школярное двустишіе:

> Smyrna, Rhodos, Colophon, Salamis, Chios, Argos, Attenae
> Orbis de patria certat, Homere, tua!

Классическая древность не могла рѣшить своего спора, въ основѣ котораго лежало, правда, благородное чувство, но для разрѣшенія котораго она не имѣла столь положительныхъ данныхъ, какъ средневѣковый споръ о мѣстѣ рожденія Петра Вин. Въ этомъ спорѣ принимали участіе цѣлыя страны—Италія и Германія [1]), и хотя многіе указываютъ довольно точно мѣсто, гдѣ онъ родился въ Германіи [2]), тѣмъ не менѣе его нѣмецкое происхожденіе не болѣе, какъ сказка [3]). Въ спорѣ же итальянскихъ городовъ можно безъ большой ошибки признать, что первое мѣсто принадлежитъ городу Капуѣ: еслибъ даже не сохранилось извѣстій двухъ капуанскихъ хронистовъ—Rinaldo и Granata, то дошедшіе до насъ два документа, похвальное слово и письмо, адресованные къ виновнику спора, заставляютъ признать Капуу побѣдительницею въ этомъ спорѣ. «О, какъ многимъ одолженъ вамъ городъ Капуа—пишетъ капуанскій магистратъ Петру Вин.—такъ какъ не городъ и не провинція васъ, но вы покрыли славой и городъ этотъ, и эту провинцію; не Капуа доставила извѣстность Петру, но Петръ Капуѣ. Счастливъ корень, произведшій столь плодотворное дерево; счастлива лоза, породившая такое вино» [4])! Авторъ похвальнаго слова повторяетъ слова капуанскаго магистрата, не преминувъ воспользоваться представлявшейся игрой словъ: «О, счастлива ты лоза, которая поддерживаешь счастливую Капуу изобиліемъ столь сладкихъ плодовъ и распространяешь свой блескъ на

[1]) ***Funk***, G. Kaiser Fr.'s II, S. 104. Afg. 1792.
[2]) ***Giannone***, IV, 110. [3]) Huill. Bréh. p. 2. [4]) P. Vin. Ep., III, XLIII.

всю область: вслѣдствіе постоянности твоего плодородія ты не перестанешь до конца вѣковъ разливать блескъ свой» [1]). Такъ какъ трудно предположить, чтобъ не только современникъ, но и магистратъ города Капуи ошибались, то вопросъ о мѣстѣ рожденія рѣшается въ пользу Капуи [2]).

Какъ о родителяхъ Петра Вин., такъ и объ его родственникахъ вообще, извѣстія наши довольно ограниченны. Его отецъ, Анджело, былъ судьей въ Капуѣ [3]) и для своего времени былъ человѣкъ довольно образованный, такъ какъ мѣсто судьи давалось лишь лицамъ *bonae fidei et opinionis:* самое мѣсто уже ручается, что судейская практика по крайней мѣрѣ не была ему чужда, а одно письмо сына къ отцу свидѣтельствуетъ и объ его свѣдѣніяхъ въ литературѣ. Сохранилось письмо старика Анджело [4]) къ сыну, въ которомъ онъ приписываетъ долгое молчаніе сына занятіямъ, возлагаемымъ на него блестящими побѣдами «божественнаго Цезаря», проситъ сына замолвить словечко предъ императоромъ объ отцѣ и не забываетъ прибавить, какъ бы мимоходомъ, что побѣды, одержанныя императоромъ, доставили ему такую радость, что онъ даже излечился отъ болѣзни, которою страдалъ. Если изъ этого письма можно заключить, что Анджело былъ чиновникъ, то изъ отвѣта сына видно, что это былъ чиновникъ, владѣвшій цицероновскимъ языкомъ. «Если желаете батюшка—отвѣчаетъ Петръ Вин.—получать письма отъ сына, то перестаньте философствовать, оставьте слогъ Туллія и покиньте риторическія фигуры. Сынъ не отвѣчалъ на письма отца, боясь, что слогъ его будетъ недостоинъ отцовскаго краснорѣчія. Часто брался сынъ за перо, чтобъ отвѣчать от[illegible] обращалъ вниманіе на его письмо, боялся пи[illegible] [5]).

[illegible] XLV. [2]) Huill. Bréh., p. 2.

[illegible] 182. *Raumer*, Hohenst., III, 322. *Toppi*, Bibl. napol., p. 250. Ego [illegible] domini imperatoris familiaris, filius quondam judicis Angeli.

[illegible] de Vineis filio. Huill. Bréh., p. 323.

[illegible] de Vineis filius (responsiva). Huill. Bréh., p. 323—324.

Полное имя матери Петра Вин. ни разу не встрѣчается; одна лишь начальная буква М дозволяетъ догадываться, что ее звали или Маріей—имя, наиболѣе употребительное въ то время въ Италіи, или Маргаритой — наиболѣе часто встрѣчающееся въ Германіи. Была ли она итальянка или нѣмка—сказать нельзя; первое, конечно, вѣроятнѣе. Изъ выраженія письма Петра Вин. къ Конраду, что онъ «сынъ рабыни его», нельзя сдѣлать въ этомъ отношеніи никакого заключенія.

Изъ родственниковъ Петра Вин. извѣстны: братъ отца, дядя Ѳаддей, бывшій аббатомъ [1]), братъ Ѳома, сестра, имя которой не встрѣчается ни разу, и два сына брата, племянники Вильгельмъ [2]) и Иванъ [3]).

Если судить о Петрѣ Вин. по его письмамъ, то должно признать, что онъ питалъ самыя нѣжныя чувства къ своей семьѣ, дѣлающія честь какъ его сердцу, такъ и родственникамъ, умѣвшимъ внушить къ себѣ любовь самую нѣжную и сочувствіе самое откровенное. Конечно, Петръ Вин. рѣдко

---

[1]) *Rinaldo*, II, 192. *Raumer*, III, 322.

[2]) P. Vin. Ep. III, XCV. Онъ встрѣчается какъ судья высшаго Императорскаго Суда подъ 1239, 1240, 43 и 46, послѣ чего исчезаетъ. Въ одной итальянской хроникѣ (Historia Montis-Ferrati, auctore Benevenuto de Sancto Georgio, у *Murat*, XXIII, p. 305—762) приведены два акта: первый отъ 1223; между прочими свидѣтелями подписался: dominus Gulielmus de Vineis de Romanisio (p. 381); второй отъ 1239, привилегія, данная Фридрихомъ II графу Бонифацію Монферратскому, въ числѣ свидѣтелей: magister Petrus de Vinea magnae curiae nostrae judex (p. 385). По поводу второго изъ этихъ двухъ актовъ въ хроникѣ сказано: Guglielmo Isimbardo e Maestro Guglielmo de Vineis Giudice della gran Corte imperiale, nunzi dell' imperatore vennero... e presentarono al Bonifacio... un privilegio imperiale etc., p. 383. Huill. Bréh. упоминаетъ о немъ: G. de le Vigne, neveu du célèbre Pierre de la Vigne Introd. CXIII. По поводу приведеннаго выше второго акта изъ итальянской хроники онъ говоритъ: Il ne faut pas le confondre avec un Guillelmus de Vineis de Romanisio qui figure dans un autre acte de 1223. La date de la pièce et le surnom de personnage s'opposent invinciblement à l'identité que M. de Blasiis admet comme certaine. *Huill. Bréh.*, p. 100.

[3]) Histor. diplom. V, 729. Ce même Jean de la Vigne figure avec le titre de doyen de la cathédrale de Capoue dans une charte du mois d'août 1247, citée par *M. de Blasiis. Huill. Bréh.*, p. 102.

былъ искрененъ въ своихъ письмахъ, но въ данномъ случаѣ мы не видимъ причины, почему бы Петръ Вин. могъ относиться къ своимъ родственникамъ иначе, чѣмъ съ симпатическою любовью. Приводимъ письмо къ матери, въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти отца: «Съ сыновнимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я получить изъ родительскаго дома спасительныя и радостныя вѣсти, которыя облегчили бы мою душу, обремененную заботами; я ожидалъ, что кто-либо изъ моихъ земляковъ принесетъ мнѣ съ собою добрую вѣсточку, извѣститъ сына о житьѣ его родителей, порадуетъ мужа извѣстіемъ о здоровьѣ его супруги и дѣтей. Но вопреки ожиданіямъ, до меня дошло лишь извѣстіе о кончинѣ моего отца; мои надежды рушились; извѣстіе это вырвало вопли и рыданія. Горько мнѣ лишиться отца, которому я обязанъ своимъ существованіемъ, но горьче то, что я не могъ присутствовать въ моментъ смерти, назначенный природою, чтобъ присутствіемъ сына облегчить отцу этотъ переходъ Я былъ подпорой отцу въ его старости; мнѣ хотѣлось получить его послѣднее благословеніе и съ благоговѣніемъ возложить на свою голову руку умирающаго отца; мнѣ хотѣлось проводить гробъ отца до могилы и предшествовать матери въ этой печальной церемоніи. Но хотя мнѣ не суждено было присоединить мои рыданія къ воплямъ матери, супруги и дѣтей, я однако же предстательствовалъ предъ Богомъ за душу усопшаго теплыми мольбами, изліянными слезами, взволнованнымъ сердцемъ и раздачею милостыни. Я заливался слезами и много горевалъ, пока старшіе и друзья не напомнили мнѣ, что, согласно законамъ и благодѣяніямъ природы, отецъ мой скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, на рукахъ матери, оставляя двухъ сыновей, видя своихъ дѣтей, окруженный супругою и дѣтьми моими, которые представляли собою меня; что верхъ того онъ оставилъ по себѣ доброе имя и много добкъ дѣлъ, которыя будутъ неизмѣнными спутниками воспоній о немъ; что, наконецъ, онъ былъ избавленъ отъ

страданій какою-либо жестокой и ужасной болѣзнью. Обращаюсь къ твоему материнскому сердцу, полагаюсь на нѣжность моей сестры, что ты, матушка, обратишься мыслями къ твоимъ дѣтямъ, къ твоимъ внукамъ, и, моля Бога о дарованіи имъ жизни и здоровья, утѣшишься о Господѣ. Мы же, братъ, сестра и я, покровительствуемые со смерти отца лишь твоимъ благословеніемъ, утѣшимся твоимъ успокоеніемъ и печаль наша утихнетъ» [1]).

Петръ Вин. ни разу въ своихъ письмахъ не упоминаетъ имени ни своей супруги, ни своихъ дѣтей. По одному изъ писемъ можно заключить, что его супруга была родомъ изъ Беневента, дочь магистра Рофридо [2]). По другому письму можно заключить, что у него не было сыновей или, точнѣе, что у него были дочери [3]); сколько — неизвѣстно. Одна изъ его дочерей достигла взрослыхъ лѣтъ, какъ можно заключить изъ письма одной дамы, сынъ которой былъ сосватанъ съ дочерью Петра Вин. «Знайте, — пишетъ дама, — что Николай, вашъ будущій зять, благодаря Бога, поправился; ненатуральная блѣдность лица исчезла и теперь румянецъ во всю щеку» [4]). Состоялся ли бракъ—неизвѣстно. Судьба супруги Петра Вин. также мало извѣстна, какъ и его дочерей.

Встрѣчаются еще два лица, очевидно изъ этого же рода—Taffurus и Angelus de Vinea [5]), но о нихъ не можемъ даже сказать, кто они были и въ какой степени родства были къ занимаемому насъ лицу.

Peter von Vinea oder Vineis, der 1212 schon Kaiserlicher Notar war, zählte um die Zeit seines Falles gewiss sechzig, говоритъ Раумеръ [6]), полагая, слѣдовательно, что Петръ Вин. родился приблизительно въ 1109 году; на что Бреголль за-

[1]) Petri de Vin. Epp. l. IV, cap. XIII.
[2]) P. Vin. Ep. l. III, c. LXXXI.
[3]) Ibid., l. IV, c. XIV. [4]) Ibid., l. IV, c. X.
[5]) Histor. *diplom. VI, 783; Huill. Bréh.*, p. 103. [6]) Raumer, IV, S. 598.

мѣчаетъ: cette date est probable, mais non certaine, присовокупляя, что точно опредѣлить годъ рожденія Петра Вин. ему не удалось, не смотря на всѣ тщательнѣйшія изысканія [1]).

Годы дѣтства Петра, какъ и годы юности, посвященные на образованіе, не интересовали хронистовъ настолько, чтобы они упомянули о нихъ, и извѣстія, дошедшія до насъ, крайне скудны. Общій смыслъ ихъ тотъ, что эти годы были одними изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ въ жизни Петра Вин., когда недостаточность родителей стала знакомить его впервые съ нуждою. Одинъ изъ хронистовъ говоритъ, что его родители были низкаго происхожденія, принужденные милостынею поддерживать жалкое существованіе свое и своихъ дѣтей [2]). Одинъ изъ итальянскихъ réfugiés временъ Карла Анжуйскаго какъ бы подтверждаетъ приведенное мнѣніе хрониста [3]). Сохранилось письмо Петра Вин. къ его матери, въ которомъ онъ, увѣдомляя ее о своемъ повышеніи по службѣ, называетъ себя «бѣднымъ» и намекаетъ на недостаточность родителей. «Господь воззрѣлъ—говоритъ онъ—на недостаточное положеніе моей матери, своей рабыни, и сестры моей, которыя вели до настоящаго времени жизнь убогую, и пожелалъ чрезъ меня помочь ихъ нуждамъ» [4]). Довѣряться вполнѣ извѣстіямъ позднѣйшихъ хроникъ—опасно; не принимать во вниманіе слогъ Петра Вин., всегда напыщенный и преувеличенный—невозможно; Брегolль справедливо указываетъ на общее стремленіе тѣмъ болѣе унизить первые шаги чело-

---

[1]) *Huill. Bréh.*, p. 3. [2]) Pipin. Bonon. ap. Murat. IX, p. 660.

[3]) Генрихъ изернійскій, бывшій впослѣдствіи секретаремъ чешскаго короля Оттокара, долженъ былъ оставить Неаполитанское королевство вслѣдствіе боязливой подозрительности правительства Карла Анжуйскаго, заподозрившаго его въ сношеніяхъ и въ приверженности къ интересамъ Конрадина, бывшаго внука Фридриха II. Въ письмѣ къ своему другу, въ которомъ Генрихъ проситъ защитить его предъ Карломъ, онъ между прочимъ пишетъ: Si autem ad aetatis modernae tempora nostrae mentis aciem convertemus, inveniemus equidem quod magistrum Petrum de Vineis exilibus parentibus editum *et fama reconditum obscura* etc. *Giannone*, l. s. c., XVI, p. III.

[4]) *Martene*, *Ampl. Coll.*, *II*, n. XXIX, p. 1160.

вѣка, чѣмъ болѣе судьба возвысила его [1]). Принимая все это во вниманіе и не соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ многихъ итальянскихъ ученыхъ [2]), принятымъ также авторомъ «Исторіи Гогенштауфеновъ», будто Петръ Вин. нищенствомъ снискивалъ себѣ пропитаніе будучи въ Болонскомъ университетѣ [3]), мы признаемъ, однако же, что его родители были недостаточнаго состоянія [4]) и какъ бѣдные виноградари, на что, быть можетъ, указываетъ сама фамилія *de Vinea* [5]), не могли прилично содержать сына въ дорогой, въ то время всѣми посѣщаемой, Болоньѣ [6]).

Петръ Вин. получилъ образованіе, вѣроятно, въ Болонскомъ университетѣ и, вѣроятно, не на собственный счетъ, но какъ стипендіатъ болонской общины [7]). Оба эти предположенія основаны на догадкахъ; положительныхъ извѣстій не сохранилось. Въ одномъ изъ парижскихъ архивовъ хранится манускриптъ очень длиннаго письма, писаннаго неизвѣстно когда, кѣмъ и къ кому. Хотя въ этомъ письмѣ ни разу не упоминается ни одно имя, ни одно названіе мѣстности, тѣмъ не менѣе обстоятельства въ немъ излагаемыя навели Бреголля на мысль, что это письмо было писано къ Петру Вин. однимъ изъ апулійскихъ чиновниковъ, другомъ его семьи [8]). Приводимъ изъ него нѣкоторыя мѣста, которыя разъясняютъ сколько-нибудь вопросъ, насъ интересующій. «Мы не должны приписывать—говоритъ неизвѣстный авторъ письма—нашему счастію и не можемъ вмѣнять себѣ въ заслугу, что тотъ,

---

1) *Huill. Brèh.*, p. 3.

2) *Tiraboschi*, IV, p. 16; *Justiniani*, III, p. 259; *Maccinuca*, Esame delle carte e diplomi di S. Stephano in Bosco in Calabria, p. 487.

3) *Raumer*, B. III, S. 322. Это тѣмъ болѣе невѣроятно, что онъ воспитывался въ Болоньѣ на счетъ капуанской или болонской общины.

4) Отецъ его былъ судьею въ Капуѣ, но это нисколько не противорѣчитъ предположенію о недостаточности родителей Петра Вин., такъ какъ Анджело получилъ мѣсто судьи, вѣроятно, уже послѣ возвышенія сына: актъ, подписанный Анджело, судьей, относится къ 1242 году. *Toppi*, p. 250.

5) *Busk*, Mediæval Popes, III, p. 335. 6) *Huill. Brèch.*, p. 5.

7) Ibid. 8) *Ibid.*

кому принадлежитъ управленіе всѣмъ міромъ (императоръ), назначилъ въ число своихъ совѣтниковъ мужа, который судьбою былъ предназначенъ къ славѣ, котораго чужая земля взяла изъ бѣднаго состоянія, чтобы, обучивъ на собственный счетъ, возвратить его родной странѣ и прославиться его славою». Нѣсколько строкъ ниже: «Праведный и многомилостивый Господь вспомнилъ вашихъ родныхъ и въ своей милости хотѣлъ порадовать плодотворнымъ изобиліемъ тѣхъ, которыхъ онъ долго видѣлъ страждущими отъ голода». Затѣмъ авторъ попрекаетъ то лицо, къ которому пишетъ, въ долгомъ молчаніи и прибавляетъ: «Вы однако же скажете въ отвѣтъ на наши упреки: «Вы, родные и ближніе, взводящіе на меня такія обвиненія, хотите оправдать собственное невниманіе моею невинностью: когда я, въ годы моей юности, подобно отверженному и ненавидимому, ушелъ въ далекія страны, лишенный вашихъ средствъ и всякой помощи отца, вы не хотѣли ничего даже знать обо мнѣ; теперь же дерзко и безстыдно обращаетесь ко мнѣ съ язвительными рѣчами, тогда какъ теперь ужъ ваша обязанность явиться ко мнѣ».

Это письмо—если предположеніе о томъ, что оно адресовано къ Петру Вин. справедливо — подтверждаетъ, во-первыхъ, недостаточное состояніе его родителей и, во-вторыхъ, воспитаніе его на чужой счетъ. Это письмо, какъ кажется, можетъ помирить оба мнѣнія: Петръ Вин., оставивъ родной домъ и удалившись въ чужой городъ, нищенствовалъ, пока не сталъ получать приличное содержаніе отъ города, на счетъ котораго онъ воспитывался. Наконецъ, въ-третьихъ, изъ этого письма ясно, что Петръ Вин. получилъ образованіе далеко отъ родного города, въ чужой землѣ. Гдѣ же именно?

Вопросъ, на который можно отвѣчать лишь болѣе или менѣе вѣроятными догадками. Общее мнѣніе то, что Петръ Вин. воспитывался въ Болонскомъ университетѣ. Бонатти (Guidonus Bonatus), философъ или, точнѣе, астрологъ второй *половины XIII столѣтія*, упоминаетъ о Петрѣ Вин. въ такихъ

выраженіяхъ: «Былъ также нѣкто изъ Апуліи, именемъ Петръ Вин., который просилъ милостыню, будучи ученикомъ Болоніи и не имѣя чѣмъ питаться; послѣ же былъ нотаріемъ и протонаріемъ двора императора Фридриха II; затѣмъ изучилъ законы и былъ судьею великаго императорскаго суда» [1]. На основаніи этого извѣстія болонскіе историки (Sarti и Savioli) признаютъ, что Петръ Вин. воспитывался въ Болоньѣ. Въ подтвержденіе же этого мнѣнія они приводятъ два письма Петра Вин., которыя, напротивъ, въ большой мѣрѣ могутъ служить опроверженіемъ ихъ же мнѣнія. Первое письмо [2]) адресовано къ профессорамъ гражданскаго права въ Болоньѣ, по поводу смерти профессора Якова Балдуини [3]); въ немъ нѣтъ ни одного слова о томъ, что Петръ Вин. ученикъ Болоньи; все оно наполнено максимами, не новыми уже и въ XIII столѣтіи, что избѣжать смерти невозможно, и, сообразно обстоятельству, по поводу котораго писано, заканчивается воззваніемъ къ профессорамъ, въ кото-

---

[1]) Guidonis Bonati de Astronomia tractatus, pars 1, Consideratio 141 (Quae dantur hominibus a stellis fixis), p. 210.

[2]) P. Vin. Ep. l. III, c. IX. Нѣкоторые приписываютъ это письмо Петру по Бласкому, между тѣмъ слогъ письма не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи; для знакомыхъ со слогомъ Петра Винейскаго достаточно привести слѣдующее мѣсто, прекрасное по мысли и по слогу: difficilis, violenta et necessaria est: difficilis, quia non est ibi solutio; violenta, quia redistentia nulla; necessaria, quia ex modo necessitatis omnem superat syllogismum, exceptionis non recepit, dilationes aliquas non admittit.

[3]) Jacobus Balduinus, въ началѣ XIII столѣтія, профессоръ правъ въ Болонскомъ университетѣ. Съ 1220 г. онъ пользовался всеобщею извѣстностью въ Верхней Италіи. Attrita est—говоритъ Петръ Вин., всегда преувеличивающій—nimium derepente gloria vultus ejus, de cujus occasu *non solum Lombarsia sole privata suo, verum etiam maxima pars viventium* continuis lachrymis ingemiscit, et doloris gladius multorum animas perforavit. Онъ принималъ участіе въ дѣлахъ своей общины и въ 1229 году былъ даже избранъ Генуезскою республикою въ подесты; онъ не успѣлъ вступить еще въ должность, какъ уже своею суровостью возбудилъ противъ себя неудовольствіе многихъ сильныхъ фамилій и долженъ былъ возвратиться въ Болонью, гдѣ и умеръ 20-го апрѣля 1235 года, какъ то сказано въ некрологѣ монастыря San Salvadore. *Sarti*, De claro Bonon. archigymnas. v. 1, p. 114.

*

ромъ Петръ Вин. призываетъ васъ въ смерти одного изъ своихъ подданныхъ злобнѣе новое доказательство того, что ни изученіе законовъ, ни жалѣя какого-либо другого не даетъ возможности противостоять власти смерти. Второе письмо о адресовано къ ученикамъ и профессорамъ того же универ-ситета по поводу смерти профессора литературы магистра Бене [2]. Письмо это не можетъ служить подтвержденіемъ [illegible] ученыхъ по многимъ причинамъ [3], изъ кото-рыхъ достаточно привести одну: письмо это, по новѣйшимъ изысканіямъ, принадлежитъ не Петру Вин., а Бене, слѣ-довательно и говоритъ ничего. Но если эти два письма не подтверждаютъ вышеприведеннаго мнѣнія Гвидо Бонатти, то противъ этого мнѣнія есть обстоятельство, могущее возбу-дить во многихъ критикѣ серьезное сомнѣніе. Монахъ Пи-пинъ, родомъ изъ Болоньи, писавшій хронику въ началѣ XIV столѣтія (около 1314 г.), посвящаетъ особую главу Петру Вин. и въ ней ни слова не говоритъ о томъ, чтобы Петръ Вин. воспитывался въ Болоньѣ или жилъ бы въ ней когда-либо. Какъ же могло случиться, чтобы въ старыхъ мѣст-ныхъ записяхъ, по которымъ Пипинъ составлялъ свою хро-нику, не осталось никакого упоминанія о пребываніи Петра Вин. въ Болоньѣ, въ то время какъ величіе его славной жизни и не менѣе трагической смерти города Италіи съ такою щепетильною заботливостью отмѣчали въ своихъ хро-никахъ посѣщеніе ихъ Петромъ Вин., видя въ этомъ лишнее доказательство въ пользу своего значенія въ ряду другихъ городовъ?

Но гдѣ бы Петръ Вин. ни получилъ образованіе, въ Бо-лоньѣ или въ какомъ другомъ городѣ, остается несомнѣн-

---

[1]) P. Vin. Ep. l. IV. c. VII. *Aquila*. Vezz. [illegible] de Girol. [illegible] p. 24.

[2]) Maître *Bene* et non pas *Benedict* ou *Bernhard* comme on le lit dans tous autres imprimés ou manuscrits. *Huill. Bréh.*, p. 3.

[3]) Ibid. [4]) Ibid.

нымъ, что, выражаясь словами неизданнаго еще біографа [1]), онъ былъ великій знатокъ какъ гражданскаго, такъ и каноническаго права. Это несомнѣнно, такъ какъ основано не на чужихъ словахъ, но на дѣлахъ самой жизни Петра Винейскаго.

Въ 1221 году [2]), Бернардъ, архіепископъ палермскій, игравшій важную роль при дворѣ императора и до конца своей жизни пользовавшійся его довѣріемъ, представилъ Фридриху II молодого человѣка, давъ о немъ самый лестный отзывъ. Фридрихъ II, задумавшій уже тогда законодательную реформу, съ радостью принялъ молодого человѣка и назначилъ его нотаріемъ императорскаго двора. Неизвѣстно, гдѣ произошло это представленіе, въ Неаполѣ или Капуѣ; но достовѣрно извѣстно, что этотъ молодой человѣкъ былъ Петръ Винейскій.

Многіе признаютъ, не указывая, впрочемъ, основаній къ тому, что Петръ Вин. былъ нотаріемъ съ 1212 года [3]). Трудно предположить, однако, чтобы Петръ Вин. въ 1212 году обладалъ уже достаточными для того свѣдѣніями. Къ тому же, естественный путь изъ нотаріевъ былъ въ судьи императорскаго суда, а первый актъ, въ которомъ онъ является какъ судья, относится къ 1225. Это приговоръ, состоявшійся въ іюлѣ 1225 года, въ которомъ Генрихъ де-Морра, предсѣдатель великаго императорскаго суда, рѣшаетъ, что нѣсколько

---

[1]) *Huill. Bréh.* (p. 10) ручается, что во всей рукописи ниразу не упоминается о Болоньѣ.

[2]) Что это было въ 1221 году—это довольно вѣроятно, но точно опредѣлить невозможно и не представляется необходимости. *Huill. Bréh.*, p. 11.

[3]) Одинъ сицилійскій ученый Rosselli (Miscel. stor. spett. alla Sicilia, см. у *Raumer*, IV, 598) неизвѣстно на какомъ основаніи говоритъ, что Петръ Вин. былъ нотаріемъ императорскаго двора еще въ 1212 г. Авторъ небольшой статьи, помѣщенной во флорентійскомъ Giornale de'letterati, t. I, принимаетъ это же мнѣніе, но Tiraboschi опровергъ текстъ, приводимый въ тѣхъ сочиненіяхъ.

времени ранѣе, когда судъ засѣдалъ въ городѣ Трани, онъ, вмѣстѣ съ двумя судьями того суда, Гвизандомъ де-Рубо и Петромъ Винейскимъ, отложили дѣло за недостаткомъ необходимыхъ свѣдѣній [1]). Вслѣдствіе всего этого намъ кажется болѣе вѣроятнымъ то предположеніе, что Петръ Вин. сталъ нотаріемъ лишь съ 1221 года, чѣмъ то, что онъ оставался нотаріемъ въ теченіе тринадцати лѣтъ, или что всѣ акты суда ранѣе 1225 года, въ которыхъ Петръ Вин. является судьею, утеряны.

Великій императорскій судъ (magna curia imperialis) былъ высшимъ судилищемъ; предсѣдателемъ его былъ *magister justiciarius*, членами—*judices* (giudice della Gran Corte dell' imperadore), судьи, число которыхъ въ первое время было не опредѣлено, но съ 1244 года для законности рѣшенія требовалось не менѣе четырехъ [2]). Должно полагать, что число судей было довольно ограниченно и должность эта была довольно значительная, такъ какъ это судилище, облеченное большою властью, было въ рукахъ Фридриха II самымъ могущественнымъ орудіемъ противъ феодализма.

Съ 1225 года до половины 1230 года — нѣтъ извѣстій. Въ іюнѣ 1230 г. Петръ Вин., вмѣстѣ съ другими лицами, сопровождаетъ гаэтскихъ депутатовъ, которые должны были вести переговоры о подчиненіи Гаэты [3]). Затѣмъ, онъ сопровождаетъ Фридриха II въ городъ *Ceprano* для заключенія мира, а въ августѣ, какъ судья, участвуетъ въ одномъ дѣлѣ [4]).

28-го августа 1230 года, въ С. Германо, была подписана мировая между папой и императоромъ [5]); въ этотъ же день, въ церкви св. Юста, еп. Сабинскій снялъ съ императора и

---

[1]) Hist. diplom., II, 497.

[2]) Histor. diplom., Const. regn. lib. 1, tit. XXXVIII. *Huill. Bréh.*, p. 13.

[3]) *Murat.*, VII, 1019.

[4]) *Milante*, Della citta di Stabia e de'suoi vescovi, I, p. 139 sqq. *Ughelli*, Italia sacra, VI, p. 658.

[5]) *Hist. diplom.* III, 207—220.

съ его сторонниковъ церковное отлученіе [1]), наложенное на него папою [2]).

Папа Григорій IX и императоръ Фридрихъ II помирились. 1-го сентября 1230 года, въ воскресенье, происходило сперва торжественное свиданіе двухъ владыкъ міра, потомъ—дружеская бесѣда за обѣденнымъ столомъ въ Ананьи. Эти свиданія и обѣды продолжались трое сутокъ [3]); на четвертые [4]) императоръ возвратился въ свой лагерь, папа уѣхалъ въ Римъ.

Никто не подслушалъ ихъ бесѣдъ, никто не передалъ ихъ потомству. Но къ намъ дошло извѣстіе о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ примиреніемъ на современниковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, оно было принято съ радостью: «Папскіе прелаты и императорскіе вельможи тѣмъ съ большею радостью приняли вѣсть о примиреніи, что справедливо отчаявались когда-либо увидѣть прекращеніе этого ужаснаго народнаго бѣдствія» [5]). Не менѣе того были довольны сами виновники раздора. Папа, въ письмѣ къ ломбардцамъ [6]), которое пропитано полнымъ довольствомъ къ императору и къ миру съ нимъ заключенному, извѣщалъ ихъ, что Фридрихъ II своимъ «смиреніемъ и подчиненіемъ церкви вполнѣ заслужилъ разрѣшеніе отъ церковнаго отлученія» [7]), и прибавлялъ при этомъ, что въ бесѣдѣ съ императоромъ онъ много и долго говорилъ о ломбардскомъ вопросѣ, что императоръ обѣщалъ

---

[1]) R. S. G. ad a. 1230. *Mat. Paris.*, p. 252.

[2]) Объ этомъ Фридрихъ II писалъ европейскимъ государямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Noveritis igitur quod per illius gratiam qui procellam convertit in auram et dissidentiam mentes in unam consiliat voluntatem, facto publice ac solemniter, sicut a catholico principe fieri debuit, quod forma ecclesiæ requirebat, vigesimo octavo preteriti mensis augusti per venerabiles viros apostolice sedes legatos J. (ohannem) Sabinensem episcopum et magistrum Thomam tituli Sancte Sabine presbyterum cardinalem, presentibus principibus et diversarum gentium multitudine infinita, in generali totius christianitati tripudio fuimus solemniter absoluti. *Hist. diplom.*, III, 227.

[3]) *Mat. Par.* l. c. [4]) *Histor. diplom.*, t. I, pars 2, p. 903.

[5]) *Mat. Par.* l. c. [6]) *Höfler*, 327—328. [7]) Rer. Greg., IX, a. a.

ему ничѣмъ уже не тревожить ломбардцевъ и «поэтому— заключаетъ папа—отнынѣ мы всякую малѣйшую обиду, нанесенную вами императору, будемъ разсматривать, какъ сдѣланную въ личное намъ оскорбленіе» [1]. Почти въ это же время Фридрихъ II, особымъ посланіемъ [2] ко всѣмъ государямъ Европы, извѣщая ихъ о своемъ примиреніи съ папой, между прочимъ писалъ: «Папа принялъ насъ съ сердечнымъ расположеніемъ къ намъ, какъ отецъ; онъ укрѣпилъ нашъ миръ святымъ поцѣлуемъ; онъ такъ благосклонно, такъ дружески высказалъ намъ свои взгляды и намѣренія, не опуская ничего изъ прошлаго, но обсуждая каждый вопросъ отдѣльно, что мы, хотя многое насъ безпокоило, многое приводило въ негодованіе, облегчили нашу душу этою бесѣдою; негодованіе наше утихло, такъ что мы не хотимъ вспоминать прошлыхъ несчастій, чтобъ тѣмъ полнѣе выставить то добро, къ которому они привели».

Примиреніемъ 1230 года начинается новая эпоха въ царствованіи Фридриха II. Путешествіе во Святую землю окончено; спокойствіе въ Ломбардіи; ни откуда не угрожаютъ не только внезапное нападеніе, но даже и непріязненныя дипломатическія отношенія. Императоръ могъ спокойно заняться внутреннимъ устройствомъ своей любимой наслѣдственной земли. Болѣе удобнаго времени ему не представлялось ни въ предъидущія двадцать лѣтъ, ни въ послѣдующія, и Фридрихъ II воспользовался имъ съ честію.

Давно уже Фридрихъ II замѣтилъ безпорядки и неурядицы во внутреннемъ строѣ своего королевства. Не только замѣтилъ, онъ испыталъ на себѣ, во время своего малолѣтства, всю тягость такой безурядицы. Впечатлительный и

[1] Quare non expedit ut exinde ullatenus dubitetis cum nec leviter possetis offendi, quin graviter nos reputaremus offensos. Id.

[2] *Hist. diplom.*, III, 226—228.

нервный мальчикъ не забылъ перенесенныхъ имъ обидъ и насилій, и, ставъ мужемъ, рѣшился искоренить главное зло своего королевства—Фридрихъ II задумалъ создать для него новое законоположеніе. Въ этомъ предстояла настоятельная надобность: всякій въ его королевствѣ простиралъ кругъ своихъ притязаній на сколько могъ и стѣснялъ кругъ остальныхъ на сколько у него было силы. Такое состояніе объясняется историческою жизнью націи, тѣми многоразличными вліяніями, которыя она испытала въ отношеніи къ своимъ политическимъ [1]) учрежденіямъ: никакихъ прочныхъ юридическихъ понятій нація выработать не могла.

Со времени завоеванія южной Италіи римлянами, во всей странѣ распространился римскій кодексъ, если можно такъ выразиться, но не на столько, чтобъ совершенно вытѣснить мѣстное устройство и нѣкоторыя изъ постановленій греческой эпохи. Позже были приняты нѣкоторыя изъ византійскихъ постановленій, пока остготское владычество не внесло совершенной путаницы въ отношеніи къ законоположенію и къ его примѣненію. Затѣмъ, едва только появилось юстиніаново законодательство, какъ страна была завоевана лонгобардами, и съ тѣхъ поръ, страннымъ образомъ, въ странѣ существовали и примѣнялись къ жизни двѣ различныя системы, римская и лонгобардская: слѣдствіе, судъ и приговоръ совершались смотря по рожденію, по племени, къ которому принадлежалъ подсудимый. Арабы, а потомъ норманны внесли еще большее смѣшеніе въ страну и безъ того лишенную прочныхъ основъ въ юридическомъ отношеніи. Слѣдствіемъ такого многоразличнаго вліянія была полнѣйшая неурядица; одного общаго, всѣми признаваемаго законодательства не было; существовалъ рядъ обычаевъ, рядъ положеній изъ разныхъ вѣковъ, изъ разныхъ странъ, занесенныхъ различными народностями. Фридрихъ II рѣшился исправить зло и въ сентябрѣ 1231 года были опу-

[1]) Политическія учрежденія мы разумѣемъ въ смыслѣ, принимаемомъ *Blakey* въ History of *general* Literature, 8.

бликованы знаменитыя такъ называемыя «мельфійскія» постановленія, въ составленіи которыхъ принималъ участіе Петръ Вин.

Едва ли Петру Вин. принадлежитъ редакція мельфійскихъ постановленій. Почти во всѣхъ изданіяхъ и даже въ послѣднемъ сборникѣ этихъ постановленій, послѣ послѣдней статьи третьей книги слѣдуетъ приписка, въ которой, между прочимъ, сказано: «Примите, о народы, эти постановленія... (которыя по нашему приказу составилъ магистръ Петръ Винейскій, капуанецъ, судья нашего великаго суда и нашъ вѣрноподданный)». Вся эта фраза въ скобкахъ крайне подозрительна: ея нѣтъ въ греческомъ переводѣ, сдѣланномъ при Фридрихѣ II же, какъ и въ нѣкоторыхъ латинскихъ текстахъ, съ которыхъ былъ сдѣланъ греческій переводъ; такъ что почти безъ ошибки можно предположить, что фраза, заключенная въ скобки, есть не болѣе, какъ позднѣйшая вставка [1]). Мы имѣемъ еще болѣе сильное доказательство противъ общепринятаго мнѣнія: два письма папы Григорія IX, въ одномъ изъ которыхъ онъ называетъ архіепископа Капуи главнымъ редакторомъ мельфійскихъ постановленій. Первое письмо [2]), отъ 5-го іюля 1231 г., адресовано къ императору Фридриху II: папа пишетъ: «Извѣстились мы, что по собственному ли побужденію или соблазненный дурными совѣтами нечестивцевъ, но ты намѣреваешься издать новыя постановленія изъ которыхъ необходимо послѣдуетъ, что ты будешь названъ гонителемъ церкви и нарушителемъ общественныхъ вольностей». Второе письмо [3]), отъ того же числа, къ архіепископу Капуи; папа запрещаетъ ему редижированіемъ этихъ неправыхъ постановленій высказывать свои познанія. Изъ текста этихъ двухъ писемъ можно заключить, что если Петръ Винейскій, вслѣдствіе своей дружбы съ архіепископомъ Капуи, и принималъ

[1]) La forme *de Vincis* et l'indication du lieu d'origine *Capuanum* nous inspire surtout une grande défiance. *Huill. Bréh.*, p. 16.

[2]) *Hist. diplom.*, III, 298. [3]) Ibid., 290.

участіе въ редакціи мельфійскихъ постановленій, то во всякомъ случаѣ игралъ роль второстепенную [1]). Наконецъ, въ 1231 г. Петръ Вин. не пріобрѣлъ еще такой извѣстности, чтобъ Фридрихъ II могъ бы видѣть въ его имени какъ бы рекомендацію для новыхъ постановленій. Вѣроятнѣе, что позднѣйшая слава Петра Вин. дала поводъ къ тому, чтобъ приписывать этому новому Трибоньяну произведеніе сицилійскаго Юстиніана. Если одинъ изъ современниковъ называетъ его Моисеемъ, то это не болѣе, какъ лесть фавориту императора [2]).

Главное содержаніе и цѣль новыхъ постановленій выражены въ предисловіи, полномъ интереса даже для настоящаго времени. Приводимъ его вкратцѣ:

«Господь Богъ создалъ людей по образу и по подобію своему, добрыми и благими; но люди своими прегрѣшеніями осквернили натуру, данную имъ отъ Бога, и вслѣдствіе этого возникла между людьми ненависть и вражда. Вслѣдствіе такой сущности вещей, равно какъ и по назначенію божескаго Провидѣнія, оказалась потребность въ государяхъ, которые обуздывали бы произволъ, имѣли бы надъ людьми право жизни и смерти и, какъ исполнители воли Провидѣнія, указывали бы всякому его назначеніе, положеніе и состояніе. И государи должны такъ выполнять возложенное на нихъ управленіе, чтобы быть въ состояніи дать отчетъ царю царствующихъ и господу господствующихъ. Это возлагаетъ на нихъ обязанность, во-первыхъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы святая христіанская церковь [3]), мать христіанской религіи, не была бы зама-

---

1) *Huill. Brêh.*, p. 17. 2) *Pet. Vin.* Epp. l. III, cap. XCV.

3) Въ подлинникѣ: Ut sacrosanctam ecclesiam (in caeteris edit. additur *Romanam*) christianæ religionis matrem, detractorum fidei maculari clandestinis perfidiis non permittant. *Hist. diplom.* IV, 5. Въ переводѣ мы опустили опредѣленіе *Romanam* къ слову *ecclesiam*, такъ какъ Фридрихъ II не считалъ святою церковью единственно римскую и «громко объявлялъ, что не считаетъ еретиками греческихъ христіанъ, какъ то дѣлаетъ папа». *Wolff*, Griechische Briefe Friedrichs II, 37; *Raumer*, III, 219. *Romanam*—вѣроятно, позднѣйшая вставка какого-либо паписта.

[redacted]

рана нечестивыми ученіями, и, во-вторыхъ, заботиться о сохраненіи народнаго спокойствія и правосудія, двухъ сестеръ, взаимно другъ друга восполняющихъ. И такъ мы, волею Божіею и вопреки ожиданіямъ людей, облеченные императорскимъ и многихъ королевствъ достоинствами, желая отдать отчетъ объ той двойной обязанности Господу Богу и Іисусу Христу, отъ котораго получили все, что имѣемъ, рѣшились установить законъ и блюсти правосудіе, конечно, прежде всего въ той странѣ, которая въ томъ наиболѣе нуждается. И такъ какъ Сицилійское королевство, драгоцѣннѣйшее наслѣдіе нашего величества, сперва по причинѣ нашего малолѣтства, потомъ по причинѣ нашего отсутствія, было подвержено многимъ неурядицамъ, существующимъ до сихъ поръ, то мы сочли нужнымъ озаботиться о водвореніи въ немъ спокойствія и справедливости. Для этого мы, именемъ нашимъ, постановляемъ настоящія постановленія въ нашемъ королевствѣ и повелѣваемъ всѣмъ считать отнынѣ уничтоженными всѣ прежніе законы и обычаи, противорѣчащіе этимъ нашимъ постановленіямъ».

Такъ понималъ Фридрихъ II или, по крайней мѣрѣ, такъ высказывалъ цѣль своего новаго законоположенія. Фридрихъ II не былъ откровененъ. Одинъ англійскій ученый перевелъ слова Фридриха II на языкъ болѣе прямой и говоритъ, что императоръ преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ три цѣли: во-первыхъ, освободить какъ можно болѣе королевскую власть отъ контроля сильныхъ вассаловъ; во-вторыхъ, защитить низшій классъ населенія отъ угнетенія бароновъ и чиновниковъ, и, въ-третьихъ, установить наиболѣе возможное подчиненіе духовныхъ лицъ коронѣ и свѣтскому суду [1]).

Миръ, заключенный императоромъ съ папою Григоріемъ IX, былъ скоро нарушенъ, какъ то легко было предвидѣть [2]). Не

[1]) *Busk*, III, 337. [2]) *Giannone*, XVII, 153.

прошло и одного года, какъ въ Италіи поднялись новые раздоры, новыя неурядицы, печальные слѣды которыхъ надолго остались памятны не только въ королевствѣ Фридриха II или въ Церковной области, но и въ другихъ государствахъ прекрасной, но неорганизованной въ то время Италіи. Раздоры и распри вновь охватили весь полуостровъ: Венеція вооружилась противъ Генуи, Феррара противъ Венеціи; Флоренція противъ Пизы, Сьенна противъ Флоренціи, Пистойя противъ Ареццо, Лукка противъ Пистойи; Мантуа противъ Кремоны; Болонья противъ Модены; Парма противъ Реджіо; Падуа противъ Вероны. Въ одномъ и томъ же городѣ сильныя фамиліи воевали другъ противъ друга: въ Веронѣ Монтекки противъ Капулетти, въ Болоньѣ Джереміи противъ Ламбертацци, въ Миланѣ Торріани противъ Висконти, въ Римѣ Орсини противъ Колонновъ, во Флоренціи Буондельмонти противъ Амедеевъ. Это были частныя междоусобныя войны [1]) двухъ городовъ, двухъ домовъ, причемъ все населеніе дѣлилось на партіи, которыя грабили, жгли и убивали другъ друга [2]). Въ такія времена—говоритъ одинъ итальянскій историкъ—законъ терялъ свою силу, лице и собственность находились въ опасности; уличныя драки, грабежъ домовъ и лавокъ, повсемѣстное насиліе; и итальянецъ готовъ видѣть чудо въ томъ, что Италія не погибла окончательно въ этихъ междоусобицахъ [3]).

Папы всегда принимали участіе въ этихъ распряхъ. Фридрихъ II зналъ это. Долгій опытъ научилъ его, что римскіе первосвященники всегда старались поддерживать эти городскія распри, возбуждая обѣ партіи гвельфовъ и гиббелиновъ; папы боялись, чтобы императоры, овладѣвъ всей Италіей, не завладѣли бы Римомъ и всейЦ ерковной областью, которую они всегда считали подчиненною имперіи [4]). И Фридрихъ II лучше всѣхъ понималъ непрочность заключеннаго въ С. Германо мира.

[1]) *Ozanam*, VI, p. 346. [2]) *Romanio*, Storia di Venezia, v. II, p. 261.
[3]) *Murat.*, VIII, 128. [4]) *Giannone*, p. 154.

Во время этихъ внутреннихъ неурядицъ въ Италіи. Петръ Вин. впервые принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, именно съ конца 1232 года. Въ октябрѣ онъ въ Римѣ обсуждаетъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Мессины, какія мѣры должны быть приняты противъ римлянъ, возстаніе которыхъ заставило папу удалиться изъ Рима. Петру же Вин. папа поручаетъ свои письма для доставленія ихъ императору, письма, полныя благодарностей и льстивыхъ выраженій [1]. Въ декабрѣ 1232 года онъ участвуетъ въ посольствѣ, которое Фридрихъ II отправилъ къ папѣ съ увѣреніями въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ относительно апостольскаго престола: въ письмѣ [2], которое послы должны были передать папѣ, императоръ говорилъ, что, будучи двумя лицами, папа и императоръ, какъ отецъ и сынъ, составляютъ лишь одно лицо [3]. Это посольство имѣло назначеніемъ оставаться въ Ананьи, чтобы слѣдить за переговорами, которые возникли между императоромъ и ломбардскою лигою [4]. Въ это то время Петръ Вин. принималъ участіе въ рѣшеніи сложнаго вопроса о неудовольствіяхъ, возникшихъ между городами Сьенною и Флоренціею [5]; приговоръ состоялся въ пользу Сьенны: Петръ Вин. участвовалъ въ этомъ дѣлѣ какъ судья великаго императорскаго суда. Въ февралѣ слѣдующаго 1233 года Петръ Вин., вмѣстѣ съ другими послами, былъ въ Римѣ, какъ то ясно изъ письма папы къ императору [6], въ которомъ Григорій IX жалуется, что Фридрихъ II, вопреки обѣщаніямъ, даннымъ его послами, отправился въ Сицилію, вмѣсто того, чтобы идти въ Римъ, къ папѣ, на помощь противъ возставшихъ горожанъ. Петръ Вин. изъ Рима отправился также въ Сицилію, чтобы передать своему императору содержаніе того

[1] *Hist. diplom.*, IV, 402. Что упоминаемый въ письмѣ *dilectus filius P.* есть Петръ Вин., видно изъ отвѣтнаго письма Фридриха II къ папѣ Григорію. Ibid., p. 410.

[2] *Hist. diplom.*, IV, 408–411. [3] Ibid., 410. [4] *Murat.*, VI, 1031.

[5] *Hist. diplom.*, IV, 415–419. [6] Ibid., 423.

соглашенія, которое папа предложилъ для окончанія споровъ между Фридрихомъ II и Ломбардіей [1]). Не смотря на то, что составленный папою компромиссъ, очевидно, былъ направленъ не въ пользу императора, Фридрихъ II принялъ его, въ надеждѣ, что это соглашеніе поведетъ къ заключенію болѣе прочнаго мира.

Во время этихъ переговоровъ съ ломбардскою лигою папа игралъ незавидную и неблагодарную роль: онъ посылалъ своего легата въ Ломбардію, который открыто дѣйствовалъ въ пользу Фридриха II, а въ тайнѣ поддерживалъ раздоръ и возбуждалъ ломбардцевъ не только къ неповиновенію, но даже къ явному нарушенію трактатовъ; когда въ 1233 году онъ явился посредникомъ между Фридрихомъ II и ломбардскими городами, то поступалъ, по словамъ Фридриха II [2]), такъ, что «еслибъ огласить ходъ этихъ переговоровъ о мирѣ, то короли и князья, вспоминая настоящій примѣръ, конечно, никогда уже не подчинились бы добровольно третейскому приговору папы».

Въ слѣдующій за этимъ годъ,—годъ, отмѣченный трагическимъ для Фридриха II событіемъ, когда германскій король возсталъ противъ императора, Генрихъ VII противъ Фридриха II, сынъ противъ отца,—имя Петра Вин. не встрѣчается ни разу. Это тѣмъ болѣе жаль, что по существу своему дѣло это ярко обрисовывало всякаго, принимавшаго въ немъ участіе, опредѣляло характеръ его не только какъ политика, но какъ человѣка. Гораздо позже, когда уже Фридрихъ II осудилъ возмутившагося короля и отецъ оплакалъ смерть сына, придворные, недовольные Петромъ Винейскимъ, нашептывали императору, что его любимецъ возстановляетъ императора противъ вѣрныхъ ему бароновъ «какъ прежде возстановлялъ противъ сына» [3]). Хроника, упоминающая объ этомъ, еще не издана, но передаваемое ею извѣстіе должно

---

[1]) *Hist. diplom.*, IV, 449—451.

[2]) Ibid., IV, 442—4. [3]) *Raumer*, IV, 595.

быть отвергнуто, какъ противорѣчащее всѣмъ изданнымъ документамъ и личному характеру Петра Винейскаго.

Императоръ Фридрихъ вдовецъ во второй разъ. Онъ думаетъ жениться на сестрѣ англійскаго короля Генриха III Изабеллѣ, и въ августѣ 1234 года шлетъ Петра Вин. въ Англію для заключенія предварительныхъ условій брака [1]). Щекотливое это порученіе было выполнено имъ съ такимъ искусствомъ, и Фридрихъ II такъ остался имъ доволенъ, что въ ноябрѣ того же года отправилъ его вторично въ Лондонъ, давъ ему самыя обширныя полномочія: въ случаѣ необходимости Петръ Вин. долженъ былъ занять мѣсто жениха въ церемоніи брака. Это вторичное посольство прибыло въ Лондонъ въ началѣ 1235 года, и 22-го февраля Петръ Вин. помѣнялся обручальными кольцами съ невѣстою Фридриха II въ церкви Вестминстерскаго аббатства. Вотъ какъ объ этомъ записано въ англійской хроникѣ:

«Еще въ февралѣ 1235 года прибыли въ Вестминстеръ императорскіе послы просить руки Изабеллы, сестры короля [2]), для своего императора. Король Англіи, озабоченный такимъ предложеніемъ, въ теченіе трехъ сутокъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ епископами и другими вельможами королевства; они, по внимательномъ обсужденіи дѣла, единогласно положили—выдать дѣвушку за императора; и король отвѣтилъ посламъ, что согласенъ на бракъ. Послы пожелали видѣть дѣвушку и король послалъ довѣренныхъ лицъ за сестрою въ Тоуеръ, гдѣ она жила подъ бдительнымъ присмотромъ. Молодую дѣвушку, двадцати одного года, чрезвычайно красивую, украшенную цвѣтами дѣвственности и, какъ подобаетъ ея сану, облеченную въ великолѣпную одежду, съ знаками королевскаго достоинства, представили посламъ, въ присутствіи короля. Послы, разсмотрѣвъ дѣвушку и найдя ее во всѣхъ

---

[1]) *Hist. diplom., IV, 503—6.* [2]) *Mat. Par.*, p. 283.

отношеніяхъ достойною императорскаго ложа, конфирмовали бракъ, поклявшись душою императора. Когда послы надѣли Изабеллѣ обручальное кольцо, они провозгласили ее императрицей римской имперіи, воскликнувъ: *Vivat Imperatrix, vivat!* Послы чрезъ гонцовъ извѣстили объ этомъ императора, и онъ прислалъ въ Англію архіепископа Кельнскаго и многихъ знатныхъ вельможъ, чтобъ съ почетомъ привезти императрицу на контингентъ и чтобы бракъ, уже начатый и утвержденный, закрѣпить тѣлеснымъ сближеніемъ».

Не будемъ распространяться о значеніи этого брака, которымъ императоръ вступалъ въ родственныя отношенія съ англійскимъ домомъ; замѣтимъ лишь, что онъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по отношенію къ общему направленію политики римскихъ императоровъ германской націи и особенно швабскаго дома, бракъ этотъ противорѣчилъ всему прежнему направленію, такъ какъ до того времени отличительною чертою политики императоровъ былъ союзъ съ Франціею, а Англія имѣла на своей сторонѣ лишь городъ Кельнъ съ его архіепископами [1]; и, во-вторыхъ, по отношенію къ судьбѣ Петра Вин., бракъ этотъ познакомилъ англійскаго короля какъ съ самимъ Петромъ Вин., такъ и съ его вліяніемъ на императора. Генрихъ III старается теперь, при посредствѣ Петра Вин., скрѣпить завязавшіяся дружескія отношенія съ императорскимъ домомъ и не скупится на подарки фавориту императора. Отъ 8-го января 1243 года, изъ Бордо, Генрихъ пишетъ Петру Вин. о войнѣ Англіи съ Франціей и проситъ его ходатайства предъ императоромъ; выраженія письма ясно показываютъ, что англійскому королю хорошо были извѣстны и значеніе Петра Вин. при император-

[1]) Эта кельнская политика, отличная отъ общегерманской, прекрасно охарактеризована нѣмецкимъ ученымъ. *Abel*, 456—7. Императоръ, бракомъ съ Изабеллой вступалъ на путь политики кельнскихъ архіепископовъ именно въ то время, когда Генрихъ VII, воспитанникъ Энгельберта Кельнскаго, былъ арестованъ и ждалъ приговора.

скомъ дворѣ, и значеніе лести на людей вообще [1]). Генрихъ III понималъ, что подобныя просьбы требуютъ подкрѣпленій, и до насъ дошло письмо Петра Вин. къ англійскому королю [2]), въ которомъ онъ, уже владѣтель земель въ Англіи, проситъ Генриха III дать ему права англійскаго гражданина.

Осенью 1220 года миланцы отказались короновать Фридриха желѣзною ломбардскою короною; лѣтомъ 1226 года ломбардцы не пропустили Генриха VII въ Италію, когда тотъ шелъ въ Кремону по приказанію своего отца-императора; зимой 1228 года они не пропустили ни одного изъ германскихъ князей, спѣшившихъ по приглашенію императора на сеймъ въ Равенну; зимой 1234 года ломбардская лига вошла въ сношенія съ германскимъ королемъ, возставшимъ противъ императора; наконецъ теперь, въ 1235 году, когда Фридрихъ II освободилъ взятыхъ имъ въ плѣнъ ломбардскихъ пословъ въ Германіи, что явно указывало на готовность императора примириться съ ломбардскою лигою, миланцы захватили императорскій обозъ, шедшій въ Кремону [3]). Это послѣднее событіе дало поводъ къ переговорамъ, въ которыхъ принималъ участіе Петръ Вин. Осенью 1235 года Петръ Вин. поѣхалъ въ Италію, чтобъ вести эти переговоры и принять подчиненіе города Акры и синьоровъ іерусалимскаго королевства. Переговоры съ ломбардскою лигою шли медленно; ломбардцы, поддерживаемые папской партіей, очевидно, желали лишь выиграть время. Ненависть къ императору достигла въ сѣверной Италіи крайнихъ предѣловъ: маркграфъ Эсте издалъ законъ, въ силу котораго «всякій, кто войдетъ въ какія-либо сношенія съ императоромъ или произнесетъ его имя, подвергается смертной казни» [4]). Фридрихъ понималъ, что его присутствіе въ Италіи необходимо. Въ 1236 году, когда ломбардскій союзъ отвергъ мирныя предложенія папы

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 907. [2]) *Martene*, II, 1164.
[3]) Galvaneus Flamma, c. 267, ap. *Murat*, v. XI. *Raumer*, B. III, S. 397.
[4]) *Ger. Maur. hist. ap. Murat.* v. VIII, p. 43.

Григорія, императоръ объявилъ, что онъ лѣтомъ явится въ Италію, и назначилъ сеймъ въ Пармѣ, на который приглашалъ также представителей всѣхъ ломбардскихъ городовъ [1]), для разсмотрѣнія правъ ломбардскаго союза. Императоръ извѣщалъ папу, что «Италія есть его наслѣдственная земля, какъ то извѣстно всему міру» [2]), и что, какъ христіанинъ, онъ обязанъ стараться уничтожать ереси и расколы, нашедшіе себѣ свободный пріютъ въ сѣверной Италіи, особенно въ Миланѣ.

Петру Вин. было поручено удостовѣриться въ степени преданности императору гибеллиновскихъ городовъ Италіи, и по этому-то поводу, въ мартѣ 1236 г., назначены были конференціи въ Плаценціи. На одной изъ этихъ конференцій Петръ Вин. произнесъ рѣчь къ присутствовавшимъ [3]). Рѣчь эта не сохранилась; извѣстно лишь, что онъ говорилъ на текстъ: *Populus gentium qui ambulabat in tenebris vidit lucem magnam; habitantibus in regione umbrae mortis lux orta est eis* [4]), и закончилъ обращеніемъ къ гибеллинамъ, которыхъ просилъ приготовить ихъ военныя силы и приглашалъ ихъ праздновать Пасху (30-го марта) съ императоромъ [5]). Прибытіе императора замедлилось. Городъ, въ которомъ происходили конференціи, былъ назначенъ мѣстомъ торжественнаго съѣзда къ іюлю 1236 года депутатовъ всѣхъ не подчинившихся городовъ [6]). Но конференціи и въ XIII стол. были не болѣе, какъ конференціями: епископъ палестринскій, кардиналъ Іаковъ, примирилъ вельможъ Плаценціи съ горожанами, и этотъ городъ, въ ко-

---

[1]) Petr. de Vin Epp. l. III, c. I, p. 389. [2]) *Mat. Par.*, p. 296.

[3]) На конференціяхъ присутствовали: графъ Гебгардъ де Арштейнъ, Петръ Вин., Ѳаддей суесскій, Симонъ, графъ чіетійскій, подеста Кремоны, послы городовъ: Кремоны, Павіи, Тортоны, Асти, Вероны, Пармы, Реджіо и Модены; наконецъ, мѣстныя власти города Плаценціи.

[4]) Людіе сѣдящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій, и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ. Матв. гл. IV, с. 16.

[5]) *Huill. Brèh.*, Chronicon Placent., p. 155.

[6]) *Hist. diplom.*, IV, 847—852.

торомъ происходили засѣданія и который былъ назначенъ мѣстомъ съѣзда, по единодушному соглашенію вельможъ и горожанъ, перешелъ окончательно на сторону гвельфовъ. Ломбардскій союзъ получилъ въ немъ сильное подкрѣпленіе: Плаценція была важнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ переходъ черезъ рѣку По.

Въ апрѣлѣ 1237 г. гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена и Петръ Вин. явились снова въ Римъ въ качествѣ императорскихъ пословъ, чтобы переговорить съ папой о ломбардскомъ вопросѣ [1]). Папа Григорій IX, въ письмѣ къ императору, отъ 23-го мая [2]), говоря о прибытіи пословъ, настаиваетъ на необходимости заключить миръ, при посредствѣ двухъ кардиналовъ, отправленныхъ имъ въ Ломбардію. Въ іюнѣ эти кардиналы пріѣхали въ Мантуу, куда прибыли и императорскіе послы: патріархъ Антіохіи, архіепископъ Мессины, Ѳаддей и Петръ Вин. Не считаемъ нужнымъ прибавлять, что эти переговоры не привели ни къ чему. По письму Петра Вин. виновникомъ этихъ неудачъ былъ папа, не желавшій сближенія между императоромъ и ломбардскою лигой. «На письмо твое,—пишетъ Петръ Вин. архіепископу Капуи, который просилъ его дать о себѣ вѣсточку [3]),—которое долго кружило по Германіи, пока не пришло ко мнѣ въ августѣ, уже усталое, отвѣчаю, что тѣломъ здоровъ, но я ужъ усталъ отъ усиленныхъ занятій, такъ какъ суднышко сына твоего обезпокоивается волнами между Сциллой и Харибдой, т.-е. между ухищреніями кардиналовъ и ломбардцевъ» [4]). Трудно, впрочемъ, рѣшить, на кого должно пасть бо́льшее обвиненіе, на папу или на ломбардцевъ: одинъ современникъ [5]), вся хроника котораго составляетъ лишь панегирикъ ломбардцамъ, пишетъ, что «ломбардцы невѣрны и двусмысленны, одно говорятъ, а другое дѣлаютъ, и, подобно угрю, ускользаютъ

---

[1]) Ric. S. Germ. ap. *Murat.* VII, 1039. [2]) *Hist. diplom.*, V, 75—6.
[3]) *P. Vin.* l. 1, c. XXXVII et XXXVII, p. 453—5, 455—8.
[4]) *P. Vin. l. c., p. 458.* [5]) *Raumer*, l. c. VI, 621.

изъ рукъ именно въ то время, когда ихъ казалось бы крѣпче всего держатъ».

Фридрихъ II хотя опоздалъ болѣе чѣмъ на годъ, но сдержалъ свое слово, спустился въ Ломбардію, не смотря на просьбы папы «не вступать въ Италію вражески» [1]). Приходъ его былъ грозенъ и разразился битвой при Кортенуово [2]): 27-го ноября 1237 года миланцы потерпѣли страшное пораженіе; отрядъ, защищавшій карокчіо, не измѣнилъ своей клятвы и палъ весь, до одного [3])—народная святыня досталась въ руки непріятеля. Ужасъ и страхъ распространился по всѣмъ городамъ Италіи [4]). Тотчасъ послѣ битвы Петръ Вин. уѣзжалъ ненадолго въ Кремону [5]) и вскорѣ возвратился въ Лоди, гдѣ велись переговоры съ ломбардцами же,

---

[1]) *Murat.* VIII, 43.

[2]) Битва эта довольно подробно разсказана у *Matth. Paris*, p. 303—304. Извѣстія имъ передаваемыя могутъ быть провѣрены четырьмя письмами, помѣщенными въ сборникѣ Petr. de Vin. Epp., которыя говорятъ объ этой битвѣ; всѣ эти письма помѣщены въ lib. II, Ep. 1, III, XXXV и L. *Murat.* VI, 342.

[3]) Военное знамя, называемое итальянцами *caroccio* (*carochium* у латинскихъ хронистовъ), было впервые изобрѣтено миланскимъ архіепископомъ Арибертомъ въ 1038 году. *Rovelli*, II, 102. Это была огромная колесница; въ нее впрягались четыре быка, въ красныхъ или бѣлыхъ попонахъ; колесница покрывалась сукномъ цвѣта попонъ; въ срединѣ придѣлывалась высокая мачта, на концѣ мачты крестъ, городское знамя, распятіе или что-либо въ этомъ родѣ, чтимое народомъ за святыню. Эту колесницу окружалъ особый почетный отрядъ воиновъ, изъ которыхъ каждый поклялся защищать святыню до послѣдней капли крови, музыканты, для возбужденія воинственной дерзости, и священникъ, для отправленія во время войны божественныхъ службъ. Изъ всѣхъ знаменъ XIII столѣтія миланское карокчіо было великолѣпнѣе другихъ по отдѣлкѣ и сильнѣе по отряду, его защищавшему. Когда Фридрихъ II захватилъ карокчіо, онъ возилъ его съ собою по городамъ Италіи, какъ самую важную побѣдную трофею, и, наконецъ, подарилъ его Риму. *P. Vin.* l. c., ep. III, 261.

[4]) *M. Par.*, p. 347.

[5]) Въ качествѣ судьи великаго суда онъ утверждалъ уступку виноградника близъ Мессины, сдѣланную палермскимъ архіепископомъ въ пользу какого-то Giovanni de Lauria. *Mortilliaro*, Catalog. ragion. dei dipl. dell. cahted. di Palermo. 1, 407. *Huill. Bréh.*, p. 27.

но уже просившими мира. Такъ какъ императоръ не могъ самъ присутствовать, то мирные переговоры велъ Петръ Вин. [1]).

Въ первые мѣсяцы слѣдующаго 1238 года Петръ Вин. сопровождалъ Фридриха II въ Пьемонтъ и вмѣстѣ же съ нимъ возвратился въ Верону, гдѣ Фридрихъ II ждалъ прибытія своего сына Конрада, который долженъ былъ привести съ собою изъ Германіи свѣжія военныя силы. Конрадъ прибылъ въ Верону въ началѣ іюня [2]) и 26-го же числа, близъ монастыря св. Зенона, *Eccelino de Romano* и *Bonacurse de Palude* поклялись ему во всемъ повиноваться приказаніямъ императора. Актъ былъ редижированъ Петромъ Вин. [3]).

Если кортенуовская битва «распространила страхъ и ужасъ по всѣмъ городамъ Италіи», какъ говоритъ Матвѣй Парижскій, то страхъ этотъ скоро прошелъ: въ 1238 же году Фридрихъ II три мѣсяца осаждалъ Бресчію, не могъ взять и долженъ былъ отступить. Эта осада именно тѣмъ замѣчательна, что произвела сильную реакцію въ итальянцахъ: враги императора пріободрились, для друзей онъ сталъ менѣе любезенъ [4]).

Въ концѣ января 1239 года императоръ прибылъ въ Падуу; онъ жилъ въ монастырѣ св. Юстина, гдѣ оставался около двухъ мѣсяцевъ [5]). Аббатъ монастыря, Арнольдъ, оказалъ всевозможное гостепріимство почетному гостю и богато одарилъ какъ его, такъ и его свиту [6]). Пріемъ, оказанный

---

[1]) Chron. de reb. in. Ital. gest, p. 171.

[2]) Ric. S. Germ. *Murat.* v. VII, p. 1039.

[3]) Actum per manum Petri de Vinea. *Hist. diplom.* V, 218. Cet acte solennel fut rédigé en présence de Pierre de la Vigne, qui représentait Frédéric II. *Huill. Bréh.*, p. 28. Что не Петръ Винейскій представлялъ въ этомъ случаѣ императора, а его старшій сынъ, видно уже изъ выраженія *in manibus Conradi.*

[4]) *Matth. Par.*, p. 319.

[5]) Roland, ap. *Murat.* VIII, p. 255. Monachi Patav. chr. ap. *Murat*, v. VIII, p. 678.

[6]) *Roland.* chr., 226. Подробнѣе у Mon. Patav.: Interea dum imperator in praedicto monasterio resideret, memoratus abbas, curialitatis et largitatis amator, *Augustrum donis gratissimis* honoravit. Слѣдуетъ перечень подарковъ и за-

императору городомъ, превзошелъ всѣ его ожиданія. Падуанцы вышли къ нему на встрѣчу, всѣ въ праздничныхъ одеждахъ, и встрѣтили его съ музыкой за городомъ, везя съ собою свое народное знамя—карокчіо. Когда поѣздъ приблизился, изъ толпы вышелъ одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, снялъ съ карокчіо знамя, униженно поднесъ его къ императору и, почтительно передавая его въ руки, сказалъ: «Могущественнѣйшій государь! Падуанская община предлагаетъ тебѣ свое знамя и проситъ принять право и судъ надъ Падуей». Пріемъ этотъ польстилъ императору. Довольный и радостный въѣхалъ онъ въ городъ. Между прочимъ, смотря на собравшуюся толпу, онъ призналъ, что не видалъ такихъ красивыхъ, стройныхъ и милыхъ женщинъ ни въ Европѣ, ни зà-моремъ, ни въ одной части свѣта, и одинъ нѣмецкій ученый [1]) не безъ основанія придаетъ этой похвалѣ нѣкоторое значеніе: похвала изъ устъ такого знатока женской красоты польстила падуанскимъ дамамъ, которыя постарались привлечь на сторону императора своихъ отцовъ, мужей и братьевъ и, вѣроятно, дѣйствовали успѣшнѣе всякой сложной политики.

20-го марта 1239 года, въ вербное воскресенье, падуанскіе жители, по обычаю, собрались за городомъ, въ *Pratum Vallis.* Императоръ почтилъ народное празднество своимъ присутствіемъ. Веселый и ласковый сидѣлъ онъ на приготовленномъ для него мѣстѣ; рядомъ съ нимъ стоялъ Петръ Винейскій. Императоръ приказалъ своему любимцу сказать рѣчь

тѣмъ: His et aliis donis et exeniis tam Augustum quam Curiales frequentissime honoravit, ap. *Murat,* VIII, p. 678. Если Huill. Bréh., слѣдовательно, говоритъ L'abbé Arnoldo lui offrit des présents magnifiques ainsi qu'à l'impératrice Isabelle, et il n'eut garde d'oublier en cette circonstance P. de la Vigne, qui tenait alors le premier rang dans la faveur impérale (p. 28), то это просто недосмотръ, тѣмъ болѣе, что онъ ссылается лишь на двѣ нами вышеприведенныя хроники, въ которыхъ ни слова не сказано спеціально о подаркахъ Петру Вин.

[1]) *Raumer*, III, 426.

въ [illegible] были всегда [illegible], и Петръ Вин. своею умною рѣчью, содѣйствовалъ еще болѣе упроченію единодушія и любви между императоромъ и падуанскимъ народомъ. Праздникъ былъ вполнѣ празднествомъ [1].

Не то происходило въ этотъ самый день въ Римѣ. Папа Григорій IX собралъ своихъ совѣтниковъ-кардиналовъ въ одну изъ залъ Латерана. Засѣданіе было тайное. Что на немъ происходило, о чемъ велись рѣчи — стало извѣстно лишь нѣсколько дней спустя [2]: въ четвергъ на страстной недѣлѣ папа провозгласилъ народу страшную вѣсть — по совѣту своихъ братьевъ кардиналовъ, папа отлучилъ отъ церкви и предалъ проклятію императора Фридриха II.

Нѣсколько дней спустя въ Падуѣ пронесся слухъ по городу объ отлученіи императора. Императору оставалось лишь сожалѣть, что слухъ этотъ слишкомъ вѣренъ. Онъ тотчасъ же созвалъ въ залу падуанской ратуши всѣ власти и вельможъ города, равно какъ и иностранныхъ графовъ и синьоровъ, бывшихъ въ Падуѣ. Императоръ явился со всею бывшею съ нимъ свитою. Засѣданіе было блестяще и торжественно. Петръ Вин. отъ имени императора произнесъ рѣчь [3] къ собранію. Знатокъ церковной и свѣтской литературы, знатокъ классическихъ поэтовъ, Петръ Вин. текстомъ для рѣчи избралъ два стиха изъ Овидія:

Leniter ex merito quidquid patiare ferendum est
Quae venit indigne poena, dolenda venit [4].

Искусно развивая мысль классическаго поэта, ораторъ напомнилъ собранію, что со времени Карла В. ни одинъ импе-

[1]) [illegible] III. [illegible] Въ границахъ подробностей здѣсь, нѣ принадлежатъ автору, что ясно изъ выраженій: probably, apparently и т. п.

[2]) Mon. Patav. ap. Murat. VIII. [illegible]. Въ вербное воскресенье было лишь секретное засѣданіе, а публичное объявленіе отлученія происходило въ четвергъ на страстной. Huill. Bréh., p. 29.

[3]) Huill. Bréh., p. 30.

[4]) Ovid. Heroid. V. 7: Легко переносить страданія заслуженныя, но [illegible] недостойныя огорчаютъ насъ.

раторъ не былъ болѣе добръ и справедливъ, чѣмъ Фридрихъ II; что не глава церкви, а императоръ имѣетъ право жаловаться на поступки съ нимъ папъ; что императоръ, не колеблясь, подчинился бы приговору римскаго епископа, еслибъ этотъ приговоръ былъ справедливъ. Императоръ, прибавилъ Петръ Винейскій, не мало удивленъ, что совѣтники его апостольской святости такъ неосторожно поторопились произнести свой приговоръ и что присудили къ наказанію того, за кѣмъ нѣтъ вины [1]). Рѣчь, сколько можно судить по сохранившемуся отрывку, была крайне умѣренна; обвиненія не отнесены даже къ папѣ, но къ его совѣтникамъ.

Вскорѣ былъ полученъ подлинный текстъ папской буллы. Фридрихъ II, прочитавъ приговоръ, могъ лишь призывать Бога въ судьи между «императоромъ, его воиномъ, и папой, его намѣстникомъ». За буллой шли слѣдомъ неизбѣжныя послѣдствія—измѣна всѣхъ, кому то было выгодно. Именно выгода руководила всѣми; таковъ всегда былъ главный характеръ средневѣковыхъ экскоммуникацій—едва ли они производили иной результатъ, кромѣ деморализаціи народа. Въ маѣ же 1239 г. произошло возмущеніе въ Тревизо, и императорскій воевода [2]) былъ изгнанъ изъ города. Богатый и сильный маркизъ д'Есте удалился въ С. Бонифаціо, и никакія старанія и обѣщанія Петра Вин. не могли его образумить. Императоръ подвергъ имперской опалѣ всю Тревизскую марку. 13-го іюня звонъ церковныхъ колоколовъ и крики герольдовъ призывали всѣхъ на площадь предъ церковью св. Зенона; Петръ Вин., верхомъ на лошади, громкимъ голосомъ прочелъ приговоръ графу Аццо, маркизу д'Есте, Угукчіоне, графу де Виченца, графу Петру де Монтебелло, графу Ричарду де С. Бонифаціо и другимъ менѣе значительнымъ лицамъ, число которыхъ простиралось до сотни. Тутъ же на

---

[1]) *Roland*, p. 226—227.

[2]) Это былъ подеста, но не избранный самими горожанами, а назначенный императоромъ, поэтому онъ воевода.

площади, Эццелино, отъ имени общины, далъ клятву вѣрно исполнять приказанія императора [1]). Эццелино выполнилъ клятву. Императоръ могъ теперь объявить войну ломбардской лигѣ, и Петръ Вин. сопровождалъ Фридриха II въ экспедиціяхъ противъ болонцевъ, пьяченцевъ и миланцевъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ той эпохи—*Regestum imperatoris Friderici Secundi* [2]) — отрывокъ котораго сохранился до настоящаго времени, даетъ возможность слѣдить Петра Вин. почти день за днемъ, по бумагамъ, или имъ составленнымъ, или имъ скрѣпленнымъ. Изъ этихъ бумагъ видно, что Петръ Вин. завѣдывалъ чрезвычайно разнообразными отраслями государственнаго вѣдѣнія: сохраненіе и поправка зàмковъ, продовольствіе войскъ, наказаніе государственныхъ преступниковъ, сборъ податей въ казну, провѣрка отчетовъ смѣненныхъ или по другимъ причинамъ оставляющихъ службу чиновниковъ, духовныя дѣла, управленіе неаполитанскимъ университетомъ. Онъ былъ какъ бы *premier ministre* нашего времени, контрасигнирующій самые разнообразные акты, поэтому-то его подпись встрѣчается чаще всего въ этихъ актахъ; иногда же онъ составлялъ акты по приказанію императора, что выражалось въ такой формѣ: «De mandato imperiali *facto per magistrum Petrum de Vinea* scripsit тотъ или другой нотарій».

Сохранились два акта этого же періода, не вошедшіе въ Regestum: *первый*, отъ декабря 1239 г., Кремона: Петръ Вин. подписался свидѣтелемъ подъ актомъ, въ силу котораго Фридрихъ II объявляетъ графа Прованса подъ имперской опалой [3]), и *второй*, отъ 9-го февраля 1240 г., Фолиньо: Петръ Вин. въ торжественномъ засѣданіи депутатовъ гиббеллиновскихъ городовъ центральной Италіи говоритъ рѣчь, призывая ихъ продолжать быть вѣрными императору [4]).

---

[1]) *Verci*, Eccelini. III, 271.

[2]) Регистръ административныхъ дѣлъ, распоряженій и постановленій Фридриха II напечатанъ у *Carcani*, Constitutiones, in fine.

[3]) *Hist. diplom.*, V, 541—543. [4]) Ibid., V, 743—744.

Въ февралѣ же 1240 г. Петръ Вин. въ Фоггіо, гдѣ Фридрихъ II предсѣдательствуетъ на большомъ съѣздѣ депутатовъ всѣхъ городовъ королевства. 3-го августа того же года Петръ Вин. въ Павіи, гдѣ вмѣстѣ съ Манфредомъ Ланчіа, Яковомъ де Коретто и другими синьорами утверждаетъ дареніе императора маркизу Монферрата [1]).

Осенью 1240 г. Петръ Вин. прибылъ къ императору, который осаждалъ Фаенцу отъ сентября до апрѣля слѣдующаго 1241 г. Одно анонимное письмо къ Петру Вин. [2]) упоминаетъ объ его пребываніи подъ Фаенцой [3]). На это же указываетъ письмо Петра Вин. [4]) къ одному изъ своихъ друзей, вѣроятно, къ патріарху Аквилеи [5]). Послѣ взятія Фаенцы, Петръ Вин. сопровождаетъ императора въ его походѣ по Церковной Области.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ Фридрихомъ II противъ папской буллы, былъ походъ къ Риму. Императоръ покорилъ много городовъ Церковной Области и быстро приближался къ Риму. Граждане Витербо, многихъ другихъ городовъ, наконецъ сами римляне съ радостью посылали своихъ депутатовъ къ императору, какъ своему государю [6]). Казалось, вѣчный, міровой городъ, Римъ готовъ былъ принять императора: Фридрихъ II писалъ римскому народу и сенату родъ воззванія [7]), въ которомъ обѣщалъ «возстановить древнее величіе Рима, воздать честь въ самомъ Римѣ ромуловской крови, распространить славу римскаго нарѣчія и завязать болѣе тѣсный дружественный союзъ между римскою имперіею и гражданами города Рима». Обѣщанія были началомъ дѣла, подкупы довершили его: знатнѣйшія и главнѣйшія аристократическія фамиліи перешли на сторону императора. Григорій IX былъ

[1]) Benev. de S. Georgio hist. M. Ferr. ap. *Murat*, XXIII, p. 385.

[2]) *Huill. Bréh.*, p. 306. Что письмо относится къ этому именно времени есть не болѣе, какъ догадка.

[3]) Ibid., p. 307. [4]) *Martene*, II, n. LX, 1178. [5]) *Huill. Bréh.*, p. 35.

[6]) *Mat. Par.*, p. 351. [7]) P. Vin. Epp. l. III, LXXII, 518—20.

въ затруднительномъ положеніи; онъ видѣлъ, что какъ государь Церковной Области онъ поднялъ споръ неравный, и прибѣгнулъ къ старой, usque ad nostra tempora удающейся уловкѣ: Григорій IX поставилъ въ сторону мечъ государя Церковной Области и надѣлъ тіару папы римской церкви. Въ одинъ прекрасный день Григорій IX вышелъ изъ своего дворца въ полномъ облаченіи; предъ нимъ шли аббаты, епископы, кардиналы; предъ нимъ несли священныя изображенія, кресты, мощи св. ап. Петра и Павла [1]; пѣвчіе изъ всѣхъ церквей пѣли божественные гимны, папа являлся во всемъ своемъ духовномъ величіи. Маневръ удался и на этотъ разъ: процессія, не смотря на всѣ оскорбленія и насмѣшки гибеллиновской партіи, торжественнымъ шагомъ прошла по главнымъ улицамъ Рима въ Латеранъ, папа сказалъ рѣчь, прослезился,— и всѣ присутствующіе приняли крестъ противъ императора [2]. Фридрихъ II отступилъ.

Раздоры между императоромъ и папой продолжаются. Въ Европѣ татары. Пора забыть внутреннія распри предъ общею опасностью. Папа готовъ примириться съ императоромъ; объ этомъ упоминаетъ Петръ Вин. въ письмѣ къ одному изъ своихъ близкихъ [3]. Фридрихъ II опять придвинулся своимъ лагеремъ ближе къ Риму—вѣроятно, для большаго удобства вести переговоры о мирѣ. Среди этихъ переговоровъ умеръ Григорій IX. Долго кардиналы обсуждали, кого избрать и не могли согласиться; они рѣшились просить императора освободить на время выборовъ двухъ своихъ братьевъ кардиналовъ, бывшихъ въ плѣну у Фридриха II. По этому поводу одинъ кардиналъ, имя котораго неизвѣстно, пишетъ письмо Петру Вин. [4], какъ лицу вліятельному при дворѣ императора, и проситъ его ходатайства предъ Фридрихомъ II о смягченіи участи плѣнныхъ. Вскорѣ, по просьбѣ кардиналовъ, плѣнные—кардиналы церкви св. Николая и еп. Палестины—

[1] *Giann.*, 169. [2] Ibid. [3] *Hist. diplom.*, V, 1157—8.
[4] *Hist. diplom.*, VI, 61—3.

были освобождены на извѣстныхъ условіяхъ [1]. 2-го ноября 1241 года былъ избранъ въ папы Целестинъ IV [2]. Черезъ семнадцать дней онъ умеръ [3]. Кардиналы разбѣжались во всѣ стороны [4], и лишь въ іюнѣ 1243 г. Иннокентій IV занялъ папскій престолъ.

Въ началѣ 1243 года Петръ Вин. при дворѣ Фридриха II, въ Апуліи, какъ то видно изъ двухъ актовъ: первый отъ января, Пречино: привилегія въ пользу валвассаловъ гарфаганскихъ [5]; второй отъ февраля, Фоггія — привилегія въ пользу патріарха Аквилеи. Затѣмъ въ апрѣлѣ мы встрѣчаемъ Петра Вин. въ Капуѣ. Весною того же года онъ сопровождалъ императора въ его вторичномъ походѣ къ Риму, какъ на то указываетъ одинъ актъ отъ іюня 1243 г., въ которомъ онъ подписался свидѣтелемъ [6].

25-го іюня 1243 года кардиналъ Синибальдъ Фіеско былъ избранъ въ папы подъ именемъ Иннокентія IV. По полученіи объ этомъ извѣстія, императоръ послалъ пословъ въ Ананьи поздравить новаго папу; въ числѣ пословъ былъ Петръ Вин. Начавшіеся переговоры о мирѣ не привели ни къ чему; возстаніе въ Витербо пріостановило ихъ окончательно. Въ это время Петръ Вин. ѣздилъ въ Ломбардію съ дипломатическимъ порученіемъ [7].

Весною 1244 года, по предложенію графа тулузскаго и императора константинопольскаго, были вновь возобновлены переговоры о мирѣ; 31-го марта, Петръ Вин., вмѣстѣ съ другими императорскими послами, подписываетъ предварительныя условія мира [8]; папа переодѣвается и ночью, безъ свиты, бѣжитъ изъ Рима въ Ліонъ.

---

[1] *Mat. Par.*, p. 389. [2] *Giannone*, XVII, 175 [3] *Mat. Par.*, 391.

[4] *Giann.*, Ric. S. Germ. ad a. 1241; *Raynald.*, ad. a. 1252. Salisburg. chr. ap. *Pezii*, I, ad. a. 1242; *Raumer*, IV, 31.

[5] *Hist. diplom.*, VI, p. 73. [6] *Hist. diplom.* V, 88—9.

[7] Pet. Vin. Epp., l. III, cap. VII. *Huill. Bréh.*, p. 39.

[8] *Histor. diplom.*, VI, 175.

Ліонскій соборъ 1245 года далъ поводъ многимъ ученымъ обвинять Петра Вин. въ измѣнѣ императору. Простое изложеніе фактовъ указываетъ, что это обвиненіе не имѣетъ никакого основанія. Когда императоръ получилъ приглашеніе явиться на соборъ для отвѣта, онъ послалъ въ Ліонъ Ѳаддея Суесскаго, какъ своего прокуратора, а Петръ Вин. оставался при немъ. Въ посылкѣ Ѳаддея Суесскаго или, точнѣе, въ непосылкѣ Петра Вин. нельзя видѣть нерасположенія къ нему Фридриха II, но скорѣе желаніе императора имѣть при себѣ болѣе надежнаго совѣтника.

Въ концѣ 1244 года Петръ Вин. ѣздилъ въ Парму съ труднымъ порученіемъ удержать въ повиновеніи императору городъ, въ которомъ было такъ много приверженцевъ папы, его родственниковъ и друзей [1]).

Фридрихъ II живетъ въ Аквапенденте, Петръ Вин. опять при немъ. Одна итальянская хроника [2]) разсказываетъ, что въ это время Петръ Вин. участвовалъ въ похищеніи молодого монаха, имя котораго стало позже извѣстнымъ всему міру и твореніямъ котораго мы удивляемся до настоящаго времени: этотъ молодой монахъ былъ Ѳома Аквинатъ [3]). Ѳома принялъ монашескій обѣтъ вопреки волѣ родителей, и одинъ изъ начальниковъ доминиканскаго ордена провожалъ его изъ Неаполя въ Римъ, чрезъ Аквапенденте. Братъ новопостриженнаго, Райнольдъ (dominus Reginaldus), съ дозволенія императора и при участіи Петра Вин., схватилъ Ѳому и отвезъ его въ замокъ С. Джіованни, принадлежавшій его роду и лежавшій на границѣ Церковной Области. Ѳома изъ замка бѣжалъ. Разсказъ этотъ довольно вѣроятенъ, хотя согласіе, данное импе-

---

1) *Collenuccio*, Frider. II vita, 73.

2) *Murat.* XI, cap. XX, p. 1151.

3) Ѳома Аквинатъ родился въ 1227 году и вступилъ въ доминиканскій орденъ шестнадцати лѣтъ; слѣдовательно, 1244 годъ, время пребыванія Фридриха II въ Аквапенденте, вполнѣ согласуется со временемъ посвященія Ѳомы въ монахи.

раторомъ, равно какъ и участіе во всемъ этомъ Петра Вин., весьма подозрительно [1]).

Фридрихъ II естественно былъ раздраженъ бѣгствомъ папы; онъ не упустилъ случая излить свой гнѣвъ какъ на земли Церковной Области, такъ и на сторонниковъ папы. Петръ Вин. сопровождалъ всюду императора, и одинъ изъ неумѣренныхъ противниковъ императора говоритъ, что Фридрихъ II приказалъ Петру Вин. и Виталису аверзскому, этимъ «двумъ вазамъ, клокочущимъ беззаконіемъ», отправить болѣе сотни лицъ знатныхъ фамилій узниками въ Апулію, множество же красивѣйшихъ женщинъ выдать сарацинамъ, конечно, не для поклоненія ихъ красотѣ, и имѣнія ихъ конфисковать [2]).

Въ мартѣ 1245 г. Петръ Вин. находился при Фридрихѣ II, въ Фоггіа, и принималъ участіе какъ въ переговорахъ императора съ патріархомъ Аквилеи и Антіохіи о мирѣ съ папою, такъ и въ соглашеніи съ австрійскимъ домомъ по поводу брака императора на внучкѣ австрійскаго герцога. Въ іюнѣ 1245 года былъ съѣздъ въ Веронѣ, на которомъ Петръ Вин., вѣроятно, не присутствовалъ, такъ какъ о томъ не осталось слѣдовъ ни въ актахъ, ни въ хроникахъ. Точныя извѣстія остались лишь касательно того, что Петръ Вин. не присутствовалъ на Ліонскомъ соборѣ [3]).

Прокураторомъ императора на Ліонскомъ соборѣ 1245 г. былъ Ѳома Суесскій. На второмъ засѣданіи онъ получилъ отсрочку около двухъ недѣль [4]), чтобъ передать императору ходъ дѣлъ и получить отъ него болѣе обширныя полномочія. Узнавъ объ этомъ, императоръ послалъ на соборъ трехъ лицъ — епископа фрейзингенскаго, гроссмейстера нѣмецкаго ордена и Петра Вин. [5]), но прежде еще, чѣмъ это новое посольство успѣло прибыть въ Ліонъ, истекъ срокъ, данный па-

---

1) Thomas de Cantimpratensis. De propr. opum vel de mirac. Eccles. cap. XX, n. 10, p. 17.

2) *Alb. Beham.* Biblioth. des liter. Vereins in Sruttgart, XVI, 67.

3) *Bower*, Popes, II, 562. 4) *Murat.*, VIII, p. 612. *Mat. Par.*, p. 449.

5) *P. Vin.* 1. I, c. III, p. 103. *Mat. Par.*, 472.

іюня, а 17-го іюля происходило третье засѣданіе собора. Это третье засѣданіе было и послѣднимъ: Фридрихъ II былъ отлученъ отъ церкви, низложенъ съ императорскаго трона и лишенъ всѣхъ почестей и достоинствъ. Очень вѣроятно, что это важное посольство, въ которомъ участвовалъ и Петръ [illegible], встрѣтило на пути своемъ [illegible] Суесскаго съ бывшими съ нимъ людьми, который возвращался съ собора, и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Туринъ, гдѣ находился въ то время императоръ *). Въ чемъ же можно находить здѣсь обвиненіе противъ Петра [illegible]. Самъ Фридрихъ II не только не заподозрѣвалъ его въ чемъ [illegible], но продолжалъ по прежнему съ полнымъ довѣріемъ давать ему порученія самаго серьезнаго характера.

Съ 1249 года [illegible] Фридриха II [illegible] въ [illegible] отношенія съ папой [illegible] Иннокентій IV предоставилъ [illegible] [illegible] въ [illegible] явились [illegible] въ Неаполѣ, [illegible] должны были быть [illegible]. Ихъ [illegible] императора. Послы Генуэзской республики, возвратившіеся съ Ліонскаго собора, были [illegible] Фридрихъ II [illegible] на [illegible] и далъ имъ аудіенцію, [illegible].

[illegible]

Императоръ [illegible]

Вслѣдъ за этой аудіенціей послы Генуэзской республики отправились къ Петру [illegible] [illegible] трактата [illegible], который они должны были представить на разсмотрѣніе [illegible] и въ случаѣ одобренія [illegible] Генуэзской республики.

---

*) [illegible]

Фридрихъ II хорошо понималъ значеніе приговора Ліонскаго собора. Стараясь смягчить его суровость и даже примириться съ папой на условіи довольно серьезныхъ уступокъ, онъ желалъ заинтересовать въ свою пользу французскаго короля Лудовика IX, пользовавшагося въ то время большимъ моральнымъ вліяніемъ на дѣла континентальной Европы. Это крайне трудное порученіе императоръ возложилъ на Петра Вин. и Вильгейма Окрскаго [1]). Въ октябрѣ 1245 года, послы прибыли къ французскому двору, снабженные письмомъ императора [2]), въ которомъ Фридрихъ II объявлялъ французскимъ синьорамъ тѣ уступки, которыя онъ предлагалъ, какъ средство примиренія съ папой [3]). Въ современныхъ хроникахъ не сохранились извѣстія о пребываніи Петра Вин. во Франціи [4]); но, вѣроятно, свиданіе Лудовика IX съ Иннокентіемъ VI въ Клюни [5]), происшедшее въ ноябрѣ того же года, было результатомъ поѣздки Петра Вин. къ французскому двору. Французскій король передалъ папѣ предложенія императора, настаивалъ на необходимости мира какъ для христіанства вообще, такъ и для болѣе успѣшнаго хода крестоваго похода, на который онъ уже рѣшился,—папа оставался непреклоненъ, даже болѣе: папа счелъ нужнымъ вторично отлучить отъ церкви и предать проклятію Фридриха II. Собственно говоря, это уже не имѣло смысла, такъ какъ со времени Ліонскаго собора папа не снималъ отлученія съ императора. Фридрихъ II сказалъ объ этомъ вторичномъ отлученіи: «Такъ только жиды кололи пикой Христа, распятаго и уже умершаго» [6]).

---

1) *Hist. diplom.*, IV, 350. 2) *Hist. diplom.*, VI, p. 349—352.

3) Крестовый походъ въ Сирію, лично или сына Конрада, одинъ или вмѣстѣ съ Лудовикомъ IX, и завоеваніе всей области Іерусалимскаго королевства.

4) *Huill. Bréh.*, p. 43. 5) *Mat. Par.*, p. 683. 6) *Mat. Par.*, l. c.

1246 годъ. Ни въ актахъ, ни въ письмахъ, ни въ хроникахъ не встрѣчается имя Петра Вин.; это тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что годъ этотъ былъ критическимъ годомъ для Фридриха II. Въ Неаполѣ открытъ заговоръ [1]) апулійскихъ вельможъ [2]); въ Германіи, стараніями папы, духовные князья избрали въ короли Генриха Распе, тюрингскаго ландграфа [3]). Въ началѣ 1247 года, когда умеръ Генрихъ IV Распе, Фридрихъ II отправился въ Ліонъ, чтобы лично защитить и объяснить свое политическое поведеніе. Съ малымъ числомъ войска отправился онъ на сѣверъ Италіи. Петръ Вин. сопровождалъ императора до Турина, откуда Фридрихъ II тотчасъ же вернулся, такъ какъ въ Пармѣ вспыхнуло возстаніе.

Осада Пармы замѣчательна. Императоръ обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ; осада длилась уже около полугода: вокругъ Пармы былъ выстроенъ на̀-скоро новый городъ — *Vittorio* [4]). Главный надзоръ за осадой былъ порученъ Ѳаддею Суесскому. Въ половинѣ февраля 1248 года, Фридрихъ II съ огромною свитою уѣхалъ за нѣсколько миль [5]) отъ города на соколиную охоту, которую страстно любилъ, и въ свое время былъ однимъ изъ первыхъ знатоковъ этого дѣла [6]). Среди этой царской забавы, въ лѣсу, онъ замѣтилъ столбъ дыма и огня надъ своимъ вновь выстроеннымъ городомъ,—

---

[1]) Petr. Vin. Epp., l. II. c. X, p. 278 — 280; L. II, c. XX, p. 291 — 295; *Mat. Par.*, p. 478.

[2]) P. Vin. Ep. l. s. c. p. 273 et 292.

[3]) *Бильбасовъ*, Поповскій король Генрихъ Распе. Кіевъ, 1868.

[4]) *Mat. Par.*, 499. [5]) Ric. Com. S. Bonif. vita ap. *Murat.*, VIII. 132.

[6]) Фридрихъ II въ своемъ *De arte venandi* по преимуществу говоритъ о соколахъ. Манфредъ сдѣлалъ къ книгѣ нѣкоторыя добавленія. Альбертъ Великій въ своей *De falconibus, asturibus et accipitribus* копируетъ сочиненіе императора. Замѣчательно, что лучшіе кречеты получались изъ Норвегіи и Россіи. Соколиная охота была сильно развита въ XIII столѣтіи. Про одного графа говорили, что «онъ звукъ охотничьяго рода ставитъ выше колокольнаго звона, лай гончей собаки ему пріятнѣе звука каплана; онъ пристальнѣе слѣдитъ за полетомъ сокола въ воздухѣ, чѣмъ за проповѣдью священника въ церкви». *Hurter*, Innocenz. III, IV. 493.

это пармцы «какъ мыши выползли изъ своихъ норокъ [1]), и разбивъ императорское войско, безпечно праздновавшее какой-то мѣстный праздникъ, жгли побѣдный городъ». Когда Фридрихъ II прибылъ на мѣсто сраженія, все уже было кончено: городъ, весь состоявшій изъ палатокъ и балагановъ, выжженъ; войско отступаетъ въ безпорядкѣ; императорскія сокровища въ рукахъ побѣдителей. Не жалѣлъ императоръ сокровищъ, не жалѣлъ сгорѣвшаго города; его сразила болѣе тяжелая потеря: его вѣрный слуга, его славный адвокатъ на ліонскомъ соборѣ, его другъ—Ѳаддей Суесскій былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Пармцы были безжалостны къ виновнику, какъ казалось, строгихъ мѣръ императора противъ ихъ города [2]): «зная краснорѣчіе Ѳаддея Суесскаго, они не хотѣли слушать его, боясь, что истекающій кровью Ѳаддей найдетъ въ себѣ довольно силы, чтобъ убѣдить ихъ въ своей невинности» [3]), и изрубили какъ его, такъ и другихъ приближенныхъ къ императору лицъ. Когда же Фридрихъ II узналъ къ тому же радость папы, онъ рѣшился отомстить побѣдителямъ и папѣ, и онъ отомстилъ: пять дней спустя послѣ витторійскаго пораженія, сынъ Фридриха II разбилъ на-голову пармцевъ и ихъ союзниковъ мантуанцевъ [4]). Сраженіе произошло на рѣкѣ По [5]): до ста судовъ было потоплено, до трехсотъ взято въ плѣнъ.

Покидая свое королевство для похода въ Ломбардію и желая устроить его администрацію на болѣе прочныхъ началахъ, Фридрихъ II возвелъ Петра Вин. въ высшіе служебные чины: съ этихъ поръ Петръ Вин. встрѣчается въ актахъ съ титуломъ *протонотарія* императорскаго двора и *логоѳета* королевства Сициліи [6]). Обѣ эти должности чрезвычайно важны. Протонотарій однимъ оффиціальнымъ своимъ положе-

[1]) *Mat. l'ar.*, p. 409. [2]) Ibid., p. 495. [3]) Ibid., p. 499.
[4]) P Vin. Ep. l. II, c. XLI, p. 343; Ræf. ad Pet. Vin. Epp., p. 70.
[5]) P. Vin. Ep. l. II, c. XLI.; *Pet. Vin.* Ep. l. II, c. XLII, p. 344—346.
[6]) *Hist. diplom.*, VI, 940.

ніемъ былъ уже приближеннѣйшею особою къ личности императора, такъ какъ онъ, въ качествѣ *перваго изъ нотаріевъ*, слѣдилъ за изготовленіемъ и отправкой всѣхъ государственныхъ актовъ. Должность эта прежде, какъ и во все время царствованія Фридриха II, поручалась духовнымъ князьямъ Германіи [1]); теперь же, въ 1247 году, императоръ, давно уже не посѣщавшій Германіи, которая все болѣе и болѣе отдѣлялась отъ него, и потерявшій, вслѣдствіе возведенія Генриха Распе въ короли Германіи, всякое довѣріе къ духовнымъ германскимъ князьямъ, Фридрихъ II возвелъ въ достоинство протонотарія человѣка свѣтскаго и, что еще важнѣе, итальянца родомъ. Титулъ логофета былъ заимствованъ отъ византійскихъ грековъ; это былъ чиновникъ, редижировавшій законы, эдикты, уступки феодовъ, пожалованіе привилегій и рескриптовъ; логоѳетъ исполнялъ все это отъ имени императора [2]). По мнѣнію Дюканжа, титулъ логоѳета въ іерархическомъ отношеніи былъ выше титула канцлера (cancellarius), хотя въ бюрократическомъ отношеніи второй былъ вполнѣ независимъ отъ перваго [3]). Должность логоѳета Сициліи была тѣмъ особенно важна, что логоѳетъ вѣдалъ многія церковныя дѣла [4]). Кромѣ логоѳета, существовала еще должность протонотарія Сициліи; указать ихъ отличіе и особыя функціи каждой—невозможно [5]); извѣстно только, что Петръ

[1]) Съ 1212 по 1217 г.—Бертольдъ нейфенскій, викарный епископъ Трента избранный въ 1217 г. въ бриксенскіе епископы. Съ 1217 по 1233 г.—Генрихъ танскій (Tanne, Tanegg), избранный въ 1233 г. въ констанцкіе епископы. Въ 1234 г.—Тегенгардтъ, викарный епископъ Магдебурга. Въ декабрѣ 1241 г.—Генрихъ, избранный въ слѣдующемъ году въ бамбергскіе епископы. Это была должность *имперская* (imperialis aulæ protonotarius).

[2]) Const. regni Sic. lib. I. tit. XXXIX, § 2. [3]) *Huill. Bréh.*, p. 50.

[4]) Именно: распоряженіе о наслѣдованіи женатыхъ священниковъ (concubinarii), назначеніе суммы, которую дѣти этихъ священниковъ, считавшіяся незаконными, должны были уплатить, чтобъ получить право наслѣдованія, и, наконецъ, внесеніе въ фискальные регистры количества этого ценза (обыкновенно 1/20 дохода). Const, reg. Sic. lib. III, tit. XXVIII.

[5]) *Huill. Bréh.*, p. 52.

Вин. соединилъ въ своемъ лицѣ обѣ должности. Если вспомнить при этомъ, что Петръ Вин. былъ также протонотаріемъ имперіи, то трудно сомнѣваться въ расположенности къ нему монарха, который облекъ его всѣми высшими должностями и титулами какъ имперіи, такъ и королевства.

Объ этой расположенности Фридриха II къ Петру Вин. свидѣтельствуетъ не только служебное мѣсто, которое онъ занималъ, не только участіе въ политическихъ и семейныхъ дѣлахъ императора, но и частная переписка того времени; на это ясно указываютъ памятники того времени.

Одинъ капуанскій зàмокъ, построенный по плану, начерченному самимъ Фридрихомъ II, украшенный статуями и барельефами, обратилъ на себя вниманіе одного изъ свиты Карла Анжуйскаго, и онъ, въ своемъ разсказѣ объ экспедиціи французскихъ рыцарей, передаетъ, что видѣлъ въ этомъ зàмкѣ, между прочимъ, три статуи. Фридрихъ II былъ представленъ во весь ростъ; правая рука распростерта; полуоткрытый ротъ, казалось, произносилъ двустишіе, способное внушить страхъ всѣмъ проходящимъ; оно вырѣзано на пьедесталѣ:

Cæsaris imperio regni concordia fio.
Quam miseros facio quos variare scio!

По правую руку отъ императора — статуя Петра Вин. съ прекраснымъ стихомъ:

Intrent securi qui quærunt vivere puri.

По лѣвую — Ѳаддея Суесскаго со стихомъ:

Infidus excludi timeat vel carcere trudi.

Въ Неаполѣ, во дворцѣ императора была картина: императоръ на тронѣ, Петръ Вин. на трибунѣ; передъ императоромъ народъ палъ ницъ, прося разсудить ихъ споры и жалобы, какъ то ясно изъ подписи:

Cæsar amor legum, Frederice, piissime regum,
Causarum telas nostrasque resolve querelas,

на это императоръ отвѣчалъ:

Pro vestra lite censorem juris adite:
Hic est; jura dabit vel per me danda rogabit.
Vinea cognomen, Petrus judex sibi nomen,

и въ то же время указывалъ на Петра Вин.; взоры всѣхъ просителей обращены къ фавориту императора.

Бонати записалъ о Петрѣ Вин.: «императоръ утверждалъ все, что дѣлалъ Петръ, но Петръ часто отмѣнялъ и ослаблялъ то, что дѣлалъ императоръ. Счастливъ тотъ, кто могъ получить хотя кроху отъ его милости» [1]). Николай де Рокка говоритъ въ похвальномъ словѣ о Петрѣ Вин.: «это второй Іосифъ, которому, какъ вѣрному истолкователю своей воли, великій цезарь, могуществу котораго дивится солнце и луна, вручилъ бразды правленія земнымъ шаромъ [2]). Онъ, какъ ключарь имперіи, что отопретъ, никто не запретъ, и что запретъ, никто не отопретъ. Подобно сладкозвучному инструменту, его голосъ, столь сладкій, какъ медъ, проводитъ во всѣ сердца увлекательныя прелести его краснорѣчія. Божественно воодушевленный онъ раскрываетъ какъ скрытое подъ покровомъ солнца, такъ и тайны книги за семью печатями» [3]). Трудно ожидать большей лести; невозможно провести сравненіе далѣе уподобленія мистическому агнцу въ Апокалипсисѣ. По собственнымъ словамъ Петра Вин., сказаннымъ уже за гробомъ величайшему поэту не только среднихъ вѣковъ, — поэту, который одинъ изъ всѣхъ поэтовъ міра владѣлъ тайной вести бесѣду съ отжившими, онъ «владѣлъ двумя ключами отъ сердца Фридриха II, такъ что могъ запирать и отпирать его по своей волѣ» [4]).

Кого любитъ и жалуетъ императоръ, того порочитъ и ненавидитъ папа—это естественно. Папа же Иннокентій IV,

---

[1]) *Bonati*, p. 210.

[2]) Намекъ на motto императорской печати: Roma caput mundi regit orbis frena rotundi.

[3]) Pet. Vin. Ep. 1. III, cap. XLV. [4]) *Dante*, Infer., XIII, 58—61.

погубившій весь родъ Гогенштауфеновъ, боится Петра Вин., сознается публично, что «ему нельзя противодѣйствовать, не подвергая себя большой опасности».

Съ марта 1248 г. Петръ Вин., въ качествѣ имперскаго протонотарія и сицилійскаго логоѳета контрасигнировалъ, если можно употребить это слово, всѣ акты Фридриха II, съ которымъ онъ провелъ зиму въ Піемонтѣ. Въ январѣ 1249 г. онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ императоромъ въ Павію и подписалъ привилегію павійскимъ рыболовамъ ловить рыбу въ рѣкахъ Пичино, По и во всѣхъ вообще водахъ Ломбардіи [1]). Это послѣдній актъ, утвержденный Петромъ Вин.: мѣсяцъ спустя акты подписывалъ уже одинъ изъ нотаріевъ двора [2]). Внезапно и навсегда исчезаетъ Петръ Вин. съ политической сцены. Ненависть заступила мѣсто прежней любви къ Петру Вин. въ сердцѣ Фридриха II; онъ не былъ уже близкимъ другомъ [3]), онъ сталъ преступникомъ, который былъ въ состояніи возбудить въ императорѣ чувство мести, чувство во всякомъ случаѣ позорное. Чѣмъ же провинился протонотарій предъ императоромъ, Петръ Вин. предъ Фридрихомъ II? Всѣ извѣстія единогласно свидѣтельствуютъ, что Петръ Вин., обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ ввергнутъ въ темницу и лишенъ зрѣнія; но нѣтъ двухъ извѣстій, которыя были бы согласны въ причинахъ, вызвавшихъ такое наказаніе.

Мы уже упоминали о томъ мнѣніи, которое, въ поведеніи Петра Вин. на Ліонскомъ соборѣ, видитъ первую причину

---

[1]) *Hist. diplom.*, VII, p. 689.

[2]) *Hist. diplom.*, VI, p. 695. Въ помѣткѣ сказано: Datum Cremonae, anno dominicae incarnationis millesimo ducentesimo quadragesimo *octavo* mense februarii. *Octavo* по ошибкѣ вмѣсто *nono*, ибо: 1) въ февралѣ 1248 г. Фридрихъ II не былъ въ Кремонѣ и 2) сохранилось шесть актовъ Фридриха II, которые могутъ быть отнесены къ февралю 1248 года, и изъ нихъ четыре внесены въ число актовъ, писанныхъ Петромъ Вин., но упоминаемый выше актъ не былъ помѣщенъ подъ 1248 годомъ.

[3]) *Busk*, III, 335.

немилости императора; мы старались отстранить это мнѣніе, какъ противорѣчащее той роли, которую Петръ Вин. игралъ какъ въ 1245 году, такъ и въ позднѣйшіе года. Тѣмъ не менѣе должно сказать, что между современниками или, точнѣе, во второй половинѣ XIII столѣтія, многіе видѣли причину паденія фаворита въ его измѣнѣ императору, именно въ преступной перепискѣ съ папой.

Хроника реймская, составленная въ концѣ XIII столѣтія, такъ говоритъ объ этомъ: «Фридрихъ сталъ заподозрѣвать всѣхъ въ измѣнѣ и сдѣлался до того подозрителенъ, что не довѣрялъ никому. Случилось, что ему передали, что магистръ Петръ Вин. предалъ его папѣ, и это основали на письмѣ, найденномъ въ его ящикахъ. Ему были выколоты глаза; онъ былъ посаженъ на осла и водимъ по всѣмъ большимъ городамъ Италіи, которые онъ посѣщалъ; слуга, ведшій осла, останавливался на перекресткахъ улицъ и кричалъ: «Смотрите, вотъ магистръ Петръ Вин., совѣтникъ императора, который, зная хорошо законы, измѣнилъ ему ради папы. Посмотрите же, что онъ выигралъ за свою службу! Можно по правдѣ сказать: послѣ такого величія такъ низко!»

Объ этой измѣнѣ императору и именно въ смыслѣ тайнаго содѣйствія папѣ и его стремленіямъ погубить «весь ненавистный родъ Гогенштауфеновъ» записано и въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ хроникахъ. Такъ, въ одной, XVI стол., записано, что «неизвѣстно по какимъ причинамъ», Петръ Вин. впалъ въ немилость, заточенъ въ монастырскую темницу, гдѣ ему выколоты глаза. Однажды Фридрихъ II, нуждаясь въ деньгахъ, пришелъ въ темницу, чтобъ посовѣтоваться со своимъ прежнимъ любимцемъ и до настоящаго времени лучшимъ совѣтникомъ. Петръ Вин. посовѣтовалъ императору взять святые сосуды и всю утварь изъ церквей и перелить ее въ монету. Когда же аббатъ того монастыря сталъ упрекать Петра Вин. за такой совѣтъ, тотъ отвѣчалъ: «я далъ этотъ совѣтъ императору, чтобъ отомстить за по-

терю глазъ, такъ какъ, слѣдуя моему совѣту, онъ вызоветъ гнѣвъ Бога и людей, и впадетъ въ бездну несчастій»:

Оба приведенные выше разсказа намекаютъ, первый—на желаніе Петра Вин. примириться съ церковью и ея главой; второй—на желаніе подвергнуть Фридриха II гнѣву церкви. Собственно говоря, цѣль одна и таже, только взятая съ разныхъ точекъ зрѣнія. Что касается степени достовѣрности хроникъ, то должно замѣтить, что оба извѣстія почерпнуты изъ иностранныхъ, далекихъ отъ мѣста происшествія хроникъ: одна принадлежитъ Франціи, другая Германіи; и обѣ хроники, хотя въ различной степени, позднѣйшія: одна писана нѣсколько десятковъ лѣтъ позже; другая нѣсколько столѣтій. Относительно же внутренней достовѣрности передаваемыхъ фактовъ, предстоятъ два вопроса: первый, болѣе общій — о стремленіи Петра Вин. примириться съ церковью и стать защитникомъ интересовъ папы, и второй, болѣе частный—о переепискѣ Петра Вин. съ папой.

Вопросъ о примиреніи Петра Вин. съ церковью понимается здѣсь не въ религіозномъ, а въ политическомъ смыслѣ, какъ вопросъ о примиреніи съ институтомъ папства и съ интересами папъ. Неопровержимые факты свидѣтельствуютъ, что Петръ Вин. до конца своей жизни былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ римскимъ дворомъ. Если бы Петръ Вин. былъ замѣшанъ въ какой-либо заговоръ въ пользу папы, то, конечно, папа не упустилъ бы случая повѣдать это міру, какъ доказательство правоты своихъ стремленій, съ которыми соглашаются даже самые отъявленные враги папства. Если бы Петръ Вин. палъ жертвой своего примиренія съ римскимъ дворомъ или, по крайней мѣрѣ, жертвой раскаянія своего прежняго поведенія относительно папъ, то, конечно, папа взялъ бы подъ свою защиту его родственниковъ, папа отнесся бы къ нему и его семьѣ съ тѣмъ сочувствіемъ, которое онъ высказалъ къ участникамъ заговора 1246 г. противъ императора, когда папа осыпалъ своими милостями не

только избѣжавшихъ мести Фридриха II, но даже родственниковъ лицъ, казненныхъ императоромъ. Что же дѣлаетъ папа?

Въ октябрѣ 1248 года, письмомъ къ Петру, канонику атинскому и ректору церкви св. Марціана въ Соранскомъ діоцезѣ [1]), папа уничтожаетъ рѣшеніе атинскихъ канониковъ, какъ принятое по внушенію Ивана, племянника судьи Петра Вин. Въ апрѣлѣ 1249 г., когда несчастіе, постигшее Петра Вин., было уже хорошо извѣстно Иннокентію IV, папа, въ письмѣ къ епископу террачинскому, приказываетъ отдать тому же Петру атинскому церковь св. Петра *Ad Cellas* и всѣ бенефиціи, которыми владѣлъ въ Лаворской землѣ тотъ же Іоаннъ племянникъ судьи Петра Вин. Въ ноябрѣ 1251 г., въ письмѣ къ магистру и братіи одного госпиталя въ Луканскомъ діоцезѣ, папа приказываетъ завладѣть церковью и домомъ, близъ Капуи, которыми владѣлъ Петръ Вин., и—прибавляетъ папа — которому въ то время, какъ всемогущему чиновнику Фридриха II, нельзя было противодѣйствовать, не подвергая себя большой опасности, такъ какъ онъ былъ ужасомъ не только для простыхъ, но и для знатныхъ [2]). Когда римскій дворъ овладѣлъ королевствомъ Сициліей и Иннокентій IV прибылъ въ Неаполь, папа поселился именно во дворцѣ Петра Вин., въ немъ онъ и умеръ [3]). Папа Александръ IV живетъ въ Неаполѣ въ томъ же дворцѣ Петра Вин., какъ то ясно изъ одного акта [4]).

Имуществомъ Петра Винейскаго папы распоряжаются какъ имуществомъ врага церкви и папскаго престола. Они раздаютъ его имущество: одну часть, именно домъ и виноградники близъ церкви св. Франциска въ Капуѣ, папа жалуетъ Андрею капуанскому; другую—племянникамъ Оттобана Фіеско, кардинала-дьякона церкви св. Андрея, и англійскій король Генрихъ III, соглашавшійся принять Сицилійское королевство во имя своего сына Эдмунда, подтверждаетъ это

[1]) *Huill. Bréh*, 315. [2]) Ibid., 316, 317.
[3]) *Mansi*, p. 206. [4]) *Lamius*, Deluc. eruditot. II, 283.

распоряженіе папы [1]). Карлъ Анжуйскій, креатура папскаго престола, утверждаетъ за родомъ этого кардинала владѣніе дворцомъ Петра Вин. въ кварталѣ *Capo di Piazza* [2]).

Вотъ какъ поступали папы съ родственниками и съ имуществомъ того, который, по желанію позднѣйшихъ хроникъ, долженъ былъ пострадать за свое сближеніе съ римскимъ дворомъ и преслѣдованіе папскихъ интересовъ.

Вопросъ о письмѣ Петра Вин. къ папѣ, по нашему мнѣнію, можетъ быть разрѣшенъ также довольно утвердительно, хотя здѣсь нельзя уже привести положительныхъ доказательствъ. Прежде всего, должно замѣтить, что многія хроники говорятъ о письмѣ его къ папѣ, но ни одна не приводитъ даже краткаго содержанія. Казалось бы, изъ этого можно было вывести, что не только переписки съ папой, но даже письма къ папѣ не существовало; но письмо это, наконецъ, было найдено. Это не былъ отрывокъ изъ той переписки съ папой, за которую хроники обвиняютъ Петра Вин. въ измѣнѣ императору, но письмо будто бы къ папѣ уже послѣ паденія, изъ заточенія,—письмо, изъ выраженій котораго выводятъ, что ему предшествовало доброе соглашеніе съ папой, если не чрезъ переписку, то чрезъ довѣренныхъ лицъ. Документъ этотъ очень интересенъ.

Сохранилось письмо, приписываемое Петру Вин., въ формѣ «*Плача*» (lamentatio), писанное имъ изъ заточенія къ папѣ; оно было довольно распространено, такъ какъ дошло къ намъ въ десяти рукописяхъ. Мы говоримъ объ этомъ письмѣ въ слѣдующемъ очеркѣ, говоря о роли Петра Вин. въ религіозномъ движеніи XIII стол. Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Авторъ письма начинаетъ молитвою къ Богу, прося его

---

[1]) *Rymer*, Fœdera, I, 339.

[2]) Дворецъ этотъ былъ обращенъ позже въ монетный дворъ. *De Blasiis*, 275; *Huill. Bréh.*, p. 65.

помощи въ томъ, чтобъ это смиренное посланіе дошло до *Его святаго намѣстника*; онъ сознаетъ, что много грѣшилъ въ своей жизни и, будучи честолюбивымъ, онъ обладалъ уже и высшею славою, и большими богатствами, постоянно желалъ еще большаго; жалуется, что его возненавидѣли жестокою ненавистью люди ему всѣмъ обязанные; питавшіеся его хлѣбомъ возстали противъ него; выведенные имъ въ люди подали ему смертельный напитокъ; его собратія отняли у него ту милость, которою онъ пользовался и т. п.; о немъ съ ироніей стали говорить: «Онъ тщетно воздѣлываетъ прибрежный песокъ, надѣясь чрезъ то получить себѣ мѣсто *въ раю церкви*; они плюютъ ему въ глаза и объ одеждѣ его мечутъ жребій; они желаютъ, чтобъ для снѣдаемаго тоскою не было бы ни одной вѣтки въ виноградникѣ, ни куска хлѣба въ домѣ господина его; они забываютъ, что *Петръ краеугольный камень церкви*, никогда не отталкивалъ тѣхъ, кого призывалъ, и не покидалъ тѣхъ, кого возвышалъ; забываютъ, что просящіе милости у Христа никогда не получаютъ отказа, что *Его викарій, отецъ міра*, никогда не былъ безчеловѣченъ къ людямъ». Затѣмъ авторъ говоритъ, что послѣ Петра никто не былъ камнемъ болѣе непоколебимымъ, чѣмъ онъ; что никто болѣе его не сражался въ защиту христіанской вѣры. Да возстанетъ же *отецъ* во всемъ блескѣ солнца и излечитъ раны страдальца; да распространитъ на него лучъ милости. *Сынъ* былъ призванъ *отцомъ*, и въ этомъ призваніи потребилъ всѣ недвижимыя и движимыя имущества, какъ свои, такъ и своего брата [1]). Одно милостивое слово отца— и просвѣтятъ вечерніе дни жизни страдальца. Другіе старѣютъ отъ лѣтъ, онъ же отъ горя. Его горе однако же не

[1]) A *patre* factum vocatus est *filius* es in ipsa vocatione consumpsit tam propria quam stabilia et mobilia fratris sui. Ibid. C'est le seul passage de cette pièce où se rencontre une allusion positive à la famille de Pierre de la Vigne. Mais le texte est-il bien exact? *Huill. Bréh.*, p. 60. Предполагая даже, что текстъ вѣренъ оригиналу, рѣшительно не можемъ усмотрѣть, въ чемъ скрыть въ этой фразѣ намекъ на семью Петра Винейскаго.

таково, чтобъ не могло быть излечено милостивою рукою. Вверженный въ темноту онъ не будетъ тогда лишенъ помощи *святаго благочестія*, и пока его просьба будетъ услышана, онъ не перестанетъ обнимать *священныя ноги* отца. Да будетъ поддержанъ мощною рукою потерявшій всѣ силы, да не умретъ онъ безъ отеческаго благословенія; что же можетъ помѣшать солнцу свѣтить и отцу благословить сына? Да исчезнетъ всякое препятствіе дѣлу милосердія!

Кто писалъ это письмо и къ кому?

Тотчасъ послѣ несчастія, постигшаго Петра Вин., въ обществѣ стали ходить письма, писанныя, будто бы, Петромъ Вин. въ темницѣ, въ защиту своей невинности. Когда эти письма прочиталъ одинъ изъ современниковъ, онъ прямо призналъ ихъ подложными. «Скажу коротко, — говоритъ Бенвенуто Имола,—что эти письма не Петра Вин., хотя и кажутся сходными съ его слогомъ» [1]). Общая мысль, что не Петръ Вин. былъ авторомъ разсматриваемаго писанія, намъ кажется совершенно вѣрною. Выраженія въ родѣ *sanctus vicarius Dei, paradisus Ecclesiæ*, *vicarius Christi*, *sacri pedes patri*, и т. п., не говоря уже о положительномъ указаніи двухъ манускриптовъ — *epistola ad papam*, ясно указываютъ, что посланіе, этотъ плачъ Петра — lamentatio Petri—было адресовано къ папѣ, а не къ императору. Будь оно писано къ Фридриху II, Петръ Вин., или тотъ, кто писалъ отъ его имени, не преминулъ бы, если не отвергнуть вполнѣ взведенныхъ на него обвиненій, то по крайней мѣрѣ указать на предъидущія свои заслуги на пользу императора, которыя были столь велики, и на прежніе свои совѣты, которые были столь благодѣтельны, что преданіе заставляетъ Фридриха II идти въ темницу, чтобъ просить совѣта у ненавистнаго слѣпца. Ничего этого нѣтъ въ посланіи: ни протеста противъ обвиненій, ни упоминанія не только оправданія, но даже объясненія своего пове-

[1]) *Imola*, Comment. ad Div. Com., p. 39.

[illegible] покорность [illegible] посланіе [illegible] все по- [illegible] Такъ пи- [illegible] дѣйствіе кото- [illegible] отноше- [illegible] папамъ, до по- [illegible] IV. Но [illegible] уже будучи [illegible] вѣроя- [illegible] XIII [illegible] представлялъ не- [illegible] представляются въ [illegible] было воз- [illegible] онъ не [illegible] было [illegible] могъ [illegible] по- [illegible] служили [illegible] обращеніемъ.

Изъ того, что [illegible] [illegible] того, что въ [illegible] Петра [illegible] что [illegible] Па- [illegible] по- [illegible] первый [illegible] Са- [illegible]

что эта измѣна открыта чрезъ поимку переписки. Такіе слухи ходили, такими они записаны и въ хроникѣ. Разъ измѣнивъ императору ради папы, Петръ Вин. естественно обращается къ папѣ же съ воплемъ о своемъ несчастномъ положеніи. Что это трудно, что это почти невозможно—объ этомъ забывается: возбужденный въ обществѣ интересъ къ судьбѣ Петра Вин. требовалъ пищи, она и была представлена ему въ формѣ «*Lamentatio Petri de Vineis, dum erat in carcere imperatoris*». Императоръ не считалъ нужнымъ объявлять причину своего гнѣва; никто не зналъ ничего положительнаго; оттого-то и въ посланіи пустыя фразы въ родѣ ученическихъ упражненій и ничего существеннаго о дѣлѣ.

Для насъ важно одно заключеніе: посланіе это было писано не Петромъ Вин. Кѣмъ же именно—даже не интересно знать: быть можетъ, это былъ отвѣтъ какого-нибудь школяра на заданную ученическую тему: *Querimonia Petri de Vineis postquam fuit cecatus ab imperatore.*

Многіе изъ слуховъ, ходившихъ въ то время по поводу трагическаго конца сильнаго вельможи, записаны въ хроникахъ.

Одна хроника, еще неизданная, кажется болѣе вѣрно поняла отношенія Петра Вин. къ апостольскому престолу, чѣмъ многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей: въ ней Петръ Вин. долженъ былъ пострадать именно за свое нежеланіе видѣть миръ между императоромъ и папой. «Фридрихъ,—сказано въ хроникѣ,—будучи побѣжденъ предъ Пармой безоружными женщинами и мужчинами, ушелъ въ Кампанью. Въ то время, какъ онъ, въ зàмкѣ Санъ-Миніато, читалъ письмо отъ папы, которымъ Иннокентій IV предлагалъ ему миръ, онъ приказалъ ослѣпить Петра Вин. раскаленнымъ желѣзомъ, какъ нарушителя мира» [1].

---

[1]) Dum scripta apostolica legeret pacis oblativa, Petrum de Vineis tanquam pacis turbatorem cum candenti ferro fecit exoculari (Flaminio del Borgo. Dissert.

Другіе иначе догадывались о причинѣ паденія императорскаго фаворита. Одинъ францисканскій монахъ слышалъ, что причиною того была ревность и что императоръ соблазнилъ супругу своего любимца [1]). Другой хронистъ, начала XIV стол., знаетъ даже подробности этого дѣла, довольно игривыя [2]). Во время осады Пармы, когда весь дворъ размѣщался въ на̀-скоро выстроенныхъ балаганахъ Витторіи, однимъ утромъ, Фридрихъ за̀-просто зашелъ въ палатку Петра Вин., не засталъ его дома и, пройдя въ спальню, увидѣлъ супругу, которая спала довольно непокойно, разметавшись; императоръ старательно укрылъ ее и потихоньку вышелъ. Петръ Вин. возвращается домой и находитъ въ спальнѣ жены перчатку Фридриха II; ревнивый, онъ заподозрѣваетъ жену въ невѣрности и перестаетъ говорить съ нею; ничего не понимающая супруга жалуется императору. Фридрихъ II снова приходитъ въ палатку Петра Вин., и при немъ произошло слѣдующаго рода объясненіе между супругами: Петръ Вин.: «Я насадилъ виноградину; кто-то пришелъ и вырвалъ ее. Кто попортилъ мой виноградникъ? Это дурно, такъ гадить мнѣ». Супруга въ отвѣтъ (она поняла намекъ): «Я твоя виноградина, виноградиной и останусь; эта виноградина никогда не лгала!» Тогда Петръ Вин.: «Если это такъ, какъ она говоритъ, то я люблю теперь мою виноградину больше, чѣмъ когда-либо». Супруги обнялись. Дѣло этимъ и уладилось.

Итальянскіе хронисты—гвельфы, писавшіе много позже описываемаго ими событія и перепутавшіе года и лица, раз-

---

IV, p. 211). Само собой разумѣется, что это вздоръ: послѣ Ліонскаго собора папа никогда не только не предлагалъ мира, но даже отклонялъ всѣ предложенія другихъ лицъ, и твердо и увѣренно шелъ къ своей цѣли, выказавъ въ этомъ случаѣ настойчивую твердость.

[1]) Nonnulli referunt quod in vitula ejus arabat. Pipin. chr. l. c., p. 661. Peut-être au lieu de *vitula* faut-il lire aussi *viticula*, petite vigne. *Huill. Brèh.*, p. 67. Въ хроникахъ и корреспонденціи очень обыкновенна игра словъ, непереводимая на русскій языкъ—*P. de Vinea* и *vinea*; но выраженіе *viticula* не встрѣчается ни разу.

[2]) Jacobus de Aquis, II, 161.

сказываютъ [1]), что Петръ Вин. «былъ подкупленъ миланцами и старался произвести смуты въ войскѣ императора, а затѣмъ убить самого Фридриха въ его палаткѣ» [2]).

Носились также слухи, будто бы императоръ, нуждаясь въ деньгахъ, отнялъ у Петра Вин. его богатства, за что тотъ измѣнилъ императору [3]). Въ унисонъ съ этимъ одинъ хронистъ, еще неизданный, говоритъ, что императоръ имѣлъ обыкновеніе отнимать у своихъ приближенныхъ все, чѣмъ онъ ихъ прежде жаловалъ [4]), и влагаетъ въ уста Фридриха II отвратительныя слова: «Я откармливаю свиней только для того, чтобъ добывать отъ нихъ свиное сало». Хронистъ, извѣстный своимъ гвельфскимъ направленіемъ, не внушаетъ никакого довѣрія, тѣмъ болѣе, что онъ посылаетъ Петра Вин. на Ліонскій соборъ и заставляетъ его измѣнить императору, ведя въ Ліонѣ тайные переговоры съ папскою партіею [5]). Вѣроятно, богатства Петра Вин. подали поводъ къ этимъ сказкамъ [6]).

Спустя шесть вѣковъ и при имѣющихся данныхъ, трудно если не невозможно сказать, что именно было причиною паденія Петра Вин.; но у насъ сохранились очевидныя доказательства если не тому, какъ дѣло было, то тому, какъ дѣло это разсматривалось при дворѣ императора и самимъ Фридрихомъ II.

«Императоръ боленъ. Доктора прописываютъ ему слабительное и ванну. Петръ Вин., подкупленный подарками и обѣщаніями папы, уговариваетъ своего доктора положить

---

[1]) Manipulus Florum, cap. CCCXII, ap. *Murat.* XI, p. 677; Ann. Mediol., cap. X, ap. *Murat*,. XIV, p. 649.

[2]) Обѣ хроники записали это подъ 1239 годомъ, очевидно, вмѣсто заговора Таобальдо Франческо, бывшаго въ 1246 году.

[3]) Pip. chr. p. 661.

[4]) Одинъ нѣмецкій ученый видитъ въ этомъ объясненіе трагическаго конца Петра Вин. *Funck*, S. 347.

[5]) *Tiraboschi*, II, 127.

[6]) *Giustiniani*, art. Pietro datte Vigne. *Huill. Bréh.*, p. 69. Bonati, p. 210.

яду въ микстуру. Императоръ, однако, уже предупрежденъ о томъ однимъ изъ своихъ друзей. Настаетъ часъ принимать микстуру. Фридрихъ обращается къ Петру Вин. и доктору, который поднесъ ему пургативное, и говоритъ: «Друзья мои, я вполнѣ довѣряю вамъ; поостерегитесь, не дайте мнѣ яда вмѣсто лекарства, мнѣ, который вполнѣ довѣряется вамъ». На это Петръ Вин.: «Государь, этотъ вашъ докторъ, въ то же время и мой, часто давалъ вамъ лекарства; отчего же вы не довѣряете ему сегодня?» Фридрихъ гнѣвается, велитъ стражѣ держать измѣнниковъ и говоритъ доктору: «Выпей половину лекарства». Докторъ, зная свое преступленіе, дрожитъ, дѣлаетъ видъ, что спотыкается и разливаетъ большую половину микстуры. Императоръ велитъ привести изъ тюрьмы приговоренныхъ къ смерти и приказываетъ имъ выпить оставшееся лекарство; приказаніе исполнено, несчастные мгновенно умираютъ. Императоръ убѣждается, что Петръ Вин. и докторъ хотѣли отравить его, и велитъ схватить ихъ. Фридрихъ отдаетъ приказаніе выколоть глаза Петру Вин. и водить его по апулійскимъ городамъ, чтобъ тотъ самъ повѣдалъ міру о своемъ злодѣяніи» [1]).

Такъ это разсказано у Матвѣя Парижскаго. Разсказъ этотъ подтверждается двумя письмами Фридриха II. «Папа, этотъ *мирный* вождь христіанской вѣры,—пишетъ Фридрихъ II въ одномъ изъ нихъ,—прислалъ къ намъ чрезъ своего легата нашего медика, который былъ въ плѣну у пармцевъ, заранѣе согласившись съ нимъ, что, возвратясь къ нашему двору, медикъ дастъ намъ яду подъ видомъ лекарства. Когда этотъ докторъ хотѣлъ уже выполнить свой планъ, рука Всевышняго спасла насъ. Дѣло это было доказано предъ многими синьорами нашего двора и, наконецъ, личнымъ признаніемъ виновника, который не могъ отрицать столь очевидный фактъ» [2]). Другое письмо, въ которомъ Фридрихъ II

---

[1]) *Matth. Par.*, p. 763. [2]) *Hist. diplom.*, 706.

разсказываетъ о приговорѣ, произнесенномъ надъ Петромъ Вин. [1]), несравненно важнѣе. «Мы желаемъ, говоритъ императоръ, извѣстить всѣхъ о тѣхъ великихъ милостяхъ, которыя Петръ Вин. получилъ отъ нашего величества, и о томъ страшномъ преступленіи, на которое онъ покушался. Этотъ человѣкъ изъ плодороднѣйшей земли (Капуа) былъ оплодотворенъ свыше своихъ желаній изобиліемъ всѣхъ преходящихъ благъ. Но привыкшіе къ роскоши предаются безъ мѣры своимъ страстямъ. Онъ, имѣвшій обязанностью старательно заботиться о нашей жизни, готовя заранѣе обдуманное преступленіе, не устрашился предложить отравленное питье государю, отъ котораго зависитъ благосостояніе и спасеніе столькихъ людей» [2]).

Разсказъ англійскаго историка объ отравленіи подтверждается вполнѣ: участіе Петра Вин. въ преступленіи категорически признано самимъ Фридрихомъ II. Если Фридрихъ II былъ откровененъ, то мы должны заключить, что при императорскомъ дворѣ всѣ были убѣждены, что Петръ Вин. покушался на жизнь императора чрезъ отравленіе. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду всѣ обстоятельства, которыми обставлено это обвиненіе,—отношенія къ папѣ Фридриха II и Петра Вин. и отношенія послѣдняго къ Конраду, какъ преемнику Фридриха,—необходимо признать, что, обвиненный въ отравленіи и за то пострадавшій, Петръ Вин. не былъ и не могъ быть участникомъ заговора на жизнь императора. Нѣтъ цѣли, которая могла бы оправдать или по крайней мѣрѣ объяснить такой поступокъ Петра Вин.: со смертью Фридриха II болѣе всѣхъ терялъ Петръ Вин. Несомнѣнно, однако, что покушеніе на отравленіе Фридриха было, но кѣмъ? Петромъ-ли Винейскимъ?

---

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 708—9. *Huill. Bréh.*, p. 82. [2]) Hist. diplom., p. 708.

Со времени заговора 1246 года, Фридрихъ II сталъ крайне подозрителенъ. Неудачи имъ испытанныя, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, сдѣлали его раздражительнымъ; онъ всюду боялся встрѣтить измѣну. Съ другой стороны, итальянскіе и германскіе вельможи съ завистью и злобой смотрѣли на Ѳаддея Суесскаго и особенно на Петра Вин., выскочку, врага феодализма, легиста, пропитаннаго духомъ римскаго права. Сохранилось анонимное письмо къ Петру Вин. и Ѳаддею Суесскому [1]), изъ котораго видно, что въ школахъ того времени уже разбирался вопросъ о благородствѣ происхожденія и о честности, и рѣшался такимъ образомъ, что «такъ какъ добродѣтель составляетъ благородство, и такъ какъ добродѣтель пріобрѣтается честностью, то честность безспорно выше благородства происхожденія». Неаполитанскіе бароны, утерявшіе многія изъ своихъ привилегій, и германскіе, утерявшіе свое прежнее вліяніе на императора, были недовольны Петромъ Вин. и наговаривали на него предъ Фридрихомъ II [2]). При дворѣ императора стали ходить слухи объ опущеніяхъ и несправедливостяхъ то въ той, то въ другой части управленія, подвѣдомственной Петру Вин. [3]). Обвиняли Петра Вин. во взяткахъ и присвоеніи чужой собственности; эти обвиненія если и были справедливы, что, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣроятно въ подобныхъ случаяхъ, то во всякомъ случаѣ были преувеличены, какъ вообще наговоры. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Казерта [4]), завѣдывавшему въ 1249 г. управленіемъ Сициліею, Фридрихъ II совѣтуетъ ему въ докладахъ его быть точнымъ и говорить правду: «Вспомни, что случилось на этихъ дняхъ,—прибавляетъ императоръ,—вспомни нечестивые совѣты и скандалы всякаго рода, сдѣланные Петромъ, измѣнникомъ, этимъ новымъ Симономъ [5]), который, желая понабить карманъ свой, обратилъ жезлъ правосудія въ змія и своими ловкими плу-

[1]) *Huill. Bréh.*, p. 319. [2]) *Raumer*, IV, 595. [3]) *Huill. Bréh.*, p. 74.
[4]) *Hist. diplom.*, VI, 699—701. [5]) *Huill. Bréh.*, p. 80.

товствами велъ имперію въ пропасть, въ которой мы могли бы быть поглощены моремъ вмѣстѣ съ войскомъ и колесницами Фараона, подобно египтянамъ» Этотъ документъ былъ писанъ уже послѣ паденія Петра Вин., и слова Фридриха II не могутъ быть приняты въ полномъ значеніи. Въ это же время, при римскомъ дворѣ, ненависть къ Петру Вин. преступила всякія границы: его называли Агитоѳелемъ, совѣты котораго, вопреки авторитету имперскихъ князей, направляютъ политикой императора и управляютъ государствомъ [1]).

Къ несчастью для Петра Вин., съ одной стороны, его возвышеніе совпадало съ самыми тяжелыми годами для Фридриха II, когда раздражительность и подозрѣніе развились въ немъ до крайнихъ предѣловъ, съ другой—его вѣрнаго друга, Ѳаддея Суесскаго, не было уже въ живыхъ, чтобъ защищать его предъ императоромъ отъ наушничества придворной челяди. По одному изъ дошедшихъ до насъ писемъ Петра Вин. [2]) видно, что въ 1248 году придворныя интриги противъ протонотарія были въ полномъ ходу; Петръ Вин. нашелъ нужнымъ объясниться письменно съ Фридрихомъ: «Ничто не можетъ быть для меня болѣе желательно — пишетъ Петръ Вин.—какъ здравіе, благоденствіе и побѣды того, волею котораго я существую и безъ котораго я былъ бы ничто. Всевышній знаетъ, что я считаю для себя счастіемъ жить и состарѣться на службѣ вашей и, если вамъ то угодно, даже умереть. Но не могу скрыть, всемилостивѣйшій монархъ, что въ письмѣ вашемъ [3]), меня устрашаетъ выраженіе вашей милости ко мнѣ, именно когда вы пишете: «Мы настоятельно приказываемъ тебѣ быть старательнымъ и прилежнымъ къ нашей службѣ, особенно же по дѣлу податей и сборовъ, какъ то тебѣ подобаетъ, такъ какъ ты знаешь, что хотя мы и назначили тебѣ помощниковъ, но наше величество полагается

---

[1]) *Murat.*, III, 581. [2]) Petri de Vin. Epp. lib. III, cap. II.

[3]) Письмо Фридриха II къ Петру Вин., къ сожалѣнію, не сохранилось, по крайней мѣрѣ еще не отыскано.

лишь на тебя». «Признаю, государь, велика милость для меня въ словахъ этихъ, если только они не заключаютъ въ себѣ противнаго, т.-е. если ими вы не хотѣли упрекнуть меня въ лѣности и нерадѣніи... Но я увѣренъ, что какъ бы ни былъ высоко поставленъ тотъ, кто наговариваетъ на меня, я зажму ротъ моимъ клеветникамъ, если только Всевышній услышитъ мои моленія и приведетъ меня къ стопамъ вашимъ. Я желалъ бы, чтобъ настоящее письмо разъяснило бы вамъ дѣло, сократило бы срокъ моего отсутствія и привело бы сына къ отцу, вѣрноподданнаго къ благодѣтелю и государю». Отвѣтъ Фридриха II на это письмо, сохранившійся лишь въ отрывкѣ, уже носитъ знаки явнаго неудовольствія императора, если только онъ писанъ дѣйствительно имъ [1]): «Мы должны дать тебѣ строгій выговоръ—говоритъ императоръ—за твое предположеніе, что мы слушаемъ наушниковъ. Знай по крайней мѣрѣ, что мы очень недовольны тѣмъ, что письма наши были приняты тобою съ подозрительностью и къ тому же неприлично высказанною; но ради Господа мы сносимъ все терпѣливо и влагаемъ въ ножны мечъ уже вынутый».

Кто же былъ тотъ «высокопоставленный», который интриговалъ противъ Петра Вин.? На кого изъ придворныхъ намекаетъ Петръ Вин. въ своемъ письмѣ—сказать трудно. Изъ всѣхъ лицъ, приближенныхъ къ Фридриху II въ концѣ его царствованія (маркграфъ Гогенбурга, графъ Савойи, его зять, графъ Казерты, графъ Лорето, графъ Манупелло) наибольшимъ довѣріемъ и вліяніемъ на императора пользовался Вильгельмъ Окрскій, человѣкъ духовный, членъ одной изъ сильнѣйшихъ фамилій Абруццо [2]). Въ перепискѣ Петра Вин. не сохранилось ни одного письма ни отъ него къ Петру Вин., ни этого къ нему. Вильгельмъ Окрскій занималъ мѣсто архіепископа Капуи, искренняго друга Петра Вин. По смерти Петра Вин именно онъ былъ облеченъ въ санъ протонотарія

[1]) *Marten.* II. n. 49. p. 1173: Archiepiscopus Capuanus Petro de Vineis.
[2]) *Rossi.* Memorie di notiz. spett. a Gualtieri da Vere, Napoli, 1829, p. 11, 58.

имперіи и логоѳета Сициліи [1]). Вильгельмъ же Окрскій завладѣлъ частью имуществъ Петра Вин. [2]). Все это факты, которые мы обязаны были привести, но изъ которыхъ не рѣшаемся сдѣлать выводъ, въ виду той тяжести обвиненія, которая пала бы на Вильгельма Окрскаго и для которой нѣтъ положительныхъ доказательствъ.

Вѣроятнѣе всего, что Петръ Вин. палъ вслѣдствіе придворныхъ интригъ. Высокое государственное положеніе Петра Вин. вызвало зависть [3]). Въ загробной исповѣди Петра Вин., выслушанной Данте, онъ именно обвиняетъ зависть, эту «развратную женщину», которая сгубила «невиннаго» страдальца [4]).

Петръ Вин. былъ арестованъ въ Кремонѣ, вѣроятно, въ началѣ февраля 1249 года. При первой вѣсти о страшномъ преступленіи, въ которомъ Петръ Вин. былъ обвиняемъ, кремонцы собрались предъ домомъ всемогущаго протонотарія и требовали выдачи преступника; народъ былъ готовъ растерзать сегодня того, предъ кѣмъ преклонялся вчера. По приказанію императора, Петръ Вин. былъ закованъ въ цѣпи и ночью перевезенъ изъ города въ зàмокъ Санъ-Донино [5]). Въ мартѣ императоръ отправился въ Тоскану; за нимъ слѣдовалъ Петръ Вин. въ цѣпяхъ; затѣмъ онъ былъ заключенъ въ темницу Санъ-Миніато. Здѣсь происходило если не слѣдствіе, не розыскъ, то по крайней мѣрѣ совѣщаніе о томъ, какого рода наказанію долженъ быть подвергнутъ виновный въ оскорбленіи величества. Что приговоръ не былъ личною волею Фридриха, но былъ слѣдствіемъ совѣта приближенныхъ, т.-е. именно тѣхъ лицъ, которымъ такъ было выгодно погубить Петра Вин., видно изъ вышеприведеннаго письма Фридриха II. «Такъ

---

[1]) *Iricus*, Res patriæ, p. 93. [2]) *Huill. Bréh.*, p. 76.
[3]) *Villani*, VI, 22. [4]) Div. Com. Infer. XIII, p. 64—72.
Chr. de reb. in Ital. gest., p. 218.

какъ—сказано въ этомъ письмѣ—здравая политика требуетъ соразмѣрять справедливость съ неправдою, наказаніе съ преступленіемъ, уничтожая родъ измѣнниковъ и осушая рѣку заговоровъ, то мы, *по совѣту великихъ чиновъ государства*, повелѣваемъ: водить измѣнника изъ города въ городъ по нашему королевству, среди оскорбленій и пытокъ, пока надъ нимъ не будетъ исполнена послѣдняя казнь. Быть жестокимъ въ наказаніи подобнаго преступленія есть актъ благочестія» [1]). Въ замкѣ же Санъ-Миніато начались пытки; одна изъ пытокъ приведена въ хроникѣ: несчастному выкололи или выжгли глаза раскаленнымъ желѣзомъ [2]).

Скованный по рукамъ и ногамъ, Петръ Вин. терпѣливо перенесъ первую часть приговора — оскорбленія и пытки; исполненіе второй—послѣднюю казнь — Петръ Вин. принялъ уже на себя. Въ этомъ отношеніи хроники почти единогласны; мы приводимъ три извѣстія:

Первое извѣстіе: Фридрихъ II приказалъ выдать Петра Вин. пизанцамъ, которые питали къ нему непримиримую ненависть. При этой вѣсти, Петръ Вин., вспоминая изреченіе Сенеки: Arbitrio hostis mori, est bis mori [3]), и не желая быть игрушкой своихъ враговъ, ударилъ головою о столбъ, къ которому былъ прикованъ, и раскроилъ себѣ черепъ [4]).

Второе извѣстіе: Петръ Вин. былъ посаженъ на мула и отправленъ въ Пизу: онъ просилъ провести его въ церковь и тамъ спросилъ у провожатаго, есть-ли что-нибудь между нимъ и церковною стѣною; отвѣтъ былъ отрицательный: Петръ Вин. ударилъ свою голову о церковную стѣну и умеръ [5]).

Третье извѣстіе: императоръ отправилъ Петра Вин. въ Пизу, чтобъ казнить его тамъ рукою палача; ѣхавшій на мулѣ Петръ Вин. бросился съ него внизъ головою; его под-

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 709.

[2]) Chr. de reb. in. Ital. gestis, p. 219; G. *Bonati*, de Astron. tract., p. 210; *Pipin.* chr., p. 660.

[3]) Умереть по волѣ врага значить умереть дважды.

[4]) *Mat. Par.*, p. 764. [5]) *Raumer*, IV, 595.

пяли безъ чувствъ; онъ умеръ въ церкви св. Андрея, въ Бараттуларіа [1]).

Преданіе равнымъ образомъ приписываетъ смерть Петра Вин. самоубійству: Петръ Вин., перевезенный въ Капуу, бросился изъ окна темницы, разбился о мостовую, и своимъ теплымъ еще трупомъ загородилъ путь проходившему мимо императору [2]).

Гдѣ бы ни умеръ Петръ Вин., на большой ли дорогѣ или въ темницѣ, на мостовой или въ церкви, онъ умеръ не отъ руки палача, умеръ вслѣдствіе самоубійства, въ которомъ мы видимъ не сознаніе своей виновности [3]), а героизмъ отчаянія, смѣшаннаго съ презрѣніемъ. Этимъ поступкомъ Петръ Вин. избавилъ императора и его приближенныхъ отъ позора тѣшиться его муками, себя—отъ позора быть игралищемъ человѣка, который палъ уже такъ низко, что позорныя пытки считалъ благочестіемъ.

Такъ жилъ, такъ умеръ Петръ Винейскій. Еще при жизни Петра Вин. одинъ изъ друзей его писалъ: «Петръ Галилеянинъ трижды отрекся отъ Господа; Петръ Капуанецъ ни разу не отрекся отъ своего господина» [4]). Писавшій эти строки пережилъ Петра Вин.; онъ видѣлъ, какъ умеръ его другъ, повсюду обезславленный, всѣми ненавидимый, покрытый позоромъ измѣны своему благодѣтелю. Критическій разборъ прекраснаго труда Гюильяра-Бреголля утвердилъ лишь наше убѣжденіе, что Петръ Вин., въ моментъ посягательства на самоубійство, могъ, съ чистою совѣстью, возвести душу свою къ Богу-Отцу, въ храмѣ котораго онъ тогда находился, и повторить слова, имъ же сказанныя въ иную, лучшую эпоху своей жизни: Peccavi, Pater, in coelum et coram te.

---

[1]) Flaminio del Borgo, Dissert. IV, p. 211; *Huill. Bréh.*, p. 88.

[2]) *Imola*, Comment. ad Divin. Comaed., p. 40; *Bandini*, Fons rerum memorab. *Huill. Bréh.*, l. s. c.

[3]) *Busk*, IV, 148. [4]) *Zedler*, ad art. P. de Vineis.

СВѢТСКІЙ ПАПА.

Императоръ Фридрихъ II папа свѣтской церкви.

I.

Въ 1859 году, почти уже окончивъ знаменитое изданіе актовъ и документовъ относящихся къ царствованію императора Фридриха II,—*Historia diplomatica Friderici Secundi*,— Гюилльяръ-Бреголль опубликовалъ большой томъ введенія— *Introduction*—къ своему сборнику. Это введеніе распадается на двѣ части: въ первой, *partie diplomatique*, говорится о внѣшней сторонѣ актовъ и о лицахъ, какъ принимавшихъ участіе въ изготовленіи актовъ, такъ и вообще бывшихъ на государственной службѣ во время Фридриха II: во второй, *partie historique*, разсказывается исторія царствованія императора Фридриха II. Дипломатическая частъ изложена съ тою точностью, въ которой видѣнъ ученикъ Мабилльона. Это дало автору возможность изложить и историческую часть съ осторожнымъ спокойствіемъ оффиціальнаго наблюдателя, если не чиновника: отношенія императорскаго двора приведены въ систему; относящіеся документы сопоставлены довольно отчетливо; цѣль и послѣдствія каждаго изъ нихъ указаны и разъяснены; изложеніе французскихъ, особенно же восточныхъ дѣлъ много выиграло отъ такого способа изложенія [1]).

Во второй, исторической части, авторъ высказалъ, между прочимъ, взглядъ совершенно новый, дошелъ до результатовъ,

---

[1]) ***Nitzsch***, Stauf. Stud. (Histor. Zeits. v. Sybel, 3 B.) S. 323.

поразившихъ, конечно, скорѣе смѣлостью вывода, чѣмъ новизною изслѣдованія: авторъ старается доказать, что Фридрихъ II стремился основать новую, вполнѣ отъ Рима независимую, свѣтскую церковь и провозгласить себя намѣстникомъ Христа, болѣе святымъ и способнымъ, чѣмъ папа; при этомъ Фридрихъ II долженъ былъ взять на себя роль духовнаго главы церкви, а Петръ Винейскій долженъ былъ быть викаріемъ этого новаго папы, первымъ его апостоломъ, подобно тому, какъ онъ былъ первымъ его министромъ.

Этотъ, безспорно, новый результатъ историческихъ изслѣдованій французскаго ученаго на столько противорѣчилъ всѣмъ выводамъ исторической науки, что невольно заставилъ заподозрить и самую систему изслѣдованій, которая могла привести къ нему. Въ ученой исторической литературѣ появились тотчасъ же протесты, если не опроверженія. Г. Бреголль приводитъ ихъ два: одинъ—изъ Германіи, проф. Вайца[1]; другой—изъ Италіи, ученаго де-Блазіисъ[2]). Мы приводимъ еще два, оба изъ Германіи. Первый—вѣнскаго профессора Лоренца: «Говоря объ отношеніяхъ Фридриха II къ церкви, мы встрѣчаемъ одно мнѣніе довольно оригинальнаго свойства: г. Бреголль видитъ въ тенденціяхъ Фридриха ни болѣе, ни менѣе, какъ полное уничтоженіе христіанской церкви Дѣло шло, по мнѣнію ученаго издателя Фридриховыхъ актовъ, ни болѣе ни менѣе, какъ о созданіи свѣтскаго папства, причемъ Петръ Вин. долженъ былъ занять мѣсто высшаго духовнаго совѣтника и привилегированнаго реформатора; императоръ же долженъ былъ быть западнымъ халифомъ и предписывать міру новую, лучшую религію. На чемъ основаны доказательства автора? Приведены нѣкоторыя необдуманныя рѣчи Фридриха о происхожденіи христіанства, рѣчи, во всякомъ случаѣ указывающія на рѣзкій критическій умъ; приведены высокопарныя фразы о достоинствѣ римскаго императора,

---

[1]) *Waitz*, Göttingische Gelehrte Anziegen, 1861, St. 24. S. 933—934.

[2]) *De Blasiis*, Ricerche, p. 170, 175.

соединявшаго въ себѣ, по понятіямъ древняго міра, права божескія и человѣческія,—фразы, которыя такъ любилъ составлять Петръ Вин. Затѣмъ тщательно собраны ложныя толкованія, клеветы, нелѣпые доносы и обвиненія императора и его сторонниковъ, которыми полны акты римской партіи, и такимъ образомъ составлено на актахъ основанное доказательство новой религіи Фридриха и его халифата. Это доказательство въ нѣкоторой степени само служитъ яснымъ указаніемъ на то, что всякій можетъ изъ лучшихъ источниковъ черпать и выставлять безсмысленнѣйшія историческія мнѣнія» [1]). Второй—Ширрмахера: «Конечно, усилившаяся свѣтская власть, какъ установленная «милостію божіею», требовала равноправности съ духовною; но тѣ, очевидно, уже впадаютъ въ ошибку, которые, изъ отдѣльныхъ дерзкихъ выраженій, приписываемыхъ императору его врагами, или высказанныхъ сторонниками императора, выводятъ заключеніе, что императоръ замышлялъ основать свѣтское папство» [2]).

Приведенныя выше мнѣнія появились въ Германіи въ то время, когда въ Парижѣ печаталось новое сочиненіе г. Бреголля—*Vie et Correspondance de Pierre de la Vigne*. Отзывы ученыхъ въ Германіи и Италіи о новомъ взглядѣ г. Бреголля на дѣятельность Фридриха не остановили французскаго ученаго. Исходя изъ того вполнѣ справедливаго начала, что новыя идеи чрезвычайно трудно принимаются, когда вопросъ касается политическаго и религіознаго мнѣнія, которое не получило еще санкціи совершившагося факта, г. Бреголль, твердо убѣжденный въ истинности выставленнаго имъ шесть лѣтъ назадъ положенія, посвящаетъ этому вопросу всю третью часть своего новаго сочиненія; онъ убѣжденъ, что это имъ первымъ высказанное мнѣніе будетъ принято большинствомъ читателей, такъ какъ его идеи, сперва принятыя за ложныя,

---

[1]) *Lorenz*, Kaiser Friedrich II (Hist. Zeits., 11, 349).

[2]) *Schirrmacher*, IV, 341.

уже начинаютъ проникать въ систему классическаго препо-даванія исторіи ¹).

Въ очеркѣ «Петръ Винейскій» мы представили критиче-скій разборъ первыхъ двухъ частей новаго сочиненія г. Бре-голли — частную и политическую жизнь Петра Винейскаго; еще большій интересъ, чисто критическій, представляетъ новѣйшій трудъ г. Бреголли въ общемъ составляющій третью часть.

Предметъ первыхъ двухъ частей указывалъ французскому ученому простую, естественную систему изложенія — хроно-логическую. И авторъ, съ свойственными ему трудолюбіемъ и точностью, собралъ всѣ необходимые матеріалы, сравнилъ, оцѣнилъ ихъ и представилъ въ возможно связной картинѣ. Третья часть ²), посвященная церковно-религіознымъ и болѣе церковнымъ, чѣмъ религіознымъ вопросамъ, по самому су-ществу своему, не представляла уже одной системы, кото-рую необходимо нужно было бы держать въ основу изло-женія матеріаловъ. Самый характеръ вопроса, столь труднаго и разнообразнаго, представлялъ возможность быть несистема-тичнымъ въ изслѣдованіи и непослѣдовательнымъ въ изло-женіи. Именно этой-то опасности и не умѣлъ избѣгнуть французскій ученый: вопросы религіозные, внутренніе, вопросы совѣсти не довольно ясно отдѣлены отъ вопросовъ чисто церковныхъ, внѣшнихъ, отъ вопросовъ политическихъ; част-ныя, случайно высказанныя мнѣнія приняты иногда за поли-тическую программу, за основу всей дѣятельности; убѣжде-нія, принадлежавшія Фридриху II и Петру Вин., не всегда точно отдѣлены отъ убѣжденій приписываемыхъ имъ ихъ современниками; произвольно слова и рѣчи лицъ и доку-ментовъ [illegible] того [illegible] лицъ, при которыхъ они высказаны, взятыя [illegible] не обращено должнаго вни-

---

¹) *Huill. Bréh.*, p. [illegible]

²) *Troisième partie.* [illegible] ecclésiastique de [illegible] II [illegible] de Pierre de la Vigne dans le mouvement religieux, p. [illegible]

манія на условія чисто хронологическія и зависимую отъ нихъ силу словъ и выраженій. Что же это за свѣтское папство? Не кроется ли намекъ на него въ политикѣ императоровъ и папъ до XIII ст.? Предыдущіе вѣка не наводили ли Фридриха II на мысль объ учрежденіи свѣтскаго папства? Не даютъ ли какихъ-либо указаній въ этомъ отношеніи въ первой половинѣ XIII ст. два направленія и роль Фридриха II въ каждомъ изъ нихъ: въ еретическомъ и реформатскомъ?

Сообразно второстепенной роли, въ которую облекаетъ г. Бреголль любимца Фридриха, его перваго совѣтника и помощника, Петръ Винейскій какъ викарій новаго папы, какъ первый апостолъ новаго ученія, естественно отодвигается на второй планъ, предъ громадностью того предпріятія, которое французскій ученый заставляетъ принять на себя императора Фридриха II.

2.

Папская теорія, по Швабскому зерцалу, ясно выставляетъ принципъ абсолютной верховности папъ надъ всѣмъ міромъ, какъ единственной власти, исходящей непосредственно отъ Бога; при этомъ, конечно, глава свѣтской власти является лишь ленникомъ апостольскаго престола: императоръ-вассалъ стоитъ въ подчиненномъ отношеніи къ папѣ-сюзерену [1]). Императорская теорія, по Саксонскому зерцалу, проводитъ принципъ независимости обѣихъ властей, какъ равно и непосредственно исходящихъ отъ Бога: папа не сюзеренъ, императоръ не вассалъ его [2]); обѣ власти обязаны взаимно защищать другъ друга [3]). Вотъ, въ общихъ чертахъ, направленіе политики папъ и императоровъ: папъ—чисто наступательное, императоровъ—оборонительное. Въ разсматриваемый періодъ времени, непосредственно предшествовавшій XIII ст., всѣ

[1]) *Gengler*, 1 Buch, § 4. [2]) *Weiske*, 1 Buch, § 1.
[3]) *Gengler*, 1 Buch, § 5 und 6. *Weiske*, 1 Buck, § 4.

папъ отъ Григорія VII до Иннокентія III включительно, своею политическою дѣятельностью представили богатый матеріалъ, изъ котораго позднѣйшіе юристы [illegible] были вывести и формулировать такой теоріи, которые мы встрѣчаемъ въ Швабскомъ зерцалѣ. Процессъ составленія императорской теоріи ясно свидѣтельствуетъ, что эта теорія составлялась позже, была отвѣтомъ на папскую. Обѣ онѣ—выводъ изъ практики [illegible] юристы вводили въ теорію данныя, почерпнутыя изъ исторіи. Что обѣ эти теоріи были выводомъ изъ наблюденія надъ практическими случаями, въ томъ убѣждаютъ насъ дипломатическіе акты римской куріи и императорскаго двора того времени.

[illegible] княженіе [illegible] этотъ общій взглядъ не вѣренъ: свѣтская власть пробовала [illegible] въ агрессивной политикѣ папъ, [illegible] старалась сдѣлать папу вассаломъ императора, [illegible] свѣтской власти папы. Во время [illegible] французскіе бароны [illegible] папство и избрать себѣ французскаго папу [illegible] Въ [illegible] во время пребыванія папы Григорія [illegible] въ [illegible] въ самомъ Римѣ явились [illegible] [illegible] Фридриха I Римскіе [illegible] архіепископъ Трира [illegible] стремленіе [illegible] для [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

мнѣнія французскаго ученаго [1]). Въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію, *во-первыхъ,* что Фридрихъ I не желалъ и не могъ желать сдѣлать архіепископа Трира нѣмецкимъ папою и, *во-вторыхъ*, что документы, на которыхъ основывается г. Бреголль, подложны.

Существуютъ три такъ называемыя *гиллиновскія письма*, по имени архіепископа трирскаго Гиллина, *Hillinus*, который играетъ важнѣйшую роль въ этой корреспонденціи [2]). Первое письмо адресовано императоромъ Фридрихомъ I къ архіепископу Трира—императоръ предлагаетъ архіепископу учредить нѣмецкое папство въ Трирѣ, причемъ Гиллинъ долженъ стат вторымъ Адріаномъ IV; второе письмо—архіепископа Трира къ папѣ, съ извѣщеніемъ о грозящей опасности; третье и послѣднее письмо—посланіе папы Адріана IV къ архіепископамъ Трира, Майнца и Кельна, къ которымъ, какъ видно изъ второго письма, было также разослано императорское посланіе, т.-е. первое письмо. Вся переписка отнесена къ 1158 году.

Изъ этихъ трехъ писемъ ясно видно, что императоръ Фридрихъ I имѣлъ намѣреніе основать нѣмецкое папство, и именно въ Трирѣ. Одинъ нѣмецкій ученый [3]), первый основавшійся на этихъ трехъ письмахъ, какъ непреложно подлинныхъ, находитъ, что «этотъ странный планъ принадлежитъ не самому императору, но его совѣтнику Рейнальду Дассель-

---

[1]) По этому поводу Ничшъ входитъ въ разборъ отношеній Трира къ штауфенскому роду, опредѣляетъ главное направленіе его политики, какъ относительно церкви, такъ и церковной реформы. Къ сожалѣнію, мы можемъ лишь сослаться на прекрасную работу нѣмецкаго ученаго. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ трудѣ этомъ отразилось то новое направленіе нѣмецкой исторической литературы, которое объясняетъ все политикой, нерѣдко упуская изъ виду многосторонность историческихъ событій. Ничшъ приходитъ къ тому результату, что Фридрихъ I былъ противникъ церковной реформы, выставленной св. Норбертомъ, архіепископомъ магдебургскимъ и учредителемъ ордена премонстратенцевъ, и его учениками. *Nitzsch*. S. 328.

[2]) Iter Austriacum 1853 von *Wattenbach* (Archiv für Kunde österr. Gesch.-Quellen. B. XIV. S. 1—94).

[3]) *Ficker*, 48.

скому, который желалъ оторвать нѣмецкую церковь отъ Рима и въ лицѣ архіепископа трирскаго выставить нѣмецкаго папу рядомъ съ римскимъ» [1]). Но кому бы планъ этотъ ни принадлежалъ, для Фикера остается несомнѣннымъ, что такое стремленіе было въ XII ст., не смотря на то, что, по его собственному указанію, объ этомъ намѣреніи Фридриха I не встрѣчается упоминаній нигдѣ, кромѣ упомянутыхъ гиллиновскихъ писемъ [2]). Если Гильдемейстеръ и Зибель находили, что эти письма произведеніе XVI стол. [3]), то Фикеръ опровергаетъ ихъ манускриптами XIII стол. [4]). Его не удивляетъ даже и то, что въ папы долженъ былъ быть избранъ архіепископъ Трира именно, помимо архіепископа Майнца: папы предоставляли архіепископу Трира первенство между нѣмецкими архіепископами, а Адріанъ IV назначилъ архіепископа Гиллина легатомъ въ Германіи [5])—папскія тенденціи приводятся въ основу императорской политики! Фикеръ, наконецъ, самъ сознается, что планъ этотъ противорѣчилъ духу времени [6]), и все-таки признаетъ его.

По мнѣнію Яффе, который первый обратился къ гиллиновскимъ письмамъ съ строгою критикою, планъ нѣмецкаго папства вовсе не существовалъ [7]), и три письма, изъ которыхъ онъ выводится, принадлежатъ къ царству вымысла [8]) «Воображать, — говоритъ Яффе,—что Фридрихъ I тотчасъ послѣ безансонскаго съѣзда, самъ или чрезъ посредство кого-либо изъ своихъ приближенныхъ, желалъ не только ограничить Германіею свои стремленія, но рядомъ съ римскимъ папою выставить нѣмецкаго *папчика*, значитъ ставить политику императора въ очевиднѣйшее противорѣчіе съ самой собою. Императорскому двору, конечно, хорошо было извѣстно состояніе дѣлъ въ Германіи, чтобъ онъ могъ на мгновеніе

---

[1]) *Ficker*, 18. [2]) Ibid., 20, Anm. 3.
[3]) *Gildemeister* u. v. *Sybel*, Der heilige Rock zu Trier, S. 105.
[4]) *Ficker*, 18. Anm. 3. [5]) Ibid., 20. [6]) *Ficker*, 21.
[7]) *Iter* Austr., S. 62. [8]) Ibid., S. 60.

обманывать себя на счетъ оппозиціи, которою было бы встрѣчено въ Майнцѣ, Кельнѣ, Зальцбургѣ и т. д. такое неслыханное подчиненіе трирскому папству» [1]).

Почему именно Фридрихъ I долженъ былъ остановиться на архіепископѣ трирскомъ? Мнѣніе Фикера, что архіепископъ Трира былъ въ то время самимъ папою возведенъ въ санъ германскаго легата, не достойно опроверженія, — это значило бы, что Фридрихъ I, въ борьбѣ противъ авторитета римскаго папы, основался на авторитетѣ именно этого папы [2]). Изъ всѣхъ трехъ рейнскихъ архіепископовъ, майнцкій былъ безспорно первымъ: онъ былъ выше остальныхъ двухъ по сознанію самихъ нѣмецкихъ епископовъ [3]). И если въ гиллиновскихъ письмахъ трирскій архіепископъ всегда поставленъ на первомъ планѣ, то, вѣроятно, потому, что всѣ эти письма были писаны въ одномъ изъ діоцезовъ трирской епархіи.

Стиль этихъ писемъ ясно обличаетъ ихъ подложность. По мнѣнію Яффе, слогъ ихъ противорѣчитъ слогу дошедшихъ до насъ императорскихъ и папскихъ писемъ, подлинность которыхъ доказана [4]); по мнѣнію Ваттенбаха, онъ противорѣчитъ этикету того времени [5]). По стилю, письма эти принадлежатъ къ такъ называемому «времени библейскаго стиля»; между тѣмъ въ подлинныхъ письмахъ библейскія выраженія не встрѣчаются [6]). Подробности, встрѣчающіяся въ письмахъ, которыя такъ обманываютъ, какъ бы указывая на подлинность писемъ, заставляютъ признать, что авторъ ихъ былъ современникъ императору, папѣ и архіепископу этой пере-

[1]) *Iter* Austr., p. 63.

[2]) Ein so schlechter Baumeister ist aber Fridrich I nicht gewesen. *Iter* Austr., p. 63.

[3]) *Radev.* 1, c. 16. [4]) *Iter* Austr., p. 60. [5]) Ibid.

[6]) Яффе приводитъ 31 выраженіе чисто библейскаго оборота: «Ale diese Wendungen gehören dem biblischen Stile der Zeit an; aber gerade von dieser Häufung der biblischen Phrasen sind die echten Briefe ganz frei». Одинаковость оборотовъ указываетъ также на одно лицо, составлявшее эти три письма *Iter* Austr. S. 61.

писки [1]): Яффе, знаменитый знатокъ почерковъ, встрѣчающихся въ рукописяхъ, говоритъ, что письма эти не позже начала XIII стол. [2]). Съ большею достовѣрностью можно принять, что онѣ писаны въ Трирѣ [3]); мнѣніе же, что самъ Гиллинъ составилъ ихъ, не можетъ быть признано потому, что въ нихъ встрѣчаются грубыя ошибки, которыхъ архіепископъ не могъ бы сдѣлать [4]). Въ очеркѣ, посвященномъ Петру Винейскому, доказывая подложность *Lamentationis Petri de Vineis dum erat in carcere imperatoris*, мы должны были придти къ тому заключенію, что этотъ *Плачъ* есть не болѣе, какъ ученическая задача на заданную учителемъ тему; оба нѣмецкіе ученые, подвергнувшіе критикѣ гиллиновскія письма, и Ваттенбахъ [5]), и Яффе [6]), приходятъ къ тому заключенію, что эти письма плодъ ученическихъ упражненій въ школѣ письменнаго слога [7]).

Самое важное, наиболѣе необходимое для г. Брегольля, мѣсто изъ этой переписки составляетъ конецъ перваго письма; этотъ отрывокъ переведенъ имъ два раза [8]). Къ сожалѣнію, въ обоихъ случаяхъ переводъ не довольно точенъ, такъ что можетъ обмануть даже читателя знакомаго со стилемъ писемъ Фридриха I: во французскомъ переводѣ скрыты или, по крайней мѣрѣ, не сохранены тѣ особенности письма, которыя ясно указываютъ на его подложность. Приводимъ возможно точный переводъ:

«Такъ какъ вы примасъ по сю сторону Альповъ и ваша епархіальная церковь—сердце королевства [9]), ваша, говорю,

[1]) *Iter* Austr. S. 62. [2]) Ibid. [3]) Ibid., 63.

[4]) *Jaffé*, S. 63. *Viterbo* помѣщенъ въ Апуліи и обозначенъ какъ мѣстопребываніе папы, очевидно вм. Беневента, въ которомъ папа пробылъ отъ ноября 1155 до іюля 1156 г. Это не ошибка, такъ какъ встрѣчается три раза.

[5]) *Wattenbach*, S. 61. [6]) *Jaffé*, 64.

[7]) Эти письма, какъ подложныя, не вошли въ мѣстныя регесты, см. *Görz*, 21—22.

[8]) *Huill. Bréh.*, p. 212. Introd., p. DV. Въ обоихъ случаяхъ приведена лишь небольшая часть отрывка.

[9]) *et cor regni, et metropola illa vestra*, мы читаемъ: et cor regni est metro*pola illa vestra.*

престолъ которой въ Трирѣ, который хранитъ несшитый плащъ Господа, то освободите же своимъ совѣтомъ и помощью безцѣнный и таинственный плащъ Господа, т.-е. церковь, изъ рукъ того апостольскаго Аморрея, у котораго она до настоящаго времени раздирается, о которой мечется жребій и которая снова продается въ руки египтянъ. Его, не дверями, но тайкомъ входящаго въ овчарню,—онъ воръ и разбойникъ,—его изгонимъ мы: а вы, представляющій собою второй Римъ, въ случаѣ, если тотъ уничтоженъ, вы укрѣпите собратій вашихъ по вѣрѣ; такъ какъ Петръ, передавъ вамъ свой посохъ, полученный имъ отъ Господа, предоставилъ вамъ быть первымъ и единственнымъ между всѣми послѣ него, подобно тому, какъ онъ послѣ Христа, то мы, нашею императорскою властью, по примѣру Петра, предоставляемъ вамъ управленіе церковью, для того, чтобы всѣ люди нашего королевства, имѣющіе тяжбу, обращались бы не въ Витербо [1]), въ этотъ новый Римъ, но въ Триръ, въ этотъ второй Римъ, въ которомъ тяжбы ихъ будутъ разрѣшаться по суду и справедливости, а не по подкупамъ, какъ то дѣлается въ Римѣ, гдѣ золото царитъ и правитъ, а не Петръ, между тѣмъ какъ въ тяжбахъ должно имѣть Господа въ виду, который и есть награжденіе за труды. Развѣ самъ Петръ, вѣдающій будущее, не высказалъ фактически, передавъ вамъ свой посохъ, что къ вамъ, епархіальному владыкѣ, переходитъ по праву наслѣдства все апостольское достоинство? Развѣ до настоящаго времени не остается папа безъ посоха, такъ какъ вы владѣете этимъ посохомъ? Возстаньте же вмѣстѣ съ нами, какъ наслѣдникъ Петра, противъ того, кто называетъ себя намѣстникомъ Петра, на самомъ же дѣлѣ вовсе не есть намѣстникъ его, и да возстанутъ ваши викарные епископы Меца, Тула и Вердюна [2]); тѣмъ, что вы поможете королев-

[1]) *Bitervum*, Viterbum, вм. *Beneventum*.

[2]) Почему въ письмѣ упомянуты лишь лотарингскіе епископы трирской епархіи? *Metæ*, *Tullum*, *Virdunum*, отчего не названъ рейнскій *Confluentes*?

ству и, столпъ королевства, мужественно постоите за королевство, которое уже шатается, вы покажете, кто вы и что вы; по вашему примѣру и другіе вѣрно послужатъ намъ и единодушно воспротивятся сынамъ Беліала, какъ-то дозволитъ Господь» [1])

Этимъ однимъ мѣстомъ оправдывается вся историко-филологическая критика Яффе и Ваттенбаха. Г. Брегольль принималъ сперва эти письма за подлинныя, но дошедшія къ намъ въ позднѣйшихъ спискахъ, вслѣдствіе чего они утеряли стиль времени первоначальнаго ихъ составленія [2]); въ новомъ же сочиненіи онъ соглашается признать ихъ не подлинными, но не отказывается видѣть въ нихъ настроеніе общественнаго мнѣнія въ Германіи того времени [3]). По его мнѣнію, подобныя сочиненія, умно составленныя и смѣло распространяемыя, должны были производить свой эффектъ, особенно въ то время, когда люди наиболѣе образованные не обладали никакою исторической критикою [4]). Въ этомъ случаѣ французскій ученый правъ: отсутствіе исторической критики ведетъ къ невѣрнымъ заключеніямъ; но не только въ XIII столѣтіи, прибавимъ мы. Именно историческая критика и доказала, что документы, принятые французскимъ ученымъ за исходную точку всего труда, подложны и не заслуживаютъ никакого довѣрія.

Въ концѣ первой пол. XIII стол. граждане гг. Мецъ, Тулъ и Вердюнъ, требовали, чтобъ управленіе городами зависѣло не отъ епископовъ, но непосредственно отъ императора; съ этою цѣлью составилась въ 1250 г. лига для взаимной помощи и войны противъ епископовъ, защищавшихъ Вильгельма, графа Голландскаго, папскаго претендента на корону Фридриха. *Benoit*, Hist. du diocèse de Toul, p. 446—447. Къ догадкамъ Ваттенбаха и Яффе о времени и мѣстѣ составленія гиллиновскихъ писемъ, присоединяются еще двѣ, чрезвычайно вѣроятныя: *во-первыхъ*, эти три письма были писаны въ одномъ изъ трехъ лотарингскихъ діоцезовъ, и *во-вторыхъ*, время ихъ составленія относится къ концу царствованія Фридриха.

[1]) *Iter* Austr., p. 88. [2]) Introd. DV.

[3]) *Huill. Bréh.*, p. 213. [4]) Ibid.

3.

Фридрихъ II жилъ и дѣйствовалъ въ такъ называемое переходное время. Онъ стоитъ на рубежѣ двухъ поколѣній идей, изъ которыхъ одно, отживающее, но еще сильное, борется съ новымъ, только что зародившемся, за свое существованіе. Старыя идеи и представленія германо-христіанскаго міра испытываютъ сильный натискъ новыхъ представленій и идей въ вопросахъ государственнаго и религіознаго порядка. Фридрихъ одинъ изъ первыхъ протягиваетъ руку новымъ тенденціямъ, съ тою энергіею и живостью, которая такъ свойственна его характеру, болѣе итальянскому, чѣмъ германскому. Вслѣдствіе характера, вся его живая, энергическая дѣятельность носитъ на себѣ отпечатокъ страстныхъ, не всегда чистыхъ, нерѣдко достойныхъ порицанія, стремленій. Образъ Фридриха II одинъ изъ наиболѣе трудныхъ для пониманія, одинъ изъ наименѣе поддающихся укладыванію въ рамки систематическаго опредѣленія [1]). Чтобъ исторически понять и оцѣнить этотъ образъ, необходимо принять во вниманіе все разнообразіе внутреннихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ его крови, его характера, его ума; необходимо ясно представить внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, на которыя имѣлъ безспорное вліяніе и которыхъ вліянію самъ подвергся. Оттого-то, до настоящаго времени, мы напрасно стали бы искать въ богатой европейской, не исключая и нѣмецкой [2]), литературѣ, посвященной Фридриху II и его дѣяніямъ, вѣрной исторической оцѣнки этой многосторонней личности и правильнаго объясненія его разнообразной дѣятельности.

Документы и извѣстія современниковъ—вотъ два источ-
для опредѣленія какъ характера, такъ и дѣятельности
Современники любили Фридриха, боялись его и

[1]) ...т. II, 7. [2]) *Waitz*, S. 929.

не понимали; извѣстія, передаваемыя ими, оттѣнены довольно рѣзко духомъ партій и могутъ служить лишь аксессуарами для той многоцвѣтной картины, которая выступаетъ изъ подлинныхъ документовъ, съ полнымъ отпечаткомъ великой полустолѣтней драмы. Въ документахъ, оставленныхъ богатымъ идеями и дѣяніями царствованіемъ, отразилась какъ многосторонняя натура Фридриха, такъ и та многоразличная дѣятельность. къ которой она была призвана. Въ нихъ весь Фридрихъ II, со всѣми его добрыми и дурными сторонами, по нимъ только мы можемъ возсоздать этотъ величавый образъ, воплотившій въ себѣ всѣ зародыши новой, едва замѣтно пробивавшейся мысли и всѣ недуги общества XIII ст., котораго онъ былъ наиболѣе полнымъ представителемъ. Каковъ былъ Фридрихъ, таковы и оставленные его дѣятельностью документы: разнообразны, многосторонни, разноцвѣтны; въ нихъ до настоящаго времени люди совершенно противоположныхъ партій находили подтвержденіе своимъ излюбленнымъ тенденціямъ.

Всѣ старанія новѣйшихъ ученыхъ вывести изъ этихъ документовъ общія черты его характера оказались тщетными; образовались или ярые порицатели, или неумѣренные панегиристы: и тѣ, и другіе хотѣли приложить къ великому дѣятелю узкое мѣрило своей доморощенной морали, и возсоздали образъ односторонній до уродливости. Въ новѣйшее время установился взглядъ, быть можетъ, болѣе безпристрастный, но не менѣе односторонній. «Старательное изученіе характера Фридриха—говоритъ г. Бреголль—открываетъ намъ умъ великій съ испорченною совѣстью» [1]). Одинъ нѣмецкій ученый сожалѣетъ, что Фридриху, такъ богато одаренному, образованнѣйшему человѣку своего времени, не доставало благородства характера [2]). До извѣстной степени эта черта характера вѣрна; но выставленная какъ главная, почти какъ единственная, она не можетъ быть принята.

[1]) Introd. DLVII. [2]) *Lorenz*, 328.

Разсматривая документы всецѣло, какъ они теперь собраны въ двѣнадцати томахъ *Historiæ diplomaticæ Friderici Secundi*, насъ особенно поражаетъ одна черта, которая въ большей или меньшей степени проходитъ чрезъ всѣ акты— особенная, свойственная имъ нерѣзкость выраженія, иногда даже неясность мысли вслѣдствіе нежеланія высказаться. Многое сказано не довольно точно, многое не досказано,—диктовавшій акты или составлявшій ихъ какъ бы не желалъ связать себя своимъ же словомъ. Онъ понимаетъ, что ему нужна въ будущемъ полная свобода дѣйствій, свободный путь въ ту или другую сторону; онъ какъ бы сознаетъ, что управляетъ лишь общимъ движеніемъ, временное же должны указать обстоятельства. Рѣзкость, рѣшительность въ словахъ выступаетъ лишь тогда, когда эти слова передаютъ уже фактъ совершившійся или неминуемо долженствующій совершиться.

Политика Фридриха II, прежде всего, политика, унаслѣдованная имъ отъ своихъ предшественниковъ, отъ дѣда и отца. Въ великихъ вопросахъ отношенія Германіи и Италіи, императорскаго трона къ римскому престолу, онъ менѣе чѣмъ какой-либо изъ императоровъ могъ слѣдовать по новому, имъ самостоятельно составленному пути. Его рожденіе, наслѣдованныя имъ владѣнія, приковывали его на столько къ воззрѣніямъ его дома и къ политикѣ его отца, что даже тотъ выборъ, который былъ доступенъ его дѣду, былъ окончательно закрытъ для него. Политическія стремленія Фридриха II были направлены отчасти къ всемірному господству, къ верховности въ смыслѣ главенства въ феодальной федераціи всей Европы, къ абсолютной монархіи; отчасти къ независимости свѣтской власти отъ духовной; но, прежде всего, къ обладанію Италіей. Эти стремленія, а ни какіе-либо церковные вопросы, неминуемо приводили Фридриха II къ разрыву и къ борьбѣ съ папами; это были тѣ же причины, что вовлекали въ борьбу съ Римомъ и Фридриха I, но въ то время, какъ дѣдъ оставлялъ свои итальянскіе планы и тѣмъ самымъ

борьба прекращалась, при внукѣ не только прекращеніе борьбы, даже замиреніе не было возможно: положеніе Фридриха II въ Сициліи не дозволяло ему отказаться отъ вліянія на итальянскія дѣла.

Двѣ теоріи, о которыхъ мы упоминали выше, теоріи объ отношеніи между духовною и свѣтскою властью, остаются непреложными въ теченіе всей первой половины XIII стол. Папы того времени неуклонно держатся программы, высказанной Григоріемъ VII и Иннокентіемъ III,—мы основываемся на подлинныхъ документахъ Григорія IX и Иннокентія IV. «Римскій первосвятитель, преемникъ св. Петра—сказано въ буллѣ 1234 г.—владѣетъ двумя ключами суда и власти, такъ какъ власть была бы жестокою безъ суда и судъ былъ бы безполезенъ, еслибъ онъ не опирался на власть». Что здѣсь подъ властью не разумѣется одна духовная власть, то видно изъ папскихъ документовъ. Папа Григорій IX въ посланіи къ Фридриху II [1]), отъ 23-го октября 1236 г., ясно говоритъ, что Константинъ передалъ свѣтскую власть надъ всѣмъ міромъ въ руки апостольскихъ намѣстниковъ [2]). Папа Иннокентій IV, какъ бы оскорбленный такимъ мірскимъ происхожденіемъ свѣтской власти папъ, приводитъ это происхожденіе въ связь со словами Іисуса Христа и отъ нихъ ведетъ начало свѣтской власти папъ, находя, что папа Григорій IX принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые не умѣютъ доходить до корня вопроса и думаютъ, что абсолютная теократія папъ начинается съ Константина Великаго [3]). Агрессивный элементъ папской теоріи сохраняется вполнѣ и въ первой половинѣ XIII стол.

Общее начало императорской теоріи Фридрихъ II подтверждалъ не разъ. Такъ, въ посланіи [4]) къ папѣ Григорію IX, отъ 3-го декабря 1232 года, Фридрихъ пишетъ: «Хотя, святѣйшій отецъ, двѣ власти, именно папство и священная импе-

[1]) *Hist. diplom.*, IV, 914—923. [2]) Ibid., 921.
[3]) Ibid., p. 88—89. [4]) *Hist. diplom.*, IV, 408—411.

рія, кажутся различными по названіямъ, которыя служатъ для ихъ обозначенія, тѣмъ не менѣе они имѣютъ одно значеніе, вслѣдствіе одинаковаго происхожденія, ибо обѣ онѣ по принципу установлены божескимъ могуществомъ и поддерживаются милостью одной и той же благодати, равно какъ могли бы быть разрушены уничтоженіемъ нашей общей вѣры... И такъ, преблаженный отецъ, мы оба, чувствующіе себя единымъ, озаботимся единодушно о спасеніи нашей общей вѣры, возстановимъ угнетенную церковную вольность и, возстановляя права какъ церкви, такъ и имперіи, обнажимъ намъ предоставленные мечи на разрушителей вѣры и мятежниковъ имперіи» [1]). И Фридрихъ II не разъ высказывалъ этотъ принципъ полной независимости, равноправности обѣихъ властей и взаимной помощи ихъ одной другою. Этотъ принципъ единства обоихъ мечей высказывали и папы, но лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они считали себя обязанными предъ императорами. Такъ, за мѣсяцъ до вышеприведеннаго отрывка, папа Григорій IX, нуждавшійся въ помощи императора, пишетъ Фридриху [2]), отъ 27-го октября: «Кто осмѣлился бы съ неслыханною дерзостью утверждать, что въ дѣлахъ вѣры и церковной свободы, въ дѣлѣ возстановленія правъ церкви и имперіи, о которыхъ по нашему совѣту озабочивается императорская власть, мать-ли сына или сынъ мать покинетъ. Умъ не допускаетъ, природа отвергаетъ возможность такого разъединенія [3]).

Эта общая черта политики Фридриха, его стремленіе къ всемірному господству, къ укрѣпленію государственной власти, да, быть можетъ, къ учрежденію абсолютной монархіи [4]), за-

---

[1]) *Hist. diplom.*, IV, 410. [2]) Ibid., 401—403. [3]) Ibid., 402.

[4]) Говоримъ условно, основываясь на словахъ лицъ противной Фридриху партіи. Папа Иннокентій IV, въ посланіи о которомъ мы упоминали выше, говоритъ: Quum ad cetera regna suæ subjicienda virtuti oculum ambitionis extendens eam reperit obicem, cujus interest materno affectu christianorum regum, tamquam spiritualium filiorum, jura protegere ipsorumque defendere libertates. Ibid. 91 in fine. Брунетто Латини, политическій писатель гвельфской

ключала въ себѣ два необходимѣйшихъ условія: съ одной стороны Фридрихъ нуждается въ помощи папъ, съ другой—ведетъ съ папами борьбу, какъ съ защитниками феодальныхъ тенденцій, въ которыхъ заключалась слабость королевской власти. Отсюда вытекла та двойственность отношеній къ папскому престолу, которая многихъ обманываетъ.

Фридрихъ нуждался въ папахъ, нуждался въ папской санкціи своихъ поступковъ; именно въ папской, по той естественной причинѣ, что римскій престолъ былъ единственною церковною силою, которая имѣла равно сильное вліяніе во всѣхъ государствахъ Запада. И Фридрихъ прибѣгаетъ къ этой помощи постоянно; ломбардскія дѣла даютъ тому много примѣровъ; даже отправляясь въ Германію судить возмутившагося сына, онъ счелъ необходимымъ опереться на папскую санкцію. Положеніе Италіи и Германіи того времени дѣлали эту помощь крайне необходимою.

Положеніе политическихъ партій въ Италіи хорошо извѣстно. Стремленія Фридриха уничтожить тѣ права феодальныхъ сеньоровъ, которыя несовмѣстны съ монархическимъ единствомъ, встрѣчаютъ повсюду болѣе или менѣе сильную оппозицію. Сисмонди показалъ, что не было ни одного итальянскаго города, въ которомъ не существовала бы гвельфская, антиимператорская, партія. Вся сѣверная Италія была открыто противъ Фридриха. Заговоръ 1246 г. показалъ, что гвельфская партія сильна въ самой Апуліи.

Германія становилась все болѣе и болѣе непріязненною къ Фридриху. Въ отношеніяхъ духовныхъ князей къ императорской власти замѣчается одна черта: старая генерація выставляла знаменитыхъ духовныхъ князей, которые честно высказывались противъ всѣхъ притязаній изъ Рима исходившей,

---

партіи, говоритъ о Фридрихѣ: Ses cuers ne baoit a autre cose fors que a estre sires et souverains de tout le monde... Il cuidoit bien par lui et par ses filz sousprendre tot l'empire et la terre toute, en tel maniere que ele n'issist jamais de leur subjection. Li tresors, ed. *Chabaille*, 1, 92.

абсолютистической системы, и оставались вѣрными приверженцами императорской, совмѣстно-независимой теоріи—образъ Эбергарда Зальцбургскаго стоитъ не одинокимъ; вновь же появлявшееся поколѣніе духовныхъ германскихъ князей все болѣе и болѣе склоняется въ пользу «ультрамонтанскаго» направленія. Энгельбертъ Кельнскій весь принадлежитъ еще старой, императорской школѣ государственныхъ мужей; непосредственный же его преемникъ съ самаго начала принимаетъ на себя двусмысленную роль въ отношеніи къ Штауфенамъ и кончаетъ открытымъ заявленіемъ своихъ гвельфопапскихъ тенденцій. Въ Германіи Фридрихъ долженъ былъ дѣлать постоянныя уступки, и чѣмъ позже, тѣмъ болѣе значительныя. Какъ сильна была партія ему противная, видно изъ исторіи тюрингскаго ландграфа Генриха IV Распе: это былъ *rex clericorum*, но все-таки *rex*, побѣждавшій Конрада.

Видя въ папахъ необходимую для себя помощь, Фридрихъ вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ въ нихъ своихъ враговъ; прибѣгаетъ къ помощи папъ и въ то же время борется съ ними; каждый папа его союзникъ, каждый папа его врагъ. Въ этомъ нѣтъ противорѣчія: папы были сюзеренами, баронами, простиравшими свои феодальныя привилегіи на имперію и видѣвшими въ императорѣ своего вассала; со времени Григорія VII папы стремятся стянуть въ Римъ тѣ феодальныя преимущества, противъ которыхъ борется Фридрихъ въ Италіи и Германіи. Отсюда то двойственное положеніе, которое можно услѣдить въ политикѣ какъ императоровъ, такъ и папъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи.

Сводя всѣ положительныя черты политики императоровъ до половины XIII стол., можно принять, не рискуя быть опровергнутымъ, одну отрицательную черту этой политики: ни императоры до XIII столѣтія, ни Фридрихъ II никогда не притязали и не могли притязать на папскую тіару.

4

Въ началѣ XIII столѣтія, французскій баронъ графъ де-Фуа (de Foix) сказалъ папскому легату: «Объявляю вамъ, что защита моей свободы есть одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ стремленій. У меня нѣтъ злого умысла противъ папы, я готовъ согласиться на всѣ его требованія. Что же касается до моихъ религіозныхъ убѣжденій, то никто не имѣетъ права заботиться объ этомъ: въ дѣлѣ религіи всякій долженъ быть свободенъ» [1]). Такъ думали всѣ «еретическія» секты того времени, защищавшія свободу разума и совѣсти. Римская церковь не могла признать этого взгляда безъ уничтоженія всѣхъ основъ своего существованія и зорко слѣдила за развитіемъ, строго преслѣдовала распространеніе того новаго движенія, которое подготовило реформацію и которое, по мнѣнію одного ученаго паписта, рано или поздно докончитъ дѣло, начатое XVI столѣтіемъ [2]).

Еретическое движеніе XIII стол. не было единственнымъ, говоритъ г. Бреголль, противъ котораго римская церковь должна была бороться: къ нему присоединялось движеніе чисто реформатское [3]). Разсмотримъ отдѣльно то и другое, конечно, лишь по отношенію къ Фридриху II. Участіе, которое принималъ Фридрихъ въ еретическомъ движеніи, тѣмъ болѣе интересно, что еще болѣе подтверждаетъ тѣ отношенія Фридриха II къ папамъ, которыя мы выставили выше, какъ основу его политики, и которыя такъ противорѣчатъ главной задачѣ французскаго ученаго. Быть можетъ, этимъ объясняется та особенность новаго сочиненія г. Бреголля, которая невольно бросается въ глаза: въ то время, какъ третья часть его повторяетъ нерѣдко слово въ слово разсужденія и доводы, приведенные шесть лѣтъ раньше въ «Введеніи», только

---

[1]) *Perrin*, Albigens., lib. II, cap. 8. [2]) *Hurter*, III, B. II, 238.
[3]) *Huill. Bréh.*, p. 185—186. Introd. CDLXXXVIII.

статья объ еретичествѣ не вошла въ «Жизнь и переписку Петра Винейскаго».

Обвиненія Фридриха въ еретичествѣ, насколько намъ извѣстно, впервые офиціально формулированы въ энцикликѣ папы Григорія IX, отъ 21-го іюня 1239 года, къ прелатамъ церкви [1]: «Утверждая,—пишетъ папа,—что Господь вовсе не передавалъ блаженному Петру и его преемникамъ право вязать и разрѣшать, Фридрихъ высказываетъ этимъ ересь, которая доказываетъ его нечестивыя доктрины относительно другихъ вопросовъ вѣры православной, такъ какъ онъ желаетъ лишить церковь, на которой зиждется вся вѣра, той власти, которую она получила отъ Бога». Ровно четыре мѣсяца спустя, папа, въ посланіи къ Лудовику св., въ которомъ онъ извѣщаетъ французскаго короля о причинахъ, побудившихъ его отлучить Фридриха отъ церкви [2]), пишетъ: «Фридрихъ осмѣливается вмѣшиваться въ божественныя мистеріи, онъ, который еще ранѣе приговора отлученія, какъ истый язычникъ, съ ужасомъ отвратился отъ нихъ, какъ бы желая, подъ видомъ благочестія, распять Христа въ его собственной церкви», и нѣсколько строкъ ниже, въ которыхъ можно услѣдить дѣйствительную причину отлученія, продолжаетъ: «въ настоящее время Іисусъ Христосъ жестоко поруганъ въ немъ самомъ и его членахъ этимъ Фридрихомъ, который объявляетъ, что Богъ не могъ быть зачатъ во чревѣ Дѣвы». Сторонникъ папъ, полуофиціальное лицо, Альбертъ Бегамъ свидѣтельствуетъ: «По мнѣнію Фридриха, какъ увѣряютъ его приближенные, душа погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, въ чемъ онъ слѣдуетъ ереси саддукеевъ, которые не вѣруютъ ни въ будущее воскресеніе, ни въ существованіе ангеловъ или духовъ. Божественное священнодѣйствіе, заповѣди Христа и евангелія для него пусты и ничтожны».

На эти офиціальныя обвиненія Фридрихъ отвѣчалъ офи-

---

[1]) *Hist. diplom.*, V, 327—340. [2]) Ibid., V, 457—461.

ціальнымъ протестомъ, знаменитымъ *Credo*, разосланнымъ ко всѣмъ прелатамъ [1]): «Ложный намѣстникъ Христа, въ своихъ ложныхъ посланіяхъ утверждаетъ, что мы не исповѣдуемъ христіанской вѣры. Мы торжественно признаемъ Сыномъ Божіимъ единаго Господа нашего Іисуса Христа, вѣчнаго и равнаго по существу Отцу и св. Духу, рожденнаго до начала и прежде всѣхъ вѣковъ, затѣмъ ниспосланнаго на землю, ради спасенія рода человѣческаго, не сотвореннаго, но творящаго; рожденнаго отъ преславной Дѣвы Матери; потомъ страдавшаго, умершаго тѣломъ и природою, полученною имъ въ утробѣ Матери; наконецъ въ третій день божественною силою воскресшаго. Что же касается Магомета, то мы признаемъ, что его тѣло виситъ въ воздухѣ, дьяволы имъ овладѣли; душа же его въ преисподней, такъ какъ его дѣла темны и противны заповѣдямъ Всевышняго. Моисея же признаемъ мы угодникомъ и близкимъ Богу; бесѣдовавшимъ на Синаѣ съ Господомъ; которому Господь являлся въ неопалимой купинѣ; велѣніемъ котораго Моисей дѣлалъ чудеса въ народѣ египетскомъ и еврейскомъ; который далъ заповѣди своему народу, потомъ вмѣстѣ съ другими избранниками божіими былъ отозванъ на небо» [2]).

Вотъ символъ вѣры Фридриха II, его протестъ противъ офиціальныхъ обвиненій. Не было, конечно, недостатка и въ неофиціальныхъ. Англійскій хронистъ, до котораго доходили еретическія рѣчи, приписываемыя Фридриху, а не богохульныя дѣла, которыя онъ по желанію своихъ противниковъ долженъ былъ дѣлать, восклицаетъ при этомъ: «невозможно, чтобъ языкъ кого-либо, не только что христіанина, могъ бы произносить такія страшныя богохульства» [3]).

Какъ Фридрихъ не считалъ нужнымъ отвѣчать на неофиціальныя обвиненія, такъ и мы не считаемъ нужнымъ защищать его, тѣмъ болѣе, что для нашей задачи это вопросъ

---

[1]) *Hist. diplom.*, V, 348—351. [2]) Ibid., p. 349.
[3]) *Matth. Par.* ad. a. 1239, p. 438.

второстепенный, отъ рѣшенія котораго нисколько не зависитъ вопросъ объ отношеніи Фридриха къ папамъ и церкви [1]). Что Фридрихъ былъ скептикъ въ этомъ отношеніи и что его взгляды на догматическіе даже вопросы нерѣдко расходились со взглядами, офиціально признанными церковью за непреложные—это болѣе чѣмъ вѣроятно; но во всякомъ случаѣ безспорно и то, что онъ никогда не оскорблялъ ни догмата, ни вѣры своихъ подданныхъ [2]).

Узаконенія, изданныя Фридрихомъ по поводу еретиковъ, ясно указываютъ его отношенія къ нимъ. 22-го ноября 1220 г., изъ Рима, Фридрихъ издалъ постановленія, въ восьми статьяхъ, въ которыхъ, между прочимъ, была статья противъ еретиковъ, подъ какими именами они ни появлялись бы [3]). Это первое постановленіе служило основой для всѣхъ остальныхъ, главный характеръ которыхъ состоялъ въ уничтоженіи ересей огнемъ костровымъ, въ ожиданіи огня адскаго [4]). Фридрихъ часто повторялъ свой эдиктъ противъ еретиковъ и въ послѣдній разъ наканунѣ своего отлученія [5]). Политическая теорія Фридриха противъ еретиковъ высказана имъ въ письмѣ къ папѣ Григорію IX, отъ 3-го декабря 1232 года: «Церковь, т.-е. собраніе вѣрующихъ, внутренно подвергается опасности отъ испорченности духовныхъ братій и отъ нѣкоторыхъ тайныхъ пороковъ, внѣшне же растерзывается нападками безсмысленно дерзкихъ бунтовщиковъ. Противъ обѣихъ этихъ бѣдствій божественное Провидѣніе создало не два, но одно средство обороны, состоящее однако изъ двухъ частей: спасительная сила священническаго сана, которымъ

---

[1]) *Lorenz*, 320. [2]) *Huill. Bréh.*, Introd. CDLXXXVII.

[3]) Porro Catharos, Paterenos, Speronistas, Leonistas, Arnaldistas, Circumcisos et omnes hereticos utriusque sexus quocumque nomine censeantur perpetua dampnamus infamia, diffidamus atque bannimus. *Hist. diplom.*, 11, 4.

[4]) *Introd.* CDLXXXIX.

[5]) Всѣхъ эдиктовъ противъ еретиковъ десять; изданы они въ періодъ времени отъ коронованія въ Римѣ императорскою короною въ 1220 г., до отлученія Фридриха въ 1239 г.

искореняются духовно-тайные, растлѣвающіе душу пороки духовенства, и мощь императорскаго меча, который очищаетъ гніющія раны и своимъ остріемъ вырѣзываетъ у враговъ все гнилое и омертвѣлое. Вотъ, дѣйствительно, святѣйшій отецъ, одно и вмѣстѣ съ тѣмъ двойное лѣкарство противъ нашего недуга» [1]).

Г. Бреголль вполнѣ отклоняетъ отъ Фридриха всякое обвиненіе въ еретичествѣ, справедливо находя такое обвиненіе слишкомъ банальнымъ и поверхностнымъ [2]). Въ отношеніи Фридриха къ еретикамъ мы видимъ, что императоръ еще разъ ясно высказываетъ основной догматъ своей политики относительно папъ: единство обоихъ институтовъ, религіознаго и политическаго; согласное дѣйствіе ихъ, взаимная помощь другъ другу въ вопросахъ, не касающихся феодальныхъ прерогативъ, въ какомъ бы видѣ онѣ ни представлялись.

Не въ еретическомъ, но въ другомъ, болѣе опасномъ для папъ движеніи XIII стол., ищетъ г. Бреголль причину ненависти папъ къ Фридриху II и его преемникамъ: секретъ борьбы на жизнь и смерть, которую папы объявляли всему роду Штауфеновъ, заключенъ въ реформистскомъ движеніи, въ стремленіи реформировать церковь по началамъ первоначальной, апостольской церкви, и обновить ее во главѣ и ея членахъ, въ которомъ Фридрихъ II принималъ дѣятельное участіе [3]). Если вѣрить французскому ученому, то Фридрихъ II не остановился на этомъ и пошелъ далѣе: начавъ съ требованія примѣненія началъ, практиковавшихся въ апостольской

---

1) *Hist. diplom.*, IV, 409. 2) *Introd.* CDXCV.

3) Ce fut évidemment au mouvement réformiste que l'empereur se rattacha, c'est-a-dire à la pensée qui commençait à se produire d'une église plus parfaite se retrempant aux sources primitives et se régénérant dans ses chef et dans ses membres. Indrot. CDXCV. *Huill. Bréh.*, p. 191. Quand nous voyons les Papes formuler un autre ordre de griefs et signaler avec véhémence la tentative réformiste et schismatique de leur adversaire, nous pénétrons au fond même de [illegible] pensée la plus secrète, et ici l'accusation se produit avec d'autant plus [illegible]orité qu'on peut aujourd'hui la corroborer par une foule de preuves [illegible] p. 194.

церкви, онъ окончилъ провозглашеніемъ себя превосходящимъ папу въ святости и болѣе чѣмъ онъ способнымъ быть христовымъ намѣстникомъ, и, наконецъ, рѣшился основать независимую отъ Рима церковь, главою которой долженъ былъ быть императоръ [1]). Три идеи, одна за другою, должны были зародиться въ умѣ Фридриха—обѣдненіе духовенства, слѣпое самообожаніе собственной личности и организація отдѣльной, императорской церкви, — и наконецъ перейти въ одно стремленіе реформировать римскую церковь, понимая подъ реформой полное подчиненіе церкви государству [2]).

Обвиненіе чрезвычайно важное. Если оно справедливо, то значитъ Фридрихъ II отказался, наконецъ, какъ отъ политики дѣда и отца, которой онъ до сихъ поръ строго держался, такъ и отъ главной цѣли собственной дѣятельности. Это новое, выставленное впервые г. Бреголлемъ мнѣніе, по самой своей важности требуетъ полнаго знакомства съ тѣми матеріалами, на которыхъ оно основано; прежде чѣмъ принять или отвергнуть его, необходимо критически разобрать тѣ данныя, которыя навели французскаго ученаго на эту мысль. Необходимо, прежде всего, обратить вниманіе, насколько сама реформа была желательна и требованіе ея было обще въ

---

[1]) Frédéric II commença par préconiser le retour á l'antique église, à l'humilité, à la pauvreté, seul moyen, disait-il, d'opérer de nouveau des miracles dont la foi chancelante avait besoin; puis il se déclara égal, sinon supérieur au pape, en vertu d'une sainteté inhérente de droit divin au caractère imperial; enfin, par suite de ce principe il résolut d'établir une église indépendante dont il eût été le chef, et non seulement de se substituer au pape dans le gouvernement spirituel des États siciliens, mais aussi de faire triompher dans les pays voisins la suprématie religieuse du pouvoir laïque. ***Huill. Brèh.***, p. 191. Frédéric II emprunta au mouvement rétormiste tout ce qui convenait à ses vues particulières. Il commença par préconiser le retour à la primitive église, dans le but de réduire le clergé, quant aux choses matérielles, à ce que demandait Saint-Paul, ***victum et vestitum***. Posterieurement, il se declara supérieur au pape en saintété et plus apte que lui à remplir les fonctions de vicaire du Christ. Introd. CDXCVII.

[2]) *Huill. Brèh.*, p. 197—198.

Европѣ; затѣмъ уже ознакомиться съ реформою, приписываемою Фридриху II.

5.

Состояніе офиціальной церкви ясно указывало на необходимость реформы. Съ тѣхъ поръ, какъ церковь, къ присвоеннымъ ей по существу духовнымъ правамъ, присоединила исходившія отъ территоріальнаго владѣнія феодальныя привилегіи, чистота церкви, и не только первоначальной, апостольской, необходимо должна была исчезнуть. Увеличивавшіяся матеріальныя богатства церкви дѣлали ея притязанія все болѣе и болѣе несоразмѣрными съ ея назначеніемъ. Это рано высказавшееся стремленіе захватить въ свои руки привилегіи и права, церкви не свойственныя, быстро распространялось: какъ папа, глава церкви, стремился, согласно столь наглядно выставленной Григоріемъ VII теоріи, подчинить себѣ всѣ свѣтскія власти міра, такъ прелаты, епископы, аббаты и т. д., въ свою очередь, стремились стянуть къ себѣ всѣ чисто свѣтской власти принадлежащія отправленія. Чѣмъ болѣе осуществлялось это общее стремленіе главы и членовъ церковной іерархіи, тѣмъ болѣе церковь теряла свое духовное начало, становясь институтомъ вполнѣ свѣтскимъ. Всѣ недостатки мірского общества, отъ которыхъ церковь была ограждена самимъ своимъ духовнымъ значеніемъ, нашли теперь свободный для себя доступъ въ святилище церкви. Современные хроники и анналы, писанные лицами не только духовными, но даже монашествующими, офиціальные документы не только духовныхъ сановниковъ, но даже самихъ папъ, полны фактовъ, подтверждающихъ испорченность церкви той эпохи [1]).

Въ первой половинѣ XIII стол. уже ясно высказывается реакція, и предъ нами разыгрывается борьба двухъ партій

---

[1]) *Hill. Bréh.*, p. 187.

въ нѣдрахъ самой церкви: съ одной стороны доминиканцы и францисканцы, проповѣдники и минориты, однимъ словомъ всѣ нищенствующіе ордена, стремятся возвести монашескій аскетизмъ въ непреложный догматъ всего духовенства; съ другой, папа и кардиналы, прелаты и епископы, однимъ словомъ всѣ церковные феодалы, защищаютъ свои богатства и свои права. Это борьба внѣшняя, борьба культа, болѣе чѣмъ догмата; борьба внутренняя, всегда менѣе замѣтная, раздѣляла все духовенство на три главныя группы: одни требовали буквальнаго пониманія закона и суроваго его примѣненія,—представителями ихъ были монахи-проповѣдники; другіе, представителями которыхъ были монахи-минориты, «впадали болѣе въ мистицизмъ», требуя свободы толкованія текста; къ третьимъ принадлежало большинство духовенства, для котораго поземельныя владѣнія и вытекавшія изъ нихъ синьоріальныя привилегіи составляли главный, если не единственный догматъ, въ который они чистосердечно вѣрили и за который готовы были пострадать, и страдали. Реформа была необходима.

Вырожденіе духовнаго начала церкви въ чисто свѣтскій, мірской элементъ, вызывало осужденіе всей Европы. Эти протесты противъ духовенства и, конечно, прежде всего противъ папы, какъ главы, чрезвычайно характерны; они показываютъ главное направленіе требуемой реформы: всѣ протесты, всѣ жалобы на Римъ касаются лишь чрезмѣрнаго накопленія богатствъ, на счетъ другихъ земель и націй. *Французскіе* бароны, ограждая свои права отъ притязаній духовенства, составили особую лигу, съ цѣлью противодѣйствовать клерикальнымъ захватамъ феодальныхъ прерогативъ. Въ одномъ документѣ этого же времени, отъ 1246 года, тѣ же французскіе бароны пишутъ между прочимъ: «Пусть духовенство, обогащавшееся до настоящаго времени нашимъ обѣдненіемъ, пусть эти сыны рабовъ, судящіе по своимъ законамъ людей свободныхъ и дѣтей свободныхъ людей, пусть

будутъ приведены къ условіямъ первоначальной церкви. пусть они живутъ созерцаніемъ; пусть они предоставятъ намъ, такъ какъ это намъ и принадлежитъ. заботы дѣйствительной жизни и пусть возобновятъ чудеса» [1]. *Англійскіе* прелаты, дворянство и монашество много страдали отъ поборовъ въ пользу Рима [2]; въ 1245 году Фридрихъ пишетъ англійскимъ баронамъ [3],—къ сожалѣнію, самое письмо до настоящаго времени не отыскано.—что готовъ помочь имъ освободиться отъ постыдной дани. платимой ими апостольскому престолу. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя англійскіе уполномоченные на Ліонскомъ соборѣ протестовали противъ поборовъ римской куріи [4]. Въ *Германіи* жалобы на духовенство принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Епископъ фрейзингенскій старается оградить свою паству отъ волковъ въ овечьей шкурѣ [5]; спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ германскій народъ былъ доведенъ до отчаянія папскою партіею и папами [6]. Въ одной хроникѣ, подъ 1248 годомъ, записано, что въ Германіи появилась особая секта, считавшая папу еретикомъ, епископовъ и прелатовъ людьми, зараженными ересью и симоніей, низшее же духовенство утерявшимъ право «вязать и разрѣшать» вслѣдствіе пороковъ и грѣховъ [7]. Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Оттонъ IV возставалъ противъ поборовъ въ пользу церкви, вѣрнѣе, духовенства, и обѣщалъ своимъ сторонникамъ раздѣлить между ними имущества духовныхъ лицъ [8]. Въ *Италіи* духовенство было особенно развращено и хищно [9], что, конечно, могло лишь понудить требовать реформы. Въ самой римской церкви, въ *Римѣ*. высказывалось требованіе реформы, какъ о томъ ясно говоритъ кардиналъ-дьяконъ Оттонъ въ письмѣ къ епископамъ Мюнстера.

[1] *Huill. Bréh.*, VI, 468. [2] *Matth. Par.*, p. 345.
[3] *Hist. diplom.*, VI, 259—260. [4] *Matth. Par.* ad. a. 1245, p. 585—586.
[5] Alb. *Beham.* p. 540. [6] *Floto*, Heinrich IV, II, 282. [7] *Pertz*, XVI. 371.
[8] *Lunig*, Cod. Ital. diplom. 1, 33, n. 11. [9] *Huill. Bréh.*, p. 187.

Падерборна и Оснабрюка [1]). Требованіе реформы было общимъ по всей Европѣ.

Чрезъ всѣ вышеприведенныя требованія реформы проходитъ одна общая идея, къ которой уже примыкаютъ другія, именно чрезмѣрные поборы въ пользу Рима вызывали прежде всего жалобы, именно этимъ обогащеніемъ духовенства на счетъ другихъ были всѣ недовольны. Къ этой-то партіи недовольныхъ принадлежалъ и Фридрихъ II; имъ требуемая реформа должна была касаться лишь свѣтской стороны клира [2]).

Если Фридрихъ понималъ реформу въ болѣе широкомъ смыслѣ, если «онъ желалъ полнаго порабощенія церкви государствомъ», то эти планы должны высказаться въ сохранившихся историческихъ матеріалахъ. Первое мѣсто должно быть дано документамъ и, прежде всего, документамъ императорскимъ: Фридрихъ долженъ самъ сказать намъ, желаетъ ли онъ реформы и что онъ понимаетъ подъ реформой.

Г. Бреголль тщательно собралъ всѣ документы, въ которыхъ онъ видитъ намеки на желаніе той именно реформы, которою французскій ученый такъ обязательно снабжаетъ императора; но при этомъ приводитъ лишь отрывки изъ императорскихъ и папскихъ документовъ, вслѣдствіе чего смыслъ цитируемыхъ словъ остается или непонятнымъ, или принимаетъ ту окраску, какая была нужна для доказательства предвзятой цѣли, съ которою эти мѣста приводятся. Необходимо поставить каждый документъ въ рядъ тѣхъ политическихъ событій, которыя вызвали его, дать каждому документу тотъ смыслъ, съ которымъ онъ былъ составленъ.

Свое мнѣніе о стремленіи Фридриха стать папою г. Бреголль основалъ на пяти документахъ: три императорскихъ и два папскихъ — одинъ Григорія IX и одинъ Иннокентія IV.

---

[1]) *Schatten*, Annal. Paderb. ad. a. 1230, v. 11, p. 7.
[2]) *Schirrmacher*, IV, 341.

6.

«Манифестъ, изданный Фридрихомъ II въ 1227 году— говоритъ г. Бреголль—служитъ исходною точкою какъ въ вопросахъ религіи, такъ и въ дѣлахъ политики; въ немъ уже ясно высказана та теорія, которою онъ долженъ былъ впослѣдствіи воспользоваться какъ военною машиною, чтобъ сдѣлать брешь въ современной ему церкви» [1]).

О какомъ манифестѣ Фридриха здѣсь говорится?

8-го сентября 1227 года Фридрихъ отплываетъ изъ бриндизійскаго порта въ крестовый походъ. Спустя шесть сутокъ возвращается назадъ. Изъ Бриндизи Фридрихъ ѣдетъ лѣчиться на воды въ *Puzzuoli*, и отсюда даетъ знать папѣ Григорію IX о своей болѣзни и возвращеніи. Папа, буллою отъ 10-го октября, отлучаетъ Фридриха отъ церкви; императоръ отвѣчаетъ на папскую буллу особымъ посланіемъ къ государямъ Европы. Это-то защитительное посланіе Фридриха г. Бреголль называетъ манифестомъ 1227 года, который долженъ былъ быть основнымъ пунктомъ политики императора, программой его дѣятельности. Всѣ эти событія, равно какъ и буквальный переводъ папской буллы, были уже нами подробно изложены [2]). Приводимъ одно мѣсто, писанное нами три года назадъ [3]):

«Императоръ разослалъ ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и государямъ *защитительное посланіе*, въ которомъ жаловался и объявлялъ несправедливымъ произнесенный надъ нимъ приговоръ; всѣхъ и каждаго извѣщалъ императоръ что возвратился изъ начатаго путешествія не по пустымъ причинамъ, какъ ложно объявлялъ папа, но вслѣдствіе опасной болѣзни [4]). Оправдавшись въ ложныхъ, взводимыхъ на него па-

[1]) Introd. CDXCVII. *Huil. Bréh.*, p. 198.

[2]) *Бильбасовъ*, Крестовый походъ Фридриха II, стр. 47—59.

[3]) Нѣсколько строкъ изъ приводимаго ниже отрывка защитительнаго посланія Фридриха, выбранныхъ г. Бреголлемъ, мы вставляемъ въ скобки.

[4]) *Matth. Par.*, p. 239.

пою, обвиненіяхъ, *Фридрихъ принимаетъ на себя роль публициста и начинаетъ раскрывать пороки римской куріи.* Это самое интересное мѣсто изъ его посланія и мы приводимъ его въ полномъ переводѣ:

«Да обратятъ всѣ вниманіе на примѣръ графа Тулузскаго [1]), и многихъ другихъ государей, на лица и земли которыхъ римская курія наложила церковное запрещеніе и не снимаетъ его, пока не обратитъ въ рабское себѣ подчиненіе. Мы умалчиваемъ о симоніяхъ, о многоразличныхъ и неслыханныхъ въ нашъ вѣкъ поборахъ, которые римскій дворъ налагаетъ на церковныя лица, — объ ихъ ростовщичествѣ, открытомъ и тайномъ, которое до нихъ не было извѣстно міру и которое такъ портитъ его; ихъ рѣчи слаще меда и нѣжнѣе масла... [2]) Ненасытныя піявки! Они говорятъ, что римская курія — церковь, мать и кормилица наша; а эта курія есть корень и начало всѣхъ золъ, дѣйствующая не какъ мать, а какъ мачиха, что доказываютъ ея дѣйствія всѣмъ хорошо извѣстныя... Вотъ нравы римлянъ; вотъ сѣти, разставленныя прелатамъ, въ которыхъ римляне хотятъ ихъ поймать всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь; выманить у нихъ деньги, поработить свободныхъ, обезпокоить мирныхъ; въ овечьей одеждѣ они по существу своему хищные волки! Они разсылаютъ всюду легатовъ, имѣющихъ власть отлучать отъ церкви, лишать должностей и наказывать, не для того, чтобы сѣять плодотворное сѣмя, т.-е. слово Божіе, но чтобы исторгать деньги, собирать и пожинать то, чего никогда не сѣяли! Вотъ, почему они расхищаютъ святыя церкви, убѣжища бѣд-

[1]) Въ 1207 году Иннокентій III отлучилъ отъ церкви графа Тулузскаго и разрѣшилъ его подданныхъ отъ клятвы вѣрности ему, по одному подозрѣнію въ убійствѣ Петра Кастельнаусскаго. Поступокъ папъ съ графами Тулузскими возмущалъ много вѣковъ позже другого публициста, занимавшаго не столь высокое мѣсто въ Европѣ,—Вольтеръ писалъ: C'est ainsi qu'on traitait les descendants de Raymond de Toulouse, qui avait le premier servi la chretienté dans les croisades. *Voltaire*, Essais de moeurs, ch. LXII.

[2]) *Hist. diplom.*, III, 49.

ныхъ, пребыванія святыхъ, выстроенныя нашими благочестивыми и простыми отцами для отдохновенія бѣдныхъ и паломниковъ и для поддержки монашествующихъ. Теперь, развращенные и безчестные, извращающіе смыслъ наукъ, они притязаютъ въ своей дерзости на имперіи и королевства! (Первоначальная церковь была основана на бѣдности и простотѣ [1]), и тогда-то явились святые, помѣщенные въ спискѣ святыхъ; и (никто не можетъ давать ей иныхъ основаній, кромѣ данныхъ и утвержденныхъ Господомъ Іисусомъ) [2]). Да, римская курія, плавающая въ богатствѣ, окруженная богатствомъ, основывающаяся на богатствѣ, заставляетъ опасаться, чтобы не упали стѣны римской церкви и чтобъ она, лишенная цемента, не разрушилась».

«Это, разосланное ко всѣмъ государямъ Европы, посланіе замѣчательно не столько какъ оправдательное посланіе императора, сколько какъ *крикъ раздраженнаго публициста*».

То, что мы три года тому назадъ, вовсе не имѣя въ виду полемизировать съ г. Брегольемъ по поводу его сочиненія, которое появилось спустя три года, называли крикомъ раздраженнаго публициста, французскій ученый называетъ манифестомъ, въ которомъ высказаны основы императорской политики! Г. Брегольь приводитъ изъ этого «манифеста» лишь

---

[1]) Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести замѣчательныя слова знаменитаго историка папы Иннокентія III, сказанныя имъ по поводу часто заявляемыхъ желаній возстановить первоначальную, временъ апостольскихъ, церковь: Worin man aber zu keiner Zeit consequent genug geblieben ist; denn sonst müssten die Kirchen nach der Werke der jüdischen Synagogen gebaut, oder gar alle geistliche Belehrung des Volkes unter freiem Himmel gehalten werden; dürften Weiber nie an dem Abendmal Theil nehmen; dächten in Bezug auf die Taufe die Wiedertäufer rechtgläubiger als Katholiken, Protestanten und Reformirte, selbst als alle übrigen Secten. Ein sogenanntes Urchristenthum als Norm aller christlichen Einrichtungen aufstellen wollen, ist ein lächerliches Bemühen, und würde zu den gleichen Abgeschmacktheiten führen wie wenn man dem Kaiser von Osterreich den Haushalt des ältesten Grafen von Habsburg, die ja seine Vorfahren gewesen als bindendes Musterbild vorhalten wollte. Wer möchte wohl den Eichbaum in die Eichel zurückdrängen. *Hurter*, II, 219, 344.

[2]) Только это мѣсто приведено у *Huill. Brèh.*, p. 198.

слова, заключенныя нами въ скобки, умалчивая о тѣхъ строкахъ, въ которыхъ яснѣе всего видно, что возбуждаетъ гнѣвъ императора къ римской куріи. Фридрихъ возмущается не церковью, но «римскою куріею, плавающею въ богатствѣ, окруженною богатствомъ, основанною на богатствѣ»; онъ негодуетъ не на духовенство, а на лицъ, «исторгающихъ деньги у бѣдныхъ, занимающихся ростовщичествомъ и пожинающихъ то, чего не сѣяли»; будь въ числѣ этихъ лицъ самъ папа, онъ и его назоветъ «ненасытной піявкой», и въ противоположность этому-то состоянію вспоминается церковь апостольскихъ временъ. Картина состоянія духовенства, представленная Фридрихомъ, преувеличена именно вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ она писана; какъ противоположность ей намекается на состояніе духовенства въ первые вѣка христіанства: кто принимаетъ вторую половину за серьезно обдуманную программу будущихъ дѣйствій, долженъ принять и первую, которая послужила основою для второй. Богатство духовенства и только оно, ничто иное, имѣется въ виду въ «манифестѣ 1227 г.» Изъ манифеста ясно, что Фридрихъ разумѣетъ подъ реформой лишь уничтоженіе тѣхъ причинъ, которыя обогащали духовенство на чужой счетъ, т.-е. главнѣйшимъ образомъ феодальныхъ прерогативъ духовныхъ лицъ. Манифестъ 1227 г. не только не противорѣчитъ, но вполнѣ подтверждаетъ то направленіе политики Фридриха, которое мы выставили выше, какъ главное и основное.

Въ посланіи императора отъ 10-го сентября 1227 г. г. Бреголль видитъ первый намекъ на стремленіе Фридриха реформировать церковь «во главѣ и членахъ». Мы видѣли, что все ограничивалось желчнымъ протестомъ противъ богатствъ главы и членовъ церкви. Слѣдующіе два императорскіе документа, которые г. Бреголль приводитъ въ защиту своего мнѣнія, относятся уже ко времени послѣ Ліонскаго собора 1245 г. Въ теченіе *двадцати* лѣтъ, изъ которыхъ большая часть проведены въ борьбѣ или, по крайней мѣрѣ,

въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ римской куріи, въ документахъ Фридриха не встрѣчается ни разу даже этихъ желчныхъ нападковъ на богатство духовенства, ни одного слова о реформѣ!

17-го іюля 1245 г папа Иннокентій IV, предсѣдательствуя на Ліонскомъ соборѣ, отлучилъ Фридриха отъ церкви, лишилъ его всѣхъ императорскихъ, королевскихъ и другихъ его сану присвоенныхъ достоинствъ и призывалъ германскихъ князей къ выбору новаго короля, который долженъ былъ быть коронованъ за тѣмъ императорскою короною [1]. «Ожесточенный Фридрихъ, желая возстановить сердца всѣхъ королей и государей противъ церкви и прелатовъ, особенно же противъ папы, написалъ имъ посланіе [2], достойное осужденія, такъ какъ въ немъ ясно видно ядовитое намѣреніе, которое онъ (т.-е. императоръ) до того времени тщательно скрывалъ» [3]. Фридрихъ разослалъ ко всѣмъ королямъ пословъ, которые должны были передать намѣренія императора, которыя онъ не довѣрялъ бумагѣ,—эти планы Фридриха для насъ навсегда пропали; въ особомъ же посланіи [4], которое такъ не нравится Матвѣю Парижскому и которое императорскіе послы развозили съ собою ко всѣмъ дворамъ, Фридрихъ сильно ратуетъ противъ римскаго духовенства и особенно высшихъ его членовъ. Что посланіе это полно негодованія и
то естественно: оно писано человѣкомъ, котораго это
желаетъ уничтожить, свергнуть съ трона, изгнать
стіанской общины! Г. Бреголль приводитъ ко-
анія и видитъ въ немъ ясное желаніе рефор-
подчиненія церкви государству.
наго привѣтствія, Фридрихъ указываетъ на
представителей свѣтской власти, если папа
свергать королей съ трона, какъ онъ свер-
на Ліонскомъ соборѣ. «Не мы первые, не

7. [2]) Ibid., VI, 390—393.
ed. 1684). [4]) *Funck*, 328.

мы послѣдніе,—говоритъ Фридрихъ,—въ отношеніи къ которымъ духовенство злоупотребляетъ своею властью» [1]). Затѣмъ князья призываются отказывать въ послушаніи «этимъ ханжамъ,—подражателямъ святости, честолюбіе которыхъ надѣется, что весь Іорданъ потечетъ имъ въ ротъ, этимъ книжникамъ и фарисеямъ, т.-е. ипокритамъ, по словамъ Христа». Далѣе слѣдуютъ обычныя нападки на богатство духовенства; это богатство выставляется, какъ и прежде, причиною бѣдности народа и королей; говорится о козняхъ римской куріи противъ императора, который однако «надѣется притѣснить всѣхъ, которые тѣснятъ теперь его, хотя бы цѣлый міръ противился тому». Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе посланія, приводимое г. Бреголлемъ [2]): «Вѣрьте тому, что передадутъ вамъ наши послы, податели сего посланія, и будьте увѣрены въ томъ такъ же твердо, какъ вы вѣрили бы, еслибъ св. Петръ подкрѣпилъ то своею клятвою И не думайте, мы васъ просимъ, чтобъ приговоръ папы противъ насъ какимъ бы то ни было образомъ понизилъ значеніе нашего величія. Совѣсть наша чиста, и, слѣдовательно, Богъ за насъ, — мы призываемъ Его во свидѣтели. Привести опять клериковъ, и особенно высшихъ чиновъ, къ тому состоянію, чтобъ они уже до конца оставались такими, какими они были въ первоначальной церкви, ведя жизнь апостольскую и подражая Господу во смиреніи,—таково было всегда наше намѣреніе. Ибо тѣ духовныя лица удостоивались видѣть ангеловъ, совершать чудеса, излѣчивать больныхъ, воскрешать мертвыхъ и свя-

---

[1]) Verum quos sacerdotalis sic infestat abusio potestatis et a summo conatur precipitare deorsum, nec primi sumus nec ultimi. *Hist. diplom.*, 392.

[2]) Въ *Hist. diplom.* помѣщенъ текстъ этого посланія, свѣренный по рукописямъ; мы придерживались болѣе яснаго, менѣе испорченнаго текста по *Matth. Par.*, p. 596, исправляя лишь описки. Въ *Vie et Corresp. de Pierre de la Vigne* приведенъ переводъ этого отрывка по Charier, Hist. de la lutte des papes et des empereur; переводъ не точный и съ выпусками, измѣняющими смыслъ; напр., quibus damnabiliter onerantur—dont ils sont gorgés *pour leur damnation éternelle*.

тостью, а не оружіемъ, подчинять себѣ королей и князей. Эти же, преданные мірскимъ заботамъ и опьяненные мірскими наслажденіями, не заботятся о Богѣ; отъ умноженія ихъ богатствъ и сокровищъ страдаетъ религія. Отнять отъ такихъ людей богатства, которыми они отягощены къ своему же осужденію — есть дѣло милосердія. Поэтому вы и всѣ князья должны соединиться съ нами, чтобъ заставить ихъ отказаться отъ излишества, довольствоваться малымъ, и служить Богу, которому всѣ служатъ» [1]).

Послѣ того, что мы передали, содержаніе всего посланія и полный переводъ заключительныхъ строкъ, приводимыхъ г. Бреголлемъ съ выпусками; послѣ того, что мы указали тѣ политическія обстоятельства, при которыхъ это посланіе было писано,—смыслъ посланія ясенъ и цѣль его очевидна: принявъ во вниманіе то положеніе, въ которомъ находился императоръ, мы признаемъ тонъ посланія довольно еще умѣреннымъ и ссылаемся на документы папъ и папской партіи того времени. Это посланіе вызвано чисто политическими условіями дня, и цѣль его вовсе не церковная реформа, о которой императору въ то время и думать было некогда, а укрѣпленіе своего политическаго положенія,—отсюда эти нападки на богатства духовенства и воспоминаніе церкви апостольской: и то, и другое находило вѣрнѣйшій отголосокъ во всѣхъ земляхъ.

Переходимъ къ послѣднему доказательству, почерпнутому г. Бреголлемъ изъ императорскихъ документовъ; въ немъ впервые или, точнѣе, единственный разъ встрѣчается слово *реформа*, и французскій ученый обращаетъ на это особенное вниманіе. Приводимъ слова документа, какъ они помѣщены у г. Бреголля:

«Помогите намъ противъ гордыхъ
рихъ въ 1249 г. ко всѣмъ госу

[1]) *Matth. Par.*, p. 595.

пашу мать, давъ ей руководителей болѣе достойныхъ управлять ею, и да возможемъ мы, сообразно нашей обязанности, *реформировать и улучшить церковь* на славу Бога». Такъ изъ устъ главы имперіи было брошено это великое слово реформы, которое, будучи принято массами, должно было имѣть въ мірѣ грозный отголосокъ» [1]).

Такъ приведенный, этотъ отрывокъ ясно указываетъ на желаніе Фридриха *реформироватъ* церковь. При какихъ же обстоятельствахъ былъ изданъ этотъ документъ? Какой смыслъ въ самомъ документѣ связанъ съ приводимымъ отрывкомъ?

Въ іюнѣ 1245 г., Иннокентій IV отлучилъ Фридриха отъ церкви и свергнулъ императора съ трона. Въ началѣ 1246 г., наиболѣе могущественные изъ апулійскихъ вельможъ составили заговоръ противъ Фридриха; цѣль заговора—свергнуть Фридриха съ престола и, въ случаѣ надобности, даже убить. Многіе изъ современниковъ видѣли въ папѣ руководителя заговора; вѣроятнѣе же, что это обвиненіе произошло вслѣдствіе тождественности цѣлей папы и заговорщиковъ. Папская партія, въ отвѣтъ на это, обвиняла Фридриха въ желаніи убить папу [2]). «Не смотря на произвольные и несправедливые поступки,—пишетъ Фридрихъ въ отвѣтъ на обвиненіе,—на которые рѣшился противъ насъ папа, будучи на Ліонскомъ соборѣ, мы, какъ то знаетъ Всевышній, никогда не соглашались на убійство папы или кого-либо изъ кардиналовъ; мы всегда гнушались подобными злодѣяніями, хотя къ намъ много разъ и многіе обращались съ предложеніемъ услугъ. Мы, напротивъ того, всегда старались отражать несправедливость, учиненную противъ насъ, справедливою защитою; мы были всегда далеки отъ мести». Современники считали, что «папа только для того обвиняетъ Фридриха, чтобъ уменьшить тѣмъ силу обвиненія, взводимаго на него Фридрихомъ, въ участіи императора».

[2]) *Matth. Par.*, p. 481.

Это было въ началѣ 1246 г. Весной, тюрингскій ландграфъ былъ избранъ въ короли Германіи, разбилъ Конрада (германскаго короля и сына Фридриха) подъ стѣнами Франкфурта и въ началѣ 1247 г. умеръ. По приказанію папы, нищенствующіе ордена ходятъ по деревнямъ и селамъ, возбуждая народъ возстать не на защиту и помощь св. Землѣ не на борьбу съ монголами, но для противодѣйствія императору: папа сознавалъ всю *«неловкость»* возлагаемаго имъ на орденъ порученія и велѣлъ молчать о такомъ своемъ распоряженіи [1]). Въ это время, въ Италіи, происходила знаменитая осада Пармы, окончившаяся страшнымъ пораженіемъ императорской партіи; любимецъ Фридриха, Ѳаддей Суесскій, преданъ позорной казни. Въ началѣ 1249 г., Фридрихъ, больной, открываетъ заговоръ въ самомъ своемъ домѣ; онъ убѣжденъ, что его любимецъ Петръ Винейскій желалъ отравить его, что руководителемъ заговора былъ папа, съ этою цѣлью приславшій доктора изъ пармской темницы, въ которой этотъ содержался послѣ плѣненія во время битвы подъ Пармой. Раздраженный до крайности, ни въ комъ уже не увѣренный, всѣхъ подозрѣвающій, Фридрихъ велитъ казнить и доктора, и Петра Винейскаго, и затѣмъ пишетъ объ этомъ заговорѣ всѣмъ государямъ Европы; возмущенный участіемъ папы въ подобномъ злодѣяніи, пишетъ письмо желчное, раздраженное, полное отчаянія [2]).

Такъ какъ приведенный выше отрывокъ взятъ г. Бреголлемъ изъ этого именно посланія, то мы приводимъ его въ полномъ переводѣ, причемъ уже само собой будетъ ясно, какъ много Фридрихъ II заботился о реформѣ церкви, на сколько занимаетъ его этотъ важный вопросъ, короче, будетъ ясно, что не о реформѣ церкви думалъ въ то время Фрид-

---

[1]) Ne fiant conciones pro cruciata Terræ Sanctæ, sed contra Fridericum Volumus autem ut ista secreto teneas, nulli penitus revelanda. Reg. Innoc IV, 19.

[2]) *Hist. diplom.*, VI, 705—707.

рихъ и слово реформа употреблено въ посланіи какъ желчная угроза, какъ раздраженный крикъ человѣка, возмущеннаго злодѣяніемъ, а не какъ обдуманный заранѣе планъ. Вотъ это посланіе отъ слова до слова:

«Послушайте народы объ отвратительномъ злодѣяніи, въ нашъ вѣкъ неслыханномъ. Откройте глаза и видите, какъ въ послѣдніе дни, за которыми, безъ сомнѣнія, послѣ того, что случилось, долженъ послѣдовать конецъ міру, какъ въ эти послѣдніе дни всякое обычное мнѣніе обманчиво, естественный ходъ событій извращенъ, какъ обманъ и несправедливость, гнусная низость и злой примѣръ исходятъ оттуда, откуда ожидается спасеніе души и тѣла. Мы охотнѣе бы умолчали—то знаетъ Богъ—о томъ злодѣяніи, которое передаемъ вамъ; но оно такъ глубоко поразило насъ, что мы не можемъ молчать.

«Недавно — мы поражены тѣмъ, что передаемъ вамъ— папа, великій первосвященникъ, мирный глава нашей вѣры, недовольный безчисленными попытками и безчестными возмущеніями, при помощи которыхъ онъ, какъ то извѣстно всему міру, противно своему сану, даже вопреки Богу, словомъ и дѣломъ публично враждуетъ противъ насъ въ различныхъ странахъ, недавно папа покусился—о стыдъ!—тайными преслѣдованіями уничтожить нашу жизнь. Папа, чрезъ своего легата, безчеловѣчно и низко уговорилъ нашего врача, который содержался въ пармской темницѣ, чтобъ онъ по возвращеніи къ нашему двору далъ бы намъ яда подъ видомъ лѣкарства. Когда, затѣмъ, этотъ врачъ былъ обмѣненъ на благороднаго гражданина Пармы, котораго мы освободили изъ нашей темницы, и прибылъ къ намъ, и когда, соблазненный обѣщаніями и уговорами, хотѣлъ выполнить то, что обѣщалъ и въ чемъ поклялся, онъ подалъ намъ смертоносное, а не цѣлебное лѣкарство: десница Господа устроила такъ, что эта чаша прошла мимо насъ, и мы не испили отравы. Пойманный на мѣстѣ преступленія, врачъ не могъ отрицать того,

*

что также очевидно было изъ перехваченныхъ писемъ, которыя раскрыли намъ и нашимъ вельможамъ все предпріятіе. Вотъ какъ любитъ насъ нашъ любезнѣйшій Отецъ! Вотъ похвальное рвеніе и заботы пастыря! Вотъ честныя дѣла римскаго первосвященника! О какая скорбь бушуетъ въ насъ! О какое извращеніе: тотъ подаетъ ядъ, кто долженъ бы раздавать благодѣянія! Мы удивились этому не мало и справедливо были поражены этимъ поступкомъ, такъ какъ мы, говоря по совѣсти, не заслуживали того, чтобъ папа могъ согласиться, не только чтобъ руководить заговоромъ на нашу жизнь. О Боже, какъ могло такое низкое злодѣяніе проникнуть въ сердце его! О Боже, въ чемъ провинились мы предъ нимъ, чтобъ въ его душу запала такая свирѣпость? Ничто не могло легче подвинуть его къ тому, какъ позорная любовь и неукротимое стремленіе къ всемірному господству, ибо онъ не можетъ сносить себѣ равныхъ и терпѣть возлѣ себя соучастниковъ. Свое страстное желаніе старался онъ выполнить злодѣяніемъ, такъ какъ при нашей жизни оно было неисполнимо. Поэтому мы желаемъ обратить ваше и другихъ православныхъ вниманіе на этотъ безчестный поступвкъ и на крайнее честолюбіе прелатовъ, которые, не удовлетворяясь духовною властью, стремятся и правдою и неправдою захватить въ свои руки свѣтское господство, лишить наслѣдства какъ малолѣтнихъ, такъ и совершеннолѣтнихъ. Какъ же должно назвать, сообразно поступку, такого человѣка, который долженъ бы былъ быть примѣромъ добродѣтели для другихъ? Онъ разрѣшаетъ людямъ дѣлать самое непозволительное, угнетаетъ церкви, разоряетъ христіанскій народъ, отнимаетъ у Бога Богу посвященное, отчуждаетъ десятину и людей отъ служенія Іисусу Христу и собранное на защиту св. Земли употребляетъ противъ насъ,—все лишь для того, чтобъ вычеркнуть насъ изъ книги живыхъ и самому необузданно за- ѣмъ властвовать. Воспротивьтесь же его необузданнымъ ›емленіямъ, да не похвалится онъ своими злодѣяніями; по-

могите намъ твердою рукою и крѣпкимъ духомъ противъ нихъ, да дадутъ пресвятѣйшей церкви матери нашей болѣе достойныхъ руководителей, отбросивъ свое высокомѣріе, и да улучшимъ мы церковь на славу Бога, сообразно нашей обязанности и нашему искреннему желанію» [1]).

Переходимъ къ папскимъ документамъ, приводимымъ г. Бреголлемъ.

7.

Во всѣхъ документахъ папъ, отъ Иннокентія III до Иннокентія IV включительно, г. Бреголль нашелъ лишь два документа, въ отрывкахъ которыхъ онъ видитъ намеки на Фридрихову реформу церкви: посланіе папы Григорія IX, отъ февраля 1240 г., и папы Иннокентія IV, отъ марта 1246 г.

Въ 1239 году долженъ былъ истечь срокъ сирійскаго перемирія, заключеннаго Фридрихомъ II съ султаномъ Малекъ-Камелемъ. Папа Григорій IX заранѣе уже готовилъ новый крестовый походъ. Съ этою цѣлью онъ старается ввести миръ и спокойствіе во всей Европѣ, и когда, въ 1235 г., папа узналъ объ участіи ломбардцевъ въ заговорѣ Генриха VII противъ своего отца, онъ счелъ своею нравственною обязанностью употребить всѣ мѣры къ примиренію обѣихъ сторонъ. Императоръ не только не былъ противъ этого вмѣшательства папы, но самъ требовалъ его помощи [2]). Назначенные въ Римѣ переговоры, на которыхъ императорскимъ посломъ былъ Петръ Винейскій, не состоялись, такъ какъ ломбардцы не прислали своихъ уполномоченныхъ; императоръ писалъ объ этомъ папѣ, выставляя на видъ, что не онъ, а ломбардцы

[1]) Ibid., p. 707. Wenn der Kaiser zur Zeit der Verschwörung Peters de Vinea die Fürsten Europas aufruft: Assistite nobis etc. so liegt doch darin kein Anlass zu der Annahme, er habe selbst sich zum Haupt eines weltlichen Papstthum machen und beide höchsten Würden in einer Person vereinigen wollen. *Schirrmacher*, IV, 495.

[2]) *Giannone*, XVI, 158.

враги мира [1]). Въ отвѣтъ на это письмо, папа послалъ къ Фридриху кардинала, епископа Якова Пренестинскаго, какъ мирового посредника между ломбардцами и императоромъ. Это назначеніе Якова уже ясно указывало роль папы въ ломбардскомъ вопросѣ: епископъ Пренестинскій высказался уже какъ фанатическій приверженецъ ломбардской лиги тѣмъ, что, возстановляя миръ въ г. Пьяченцѣ, изгналъ изъ города приверженцевъ императора и самый городъ присоединилъ къ ломбардскому союзу. Фридрихъ хорошо понималъ это назначеніе для мирныхъ переговоровъ «хищнаго волка въ бѣлой одеждѣ—такъ Фридрихъ называетъ епископа въ одномъ изъ своихъ посланій [2])—который только старается о томъ, чтобъ ослабить значеніе и вліяніе императора въ итальянскихъ областяхъ» [3]). Сохранилось, кромѣ того, извѣстіе, что папа, въ то самое время, какъ уговаривалъ Фридриха не вступать въ Италію враждебно, съ войсками, посылалъ деньги ломбардцамъ, помогалъ имъ, ободрялъ ихъ [4]). Императоръ зналъ все это.

Въ 1237 г. произошли мантуанскія конференціи по поводу ломбардскихъ дѣлъ; конференціи были прекращены, такъ какъ послы не могли прійти ни къ какому соглашенію. Затѣмъ произошло знаменитое пораженіе ломбардцевъ на кортенуовскихъ поляхъ. Быть можетъ, болѣе всѣхъ въ Италіи испугало это сраженіе папу: Григорій IX боялся, чтобъ императоръ, пріобрѣтя силу и значеніе въ Италіи, не изъявилъ бы притязаній на Церковную Область, и папа обратился съ просьбою о помощи къ аррагонскому двору [5]). Военная слава, до-

---

1) *Matth. Par.*, p. 296. 2) *Pet. Vin.* 1. 1. c. XXI, p. 139—159.

3) Ibid., p. 149. 4) *Matth. Par.*, p. 296.

5) Въ аррагонскихъ лѣтописяхъ записано, что папа просилъ Якова, короля аррагонскаго, прійти съ войскомъ въ Италію и изгнать Фридриха, за что онъ ему обѣщалъ: acciocchè il richiedessero in nome de lui e delle città collegate sopradette, che venisse a guerreggiare con Federico, che l'avrebbero creato signore di Lombardia con pagargli tutte quelle rendite e fargli tutti quegli onori che si solevano fare agl' imperadori (*Zurita*. Ann. Arrag. ad. a. 1238).

'ann., XVII. 162.

бытая на кортенуовскихъ поляхъ, опустошила императорскую казну; Фридрихъ прибѣгъ къ усиленному налогу. При взиманіи податей опять поднимался старый уже вопросъ о правѣ императора взимать подати съ монастырей и церковныхъ имуществъ: папа высказалъ императору свое неудовольствіе за то, что Фридрихъ и на этотъ разъ не изъялъ монастырей отъ подати; для объясненія по этому поводу поѣхало въ Римъ торжественное посольство [1]).

Въ это время новый, сардинскій вопросъ окончательно разрушилъ добрыя сношенія между императоромъ и папой. Энцій, сынъ Фридриха, женился на наслѣдницѣ сардинскаго королевства и принялъ корону острова. Папа, подъ страхомъ отлученія, требовалъ отъ Фридриха, чтобъ тотъ призналъ Сардинію феодомъ церкви, основываясь на старинныхъ притязаніяхъ многихъ папъ, на что императоръ отвѣчалъ, что со дня коронаціи онъ поклялся возстановлять права имперіи [2]) и что относительно Сардиніи права имперіи неоспоримы [3]). Быть можетъ, папа и не привелъ бы еще въ исполненіе своей угрозы, но Энцій, какъ король Сардиніи, желая пріобрѣсти себѣ сторонниковъ въ аристократическихъ фамиліяхъ острова, дозволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ завладѣть землями и зàмками епископовъ. Это былъ ударъ, нанесенный слишкомъ чувствительнымъ интересамъ: 20-го марта 1239 г. папа отлучилъ Фридриха отъ церкви и, будучи въ страшномъ гнѣвѣ, предалъ его сатанѣ [4]).

Тотчасъ послѣ извѣстія о своемъ отлученіи, съ которымъ былъ связанъ церковный интердиктъ на Сицилію, какъ наслѣдственную землю императора, Фридрихъ, зная, что закрытіе церквей произведетъ самое тяжелое впечатлѣніе на народъ, особымъ эдиктомъ [5]), «какъ истинно католическій го-

---

[1]) *P. Vin.*, p. 150. [2]) *Matth. Par.*, p. 327.

[3]) Ibid., 328. [4]) *Matth. Par.*, p. 329.

[5]) *Petr. Vin.* l. I, cap. XXIII, p. 163—164; l. I, cap. IV, p. 93—94. Что оба эти документа относятся ко времени отъ 20-го марта 1239 г., времени отлученія, до февраля 1240 г., посланія папы, которымъ мы занимаемся, ясно *какъ изъ самаго посланія*, такъ и изъ указаній Ric. S. Germ. ad. a. 1239.

сударь и исповѣдующій католическую вѣру», повелѣлъ всему духовенству отправлять церковныя службы, «составляющія основный камень святой церкви», во всѣхъ земляхъ сицилійскаго королевства. «И да будетъ извѣстно—такъ заканчиваетъ императоръ—тѣмъ, которые не захотятъ совершать богослуженія, что мы, вопреки нашему желанію, лишимъ ихъ всего достоянія, дарованнаго церкви ихъ двумя нашими августѣйшими предками».

Императоръ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры къ обезопасенію своихъ подданныхъ отъ смутъ и волненій, которыя вносили въ Сицилійское королевство папскіе агенты, члены духовныхъ орденовъ: онъ повелѣлъ всѣмъ монашествующимъ лицамъ, родомъ изъ враждебной ему Ломбардіи, оставить его королевство; остальные же должны были представить поручительство въ томъ, что они ничѣмъ не оскорбятъ императора [1]); привозъ въ королевство папскихъ посланій былъ запрещенъ подъ страхомъ строжайшаго наказанія, которому равно подвергались какъ духовные, такъ и свѣтскіе [2]). Фридрихъ не ограничился подобными предписаніями и въ началѣ 1240 года предпринялъ походъ къ Риму. Императоръ занялъ много городовъ Церковной Области [3]) и быстро приближался къ Риму; граждане г. Витербо, многихъ другихъ городовъ, наконецъ сами римляне съ радостью и почестями присылали своихъ депутатовъ къ императору, какъ къ своему государю [4]). Въ это время [5]). Григорій IX пишетъ свое посланіе [6]), въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

---

[1]) Ric. S. G. ad. a. 1239, p. 1041.

[2]) Ric. S. Germ., p. 1042. *Petr. Vin.* l. I, cap. XIX, p. 134—136 (*Hist. diplom.*, VI, 701).

[3]) E se gli diede in un subito Fuligno, Viterbo, Orta, Civita Castellana, Corneto, Sutri, Montefiascone e Toscanella con molt' altre castella. *Giannone*, 169. Крѣпость С. Анджело обречена была уничтоженію. *Reg. Frid.*, II, 287.

[4]) *Matth. Par.*, p. 356.

[5]) Сохранились три императорскихъ документа изъ Витербо, отъ 27-го раля 1240 года, а папское посланіе писано или въ послѣднихъ числахъ раля или въ первыхъ марта. *Februario exeunte*, по мнѣнію Г. Брегольля.

[6]) *Hist. diplom.*, V, 776—779.

«Императоръ, возвышая себя превыше всего, что называютъ Богомъ и что почитаютъ какъ Бога, сдѣлавъ нечестивыхъ апостатовъ Илію и Генриха [1]) агентами своего разврата, преображаясь на горѣ гордости въ ангела свѣта, попирая ключи Христа и привилегію св. Петра [2]), непочтительно присутствуетъ при божественныхъ службахъ, заставляя служителей алтаря, подъ страхомъ смертной казни или вѣчнаго изгнанія, совершать святотатства, и равно наказывая молящихся за святого первосвященника и немолящихся за него... Онъ грозитъ уничтожить престолъ св. Петра и замѣнить (христіанскую) вѣру древними языческими обрядами [3]); какъ бы сѣдящій въ храмѣ Господа, онъ силою захватываетъ обязанность первосвященника» [4]).

По поводу отлученія Фридриха, произнесеннаго папой годъ тому назадъ, одинъ хронистъ замѣтилъ, что оно было произнесено папою въ *страшномъ гнѣвѣ*. Разсказанныя нами политическія событія того времени вовсе не были способны утушить этотъ гнѣвъ, и приведенный отрывокъ изъ посланія 1240 г. ясно указываетъ, что гнѣвъ Григорія IX лишь увеличился за протекшій годъ. Оставляя въ сторонѣ первую

---

[1]) Il s'agit ici de frère Élie, successeur de S. François d'Assise, et général des Mineurs, déposé par le pape en 1239. Ce singulier personnage, à la fois rigorist et sensuel, ascétique et mondain, devint l'ami et le commensal de Frédéric II, qu'il accompagna dans plusieurs expéditions militaires, et qu'il servit dans diverses missions, notamment auprès de Vatacès. Quant à Henry, nous n'avons pas de renseignements suffisants pour préciser ni qui il était, ni quel rôle il jouait auprès de l'Empereur. *Introd.* DIII.

[2]) Это мѣсто выпущено во французскомъ переводѣ; вообще переводъ не совсѣмъ точенъ. *Huill. Bréh.*, p. 194.

[3]) Et fidem ad gentilitatis ritus subrogare priores — переведено два раза, первый il menace... de substituer à la foi chrétienne les anciennes erreurs des Gentils. *Introd.*, DIII; второй: il menace... de substituer à la foi chétienne les anciennes cérémonies de l'empire païen. *Huill. Bréh.*, p. 194. При второмъ переводѣ приложено толкованіе: il est très-clair que le pape fait ici allusion à la réunion des deux pouvoirs entre les mains des anciens empereurs romains. *Huill. Bréh.*, p. 194, n. 1.

[4]) Ibid., VI, 777.

враги мира [1]). Въ отвѣтъ на это письмо, папа послалъ къ Фридриху кардинала, епископа Якова Пренестинскаго, какъ мирового посредника между ломбардцами и императоромъ. Это назначеніе Якова уже ясно указывало роль папы въ ломбардскомъ вопросѣ: епископъ Пренестинскій высказался уже какъ фанатическій приверженецъ ломбардской лиги тѣмъ, что, возстановляя миръ въ г. Пьяченцѣ, изгналъ изъ города приверженцевъ императора и самый городъ присоединилъ къ ломбардскому союзу. Фридрихъ хорошо понималъ это назначеніе для мирныхъ переговоровъ «хищнаго волка въ бѣлой одеждѣ—такъ Фридрихъ называетъ епископа въ одномъ изъ своихъ посланій [2])—который только старается о томъ, чтобъ ослабить значеніе и вліяніе императора въ итальянскихъ областяхъ» [3]). Сохранилось, кромѣ того, извѣстіе, что папа, въ то самое время, какъ уговаривалъ Фридриха не вступать въ Италію враждебно, съ войсками, посылалъ деньги ломбардцамъ, помогалъ имъ, ободрялъ ихъ [4]). Императоръ зналъ все это.

Въ 1237 г. произошли мантуанскія конференціи по поводу ломбардскихъ дѣлъ; конференціи были прекращены, такъ какъ послы не могли прійти ни къ какому соглашенію. Затѣмъ произошло знаменитое пораженіе ломбардцевъ на кортенуовскихъ поляхъ. Быть можетъ, болѣе всѣхъ въ Италіи испугало это сраженіе папу: Григорій IX боялся, чтобъ императоръ, пріобрѣтя силу и значеніе въ Италіи, не изъявилъ бы притязаній на Церковную Область, и папа обратился съ просьбою о помощи къ аррагонскому двору [5]). Военная слава, до-

---

1) *Matth. Par.*, p. 296. 2) *Pet. Vin.* 1. I, c. XXI, p. 139—159.

3) Ibid., p. 149. 4) *Matth. Par.*, p. 296.

5) Въ аррагонскихъ лѣтописяхъ записано, что папа просилъ Якова, короля аррагонскаго, прійти съ войскомъ въ Италію и изгнать Фридриха, за что онъ ему обѣщалъ: acciocchè il richiedessero in nome de lui e delle città collegate sopradette, che venisse a guerreggiare con Federico, che l'avrebbero creato signore di Lombardia con pagargli tutte quelle rendite e fargli tutti quegli onori che si solevano fare agl' imperadori (*Zurita*, Ann. Arrag. ad. a. 1238). *Giann.*, XVII, 162.

врага Бога и человѣковъ [1]); второй, отъ 8-го декабря 1248 г., въ которомъ папа въ черныхъ краскахъ рисуетъ положеніе Сициліи вообще и сицилійской церкви въ особенности [2]). Изъ обоихъ документовъ составился слѣдующій отрывокъ:

«Фридрихъ старается презирать католическую церковь потому, что она не производитъ уже болѣе чудесъ, какъ въ древнія времена. Онъ объявляетъ, что необходимо привести церковь въ ея первобытную бѣдность, потому что она, по его мнѣнію, злоупотребляетъ своимъ богатствомъ, полученнымъ первоначально отъ свѣтскихъ властей, противъ свѣтской же власти, и, не ограничиваясь обѣдненіемъ прелатовъ, Фридрихъ хочетъ поссорить ихъ съ церковью. Захватывая церковныя имущества, онъ старается увлечь своимъ примѣромъ другихъ государей. Онъ считаетъ свои верховныя права ограниченными, если онъ владѣетъ лишь свѣтскою властью и если духовная равнымъ образомъ не подчинена ему».

Оба документа относятся ко времени послѣ Ліонскаго собора, когда папа Иннокентій IV не только высказывалъ свое намѣреніе уничтожить весь ненавистный ему родъ Штауфеновъ [3]), но, возведеніемъ Генриха Распе въ германскіе короли, приводилъ это въ исполненіе. Въ первомъ документѣ повторены нападки на богатство духовенства,—нападки, какъ мы видѣли, общіе въ то время всей Европѣ и, основываясь на одномъ мѣстѣ императорскаго посланія, въ которомъ констатируется слишкомъ понятный фактъ, что апостольская церковь производила чудеса, а современная ему нѣтъ, выводится мнѣніе о презрѣніи Фридриха къ современной церкви! Что Фридрихъ не былъ человѣкомъ, требовавшимъ чудесъ, сознавали и сами папы, упрекая его въ матеріализмѣ; что Фридрихъ былъ на столько умный политикъ, чтобъ уважать церковь и всѣ ея обряды, въ томъ не отказываетъ ему и

---

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 396—399. [2]) Ibid., 676—681.

[3]) См. любопытный документъ отъ 30-го августа 1248 года. *Hist. diplom.*, VI, 646—651.

самъ г. Бреголль. Но, съ другой стороны, понятно, что какъ папамъ, такъ и французскому ученому было выгодно понимать слова Фридриха въ буквальномъ значенін. Во второмъ документѣ императоръ обвиняется въ присвоенін себѣ папской теоріи: какъ нѣкогда Григорій IX [1], во время борьбы съ Фридрихомъ, такъ теперь Иннокентій IV хочетъ увѣрить міръ, что императоръ стремится захватить въ свои руки и духовную власть, — эта оборотная сторона папской теоріи, какъ мы видѣли, никогда не входила въ планы Фридриха или его предшественниковъ. Г. Бреголль сознаетъ, что со стороны Иннокентія IV это не болѣе, какъ риторическая фигура и проходитъ молчаніемъ это обвиненіе, подтвердить которое фактами было бы равно трудно, какъ для папъ, такъ и для французскаго ученаго.

Замѣчательно, что стремленіе Фридриха реформировать церковь, т.-е., по словамъ г. Бреголля, уничтожить папскую власть, ни разу не высказано ясно въ папскихъ документахъ, и лишь три раза упомянуто такими намеками, которые позволяютъ усумниться въ правильномъ пониманіи ихъ г. Бреголлемъ. Это бросилось въ глаза и французскому ученому. Шесть лѣтъ тому назадъ, онъ сознавалъ всю странность этого и объяснялъ это молчаніе со стороны папъ довольно интересно: «Если это стремленіе Фридриха не высказано ясно въ папскихъ документахъ, то не потому, чтобы эта попытка императора ускользнула отъ глубокой проницательности папъ, но скорѣе потому, что они не считали для себя удобнымъ объявлять публично мысль, которая могла возбудить честолюбіе и корысть королей и князей, такъ какъ при этомъ вопросъ шелъ о самомъ существованіи церкви» [2]. Въ новомъ своемъ сочиненіи, такъ часто повторяющемъ цѣлыя страницы стараго, авторъ не счелъ уже нужнымъ обращать вниманіе на молчаніе папскихъ документовъ о реформѣ такого рода.

---

[1]) *Hist. diplom.*, V, 337—338. [2]) *Introd.*, DIV.

Это отчасти хорошо, отчасти дурно. Что не упомянуто объ этомъ молчаніи папскихъ документовъ—это дурно, такъ какъ читатель, мало знакомый съ документами или мало внимательный, можетъ упустить изъ виду слишкомъ важный фактъ. Что не повторено объясненіе этого факта—это хорошо, такъ какъ самое объясненіе ложно: съ одной стороны, еслибъ папы чѣмъ-либо могли подтвердить свое обвиненіе, они уронили бы Фридриха въ глазахъ даже его сторонниковъ, особенно въ Германіи, чѣмъ, какъ извѣстно, папы никогда не пренебрегали; съ другой—богатство церкви, ея поборы и возникшее оттуда неудовольствіе было столь всеобще въ Европѣ, что папы не могли бояться открыть міру невѣдомую ему новость. Слова г. Бреголля, что папы заботились о неразвитіи въ государяхъ и князьяхъ честолюбія и корысти, понятны лишь какъ иронія!

Не отыскавъ доказательствъ въ документахъ, г. Бреголль старается подкрѣпить свою мысль двумя мѣстами изъ второстепенныхъ источниковъ: одно взято изъ «Жизнеописанія Григорія IX», другое изъ «Памфлета Альберта Бегамскаго».

8.

Авторъ *Vitae s. Gregorii IX pontificis Romani* [1]), на сколько можно судить по его сочиненію, былъ монахъ, приверженецъ папской партіи, съ наивностью, весьма, впрочемъ, понятною, не допускавшій даже возможности ошибки со стороны своего героя и не знавшій никакихъ предѣловъ, когда дѣло шло о столь ненавистномъ ему «богоотступникѣ и клятвопреступникѣ» Фридрихѣ. Никакая сказка не невѣроятна для него, если она чернитъ «дерзкаго противника Григорія»; онъ серьезно записалъ, что «Фридрихъ хотѣлъ обратить въ конюшню базилику св. Петра, а алтарь въ ясли для корма своихъ лошадей»,—сказку, которая, какъ извѣстно, много позже

[1]) *Muratori*, III, 585. Французскій переводъ не вѣренъ.

украшала жизнеописаніе Баязета. Ясно, какъ легко быть осторожнымъ и какъ не трудно опредѣлить степень достовѣрности извѣстій, помѣщенныхъ въ «Біографіи св. Григорія IX римскаго первосвященника».

Второй отрывокъ, приводимый г. Бреголлемъ, интереснѣе. Альбертъ, изъ роду Бегамовъ, пассаускій архидіаконъ, въ 1237 году изгнанный епископомъ и духовенствомъ Пассау за неумѣренную приверженность къ папской партіи, былъ назначенъ папою Григоріемъ IX легатомъ апостольскаго престола въ Германіи на четыре года. Ярый сторонникъ папъ, «готовый пролить кровь на защиту церкви», другъ баварскаго герцога [1]), отчаянный. фанатическій врагъ Штауфеновъ [2]), Альбертъ. во время своего пребыванія въ Германіи, написалъ два памфлета на Фридриха [3]): *первый*, изъ котораго приводится отрывокъ г. Бреголлемъ, нѣсколько дней до Ліонскаго собора 1245 года, *второй* нѣсколько дней послѣ отлученія Фридриха. Въ первомъ памфлетѣ императоръ ни разу не названъ по имени; авторъ не иначе называетъ Фридриха, какъ *princeps tyrranidis, eversor ecclesiastici dogmatis atque cultus, inversor fidei, crudelitatis magister, immutator seculi, dissipator orbis, et terræ malleus universae, draco magnus, Lucifer. impius dux prophanus. prophanus princeps, insatiabilis humani cruoris effusor, ecclesiæ persecutor, Nemroth novus, robustus venator iniquitatis coram Domino, leo rugiens. typicus praenuntius Antichristi* [4]), и т. п. Цѣль перваго памфлета— свержение Фридриха съ трона [5]). Французскій ученый самъ

[1]) *Höfler*. 406—409.

[2]) *Stälin*. Würtembergische Geschichte. II. 12. Münchener Gelehrte Anzeigen. 1844. n. 74. S. 394.

[3]) Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart. 1847. XVI. 61—73; 73—79.

[4]) *Alb. Beh.*, ibid., 61—62.

[5]) Ibid., p. 71. Мѣсто это замѣчательно между прочимъ еще тѣмъ. что ясно указываетъ, что приговоръ Ліонскаго собора по поводу Фридриха былъ составленъ папою ранѣе самыхъ засѣданій собора, на которыхъ обсуждалось дѣло.

называетъ Альберта папскимъ адвокатомъ, задушевнымъ наперсникомъ тайной мысли папъ [1]), и, приводя нижеслѣдующій отрывокъ изъ перваго памфлета, придаетъ ему тѣмъ бо̀льшее значеніе и достовѣрность:

«Какъ Люциферъ, онъ старается взобраться на небо церкви, возвыситься надъ звѣздами небесными и на чреслахъ Аквилона помѣстить свой тронъ, чтобъ быть равнымъ, даже высшимъ, чѣмъ намѣстникъ Всевышняго, ибо онъ хлопоталъ создать папу, началъ назначать и смѣщать въ церквахъ высшихъ и низшихъ прелатовъ и клериковъ, по собственному произволу; ибо онъ, сидя во храмѣ Божіемъ, якобы Господь, заставлялъ прелатовъ и клериковъ цѣловать его ноги [2]), приказывая себя называть святымъ; приказываетъ казнить смертью, какъ враговъ и святотатцевъ, всѣхъ, которые говорятъ объ его явныхъ безобразіяхъ» [3]). И нѣсколько строкъ ниже: «Сердце этого нечестиваго князя возгордилось до того, что онъ хотѣлъ возсѣсть на каѳедру Бога, какъ будто бы онъ Богъ, ибо онъ не только старался создать папу и подчинить своей власти апостольскій престолъ, но даже задумывалъ захватить божественное право и измѣнить превѣчный завѣтъ евангелія. Обладая могуществомъ и краснорѣчіемъ, онъ думалъ, что можетъ измѣнять законы и времена» [4]) и т. д.

Г. Бреголль придаетъ особенную цѣну словамъ Альберта на томъ основаніи, что онъ былъ ярый сторонникъ папъ, т.-е. именно видитъ силу въ томъ, что ослабляетъ достовѣрность приводимыхъ имъ извѣстій. Французскій ученый видитъ въ приведенномъ отрывкѣ двѣ фазы дѣятельности Фридриха: сперва императоръ старался посадить на папскій престолъ своего приверженца, но, не успѣвъ въ этомъ, рѣшился наконецъ стать главою церкви и требуетъ отъ своихъ поддан-

---

[1]) Albert de Beham, cet avocat pontifical, ce confident intime de la secrète pensée des papes. *Huill. Bréh.*, p. 196.

[2]) Ce dernier trait est bien remarquable (sic!) Introd. DVI.

[3]) *Alb. Beh.*, l. c., p. 62. [4]) Ibid., p. 64.

ныхъ знаковъ почтенія, должнаго лишь намѣстнику Іисуса Христа [1]). Оставляя въ сторонѣ второе обвиненіе, основанное на пустыхъ фразахъ, въ которыхъ риторикѣ отдано преимущество предъ смысломъ, обращаемъ вниманіе на замѣчаніе Альберта, дважды повторенное, что Фридрихъ желалъ посадить на папскій престолъ свою креатуру: замѣчаніе это основано на историческихъ событіяхъ 1241 и 1242 г.

Папа Григорій IX, поднявшій борьбу съ Фридрихомъ, бывшую уже не подъ силу его преклоннымъ лѣтамъ, съ грустью слѣдилъ за успѣхами императора, видѣлъ пораженіе папскихъ войскъ, узналъ о завладѣніи замкомъ, который онъ за-ново отстроилъ на деньги крестоносцевъ для убѣжища своей семьи: не вынесъ старикъ послѣдняго удара [2]) и 21-го августа 1241 года скончался съ убѣжденіемъ, что «суднышко Петрово, обезпокоиваемое бурями и разбиваемое скалами, скоро и нежданно вынырнетъ изъ пѣнящихся волнъ и поплыветъ невредимо по гладкой поверхности волнъ» [3]). Фридрихъ II видѣлъ въ Григоріѣ главную причину раздоровъ, «такъ какъ упрямый старикъ не желалъ мира», но сожалѣлъ объ его смерти: Фридрихъ хотѣлъ бы, чтобъ Григорій видѣлъ миръ между церковью и имперію, дожилъ бы до лучшихъ дней: «но небо рѣшило иначе,—пишетъ Фридрихъ, извѣщая государей о смерти Григорія [4]),— въ утѣшеніе стонущаго христіанства небо возведетъ на апостольскій престолъ человѣка по своему сердцу, который выправитъ кривизны своихъ предшественниковъ, исправитъ ихъ дурныя дѣянія, водворитъ миръ во всѣхъ земляхъ и облечетъ насъ материнскою любовью церкви» [5]).

Фридрихъ былъ естественно заинтересованъ въ выборѣ новаго папы: для него это былъ вопросъ если не жизни или смерти, то, во всякомъ случаѣ, войны или мира. Конечно,

---

[1]) Huill. Bréh., p. 197. [3]) Matth. Par., p. 569.
[2]) Raumer, Hohenst., IV, 28. [4]) Hist. diplom., V, 1065—1067.
[5]) Ibid., 1066.

Бароній правъ—unus spiritus omnium Romanorum pontificum, унаслѣдованный отъ древнихъ римлянъ [1]); но личный характеръ папы опредѣляетъ на нѣсколько лѣтъ характеръ современной политики Григорій IX былъ избранъ на папскій престолъ въ день смерти Гонорія III; не такъ легко было найти ему преемника. Сознаніе ли запутаннаго положенія папскихъ дѣлъ или просто ватиканскія интриги, только кардиналы никакъ не могли согласиться. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, десять кардиналовъ, бывшихъ въ Римѣ, послали къ Фридриху пословъ съ покорнѣйшею просьбою освободить, на какихъ ему будетъ угодно условіяхъ, двухъ кардиналовъ—епископа пренестинскаго и кардинала Оттона — содержавшихся въ плѣну у императора [2]); они представляли ему, что присутствіе этихъ двухъ кардиналовъ согласитъ остальныхъ и ускоритъ выборъ новаго папы. Императоръ выполнилъ эту просьбу на двухъ условіяхъ: оба кардинала возвратятся къ мѣсту своего заточенія тотчасъ по окончаніи выборовъ, и кардиналъ Оттонъ не будетъ избранъ въ папы [3]). Послѣднее условіе не стѣсняло свободу избранія, такъ какъ Оттонъ, какъ несвободный, не могъ быть избранъ. Не смотря на присутствіе двухъ новыхъ членовъ конклава, выборы тянулись, никто изъ двѣнадцати кардиналовъ не могъ получить законнаго числа голосовъ. Въ Римѣ поднялись волненія. Угрожаемые извнѣ, кардиналы, «послѣ многихъ раздоровъ, посѣянныхъ между ними сатаною» [4]), 16-го октября избрали въ папы Готфрида Кастилліоне, изъ Милана, больного, дряхлаго старика, который вступилъ на престолъ подъ именемъ папы Целестина IV. 2-го ноября 1241 г. Целестинъ IV умеръ, пробывъ папою семнадцать дней [5]). Кардиналы раз-

---

[1]) Ein und derselbe Geist lebte in allen Päpsten, der Wille und das Genie der Herrschaft, welche sich als das Erbe der alten Römer auf die Kirche verpflanzt hatte. *Gregorovius*, II, 204.

[2]) *Matth. Par.*, p. 389. [3]) *Hist. diplom.*, VI, 35. [4]) *Matth. Par.*, p. 391.
[5]) *Matth. Par.*, p. 391. Cp. *Hist. diplom.*, VI, p. 36, n. 2.

украшала жизнеописаніе Баязета. Ясно, какъ легко быть осторожнымъ и какъ не трудно опредѣлить степень достовѣрности извѣстій, помѣщенныхъ въ «Біографіи св. Григорія IX римскаго первосвященника».

Второй отрывокъ, приводимый г. Бреголлемъ, интереснѣе.

Альбертъ, изъ роду Бегамовъ, пассаускій архидіаконъ, въ 1237 году изгнанный епископомъ и духовенствомъ Пассау за неумѣренную приверженность къ папской партіи, былъ назначенъ папою Григоріемъ IX легатомъ апостольскаго престола въ Германіи на четыре года. Ярый сторонникъ папъ, «готовый пролить кровь на защиту церкви», другъ баварскаго герцога [1]), отчаянный, фанатическій врагъ Штауфеновъ [2]), Альбертъ, во время своего пребыванія въ Германіи, написалъ два памфлета на Фридриха [3]): *первый*, изъ котораго приводится отрывокъ г. Бреголлемъ, нѣсколько дней до Ліонскаго собора 1245 года, *второй* нѣсколько дней послѣ отлученія Фридриха. Въ первомъ памфлетѣ императоръ ни разу не названъ по имени; авторъ не иначе называетъ Фридриха, какъ *princeps tyrranidis, eversor ecclesiastici dogmatis atque cultus, inversor fidei, crudelitatis magister, immutator seculi, dissipator orbis, et terræ malleus universae, draco magnus, Lucifer, impius dux prophanus, prophanus princeps, insatiabilis humani cruoris effusor, ecclesiæ persecutor, Nemroth novus, robustus venator iniquitatis coram Domino, leo rugiens, typicus praenuntius Antichristi* [4]), и т. п. Цѣль перваго памфлета— сверженіе Фридриха съ трона [5]). Французскій ученый самъ

---

[1]) *Höfler*, 406—409.

[2]) *Stälin*, Würtembergische Geschichte, II, 12. Münchener Gelehrte Anzeigen, 1844, n. 74, S. 394.

[3]) Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, 1847, XVI, 61 — 73; 73—79.

[4]) *Alb. Beh.*, ibid., 61—68.

[5]) Ibid., p. 71. Мѣсто это замѣчательно между прочимъ еще тѣмъ, что ясно указываетъ, что приговоръ Ліонскаго собора по поводу Фридриха былъ составленъ папою ранѣе самихъ засѣданій собора, на которыхъ обсуждалось дѣло.

ніе; почти въ то же время оповѣщаетъ онъ эту радостную вѣсть герцогу брабантскому и всѣмъ государямъ Европы [1]).

На какихъ же документахъ и дѣяніяхъ Фридриха основывается г. Бреголль, серьезно повторяя въ настоящее время мнѣніе, высказанное фанатическимъ приверженцемъ папской партіи въ моментъ наибольшаго раздраженія обѣихъ сторонъ? Альбертъ Бегамъ, «адвокатъ папы», конечно, употреблялъ всѣ средства, чтобъ выиграть дѣло своего вѣрителя; но историкъ сдѣлаетъ непростительную ошибку, если придетъ въ этомъ вопросѣ до результата, высказаннаго довольно характерно тѣмъ же Альбертомъ, въ томъ же первомъ памфлетѣ: *per angelos malos, bispilionum susuria, cauponum pocula miscentium aquam vino callide procreavit, ut in sanctuarium Domini possit irrepere ad summum pontificem procreandum* [2]).

Отъ документовъ и извѣстій современниковъ переходимъ къ совершенно оригинальному способу доказательства: приводятся фразы, даже отдѣльныя слова изъ писемъ Фридриха, и сумма ихъ должна составить доказательство того мнѣнія, что Фридрихъ, желающій надѣть тіару, приготовляетъ къ тому общественное мнѣніе провозглашеніемъ божественности происхожденія своего рода!

9.

Извѣстно, до какой тонкости доведенъ былъ въ Византійской имперіи придворный этикетъ и какою напыщенностью отличался слогъ оффиціальныхъ актовъ. Этотъ языкъ до крайности доведенной условной вѣжливости сохранялся въ теченіе многихъ вѣковъ, и въ выраженіяхъ *sacro imperiali programmate*, *sacros apices*, *ex nostræ exhortationis oraculo*, встрѣчающихся въ документахъ и письмахъ Фридриха II, мы встрѣчаемъ довольно уже блѣдные слѣды того же придвор-

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 99, 101, 104.

[2]) Bibl. des liter. Vereins in Stuttgart, B. XVI, Abth. II, S. 63.

наго, утонченнаго этикета. Мы теперь имѣемъ право смѣяться надъ дѣтскою напыщенностью слога, навѣяннаго вѣковымъ византійскимъ вліяніемъ, но видѣть въ немъ выраженіе серьезныхъ убѣжденій и преднамѣренныхъ плановъ едва ли было бы только смѣшно. Если Фридрихъ въ письмѣ къ своему сыну Конраду восклицаетъ: *o Cesarei sanguinis divina proles* [1]; если онъ называетъ мать свою: *diva mater nostra*, то, конечно, въ этихъ выраженіяхъ трудно видѣть серьезное убѣжденіе Фридриха въ *божественности* происхожденія рода Штауфеновъ [2]). Вотъ почему мы считаемъ уже чисто неделикатнымъ съ нашей стороны останавливаться на замѣчаніи г. Бреголля, что эти выраженія указываютъ на стремленіе Фридриха заставить признать божественное начало его рода [3]).

Къ этимъ заимствованнымъ отъ Византіи особенностямъ придворнаго императорскаго слога присоединился позже новый оттѣнокъ, библейскій. Концомъ XII вѣка опредѣляется начало такъ называемаго «библейскаго слога». Этотъ, подобно византійскому, чисто условный слогъ, вышелъ изъ Рима, и скоро сталъ всеобщимъ. Въ XIII столѣтіи хроники полны цитатъ изъ ветхаго завѣта, намековъ на библейскія событія; буллы, энциклики, посланія, вообще акты всякаго рода, писанные въ папской канцеляріи, приводятъ имена, дѣлаютъ сравненія, заимствуютъ свою мудрость изъ ветхаго завѣта и св. книгъ. Императорская канцелярія усвоила и развила это направленіе: при дворѣ Фридриха II этотъ библейскій слогъ сталъ моднымъ, онъ былъ условіемъ придворной изысканности выраженія. Какъ при дворѣ Карла Великаго мы встрѣчаемъ библейскія личности, такъ при дворѣ Фридриха

---

[1]) Parole que M. Tillemont appelle infame! *Introd.* DVIII.

[2]) Приведенныя выше пять выраженій — почти единственно встрѣчающіяся въ двѣнадцати томахъ in-folio актовъ Фридриха. Г. Бреголль тщательно собралъ эти крохи, чтобъ построить на нихъ свою теорію, и мы приводимъ всѣ, до послѣдняго, доказательства автора, чтобъ указать несостоятельность его теоріи.

[3]) *Huill. Bréh.*, p. 207.

встрѣчается *Моисей*, какъ часто въ перепискѣ придворныхъ лицъ называется Петръ Вин. Эти библейскія выраженія встрѣчаются и внѣ императорскаго двора, и ранѣе XIII стол. Чтобъ привести тотъ же примѣръ: Фридрихъ I Рыжая Борода называется Моисеемъ [1]; Петръ Вин., въ письмѣ по поводу смерти учителя грамматики въ Неаполѣ [2], говоритъ о немъ: «какъ второй законодатель Моисей, онъ принесъ людямъ Богомъ, а не человѣкомъ, писанную грамматику» [3].

Особыя политическія обстоятельства первой половины XIII стол. вовсе не были способны заставить императорскій дворъ быть осторожнымъ въ этомъ направленіи: окружающіе императора нерѣдко мало стѣснялись въ выборѣ библейскихъ выраженій, не всегда строго относились къ приводимымъ мѣстамъ изъ св. писанія. Частыя сношенія съ сарацинами, и на Востокѣ, и въ Италіи: уроки мусульманскаго учителя краснорѣчія [4]; арабскіе города, такъ плѣнившіе императора своими мечетями, школами, базарами, даже сералями, все это не могло остаться безъ вліянія на развитую, впечатлительную натуру Фридриха. Каковъ былъ императоръ, таковъ былъ и императорскій дворъ—веселый, отчасти скептическій, отчасти эпикурейскій, но никогда богохульный, никогда атеистическій. Benvenuto Imola говоритъ, что къ эпикурейцамъ того времени принадлежали *uomini magnifici*; Данте знаетъ кардинала—эпикурейца [5]. Это вліяло и на внѣшнюю сторону документовъ, на слогъ не только императорской канцеляріи, но, въ гораздо большей степени, на слогъ лицъ, бывшихъ болѣе или менѣе въ сношеніяхъ со дворомъ [6]. Это вліяніе было однако же чисто внѣшнимъ, и, не имѣя положительныхъ

[1]) *Gest. Frider.* [illegible]
[2]) *Petr. de Vin.* [illegible]
[4]) *Amari.* [illegible] p. 241.
[5]) *Dante.* Inferno. X [illegible] Мнѣнъ переводчиковъ Дантовыхъ [illegible] племянникомъ Фридриха I Рыжей Бороды [illegible]
[6]) *Nitzsch.* [illegible]

доказательствъ, никто не имѣетъ права видѣть въ этомъ признаки атеистическаго, тѣмъ менѣе самообоготворительнаго направленія Фридриха или его придворныхъ. Что такъ шокирующій непривычный глазъ слогъ того времени былъ слогомъ условнымъ, видно изъ того, что на библейское выраженіе отвѣчается всегда другимъ, тоже изъ библіи заимствованнымъ мѣстомъ: никто изъ современниковъ не понималъ буквально библейскихъ рѣчей, къ нему обращенныхъ. Придавать буквальное значеніе встрѣчающимся библейскимъ выраженіямъ, значитъ читать не то, что написано: это какъ бы техническія выраженія, безъ знакомства съ которыми всякій текстъ останется непонятенъ. Если Фридрихъ II [1]), называетъ г. Iези, въ которомъ онъ родился, *Виѳлеемомъ* Анконской мархіи [2]), то въ этомъ невозможно видѣть намекъ на родину новаго Iисуса Христа [3]). Если Фридрихъ, въ письмѣ къ сыну Конраду [4]), пишетъ, что возстающіе противъ его власти возстаютъ противъ Христа, то это такой очевидный намекъ на извѣстное ученіе ап. Павла [5]), что едва ли кто рѣшится послѣдовать г. Бреголлю и видѣть въ этомъ присвоеніе себѣ божественности самого Iисуса Христа [6]). Мы упоминали выше, что заимствованія изъ св. книгъ несравненно рѣзче у частныхъ лицъ, чѣмъ у самого Фридриха, и, чтобъ привести тотъ же примѣръ, ссылаемся на похвальное стихотвореніе въ честь крестоваго похода Фридриха II, въ которомъ авторъ, Марквардъ падуанскій [7]), дѣлаетъ сравненіе до дерзости смѣлое:

Rex quia magnificus Jesus olim, nunc Fridericus
Promptus uterque pati, sunt in te magnificati.

---

[1]) Приводимый актъ крайне сомнителенъ, безъ начала, безъ имени, безъ конца. *Hist. diplom.*, V, 374—380. № V.

[2]) Ibid., 378.

[3]) C'est comme la patrie du nouveau Christ. *Huill. Bréh.*, p. 208. C'est une comparaison téméraire où le fils de Constance ne craint pas de s'assimilait au divin fils de Marie. *Introd.* DVIII. *Hist. diplom.*, V, 378.

[4]) *Hist. diplom.*, V, 1003—1004. [5]) Посл. къ Римл. гл. XIII, ст. 1—2.

[6]) *Huill. Bréh.*, p. 208. [7]) *Pertz*, IX, 624.

Еще одна особенная черта, свойственная переписке частных лицъ, окружавшихъ императора въ послѣдніе годы его царствованія,—черта, объясняющаяся изъ чисто политическаго положенія императорскаго двора: въ этихъ письмахъ придается нерѣдко чрезмѣрное значеніе чести быть въ императорской службѣ. Іоаннъ Турдо мессанскій, сынъ котораго палъ подъ Витторіей [1], долженъ утѣшаться тѣмъ, что «сынъ его въ твердой, терпѣливой покорности, которая едва ли можетъ встрѣтиться въ юношѣ, предпочелъ лучше испытать кровавую смерть, чѣмъ удалиться отъ нашей службы, ради собственнаго спасенія». Графъ Ацеррскій, утерявшій сына въ одномъ изъ сраженій [2], долженъ утѣшаться тѣмъ, что его сынъ «какъ славно жилъ, такъ храбро и умеръ, не среди извѣживающихъ удовольствій, но безостановочно занятый исполненіемъ нашей службы». Еще примѣръ: чиновникъ умеръ, отецъ его долженъ утѣшаться тѣмъ [3], что его сынъ, «призванный на императорскую службу, нашелъ при императорскомъ дворѣ славную смерть». Конечно, въ то время подобныя выраженія принимались противной партіей за признаки иррелигіозности, если не богохульства; въ настоящее же время, при чтеніи ихъ не должно упускать изъ виду, что они писаны въ то время, когда вѣрность къ самому Фридриху была единственною опорою его партіи и требовала истинной, доходившей нерѣдко до самопожертвованія.

...гіи [4]).

Стремленіе Фридриха пріучить народъ видѣть божеское ...ю лицъ «такихъ какъ онъ» подтверждается, по мнѣнію ...еголля, не только въ названіи своей матери *diva*, сво...одного города—*Bethlehem*.

...-го іюля 1215 года, три дня спустя послѣ коронаціи ...нѣ, Фридрихъ присутствовалъ при переложеніи трупа

...diplom., VI, 598 (*Petr. de Vin.*, IV, c. ..., IV, p. ...).
...Vin., I. IV, cap. VI, p. ...
...Vin. I. IV, c. XII, p. 2... 2... ... *Nessel* 398.

Карла В. въ новую раку, причемъ вбилъ нѣсколько гвоздей [1]). Въ этомъ «невинномъ» поступкѣ г. Бреголль видитъ политическо-религіозный разсчетъ: пріучить народъ вѣрить въ святость свѣтскихъ лицъ, особенно если они царской крови [2]) Авторъ забываетъ, что вся эта церемонія была не болѣе, какъ подражаніемъ подобной же церемоніи, совершенной дѣдомъ, Фридрихомъ I Рыжей Бородой, который вырылъ трупъ Карла Великаго изъ земли [3]). Оба, дѣдъ и внукъ, легко могли имѣть въ виду политическую цѣль—пріобрѣтеніе популярности: но, конечно, ни Фридрихъ I, ни Фридрихъ II не задумывали той важной реформы, которую приписываетъ имъ французскій ученый. Акты Фридриха II отъ того времени и политическое состояніе Европы ясно указываютъ, на сколько Фридрихъ нуждался въ помощи папъ: кстати замѣтить — папой въ то время былъ никто иной, какъ Иннокентій III.

19-го ноября 1231 года скончалась Елизавета Венгерская, супруга тюрингскаго ландграфа Лудовика IV. Фридрихъ, по возвращеніи изъ крестоваго похода и по примиреніи съ папой, прибылъ въ Германію для суда надъ возмутившимся германскимъ королемъ, своимъ сыномъ Генрихомъ (VII). 1-го мая 1235 года Фридрихъ прибылъ въ Марбургъ и, въ присутствіи тюрингскихъ ландграфовъ, братьевъ Генриха и Конрада, ихъ племянника, сына Елизаветы, и трехъ архіепископовъ: Майнца, Трира и Бремена, поднялъ камень съ гробницы Елизаветы и украсилъ ея голову золотою короною. Что Фридрихъ хотѣлъ этимъ высказать уваженіе къ той, которую народное мнѣніе давно уже считало святою [4]) и чудотвори-

---

[1]) *Quip.* 73.

[2]) Sans doute dans ce pompeuse démonstration en l'honneur de saint Charlemagne la politique avait plus de part que la foi; mais il importait à l'empereur que le peuple s'habituât à croire à la sainteté des personnes laïques, surtout quand elles étaient de sang royal. *Huill. Bréh.*, p. 206.

[3]) *Бильбасовъ.* Крестовый походъ Фридриха II, стр. 19, прим. 2.

[4]) Елизавета была канонизирована въ Духовъ День 1235 года.

цею [1]),—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но при этомъ г. Бреголль прибавляетъ: «Фридрихъ провозгласилъ Елизавету святою, прежде еще чѣмъ она была канонизирована компетентною въ этомъ вопросѣ властью, въ письмѣ къ брату Иліѣ, слогъ котораго носитъ на себѣ характеръ той «библейской риторики», которая составляетъ особенность папскихъ буллъ [2]). Въ этомъ письмѣ встрѣчается слѣдующее многозначительное мѣсто: «Мы съ удовольствіемъ распространяемся въ похвалахъ этой царской женщинѣ, ибо мы радуемся, что нашъ Спаситель Іисусъ Назареянинъ былъ изъ царскаго рода Давида, и книги ветхаго завѣта свидѣтельствуютъ, что лишь руки благородной крови могутъ касаться кивота завѣта». Къ сожалѣнію, г. Бреголль не опубликовалъ этого письма ни въ *Historia diplomatica*, ни въ *Pièces justificatives;* мы позволяемъ себѣ догадываться, что письмо это, если оно подлинно, безъ числа, и авторъ лишь для поддержанія своей тезы относитъ его ко дню самой церемоніи. Но даже предполагая, что Фридрихъ, въ частномъ письмѣ, называетъ Елизавету святою мѣсяцъ ранѣе офиціальной канонизаціи, то въ этомъ нельзя еще видѣть притязанія на право канонизировать: во-первыхъ, въ то время всѣ уже считали ее святою, благодаря Конраду марбургскому, ея духовнику, «достойному тройного вѣнца—проповѣдника, защитника цѣломудренности и мученика»; и, во-вторыхъ, Фридриху, вѣроятно, хорошо было извѣстно дѣло о причтеніи Елизаветы къ лику святыхъ, такъ какъ при торжественной церемоніи 1-го мая 1235 года присутствовали три архіепископа, о чемъ авторъ умалчиваетъ. Слогъ же отрывка подтверждаетъ лишь наше [illegible] чаніе о слогѣ писемъ того времени вообще: царске[illegible] хожденіе Елизаветы даетъ Фридриху случай все[illegible]

[1]) *Joh. Rothe*, duringische Chronik (Thüring. Ges. Q[illegible] 585. Auctor rhythmicus de vita S. Elizabethae, ap. [illegible] Marb., De Vita et miraculis s. Elisabethae.

[2]) *Huill. Bréh.*, p. 205.

вида и книги ветхаго завѣта. Г. Бреголль видитъ въ поступкѣ Фридриха святотатство и вспоминаетъ, вмѣстѣ съ папой, судьбу Озы, и вмѣстѣ съ «папскимъ адвокатомъ» судьбу короля Озіи, который былъ пораженъ язвой и сверженъ съ престола за желаніе быть вмѣстѣ священникомъ и царемъ!

Если Фридрихъ, въ письмѣ къ греческому императору [1]), пишетъ: «О невѣжественная толпа, приписывающая святость всѣмъ духовнымъ безъ изъятія и безъ разбора, и возводящая ихъ разомъ во святые, какъ въ древности гигантовъ», то г. Бреголль видитъ въ этомъ убѣжденіе Фридриха, что лишь люди царской крови достойны быть причислены къ лику святыхъ [2])

«Аристократическая гордость Фридриха — говоритъ авторъ — возмущалась тѣмъ, что онъ былъ предостерегаемъ, упрекаемъ и сверженъ папою съ трона, какъ простой священникъ» [3]). Совершенно нѣтъ: Фридрихъ возмущается тѣмъ, что духовная власть притязаетъ быть судьею представителя свѣтской власти [4]). Не аристократическая гордость, а все та же борьба противъ папскихъ притязаній на порабощеніе свѣтской власти. Когда Фридрихъ пишетъ кардиналамъ [5]), что онъ несправедливо отлученъ отъ церкви Григоріемъ IX, «родъ котораго слишкомъ низокъ, чтобъ заслужить честь императорской мести»; когда Фридрихъ пишетъ Ватацесу, что Иннокентій IV низкимъ образомъ спрятался въ своей норѣ ліонской [6]), то въ обоихъ случаяхъ высказалось не мелочное самолюбіе, а раздраженный гнѣвъ представителя свѣтской власти, отлученнаго отъ церкви папою: первое письмо писано вслѣдъ за отлученіемъ 1239 года, второе — подъ конецъ жизни Фридриха, когда борьба приняла отчаян- ...озлобленія и личной мести. Г. Бреголль не

... *Hist. diplom.*, VI, 771—775. [2]) *Huill. Bréh.*, p. 206.
...*st diplom.*, VI, 394. [5]) Ibid., V, 282—284.

Еще одна особенная черта, свойственная перепискѣ частныхъ лицъ, окружавшихъ императора въ послѣдніе годы его царствованія,—черта, объясняющаяся изъ чисто политическаго положенія императорскаго двора: въ этихъ письмахъ придается нерѣдко чрезмѣрное значеніе чести быть въ императорской службѣ. Іоаннъ Турдо мессанскій, сынъ котораго палъ подъ Витторіей [1]), долженъ утѣшаться тѣмъ, что «сынъ его въ твердой, терпѣливой покорности, которая едва ли можетъ встрѣтиться въ юношѣ, предпочелъ лучше испытать кровавую смерть, чѣмъ удалиться отъ нашей службы, ради собственнаго спасенія». Графъ Ацеррскій, утерявшій сына въ одномъ изъ сраженій [2]), долженъ утѣшаться тѣмъ, что его сынъ «какъ славно жилъ, такъ храбро и умеръ, не среди изнѣживающихъ удовольствій, но безостановочно занятый исполненіемъ нашей службы». Еще примѣръ: чиновникъ умеръ, отецъ его долженъ утѣшаться тѣмъ [3]), что его сынъ, «призванный на императорскую службу, нашелъ при императорскомъ дворѣ славную смерть». Конечно, въ то время подобныя выраженія принимались противной партіей за признаки иррелигіозности, если не богохульства; въ настоящее же время, при чтеніи ихъ не должно упускать изъ виду, что они писаны въ то время, когда вѣрность къ самому Фридриху была единственною опорою его партіи и требовала истинной, доходившей нерѣдко до самопожертвованія, энергіи [4]).

Стремленіе Фридриха пріучить народъ видѣть божеское начало лицъ «такихъ какъ онъ» подтверждается, по мнѣнію г. Бреголля, не только въ названіи своей матери *diva*, своего родного города—*Bethleem*.

27-го іюля 1215 года, три дня спустя послѣ коронаціи въ Ахенѣ, Фридрихъ присутствовалъ при переложеніи трупа

---

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 598. (*Petr. de Vin.*, IV, cap. IV, 9—10).

[2]) *Petr. de Vin.*, l. IV, cap. VI, p. 11—14.

[3]) *Petr. de Vin.* l. IV, c. XII, p. 21—22. [4]) *Nitzsch*, 398.

Карла В. въ новую раку, причемъ вбилъ нѣсколько гвоздей [1]). Въ этомъ «невинномъ» поступкѣ г. Бреголль видитъ политическо-религiозный разсчетъ: прiучить народъ вѣрить въ святость свѣтскихъ лицъ, особенно если они царской крови [2]) Авторъ забываетъ, что вся эта церемонiя была не болѣе, какъ подражанiемъ подобной же церемонiи, совершенной дѣдомъ, Фридрихомъ I Рыжей Бородой, который вырылъ трупъ Карла Великаго изъ земли [3]). Оба, дѣдъ и внукъ, легко могли имѣть въ виду политическую цѣль—прiобрѣтенiе популярности: но, конечно, ни Фридрихъ I, ни Фридрихъ II не задумывали той важной реформы, которую приписываетъ имъ французскiй ученый. Акты Фридриха II отъ того времени и политическое состоянiе Европы ясно указываютъ, на сколько Фридрихъ нуждался въ помощи папъ: кстати замѣтить — папой въ то время былъ никто иной, какъ Иннокентiй III.

19-го ноября 1231 года скончалась Елизавета Венгерская, супруга тюрингскаго ландграфа Лудовика IV. Фридрихъ, по возвращенiи изъ крестоваго похода и по примиренiи съ папой, прибылъ въ Германiю для суда надъ возмутившимся германскимъ королемъ, своимъ сыномъ Генрихомъ (VII). 1-го мая 1235 года Фридрихъ прибылъ въ Марбургъ и, въ присутствiи тюрингскихъ ландграфовъ, братьевъ Генриха и Конрада, ихъ племянника, сына Елизаветы, и трехъ архiепископовъ: Майнца, Трира и Бремена, поднялъ камень съ гробницы Елизаветы и украсилъ ея голову золотою короною. Что Фридрихъ хотѣлъ этимъ высказать уваженiе къ той, которую народное мнѣнiе давно уже считало святою [4]) и чудотвори-

---

[1]) *Quip*, 73.

[2]) Sans doute dans ce pompeuse démonstration en l'honneur de saint Charlemagne la politique avait plus de part que la foi; mais il importait à l'empereur que le peuple s'habituât à croire à la sainteté des personnes laïques, surtout quand elles étaient de sang royal. *Huill. Bréh.*, p. 206.

[3]) *Бильбасовъ*. Крестовый походъ Фридриха II, стр. 19, прим. 2.

[4]) Елизавета была канонизирована въ Духовъ День 1235 года.

мірскими богатствами, какъ латинское—картина преувеличена именно вслѣдствіе ненависти. Монашествующіе ордена были наиболѣе сильнымъ орудіемъ папъ въ борьбѣ противъ императора: нападая на проповѣдниковъ и миноритовъ, Фридрихъ не былъ дурнымъ христіаниномъ, но лишь хорошимъ политикомъ.

Кромѣ этихъ общихъ вопросовъ, г. Бреголлемъ выставлены три частные—о Сициліи, о дворѣ Фридриха и о роли Петра Винейскаго въ реформистскомъ движеніи.

10.

Фридрихъ II былъ первый изъ императоровъ, который по наслѣдству получилъ корону Сициліи; съ нею онъ принялъ и тѣ традиціи касательно отношеній церкви неаполитанскаго королевства къ апостольскому престолу, которыя составляли привилегіи сицилійской короны, добытыя королями задолго до завоеванія Сициліи отцомъ Фридриха.

Во время своего воспитанія Фридрихъ подвергся двойному вліянію: съ одной стороны—сицилійскія традиціи, главное направленіе которыхъ состояло болѣе или менѣе въ освобожденіи сицилійскаго королевства отъ зависимости, налагаемой авторитетомъ римской церкви; съ другой — римскія традиціи всемірнаго господства. Фридрихъ сочеталъ въ себѣ оба эти вліянія: первое пріучило его защищать самостоятельность сицилійскаго королевства въ его церковныхъ отношеніяхъ къ Риму, второе познакомило его съ теоріею всемірнаго господства, которую онъ перенесъ отъ папской тіары къ императорской коронѣ. Что воспитанникъ Иннокентія III сталъ Фридрихомъ II, въ этомъ видятъ одну изъ наибольшихъ [illegible] исторіи [1]); мы не видимъ въ подобныхъ случаяхъ [illegible] ученикъ остался вѣренъ учителю и не хуже [illegible] теорію всемірнаго господства, но, конечно, пе[illegible] сферу.

Борьба сицилійскаго королевства противъ притязаній Рима достигаетъ въ XI стол. высшаго развитія. Булла папы Урбана II, которою онъ обязывался предъ королемъ Рожеромъ и его законными преемниками не назначать въ королевство прелатовъ и высшихъ духовныхъ чиновъ, какъ легатовъ римской церкви, безъ предварительнаго согласія короля [1]), эта булла 1098 года была исходнымъ пунктомъ тѣхъ королевскихъ прерогативъ, которыя мы встрѣчаемъ въ знаменитомъ трактатѣ *De monarchia Siciliae*. Царствованіе Вильгельма I, Вильгельма II, Танкреда и императрицы Констанціи полны особыхъ конкордатовъ, регулирующихъ отношеніе Сициліи къ Риму: сообразно съ политическими обстоятельствами Сицилія пріобрѣтаетъ или теряетъ ту или другую изъ своихъ церковныхъ прерогативъ. Папа, во внѣшнихъ церковныхъ отношеніяхъ къ государствамъ Европы, былъ феодальнымъ сюзереномъ, привилегіи котораго были, быть можетъ, наиболѣе ограничены именно въ Сициліи. Фридрихъ II, всюду преслѣдовавшій феодализмъ, находилъ въ Сициліи наиболѣе опоры для своей борьбы противъ феодальныхъ притязаній папъ, такъ какъ въ сицилійскомъ королевствѣ прерогативы королевской короны въ вопросахъ церковныхъ были наиболѣе значительны; и Фридрихъ, конечно, былъ королемъ, наименѣе способнымъ дозволить уничтожить или даже не уважать этихъ королевскихъ правъ: на защиту каждаго изъ нихъ онъ всегда готовъ, всегда во всеоружіи охраняетъ разъ пріобрѣтенное. Въ этомъ случаѣ его дальновидность и послѣдовательность обличаютъ въ немъ великій государственный умъ.

Одна изъ прерогативъ сицилійскаго королевства состояла въ правѣ раздачи церковныхъ бенефицій. Въ 1236 году, папа Григорій IX высказываетъ Фридриху свое неудовольствіе по поводу пожалованія этихъ бенефицій лицамъ молодымъ и недостойнымъ. Фридрихъ хорошо понималъ, что дозволить папѣ

---

[1]) *Murat.* Scr. V, 602.

быть судьею въ столь щекотливомъ и эластичномъ вопросѣ, значитъ признать за папой право вмѣшательства, т.-е. дать папѣ право кассировать всякое распоряженіе въ этомъ отношеніи, т.-е. утерять самое право. Въ своемъ отвѣтѣ [1]), Фридрихъ не считаетъ даже нужнымъ вступать съ папою въ переговоры по этому вопросу: онъ дѣйствовалъ на основаніи неоспоримаго права, и всякое вмѣшательство папы считаетъ оскорбленіемъ правъ короны. Вотъ почему отвѣтъ его самоувѣренъ, полонъ сознанія своихъ правъ, рѣзокъ, ядовитъ. «Вы пишете,—отвѣчаетъ Фридрихъ,—что мы раздаемъ бенефиціи людямъ молодымъ и недостойнымъ, на это коротокъ отвѣтъ: если обвиненіе въ святотатствѣ можетъ касаться лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ, то, въ силу священнаго права, тѣ должны бы считаться святотатцами, которые оспариваютъ достоинство нашего величества, т.-е. оспариваютъ достоинство лицъ избранныхъ императоромъ».

Отвѣтъ этотъ не нравится какъ папѣ, такъ и г. Бреголлю: папа [2]) видитъ въ этомъ отвѣтѣ, допускающемъ *возможность обвинять его и его братій въ святотатствѣ*, едва ли не безбожіе: французскій ученый видитъ въ этомъ отвѣтѣ доказательство того, что Фридрихъ тѣмъ болѣе старался освободить себя отъ всякой зависимости отъ какого-либо духовнаго авторитета, чѣмъ болѣе имѣлъ высокое мнѣніе о своей личности и о божественности происхожденія своей власти [3]). Оба, папа и французскій ученый, хорошо знаютъ, но игнорируютъ основной законъ королевства, на которомъ основывался Фридрихъ въ своемъ отвѣтѣ. Книга первая, статья 4-я сицилійскихъ постановленій гласитъ: *Disputare de regis judicio, consiliis et institutionibus factis non oportet; est enim*

[1]) *Hist diplom.* IV, 905 913. [2]) Ibid., IV, 914—923.

[3]) Plus Frédéric II était puissant et *avait une haute idée de sa personne* et de l'origine divine de son autorité, plus il tendait à s'affranchir de toute dépendance envers une autorité spirituelle étrangère. *Huill. Bréh.*, p. 215.

pars sacrilegii disputare de ejus judiciis, factis et constitutionibus atque consiliis, et an is dignus sit quem rex elegit et decrevit [1]).

«Съ 1239 года—пишетъ г. Бреголль—Фридрихъ воздвигаетъ непреодолимую преграду между неаполитанскимъ королевствомъ и римскимъ дворомъ. Мало-по-малу онъ ограничиваетъ или уничтожаетъ церковныя юрисдикціи, оставляетъ прелатства вакантными и присваиваетъ себѣ сборъ ихъ доходовъ, запрещаетъ всякую отправку денегъ въ Римъ, запрещаетъ пріемъ папскихъ легатовъ и буллъ, изгоняетъ всѣхъ иностранныхъ монаховъ и владѣльцевъ духовныхъ мѣстъ. Но онъ не желаетъ, чтобъ его подданные, вслѣдствіе интердикта, были бы лишены отправленія церковныхъ службъ. Отнынѣ онъ беретъ на себя заботу о спасеніи ихъ душъ, и, основываясь на текстѣ римскаго права, что государь по человѣческимъ законамъ есть намѣстникъ Бога, онъ заставляетъ священниковъ публично отправлять божественныя службы и совершать требы» [2]).

Какъ бы мы ни разсматривали эту массу обвиненій, приводимыхъ авторомъ, вмѣстѣ ли, всецѣло, или каждое порознь, по одиночкѣ, невозможно отрицать, что всѣ они основаны на дѣйствительныхъ фактахъ и справедливы, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они вмѣстѣ и каждое изъ нихъ порознь не могутъ служить для главной цѣли автора.

Церковная юрисдикція сицилійскаго королевства была всегда спорнымъ пунктомъ между папою и императоромъ, именно въ силу особыхъ прерогативъ сицилійской короны; что Фридрихъ желалъ увеличить, а не уменьшить эти права—это на столько же безспорно, на сколько несомнѣнно и то, что онъ ни разу не высказывалъ стремленія уничтожить церковный судъ вмѣстѣ съ каноническимъ правомъ, и ввести одинъ судъ гражданскій съ кодексомъ сицилійскихъ постановленій. Что Фридрихъ оставлялъ вакантными высшія духов-

---

[1]) Constit. regni Sicil., Liber primus, tit. IV. Rex Rogerius. *Hist. diplom.*, IV. 9.
[2]) *Huill. Bréh.*, p. 216—217

мірскими богатствами, какъ латинское—картина преувеличена именно вслѣдствіе ненависти. Монашествующіе ордена были наиболѣе сильнымъ орудіемъ папъ въ борьбѣ противъ императора: нападая на проповѣдниковъ и миноритовъ, Фридрихъ не былъ дурнымъ христіаниномъ, но лишь хорошимъ политикомъ.

Кромѣ этихъ общихъ вопросовъ, г. Бреголлемъ выставлены три частные—о Сициліи, о дворѣ Фридриха и о роли Петра Винейскаго въ реформистскомъ движеніи.

10.

Фридрихъ II былъ первый изъ императоровъ, который по наслѣдству получилъ корону Сициліи; съ нею онъ принялъ и тѣ традиціи касательно отношеній церкви неаполитанскаго королевства къ апостольскому престолу, которыя составляли привилегіи сицилійской короны, добытыя королями задолго до завоеванія Сициліи отцомъ Фридриха.

Во время своего воспитанія Фридрихъ подвергся двойному вліянію: съ одной стороны—сицилійскія традиціи, главное направленіе которыхъ состояло болѣе или менѣе въ освобожденіи сицилійскаго королевства отъ зависимости, налагаемой авторитетомъ римской церкви; съ другой — римскія традиціи всемірнаго господства. Фридрихъ сочеталъ въ себѣ оба эти вліянія: первое пріучило его защищать самостоятельность сицилійскаго королевства въ его церковныхъ отношеніяхъ къ Риму, второе познакомило его съ теоріею всемірнаго господства, которую онъ перенесъ отъ папской тіары къ императорской коронѣ. Что воспитанникъ Иннокентія III сталъ Фридрихомъ II, въ этомъ видятъ одну изъ наибольшихъ насмѣшекъ исторіи [1]; мы не видимъ въ подобныхъ случаяхъ противорѣчія: ученикъ остался вѣренъ учителю и не хуже его понималъ теорію всемірнаго господства, но, конечно, перенеся ее въ другую сферу.

[1]) *Lorenz*, 1, 25.

и потомъ уже бросать камнемъ во главу государства за его распоряженія.

Подобныя мѣры императора парализировали силу папскихъ постановленій, и послѣдній изъ папъ перв. пол. XIII стол. прибѣгаетъ къ мѣрѣ, которую не защитятъ уже никакія объясненія и толкованія. 8-го декабря 1248 г., Иннокентій IV издалъ буллу [1]), которою, *во-первыхъ* уничтожая всѣ распоряженія Фридриха, изданныя имъ прежде или послѣ отлученія и касавшіяся духовныхъ лицъ, возвращалъ всѣ конфискованныя церковныя имущества ихъ прежнимъ владѣтелямъ; *во-вторыхъ*, дозволялъ духовнымъ лицамъ вновь укрѣпить ихъ зàмки, разрушенные Фридрихомъ; *въ-третьихъ*, освобождалъ прелатовъ сицилійскаго королевства отъ клятвы вѣрности, которою они были обязаны королю; *въ-четвертыхъ*, запрещалъ клерикамъ и вообще лицамъ церковнымъ являться въ гражданскій судъ, даже въ случаѣ обвиненія ихъ въ «оскорбленіи величества»; наконецъ, *въ-пятыхъ*, предоставлялъ сицилійскимъ архіепископамъ и епископамъ право суда даже надъ свѣтскими лицами. «Никто — такъ оканчиваетъ папа свою буллу—не имѣетъ права нарушить или какимъ-либо образомъ поступать противно этому нашему постановленію, изданному на вѣчныя времена. Кто же дерзнетъ противиться, тотъ не избѣжитъ строгаго наказанія» [2]).

Этою буллою папа разомъ разрывалъ всѣ конкордàты, до послѣдняго, подписаннаго Иннокентіемъ III, которые регулировали отношенія сицилійскаго королевства къ Риму въ дѣлахъ церковныхъ. Иннокентій IV не только хлопочетъ освободить сицилійскую церковь отъ обязанностей предъ королевскою властью, но желаетъ подчинить государство церкви, уничтожить *Constitutiones regni Siciliæ* и подчинить свѣтскія

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 676—681.

[2]) Въ этомъ апостольскомъ посланіи имя Фридриха часто замѣнено не апостольскими выраженіями: *prenuntius Antichristi* (p. 676), *draco* (677 et 678) и т. п.

лица церковному суду. Г. Брегольь защищаетъ эту мѣру, видя въ ней лишь противовѣсъ стремленіямъ Фридриха секуляризировать сицилійскую церковь [1]: такъ какъ церковь сицилійская была глубоко потрясена, то Иннокентію IV ничего болѣе не оставалось, какъ объявить эту церковь абсолютно независимою отъ свѣтской власти [2]).

Безспорно, вслѣдствіе двухъ совершенно противоположныхъ въ этомъ отношеніи началъ, сицилійская церковь была сильно потрясена. Но уничтожить всѣ законоположенія, до которыхъ сицилійская церковь дошла путемъ вѣковой исторіи, значило способствовать ея паденію, вовсе не возстановленію. Что же касается самаго главнаго пункта, приводимаго авторомъ, именно: на сколько Фридрихъ секуляризировалъ сицилійскую церковь,— г. Брегольь оставляетъ это безъ доказательствъ; если бъ таковыя были, авторъ не сдѣлалъ бы такой оплошности, чтобъ умолчать о нихъ. Мы ссылаемся на акты и документы за послѣднія пять лѣтъ, изданные самимъ же г. Брегольемъ въ VI т. *Historia diplomatica Friderici Secundi*: булла 8-го дек. 1248 года стоитъ одиноко [3]), ни чѣмъ предъидущимъ не объясняемая, какъ доказательство, что папа считаетъ для себя всѣ мѣры дозволенными и освященными, лишь бы онѣ достигали цѣли. И этимъ-то объясняется та рѣзкость языка въ документахъ Фридриха, которая уже не поражаетъ послѣ слога этой апостольской буллы. Преступивъ всѣ границы права, папа [illegible] ожидать, что на борьбу съ нимъ Фридрихъ вооружится тѣмъ же оружіемъ, [illegible] это оружіе—чего никакъ [illegible] г. Брегольь—

---

[1] Huill. Bréh., p. 218 [illegible]

[2] Не менѣе [illegible] тѣмъ не менѣе [illegible] въ [illegible] Ex ut [illegible] infe- [illegible] ad testi- [illegible] [illegible]

было чисто политическое. И въ папскихъ, и въ императорскихъ актахъ послѣднихъ годовъ всѣ религіозные вопросы оставлены въ сторонѣ, и на первый планъ выдвинуты расчеты чисто политическіе: экскоммуникація Фридриха, интердиктъ на земли неаполитанскаго королевства, забота о церковныхъ вольностяхъ Сициліи, съ одной стороны; удержаніе денегъ, запрещеніе въѣзда легатовъ, изгнаніе монаховъ, съ другой.

«На мѣры, принятыя Иннокентіемъ IV въ этой буллѣ—говоритъ г. Бреголль—императоръ отвѣчалъ усиленіемъ строгихъ мѣръ противъ преданнаго папѣ духовенства. Онъ осудилъ на сожженіе всѣхъ, кто ввезетъ въ королевство папскія посланія, кто, подъ предлогомъ религіи, будетъ говорить или дѣйствовать противъ него, кто не подчинится имъ составленнымъ правиламъ. Подводя, такимъ образомъ (?) всѣхъ сторонниковъ папы подъ категорію еретиковъ и преступныхъ въ оскорбленіи величества, онъ любилъ сравнивать себя съ пророкомъ Иліею, который съумѣлъ очистить землю Израиля отъ жрецовъ Ваала, и въ убійственномъ обѣтѣ, въ которомъ высказывается гордость деспота и нетерпимость сектатора, онъ похваляется тѣмъ, что самъ совершитъ всесожженіе [1]). Расколъ, прибавляетъ авторъ, былъ фактомъ, на сколько то позволяло состояніе умовъ того времени; подъ страхомъ быть заживо сожженнымъ, всякій долженъ былъ признать, что глава государства былъ и главою церкви въ неаполитанскомъ королевствѣ» [2]).

---

[1]) In spiritu Heliæ pectus eorum ad holocaustum tradens et tumescentem animum cum lignis coacervatis in cineres redigens. *Huill. Bréh.*, p. 219, n. 1. Авторъ измѣняетъ текстъ. Въ латинскомъ оригиналѣ: Quis autem tam simplex ut sensu destitutus qui tantam malignitatem non agnoscat, istos infamie sacerdotes, seductores hominum falsosque prophetas nominans, in spiritu Helie costas eorum ad holocaustum tradens ut tumidum aqua pectus cum lignis coacervatis igne consumatur. *Hist. diplom.*, VI, 773; *Wolff*, 44.

[2]) Le schisme fut alors consommé autant que le permettait l'état des esprits; il fallut, sous peine d'être brulé vif, roconnaitre qu'il n'y avait plus dans le royaume d'autre chef de l'église que le chef de l'État. *Huill. Bréh.*, p. 219. Le

ныя мѣста и доходы имъ принадлежащіе, т.-е. чисто-церковные доходы, собиралъ въ государственную казну, употребляя ихъ не рѣдко на покрытіе военныхъ расходовъ при борьбѣ съ папой—это безсомнѣнно. Вслѣдствіе экскоммуникаціи Фридриха Григоріемъ IX, въ числѣ оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ императоромъ, встрѣчается и запрещеніе вывоза денегъ: Фридрихъ ведетъ войну съ Римомъ и естественно считаетъ всякую помощь, оказанную непріятелю, государственною измѣною. Что въ Римѣ сборъ, извѣстный подъ именемъ «петровой деньги», употреблялся на войну противъ императора—это не отвергаетъ и г. Бреголль: и посылать въ Римъ деньги во время войны съ Римомъ было бы крайнею неосторожностью и оплошностью, слишкомъ очевидною, чтобъ въ ней можно было обвинить такого политика, какъ Фридрихъ II. На этомъ же основаніи иностранные монахи, преимущественно ломбардцы, были изгнаны изъ королевства, въѣздъ папскихъ легатовъ и ввозъ папскихъ буллъ былъ запрещенъ [1]: эти буллы призывали подданныхъ Фридриха къ возстанію противъ своего короля, эти легаты были папскими лазутчиками, эти монахи—папскими застрѣльщиками. Совершенно справедливо и послѣднее замѣчаніе автора, что Фридрихъ повелѣлъ совершать божественныя службы и церковныя требы во всемъ своемъ королевствѣ, не смотря на наложенный папою интердиктъ: но объясненіе этого факта, желаніе быть намѣстникомъ Бога—совершенно произвольно. Это была мѣра крайней необходимости: новорожденные остаются не крещенными, браки не совершаются, мертвые не хоронятся—вотъ что значитъ наложеніе интердикта. Нужно прежде всего представить себѣ положеніе страны, на которую наложенъ интердиктъ церкви,

[1]) Очень вѣроятно, что эти постановленія были позже возобновлены, и г. Бреголль имѣлъ полное право отнести эдиктъ Фридриха о преданіи смертной казни монаховъ, возмущающихъ народъ, ко времени непосредственно за знаменитою буллою 8-го декабря 1248 г. (*Hist. diplom.*, VI, 701—703). Что ченія дѣйствительно были, видно изъ приказа о розыскѣ (*Hist. diplom.*, VI, -701).

искушеніе добрыхъ, оскверненіе храма божьяго и церковныхъ таинствъ. И многіе на подобіе падающихъ звѣздъ, чтобъ не утерять своихъ мѣстъ и паствы, мірскихъ богатствъ и наслажденій, послѣдовали за нимъ» [1]). Второе доказательство взято изъ посланій Иннокентія IV: трудно рѣшить, кто болѣе слѣпо ненавидѣлъ Фридриха—папа или его легатъ. Мы видѣли, какъ темно говоритъ Альбертъ о состояніи Сициліи, не упоминая даже о реформѣ; слова Иннокентія IV не болѣе ясны. Если папа въ своихъ актахъ настаиваетъ на необходимости возвратить неаполитанскую церковь *ad pristinum fidei statum*, если онъ требуетъ, чтобъ сицилійская церковь вполнѣ и всецѣло, *sine quibuscumque diffugiis*, подчинилась церкви римской, то слова эти понятны, если вспомнить, что церковь неаполитанскаго королевства не высылала въ Римъ денегъ, отправляла божественныя службы вопреки интердикту, изгоняла монаховъ, не принимала папскихъ легатовъ и не читала папскихъ буллъ. Если папа пишетъ, что многіе изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ королевства подняли оружіе противъ римской церкви, что они открыто помогаютъ императору [2]), то этимъ папа констатируетъ фактъ, который въ исторіи римской церкви стоитъ не одиноко, но вовсе не говоритъ, чтобъ именно реформистское стремленіе Фридриха было причиной этого факта.

Принимая за неоспоримый фактъ слова папскихъ партизановъ, именно, что Фридрихъ считалъ себя равнымъ не только Христову намѣстнику, но самому Богу; убѣжденный, что Фридрихъ приписывалъ себѣ почти божеское происхожденіе, г. Бреголль нисколько не удивляется, что окружавшіе Фридриха видѣли въ немъ представителя Бога живого, основателя новой церкви, а Петра Вин. считали его первымъ апостоломъ [3]). Доказательства тому авторъ видитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ доброй парѣ выраженій, встрѣчающихся въ перепискѣ частныхъ лицъ!

---

[1]) *Alb. Beh.*, 62. [2]) *Hist. diplom.*, VI, 648. [3]) *Huill. Bréh.*, p. 220.

Мы уже говорили о такъ называемомъ «библейскомъ слогѣ» вообще и о слогѣ императорской канцеляріи въ особенности; лица, окружавшія императора, писали, конечно, такимъ же слогомъ. Этотъ языкъ, не лишенный иногда краснорѣчія, долженъ былъ—по мнѣнію г. Бреголля—быть результатомъ или ипокритскаго рабства, или серьезно задуманной реформы. Авторъ, не рѣшавшійся шесть лѣтъ тому назадъ произнести своего мнѣнія касательно этой дилеммы, склоняется теперь ко второй гипотезѣ [1]). Мы не признаемъ самой дилеммы, намъ предлагаемой: съ одной стороны, этимъ же слогомъ писаны тѣ немногія письма совершенно независимыхъ другъ отъ друга частныхъ лицъ между собою, которыя сохранились до настоящаго времени; съ другой—подобныя же мистическія выраженія, заимствованныя изъ св. писанія, употребляются лицами, которыхъ и г. Бреголль не заподозриваетъ въ реформистской схизмѣ. Высшее общество того времени было общество придворное. Фридрихъ приблизилъ къ себѣ все, что было образованнаго въ его королевствѣ, и такъ какъ переписка этихъ лицъ носитъ на себѣ весь характеръ этого особеннаго, условнаго слога, то французскій ученый видитъ въ этомъ то согласіе, которое высшее общество и люди образованные давали императору на созданіе сицилійскаго папства! [2]). Г. Бреголль тщательно выбралъ всѣ выраженія, заимствованныя изъ св. писанія и примѣненныя къ Фридриху, встрѣчающіяся въ неофиціальной, часто довольно темнаго происхожденія литературѣ: въ итогѣ такихъ мѣстъ оказалось четыре!

Неизвѣстный авторъ панегирика [3]) Фридриху II извиняется, что не можетъ достойно восхвалить государя, столь превышающаго человѣчество, одареннаго всѣми дарами, всѣми добродѣтелями, *quem nubes pluerunt justum et super*

---

[1]) *Huill. Bréh.*, p. 221; Introd., DVII. [2]) *Huill. Bréh.*, p. 221.

[3]) On peut comparer avec ce panégyrique les vers en l'honneur de Frédéric dans *Ozanam*, 195.

eum coeli desuper roraverunt; затѣмъ еще цитаты изъ Эзекіиля и Іереміи, и окончаніе: «Вотъ тотъ, кого разсудокъ требовалъ представителемъ [1]), справедливость—защитникомъ; кто, постоянно равно умѣренный, сломилъ усилія алчности и обуздалъ ея ядовитость. Вотъ тотъ, кому начинаютъ завидовать мистическія добродѣтели [2]), тою завистью, которая не губитъ душу жгучимъ ядомъ ревности, но наполняетъ ее любовью, какъ бы пріятнымъ запахомъ. Да здравствуетъ же, да здравствуетъ въ народѣ имя *святого Фридриха;* да увеличивается въ его подданныхъ ревность преданности; и да воспламенится въ нихъ вѣрность, мать вѣры, и да будетъ имъ въ заслугу примѣръ ихъ подчиненія» [3]).

Прелатъ, вѣроятно архіепископъ Капуи [4]), извиняясь, что по случаю дурныхъ дорогъ не можетъ прибыть ко двору, прибавляетъ: «если же чаша этого путешествія не можетъ пройти мимо меня, то я готовъ броситься не только въ грязь, но въ море, чтобъ придти къ господину по водамъ. И ты Петръ, обращенный, утверди отъ нынѣ братьевъ твоихъ»... Г. Бреголль принимаетъ эти выраженія въ буквальномъ значеніи и удивляется ихъ дерзости: если авторъ желаетъ быть послѣдовательнымъ, то, принимая эти выраженія за чистую монету, долженъ признать, что придворные видѣли во Фридрихѣ второго Мессію! До этого вывода не доходитъ французскій ученый, такъ какъ нелѣпость буквальнаго толкованія стала бы вполнѣ очевидною. Но что эти выраженія не были

---

1) Antistitem, отъ antestare, antistes: смотритель, настоятель, церковный староста, протоіерей, глава духовенства; г. Бреголль настаиваетъ именно на послѣднемъ значеніи *Huill. Bréh.*, p. 222.

2) *Huill. Bréh.*, p. 223. Introd., DIX. При этомъ авторъ замѣчаетъ: Probablement les quatres vertus fondamentales de Platon: prudence, force, temperance, justice. L'idée de justice revient à chaque instant dans nos textes, et *peut-être par opposition à l'idée chrétienne de grâce,* à moins que les courtisans de Frédéric II n'aient eu en vue ce passage de Jérémie (XXXIII, 15): «en ce temps là je ferai sortir de David un germe de justice, et il agira selon l'équité, et il rendra la justice sur la terre». Это даже и не предположеніе!

3) *Huill. Bréh.*, Pièces Justif. Nr. 107, p. 426. 4) Ibid., Nr. 108, p. 427.

принимаемы въ буквальномъ значеніи самими авторами приведенныхъ отрывковъ, видно изъ того, что второй изъ нихъ, прелатъ, зналъ очень хорошо, что при переѣздѣ изъ Капуи въ сѣверную Италію встрѣтится много грязи, но ни одного моря, по которому ему пришлось бы выполнить свое рисковое обѣщаніе; первый же, панегиристъ, примѣняя къ Фридриху библейскія знаменія пришествія Іисуса Христа, оканчиваетъ воззваніемъ къ подданнымъ быть вѣрными къ императору.

Архіепископъ палермскій, впавъ въ немилость, пишетъ придворнымъ императора [1]): «Господь меня сотворилъ, онъ же безъ меня рѣшитъ, что изъ меня сдѣлать. Его содѣйствователь и викарій на землѣ—римскій князь имени и чести (т.-е. императоръ), божественный духъ котораго въ рукѣ Божіей, которая его по произволу направляетъ... Цезарское Величество, наставленное небеснымъ совѣтомъ, котораго оно есть дѣйствительный образъ въ вещахъ видимыхъ, какъ тому учитъ вѣра, не удалитъ отъ своего трона человѣка, съ дѣтства посвященнаго его службѣ, и посѣдѣвшаго не отъ долгой жизни, но отъ заботъ и невзгодъ» и т. д. Г. Брегольъ не желаетъ, чтобъ авторъ этого письма былъ архіепископъ [2]), вѣроятно, считая слогъ письма недостойнымъ католическаго прелата. Авторъ письма, кто бы онъ ни былъ, впалъ въ немилость при дворѣ, и, зная, что письмо можетъ дойти до императора, льститъ до невѣроятности, расчитывая заслужить этимъ прощеніе и милость. Конечно, въ этомъ письмѣ, какъ и во многихъ другихъ, особенная рѣзкость слога въ извѣстномъ именно направленіи, удивляетъ, даже поражаетъ незнакомаго со слогомъ писемъ того времени: никто не отнесетъ г. Бреголля къ этому числу, хотя онъ и видитъ въ приведенныхъ отрывкахъ ясное доказательство тому, что

---

¹) *Huill. Bréh.*, Pièces Justificatives, Nr 109, p. 428—429.
²) *Huill. Bréh.*, p. 223.

Фридрихъ II еще при жизни былъ обожаемъ и обоготворяемъ, какъ исходящій отъ св. Духа [1]).

Г. Бреголля поражаетъ тонъ этихъ отрывковъ [2]), но нисколько не удивляетъ то обстоятельство, что въ нихъ ни разу не высказано стремленіе Фридриха къ реформѣ, Фридрихъ ни разу не названъ папою: если реформа принималась уже какъ фактъ совершившійся, то странно ни разу не встрѣтить сравненія новаго папы съ папою, проживавшимъ въ Ліонѣ,—сравненія, которое могло дать обильную пищу лести и насмѣшкѣ, миститическимъ выраженіямъ и остроумнымъ сопоставленіямъ. Объяснять это недостаткомъ смѣлости нельзя: въ этихъ письмахъ Фридрихъ сравнивается съ Іисусомъ Христомъ? Кажется, наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ будетъ то, что авторы этихъ отрывковъ были совершенно неповинны въ той реформѣ, которую французскій ученый старается вычитать между строками.

Выраженія, встрѣчающіяся въ отвергнутомъ нами *Lamentatio Petri de Vineis* [3]), въ родѣ слѣдующихъ: *sanctus vicarius Dei, Petrus petra ecclesiæ, pater orbis, pius pater et sanctus, ab ejus sacris pedibus non divertam* [4]) и т. п., всѣ эти выраженія, по мнѣнію г. Бреголля, намекаютъ на императора-папу [5]).

«Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ—говоритъ авторъ—Фридрихъ представленъ народу какъ содѣйствователь Богу, какъ отраженіе на землѣ небеснаго разума. Если въ нихъ играютъ

---

[1]) Ainsi Frédéric semble bien, de son vivant, adoré et divinisé à peu près comme une émanation de l'esprit Saint. Dans les termes qui servent à exprimer sa suprématie religieuse, il y a quelque chose qui tient à la fois du paganisme et de l'Orient, qui rapelle le culte pérsonnel imposé à leurs sujets par les empereurs de l'ancienne Rome et par les califes fatimites de l'Égypte. Introd. DX.

[2]) Ce qui nous frappe aussi dans ces documents, c'est le ton qui y domine. Ces courtisans que les historiens et les poëtes nous peignent comme des épicuriens enclins, à l'exemple du maitre, au sensualisme oriéntal, n'ont à la bouche que des paroles mystiques tirées des livres saints, et qui rappellent les déclamations véhémentes des calvinistes et des puritains. *Huill. Bréh.*, p. 220.

[3]) См. выше, стр. 59.

[4]) *Huill. Bréh.*, Pièces Justif., Nr. 14, p. 310--314. [5]) Ibid., 224—225.

словомъ *fides*, если умышленно смѣшиваютъ *вѣрность* феодальную съ *вѣрою* религіозною, то лишь для того, чтобъ сказать, что государь облеченъ двойнымъ, равно священнымъ характеромъ, который ведетъ за собою двойное подчиненіе. Въ выраженіяхъ, которыми обозначается религіозная верховность Фридриха, слышится и язычество, и юдаизмъ: эти выраженія напоминаютъ и личный культъ, воздаваемый императорамъ древняго Рима, и обоготвореніе должное первосвященнику-законодателю, которому Богъ Израиля непосредственно передалъ свою власть» [1]).

Фридрихъ II, подъ перомъ французскаго ученаго, напоминаетъ собою и римскихъ цезарей, и израильскихъ первосвященниковъ, и египетскихъ калифовъ: кого же напомнитъ собою его любимецъ, Петръ Винейскій?

12.

Фридрихъ II долженъ быть императоромъ-папою: первый совѣтникъ императора, второе лицо въ королевствѣ [2]), конечно, долженъ быть викаріемъ новаго папы, первымъ апостоломъ инициатора свѣтской церкви, если не свѣтской религіи.

Въ очеркѣ, посвященномъ Петру Винейскому, мы упоминали о льстивомъ посланіи Николая Рокскаго къ могущественному любимцу Фридриха II; мы взяли изъ этого письма нѣсколько выдержекъ о мѣстѣ рожденія Петра Вин.; стараясь обрисовать направленіе письма, мы привели мнѣніе автора, что для Петра Винейскаго открыты и всѣ «тайны книги за семью печатями». Авторъ льстиваго похвальнаго слова прибавляетъ: «Это *Петръ* [illegible] на [illegible] *крѣпкомъ* [3]), чтобъ утверждать другихъ въ крѣпости вѣры. Оставивъ свои сѣти, [illegible] *Петръ* послѣдовалъ за Богомъ, *не* [illegible] *Петръ* [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[1]) Huill. Bréh., p. 256. [2]) Ibid., [illegible]. [3]) Ев. [illegible] XVI, 18.

заботу о стадѣ Божіемъ; но этотъ новый атлетъ, вмѣстѣ съ величайшимъ княземъ, *насаждая добродѣтели и уничтожая заблужденія*, взвѣшиваетъ на вѣсахъ справедливости все, что ни говоритъ. Галилеянинъ трижды отрекся отъ Господа; *капуанецъ не отречется ни разу»* [1]).

Подчеркнутыя слова не пустая пародія [2]), восклицаетъ г. Бреголль. Да, основываясь именно на приведенномъ отрывкѣ, одинъ нѣмецкій ученый видитъ въ этомъ письмѣ полуюмористическую пародію и, приводя заключительныя слова посланія: «конецъ тканью, что Николай ткалъ въ тиши», догадывается, что все посланіе не болѣе, какъ риторическое упражненіе [3]). Неужели въ этихъ словахъ не высказано ясно реформистское стремленіе? спрашиваетъ г. Бреголль [4]). Видѣть въ приведенномъ отрывкѣ хотя бы даже намеки на учрежденіе императорской церкви, значитъ насиловать самый текстъ. Какъ прежде авторъ игралъ словами, сопоставляя имя адресата, *Vinea*, съ виноградиной, *vinea*, такъ теперь онъ пользуется созвучіемъ именъ, чтобъ построить нѣсколько риторическихъ фигуръ; эти фигуры не столько рѣзки, сколько смѣлы; но развѣ авторъ посланія остановился передъ смѣлостью уподобленія Петра Вин. мистическому агнцу въ Апокалипсисѣ? Для насъ эти сравненія рѣзки, смѣлы, дерзки: современники смотрѣли на это иначе, и мы не имѣемъ права въ произведеніяхъ XIII стол. читать понятія XIX вѣка. И что сказано въ отрывкѣ? По поводу Петра Вин. вспомянутъ текстъ изъ св. Матѳея, говорящій о Петрѣ Галилейскомъ; Петръ Вин. призванъ насаждать добродѣтели и уничтожать заблужденія; іудейскій Петръ, отрекшійся отъ своего учителя трижды, противопоставленъ итальянскому, который не отрекся ни разу. Что же, желалъ ли авторъ этими невинными фигурами риторическаго искусства XIII стол. назвать

---

[1]) *Huill. Bréh.*, Pièces Justif. Nr. 2, p. 290—291. [2]) *Huill. Bréh.*, p. 227.
[3]) *Nitzsch*, 401; *Huill. Bréh.* Pièces Justif. Nr. 2, p. 289—291.
[4]) *Huill. Bréh.*, p. 226.

Петра Вин. апостоломъ, а Фридриха—божественнымъ учителемъ? Такое заключеніе, дѣлаемое въ XIX вѣкѣ, уже не можетъ быть названо *невинною* риторическою фигурою. Реформа, по словамъ автора, разсматривается, какъ фактъ уже совершившійся; почему же императоръ не названъ сицилійскимъ папою, сицилійскій логофетъ его викаріемъ?

Еще два, послѣдніе отрывка, изъ двухъ анонимныхъ писемъ, впервые изданныхъ. Первое письмо [1]) безъ конца, второе [2])—безъ начала; первое—положительно къ Петру Вин., второе—вѣроятно, къ нему; оба неизвѣстно кѣмъ и когда писаны [3]).

Вслѣдствіе политическихъ событій сношенія неаполитанскаго королевства съ Римомъ прерваны. Къ тѣмъ общимъ обязанностямъ и правамъ, относительно церкви, королевской власти въ Сициліи, о которыхъ мы упоминали выше, присоединяются новыя, вызванныя особенностями положенія королевства: съ одной стороны слѣдить, чтобъ возмутительныя посланія и измѣнническіе послы Рима не проникали въ государство и не распространяли недоразумѣній и волненій въ народѣ; съ другой, регулировать отправленіе церковныхъ обязанностей духовенства, которое теперь было предоставлено собственному благоусмотрѣнію и должно было выбирать между соціально-политическою вѣрностью главѣ государства и церковно-религіозною подчиненностью главѣ церкви. О состояніи государства именно въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ ни документовъ, ни извѣстій; но мы едва ли сдѣлаемъ боль-

---

[1]) *Huill. Bréh.*, Pièces Justif. Nr. 110, p. 430—432.

[2]) Ibid. n. 111, p. 432—434.

[3]) Если г. Брегольъ говоритъ о первомъ qu'elle fut composée *sans nul doute*, vers les moi d'avril 1247, époque où Pierre fut investi de fonctions de protonotaire de la cour impériale et de logothète de Sicile, (*Huill. Bréh.*, p. 227) то онъ этого не въ состояніи доказать. Положительно можно лишь опредѣлить время составленія двухгодовымъ срокомъ: началомъ 1247 г., когда Петръ Вин. былъ облеченъ въ высшія должности Сициліи, и началомъ 1249, когда онъ умеръ.

шую ошибку, охарактеризовавъ это состояніе крайне тяжелымъ и труднымъ. Именно въ церковномъ отношеніи должны были возникнуть вопросы, прежде рѣшенія которыхъ являлось недоумѣніе, кто именно долженъ заняться ихъ рѣшеніемъ; вотъ почему, между прочимъ, имѣли мѣсто обвиненія двоякаго рода: императоръ обвиняется, какъ мы то видѣли, въ томъ, что духовныя должности не заняты, и, какъ мы то увидимъ, въ томъ, что онѣ замѣщены его креатурами.

Первое письмо начинается упрекомъ къ Петру Винейскому за долгую неявку ко двору; затѣмъ авторъ продолжаетъ:

«Кто могъ бы думать, что вы, послѣ столь очевидныхъ доказательствъ (милости императора къ вамъ), такъ долго лишите себя удовольствія видѣть такого государя,—удовольствія, которое превосходитъ всѣ наслажденія рая, и столь знаменитыхъ друзей вашихъ, которые, ожидая васъ съ нетерпѣніемъ, всѣ порицаютъ ваше промедленіе?.. Такъ какъ императоръ заботится о распространеніи наилучшихъ благъ, то отъ него не могло укрыться отсутствіе Петра, вѣрность котораго, во время его присутствія при дворѣ, многократно блистала, какъ свѣтильникъ [1]) Онъ говоритъ вамъ: «Петръ, любишь меня, паси агнцевъ моихъ», и императоръ, любящій справедливость и желая дать ей прочное основаніе, поручилъ Петру заботиться о правахъ каждаго, назначивъ васъ главою судебной власти. Еще яснѣе высказывая свое намѣреніе, государь назначилъ васъ въ оппозицію главѣ,новѣроломному главѣ церкви; для того, чтобъ тамъ, гдѣ уже давно этотъ ложный намѣстникъ Христа, развращая порученный

---

[1]) Вслѣдствіе риторическихъ фигуръ и, вѣроятно, испорченности текста крайне непонятное мѣсто. *Fides Petri* вм. *fidelitas* Petri, какъ о томъ выше. Г. Бреголль такъ переводитъ: comme l'empereur, notre maitre, se préoccupait de meilleur moyen (d'utiliser le mérite de ses serviteurs. Introd. DXI) de donner aux plus dignes les biens dont il dispose, la foi de Pierre, même absent, n'a pu rester à ses yeux cachée sous le boisseau, cette foi qu'il a si souvent remarqué quand, présente parmi les siens, elle brillait comme la lampe sur le chandelier. (Cf. Evang. sel. S. Marc, IV, 21). *Huill. Bréh.*, p. 228.

ему викаріатъ, старается открыть ключами то, что ему не принадлежитъ, и обезображиваетъ славу, имущество и тѣло многихъ людей, чтобъ тамъ Петръ, *истинный викарій*, правилъ бы по справедливости, укрѣплялъ бы, наставлялъ и розыскивалъ по вѣрѣ. Знайте, что я и нѣкоторые изъ лучшихъ друзей вашихъ представляли государю много извиненій за васъ, но болѣе всего имѣла силы извѣстная ему ваша честность, умѣренность, крѣпость и т. д., что усовершенствуетъ совершеннаго человѣка и дѣлаетъ достойнымъ его сана. Итакъ, хотя это бремя вамъ не нравится, такъ какъ вы не привыкли къ нему и не стремились его получить, и хотя это печалитъ друзей вашихъ, знающихъ душу вашу, все-таки вамъ остается лишь отвѣчать: «Господи, знаешь, что возлюбилъ тебя: если могу быть годенъ народу твоему, не отказываюсь отъ труда. Да будетъ воля твоя» [1]).

Весь отрывокъ чрезвычайно теменъ. О какой новой обязанности, возлагаемой императоромъ на Петра Винейскаго, говорится здѣсь? Бреголль, конечно, не сомнѣвается, что здѣсь идетъ рѣчь о духовномъ викаріатствѣ, о сицилійскомъ апостольствѣ Петра Винейскаго [2]). Точно рѣшить, о чемъ говорится въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ письма—невозможно: авторъ рѣшаетъ по составленному имъ самимъ плану, т.-е. видитъ то, что желаетъ видѣть. На его догадку отвѣчаемъ второю догадкою: Петръ Винейскій былъ логофетомъ Сициліи; логофетъ вѣдалъ многія церковныя дѣла; очень возможно, что Фридрихъ требовалъ теперь отъ логофета, какъ отъ единственнаго чиновника королевства, который касался церковныхъ дѣлъ, разрѣшенія возникавшихъ церковныхъ вопросовъ, которые не подлежали прямому вѣдѣнію логофета,

[1]) Ibid., p. 132.

[2]) Que la répugnance de Pierre de la Vig vraie ou feinte, il ne parait pas qu'il ait dignités ecclésiastiques offertes ou con *Huill. Bréh.*, p. 229. Introd. DXII.

заботу о стадѣ Божіемъ; но этотъ новый атлетъ, вмѣстѣ съ величайшимъ княземъ, *насаждая добродѣтели и уничтожая заблужденія*, взвѣшиваетъ на вѣсахъ справедливости все, что ни говоритъ. Галилеянинъ трижды отрекся отъ Господа; *капуанецъ не отречется ни разу*» [1]).

Подчеркнутыя слова не пустая пародія [2]), восклицаетъ г. Бреголль. Да, основываясь именно на приведенномъ отрывкѣ, одинъ нѣмецкій ученый видитъ въ этомъ письмѣ полуюмористическую пародію и, приводя заключительныя слова посланія: «конецъ тканью, что Николай ткалъ въ тиши», догадывается, что все посланіе не болѣе, какъ риторическое упражненіе [3]). Неужели въ этихъ словахъ не высказано ясно реформистское стремленіе? спрашиваетъ г. Бреголль [4]). Видѣть въ приведенномъ отрывкѣ хотя бы даже намеки на учрежденіе императорской церкви, значитъ насиловать самый текстъ. Какъ прежде авторъ игралъ словами, сопоставляя имя адресата, *Vinea*, съ виноградиной, *vinea*, такъ теперь онъ пользуется созвучіемъ именъ, чтобъ построить нѣсколько риторическихъ фигуръ; эти фигуры не столько рѣзки, сколько смѣлы; но развѣ авторъ посланія остановился передъ смѣлостью уподобленія Петра Вин. мистическому агнцу въ Апокалипсисѣ? Для насъ эти сравненія рѣзки, смѣлы, дерзки: современники смотрѣли на это иначе, и мы не имѣемъ права въ произведеніяхъ XIII стол. читать понятія XIX вѣка. И что сказано въ отрывкѣ? По поводу Петра Вин. вспомянутъ текстъ изъ св. Матѳея, говорящій о Петрѣ Галилейскомъ; Петръ Вин. призванъ насаждать добродѣтели и уничтожать заблужденія; іудейскій Петръ, отрекшійся отъ своего учителя трижды, противопоставленъ итальянскому, который не отрекся ни разу. Что же, желалъ ли авторъ этими невинными фигурами риторическаго искусства XIII стол. назвать

---

[1]) *Huill. Bréh.*, Pièces Justif. Nr. 2, p. 290—291. [2]) *Huill. Bréh.*, p. 227.
[3]) *Nitzsch*, 401; *Huill. Bréh.* Pièces Justif. Nr. 2, p. 289—291.
[4]) *Huill. Bréh.*, p. 226.

государемъ, чрезъ что вы можете оживить сына уже полумертваго, на благодарность котораго можете положиться»[1]).

Г. Брегольь, принимая слова въ буквальномъ значенiи и вполнѣ довѣряясь темному отрывку, восклицаетъ: «Или слова не имѣютъ уже смысла, или необходимо принять, что въ извѣстное время была *императорская* церковь, что глава этой церкви, *Superior*, былъ никто иной, какъ самъ императоръ, что Петръ Винейскiй былъ его свѣтскiй викарiй, и что совѣтъ церковныхъ дѣлъ сравниваемъ съ трапезою Iисуса Христа»[2]).

Мы, съ своей стороны, невольно недоумѣваемъ, чему болѣе удивляться: тому ли научному прiему, который доводитъ до подобныхъ результатовъ, или тому ученому направленiю, которое ими питается?

13.

Съ тѣхъ поръ, какъ наша наука разрабатывается по законамъ «исторической критики», исторiя перестала быть сборникомъ сказокъ, вѣрить въ которыя согласились люди[3]), другими словами: никакая сказка, никакое ложное мнѣнiе не можетъ теперь получить права гражданства въ исторической наукѣ.

До настоящаго времени историческая критика выставила, между прочимъ, два важныхъ закона: точное представленiе [illegible] прошлыхъ событiй и отдѣленiе идеальнаго отъ реаль[illegible] въ исторiи прошлыхъ вѣковъ. Связь событiй даетъ воз[illegible]ность опредѣлить направленiе эпохи на столько точно,

---

[illegible], p. 434. *Huill. Bréh.*, 231. Introd. DXIII.

[illegible] les mots n'ont plus de sens, ou bien il faut admettre qu'il y eut à [illegible] donné une église impériale, que le chef de cette église, le *Supérieur*, [illegible] que l'empereur, que Pierre de la Vigne était son vicaire laïque, [illegible] pour les affaires ecclésiastiques était comparé au cénacle de [illegible] Bréh., 231

[illegible] Zeits., R. I, S. 278.

чтобъ отличить субъективное представленіе историка отъ объективнаго факта исторіи; отдѣленіе реальнаго отъ идеальнаго даетъ возможность услѣдить въ миѳѣ и легендѣ, въ преданіи и сказкѣ, въ былинѣ и сказаніи реальный остатокъ исторіи на столько точно, чтобъ отличить идеальное представленіе вѣка отъ реальнаго факта жизни, въ немъ заключеннаго.

Связное представленіе событій конца XII и первой половины XIII стол. даетъ возможность довольно точно опредѣлить какъ направленіе эпохи, такъ и ея представителя, императора Фридриха II. Это направленіе, какъ мы видѣли, состояло въ борьбѣ противъ феодализма—при помощи папъ и противъ папства, на сколько въ этотъ институтъ вошло феодальнаго начала — для организаціи строго централизованной монархіи [1]). Намъ теперь хотятъ доказать, что Фридрихъ II стремился, прежде всего, къ созданію какого-то свѣтскаго папства; въ доказательство намъ приводятъ нѣсколько отрывковъ, выраженій, даже словъ изъ грязныхъ памфлетовъ, анонимныхъ посланій и частныхъ писемъ [2]).

Что новое мнѣніе, выставленное г. Бреголлемъ, противорѣчитъ всему направленію, всей политикѣ Фридриха, это мы старались показать, представляя главные моменты изъ исторіи отношеній императора къ папамъ. Что доводы, приводимые въ защиту такого мнѣнія, не выдерживаютъ критики, это мы старались доказать разборомъ каждаго довода отдѣльно, всѣхъ до послѣдняго, останавливаясь на каждой страницѣ, на каждой строчкѣ, на каждомъ словѣ. Отвергая основную мысль сочиненія, не соглашаясь ни съ однимъ изъ доводовъ, приводимыхъ авторомъ, мы постараемся теперь,

[1]) *Nitzsch*, 397.

[2]) Aussi n'est-ce pas dans les actes officiels de ce temps qu'il faut rechercher les traces d'une pareille entreprise, mais bien dans les pamphlets anonymes et dans les correspondances privées, dont le dépouillement n'avait pas encore été fait. *Introd.*, DIV.

*

ему викаріатъ, старается открыть ключами то, что ему не принадлежитъ, и обезображиваетъ славу, имущество и тѣло многихъ людей, чтобъ тамъ Петръ, *истинный викарій*, правилъ бы по справедливости, укрѣплялъ бы, наставлялъ и розыскивалъ по вѣрѣ. Знайте, что я и нѣкоторые изъ лучшихъ друзей вашихъ представляли государю много извиненій за васъ, но болѣе всего имѣла силы извѣстная ему ваша честность, умѣренность, крѣпость и т. д., что усовершенствуетъ совершеннаго человѣка и дѣлаетъ достойнымъ его сана. Итакъ, хотя это бремя вамъ не нравится, такъ какъ вы не привыкли къ нему и не стремились его получить, и хотя это печалитъ друзей вашихъ, знающихъ душу вашу, все-таки вамъ остается лишь отвѣчать: «Господи, знаешь, что возлюбилъ тебя; если могу быть годенъ народу твоему, не отказываюсь отъ труда. Да будетъ воля твоя» [1]).

Весь отрывокъ чрезвычайно теменъ. О какой новой обязанности, возлагаемой императоромъ на Петра Винейскаго, говорится здѣсь? Бреголль, конечно, не сомнѣвается, что здѣсь идетъ рѣчь о духовномъ викаріатствѣ, о сицилійскомъ апостольствѣ Петра Винейскаго [2]). Точно рѣшить, о чемъ говорится въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ письма—невозможно; авторъ рѣшаетъ по составленному имъ самимъ плану, т.-е. видитъ то, что желаетъ видѣть. На его догадку отвѣчаемъ второю догадкою: Петръ Винейскій былъ логофетомъ Сициліи; логофетъ вѣдалъ многія церковныя дѣла; очень возможно, что Фридрихъ требовалъ теперь отъ логофета, какъ отъ единственнаго чиновника королевства, который касался церковныхъ дѣлъ, разрѣшенія возникавшихъ церковныхъ вопросовъ, которые не подлежали прямому вѣдѣнію логофета,

---

[1]) Ibid., p. 432.

[2]) Que la répugnance de Pierre de la Vigne à jouer ce rôle d'apotre ait-été vraie ou feinte, il ne parait pas qu'il ait reculé devant la distribution des dignités ecclésiastiques offertes ou concédées à des familiers du divin César. *Huill. Bréh.*, p. 229. Introd. DXII.

ныхъ фактовъ исторіи, а изъ субъективныхъ представленій историка.

Мы прямо заявили уже въ началѣ очерка, что новый взглядъ, выставленный г. Бреголлемъ, отличается болѣе смѣлостью вывода, чѣмъ новизною изслѣдованія. Дѣйствительно, система, доведшая его до уродливыхъ результатовъ, вовсе не нова. Составивъ заранѣе особое мнѣніе, авторъ ищетъ въ массѣ имъ же изданныхъ матеріаловъ, доводовъ, защищающихъ это мнѣніе; онъ не заботится ни о филологической, ни объ исторической критикѣ. Мы видѣли, какъ вслѣдствіе чисто филологической критики оказывались подложными тѣ документы, которые авторъ положилъ въ основу своего новаго труда; пренебреженіе къ законамъ исторической критики не дозволяетъ ему понять смыслъ документовъ и направленіе эпохи. Это все та же старая система, допускающая полный произволъ въ изслѣдованіи и при помощи которой исторія разрабатывается до настоящаго времени извѣстною партіею [1]). Г. Бреголль составилъ себѣ имя изданіемъ знаменитаго сборника актовъ Фридриха; ложные выводы, къ которымъ авторъ пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, объясняются недостатками той старой системы, которая можетъ навести на истину лишь случайно.

Мы не желаемъ теряться въ догадкахъ, всегда болѣе или менѣе непріятныхъ, касательно цѣли, которую авторъ имѣлъ въ виду, и принимаемъ ту цѣль, о которой онъ самъ говоритъ намъ, заканчивая свое новое сочиненіе: въ своемъ новомъ взглядѣ авторъ желалъ найти оправданіе политикѣ папъ относительно Фридриха. Высказавъ свою основную мысль и подкрѣпивъ ее имѣвшимися въ запасѣ доводами, авторъ заканчиваетъ:

---

[1]) *L'Epinois*, Le gouvernement des Papes, принимаетъ вполнѣ мнѣніе г. Бреголля о свѣтскомъ папствѣ Фридриха, см. p. 101. Сочиненіе это замѣчательно искаженіемъ фактовъ именно въ смыслѣ ультрамонтанскаго направленія; оно первое, повторяющее выводы г. Бреголля.

«Должно-ли послѣ этого удивляться, что папы видѣли антихриста въ этомъ предшественникѣ реформаціи, который, можетъ быть, не успѣлъ лишь потому, что явился не во время; что они должны были произнести страшный приговоръ: «что никогда, ни подъ какимъ видомъ и ни за что они не помирятся ни съ Фридрихомъ, ни съ его ехидниными родомъ» [1]). Папы преслѣдовали въ немъ не столько закоренѣлаго еретика, сколько открытаго раскольника. Необходимость блюсти единство церкви объясняетъ ихъ крайне рѣшительную политику, такъ какъ отдѣленіе Неаполитанскаго королевства могло бы повлечь за собою отпаденіе Германіи и, наконецъ, всего Запада» [2]).

---

[1]) *Hist. diplom.*, VI, 650. [2]) *Huill. Bréh.*, p. 236.

РИМЪ И ВИЗАНТІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Русскій Вѣстникъ, 1870.

двумя, тремя примѣрами, указать какъ систему, такъ и цѣль, для которой сочиненіе было писано. Второе мы предоставимъ резюмировать самому автору, чтобъ избѣжать обвиненія въ пристрастіи.

Фридрихъ-политикъ не напоминаетъ собою никого изъ великихъ людей исторіи, никого, отъ Александра Великаго до Наполеона [1]). Кого же долженъ напомнить намъ Фридрихъ-реформаторъ: Льва-ли Исавріянина или Лютера? Филиппа-ли Красиваго или Генриха VIII? Реформа, задуманная Фридрихомъ, должна быть реформою чисто церковною: созданіе *свѣтской*, отъ Рима независимой церкви, папою которой долженъ быть глава имперіи. Планъ грандіозный: никто прежде его, никто послѣ его не выставлялъ плана болѣе величаваго! Планъ дерзкій: борьба со всей католической Европой во всякомъ случаѣ опасна! Когда же могущество императора было столь громадно, чтобъ внушить такое опасное предпріятіе такому осторожному политику, какъ Фридрихъ? Этотъ планъ, задуманный въ молодые годы жизни, впервые обнаруженный при вбиваніи двухъ гвоздей въ новую раку Карла Великаго, въ 1215 году, долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе тридцать лѣтъ спустя: «Послѣ Ліонскаго собора, на которомъ Фридрихъ былъ низложенъ съ императорскаго трона, Фридрихъ желалъ путемъ переговоровъ и соглашеній сблизиться съ папой. Но когда онъ увидѣлъ, что ходатайство Людовика IX осталось безуспѣшнымъ, что въ Апуліи составился подъ руководствомъ папы заговоръ на его тронъ и жизнь, что въ Германіи Генрихъ Распе былъ провозглашенъ королемъ римлянъ,—тогда Фридрихъ рѣшился уничтожить папу, такъ какъ папа серьезно рѣшился уничтожить императора» [2]). Другими словами: когда Фридрихъ былъ наиболѣе слабъ, тогда онъ рѣшился на предпріятіе, требовавшее наибольшей силы! Такъ само собой разбивается мнѣніе, выведенное не изъ объектив-

[1]) *Nitzsch*, 382—383. [2]) *Introd*,. DIV.

ныхъ фактовъ исторіи, а изъ субъективныхъ представленій историка.

Мы прямо заявили уже въ началѣ очерка, что новый взглядъ, выставленный г. Бреголлемъ, отличается болѣе смѣлостью вывода, чѣмъ новизною изслѣдованія. Дѣйствительно, система, доведшая его до уродливыхъ результатовъ, вовсе не нова. Составивъ заранѣе особое мнѣніе, авторъ ищетъ въ массѣ имъ же изданныхъ матеріаловъ, доводовъ, защищающихъ это мнѣніе; онъ не заботится ни о филологической, ни объ исторической критикѣ. Мы видѣли, какъ вслѣдствіе чисто филологической критики оказывались подложными тѣ документы, которые авторъ положилъ въ основу своего новаго труда; пренебреженіе къ законамъ исторической критики не дозволяетъ ему понять смыслъ документовъ и направленіе эпохи. Это все та же старая система, допускающая полный произволъ въ изслѣдованіи и при помощи которой исторія разрабатывается до настоящаго времени извѣстною партіею [1]). Г. Бреголль составилъ себѣ имя изданіемъ знаменитаго сборника актовъ Фридриха; ложные выводы, къ которымъ авторъ пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, объясняются недостатками той старой системы, которая можетъ навести на истину лишь случайно.

Мы не желаемъ теряться въ догадкахъ, всегда болѣе или менѣе непріятныхъ, касательно цѣли, которую авторъ имѣлъ въ виду, и принимаемъ ту цѣль, о которой онъ самъ говоритъ намъ, заканчивая свое новое сочиненіе: въ своемъ новомъ взглядѣ авторъ желалъ найти оправданіе политикѣ папъ относительно Фридриха. Высказавъ свою основную мысль и подкрѣпивъ ее имѣвшимися въ запасѣ доводами, авторъ заканчиваетъ:

---

[1]) ***L'Epinois***, Le gouvernement des Papes, принимаетъ вполнѣ мнѣніе г. Бреголля о свѣтскомъ папствѣ Фридриха, см. p. 101. Сочиненіе это замѣчательно искаженіемъ фактовъ именно въ смыслѣ ультрамонтанскаго направленія; *оно первое, повторяющее* выводы г. Бреголля.

«Должно-ли послѣ этого удивляться, что папы видѣли антихриста въ этомъ предшественникѣ реформаціи, который, можетъ быть, не успѣлъ лишь потому, что явился не во время; что они должны были произнести страшный приговоръ: «что никогда, ни подъ какимъ видомъ и ни за что они не помирятся ни съ Фридрихомъ, ни съ его ехиднинымъ родомъ» [1]. Папы преслѣ [illegible] немъ не столько закоренѣлаго еретика, сколько [illegible] аскольника. Необходимость блюсти единство церк [illegible] ъ ихъ крайне рѣшительную политику, такъ [illegible] от [illegible] іе Неаполитанскаго королевства могло бы повлечь [illegible] ю отпаденіе Германіи и, наконецъ, всего Запад [illegible]

---

1) *Hist. diplom.*, VI, 650. 2) Huill. Bréh., p. 236.

Римъ и Византія въ трудахъ кіевскихъ историковъ.

Въ числѣ историческихъ городовъ земного шара только три города справедливо почитаются центральными пунктами міровой исторіи человѣчества—Іерусалимъ, Аѳины и Римъ, съ его младшею сестрой Византіей, которая, въ народномъ сознаніи своихъ гражданъ, была всегда новымъ Римомъ. Изъ числа этихъ трехъ городовъ, первенство по вліянію на образованіе и развитіе новоевропейской цивилизаціи, главенство по организаціи и укрѣпленію государственнаго строя, безспорно, принадлежатъ Риму, понимаемому въ указанномъ выше широкомъ его значеніи: исторія запада Европы тяготѣетъ къ Риму, также какъ исторія востока къ Византіи, причемъ для обѣихъ половинъ европейскаго материка Іерусалимъ имѣетъ значеніе лишь религіознаго, а Аѳины лишь культурнаго центра.

Римъ справедливо называютъ «вѣчнымъ городомъ», и этотъ титулъ принадлежитъ ему преимущественно предъ всѣми остальными городами земного шара, которые всѣ сходили съ исторической сцены немедленно по совершеніи своей исторической задачи. Значеніе Рима въ этомъ отношеніи прекрасно обрисовано однимъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ намъ историковъ:

«Между древними городами Азіи многіе замѣчательны
иколѣпіемъ, своею силой, своимъ продолжитель-
ествованіемъ, какъ Вавилонъ и Ниневія, Тиръ и
но всѣ они, замѣчательные какъ цивилизующіе
его родного народа, почти ничего не дали міру и

міръ имъ мало чѣмъ обязанъ. Одинъ лишь азійскій городъ можетъ имѣть притязаніе на міровое значеніе. Іерусалимъ, главный городъ небольшого іудейскаго народа, искони былъ средоточіемъ вѣрованія въ единаго Бога; изъ этого города вышло христіанство, и Іерусалимъ, какъ памятникъ совершеннѣйшей религіи, какая только появлялась въ Азіи и Европѣ, обязанъ христіанству возрожденіемъ своей всемірно-исторической жизни въ средніе вѣка: христіанство ввело его въ сношенія съ Римомъ и поставило въ теченіе многихъ столѣтій средневѣковой эпохи на ряду съ вѣчнымъ городомъ. Нѣкогда римляне разрушили Іерусалимъ, іудейскій народъ разбрелся по всему міру, и значеніе Іерусалима, какъ святого города, перешло на Римъ, на этотъ новый Іерусалимъ; но въ XI столѣтіи снова поднимаетъ свою голову старый Іерусалимъ, благоговѣніе Запада Европы переносится отъ гроба Св. Петра на гробницу Христа, и въ теченіе продолжительнаго періода крестовыхъ походовъ Іерусалимъ становится святымъ городомъ христіанскихъ народовъ, театромъ великой борьбы Азіи съ Европой, средоточіемъ великаго движенія, поколебавшаго міръ; лишь въ XIII столѣтіи падаетъ это значеніе Іерусалима, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ той идеи, которая находила въ немъ свое символическое выраженіе.

«Переходя въ Европу, мы встрѣчаемъ здѣсь городъ, который, подобно Іерусалиму въ Азіи, можетъ имѣть притязаніе на мировое значеніе. Аѳины издавна были святилищемъ европейской культуры. Всѣ благороднѣйшіе и чистѣйшіе труды мысли и фантазіи соединились въ Аѳинахъ въ одинъ центральный огонь культуры, который, широко раскинувшись и достигнувъ отдаленнѣйшихъ странъ, воодушевлялъ своею теплотой и свѣтомъ земное состояніе человѣка: въ Аѳинахъ же, на агорѣ, въ ея вѣчно волнуемой государственной жизни, нашли себѣ практическое осуществленіе основные законы свободы, въ которой заключено все счастіе народовъ и людей.

«Не то былъ городъ Римъ. Обозрѣвая внѣшнюю сторону

его жизни, должно сознаться, что ему нѣтъ въ мірѣ равнаго по той политической дѣятельности, по тому мужеству и по той мудрости, съ какою Римъ покорилъ полъ-міра. Образованіе Рима изъ затемненнаго миѳомъ зародыша, его постепенное возрастаніе, наконецъ, господство одного города надъ половиной міра,—все это составляетъ изумительное явленіе въ исторіи человѣческаго рода, на ряду съ которымъ можетъ быть поставлено лишь возникновеніе и распространеніе христіанства, и даже самое христіанство должно было войти въ «міровой городъ», какъ въ мѣсто, приготовленное для него исторіей, чтобъ изъ развалинъ Рима могъ создаться величавый образъ той церкви, моральное господство которой надъ міромъ прошло чрезъ всѣ средніе вѣка. Въ побѣдѣ Рима надъ образованными и свободными народами, которые, какъ греки, напримѣръ, далеко превосходили Римъ силой своихъ идей, въ этой побѣдѣ могутъ усматривать простую побѣду матеріальной силы надъ духомъ, могутъ видѣть въ ней лишь разлагающій, всесокрушающій элементъ; но это будетъ несправедливо. Это была побѣда практическаго разума, высшая творческая сила котораго проявилась въ образованіи великаго законодательства; это тотъ практическій разумъ, который долженъ быть поставленъ выше фантазіи и ея прекрасныхъ созданій».

Нѣмецъ по рожденію и католикъ по вѣроисповѣданію, Грегоровіусъ останавливается на городѣ Римѣ; его соблазняетъ великое значеніе «вѣчнаго города, который дважды находился во главѣ цивилизованнаго міра,—сперва въ силу абсолютнаго государства, затѣмъ въ силу абсолютной церкви»; это величіе приковываетъ все его вниманіе и не дозволяетъ ему видѣть въ Византіи прямую наслѣдницу римскихъ стремленій и идей, тотъ восточный Римъ, который въ теченіе десяти вѣковъ хранилъ практическій разумъ древности, послѣ паденія Рима западнаго. Эта прямая преемственность между древнимъ и новымъ Римомъ сознавалась самимъ населеніемъ

міръ имъ мало чѣмъ обязанъ. Одинъ лишь азійскій городъ можетъ имѣть притязаніе на міровое значеніе. Іерусалимъ, главный городъ небольшого іудейскаго народа, искони былъ средоточіемъ вѣрованія въ единаго Бога; изъ этого города вышло христіанство, и Іерусалимъ, какъ памятникъ совершеннѣйшей религіи, какая только появлялась въ Азіи и Европѣ, обязанъ христіанству возрожденіемъ своей всемірно-исторической жизни въ средніе вѣка: христіанство ввело его въ сношенія съ Римомъ и поставило въ теченіе многихъ столѣтій средневѣковой эпохи на ряду съ вѣчнымъ городомъ. Нѣкогда римляне разрушили Іерусалимъ, іудейскій народъ разбрелся по всему міру, и значеніе Іерусалима, какъ святого города, перешло на Римъ, на этотъ новый Іерусалимъ; но въ XI столѣтіи снова поднимаетъ свою голову старый Іерусалимъ, благоговѣніе Запада Европы переносится отъ гроба Св. Петра на гробницу Христа, и въ теченіе продолжительнаго періода крестовыхъ походовъ Іерусалимъ становится святымъ городомъ христіанскихъ народовъ, театромъ великой борьбы Азіи съ Европой, средоточіемъ великаго движенія, поколебавшаго міръ; лишь въ XIII столѣтіи падаетъ это значеніе Іерусалима, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ той идеи, которая находила въ немъ свое символическое выраженіе.

«Переходя въ Европу, мы встрѣчаемъ здѣсь городъ, который, подобно Іерусалиму въ Азіи, можетъ имѣть притязаніе на мировое значеніе. Аѳины издавна были святилищемъ европейской культуры. Всѣ благороднѣйшіе и чистѣйшіе труды мысли и фантазіи соединились въ Аѳинахъ въ одинъ центральный огонь культуры, который, широко раскинувшись и достигнувъ отдаленнѣйшихъ странъ, воодушевлялъ своею теплотой и свѣтомъ земное состояніе человѣка; въ Аѳинахъ же, на агорѣ, въ ея вѣчно волнуемой государственной жизни, нашли себѣ практическое осуществленіе основные законы свободы, въ которой заключено все счастіе народовъ и людей.

«Не то былъ городъ Римъ. Обозрѣвая внѣшнюю сторону

тина и отъ Константина до Гераклія, пріостановился: онъ не считалъ уже достойнымъ исторической науки заниматься византійскою исторіей отъ Гераклія до взятія Константинополя турками; въ теченіе болѣе восьми столѣтій Гиббонъ видитъ въ исторіи Византіи лишь «народъ, который обезчестилъ имена грековъ и римлянъ, народъ, опозорившій себя отвратительными пороками, которые не могутъ быть оправданы даже человѣческими слабостями, и въ которыхъ не видно даже энергіи великихъ преступленій»; въ исторіографіи Византіи Гиббонъ встрѣчаетъ «лишь узкіе взгляды и извращенное сужденіе, изъ которыхъ нельзя уяснить ни причины историческихъ событій, ни характеровъ дѣйствующихъ лицъ, ни нравовъ вѣка» и, по его собственному признанію, онъ «готовъ безъ сожалѣнія предоставить рабскихъ грековъ ихъ рабскимъ историкамъ».

Такое отношеніе западныхъ ученыхъ къ исторіи Византіи и такой взглядъ на нее преобладаетъ въ исторической наукѣ до настоящаго времени. Заботливость итальянцевъ Анджело Маи и Матранги, труды французскихъ ученыхъ отъ Лебо до воспитанниковъ *Ecole française d'Athènes*, прекрасные разсказы шотландца Финлея, изслѣдованія бельгійца Бока, небольшіе очерки и статьи Фальмерайера, услуги Тафеля, почтенныя имена Цахаріи, Миллера, Гопфа—вотъ и всѣ главнѣйшіе представители западной науки, посвящавшіе свои силы разработкѣ какъ отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и общихъ обзоровъ византійской исторіи. Какъ мало труды названныхъ ученыхъ разъяснили сложный и многосторонній вопросъ, можно судить по вышедшему недавно сочиненію профессора Краузе, «Византійцы среднихъ вѣковъ», исполненному ложныхъ представленій о внутренней сторонѣ византійской жизни.

Главная, основная причина неудовлетворительности трудовъ по исторіи Византіи заключается, по нашему мнѣнію, въ той ничтожной долѣ вниманія, которая вообще удѣляется на Западѣ славянскому міру, между тѣмъ какъ славянскій

элементъ составляетъ существенную часть византійской исторіи, болѣе существенную, чѣмъ элементъ восточный, азіатскій.

Можно утвердительно сказать, что труды Лассена и Вебера по исторіи Индіи, Лепсіуса, Бругше и Бунзена по исторіи Египта, Моверса по исторіи семитическихъ народовъ вообще, труды Дункера, труды германскаго Восточнаго Общества и многихъ другихъ познакомили западную Европу съ исторіей Востока несравненно болѣе, чѣмъ сколько она знакома съ исторіей византійско-славянскаго міра вообще. Явленіе это объясняется тою систематизаціей, которая признаетъ предметомъ исторической науки лишь тѣ историческія явленія, которыя имѣютъ отношеніе къ греческо-римской и чрезъ нее къ христіано-германской цивилизаціи и мотивируется обыкновенно ничтожною долей участія византійско-славянскаго міра въ образованіи и развитіи элементовъ новоевропейской цивилизціи. Нельзя, однако, согласиться съ такимъ взглядомъ. Вліяніе греческаго Востока на латинскій Западъ вообще не отвергается и западною исторической наукой: довольно вспомнить въ этомъ отношеніи противоположность двухъ церквей, греко-византійской и латино-римской, и борьбу ихъ, проходящую чрезъ всѣ средніе вѣка. Неуспѣхъ всѣхъ крестовыхъ походовъ, быть можетъ, не объяснимъ безъ этой противоположности; борьба этихъ двухъ церквей не была ли сильнѣйшимъ врагомъ, предъ которымъ повержлись во прахъ всѣ баснословныя усилія крестоносныхъ армій? Кто изслѣдовалъ [illegible] византійскаго противодѣйствія усиленію папства? [illegible] и ея италійскія колоніи не могли остаться безъ [illegible] средневѣковую жизнь Европы, и даже при самомъ [illegible] своего существованія Византія сѣяла еще [illegible]ловѣческаго образованія: послѣ паденія Визан[illegible] представители перенесли свою дѣятельность [illegible] распространили по Европѣ тѣ творенія эллин[illegible]рыя легли въ основу новоевропейской обра[illegible] которыхъ воспитались тѣ сильные умы, ко-

торыми Европа справедливо гордится. То же должно сказать и о славянскомъ мірѣ, который имѣетъ полное право на почетное мѣсто во всемірной исторіи. Если пришествіе дикихъ азіатскихъ ордъ, гунновъ, въ земли западной Европы и столкновеніе язычниковъ-германцевъ съ Западно-Римскою имперіей считаются событіями всемірно-историческими, то появленіе варяго-руссовъ въ земляхъ восточной Европы и столкновеніе язычниковъ-славянъ съ Восточно-Римскою имперіей равнымъ образомъ представляются событіями всемірно-историческими. Борьба славянъ съ германцами, продолжавшаяся тысячу лѣтъ и еще не оконченная, имѣла громадное значеніе на весь западный міръ.

Важность византійской исторіи по отношенію къ западной Европѣ и ко всему славянскому міру не подлежитъ сомнѣнію; но она пріобрѣтаетъ особенное значеніе для славянъ русскихъ. Тщательное изученіе Византіи, мы надѣемся, опровергнетъ рано или поздно то распространенное у насъ мнѣніе, будто бы Россія приняла отъ Византіи одну лишь религію, и докажетъ, что многія стороны русской народной жизни не объяснимы безъ вліянія греко-византійской образованности на русскую народность. Византія имѣетъ такое же значеніе для восточной Европы, то-есть, для Россіи, какъ Римъ для народовъ западной Европы. Достаточно вспомнить, что исторія русскаго народа при самомъ началѣ и черезъ тысячу лѣтъ проявляетъ одинъ и тотъ же фактъ политическаго тяготѣнія Россіи къ центру юго-востока Европы, къ Византіи, во многомъ сходнаго со стремленіемъ римско-германскихъ народовъ къ центру юго-запада, къ Риму. Въ самый разгаръ «среднихъ вѣковъ» русской исторіи, во второй половинѣ XV столѣтія, Византія, въ лицѣ Софіи, дочери послѣдняго морейскаго деспота и племянницы послѣдняго Палеолога константинопольскаго, завѣщала Россіи свое наслѣдіе, и тогда же Россія приняла въ свой государственный гербъ двуглаваго римско-византійскаго орла.

элементъ составляетъ существенную часть византійской исторіи, болѣе существенную, чѣмъ элементъ восточный, азіатскій.

Можно утвердительно сказать, что труды Лассена и Вебера по исторіи Индіи, Лепсіуса, Бругше и Бунзена по исторіи Египта, Моверса по исторіи семитическихъ народовъ вообще, труды Дункера, труды германскаго Восточнаго Общества и многихъ другихъ познакомили западную Европу съ исторіей Востока несравненно болѣе, чѣмъ сколько она знакома съ исторіей византійско-славянскаго міра вообще. Явленіе это объясняется тою систематизаціей, которая признаетъ предметомъ исторической науки лишь тѣ историческія явленія, которыя имѣютъ отношеніе къ греческо-римской и чрезъ нее къ христіано-германской цивилизаціи и мотивируется обыкновенно ничтожною долей участія византійско-славянскаго міра въ образованіи и развитіи элементовъ новоевропейской цивилизнціи. Нельзя, однако, согласиться съ такимъ взглядомъ. Вліяніе греческаго Востока на латинскій Западъ вообще не отвергается и западною историческою наукой: довольно вспомнить въ этомъ отношеніи противоположность двухъ церквей, греко-византійской и латино-римской, и борьбу ихъ, проходящую чрезъ всѣ средніе вѣка. Неуспѣхъ всѣхъ крестовыхъ походовъ, быть можетъ, не объяснимъ безъ этой противоположности; борьба этихъ двухъ церквей не была ли сильнѣйшимъ врагомъ, предъ которымъ поверглись во прахъ всѣ баснословныя усилія крестоносныхъ армій? Кто изслѣдовалъ вліяніе византійскаго противодѣйствія усиленію папства? Византія и ея италійскія колоніи не могли остаться безъ вліянія на средневѣковую жизнь Европы, и даже при самомъ концѣ своего существованія Византія сѣяла еще сѣмена общечеловѣческаго образованія: послѣ паденія Византіи лучшіе ея представители перенесли свою дѣятельность въ Италію и распространили по Европѣ тѣ творенія эллинскаго генія, которыя легли въ основу новоевропейской образованности и на которыхъ воспитались тѣ сильные умы, ко-

верситета, было подвергнуто въ одномъ изъ нашихъ специальныхъ журналовъ обстоятельному и серьезному разбору. Ученая рецензія главнѣйшей части труда г. Иконникова, помѣщенная въ «Православномъ Обозрѣніи», раскрыла въ немъ довольно существенные недостатки и указала рядъ такихъ промаховъ, которые не могли быть объяснены даже недосмотрами и недоразумѣніями. Одновременно съ этимъ разборомъ, разбивавшимъ до извѣстной степени ожиданія и надежды друзей русской исторіи, въ газетахъ было объявлено, что Новороссійскій университетъ, въ Одессѣ, призналъ возможнымъ увѣнчать автора высшею ученою степенью. Эти довольно противоположные по своимъ результатамъ взгляды на указанный трудъ и нѣкоторыя другія причины, обусловленныя офиціальнымъ положеніемъ его автора, возлагали на насъ обязанность ознакомиться возможно ближе съ произведеніемъ г. Иконникова и составить о немъ возможно безпристрастное сужденіе.

Представляя въ настоящемъ очеркѣ критическій разборъ сочиненія г. Иконникова, мы должны, прежде всего, отказаться отъ желанія познакомить читателей съ его сущностью и предварить, что выписанное выше заглавіе ни мало не указываетъ на его содержаніе. Съ разсматриваемымъ трудомъ случилась любопытная метаморфоза: во все время печатанія его въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», въ продолженіи цѣлаго года, сочиненіе г. Иконникова носило слѣдующее, курьезное заглавіе: «*О главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности. Часть I: Вліяніе византійской и южно-русской образованности. Реформа*» (sic). По окончаніи же печатанія, являясь въ видѣ отдѣльной книжки, оно озаглавлено: «*О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи*». Какое же изъ двухъ заглавій болѣе подходитъ къ сочиненію? Никакъ не первое, и едва ли второе. Если задача г. Иконникова состояла въ изслѣдованіи значенія Византіи, то изъ его сочи-

ненія должны быть исключены многія главы, не имѣющія прямого отношенія къ разсматриваемому вопросу, какъ, напримѣръ: глава III, о *монастырской колонизаціи* (стр. 102—166), глава IV, о *заселеніи сѣверо-восточной Россіи славяно-русскимъ племенемъ* (стр. 167—225) и др. Въ представленіе автора о культурѣ входятъ отрывочныя и случайно-набранныя черты, чѣмъ объясняется длинная рѣчь о бородѣ (стр. 66), пикантныя выписки о положеніи женщинъ (стр. 251, 372), о демонахъ, духахъ и чернокнижіи (стр. 213, 246) и др. Въ книгѣ г. Иконникова затрогиваются вопросы, ни мало не соотвѣтствующіе избранному имъ предмету изслѣдованія, какъ, напримѣръ, о восточныхъ ученіяхъ и ересяхъ (стр. 11 и др.), которые не поставлены ни въ какую связь съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, и оставлены безъ вниманія существенныя стороны каждой культуры: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о вліяніи византійскаго права на нашъ юридическій бытъ, на отношенія семейныя, имущественныя, наслѣдственныя, на развитіе іерархическихъ началъ не только въ отношеніяхъ гражданскихъ, но даже и въ кругѣ церковнаго порядка. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, мѣняетъ заглавіе своего сочиненія, не ясно представляетъ себѣ задачу и границы своего труда, и, конечно, затруднился бы разсказать въ нѣсколькихъ словахъ его содержаніе.

Хаотическое содержаніе отразилось и на самомъ строѣ всего труда. Начиная свое сочиненіе, авторъ не знаетъ конца и, оканчивая, [illegible] начало: на стр. 209 онъ говоритъ: «*мы видѣли*, въ [illegible] разстроенномъ положеніи были финансы [illegible]ду тѣмъ мы этого нигдѣ выше не [illegible]м. 2: «см. обширное указаніе на ере[illegible]дрецовъ въ нашемъ индексѣ», а между [illegible] приложить этотъ обширный индексъ. [illegible] русскую культуру, основной вопросъ [illegible] авторомъ въ началѣ книги ограни[illegible]продинѣ—сильнымъ и рѣшительнымъ

(стр. 73), а въ концѣ—снова слабымъ (стр. 508). Знакомый съ Византіей лишь по общимъ трудамъ, по Дреперу и Шлоссеру, авторъ, въ одномъ мѣстѣ своего труда, говоритъ, ссылаясь на Дрепера, что умственное движеніе въ Византіи было велико, что «въ немъ принимало участіе все общество, отъ императора до послѣдняго раба» (стр. 22 и 23) и черезъ нѣсколько страницъ, основываясь на Шлоссерѣ, утверждаетъ что умственное движеніе въ Византіи было «въ пренебреженіи, и люди, по большей части, нѣжились и забавлялись перепелами»... (стр. 44 и 45).

Если неопредѣленный взглядъ г. Иконникова на Византію объясняется Дреперомъ и Шлоссеромъ, тѣми сочиненіями, которыхъ авторъ труда о вліяніи Византіи на Россію избралъ своими руководителями, то воззрѣнія его на Россію не могутъ быть уже ничѣмъ оправданы. Приведемъ нѣкоторые образцы этихъ воззрѣній.

На первой же страницѣ своего труда авторъ съ рѣшительностью утверждаетъ, что «когда Европа, хотя медленно, но вѣрно шла къ цѣли, постоянно разрабатывая научный матеріалъ, *Россія, почти до XVII вѣка, находилась въ одинаковомъ положеніи, такъ какъ сумма знаній оставалась постоянно одна и та же*» (стр. 1). Мысль, что какое бы то ни было государство, живой и имѣющій свою исторію организмъ, можетъ пребывать въ застоѣ въ теченіе девяти вѣковъ, вообще чрезвычайно странна въ изслѣдователѣ XIX столѣтія; по отношенію же къ Россіи мысль эта представляется такою грубою ошибкой, что она можетъ быть легко опровергнута на основаніи учебниковъ гг. Соловьева и Иловайскаго. Подобная ошибка, по своей крайности и очевидности не требующая опроверженій, получаетъ для насъ интересъ лишь потому, что все послѣдующее изложеніе г. Иконникова служитъ, невѣдомо для самого автора, рѣшительнымъ ея опроверженіемъ. Такъ, начиная со второй же главы, идетъ рѣчь объ устройствѣ училищъ, библіотекъ, и объ «особенно замѣ-

чательной библіотекѣ Московскихъ князей», по поводу которой Максимъ Грекъ сказалъ, какъ извѣстно, великому князю Василію Ивановичу: «государь, вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства!» Далѣе говорится о томъ, какъ переносились въ Россію и распространялись въ ней цѣлыя и полныя міросозерцанія религіозныя, нравственныя, общественныя, напримѣръ, Нила Сорскаго, Максима Грека; по поводу послѣдняго говорится даже, что «его келлія была мѣстомъ, куда собирались толковать о книжныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣлахъ», и что онъ «своею разнообразною и долголѣтнею дѣятельностью создалъ цѣлое направленіе» (стр. 84). Затѣмъ авторъ упоминаетъ о распространеніи и важномъ вліяніи знаменитыхъ Четіи-Минеи митрополита Макарія, этой «обширной энциклопедіи» (стр. 236). Въ концѣ книги онъ говоритъ, что древнее русское общество, не довольствуясь тѣми источниками, которые представляли византійскіе монастыри, обратилось къ другимъ путямъ для знакомства съ научными вопросами (стр. 509), и затѣмъ, на многихъ страницахъ, перечисляетъ тѣ переводы и сочиненія, по которымъ училась и которыя такъ любила читать древняя Русь, тѣ труды, которые, начиная съ X вѣка, непрерывно распространялись по Россіи и сообщали свѣдѣнія о мысляхъ древнихъ греческихъ и римскихъ философовъ, о древней исторіи, о строеніи міра, о задачахъ человѣка, о государственномъ устройствѣ и т. д. Въ заключительной главѣ г. Иконниковъ говоритъ, что со времени Ивана III начинается наше сближеніе съ западною Европой, которая стала воздѣйствовать такъ замѣтно и сильно на русскій бытъ, что нѣкоторые высказывали опасенія за русскую жизнь (стр. 555), а раскольники прямо указывали, что въ русской землѣ совершается развратъ *противными книгами и нововводными догматами*. Изложивъ эти факты, самъ г. Иконниковъ прибавляетъ: «однимъ словомъ, измѣненіе въ направленіи общества стало несомнѣннымъ» (стр. 559), и нѣсколько строкъ ниже: «поворотъ въ

направленіи культуры отъ Востока къ Западу начинается съ образованіемъ Московскаго государства» (стр. 562). Читая приведенныя выше строки г. Иконникова, не знаешь, чему же вѣрить: стояла ли Русь въ теченіе девяти вѣковъ постоянно въ одномъ положеніи, съ одною и тою же суммой знаній, или же она двигалась, развивалась, измѣняла свои направленія, образовывала партіи и переживала ихъ борьбу?

Другое основное воззрѣніе г. Иконникова относится къ вопросу о характерѣ древнерусской общественности и культуры. «*Россія*—говоритъ онъ—подчинялась вліянію Византіи въ то время, когда господство религіозныхъ идей достигло въ Византіи полнаго апогея и монастыри давали направленіе обществу; отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію и потому она *вполнѣ можетъ назваться монастырскою*» (стр. 225). Воззрѣніе это, по своей крайней ошибочности, равнымъ образомъ не нуждается въ опроверженіи. Кому незнакомъ, напримѣръ, удѣльно-вѣчевой періодъ, отношенія и борьба князей, образованіе старыхъ и новыхъ городовъ, положеніе дружины, племенная рознь отдѣльныхъ княжествъ, дѣятельность Андрея Боголюбскаго, Александра Невскаго? Въ какомъ монастырѣ услыхалъ г. Иконниковъ призывный звонъ вѣчевого колокола? Въ какой скитъ помѣститъ онъ такія лица и явленія, какъ Иваны III и IV, борьба боярской партіи, учрежденіе опричины, движеніе служилаго и крестьянскаго сословій, волненія самозванщины, борьбу съ Польшей и Ливоніей? Что̀ тождественнаго между созерцательною и отрѣшенною «отъ міра сего» жизнью монастырей и политическимъ возрастаніемъ и сосредоточеніемъ Москвы, сложеніемъ ея общественныхъ элементовъ, образованіемъ выборнаго мѣстнаго управленія, созваніемъ земскихъ соборовъ, составленіемъ Уложенія, заведеніемъ войска, призывомъ иностранцевъ и, наконецъ, всѣми тѣми мѣрами, которыя были приняты со времени Ивана III для сближенія съ западною Европой? Если бы г. Иконникову были извѣстны «памятники

дипломатическихъ сношеній Россіи», онъ узналъ бы изъ нихъ, какъ наши князья, представители Россіи, по мнѣнію автора, вполнѣ монастырской, неуклонно и разумно отстаивали независимость внутренняго развитія страны и какъ широко и глубоко понимали они и вели политическіе интересы Россіи. Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ, г. Иконниковъ высказалъ свое положеніе, какъ кажется, лишь для того, чтобы на слѣдующихъ страницахъ самому же, хотя и противъ собственной воли, опровергнуть его. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ говоритъ о томъ, что древне-русское общество не удовлетворялось чисто монастырскими интересами и цѣлями, говоритъ объ его стремленіяхъ знакомиться съ научными вопросами, о ересяхъ, о симпатіи къ ученію Лютера (стр. 509 и слѣд.). Но самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ служатъ тѣ именно главы въ сочиненіи г. Иконникова, въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ монастыряхъ. Изъ этихъ главъ (III, IV и V) несомнѣнно видно, что русскіе монастыри имѣли значеніе «миссіонеровъ христіанства и просвѣщенія», колонизаторовъ, проводниковъ гражданственности; они имѣли, наконецъ, важное экономическое значеніе: пользуясь льготами «въ налогахъ и торговлѣ» и владѣя значительною поземельною собственностью, монастыри русскіе «привлекали къ себѣ массы крестьянскаго населенія» и были центрами земледѣльческой, промышленной и торговой жизни. Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Иконникова заключаются доказательства того, что Россія не только не была вполнѣ монастырскою, но что сами монастыри, на почвѣ русской, отрѣшились отъ аскетической, созерцательной жизни и явились «могущественными дѣятелями Русскаго государства и гражданственности» (стр. 92).

Необходимая, естественная связь причинъ и слѣдствій въ развитіи историческихъ судебъ русскаго народа ни мало не интересуетъ г. Иконникова, по мнѣнію котораго «Московское государство *неожиданно очутилось* на границахъ Ливоніи и Литвы» (стр. 553), и сознательное представленіе

основныхъ моментовъ въ развитіи Русскаго царства чуждо автору, который не разъ высказываетъ, что «эпохой образованія Московскаго государства были XVI и даже XVII столѣтія» (стр. 119, 141).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о той цѣли, съ которою г. Иконникову понадобилось, вопреки очевиднымъ указаніямъ исторіи, объявить Россію *вполнѣ монастырскою* и на первой же страницѣ провозгласить о ея *девятивѣковомъ застоѣ*, мы обратимъ вниманіе на основную причину подобныхъ, довольно серьезныхъ недостатковъ разсматриваемаго произведенія. Эта причина, по нашему мнѣнію, заключается въ неправильномъ отношеніи автора къ источникамъ, какъ документальнымъ, такъ и лѣтописнымъ.

Эта неправильность, чтобы не сказать болѣе, состоитъ въ томъ, что г. Иконниковъ не пользуется фактами, заключающимися въ источникахъ, какъ матеріаломъ для возможныхъ выводовъ, но ставитъ эти факты въ зависимость отъ своихъ личныхъ взглядовъ. Мы избираемъ для примѣра вопросъ, который, повидимому (стр. 159 и 430), наиболѣе интересовалъ г. Иконникова, вопросъ о матеріальномъ положеніи монастырей. «Помножая троицкіе рубли XVI вѣка на монастырскихъ крестьянъ XVIII столѣтія», авторъ старается во что бы то ни стало доказать, что русскіе монастыри были очень богаты, ради чего умалчиваетъ о монастыряхъ бѣдныхъ и не принимаетъ ихъ въ разсчетъ при опредѣленіи числа монастырскихъ крестьянъ, обширности монастырскихъ земель и доходности монастырскихъ имуществъ вообще; онъ не хочетъ знать ни тѣхъ «старцевъ и пустынныхъ отходниковъ», что «питались лыками и сѣно по болоту косили» (*Акты истор.* I, № 192); ни тѣхъ монаховъ, которымъ «прокормиться нечѣмъ», ибо «у нихъ у монастыря пашенька не велика и коли они что хлѣбца сѣютъ и тотъ у нихъ хлѣбъ ежелѣто морозомъ побиваетъ» (*Доп. къ Акт. истор.* I, № 38); ни тѣхъ, наконецъ, старицъ, что «ходятъ по мірскимъ домамъ и са-

дятся по улицамъ и по переулкамъ, просятъ милостыню» (*Акты истор.* V, № 113).

Вычитывая изъ документовъ только то, что нужно для извѣстной цѣли, г. Иконниковъ не вполнѣ владѣетъ языкомъ лѣтописей и читаетъ ихъ слишкомъ небрежно. Говоря, напримѣръ, что «Θеодосій долженъ былъ оставить митрополію вслѣдствіе того ропота, который поднялся *въ средѣ духовенства*» (стр. 10), г. Иконниковъ ссылается на лѣтопись, въ которой ясно сказано: «*востужиша людіе... и начаша его проклинати; онъ же слышавъ се... сниде въ келію къ Михаилову Чюду въ монастырь*», т.-е. ропотъ былъ со стороны міринъ, а не духовенства. Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 227, ссылаясь на лѣтопись, авторъ говоритъ о «галицкомъ князѣ Владимірѣ Ярославичѣ», причемъ въ четырехъ словахъ дѣлаетъ двѣ ошибки: *во-первыхъ*, упоминаемый Владиміръ былъ сынъ Василька, а не Ярослава, какъ то онъ самъ о себѣ говоритъ въ той же Ипатіевской, Галицко-Волынской лѣтописи: «Се язъ князь Володимеръ, *сынъ Васильковъ*, внукъ Романовъ» (*Полн. собр. лѣт.* II, 215, ср. 220) и, *во-вторыхъ*, Владиміръ Васильковичъ былъ княземъ владимірскимъ, а не галицкимъ: «въ лѣто 6779, преставися *князь великый Володимерьскый*, именемъ Василько... нача княжити *во него мѣсто* сынъ его *Володимеръ*... а Левъ нача княжити въ Галичѣ» (Ibid., 204, ср. 215). Авторъ издаетъ свое сочиненіе въ Кіевѣ, въ центрѣ юго-западнаго края, и владимірскаго князя Владиміра Васильковича перекрещиваетъ въ галицкаго князя Владиміра Ярославича! А между тѣмъ историческія достопамятности Владиміра-Волынска, города юго-западнаго края, должны бы были предостеречь кіевскаго историка отъ подобной ошибки: еще виднѣется село Зимнее, въ пяти верстахъ отъ «стольнаго города Володимиря», еще стоитъ въ немъ, хоть ужъ и рушится, древній храмъ, подъ сводами котораго лежатъ кости владимірскихъ князей и ихъ родичей, если вѣрить сказанію, хранятся, быть можетъ, останки

Владиміра Васильковича, погребенные первоначально въ самомъ Володимірѣ-Волынскѣ, въ церкви Св. Богородицы (Ипат. лѣт., стр. 220)...

Если неумѣнье читать отечественныя лѣтописи вводитъ г. Иконникова въ столь непозволительныя погрѣшности, то можно уже догадываться, что источники, писанные на древнихъ классическихъ языкахъ еще болѣе затрудняютъ кіевскаго историка. И дѣйствительно: авторъ сочиненія о вліяніи Византіи на Россію, вслѣдствіе слишкомъ понятныхъ причинъ, старательно избѣгаетъ византійскихъ источниковъ, и если приводитъ ихъ, то не иначе, какъ по русскому переводу, латинскія же цитаты, числомъ три, всѣ заимствованы изъ вторыхъ рукъ, причемъ оказались довольно забавные курьезы: извѣстные Acta patriarchatus Constantinopolitani обратились здѣсь въ *Acta patriarchata (!) Const.*, и заимствованное у Костомарова *(Истор. моногр.* I, 476) указаніе на трудъ Венгерскаго (Regenvolscius) Systema historico-chronologium, измѣнено въ Systema historiae (!) chron. Мы не сомнѣвались бы, что въ этихъ промахахъ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ типографскую опечатку, если бы не имѣли возможности убѣдиться въ познаніяхъ г. Иконникова въ латинскомъ языкѣ: упоминая о дѣятельности Ѳеодосія Косого, авторъ говоритъ, между прочимъ, что, «перебравшись въ Литву, Ѳеодосій *женился*» и ссылается на вышеприведенное сочиненіе Венгерскаго (стр. 453), умалчивая о заимствованіи этой ссылки изъ указанной выше статьи г. Костомарова, который приводитъ подлинную выписку изъ сочиненія Венгерскаго, въ которой о Ѳеодосіѣ сказано: Ac Theodosius quidem senio confectus, atque octuagenario major, non multo post *ad superos migravit.* Такимъ образомъ г. Иконниковъ *женитъ* восьмидесяти-лѣтняго старца, о которомъ сказано, что онъ *умеръ*, ad superos migravit!

Переходя отъ источниковъ къ пособіямъ, мы съ недоумѣніемъ останавливаемся, прежде всего, на небываломъ еще въ

нашей ученой литературѣ явленія: сочиненіе г. Иконникова сшито изъ заимствованій и дословныхъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ общедоступныхъ сочиненій современныхъ намъ писателей, но безъ соблюденія общепринятыхъ въ подобныхъ случаяхъ указаній. Вслѣдствіе сдѣланной нами провѣрки сочиненія г. Иконникова, мы осмѣливаемся утверждать, что большая половина сочиненія (слишкомъ 300 страницъ изъ 562) состоитъ изъ подобныхъ маскированныхъ заимствованій. Въ офиціальномъ изданіи Кіевскаго университета появится въ свое время подробный перечень этихъ заимствованій; здѣсь же мы можемъ лишь замѣтить, что наибольшая честь въ этомъ отношеніи отдана г. Иконниковымъ дѣйствительно прекрасному труду Милютина, о недвижимыхъ имѣніяхъ духовенства въ Россіи. Такъ, на стр. 132, авторъ говоритъ: «чтобъ яснѣе прослѣдить развитіе монастырской территоріи, *мы* обратимъ вниманіе» и т. д.; не смотря на это «мы», авторъ занимаетъ 132 и 133 стр. дословнымъ заимствованіемъ текста и примѣчаній изъ указаннаго сочиненія Милютина (стр. 156, прим. 115), не упоминая даже о Милютинѣ! Впрочемъ, г. Иконниковъ заимствуетъ довольно осторожно, рѣдко слово въ слово, по большей части онъ мѣняетъ слова, фразы и нерѣдко, вѣроятно, по недосмотру, смыслъ оригинала [1]). Только одинъ разъ авторъ увлекся въ заимствованіи до забвенія принятой имъ на себя роли и тѣмъ разоблачилъ свой пріемъ: на стр. 128, перечисляя нѣсколько городовъ съ указаніемъ числа жителей, г. Иконниковъ говоритъ: «затѣмъ *идетъ* длинный списокъ городовъ» и т. д. Гдѣ же это идетъ? Въ сочиненіи г. Соловьева, «Исторія Россіи» (см. т. XIII. Опись городамъ въ 1668 году)!..

Едва-ли кто обвинитъ насъ въ строгости требованій, если мы скажемъ, что занимающійся русскою исторіей, прежде

---

[1]) Примѣръ подобныхъ измѣненій оригинала въ ущербъ смыслу представляетъ, напримѣръ, мѣсто о божествѣ по ученію Нуменія, стр. 13, заимствованное изъ Дрепера, I, стр. 181.

всего, долженъ быть близко знакомъ съ трудомъ Карамзина. И что же? Большая половина ссылокъ на Карамзина невѣрны [1]), и невѣрность происходитъ оттого, что г. Иконниковъ, заимствуя эти ссылки изъ вторыхъ рукъ, не обратилъ вниманія на различныя изданія Карамзина. Г. Иконниковъ, по свойственной ему осторожности, не обозначаетъ изданія, которымъ онъ пользовался, и, по небрежности, упускаетъ изъ виду слѣдующее, напримѣръ, примѣчаніе Милютина: «считаемъ нужнымъ замѣтить, что всѣ ссылки наши на Карамзина сдѣланы по изданію Эйнерлинга» (стр. 2, прим. 1). Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній!

Еще любопытнѣе ссылки на новѣйшія сочиненія иностранныхъ писателей. Ихъ очень немного; но особенно замѣчательны три ссылки, по одной изъ трехъ новѣйшихъ языковъ, причемъ страннымъ и для насъ совершенно непонятнымъ образомъ, каждая ссылка встрѣчается непремѣнно два раза, ни болѣе, ни менѣе. Такъ:

по *нѣмецкому* языку цитуется Planck, *Geschichte der christlichkirchlichen Gesellschaftsverfassung*, на стр. 137 и 267; ссылка заимствована изъ того же сочиненія Милютина (стр. 121, пр. 226);

по *французскому* языку приводится неизбѣжный Laurent, *La papauté et l'émpire* (p. 96),—оба раза (стр. 137 и 265) въ подтвержденіе того, что «западная церковь въ XI вѣкѣ владѣла $^3/_4$ всей государственной территоріи», а между тѣмъ Лоранъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ только: *l'Eglise possédait les trois quarts du sol*, ничѣмъ не подтверждая своихъ словъ; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, намъ кажется, что и Лоранъ имѣлъ бы такое же точно право сослаться на сочиненіе г. Иконникова, какъ и г. Иконниковъ на Лорана. Любопытнѣе первыхъ двухъ ссылка

по *англійскому* языку на соч. Finlay, *History of the Byzan-*

---

[1]) Изъ числа 62 ссылокъ 26 вѣрныхъ и 36 невѣрныхъ; подробное указаніе будетъ напечатано въ «Извѣстіяхъ Кіевскаго университета».

tine and Greek empires [1]) (II. 67), тоже два раза (стр. 268 и 271) и въ обоихъ случаяхъ эта ссылка измѣнила автору: она приводится г. Иконниковымъ въ подтвержденіе того, что «патріархъ налагалъ запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ», а между тѣмъ въ указанномъ мѣстѣ Финлей говоритъ прямо противоположное, называя греческую церковь рабскимъ орудіемъ государей: the Greek church, unlike the Roman, has generally been the servile instrument of princes!

На страницахъ сочиненія г. Иконникова встрѣчается много указаній, не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ, что не авторъ владѣетъ матеріаломъ, а случайно добытые факты водятъ его перомъ, и онъ повторяетъ заимствованныя мнѣнія, нерѣдко совершенно противорѣчащія приводимымъ самимъ же имъ несомнѣннымъ фактамъ. Въ доказательство остановлюсь на одномъ лишь примѣрѣ, подобныхъ которому много въ разсматриваемомъ сочиненіи: на нѣкоторые было уже указано въ рецензіи, помѣщенной въ «Православномъ Обозрѣніи» (1869. ноябрь). На стр. 198 г. Иконниковъ говоритъ: «Медленность распространенія христіанства въ Пермскомъ краѣ послѣ Стефана въ теченіе цѣлаго столѣтія *объясняютъ* тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сношенія съ русскими, было сильно язычество и вліяніе жрецовъ». Другими словами: христіанства не было, потому что не было христіанства! А между тѣмъ, отмѣченный г. Иконниковымъ фактъ объясняется самими элементами русской колонизаціи, которая отличалась нравственнымъ ничтожествомъ и своимъ образомъ дѣйствій парализовала труды первыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, это былъ «людъ гулящій, вольница, та сволочь», что придала такой ожесточенный характеръ борьбѣ Василія Темнаго съ Дмитріемъ Шемякой. Духовенство не было лучше міряиъ: въ 1501 году, именно сто лѣтъ послѣ св. Стефана, митрополитъ Симонъ, въ посланіи къ пермскому

[1]) Заглавіе сочиненія передано въ книгѣ г. Иконникова слѣдующимъ ъ: *History of Byzantine empires* (sic).

духовенству, говоритъ: «новокрещенные люди, ваши дѣти духовные... *на васъ смотря соблазняются...* богомерзкія дѣла творятъ, по древнему обычаю, а вы имъ въ томъ накрѣпко не возбраняете» (Акты истор. I, № 112). Г. Иконникову, безъ сомнѣнія, извѣстны оба указанные нами факта, но онъ не могъ одолѣть ихъ, переработать, выяснить себѣ ихъ значеніе и безсознательно самъ подтверждаетъ наше объясненіе, говоря о поклоненіи христіанъ языческому дереву (стр. 205), о преслѣдованіи духовенствомъ противниковъ язычества (стр. 219), о монахахъ, вызывавшихъ духовъ (стр. 221), о духовныхъ, не знающихъ *Вѣрую* и *Отче нашъ* (стр. 223).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы должны придти къ признанію полной неудовлетворительности труда г. Иконникова. Задача, избранная г. Иконниковымъ, слишкомъ обширна, едва ли по силамъ молодому, лишь начинающему свое поприще ученому и, наконецъ, едва ли возможна вообще по имѣющимся въ настоящее время матеріаламъ: еще хранится въ монастыряхъ и архивахъ много неизданныхъ рукописей, многіе отдѣльные вопросы еще вовсе не разъяснены, другіе же обработаны не на столько, чтобы можно было положиться на полученный результатъ. И для самого г. Иконникова, какъ мы видѣли, избранная имъ задача не ясна и границы ея не точно опредѣлены; въ его трудѣ много лишняго и нѣтъ существенно необходимаго.

Основныя историческія воззрѣнія г. Иконникова не только слабы и ошибочны, но и вполнѣ не выдержаны: высказанныя на однѣхъ страницахъ, они отрицаются имъ же на другихъ. Подобными же качествами отличаются и его научные пріемы: источники, написанные на греческомъ языкѣ, ему совершенно недоступны, на латинскомъ же и новѣйшихъ или взяты изъ вторыхъ рукъ, или прочтены небрежно, а иногда и съ рѣшительнымъ извращеніемъ смысла. Трудъ г. Иконникова отличается отсутствіемъ ученой серьезности: онъ набираетъ факты отовсюду, ставитъ рядомъ Модзалевскаго и отцовъ

церкви (стр. 37). Дрепера и Иннокентія (стр. 270), онъ цитуетъ Кассіана по Гизо, и Гизо по Казанскому (стр. 35); разстояніе между русскими городами, Вологдой и Ярославлемъ, онъ опредѣляетъ англійскими милями (стр. 141) и богатства русскихъ монастырей высчитываетъ на фунты стерлинговъ (стр. 158, 471)! Наконецъ, онъ относится безъ всякой критики къ источникамъ, даже въ тѣхъ случахъ, когда его предостерегали другіе изслѣдователи: на стр. 136 онъ приводитъ слова Адама Климента, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVI вѣка, въ которыхъ говорится, что въ то время монахамъ принадлежала треть всей государственной территоріи (tertiam partem totius imperii); это извѣстіе Адама Климента взято г. Иконниковымъ, слово въ слово, изъ сочиненія Милютина (стр. 121, прим. 226), но безъ его критической замѣтки, которая должна была предостеречь г. Иконникова отъ пользованія этою цитатой, не имъ отысканною: «Нельзя не признать преувеличеннымъ и заслуживающимъ мало вѣроятія древнѣйшее изъ сохранившихся до насъ извѣстій этого рода сообщаемое иностраннымъ писателемъ Адамомъ Климентомъ».

Форма изложенія соотвѣтствуетъ содержанію. Вслѣдствіе постоянныхъ заимствованій, на самомъ слогѣ г. Иконникова отразились многоразличныя вліянія тѣхъ сочиненій, подъ руководствомъ которыхъ написанъ его трудъ. Интересъ чтенія ничѣмъ не поддерживается, и вялый, небрежный слогъ дѣлаетъ чтеніе книги г. Иконникова довольно затруднительнымъ. Небрежность автора въ этомъ отношеніи едва ли можетъ быть объяснена, не только что оправдана чѣмъ-либо; конечно, ничему иному, какъ небрежности, должны быть п
писаны фразы въ родѣ слѣдующихъ: «христіанств
своимъ началомъ свѣтской власти» (стр. 300).
значеніе монастыря *возвысило* его до поло
храмовъ» (стр. 245). Случается, что фра
конченными, напримѣръ: «въ то время.

обличало незаконность поединковъ и несообразность ихъ съ христіанствомъ и налагало духовныя запрещенія на виновныхъ» (стр. 311); часто фразы совершенно непонятны, иногда же представляютъ не болѣе, какъ наборъ словъ, напримѣръ: «дремучій лѣсъ и ревъ звѣрей производятъ умилительное впечатлѣніе» (стр. 101), или: «пѣсня имѣетъ чарующее свойство: посредствомъ ея можно достигнуть всего» (стр. 213); или: «лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ ловили бобровъ» (стр. 146).

При оцѣнкѣ историческихъ произведеній форма изложенія должна быть принимаема во вниманіе. Значеніе слога въ этомъ отношеніи прекрасно опредѣлено однимъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ, котораго мы имѣемъ еще счастіе считать своимъ современникомъ:

«Когда поэтическое произведеніе соединяетъ въ себѣ высокое содержаніе съ чистою формой, то оно удовлетворяетъ всякаго. Когда ученое сочиненіе представляетъ точность изслѣдованія и ясность объясненія, никто отъ него болѣе ничего не требуетъ. Задача же историка есть не только ученая, но и литературная; исторія есть не только наука, но и искусство. Она должна удовлетворять всѣмъ строгимъ требованіямъ критики и учености, подобно филологическому изысканію, и сверхъ того она должна доставить образованному уму такое же наслажденіе, какое онъ получаетъ отъ чтенія высокаго литературнаго произведенія.

«Трудность соединить оба требованія, ученость изслѣдованія и художественность изложенія, заставляла многихъ думать, что красота формы можетъ быть достигнута только на счетъ учености содержанія. Еслибъ это было справедливо, то необходимо бы отвергнуть всякую мысль о соединеніи
мъ, слѣдовало бы признать такое соеди-
ко, убѣжденъ въ противномъ, и думаю,
рмѣ необходимо увеличиваютъ за-
анія. На чемъ же иномъ основана

форма, какъ не на содержаніи? Свѣжесть представленія какого-либо событія не основывается ли на живомъ, глубокомъ познаніи этого событія? А такое живое познаніе можетъ быть достигнуто единственно при помощи глубокаго и всесторонняго изслѣдованія. Только высокое содержаніе вызываетъ въ духѣ нашемъ соотвѣтственную ему прекрасную форму».

II.

«Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ». М. Драгоманова. Кіевъ. 1869 (VII, 415, 8°).

«Wehe den Thoren die griechische Geschichte schreiben wollen, wo wir Thukydides haben», говорилъ Нибуръ на одной изъ своихъ лекцій и называлъ Пелопоннезскую войну «безсмертною» только потому, что Өукидидъ былъ ея историкомъ. Такъ высоко цѣня Өукидида, Нибуръ не ставитъ рядомъ съ нимъ Тацита только потому, что историкъ Римской имперіи, въ дошедшихъ до насъ книгахъ его исторіи, не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Өукидиду. Два великіе историка Греціи и Рима, Өукидидъ и Тацитъ, каждый въ своемъ родѣ, остаются до настоящаго времени образцами исторіографіи; намъ неизвѣстенъ ни одинъ трудъ новѣйшихъ ученыхъ, въ которомъ Пелопоннезская война была бы представлена яснѣе, чѣмъ у Өукидида, или личности римскихъ императоровъ были бы обрисованы ти... чѣмъ у Тацита. Вся историческая школа западныхъ ... воспиталась на этихъ двухъ историкахъ античнаго ... свое уваженіе къ классическимъ произведеніямъ ... и до настоящаго времени ревниво охраняетъ ... кихъ обвиненій и несправедливыхъ нареканій, ... по временамъ въ печати не только западной, ... отечественной.

... ство значительно болѣе знакомо съ произ... чѣмъ съ твореніемъ Өукидида. Въ то время,

какъ русская историческая литература еще ожидаетъ труда, который познакомилъ бы ее съ произведеніемъ Өукидида, Тацитъ не разъ уже служилъ предметомъ работъ для отечественныхъ ученыхъ, и еще живо въ памяти у всѣхъ то увлеченіе, съ какимъ читались и перечитывались прекрасныя изображенія «Римскихъ женщинъ по Тациту», нарисованныя мастерскою рукой покойнаго П. Н. Кудрявцева. Сочиненіе, названное нами въ заглавіи, служитъ лишь приготовительною работой для обширнаго труда о Тацитѣ: «Опредѣлить значеніе сочиненій Тацита—говоритъ авторъ—можно только въ связи съ цѣлымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи» и, оставляя до времени въ сторонѣ сочиненія Тацита, г. Драгомановъ обсуждаетъ «Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи».

Имя г. Драгоманова появилось впервые въ печати въ 1864 году на небольшой брошюрѣ «Императоръ Тиберій». Эта монографія была тогда же осуждена, какъ плагіатъ. Небольшой трудъ Сиверса и брошюра извѣстнаго публициста Ад. Штара послужили г. Драгоманову основой для его разсказа, который имѣлъ цѣлью доказать, что Тиберій былъ, какъ выражается Штаръ, im tiefsten Innern eine edle Natur. Авторъ русской компиляціи потерпѣлъ тогда такое же рѣшительное пораженіе, какъ и его руководители: нѣмецкій ученый Пашъ подвергъ строгой критикѣ всѣ источники, на которыхъ основывался А. Штаръ, и пришелъ къ результату, совершенно противоположному: «Тиберій—говоритъ Пашъ—по природѣ своей былъ лишенъ всякаго уваженія къ человѣческой личности, тѣмъ болѣе любви къ людямъ».

Неудачи, постигшія этотъ первый трудъ г. Драгоманова, раздражили автора; тѣ «особыя обстоятельства, въ которыхъ находится русская наука», убѣдили его въ невозможности заниматься въ Россіи какими-либо частными вопросами и «въ необходимости предварительнаго *историко-теоретическаго* обозрѣнія вопроса объ историческомъ значеніи Римской

форма, какъ не на содержаніи? Свѣжесть представленія какого-либо событія не основывается ли на живомъ, глубокомъ познаніи этого событія? А такое живое познаніе можетъ быть достигнуто единственно при помощи глубокаго и всесторонняго изслѣдованія. Только высокое содержаніе вызываетъ въ духѣ нашемъ соотвѣтственную ему прекрасную форму».

II.

«Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ». М. Драгоманова. Кіевъ. 1869 (VII, 415, 8°).

«Wehe den Thoren die griechische Geschichte schreiben wollen, wo wir Thukydides haben», говорилъ Нибуръ на одной изъ своихъ лекцій и называлъ Пелопоннезскую войну «безсмертною» только потому, что Θукидидъ былъ ея историкомъ. Такъ высоко цѣня Θукидида, Нибуръ не ставитъ рядомъ съ нимъ Тацита только потому, что историкъ Римской имперіи, въ дошедшихъ до насъ книгахъ его исторіи, не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Θукидиду. Два великіе историка Греціи и Рима, Θукидидъ и Тацитъ, каждый въ своемъ родѣ, остаются до настоящаго времени образцами исторіографіи; намъ неизвѣстенъ ни одинъ трудъ новѣйшихъ ученыхъ, въ которомъ Пелопоннезская война была бы представлена яснѣе, чѣмъ у Θукидида. или личности римскихъ императоровъ были бы обрисованы типичнѣе, чѣмъ у Тацита. Вся историческая школа западныхъ ученыхъ воспиталась на этихъ двухъ историкахъ античнаго міра, и ученое уваженіе къ классическимъ произведеніямъ исторіографіи до настоящаго времени ревниво охраняетъ ихъ отъ ложныхъ обвиненій и несправедливыхъ нареканій, появляющихся по временамъ въ печати не только западной, но и нашей отечественной.

Русское общество значительно болѣе знакомо съ произведеніями Тацита, чѣмъ съ твореніемъ Θукидида. Въ то время,

падедія Рима» (т. CXXXVII, стр. 90—117). Статья эта намъ хорошо извѣстна, она написана по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія Гизо о цивилизаціи во Франціи, въ переводѣ котораго на русскій языкъ мы принимали дѣятельное участіе; въ этой статьѣ проявились всѣ особенности мысли и пера г. Чернышевскаго—самобытный взглядъ, легкое изложеніе и желаніе быть оригинальнымъ во что̀ бы то ни стало. Эта-то статья послужила г. Драгоманову образцомъ; развивая основныя воззрѣнія Чернышевскаго на Римскую имперію, на варварство и т. п., онъ подражаетъ ей рѣшительно во всемъ, измѣняя лишь выраженія: если Чернышевскій говоритъ, что «прогрессъ основывается на умственномъ развитіи», Драгомановъ повторяетъ, что «способность къ прогрессу есть свойство преимущественно мысли человѣческой»; если Чернышевскій говоритъ объ «учрежденіи чего-то похожаго на провинціальные сеймы», Драгомановъ трактуетъ о «представительныхъ учрежденіяхъ» въ Римской имперіи, и т. п. Указывая на статью Чернышевскаго, какъ на источникъ, послужившій основой для труда г. Драгоманова, мы даемъ возможность всѣмъ оцѣнить по достоинству вышеуказанное заявленіе автора о судьбѣ «положительныхъ взглядовъ на Римскую имперію» въ русской исторической литературѣ.

Прошло двадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ грекъ Полибій впервые предугадалъ въ эллинской культурѣ и политической организаціи Рима два существенные элемента будущаго развитія человѣчества, и новѣйшая наука, своими изысканіями и изслѣдованіями, лишь подтвердила взглядъ греческаго историка. По отношенію къ исторіи Рима, эти изслѣдованія и изысканія велись долгое время двумя другъ отъ друга независимыми путями: въ то время, какъ въ Германіи преобладали чисто-филологическія изслѣдованія надъ текстомъ письменныхъ памятниковъ римской исторіи, въ Италіи было обращено главнѣйшее вниманіе на археологическія изысканія, преимущественно на эпиграфику и нумизматику; ря-

*

домъ съ филологическими трудами Вольфа, Нибура, Бека, въ Германіи, въ Италіи появляются археологическіе труды Марини, Висконти, Боргези. Лишь въ послѣднее время знаменитѣйшій изъ современныхъ намъ историковъ, нѣмецкій ученый Момзенъ, соединилъ оба эти ряда изслѣдованій, филологическія и «антикварныя», примѣнивъ археологическій матеріалъ къ критикѣ и пополненію письменныхъ памятниковъ [1]. Таково настоящее положеніе исторической науки по отношенію къ вопросамъ, касающимся римской исторіи; такъ называемое момзеновское направленіе характеризуетъ собою новѣйшую историческую школу. Если изслѣдованіе, составленное исключительно въ одномъ изъ вышеуказанныхъ направленій, не можетъ уже удовлетворять настоящему положенію науки, то сочиненіе, игнорирующее оба эти направленія, конечно, не имѣетъ уже научнаго значенія, а таково именно сочиненіе г. Драгоманова: онъ незнакомъ съ латинскою эпиграфикой и не пользуется римскою литературой.

Въ сочиненіи г. Драгоманова затронуты многіе вопросы, не разрѣшимые безъ латинской эпиграфики, какъ, напримѣръ, вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ въ Римской имперіи. Говоря о «конституціи Діоклетіано-Юстиніановской», онъ находитъ, что начало къ «участію населенія во всѣхъ дѣйствіяхъ власти» было уже положено *представительными провинціальными собраніями* (стр. 409), съ рѣшительностью утверждаетъ, что «представительныя собранія въ Римской имперіи были и притомъ равносословныя, а не феодальныя» (стр. 411) и съ увѣренностью высказываетъ положеніе, что «Римская имперія есть первый примѣръ новоевропейскаго ·ударства, земскаго и равноправнаго». Г. Чернышевскій ситъ представительныя собранія лишь къ «послѣднимъ чамъ Римской имперіи» (стр. 102), г. Драгомановъ въ рждeніе своихъ словъ приводитъ извѣстный декретъ

[1] *Zeitschr.*, 1868, II, 241.

Гонорія и Θеодосія, «обращенный въ 418 году къ префекту Галліи, пребывавшему въ городѣ Арлѣ» [1]). Такое доказательство болѣе чѣмъ оригинально уже и потому, что, какъ извѣстно, населеніе южной Галліи отвергло это предложеніе императоровъ и собраніе въ Арлѣ не состоялось, о чемъ г. Драгомановъ могъ узнать хотя бы изъ словъ Гизо, который, приведя переводъ императорскаго рескрипта, тотчасъ же прибавляетъ: «Провинціи и города отказались отъ предложеннаго имъ благодѣянія; никто не хотѣлъ избирать депутатовъ, никто не хотѣлъ ѣхать въ Арль». Но даже допустивъ, что мѣра, предложенная императорскою властью въ началѣ V вѣка «для защиты единства имперіи» была приведена въ исполненіе и принята населеніями, можно ли ее считать характерною чертой государственнаго строя всей Римской имперіи? А между тѣмъ, основная мысль г. Драгоманова справедлива, но она можетъ быть доказана на основаніи лишь эпиграфическихъ данныхъ, на основаніи надписей; положеніе, заимствованное у Тьерри, справедливо, доказательство же, приведенное г. Драгомановымъ, ложно.

Письменныя указанія, преимущественно законодательные памятники, изъ которыхъ мы можемъ заключать о существованіи представительныхъ учрежденій въ провинціяхъ Римской имперіи, находятся въ Θеодосіевомъ кодексѣ, въ титулѣ *de legatis et decretis legationum* (12, 12) и древнѣйшее изъ этихъ указаній относится не къ началу V в., не къ 418 году, а къ половинѣ IV столѣтія, именно въ 355 году, когда Константинъ Великій, рескриптомъ къ префекту Африки, предоставилъ африканскимъ провинціямъ право созывать собраніе совершенно свободно и безъ всякихъ стѣсненій со стороны императорскихъ чиновниковъ, составлять на этихъ собраніяхъ

[1]) Объ этомъ декретѣ упоминаетъ Тьерри, «Tableau de l'empire Romain»; онъ переведенъ на французскій языкъ Гизо, «Hist. de la civilisation en Europe», и на русскій Н. Барсовымъ, «Ист. цивилизац. въ Европѣ»; подлин. текстъ см. Bouquet, I, 766.

домъ съ филологическими трудами Вольфа, Нибура, Бека, въ Германіи, въ Италіи появляются археологическіе труды Марини, Висконти, Боргези. Лишь въ послѣднее время знаменитѣйшій изъ современныхъ намъ историковъ, нѣмецкій ученый Момзенъ, соединилъ оба эти ряда изслѣдованій, филологическія и «антикварныя», примѣнивъ археологическій матеріалъ къ критикѣ и пополненію письменныхъ памятниковъ [1]. Таково настоящее положеніе исторической науки по отношенію къ вопросамъ, касающимся римской исторіи; такъ называемое момзеновское направленіе характеризуетъ собою новѣйшую историческую школу. Если изслѣдованіе, составленное исключительно въ одномъ изъ вышеуказанныхъ направленій, не можетъ уже удовлетворять настоящему положенію науки, то сочиненіе, игнорирующее оба эти направленія, конечно, не имѣетъ уже научнаго значенія, а таково именно сочиненіе г. Драгоманова: онъ незнакомъ съ латинскою эпиграфикой и не пользуется римскою литературой.

Въ сочиненіи г. Драгоманова затронуты многіе вопросы, не разрѣшимые безъ латинской эпиграфики, какъ, напримѣръ, вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ въ Римской имперіи. Говоря о «конституціи Діоклетіано-Юстиніановской», онъ находитъ, что начало къ «участію населенія во всѣхъ дѣйствіяхъ власти» было уже положено *представительными провинціальными собраніями* (стр. 409), съ рѣшительностью утверждаетъ, что «представительныя собранія въ Римской имперіи были и притомъ равносословныя, а не феодальныя» (стр. 411) и съ увѣренностью высказываетъ положеніе, что «Римская имперія есть первый примѣръ новоевропейскаго государства, земскаго и равноправнаго». Г. Чернышевскій относитъ представительныя собранія лишь къ «послѣднимъ временамъ Римской имперіи» (стр. 102), г. Драгомановъ въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ извѣстный декретъ

---

[1] *Hist. Zeitschr.*, 1868, II, 241.

нера приведено до 70 надписей о жрецахъ Тарragонскаго храма, flamines provinciæ; полный титулъ этихъ жрецовъ: *flamen Romae, divorum et Augusti provinciae Hispaniae citerioris*, доказываетъ, что они были жрецами Рима, императоровъ умершихъ и обоготворенныхъ, и императора царствующаго живого; культъ, посвященный императорамъ, не былъ культомъ личнымъ, относился не къ тому или другому цезарю, но вообще къ императорскому достоинству—это было обоготвореніе монархической власти.

Примѣровъ такихъ недоразумѣній, проистекающихъ отъ незнакомства г. Драгоманова съ новѣйшими изслѣдованіями по латинской эпиграфикѣ, можно было бы привести довольно много; но двухъ указанныхъ нами совершенно достаточно, чтобы вполнѣ оцѣнить заявленіе г. Драгоманова, сдѣланное имъ въ № 73 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: «Пусть любой старый критикъ обратитъ вниманіе на заглавіе моей книги и укажетъ мѣсто, гдѣ въ ней должны излагаться какія бы то ни было надписи». Не строгій къ себѣ авторъ забылъ, конечно, что онъ самъ въ своемъ собственномъ трудѣ ссылается на надписи (стр. 355).

Отвергая необходимость эпиграфическихъ источниковъ, г. Драгомановъ находитъ въ такой же степени излишними и современные разсматриваемому имъ періоду памятники письменной литературы. Вотъ его собственныя слова: «Авторъ настоящаго сочиненія предположилъ себѣ цѣлью возстановить жизнь римскаго общества въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. посредствомъ критики важнѣйшаго историка того времени, Тацита. Но опредѣлить значеніе сочиненій Тацита можно только въ связи съ цѣлымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи, а объ этомъ вопросѣ издавна накопились весьма противорѣчивыя мнѣнія, а потому мы сочли необходимымъ, прежде всего, коснуться этихъ мнѣній и опредѣлить свою общую точку зрѣнія на время, котораго важнѣйшія стороны хотѣлъ описать Тацитъ» (стр. 5).

Обращаемъ вниманіе читателей на постановку вопроса: чтобъ оцѣнить сочиненія Тацита, необходимо опредѣлить предварительно значеніе Римской имперіи, которая не можетъ быть понята безъ Тацита. Еще не такъ давно одинъ изъ русскихъ ученыхъ, справедливо находя, что «Римская имперія представляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, настоящее уразумѣніе которой составляетъ задачу, по своей громадности не имѣющую себѣ подобной для историка», совершенно основательно говорилъ, что «задача эта не рѣшена Тацитомъ, но *никакъ не можетъ быть рѣшена кѣмъ-нибудь другимъ безъ его участія*». То же самое высказываетъ и самъ г. Драгомановъ нѣсколько строкъ выше выписки, приведенной нами: «принимая во вниманіе важность для этого времени сочиненій Тацита, мы имѣли основаніе думать, что работа должна быть сосредоточена на сочиненіяхъ Тацита» (стр. 4). Ложная постановка задачи сочиненія, при которой г. Драгомановъ, вопреки собственному воззрѣнію, сосредоточилъ свою работу не на сочиненіяхъ Тацита и вообще не на источникахъ, а на «историческомъ значеніи Римской имперіи», отозвалась чрезвычайно печальными послѣдствіями на разсматриваемомъ сочиненіи г. Драгоманова, и, прежде всего, по отношенію къ Тациту.

Только полнымъ незнакомствомъ автора съ Тацитомъ можно объяснить замѣчаніе г. Драгоманова, что «Тацитъ не могъ вполнѣ понять историческое значеніе Римской имперіи» (стр. 350). [illegible] обвиненіе Тацита падаетъ всею своею тяжестью [illegible], не знающаго, что Тацитъ умеръ въ первой [illegible] II вѣка, а Римская имперія существовала [illegible]. Удивляться ли послѣ этого, что г. Драгоманов [illegible] понимаетъ и ложно переводитъ Тацита? [illegible] подобныхъ промаховъ, затрудняющихъ [illegible] обиліемъ.

[illegible] читатели что «рѣдкое государство, даже [illegible] пользовалось такою свободой обученія, какая

была въ Римской имперіи» (стр. 364), и стремясь выставить въ розовомъ свѣтѣ это школьное обученіе, которое «не было регламентировано правительствомъ», г. Драгомановъ въ подтвержденіе своихъ словъ говоритъ, что «въ школахъ задавались ученикамъ такія темы, какъ благородство тираноубійства» (стр. 362), причемъ дѣлаетъ небрежную ссылку на *Tacit.*, *Dial. de Orat.*, безъ болѣе точнаго указанія. Если бы г. Драгомановъ былъ знакомъ съ «Діалогомъ объ ораторахъ», еслибъ онъ его читалъ, то, конечно, никогда не рискнулъ бы сослаться на него, имѣя въ виду превознести это «не регламентированное» школьное обученіе: въ XXXV главѣ «Діалога» эти восхваляемыя г. Драгомановымъ школы названы притономъ разврата и въ нихъ ученики упражнялись надъ вопросами, которые до того грязны, что скромность запрещаетъ намъ привести ихъ въ русской рѣчи: «sic fit ut tyrannicidarum praemia, aut vitiatarum electiones, aut incesta matrum!..»

Подобной участи подвергся не одинъ Тацитъ. Г. Драгомановъ относится къ памятникамъ римской литературы вообще крайне небрежно, чтобы не сказать болѣе. Онъ считаетъ философа Л. А. Сенеку современникомъ Августа (стр. 46), называетъ Веллея Патеркула и Флора «провинціалами» (стр. 261), приписываетъ Саллюстію «два политическія письма къ Юлію Цезарю» (стр. 66) и т. п. Такъ какъ вопросъ о мнимыхъ письмахъ Саллюстія къ цезарю вызвалъ печатную переписку въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», то мы позволяемъ себѣ сдѣлать по этому поводу два замѣчанія:

Во-первыхъ, напрасно г. Драгомановъ находитъ, что подложность этихъ писемъ или, точнѣе, непринадлежность ихъ Саллюстію не вполнѣ еще доказана и не всѣми еще учеными признана. Не вдаваясь въ неумѣстныя и въ данномъ случаѣ совершенно излишнія подробности, укажемъ г. Драгоманову на общедоступный сборникъ Паули, въ которомъ вопросъ этотъ подробно разсмотрѣнъ, и сдѣланъ слѣдующій выводъ: «Fälschlich dem Sallust beigelegt werden die zwei Briefe an

Обращаемъ вниманіе читателей на постановку вопроса: чтобъ оцѣнить сочиненія Тацита, необходимо опредѣлить предварительно значеніе Римской имперіи, которая не можетъ быть понята безъ Тацита. Еще не такъ давно одинъ изъ русскихъ ученыхъ, справедливо находя, что «Римская имперія представляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, настоящее уразумѣніе которой составляетъ задачу, по своей громадности не имѣющую себѣ подобной для историка», совершенно основательно говорилъ, что «задача эта не рѣшена Тацитомъ, но *никакъ не можетъ быть рѣшена кѣмъ-нибудь другимъ безъ его участія*». То же самое высказываетъ и самъ г. Драгомановъ нѣсколько строкъ выше выписки, приведенной нами: «принимая во вниманіе важность для этого времени сочиненій Тацита, мы имѣли основаніе думать, что работа должна быть сосредоточена на сочиненіяхъ Тацита» (стр. 4). Ложная постановка задачи сочиненія, при которой г. Драгомановъ, вопреки собственному воззрѣнію, сосредоточилъ свою работу не на сочиненіяхъ Тацита и вообще не на источникахъ, а на «историческомъ значеніи Римской имперіи», отозвалась чрезвычайно печальными послѣдствіями на разсматриваемомъ сочиненіи г. Драгоманова, и, прежде всего, по отношенію къ Тациту.

Только полнымъ незнакомствомъ автора съ Тацитомъ можно объяснить замѣчаніе г. Драгоманова, что «Тацитъ не могъ вполнѣ понять историческое значеніе Римской имперіи» (стр. 350). Такое обвиненіе Тацита падаетъ всею своею тяжестью на обвинителя, не знающаго, что Тацитъ умеръ въ первой половинѣ II вѣка, а Римская имперія существовала до конца V столѣтія. Удивляться ли послѣ этого, что г. Драгомановъ невѣрно понимаетъ и ложно переводитъ Тацита? Укажу на одинъ изъ подобныхъ промаховъ, затрудняющихъ выборъ лишь своимъ обиліемъ.

Желая увѣрить читателя что «рѣдкое государство, даже *въ XIX вѣкѣ*, пользовалось такою свободой обученія, какая

дитъ этотъ вопросъ и лишь въ концѣ уже своего сочиненія мимоходомъ говоритъ, что подъ Римскою имперіей онъ разумѣетъ «*государственный союзъ народовъ*, обладавшихъ извѣстною цивилизаціей» (стр. 409). Мы можемъ не останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько употребляемое г. Драгомановымъ выраженіе *государственный*, *государство* соотвѣтствуетъ общепринятому его значенію, какъ πολιτεία, и ограничиться ссылкой на Аристотеля (Pol. III, 5; IV, 5; V, 6); но считаемъ необходимымъ хотя бѣгло отмѣтить главнѣйшія черты Римскаго государства, какъ оно сложилось въ періодъ республики и какимъ перешло въ имперію, причемъ предоставимъ голосъ одному изъ современныхъ намъ ученыхъ юристовъ, пользующемуся симпатіями самого г. Драгоманова.

«Римское государство являло собою идею народнаго самодержавія... Въ Римѣ гражданинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царь; онъ пользовался огромными правами; но не должно забывать, что эти права были привилегіями самодержавія, и поэтому такая идея о государствѣ должна была повести къ страшному деспотизму, какъ скоро власть переходила изъ рукъ народа въ руки нѣсколькихъ или одного лица. Это испыталъ Римъ: какъ только Сулла овладѣлъ верховною властью, тиранія входитъ въ Римъ и уже не покидаетъ его болѣе. Цезари управляютъ во имя народа, и стремленіе ограничить ихъ власть является государственнымъ преступленіемъ, становится laese majestatis. Государство, являвшее нѣкогда примѣръ величайшей политической свободы, становится страшною тираніей, потому что власть, принадлежавшая государству и исполнявшаяся различными элементами народа, сосредоточивается въ рукахъ одного лица и естественно вырождается въ безграничный произволъ. Въ числѣ причинъ паденія Западной Римской имперіи не послѣднее мѣсто занимаетъ ложная идея римлянъ о государствѣ... Юристы III вѣка, изучая власть императоровъ, приходятъ къ заключенію, что воля государя есть законъ—quod principi

placuit legis habet vigorem, и мотивируютъ это именно тѣмъ, что народъ передалъ всю свою власть главѣ государства».

Г. Драгомановъ не только не признаетъ такую теорію императорской власти, но серьезно говоритъ намъ, что въ Римской имперіи «состояніе личной свободы было таково, что ему можетъ позавидовать въ настоящее время вся континентальная Европа» (стр. 355), и видитъ въ Римской имперіи «государственный союзъ народовъ». Намъ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ для г. Драгоманова было обязательно если не представить доказательства, то, по крайней мѣрѣ, разъяснить, что именно разумѣетъ онъ въ данномъ случаѣ подъ государственнымъ союзомъ; всякій римлянинъ временъ имперіи считалъ бы для себя оскорбительнымъ видѣть въ завоеванныхъ имъ провинціяхъ не болѣе, какъ членовъ союза, и всякій провинціалъ протестовалъ бы противъ такого взгляда всѣмъ строемъ своихъ отношеній къ Риму, какъ политическихъ, такъ экономическихъ и соціальныхъ.

Кромѣ понятія о государствѣ, не менѣе своеобразное представленіе соединяетъ г. Драгомановъ и съ понятіемъ о національности. Насколько оригиналенъ взглядъ автора на національность, видно изъ того, что утрата какимъ-либо народомъ своей національности и государственной независимости считается авторомъ высшимъ благомъ, какъ бы идеаломъ, къ которому всякій народъ долженъ стремиться. Говоря о евреяхъ, г. Драгомановъ находитъ, что «еврейскій народъ былъ болѣе счастливъ подъ владычествомъ персовъ, грековъ и римлянъ, чѣмъ во время Давида и Соломона» (стр. 317) и что «еврей сталъ человѣкомъ лишь послѣ плѣненія вавилонскаго» (стр. 318); переходя къ грекамъ и видя какую-то особенную честь и славу для эллинскаго народа въ покореніи Римомъ, г. Драгомановъ, отказываясь признать «упадокъ [эллин]скаго народа» въ утратѣ имъ политической самостоя[тельно]сти, находитъ, что послѣднее обстоятельство свидѣ[тель]ствуетъ лишь въ пользу высокаго развитія грековъ, при

которомъ «греческій купецъ, промышленникъ, ученый, артистъ, наконецъ, человѣкъ,—котораго космополитическій идеалъ уже сформировался у греческихъ философовъ,—не помѣщались въ аѳинянинѣ, спартанцѣ, ни даже въ эллинѣ» (стр. 319), и что «Полибій, возставая противъ мелочного политическаго патріотизма грековъ, былъ органомъ истиннаго патріотизма греческаго и человѣческаго» (?).

Если евреи, въ отвѣтъ на такое кощунство автора надъ судьбами ихъ родины, съ озлобленіемъ, быть можетъ, воспоютъ знаменитую пѣснь: «На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона»; если грекъ могъ бы бросить г. Драгоманову укорительное восклицаніе Филопемена къ стороннику Рима: «Ты радуешься погибели Греціи!» — то мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ величіе Рима можетъ заключаться въ его паденіи, какъ то говоритъ г. Драгомановъ: «Отреченіе римлянъ отъ своихъ государственно-національныхъ особенностей и усвоеніе эллинской и восточной культуры составляютъ счастіе для самого Рима и великое, небывалое прежде, значеніе Рима» (стр. 326). До сихъ поръ мы были убѣждены, что отреченіе отъ своей національности и усвоеніе чуждой народу, не имъ выработанной культуры, можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ, никоимъ образомъ о величіи націи; авторъ хочетъ увѣрить насъ въ противномъ, но для этого еще слишкомъ мало однѣхъ темныхъ фразъ, въ родѣ слѣдующей: «*въ этомъ отреченіи отъ національныхъ традицій* и духа *заключается* не только всемірно-историческое (для будущаго) значеніе Рима, но *единственное спасеніе* римскаго народа, какъ *національности* и государства» (стр. 326). Отбрасывая въ этой фразѣ всѣ вводныя предложенія и вставочныя слова, лишь затемняющія ея основную мысль, и читая подчеркнутое нами, оказывается: «въ отреченіи отъ національныхъ традицій заключается спасеніе національности!» Мы недоумѣваемъ, ради какой цѣли понадобилось автору прибѣгать къ подобному абсурду,—спа-

сеніе національности заключается въ отреченіи отъ нея? Недоумѣваемъ, какимъ образомъ, возставая противъ патріотизма грековъ, можно быть органомъ греческаго патріотизма? Не знаемъ, что должно разумѣть подъ «человѣческимъ патріотизмомъ»? и удивляемся, что авторъ, убѣжденный, конечно, въ правотѣ высказываемыхъ имъ мыслей, не только не выясняетъ ихъ, но считаетъ необходимымъ маскировать въ темныя фразы. Или, быть можетъ, въ этихъ фразахъ должно видѣть выраженіе того же оригинальнаго склада мысли, какъ во многихъ другихъ фразахъ, напримѣръ, въ слѣдующей: «римская политическая жизнь не имѣла истинной политической мудрости, и оттого-то римляне пріобрѣли репутацію политически мудрыхъ людей» (стр. 40[illegible])?..

Въ трудѣ объ историческомъ значеніи Римской имперіи авторъ не разсматриваетъ собственно Римской имперіи, но, по поводу какого-либо мнѣнія, нерѣдко случайнаго и едва высказаннаго гдѣ-нибудь въ статьѣ журнала или газеты, высказываетъ свои личныя чувствованія и ощущенія. «По вопросу о Римской имперіи—говоритъ авторъ—издавна накопились весьма противорѣчивыя мнѣнія», и онъ, «считая необходимымъ коснуться этихъ мнѣній», дѣйствительно *прикасается* къ нимъ: онъ не изслѣдуетъ ихъ источника, значенія, смысла, но лишь высказываетъ свое одобреніе или неодобреніе этихъ мнѣній, разсуждаетъ по поводу ихъ и отвлекается въ обсужденіе вопросовъ совершенно постороннихъ. Приводя тѣ слова марсельскаго пресвитера V вѣка, Сальвіана, имѣв[illegible]го большое нравственное вліяніе на современниковъ, въ [illegible]орыхъ онъ, какъ христіанскій проповѣдникъ, ратуетъ про[illegible] распутства высшаго сословія, противъ разврата «гос[illegible]не краснѣющихъ стать мужьями своихъ служанокъ», [illegible]омановъ не опровергаетъ и не подтверждаетъ заклю[illegible]оса въ нихъ извѣстія, не старается опредѣлить его [illegible]во считаетъ умѣстнымъ сдѣлать по поводу ихъ лишь [illegible] довольно циническое замѣчаніе: «христіанскому

писателю не подобало бы питать такія аристократическія мнѣнія о mésalliences!» (стр. 132). По поводу мнѣній Монтескье о германцахъ г. Драгомановъ вставляетъ обширное примѣчаніе о женщинѣ, въ которомъ старается доказать, что женщина еще не человѣкъ: «въ новой Европѣ поднятіе (sic) женщины отъ варварскаго положенія до человѣка не совершилось вполнѣ нигдѣ еще» (стр. 207). Касаясь вопроса о великомъ переселеніи народовъ, г. Драгомановъ объясняетъ причины его болѣе чѣмъ просто: «да изъ-за чего бы было и все переселеніе народовъ, еслибъ у варваровъ не было алчности къ добычѣ и грабежу?» [1]). Если первые два примѣра отличались хоть оригинальностью, то послѣдній лишенъ даже и этого качества, такъ какъ еще Тацитъ заставляетъ Церіалиса говорить, что германцевъ гонитъ въ Галлію *libido atque avaritia et mutandae sedis amor* (Hist. IV, 72).

Въ трудѣ г. Драгоманова о Римской имперіи встрѣчаются разсужденія о «славянофилахъ» и «бонапартизмѣ», о «лѣтописи села Горохина» и романѣ Евгенія Сю, о «дамахъ» времени императора Граціана и «неаполитанской оперѣ» и т. п., такъ что мы еще должны благодарить автора, что онъ написалъ сочиненіе только въ четыреста страницъ: сочиненія, составляемыя по подобной системѣ, обыкновенно, не имѣютъ конца. Авторъ самъ признаетъ, однако, что написалъ много лишняго и такъ отзывается о своемъ трудѣ: «нашъ трудъ вышелъ длиннѣе, быть можетъ, чѣмъ нужно для сущности дѣла, но длиненъ онъ вышелъ потому, что мы должны были, опровергая многія казавшіяся намъ неправильными мнѣнія, восходить къ разъясненію общеисторическихъ вопросовъ; защищая Римскую имперію отъ обвиненій и униженій, казавшихся намъ несправедливыми, мы должны были обратиться къ анализу также несправедливыхъ превозвышеній республики и варварскаго вторженія» (стр. 413).

---

[1]) Стр. 151.

сеніе національности заключается въ отреченіи отъ нея? Недоумѣваемъ, какимъ образомъ, возставая противъ патріотизма грековъ, можно быть органомъ греческаго патріотизма? Не знаемъ, что̀ должно разумѣть подъ «человѣческимъ патріотизмомъ»? и удивляемся, что авторъ, убѣжденный, конечно, въ правотѣ высказываемыхъ имъ мыслей, не только не выясняетъ ихъ, но считаетъ необходимымъ маскировать въ темныя фразы. Или, быть можетъ, въ этихъ фразахъ должно видѣть выраженіе того же оригинальнаго склада мысли, какъ во многихъ другихъ фразахъ, напримѣръ, въ слѣдующей: «римская политическая жизнь не имѣла истинной политической мудрости, и оттого-то римляне пріобрѣли репутацію политически мудрыхъ людей» (стр. 40)?..

Въ трудѣ объ историческомъ значеніи Римской имперіи авторъ не разсматриваетъ собственно Римской имперіи, но, по поводу какого-либо мнѣнія, нерѣдко случайнаго и едва высказаннаго гдѣ-нибудь въ статьѣ журнала или газеты, высказываетъ свои личныя чувствованія и ощущенія. «По вопросу о Римской имперіи—говоритъ авторъ—издавна накопились весьма противорѣчивыя мнѣнія», и онъ, «считая необходимымъ коснуться этихъ мнѣній», дѣйствительно *прикасается* къ нимъ: онъ не изслѣдуетъ ихъ источника, значенія, смысла, но лишь высказываетъ свое одобреніе или неодобреніе этихъ мнѣній, разсуждаетъ по поводу ихъ и отвлекается въ обсужденіе вопросовъ совершенно постороннихъ. Приводя тѣ слова марсельскаго пресвитера V вѣка, Сальвіана, имѣвшаго большое нравственное вліяніе на современниковъ, въ которыхъ онъ, какъ христіанскій проповѣдникъ, ратуетъ противъ распутства высшаго сословія, противъ разврата «господъ, не краснѣющихъ стать мужьями своихъ служанокъ», г. Драгомановъ не опровергаетъ и не подтверждаетъ заключающагося въ нихъ извѣстія, не старается опредѣлить его значеніе, но считаетъ умѣстнымъ сдѣлать по поводу ихъ лишь *слѣдующее*, довольно циническое замѣчаніе: «христіанскому

Насъ не удивляетъ неточность и даже невѣрность перевода г. Драгомановымъ латинскихъ авторовъ, свидѣтельствующая о его слабомъ знаніи одного изъ классическихъ языковъ,—что̀, вѣроятно, и заставило автора отвергать необходимость для его труда надписей и литературныхъ памятниковъ; насъ не удивляетъ и то, что монахъ С. Галленскій, авторъ труда *De gestis Caroli Magni libri II*, причисленъ къ «писателямъ, обладавшимъ большимъ литературнымъ талантомъ»,—изъ чего ясно, что г. Драгомановъ не только не читалъ этого труда, но незнакомъ даже и съ отзывомъ о немъ Ваттенбаха (*Deut. Geschichtsquell.*, p. 126); не удивляетъ насъ, наконецъ, и масса цитатъ изъ классиковъ,—ихъ происхожденіе въ подобныхъ сочиненіяхъ всѣмъ хорошо извѣстно [1]; но считаемъ нужнымъ отмѣтить нѣкоторые изъ тѣхъ промаховъ, которые касаются современныхъ намъ произведеній западной литературы: глумленіе надъ изученіемъ классическихъ языковъ всегда указываетъ на западныя литературы, преимущественно на нѣмецкую, въ которой всѣ-де классики переведены. Какъ же владѣютъ подобные господа языкомъ хотя бы переводовъ?

Презрительно отзываясь о трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ и, между прочимъ, утверждая, будто бы «характеристическія черты воззрѣній Гердера и Гегеля на римскую исторію и великое переселеніе народовъ составляютъ отличительную особенность почти всѣхъ нѣмецкихъ историковъ и можно сказать—всей нѣмецкой литературы» (стр. 230), г. Драгомановъ читаетъ нѣмецкія сочиненія во французскомъ переводѣ (стр. 231), дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ сочиненій, нисколько не соотвѣтствующія тексту (стр. 285), выраже-

[1]) Для примѣра укажемъ на вопросъ о римскомъ правѣ (pax romana), на стр. 256 и слѣд.: всѣ цитаты заимствованы изъ третьяго тома соч. Laurent, *Etudes sur l'hist. de l'humanité*, но не изъ того мѣста, на которое однажды ссылается авторъ. Можно утвердительно сказать, что почти весь ученый аппаратъ г. Драгоманова заимствованъ изъ Лорана.

ніе *Grösse des Vaterlandes* переводитъ не разъ чрезъ «*увеличеніе* отечества», въ чемъ и разумѣетъ римскую *pietas* (стр. 16), и во *Всеобщей Исторіи* Вебера видитъ продолженіе *Римской Исторіи* Моммзена! Особенно любопытны тѣ страницы (начиная съ 16-й), на которыхъ приводится переводъ изъ упомянутаго труда Вебера: не понявъ раздѣленія Веберомъ римской исторіи на *три* періода и переводя только *два*, г. Драгомановъ обращается къ Веберу съ слѣдующимъ одобреніемъ: «признаніе *постепеннаго* перехода римскаго государства изъ городского во всемірное, конечно, совершенно справедливо» (стр. 21), причемъ это *конечно* является крайне комичнымъ обличителемъ автора.

Что касается изложенія, то приведенныя нами выписки достаточно указываютъ, «симпатично-ли оборачивается» г. Драгомановъ къ требованіямъ русской рѣчи; мы можемъ лишь прибавить, что чистотѣ слога много вредятъ «малькontенты», «филобарбары», «алармисты» и т. п. чужестранцы, свидѣтельствующіе, къ сожалѣнію, о любви автора къ иностраннымъ, не русскимъ словамъ и выраженіямъ. Мы не думаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ излишнее, неоправдываемое необходимостью употребленіе иностранныхъ выраженій выкупалось бы введеніемъ въ историческій слогъ такихъ выраженій, уже чисто русскихъ, которые прежде не встрѣчались въ историческихъ произведеніяхъ нашей литературы, какъ «гадость», «подлость», или, напримѣръ, «*randomдумство*» римскихъ писателей», подъ которымъ авторъ разумѣетъ «мрачный, безнадежный взглядъ на настоящее и идеализацію прошедшаго, полнѣйшій пессимизмъ, гуманную мизантропію» (стр. 36).

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Кіев. Универс. Извѣстія, 1870.

нiе *Grösse des Vaterlandes* переводитъ не разъ чрезъ «*уве* *личенiе* отечества», въ чемъ и разумѣетъ римскую *pieta* (стр. 16), и во *Всеобщей Исторiи* Вебера видитъ продолж нiе *Римской Исторiи* Моммзена! Особенно любопытны т страницы (начиная съ 16-й), на которыхъ приводится пере водъ изъ упомянутаго труда Вебера: не понявъ раздѣленi Веберомъ римской исторiи на *три* перiода и переводя тольк *два*, г. Драгомановъ обращается къ Веберу съ слѣдующимъ одобренiемъ: «признанiе *постепеннаго* перехода римскаго государства изъ городского во всемiрное, конечно, совершенн справедливо» (стр. 21), причемъ это *конечно* является крайн комичнымъ обличителемъ автора.

Что касается изложенiя, то приведенныя нами выписки достаточно указываютъ, «симпатично-ли оборачивается» г. Драгомановъ къ требованiямъ русской рѣчи; мы можемъ лишь прибавить, что чистотѣ слога много вредятъ «малькontенты», «филобарбары», «алармисты» и т. п. чужестранцы, свидѣтельствующiе, къ сожалѣнiю, о любви автора къ иностраннымъ, не русскимъ словамъ и выраженiямъ. Мы не думаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ излишнее, неоправдываемое необходимостью употребленiе иностранныхъ выраженiй выкупалось бы введенiемъ въ историческiй слогъ такихъ выраженiй, уже чисто русскихъ, которые прежде не встрѣчались въ историческихъ произведенiяхъ нашей литературы, какъ «гадость», «подлость», или, напримѣръ, «*randomстарoдумство*» римскихъ писателей», подъ которымъ авторъ разумѣетъ «мрачный, безнадежный взглядъ на настоящее и идеализацiю прошедшаго, полнѣйшiй пессимизмъ, гуманную мизантропiю» (стр. 36).

Разборъ докторской диссертаціи В. С. Иконникова

(представленный въ Совѣтъ университета св. Владиміра).

Въ прошломъ засѣданіи, представляя мое мнѣніе о рановременности возведенія штатнаго доцента В. С. Иконникова въ экстраординарные профессоры, я имѣлъ честь заявить передъ Совѣтомъ, что нахожу необходимымъ представить научный разборъ трудовъ г. Иконникова. Предлагая въ настоящее время таковой разборъ, считаю долгомъ предварить, что остановлюсь лишь на докторской диссертаціи г. Иконникова, которая естественно представляетъ собою послѣдніе и поэтому наиболѣе рѣшительные результаты его ученой дѣятельности.

Умалчиваю о первомъ трудѣ г. Иконникова — «Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка»,—такъ какъ Совѣту извѣстенъ уже отзывъ спеціалиста объ этомъ небольшомъ сочиненіи и мнѣ остается лишь заявить, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе одного изъ моихъ предшественниковъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ. Вотъ это мнѣніе, представленное Совѣту три года назадъ: «Это сочиненіе вовсе не имѣетъ научнаго характера, мало предъявляетъ сознательныхъ воззрѣній на изслѣдуемый предметъ, обличаетъ автора въ непониманіи многихъ основныхъ сторонъ въ жизни русскаго народа, выражаетъ поверхностное разумѣніе строя русской жизни и, наконецъ, обнаруживаетъ такую ученическую односторонность, что ни одна историческая особенность не выставлена въ свѣтѣ, соотвѣтственномъ цѣлямъ и требованіямъ исторической науки».

Разборъ докторской диссертаціи В. С. Иконникова

(представленный въ Совѣтъ университета св. Владиміра).

Въ прошломъ засѣданіи, представляя мое мнѣніе о рановременности возведенія штатнаго доцента В. С. Иконникова въ экстраординарные профессоры, я имѣлъ честь заявить передъ Совѣтомъ, что нахожу необходимымъ представить научный разборъ трудовъ г. Иконникова. Предлагая въ настоящее время таковой разборъ, считаю долгомъ предварить, что остановлюсь лишь на докторской диссертаціи г. Иконникова, которая естественно представляетъ собою послѣдніе и поэтому наиболѣе рѣшительные результаты его ученой дѣятельности.

Умалчиваю о первомъ трудѣ г. Иконникова — «Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка»,—такъ какъ Совѣту извѣстенъ уже отзывъ спеціалиста объ этомъ небольшомъ сочиненіи и мнѣ остается лишь заявить, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе одного изъ моихъ предшественниковъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ. Вотъ это мнѣніе, представленное Совѣту три года назадъ: «Это сочиненіе вовсе не имѣетъ научнаго характера, мало предъявляетъ сознательныхъ воззрѣній на изслѣдуемый предметъ, обличаетъ автора въ непониманіи многихъ основныхъ сторонъ въ жизни русскаго народа, выражаетъ поверхностное разумѣніе строя русской жизни и, наконецъ, обнаруживаетъ такую ученическую односторонность, что ни одна историческая особенность не выставлена въ свѣтѣ, соотвѣтственномъ цѣлямъ и требованіямъ *исторической* науки».

тая эти послѣднія строки, не знаешь, чему же вѣрить: стояла-ли Русь въ теченіе девяти вѣковъ постоянно въ одномъ положеніи, съ одною и тою же суммою знаній, или же она двигалась, развивалась, жила, даже измѣняла свои направленія, образовывала партіи и переживала ихъ борьбу?

Другое основное воззрѣніе г. Иконникова относится къ вопросу о характерѣ древнерусской общественности и культуры. «*Россія* — говоритъ онъ [1])—подчинялась вліянію Византіи въ то время, когда господство религіозныхъ идей достигло въ Византіи полнаго апогея и монастыри давали направленіе обществу; отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію и потому она *вполнѣ можетъ назваться монастырскою*». Воззрѣніе это, по своей крайней ошибочности, равнымъ образомъ не нуждается въ опроверженіи. Кому незнакомъ, напр., удѣльно-вѣчевой періодъ, отношенія и борьба князей, образованіе старыхъ и новыхъ городовъ, положеніе дружины, племенная рознь отдѣльныхъ княжествъ, дѣятельность Андрея Боголюбскаго, Александра Невскаго? въ какомъ монастырѣ услышалъ г. Иконниковъ призывный звонъ вѣчевого колокола? въ какой скитъ помѣститъ онъ такія лица и явленія, какъ Иванъ III и IV, борьбу боярской партіи, учрежденіе опричнины, движеніе служилаго и крестьянскаго сословія, волненія самозванщины, борьбу съ Польшею и Ливоніею? что тождественнаго между созерцательною и отрѣшенною отъ «міра сего» жизнью монастырей и политическимъ возрастаніемъ и сосредоточеніемъ Москвы, сложеніемъ ея общественныхъ элементовъ, образованіемъ выборного мѣстнаго управленія, созваніемъ земскихъ соборовъ, составленіемъ Уложенія, заведеніемъ войска, призывомъ иностранцевъ и, наконецъ, всѣми тѣми реформами, которыя были приняты со времени Ивана III для сближенія съ Западною Европою? Если бы авторъ былъ знакомъ

[1]) Стр. 225 и ср. стр. 3[illegible]

съ «Памятниками дипломатическихъ сношеній Россіи», онъ узналъ бы тогда, какъ наши князья, представители Россіи, по мнѣнію автора, *вполнѣ монастырской*, неуклонно и разумно отстаивали независимость внутренняго развитія страны и какъ широко и глубоко понимали и вели всѣ земные, страстные, политическіе интересы Россіи. Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ, г. Иконниковъ высказалъ свое положеніе, кажется, лишь для того, чтобы на слѣдующихъ страницахъ самому же опровергнуть его. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ говоритъ о томъ, что древнерусское общество не удовлетворялось чисто монастырскими интересами и цѣлями, говоритъ о стремленіяхъ знакомиться съ научными вопросами, о ересяхъ, о симпатіи къ ученію Лютера [1]). Но самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ служатъ тѣ именно главы въ соч. г. Иконникова въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ монастыряхъ. Изъ этихъ главъ [2]) несомнѣнно видно, что русскіе монастыри имѣли значеніе «миссіонеровъ христіанства» и просвѣщенія, «колонизаторовъ», проводниковъ гражданственности; они имѣли, наконецъ, огромное экономическое значеніе, пользуясь важными льготами «въ налогахъ и торговлѣ», владѣя значительною поземельною собственностью; они «привлекали къ себѣ массы крестьянскаго населенія» и были центрами земледѣльческой, промышленной и торговой жизни. Такимъ образомъ въ книгѣ самого г. Иконникова заключаются доказательства того, что Россія не только не была вполнѣ монастырскою, но что сами монастыри, на почвѣ русской, отрѣшились отъ созерцательной и аскетической жизни и явились «могущественными дѣятелями русскаго государства и гражданственности» [3]).

Отъ общихъ воззрѣній перехожу къ разсмотрѣнію уче-

---

[1]) Стр. 509, 510, 518 и вся глава VIII, объ оппозиціи существующему порядку, стр. 370—458.

[2]) Глава III, стр. 102—166; глава IV, стр. 166—225; глав. V, стр. 225—264.

[3]) Стр. 92.

ныхъ пріемовъ г. Иконникова и его отношеній къ вопросамъ науки.

Пріемъ автора довольно простъ и состоитъ въ систематическомъ заимствованіи и дословномъ выписываніи изъ общедоступныхъ сочиненій современныхъ писателей. Приблизительный разсчетъ, сдѣланный мною въ короткій двухнедѣльный срокъ и лишь по тѣмъ сочиненіямъ, которыя имѣлись у меня подъ руками, показываетъ, что изъ 560 стр. всего сочиненія болѣе половины, слишкомъ 300 стр., не принадлежатъ автору [1]). Г. Иконниковъ заимствуетъ довольно

[1]) Послѣдовательный перечень страницъ сочиненія г. Иконникова съ указаніемъ нѣкоторыхъ трудовъ, изъ которыхъ сдѣланы авторомъ заимствованія:

Стр. 12—16. *Дрэперъ*, Истор. интеллект. развитія Европы (почти дословно).
17—26. *Дреперъ* и *Иннокентій*, Исторія церкви.
27—36. *Казанскій*, Исторія монашества.
49—51. *Пыпинъ*, Отречен. книги, см. «Русское Слово», 1862, № 1.
52—65. *Макарій*, Исторія церкви, и *Клоссіусъ*, Библіотека Василія IV и Іоанна IV, см. въ «Ж. М. Н. Просв.», 1834, № 6
66—67. *Буслаевъ*, Историч. очерк., II, 217.
72—77. *Макарій*, s. c.
93—96. *Макарій*, s. c.
96—102. Древнія пустыни, см. «Правосл. Собесѣд.» 1860, III.
104—123. *Амвросій*, Истор. россійск. іерарх.
129—149. *Милютинъ*, О недвижим. имуществахъ духов. въ Россіи.
190—198. Древнія пустыни, s. c., и *Рогова* статья въ «Ж. М. Внут. Д.». 1858, № 4.
200—204. Монастыри въ казанск. краѣ, см. «Прав. Собесѣд.» 1864.
207—210. *Словцовъ*, Истор. обозрѣн. Сибири.
213—216. *Вундтъ*, Душа человѣка и животныхъ, II, 345—349 (цѣликомъ).
229—233. Опись книг. степен. монаст., см. «Чтенія Моск. Общ.» 1847 и 1847.
235—245. *Хрущовъ*, соч. Іосифа Волоцкаго, и *Миллеръ*, въ «Ж. М. Н. П.», 1868, II.
246—249. *Костомаровъ*, Очеркъ нравовъ великорусск. народа, и о борьбѣ христіанства съ язычн. въ Россіи, см. «Правосл. Собесѣд.» 1865.
[illegible]—261. *Забѣлинъ*, Домашній бытъ царей, см. «Отеч. Записки» 1851 (цѣликомъ).

осторожно, рѣдко слово въ слово—этой чести удостоились лишь труды *Калачева*, *Забѣлина* и *Вундта* («Душа животныхъ и человѣка»)—по большей же части онъ измѣняетъ слова, фразы и, вѣроятно, по недосмотру, смыслъ оригинала [1]). Только одинъ разъ намъ представился случай рас-

---

266—273. *Дрэперъ*, s. c., и *Шлоссера*, учебн. исторіи.
281—292. *Макарій*, Исторія церкви.
297—298. *Макарій*, s. c.
299—300. *Калачевъ*, s. c. (цѣликомъ).
300—310. *Макарій*, s. c., *Калачевъ*, Корчмая, см. «Чтенія Моск. Общ.», 1847, III.
315—328. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. IV.
339—352. *Хрущовъ*, s. c.
353—356. *Бѣляевъ*, Митроп. Даніилъ, см. «Чтенія о язычн. и слов.». 1856.
370—375. *Макарій*, s. c., и статья въ «Трудахъ К. Д. Акад.», 1862, I.
397—402. О новгород. ереси, см. «Прав. Обоз.», 1862, VI.
411—425. *Хрущовъ*, s. c., *Миллеръ* въ «Журн. М. Нар. Просв.», 1868, II, и «Вѣстникъ Европы», 1868, IV.
444—453. *Костомаровъ*, Русскіе вольнодумцы XVI стол.
470—471. *Милютинъ*, s. c.
480—481. *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ.
481—504. *Шушеринъ*, Жизнь Никона, и Соловьевъ, s. c., XI.
511—518. Объ источн. свѣдѣній по разн. наукамъ въ древн. время Россіи, см. «Пр. Собес.», 1860, I.
519—520. *Пыпинъ*, Литер. истор. повѣстей и сказокъ русскихъ.
521—527. *Сухомлиновъ*, О древн. русской лѣтописи.
531—535. *А. Поповъ*, Хронографы русской редакціи.
545—552. *Щаповъ*, Очерки міросозерцанія.

Итого выписано 307 стр. только изъ тѣхъ сочиненій, которыя мы имѣли подъ руками.

[1]) На стр. 132 авторъ говоритъ: «Чтобы яснѣе прослѣдить развитіе монастырской территоріи, *мы* обратимъ вниманіе» и т. д.; несмотря на это *мы*, авторъ занимаетъ 132 и 133 стр. дословными почти заимствованіями текста и примѣчаній изъ сочиненія *Милютина*, О недвиж. имущ. духовенств. въ Россіи (стр. 154, примѣч. 115), не упоминая даже о *Милютинѣ*. Вотъ нѣсколько образчиковъ заимствованій:

Дрэперъ, I, 180.

Значительное содѣйствіе популярному распространенію оріентализма оказалъ Аполлоній Тіанскій... Онъ выдавалъ себя за чудотворца, дѣлалъ

Иконниковъ, стр. 12.

Аполлоній Тіанскій способствовалъ популярному распространенію оріентализма. Онъ выдавалъ себя за пророка и чудотворца; велъ жизнь аске-

крыть его пріемъ; перечисляя нѣсколько городовъ съ указаніемъ числа жителей, г. Иконниковъ продолжаетъ: *затѣмъ идетъ длинный списокъ городовъ* [1]) и т. д. Гдѣ же это идетъ? въ соч. Соловьева, Исторія Россіи, т. XIII: «Опись городамъ въ 1668 г.»

Такой пріемъ заимствованій касается содержанія, внутренней стороны сочиненія г. Иконникова; внѣшняя же его сторона сохраняетъ вполнѣ видъ труда ученаго,—оно снабжено массою цитатъ и ссылокъ [2]), какъ на источники, такъ и на пособія. Провѣривъ тѣ и другія, и помѣщая въ примѣчаніяхъ подробности моей провѣрки, я приведу здѣсь лишь ея результаты:

предсказаніе и пророчества; велъ жизнь аскета: *его одежда и пища были самыя скудныя.* Онъ пытался преобразовать религіозные обряды и нравственность, отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній, замѣняя ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою, *даже едва требующею словъ.*

та *въ полномъ смыслѣ слова*; стремился преобразовать религіозные обряды и нравственность общества, отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній и замѣнялъ ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою.

Иногда авторъ, при заимствованіи, измѣняетъ оригиналъ въ ущербъ смыслу:

Иконниковъ, стр. 13.

Божество представляется Нуменію съ тремя аттрибутами: первый изъ нихъ разумъ, второй — творческая сила, дающая начало третьему (?).

Дрэперъ, стр. I, 181.

Въ ученіи Нуменія признается троица, первое лицо которой есть разумъ, второе — творческое начало, имѣющее двойное существованіе и такимъ образомъ дающее начало третьему лицу.

Нерѣдко, измѣняя оригиналъ, авторъ поставленъ въ необходимость писать вещи довольно несообразныя. Такъ, на стр. 144 и 145 помѣщено длинное разсужденіе о монастыряхъ, слово въ слово заимствованное изъ сочин. *Милютина* (стр. 393), причемъ авторъ замѣняетъ неподходящее ему слово *духовенство* выраженіемъ *монастыри*, вслѣдствіе чего выходитъ, между [illegible] чимъ, слѣдующая несообразность: *монастыри* находились въ бо[illegible] пріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія *сословія*; они были гор[illegible] влекаемы отъ своихъ занятій, нежели другіе *классы народа* примѣръ см. на стр. 130.

[1]) Стр. 128.

[2]) Около 2.000 ссылокъ на различныя сочиненія, пре

a) *Русскія лѣтописи*: г. Иконниковъ не вполнѣ владѣетъ языкомъ лѣтописей и читаетъ ихъ слишкомъ небрежно; такъ онъ читаетъ о *духовенствѣ* тамъ, гдѣ написано о *мірянахъ* [1]), владимірскаго князя Владиміра Васильковича онъ окрещиваетъ въ галицкаго князя Владиміра Ярославича [2]).

b) *Латинскія цитаты*: чтобъ показать, какъ небрежно относится г. Иконниковъ къ памятникамъ на латинскомъ языкѣ, достаточно разсмотрѣть одинъ [3]) только примѣръ. Упо-

---

[1]) На стр. 10 г. Иконниковъ пишетъ: «въ средѣ духовенства поднялся такой ропотъ, что Ѳеодосій принужденъ былъ оставить митрополію», и ссылается на «Полное собраніе рус. лѣт. VI, 186». Указываемое мѣсто въ лѣтописи читается такъ: «*Въ лѣто 6973, сечтебря въ 13 день, остави митрополитъ Ѳеодосей митрополію... А Ѳеодосей того ради оставилъ, занеже восхотѣ поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь... И востужиша людіе, мноиы бо церкви безъ поповъ, и начаша его проклинати;... онъ же слышавъ сіе... сниде въ келію къ Михайлову Чюду въ монастырь*». И такъ Ѳеодосія стали проклинать *людіе*, а не духовенство. Недоразумѣніе происходитъ отъ незнанія языка: *людянинъ* есть міряниъ: Аще причетникъ или людянинъ да внимаютъ (ус. цер. 315) см. словар. Ак. наук. стр. 579.

[2]) На стр. 227 авторъ говоритъ: «галицкій князь Владиміръ Ярославичъ» и т. д. и ссылается на «Полн. собр. русск. лѣтоп. II, 223», при чемъ въ четырехъ словахъ дѣлаетъ двѣ ошибки:

Первая ошибка: Владиміръ Васильковичъ, а не Ярославичъ. Это доказывается слѣдующими мѣстами той же Ипатіевской (Гал. Вол.) лѣтописи:

a) «Въ лѣто 6796. Преставися благовѣрный, христолюбивый, великій князь *Володимеръ, сынъ Васильковъ*, внукъ Романовъ. (П. С. Л. II, 220).

b) «Се язъ князь *Володимеръ, сынъ Васильковъ* внукъ Романовъ. (Ibid., 215).

Вторая ошибка: князь Владимірскій, а не Галицкій. Это равнымъ образомъ несомнѣнно изъ слѣдующихъ мѣстъ той же лѣтописи:

a) Въ лѣто 6779. Преставися *князь великый Володимерьскій* именемъ *Василько*, сынъ великаго князя Романа. (Ibid., стр. 204).

b) Въ лѣто 6780. Нача княжити, *во него мѣсто* сынъ его *Володимеръ*... а *Левъ* нача княжити въ Галичѣ (Ibid.).

c) Се язъ князь *Володимеръ*... даю брату своему *Мьстиславу* землю свою всю... и столный свой городъ Володимирь (т.-е. Владиміръ-Волынскъ). Ibid., стр. 215.

[3]) Латинскихъ цитатъ у г. Иконникова всего три: *первая*, на стр. 136 пр. 3, ... чдютина, стр. 121 пр. 226, но безъ его кри- ... была предостеречь г. Иконникова отъ поль- ... знать преувеличеннымъ и заслуживаю- ... хранившихся до насъ извѣстій этого

крыть его пріемъ; перечисляя нѣсколько городовъ съ указаніемъ числа жителей, г. Иконниковъ продолжаетъ: *затѣмъ идетъ длинный списокъ городовъ* [1]) и т. д. Гдѣ же это идетъ? въ соч. Соловьева, Исторія Россіи, т. XIII: «Опись городамъ въ 1668 г.»

Такой пріемъ заимствованій касается содержанія, внутренней стороны сочиненія г. Иконникова; внѣшняя же его сторона сохраняетъ вполнѣ видъ труда ученаго,—оно снабжено массою цитатъ и ссылокъ [2]), какъ на источники, такъ и на пособія. Провѣривъ тѣ и другія, и помѣщая въ примѣчаніяхъ подробности моей провѣрки, я приведу здѣсь лишь ея результаты:

предсказаніе и пророчества; велъ жизнь аскета; *его одежда и пища были самыя скудныя*. Онъ пытался преобразовать религіозные обряды и нравственность, отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній, замѣняя ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою, *даже едва требующею словъ*.	та *въ полномъ смыслѣ слова*; стремился преобразовать религіозные обряды и нравственность общества, отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній и замѣнялъ ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою.

Иногда авторъ, при заимствованіи, измѣняетъ оригиналъ въ ущербъ смыслу:

Иконниковъ, стр. 13.	*Дрэперъ, стр. I, 181.*
Божество представляется Нуменію съ тремя аттрибутами: первый изъ нихъ разумъ, второй — творческая сила, дающая начало третьему (?).	Въ ученіи Нуменія признается тройца, первое лицо которой есть разумъ, второе — творческое начало, имѣющее двойное существованіе и такимъ образомъ дающее начало третьему лицу.

Нерѣдко, измѣняя оригиналъ, авторъ поставленъ въ необходимость писать вещи довольно несообразныя. Такъ, на стр. 144 и 145 помѣщено длинное разсужденіе о монастыряхъ, слово въ слово заимствованное изъ сочин. *Милютина* (стр. 393), причемъ авторъ замѣняетъ неподходящее ему слово *духовенство* выраженіемъ *монастырь*, вслѣдствіе чего выходитъ, между прочимъ, слѣдующая несообразность: «*монастыри* находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія *сословія*; они были гораздо менѣе отвлекаемы отъ своихъ занятій, нежели другіе *классы народа*». Подобный же примѣръ см. на стр. 130.

[1]) *Стр.* 128.

[2]) *Около 2.000* ссылокъ на различныя сочиненія, преимущественно пособія.

половина ссылокъ на Карамзина невѣрны [1]), и невѣрность происходитъ отъ того, что г. Иконниковъ пользовался извѣстнымъ изданіемъ братьевъ Слениныхъ, по которому мы и свѣряли, а тѣ, у которыхъ онъ заимствуетъ ссылки на Карамзина, пользовались другими изданіями, на что г. Иконниковъ не обратилъ вниманія [2]).

Еще любопытнѣе ссылки на новѣйшія сочиненія иностранныхъ писателей. Ихъ очень немного, но особенно замѣчательны три ссылки, по одной на каждый изъ новѣйшихъ языковъ, при чемъ каждая ссылка встрѣчается, страннымъ образомъ, непремѣнно два раза:

Нѣмецкій языкъ: Planck, Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschaffts-Verfassung [3]); ссылка заимствована изъ соч. Милютина [4]);

Французскій языкъ: Laurent, la Papauté et l'Empire, p. 96— оба раза [5]) приводится въ подтвержденіе того, что «западная церковь въ XI вѣкѣ владѣла $^3/_4$ всей государственной территоріи», а между тѣмъ Лоранъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ только: l'Eglise possédait les trois quart du sol, ничѣмъ

---

[1]) Изъ 62 ссылокъ на Карамзина 26 вѣрныхъ и 36 невѣрныхъ:

Вѣрныя ссылки:		*Невѣрныя ссылки:*		*Вѣрныя ссылки*		*Невѣрныя ссылки:*	
стр. 76,	пр. 3	стр. 55,	пр. 4	стр. 276,	пр. 1	стр. 318,	пр. 1
» 85,	» 1	» 56,	» 1	» 293,	» 3	» 323,	» 1
» 112,	» 1	» 97,	» 1	» 354,	» 5	» 356,	» 1, 2
» 125,	» 2	» 135,	» 4	» 359,	» 1	» 359,	» 1
» 127,	» 4	» 198,	» 8	» 407,	» 2	» 363,	» 6
» 164,	» 3	» 199,	» 1	» 441,	» 4	» 464,	» 1
» 177,	» 6	» 222,	» 4 (обѣ)	» 468,	» 3	» 467,	» 2
» 181,	» 4	» 228,	» (всѣ три)	» 469,	» 1	» 468,	» 2
» 186,	» 2	» 274,	» 3, 5	» 470,	» 1,2,3	» 473,	» 2
» 194,	» 2	» 275,	» 3, 4, 5, 6.	» 473,	» 1	» 557,	» 1(всѣ три)2
» 222,	» 5	» 280,	» 2(всѣ три)4	» 476,	» 6		
» 227,	» 7	» 308,	» 5	» 559,	» 4		

[2]) Такъ *Милютинъ*, s. c.: «считаемъ нужнымъ замѣтить, что всѣ ссылки наши на Карамзина сдѣланы по изданію Эйнерлинга», стр. 2-я, пр. 1. У г. Иконникова изданіе не показано.

[3]) Стр. 137 и стр. 267, пр. 3. [4]) Стр. 121, пр. 226.

[5]) Стр. 137 и стр. 265, пр. 1.

не подкрѣпляя своихъ словъ, такъ что въ данномъ случаѣ намъ кажется, что и Лоранъ также точно имѣлъ бы право сослаться на г. Иконникова, какъ г. Иконниковъ на Лорана. Любопытнѣе первыхъ двухъ

Англійскій языкъ: Finlay, History of the Byzantine and Greek empires [1]) тоже два раза [2]) и въ обоихъ случаяхъ эта ссылка измѣнила автору: она приводится г. Иконниковъ, въ подтвержденіе того. что «патріархъ налагалъ запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ», а между тѣмъ Finlay, II, 67, говоритъ прямо противуположное: the Greek church, unlike the Roman, has generally been the servile instrument of princes.

Испещривъ свое сочиненіе массою ссылокъ на труды современныхъ ученыхъ,—ссылокъ, нерѣдко вовсе не нужныхъ и способныхъ ввести въ заблужденіе лишь непривычный глазъ. г. Иконникову часто неизвѣстны важнѣйшіе изъ трудовъ по тому или другому вопросу, даже изъ трудовъ русскихъ авторовъ. Укажу, въ видѣ примѣра, на упущенія по вопросу о Пермскомъ краѣ [3]): г. Иконниковъ приводитъ много сочиненій, не имѣющихъ значенія въ наукѣ, и не знаетъ Пермскаго Сборника, изд. *Д. Смышляева* (2 т. Москва, 1859); разсказываетъ жизнь св. Стефана и не знакомъ съ сочин. *архим. Макарія*, Сказаніе о жизни и трудахъ Стефана (Москва, 1856); говоритъ о зырянской азбукѣ и не знаетъ сочин. *Пушкарева*, Описаніе Вологодской губерніи (см. ч. II, стр. 36; ч. III, стр. 98).

Заимствуя отовсюду указанія на лѣтописные источники и документы, онъ не пользуется заключающимися въ нихъ

---

[1]) Это заглавіе приведено у г. *Иконникова* крайне безграмотно: *History of Byzantine Empires.*

[2]) Стр. 268, пр. 3, и стр. 271, пр. 8. Вообще, характеръ ссылокъ выяснится изъ слѣдующихъ примѣровъ: стр. 51, пр. 4: *Karls des Grossen Kalendarium Berlin. 1858*; стр. 154. пр. 3: *Hacl 408*; стр. 542, пр. 1: *lib. XVII, pag. 418 ed. Bon.*, и т. п. Подобныя же ссылки встрѣчаются и на русскія сочиненія, стр. 399, пр. 3: *Перлштейнъ. Луцкъ и его древности*; ср. стр. 61, пр. 2; стр. 134, пр. 2; стр. 219, пр. 2. и мног. друг.

[3]) См. въ соч. г. Иконникова стр. 194 и слѣд.

фактами, какъ матеріаломъ для возможныхъ выводовъ, но ставитъ эти факты въ зависимость отъ своихъ личныхъ взглядовъ. Избираю, для примѣра, вопросъ, который, повидимому [1]), наиболѣе интересовалъ г. Иконникова, вопросъ о матеріальномъ положеніи монастырей. «Помножая троицкіе рубли XVI вѣка на монастырскихъ крестьянъ XVIII стол.» [2]), г. Иконниковъ старается во что бы то ни стало доказать, что русскіе монастыри были очень богаты, при чемъ умалчиваетъ о монастыряхъ бѣдныхъ и не принимаетъ ихъ въ разсчетъ при опредѣленіи числа монастырскихъ крестьянъ, обширности монастырской территоріи и доходности монастырскихъ имуществъ вообще: онъ не хочетъ знать ни тѣхъ «старцевъ и пустынныхъ отходниковъ», что «питалися лыками и сѣно по болоту косили» (Акты Истор. I, № 192), ни тѣхъ монаховъ, которымъ «прокормитися нечѣмъ», ибо «у нихъ у монастыря пашенка не велика, и коли что они хлѣбца всѣютъ и тотъ у нихъ хлѣбъ ежелѣто морозомъ побиваетъ» (Дополн. къ Акт. истор. I, № 38), ни тѣхъ наконецъ старицъ, что «ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и по переулкамъ, просятъ милостыни» (Ак. Ист. V, 113) [3]).

Такіе ученые пріемы г. Иконникова необходимо должны были привести, и дѣйствительно привели его, къ заключеніямъ, нисколько не соотвѣтствующимъ современному уровню исторической науки вообще и науки русской исторіи въ особенности.

Необходимая, естественная связь причинъ и слѣдствій въ развитіи историческихъ судебъ націй, это первое, элементарное условіе историческаго разумѣнія, чуждо г. Иконникову, по мнѣнію котораго «Московское государство *неожиданно очутилось* на границахъ Ливоніи и Литвы» [4]). Сознательное

---

[1]) Стр. 159 и 430. [2]) «Прав. Обозр.» 1869, ноябрь, стр. 468.

[3]) Приведенныя мѣста изъ актовъ помѣщены въ соч. Милютина (стр. 61, пр. 123, 124; стр. 139, пр. 263), которое такъ хорошо извѣстно г. Иконникову.

[4]) Стр. 553.

не подкрѣпляя своихъ словъ, такъ что въ данномъ случаѣ намъ кажется, что и Лоранъ также точно имѣлъ бы право сослаться на г. Иконникова, какъ г. Иконниковъ на Лорана. Любопытнѣе первыхъ двухъ

Англійскій языкъ: Finlay, History of the Byzantine and Greek empires [1]) тоже два раза [2]) и въ обоихъ случаяхъ эта ссылка измѣнила автору: она приводится г. Иконниковъ, въ подтвержденіе того, что «патріархъ налагалъ запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ», а между тѣмъ Finlay, II, 67, говоритъ прямо противуположное: the Greek church, unlike the Roman, has generally been the servile instrument of princes.

Испещривъ свое сочиненіе массою ссылокъ на труды современныхъ ученыхъ,—ссылокъ, нерѣдко вовсе не нужныхъ и способныхъ ввести въ заблужденіе лишь непривычный глазъ, г. Иконникову часто неизвѣстны важнѣйшіе изъ трудовъ по тому или другому вопросу, даже изъ трудовъ русскихъ авторовъ. Укажу, въ видѣ примѣра, на упущенія по вопросу о Пермскомъ краѣ [3]): г. Иконниковъ приводитъ много сочиненій, не имѣющихъ значенія въ наукѣ, и не знаетъ Пермскаго Сборника, изд. *Д. Смышляева* (2 т. Москва, 1859); разсказываетъ жизнь св. Стефана и не знакомъ съ сочин. *архим. Макарія*, Сказаніе о жизни и трудахъ Стефана (Москва, 1856); говоритъ о зырянской азбукѣ и не знаетъ сочин. *Пушкарева*, Описаніе Вологодской губерніи (см. ч. II, стр. 36; ч. III, стр. 98).

Заимствуя отовсюду указанія на лѣтописные источники и документы, онъ не пользуется заключающимися въ нихъ

---

[1]) Это заглавіе приведено у г. *Иконникова* крайне безграмотно: *Hi-tory of Byzantine Empires*.

[2]) Стр. 268, пр. 3, и стр. 271, пр. 8. Вообще, характеръ ссылокъ выяснится изъ слѣдующихъ примѣровъ: стр. 51, пр. 4: *Karls des Grossen Kalendarium Berlin, 1858*; стр. 154, пр. 3: *Hacl 408*; стр. 542, пр. 1: *lib. XVII, pag. 418 ed. Bon.*, и т. п. Подобныя же ссылки встрѣчаются и на русскія сочиненія, стр. 399, пр. 3: *Перлштейнъ, Луцкъ и его древности*; ср. стр. 61, пр. 2; стр. 134, пр. 2; стр. 219, пр. 2, и мног. друг.

[3]) *См. въ соч.* г. Иконникова стр. 194 и слѣд.

II. Отсутствіе сколько-нибудь яснаго представленія о задачахъ и границахъ своего труда: онъ затрудняется дать ему заглавіе [1]), въ его понятія о культурѣ входятъ отрывочныя и случайно набранныя черты [напр. длинная рѣчь о бородѣ [2]), пикантныя выписки о положеніи женщины [3]), о демонахъ, духахъ и чернокнижіи [4])]. Вслѣдствіе этого въ его книгѣ затрагиваются вопросы, совершенно чуждые избранному имъ предмету изслѣдованія [5]) (какъ, напр., о восточныхъ ученіяхъ и ересяхъ [6]), которыя не поставлены ни въ какую связь съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ) и оставлены безъ вниманія существенныя стороны каждой культуры: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о вліяніи византійскаго права на нашъ юридическій бытъ, на отношенія семейныя, имущественныя, наслѣдственныя, на развитіе іерархическихъ началъ не только въ отношеніяхъ гражданскихъ, но даже и въ кругѣ церковнаго порядка.

Вообще относительно внутренняго содержанія не трудно замѣтить, что не авторъ владѣетъ матеріаломъ [7]), а случайно

---

[1]) Во все время печатанія въ нашихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» сочиненіе г. Иконникова носило заглавіе: «О главныхъ направленіяхъ въ наукѣ Русской исторіи, въ связи съ ходомъ образованности, ч. 1: Вліяніе византійской и южно-русской образованности. Реформа (sic)»; въ видѣ же отдѣльной книжки оно озаглавлено: «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи» (!). Которое же изъ двухъ?

[2]) Стр. 66. [3]) Стр. 251 и 372. [4]) Стр. 213, 246 и др.

[5]) Если задача г. Иконникова состояла въ изслѣдованіи значенія Византіи въ «Русской исторіи», то изъ его сочиненія должны быть исключены, какъ не имѣющія прямого отношенія къ разсматриваемому вопросу, три наиболѣе обширныя главы, занимающія около 250 стр., т.-е., приблизительно, около половины всего сочиненія, именно: глава III—монастырская колонизація, стр. 102—166, глава IV—постепенное заселеніе сѣверо-восточной Россіи славяно-русскимъ племенемъ, стр. 166—225; глава VIII—о ересяхъ, стр. 370—475.

[6]) Стр. 11 и друг.

[7]) Въ доказательство остановлюсь на одномъ лишь примѣрѣ, подобныхъ которому очень много въ сочиненіи г. Иконникова. На стр. 198 говорится: «медленность распространенія христіанства послѣ Стефана *въ теченіе цѣлаго столѣтія* объясняютъ тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сношеній съ русскими, было сильно язычество и вліяніе жрецовъ». Другими сло-

представленіе основныхъ моментовъ въ развитіи русскаго царства, это первое, необходимое условіе историческаго вѣдѣнія, чуждо г. Иконникову, который не разъ высказываетъ, что «эпохою образованія Московскаго государства было XVI и даже XVII столѣтіе» [1]).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, я не могу не придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

I. Основныя историческія воззрѣнія г. Иконникова не только слабы и ошибочны, но и вполнѣ не выдержаны: высказанныя на однѣхъ страницахъ, они отрицаются имъ же на другихъ (такъ, напр., о девятивѣковомъ застоѣ Россіи, объ ея исключительно монастырскомъ характерѣ). Подобными же качествами отличаются и его научные пріемы: источники, написанные на греческомъ языкѣ, ему совершенно недоступны [2]); на латинскомъ же и новѣйшихъ или взяты изъ вторыхъ рукъ, или прочтены небрежно, а иногда и съ рѣшительнымъ извращеніемъ смысла (такъ онъ женитъ умершихъ).

Въ трудѣ г. Иконникова замѣтно полное отсутствіе ученой критики. Онъ набираетъ факты отовсюду, ставитъ рядомъ Модзалевскаго и Отцевъ Церкви [3]), Дрэпера и Иннокентія [4]); онъ цитируетъ Кассіана по Гизо, а Гизо по *Казанскому* [5]). Разстояніе между русскими городами, Вологдой и Ярославлемъ, онъ опредѣляетъ англійскими милями [6]) и богатство русскихъ монастырей высчитываетъ на стерлинги [7]).

---

[1]) Стр. 119 и 141. «Прав. Обозр.» 1869, ноябрь, стр. 458. Это опровергается, во-1-хъ, учебниками: Устряловъ, т. 1, 178, говоря о Руси въ половинѣ XV стол., начинаетъ эту главу обозрѣніемъ *Московскаго государства*, и, во-2-хъ, самимъ г. *Иконниковымъ*: Иванъ III называется *уже государемъ* (стр. 327 и 360); по смерти Ивана IV начинается *уже ослабленіе Московскаго государства* (стр. 505) и г. п. Ср. стр. 236, 245, 319, 320, 328, 331, 332, 381 и т. д.

[2]) Авторъ касается Византіи въ трехъ мѣстахъ своего сочиненія: 1) на стр .11—27 изложено по *Дрэперу* и *Иннокентію*; 2) на стр. 34—52 по *Казанскому* и *Шлоссеру*, и 3) на стр. 266—273 по *Дрэперу* и *Шлоссеру*. Изъ византійскихъ источниковъ ему извѣстны лишь переведенные на русскій языкъ, и, говоря о Михаилѣ Керулларіѣ, онъ ссылается на *Le Beau*, XVII, 182—185, см. на стр. 271.

[3]) *Стр. 37, пр. 1.* [4]) Стр. 21, 270 и мн. друг. [5]) Стр. 35.

[6]) *Стр. 141.* [7]) Стр. 158 и 471.

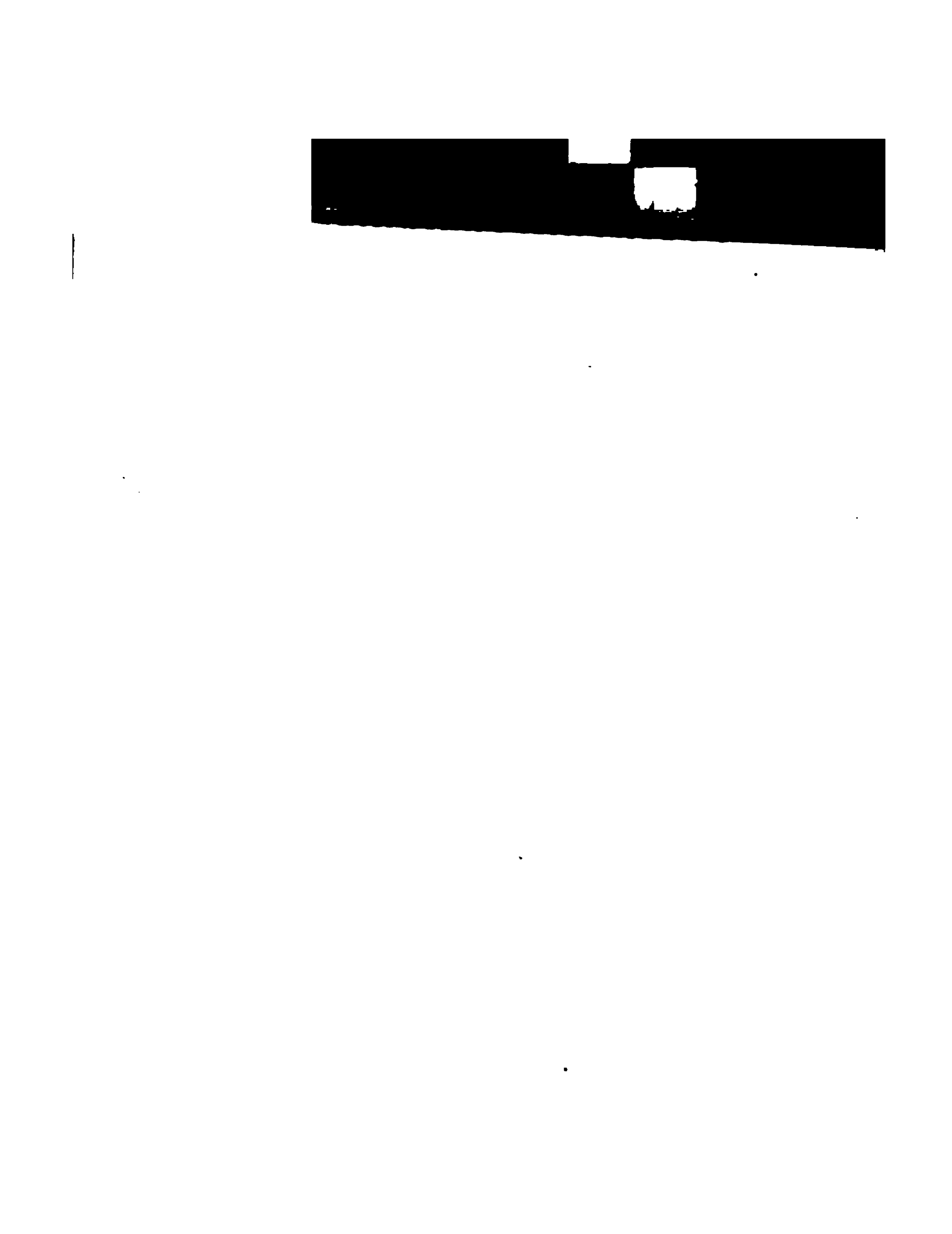
III. Хаосъ въ содержаніи необходимо отразился и на ормѣ. Такъ, нерѣдко фразы остаются недоконченными, часто нѣ совершенно непонятны; иногда же представляютъ не олѣе какъ наборъ словъ. Напр.: «въ то время, когда духоенство обличало незаконность поединковъ и несообразность хъ съ христіанствомъ и налагало духовныя запрещенія па иновныхъ» (точка) [1]); или: «дремучій лѣсъ и ревъ звѣрей роизводятъ умилительное впечатлѣніе» [2]); или: «христіанство бязано своимъ началомъ свѣтской власти» [3]); или: «пѣснь мѣетъ чарующее свойство: посредствомъ ея можно достигуть всего» [4]); или: «лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ овили бобровъ» [5]).

Стр. 311. [2]) Стр. 101, см. подобные же примѣры на стр. 99, 212.
Стр. 300. [4]) Стр. 213. [5]) Стр. 146.

СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА ПО РУССКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Журн. Мин. Нар. Просв., 1887.

Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны.

Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Соч. *Д. Масловскаго.* Вып. I. Спб. 1886.

Четыре года назадъ, профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба Н. Н. Сухотинъ, перечисляя въ своемъ трудѣ «Фридрихъ Великій» источники по исторіи военнаго искусства въ ту эпоху, рядомъ съ многотомными изслѣдованіями и многочисленными монографіями на иностранныхъ языкахъ могъ назвать только одинъ русскій трудъ: «Всеобщую военную исторію» князя Голицына. Эта бѣдность русской военно-исторической литературы, не менѣе, быть можетъ, чѣмъ преподаваніе въ русской академіи генеральнаго штаба, заставила уважаемаго профессора обратить въ своемъ трудѣ о Фридрихѣ Великомъ, какъ полководцѣ, особенное вниманіе на эпизоды Семилѣтней войны, которой онъ посвящаетъ большую часть своей книги.

Не богаче и русская политико-историческая литература по вопросу о Семилѣтней войнѣ. Въ то время, какъ въ нѣмецкой литературѣ появились труды Шуленбурга, Прейсса, Штура, Гушбера, Оллеха, Газенкампфа, Фицтума-фонъ-Экштедта, Ранке, Брикнера [1]), Арнета, Шефера, Онкена, Вагнера, Германа, Корфа, и во французской—Дюкло, Брольи, Берни, Дареста, Вандаля и др., русская литература не представила еще ни одного самостоятельнаго изслѣдованія по по-

---

[1]) *Brückner*, Russische Actenstücke zur Geschichte des Iahrës 1756, помѣщ. въ «Baltische Monatschrift» за 1872 г. Эта монографія должна быть отнесена къ числу произведеній нѣмецкой литературы.

хивѣ» и въ «Русской Старинѣ» разсѣяно много болѣе мелкихъ, но не менѣе цѣнныхъ извѣстій.

Всѣ эти матеріалы касаются преимущественно политической стороны вопроса; сторона спеціально военная затрагивается въ нихъ лишь случайно. До послѣдняго времени вопросы чисто военные не были разработаны, и это составляло весьма существенный пробѣлъ, значительно затруднявшій разрѣшеніе и вопросовъ чисто политическихъ. Этотъ важный пробѣлъ въ русской исторической литературѣ пополненъ на дняхъ изслѣдованіемъ полковника генеральнаго штаба Масловскаго: «Русская армія въ Семилѣтнюю войну». Въ нынѣшнемъ году вышелъ только первый выпускъ — «Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію», но выпускъ весьма почтенный, составляющій обширный томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ болѣе 50-ти плановъ, схемъ, таблицъ и картъ. Предпославъ своему изслѣдованію «очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія», авторъ возсоздаетъ, по подлиннымъ документамъ военно-ученаго архива главнаго штаба, московскаго его отдѣленія и главнаго архива иностранныхъ дѣлъ, возможно полную картину формированія экспедиціоннаго корпуса и слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, подробно описывая сосредоточеніе русскихъ войскъ къ Нѣману, операціи противъ Мемеля, наступленіе къ Кенигсбергу, сраженіе подъ Гросъ-Эгердорфомъ, наступленіе къ Алленбургу и отступленіе русскихъ войскъ за Нѣманъ. Это—вполнѣ спеціальное изслѣдованіе и, не смотря на то или, точнѣе, именно вслѣдствіе того, оно проводитъ новые взгляды на многіе политическіе вопросы, освѣщая ихъ новымъ свѣтомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ характеру и свойствамъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Это объясняется особенностью самой войны, не только возникшей, но и въ теченіе семи лѣтъ постоянно испытывавшей сильное политическое давленіе, при чемъ взаимное воздѣйствіе вопросовъ политики и фактовъ войны до того перепле-

тается, что отдѣльное изслѣдованіе политическихъ или военныхъ вопросовъ становится затруднительнымъ до полной невозможности. Военачальнику не была указана реальная цѣль, достиженіе которой имѣлось бы въ виду; какъ общій планъ, такъ и частныя операціи войны опредѣлялись конференціей, засѣдавшей въ Петербургѣ; всѣ военныя движенія были связаны политическими вліяніями, не имѣвшими ничего общаго съ ходомъ военныхъ дѣйствій и нерѣдко противорѣчившими основнымъ условіямъ военнаго дѣла. Политика всегда входитъ, какъ существенный элементъ, въ военное дѣло: она ставитъ ближайшія, достижимыя военными средствами, задачи и опредѣляетъ конечныя цѣли, сообразно ходу военныхъ операцій, вліяющихъ, съ своей стороны, на политическія перспективы; но никогда политика не можетъ, безъ значительнаго ущерба для общей цѣли, играть выдающуюся роль на театрѣ войны, тѣмъ менѣе на полѣ битвы. Между тѣмъ, въ Семилѣтнюю войну замѣчается такое именно чрезмѣрное вліяніе различныхъ политическихъ теченій, до крайности стѣснявшихъ главнокомандующаго и парализовавшихъ успѣхи военныхъ дѣйствій. Источникъ этого крайне печальнаго положенія дѣла заключался въ крутомъ и, по словамъ Фридриха II, «неожиданномъ» поворотѣ въ системѣ союзовъ, измѣнившемъ «весь видъ бывшихъ донынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія».

Рядъ этихъ «неожиданностей» открылъ самъ же Фридрихъ II: 16-го января 1756 года союзная Франціи и враждебная Россіи Пруссія заключила союзъ съ Англіей, союзницею Россіи и врагомъ Франціи (Вестминстерскій договоръ); 1-го мая того же года дружественная Пруссіи и враждебная Австріи Франція подписала Версальскій договоръ съ Австріей, перешедшій вскорѣ въ союзъ исключительно противъ Пруссіи; 31-го декабря 1756 года Россія заключаетъ союзъ съ Франціей, враждовавшей противъ нея и въ Турціи, и въ Польшѣ, и въ Швеціи. Эти перемѣны оказались «si subits et inattendus»,

что, въ первое время, все перепуталось, и умы современниковъ не мирились съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Положеніе же было настолько ново, что сами союзники не довѣряли другъ другу. Когда начались военныя дѣйствія и французскія войска имѣли уже стычки съ прусскими, герцогъ Ришелье велъ съ Фридрихомъ II дружественную переписку, а во Франціи не ослабло опасеніе, что «Австрія, одержавъ верхъ надъ Пруссіей, возстановитъ дружественныя сношенія съ морскими державами и, быть можетъ, будетъ дѣйствовать заодно съ ними противъ Франціи»; принцъ Конти, говоря съ Бехтѣевымъ, русскимъ представителемъ при Версальскомъ дворѣ, о союзническихъ дворахъ, «довольно ясно отозвался, что трактатъ съ вѣнскимъ дворомъ ему не нравится и что оный пріятенъ только г. Рулье, который думаетъ, что великое дѣло сдѣлалъ». Австрія, для которой союзъ съ Россіей представлялся существенно важнымъ, негодовала, что «русскій дворъ слишкомъ горячо принимается за дѣло», и видѣла въ присоединеніи Восточной Пруссіи къ Россіи «ein grosses Unglück und politisches Uebel»; Франція, только что предъ войною возстановившая дипломатическія сношенія съ Россіей, продолжаетъ относиться враждебно къ своей новой союзницѣ: «Союзъ нашъ съ Россіей—писалъ герцогъ Шуазель французскому послу при Петербургскомъ дворѣ—чисто случайный и вызванъ случайными обстоятельствами; намъ вовсе не слѣдуетъ стараться объ укрѣпленіи его, такъ какъ Турція, Польша, Швеція и Данія, старинные наши союзники, суть естественные враги этой державы. Благоразуміе требуетъ оставаться теперь въ союзѣ съ Россіей, но не имѣть его въ виду для будущаго времени»; французскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Брольи, имѣлъ предписаніе «противодѣйствовать Россіи», и даже позже, французскому послу въ Петербургѣ, Бретэлю, поручали играть роль «un avocat de la Pologne à Pétersbourg»; въ Версали были крайне опечалены, услышавъ о побѣдѣ русскихъ при Кунерсдорфѣ, и Людо-

викъ XV поручилъ своему представителю при русскомъ дворѣ «препятствовать, если окажется возможнымъ, военнымъ успѣхамъ русской арміи». Фридрихъ II, противъ котораго собственно и были заключены всѣ эти новые союзы, не былъ, слѣдовательно, особенно оригиналенъ, заявляя въ своей «Apologie de ma conduite politique», что «обязанность соблюдать союзные трактаты подлежитъ еще сомнѣнію».

Императрица Марія-Терезія была «больна Силезіей», и для возвращенія этой провинціи отъ Пруссіи готова была на всевозможныя жертвы. Пренебрегая династическими традиціями, она снизошла до лести госпожѣ Помпадуръ и изъ ея рукъ приняла союзный трактатъ съ Франціей; она вошла въ близкія сношенія съ Елизаветою Петровною единственно ради ненависти «русской самодержицы» къ прусскому королю и, такимъ образомъ, составила грозную коалицію противъ «изверга» Фридриха II. Начавшаяся въ 1756 году «une guerre de trois femmes» длилась семь лѣтъ, но Силезіи не возвратила австрійскому дому, о чемъ мечтала Марія-Терезія, и не представила «наиполезнѣйшій случай сократить короля прусскаго», на что̀ надѣялся Бехтѣевъ. Внѣшнія событія какъ Семилѣтней войны, такъ и самаго ея начала, хорошо извѣстны, и намъ нѣтъ надобности передавать подробности «похода Апраксина въ Восточную Пруссію»; остановимся только на тѣхъ новыхъ, впервые г. Масловскимъ обслѣдованныхъ, фактахъ изъ военной исторіи, которые даютъ совершенно иное освѣщеніе нѣкоторымъ событіямъ того времени и заставляютъ измѣнить общепринятые взгляды и искать иныхъ объясненій для многихъ политическихъ явленій за первый годъ участія Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

Отмѣтимъ, прежде всего, что полковникъ Масловскій возстановляетъ безосновательно поруганную честь русской арміи прошлаго вѣка. Благодаря труду г. Масловскаго, необходимо отказаться, и самымъ рѣшительнымъ образомъ, отъ общепринятаго понынѣ мнѣнія о негодности нашей арміи временъ

Елизаветы Петровны. Читая въ письмахъ Фридриха II, что «русскихъ нечего опасаться, такъ какъ у нихъ мало хорошихъ генераловъ и войска ихъ никуда негодны» [1]); встрѣчая въ депешахъ австрійскаго посла графа Эстергази, что «на русскую армію нельзя полагаться, тѣмъ болѣе, что ею командуютъ генералы неискусные въ военномъ дѣлѣ», или англійскаго Уильямса, что «во всёмъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ» [2]), и видя подтвержденіе этихъ взглядовъ въ спеціально военныхъ трудахъ русскихъ людей, печатно заявлявшихъ, что «военныя дѣйствія, какъ извѣстно, велись въ теченіе почти всей Семилѣтней войны съ изумительнымъ безпорядкомъ, при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ здравыхъ понятій о военномъ дѣлѣ», всѣ невольно относились съ довѣріемъ къ общему выводу о русскомъ войскѣ, сдѣланному Соловьевымъ въ его «Исторіи Россіи»: «Всѣ четыре главнокомандующіе—Апраксинъ, Ферморъ, Салтыковъ и Бутурлинъ—отличались однимъ характеромъ и одинакимъ способомъ дѣйствій. Всѣ четверо достигли важныхъ военныхъ чиновъ *по линіи*, всѣ четверо не имѣли способности главнокомандующаго; они шли медленно на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи; встрѣтятъ непріятеля, выдержатъ его натискъ, отобьются, а иногда, послѣ сраженія, увидятъ, что одержали великую побѣду, въ пухъ разбили врага; но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности къ почину: они не сдѣлаютъ ни шагу, чтобъ воспользоваться побѣдою, окончательно добить непріятеля—по прежнему ждутъ указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій... Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній. Война велась перво-

---

[1]) Les russes ont fort peu de bons généraux et leurs troupes ne valent rien. Polit. Corresp., V. 64.

[2]) Die Russen haben nicht zehn gute Officiere in ihrem ganzen Heere. *Raumer*, Beiträge, II, 400.

бытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось съ встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ» [1]). Эту характеристику русской арміи и ея полководцевъ всѣ позднѣйшіе писатели—Глиноецкій, Өеоктистовъ, Богдановичъ, Петрушевскій и другіе—находили «какъ нельзя болѣе вѣрною» и утверждали, что «со смертью Петра Великаго русская армія, забывъ уроки вѣнценоснаго учителя, возвратилась къ преданьямъ старины и строилась на маперъ побѣждаемыхъ турокъ; прежняя строгая, даже суровая дисциплина уступила мѣсто азіатской необузданности; русскія войска были грозою мирныхъ жителей, грабили, опустошали Пруссію, и побѣды надъ Фридрихомъ II одержаны какъ бы невзначай».

«Для того—говоритъ г. Масловскій—чтобы нѣсколько пошатнуть неправильно сложившійся взглядъ на дѣйствія русскихъ въ войну 1756—1763 годовъ, мы считаемъ необходимымъ не только воспроизвести, по мѣрѣ силъ, факты по архивнымъ даннымъ, но и, кромѣ того, представить доводы, на основаніи которыхъ печатные труды, гдѣ разсматривается участіе русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, не могутъ служить не только источниками для изученія операцій русскихъ войскъ, но даже пособіемъ для ознакомленія съ нашею арміей того времени».

Авторъ горячо вступается за дисциплину русской арміи того времени, которую «и свои, и чужіе» привыкли обзывать «варварскою толпою». Подробными ссылками на архивные матеріалы онъ доказываетъ, что 1) во время слѣдованія отдѣльныхъ отрядовъ Литвою и при квартированіи войска въ Пруссіи постоянно требовались квитанціи отъ мѣстныхъ властей о благополучномъ квартированіи
троль былъ подобный принятому и въ
набѣгахъ даже мелкихъ партій вс

[1]) XXIV, 414. Это перефразировано
воровъ, I, 23.

ному начальнику старшихъ мѣстныхъ властей, которымъ, между прочимъ, постоянно былъ предлагаемъ особый вопросъ: «не чинили-ли обидъ обывателямъ?—показанія этихъ бургомистровъ, пасторовъ и т. п. сохранились въ дѣлахъ военно-ученаго архива, и изъ этихъ показаній можно видѣть, что никакихъ обидъ жителямъ не было; 3) при выступленіи небольшихъ отрядовъ съ квартиръ оставлялись залоги; 4) при малѣйшемъ увлеченіи какой-либо части легкихъ войскъ она тотчасъ же оттягивалась къ арміи, и на ея мѣсто назначалась другая; 5) если бы упадокъ дисциплины былъ въ томъ размѣрѣ, какъ «общеизвѣстно», то могла-ли армія оперировать болѣе тысячи верстъ, менѣе чѣмъ въ годъ, въ полномъ порядкѣ? Примѣръ, до чего можетъ довести упадокъ дисциплины, очевиденъ при отступленіи, хотя бы арміи Наполеона въ 1812 году — ничего подобнаго не случилось съ русскою арміей, даже и въ апраксинскій походъ; 6) императрица Елизавета, награждая казаковъ за дѣйствія подъ Кюстриномъ, прямо указываетъ въ своемъ рескриптѣ, что они «прежнія свои дѣла загладили»; 7) если сравнить дѣйствія нашихъ войскъ съ войсками Фридриха Великаго, то какъ въ отношеніи дезертирства, такъ и разгрома занятой ими Саксоніи, значительный перевѣсъ будетъ на сторонѣ прусскихъ войскъ.

Вторымъ, не менѣе новымъ фактомъ, разъясненнымъ г. Масловскимъ, служитъ обѣленіе Апраксина, какъ главнокомандующаго. Современники почти единогласно рисовали портретъ перваго изъ русскихъ главнокомандующихъ въ Семилѣтней войнѣ довольно печальными красками; мы приняли ихъ отзывъ на вѣру и продолжаемъ представлять С. Ѳ. Апраксина дурнымъ человѣкомъ и никуда негоднымъ главнокомандующимъ. Полковникъ Масловскій, шагъ за шагомъ слѣдя

ршала Апраксина и на военныхъ совѣ-
убѣдительно доказываетъ, что давно
Апраксинѣ мнѣніе не выдерживаетъ
ставлено, какъ невѣрное.

Въ сентябрѣ 1756 г. Апраксинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, и въ сентябрѣ же англійскій посланникъ Уильямсъ доносилъ въ своихъ депешахъ: «Апраксинъ — лѣнивѣйшій изъ смертныхъ и жалкій трусишка (rank coward). Его оскорбилъ казацкій гетманъ и почти прибилъ (almost kick'd), а онъ и глазомъ не моргнулъ. Онъ толстый, лѣнивый, распутный человѣкъ и лишенъ всякой храбрости. Онъ никогда не видѣлъ непріятельскаго войска и никогда не былъ въ военной службѣ, кромѣ турецкихъ походовъ Миниха. Я знаю, что онъ тяготится своимъ главнокомандованіемъ, и здѣсь уже убѣждаются, что гораздо легче говорить о передвиженіяхъ большой арміи, чѣмъ дѣйствительно двигать войсками» [1]). Упоминаемый Уильямсомъ «казацкій гетманъ», графъ К. Г. Разумовскій, писалъ въ письмѣ къ вице-канцлеру М. Л Воронцову, отъ 22-го ноября 1757 г., слѣдовательно, уже послѣ Гроссъ-Эгердорфской побѣды и отступленія русской арміи: «Я никогда не думалъ, чтобъ въ фельдмаршалѣ Апраксинѣ столь мало искуснаго командира найдти. Видя къ сторонѣ россійской арміи столь великіе казавшіеся авантажи, не возможно уклониться, чтобъ не почувствовать досады противу того, кто причиною, буде то правда, нашему теперешнему безславію. Могу сказать, что когда тщеславіе соединится съ невѣжествомъ, то вящщей опасности ожидать надобно, нежели отъ одного невѣжества. Ежели бы тогда моего мнѣнія спросили, когда командиръ учреждался, я бы всегда могъ по привычкѣ чистосердечно и безпристрастно сказать, что человѣкъ безъ практики и столь тяжелаго тѣла, а притомъ ни въ какихъ военныхъ обращеніяхъ съ европейцами не бывавшій, кромѣ нѣкоторой турецкой команды, гдѣ одною бригадою мандовать ему дозволено было, по благосклонности глав- командира, едва-ли годится командиромъ быть глав- въ великомъ караулѣ и давно въ полѣ небываломъ,

[1]) Raumer, II. 400, Pol. Corr. XVI, 546, 54.

противъ столь исправнаго войска, которое довольно я самъ видѣлъ, какое оно въ Пруссіи» [1]). Съ тѣхъ поръ стало общимъ мнѣніемъ, всѣми повторяемымъ, что Апраксинъ—«жалкая бездарность», «тщеславный невѣжда», человѣкъ, о которомъ «дошли до насъ дурные отзывы и отъ чужихъ, и отъ своихъ» [2]).

Тщательно разсмотрѣвъ всѣ распоряженія фельдмаршала Апраксина и представивъ имъ спеціальную оцѣнку съ точки зрѣнія военнаго искусства, полковникъ Масловскій изображаетъ намъ Апраксина въ совершенно иномъ свѣтѣ. При сосредоточеніи русскихъ войскъ къ Нѣману, Апраксинъ избралъ «вполнѣ соотвѣтственный образъ дѣйствій» (стр. 201); инструкція Апраксина для операцій противъ Мемеля «не оставляетъ желать ничего лучшаго» (стр. 206); выборъ Апраксинымъ операціонной линіи—Бальвержишки-Вержболово-Инстербургъ — оказывается «вполнѣ правильнымъ» (стр. 223); при первой возможности наступленія въ предѣлы Пруссіи, Апраксинымъ «въ тотъ же день были отданы соотвѣтственныя приказанія» (стр. 229) и т. д. Словомъ, подробно разрабатывая чисто военную сторону операцій Апраксина, зорко слѣдя за каждымъ его распоряженіемъ и всесторонне оцѣнивая каждое его дѣйствіе, полковникъ Масловскій убѣдительно доказываетъ «умѣнье главнокомандующаго понять обстановку и принять сообразно оной вполнѣ правильное рѣшеніе», при чемъ безпристрастно и безъ утайки отмѣчаетъ и ошибки Апраксина, какъ, напримѣръ, въ присоединеніи конницы корпуса Сибильскаго къ главнымъ силамъ (стр. 249). «Въ нашемъ изслѣдованіи, говоритъ авторъ, мы далеко не имѣли въ виду выставить Апраксина, какъ выдающагося талантливаго полководца. Ошибки съ его стороны были (да въ нихъ не безгрѣшны и геніи, такъ сложно и трудно дѣло полководца) и указаны нами... Будемъ считать себя счастливыми, если внесемъ на страницы исторіи военнаго искусства

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 390; VI, 327.
[2]) *Соловьевъ*, XXIV, 95; *Ѳеоктистовъ*, 167; *Петрушевскій*, I, 23.

въ Россіи XVIII вѣка... тотъ безусловно вѣрный выводъ, что какъ Апраксинъ, такъ и «генералитетъ», бывшій при немъ, прежде всего заслуживаютъ не только глубочайшаго уваженія къ ихъ памяти, но и подражанія въ отношеніи упорной стойкости и самоотверженіи при защитѣ интересовъ арміи, что въ конечномъ результатѣ повело къ успѣху дѣла» (стр. 332).

Для политической исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны въ этомъ обѣленіи Апраксина особенно важны два момента.

16-го октября 1757 года иностранной коллегіи данъ былъ указъ для сообщенія министрамъ союзныхъ дворовъ, и указъ этотъ оканчивался слѣдующими словами: «мы за нужно разсудили команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную генералу Фермору, а его, Апраксина, сюда къ отвѣту позвать». Апраксинъ былъ преданъ суду особой коммиссіи, состоявшей изъ трехъ лицъ—князя Трубецкаго, Бутурлина и графа А. Шувалова. Въ чемъ же обвиняли Апраксина, какъ главнокомандующаго? Послѣ первыхъ же допросовъ, коммиссія составила особый докладъ императрицѣ о винахъ фельдмаршала Апраксина и въ этомъ докладѣ указала слѣдующіе два обвинительные пункта: *во-первыхъ*, «Апраксинъ въ последнемъ допросе показалъ, что можетъ быть имѣлъ и (бывшему канцлеру) Бестужеву оказалъ свое запинаніе къ начатію войны противъ короля прусскаго, зная, что ихъ высочества весма были склонны къ королю прусскому», и, *во-* *орыхъ*, «изъ последняго допросу Апраксина и изъ всѣхъ къ Бестужеву писемъ столько оказуется, что какъ Бе- чевъ втянулъ великую княгиню въ сію переписку, такъ ксинъ подалъ ему поводъ завести сію переписку, ибо своими письмами твердя и жалуясь, для чего полу- указы противные тому, что при отъѣздѣ говорено, со- ю и постановлено было, всемъ темъ не разумѣлъ иного, склонность великой княгини къ войнѣ, такъ что Бе-

стужевъ почелъ за нужно увѣрить его собственнымъ великой княгини письмомъ, что наконецъ согласуется и она къ начатію оной. За что Апраксинъ благодаря Бестужева называетъ полученное отъ великой княгини письмо драгоценнымъ отъ него сокровищемъ и присовокупляетъ, что такимъ образомъ, будучи о сентиментахъ увѣдомленъ, онъ уже совершенно спокоенъ» [1]). На основаніи этихъ двухъ обвиненій, сливающихся собственно въ одно — «запинаніе къ начатію войны», составилось убѣжденіе, что «мирный фельдмаршалъ» медлилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій единственно въ угоду придворной интригѣ, въ которой былъ замѣшанъ молодой дворъ и канцлеръ Бестужевъ [2]). Это оказывается совершенно невѣрнымъ: по изслѣдованію г. Масловскаго, Апраксинъ былъ поставленъ въ полную невозможность начать военныя дѣйствія осенью 1756 г., какъ отъ него требовали, и могъ начать походъ лишь весною 1757 года. Доказательства г. Масловскаго убѣдительны до очевидности:

1) Въ сентябрѣ 1756 г., когда Апраксинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, войска, входившія въ составъ дѣйствующей арміи, были расположены: а) корпусъ Лопухина— въ Лифляндіи, Курляндіи, Псковской, Петербургской и Новгородской губерніяхъ, при чемъ гренадерскіе полки только еще формировались; б) корпусъ Василія Долгорукова—только началъ формироваться и полки его были разбросаны въ Прибалтійскомъ краѣ и за предѣлами Псковской губерніи; в) корпусъ Матвѣя Ливена—совсѣмъ не былъ сформированъ, при чемъ регулярная конница занимала форпосты по Днѣпру, а остальные конные полки стояли въ прежнихъ пунктахъ квартированія; г) корпусъ Брауна и Фаста—въ Эстляндіи, и д) корпусъ Григорія Мещерскаго—вовсе не былъ сформированъ и полки его находились одни на Украинѣ, другіе по крѣпостямъ, сколько же нужно было времени, чтобы глухою

[1]) Государственный архивъ, VI, № 385-й, л. 15-й.

[2]) *Соловьевъ*, XXIV, 126; *Raumer*, II, 420; *Schaefer*, I, 391.

осенью, по дорогамъ прошлаго столѣтія, стянуть къ извѣстному пункту наступленія полки, разбросанные отъ Ревеля до Чернигова? 2) переформированіе пѣхоты и регулярной конницы не было окончено; 3) полковая артиллерія не была готова; полевая и осадная были подготовлены, но лошадей совсѣмъ не было даже для полевой артиллеріи; 4) для обезпеченія продовольствія арміи ничего не было подготовлено, и 5) военно-статистическихъ свѣдѣній о Литвѣ, Польшѣ и Пруссіи совсѣмъ не было. Принимая во вниманіе такое положеніе дѣйствующей арміи, при которомъ она никоимъ образомъ не могла «дѣйствовать» въ сентябрѣ 1756 г., необходимо признать, что Апраксинъ не терялъ времени, если, спустя девять мѣсяцевъ, 19-го іюня 1757 года, могъ раздаться первый русскій выстрѣлъ въ Семилѣтнюю войну.

Второй важный фактъ изъ исторіи командованія Апраксина арміею заключается въ разъясненіи чисто военныхъ причинъ, обязывавшихъ главнокомандующаго отступить за Нѣманъ, вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды подъ Гроссъ-Эгердорфомъ. Это отступленіе ставили въ связь съ болѣзненнымъ припадкомъ Елизаветы Петровны и обвиняли Апраксина и даже всѣхъ генераловъ не менѣе, какъ въ измѣнѣ [1]). Нелѣпость этой догадки была уже указана Соловьевымъ [2]); но фактическое опроверженіе этого «слуха» только теперь представлено г. Масловскимъ. Слуху этому не довѣряла даже коммиссія, судившая канцлера «Бестужева-Рюмина и фельдмаршала Апраксина» [3]); тѣмъ не менѣе, въ исторической литературѣ это обвиненіе тяготѣетъ надъ Апраксинымъ до настоящаго времени [4]), и только доводы г. Масловскаго, какъ [illegible] надѣяться, уничтожатъ его окончательно. Вслѣдствіе

[1]) [illegible], II, 452; *Семевскій* въ «Воен. Сборн.» V, 21; *Schaefer*, I, 392.

[2]) *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Arneth*, V, 519.

[3]) Государственный Архивъ, VI, № 385, л. 6.

[4]) [illegible]*ушевскій*, I, 23, все еще признаетъ, что «отступленіе произошло [illegible] соображеній не военныхъ» и, не извѣстно почему, считаетъ «глав[illegible] отступленія—наслѣдника престола».

недостатка продовольствія и убыли людей, Апраксинъ рѣшилъ, согласно постановленію военнаго совѣта 27-го августа, отступить отъ Алленбурга къ Тильзиту и, пополнивъ запасы, двинуться къ занятію Лабіавы, то-есть, имъ «было принято лучшее рѣшеніе, основанное на правильномъ пониманіи бывшей обстановки» (стр. 307), и г. Масловскій признаетъ отступленіе отъ Алленбурга «безусловною необходимостью» (311), прибавляя, что рѣшеніе совѣта «было совершенно правильно и самое отступленіе начато своевременно». Подробно разсматриваетъ г. Масловскій взаимное положеніе русской и прусской армій подъ Тильзитомъ, и приходитъ къ выводу, что «единственно правильнымъ рѣшеніемъ было—уклониться отъ боя, дать арміи оправиться, что и было безъ колебанія принято Апраксинымъ» (323). Соображенія автора получаютъ особое значеніе при сравненіи ихъ съ показаніями генерала Веймарна [1]), дѣятельнаго участника въ походѣ Апраксина въ Восточную Пруссію.

Эти установленные г. Масловскимъ новые факты чисто военнаго характера чрезвычайно важны для политической исторіи. Они заставляютъ, прежде всего, переработать весь эпизодъ паденія канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, начавшійся съ суда надъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ. Въ государственномъ архивѣ хранится особая связка: «Допросные пункты и вины канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбке»; этою связкою пользовались г. Семевскій и Соловьевъ, быть можетъ, перелистывали ее и другіе, но всѣ подходили къ ней съ предвзятою цѣлью, видѣли тутъ «дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ» и, по большей части, не находили, чего искали. Теперь многое объясняется: ни въ допросахъ, предложенныхъ Апраксину, тѣмъ менѣе Бестужеву, ни въ документахъ, приложенныхъ къ этому «дѣлу» нѣтъ, и, какъ оказывается, не могло быть

---

[1]) *Weymarn*, 34; *Пекарскій* въ «Воен. Сборн.», III, 339.

осенью, по дорогамъ прошлаго столѣтія, стянуть къ извѣстному пункту наступленія полки, разбросанные отъ Ревеля до Чернигова? 2) переформированіе пѣхоты и регулярной конницы не было окончено; 3) полковая артиллерія не была готова; полевая и осадная были подготовлены, но лошадей совсѣмъ не было даже для полевой артиллеріи; 4) для обезпеченія продовольствія арміи ничего не было подготовлено, и 5) военно-статистическихъ свѣдѣній о Литвѣ, Польшѣ и Пруссіи совсѣмъ не было. Принимая во вниманіе такое положеніе дѣйствующей арміи, при которомъ она никоимъ образомъ не могла «дѣйствовать» въ сентябрѣ 1756 г., необходимо признать, что Апраксинъ не терялъ времени, если спустя девять мѣсяцевъ, 19-го іюня 1757 года, могъ раздаться первый русскій выстрѣлъ въ Семилѣтнюю войну.

Второй важный фактъ изъ исторіи командованія Апраксина арміею заключается въ разъясненіи чисто военныхъ причинъ, обязывавшихъ главнокомандующаго отступить за Нѣманъ, вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды подъ Гроссъ-Эгердорфомъ. Это отступленіе ставили въ связь съ болѣзненнымъ припадкомъ Елизаветы Петровны и обвиняли Апраксина и даже всѣхъ генераловъ не менѣе, какъ въ измѣнѣ [1]. Нелѣпость этой догадки была уже указана Соловьевымъ [2]; но фактическое опроверженіе этого «слуха» только теперь представлено г. Масловскимъ. Слуху этому не довѣряла даже коммиссія, судившая канцлера «Бестужева-Рюмина и фельдмаршала Апраксина» [3]; тѣмъ не менѣе, въ исторической литературѣ это обвиненіе тяготѣетъ надъ Апраксинымъ до настоящаго времени [4], и только доводы г. Масловскаго, какъ надо надѣяться, уничтожатъ его окончательно. Вслѣдствіе

[1] *Raumer*, II, 452; *Семевскій* въ «Воен. Сборн.» V, 21; *Schaefer*, I, 392.

[2] *Соловьевъ*. XXIV, 181; *Arneth*, V, 519.

[3] Государственный Архивъ, VI, № 385, л. 6.

[4] *Петрушевскій*, I, 23, все еще признаетъ, что «отступленіе произошло вслѣдствіе соображеній не военныхъ» и, не извѣстно почему, считаетъ «*главною пружиною* отступленія—наслѣдника престола».

странныхъ пословъ при русскомъ дворѣ, преимущественно же графа Эстергази и маркиза Лопиталя; теперь, послѣ фактическихъ разъясненій г. Масловскаго, точка зрѣнія должна быть существенно измѣнена и на первый планъ должны быть поставлены существенные интересы русской арміи, спасенной военною стойкостью и гражданскимъ мужествомъ Апраксина.

Кромѣ указанныхъ нами общихъ вопросовъ, въ изслѣдованіи г. Масловскаго заключается много фактовъ и указаній, которыми съ благодарностію воспользуется будущій историкъ Семилѣтней войны. Пользованіе «нерегулярной» конницей, значеніе «конференціи», оцѣнка сообщеній «очевидца» и друг., не говоря уже о спеціальныхъ сторонахъ военнаго дѣла, разсмотрѣны г. Масловскимъ весьма обстоятельно, при чемъ онъ сообщаетъ много архивныхъ свѣдѣній, впервые появляющихся въ печати.

Въ первой же главѣ своего изслѣдованія, г. Масловскій, говоря о составѣ арміи, указываетъ, что «Апраксинъ упорно настаивалъ на командированіи въ армію калмыковъ; но, къ сожалѣнію, основываясь не на тѣхъ блестящихъ подвигахъ, которые показали калмыки въ 1736 году, чѣмъ могъ воспользоваться главнокомандующій, а потому, что *званіе оныхъ великое у непріятеля уваженіе имѣетъ*» (51). Оставляя въ сторонѣ «сожалѣніе» автора, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ ссылка Апраксина на «непріятеля» вполнѣ умѣстна и цѣлесообразна. Армія предназначалась для дѣйствія противъ Пруссіи и въ «Политической кореспонденціи Фридриха Великаго» можно встрѣтить много подтвержденій его «уваженія» къ нашей иррегулярной конницѣ. «Я вовсе не опасаюсь русской регулярной арміи, — пишетъ Фридрихъ II своему представителю при Петербургскомъ дворѣ,—но тѣмъ болѣе страшусь казаковъ, татаръ и калмыковъ, способныхъ въ одну недѣлю опустошить и сжечь цѣлую страну» [1]). Свое

[1]) Polit. Corresp., V, 65, 97 и друг.

уваженіе къ русскимъ иррегулярнымъ войскамъ Фридрихъ II высказалъ особенно рѣзко въ своей «Histoire de mon temps»: онъ признаетъ, что «всѣ избѣгаютъ столкновенія съ Россіей, потому что можно все потерять, ограничиваясь даже оборонительною войною, въ случаѣ нападенія русскихъ — у нихъ въ войскѣ много татаръ, калмыковъ и казаковъ, а эти кочевые хищники и зажигатели способны опустошить цвѣтущія провинціи прежде даже, чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ».

Что же это за «нерегулярныя» войска, которыхъ Фридрихъ такъ боялся и Апраксинъ такъ «упорно» просилъ?

Русская иррегулярная конница въ Семилѣтнюю войну состояла изъ «разнородныхъ» казаковъ — донскихъ, чугуевскихъ, слободскихъ; «разнонародныхъ» командъ—калмыковъ, башкировъ, татаръ, мещеряковъ и разныхъ гусаръ — сербскихъ, грузинскихъ, молдавскихъ, венгерскихъ. Чтобы вполнѣ понять «уваженіе» Фридриха II къ этой разнонародной командѣ, довольно привести мѣры, принимавшіяся для препровожденія, напримѣръ, калмыковъ по Россіи: «Для вспоможенія въ смотрѣніи за калмыками, чтобы отъ нихъ россійскимъ жилицамъ и обывателямъ не было раззоренія, командировать четырехъ человѣкъ офицеровъ, а сверхъ того, для предосторожности и смотрѣнія за калмыками въ пути, чтобы въ россійскихъ жилищахъ кражи и воровства отъ нихъ не происходило командировать 600 казаковъ отъ войска онскаго»; на встрѣчу же «выслано быть имѣетъ 200 челоъ драгунъ для лучшаго калмыковъ удержанія отъ воров-, а для «предосторожностей отъ калмыцкой кражи» вепрепровождать калмыковъ «сколь возможно мѣстами къ неблизкими трактами, чтобы отъ ихъ проходу обы- обидъ никакихъ не было» [1]).

ыя же мѣры для препровожденія «разнонародныхъ»

---

[1]) ...тная инструкція коллегіи иностранныхъ дѣлъ маіору Гаку, отъ ... г. помѣщена въ извлеченіи г. *Масловскимъ*, стр. 195 прилож.

командъ по Россіи, до театра войны, принимались и позже. Такъ, напримѣръ, Екатерина II, требуя отъ барона Игельстрома, симбирскаго и уфимскаго генералъ-губернатора, отправки въ Финляндію, на театръ шведской войны, тысячи башкировъ, приказываетъ нарядить для препровожденія ихъ «изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ число неизлишнее для наблюденія порядка и воздержанія ихъ отъ своевольствъ» [1]). Если такія предосторожности оказывались необходимыми у себя дома, какихъ же «продерзостей» и «своевольствъ» долженъ опасаться непріятель отъ калмыковъ, башкиръ и другихъ инородцевъ во вражеской для нихъ странѣ? Эти нерегулярныя войска способны были внушить «уваженіе» не только чужимъ, но и своимъ. Для службы на передовыхъ постахъ, для развѣдокъ, для налетовъ небольшими партіями, вообще «для скоропостижныхъ нападеній», эти нерегулярныя войска были и остаются неоцѣнимыми орудіями военнаго успѣха: по выносливости лошадей, по боевому навыку къ дѣйствію какъ въ конномъ, такъ и пѣшемъ строю, по умѣнью приноравливаться къ данной мѣстности, эта нерегулярная конница была и остается неизмѣримо выше искусственно воспитанной кавалеріи. Но для самостоятельныхъ стратегическихъ операцій, особенно при наступленіи, эти же нерегулярныя войска представляли элементъ, довольно опасный для арміи, при которой они находились: они опустошали, жгли, обезлюдивали тѣ земли, по которымъ проходили, и лишали, такимъ образомъ, армію мѣстныхъ средствъ пропитанія. Но даже и эти неудобства, тѣсно связанныя съ самыми дорогими качествами «разнонародной» команды, становятся, въ извѣстныхъ случаяхъ, важными удобствами. Все зависитъ отъ умѣнья пользоваться этою живою силою. Судя по инструкціи, данной генералу Сибильскому, необходимо признать, что Апраксинъ хорошо

[1]) «Русскій Архивъ», 1886 XI, 368.

понималъ эту силу и давалъ нерегулярнымъ войскамъ вполнѣ цѣлесообразныя задачи: корволанту (corps volant) Сибильскаго предписывалось «скоропостижнымъ нападеніемъ непріятеля во всегдашнемъ безпокойствѣ и опасеніи содержать, на отводные караулы нападать, его мосты, проходы и дороги разорять и отсѣкать магазины, запасы и конвои схватывать, его фуражировки обезпокоивать и опаснымъ чинить и однимъ словомъ повсюду съ крайнѣйшимъ поспѣшеніемъ ѣхать и непріятелю всевозможный убытокъ и ущербъ причинять... напередъ свѣдать, какія мѣры непріятель принимать сталъ бы, въ безпрерывный страхъ приводить и сколько можно раздѣлиться принудить»... при отступленіи непріятеля съ цѣлью уклониться отъ боя, «безпрестанно атаковать, а ему въ этомъ маршѣ сколь возможно обезпокоить и всевозможное препятствіе чинить разбрасываніемъ и сожженіемъ и порченіемъ мостовъ, и до тѣхъ поръ удерживать, пока главная армія успѣетъ къ нему подойти и его побить» [1]). Но помимо этихъ задачъ, указанныхъ главнокомандующимъ, «разнонародная» команда преслѣдовала, конечно, и свои личныя цѣли. Въ этомъ отношеніи сохранилось современное свидѣтельство, важное не само по себѣ, но потому, что оно буквально повторяется въ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненіяхъ.

Принятый въ русскую службу саксонскій генералъ-лейтенантъ Сибильскій послалъ вслѣдъ за отступленіемъ Апраксина письмо императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Я былъ пораженъ, всепресвѣтлѣйшая императрица, когда, вступивъ въ непріятельскую землю, увидѣлъ, какъ она опустошена и выжжена, и былъ свидѣтелемъ другихъ ужасовъ и жестокостей, совершенныхъ казаками, вопреки всѣмъ общепринятымъ правиламъ войны, что заставляло меня тогда же предвидѣть недостатокъ продовольствія для арміи вашего императорскаго величества».

---

[1]) Инструкція приведена въ извлеченіи г. *Масловскимъ*, стр. 226.

Это извѣстіе не подлежитъ сомнѣнію: оно подтверждается свѣдѣніями, почерпаемыми изъ другихъ источниковъ; но оно пріобрѣтаетъ еще большее значеніе потому, что было обнародовано въ 1758 же году, въ Данцигѣ, на двухъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ [1]), и до послѣдняго времени почти дословно повторяется новѣйшими писателями [2]).

Не одинъ Сибильскій былъ пораженъ «продерзостями» иррегулярнаго русскаго войска. Въ Пруссіи появилось въ то время много брошюръ, ярко рисующихъ ужасъ мѣстнаго населенія при одномъ имени казаковъ и калмыковъ. Приведемъ, для примѣра только, нѣсколько строкъ изъ брошюры, касающейся апраксинскаго именно похода и составленной, дѣйствительно, ohne rednerische Schminke, какъ заявляетъ авторъ:

«Внѣшній видъ казаковъ страшенъ и гадокъ. Они всѣ верхами, но лошади ихъ маленькія, жидкія. Въ рукахъ у нихъ нагайки — страшное оружіе, которымъ они истязаютъ людей и животныхъ; ударомъ нагайки они вырываютъ куски мяса у людей, тѣло которыхъ не защищено одеждой... Отвратительные калмыки очень походятъ на казаковъ. Только лицомъ отличаются они отъ всѣхъ людей: у нихъ маленькіе глаза, какъ у кошекъ; работая нагайкой или дротикомъ, они скалятъ зубы, какъ собаки... Что калмыки ѣдятъ людей, это вовсе не сказки. Не говоря уже о томъ, какъ многіе родители лишились своихъ дѣтей во время опустошенія страны этими злодѣями, въ одномъ потерянномъ калмыцкомъ плащѣ была найдена половина дѣтскаго туловища... Русскіе офицеры говорятъ, что они сами употребляютъ калмыковъ только для авангардной службы, освѣщенія пути для арміи и распространенія страха и ужаса. А одинъ русскій офицеръ прямо

---

[1]) Copie d'une lettre du général Sibilsky à Sa Majesté l'Impératrice de Russie à Varsovie ce 14 novembre 1757. Copie eines Schreibens des Generals Sibilsky an I. K. Majestät von Russland d. d. Warchau, den 14 Nov. 1757. Danzig. 1758.

[2]) Die rohen Barbaren sengten und brannten zum grössten Schaden der eigenen Armee, deren Substanzmittel sie zerstörten. *Schaefer*, I, 391.

высказался такъ: «Да, это очевидный знакъ гнѣва Божія, если Господь попустилъ, что эти люди наводнили вашу землю». Генералъ Ферморъ сознавался, что Господь Богъ не давалъ ему успѣха въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пользовался услугами этихъ чертей. Ихъ, дѣйствительно, никогда не употребляютъ въ правильныхъ бояхъ» [1]).

Фридрихъ II, знавшій цѣну этимъ «чертямъ», очень желалъ пользоваться ихъ услугами. Въ 1744 году, передъ второю Силезскою войной съ Маріею-Терезіею, онъ поручилъ своему представителю при Петербургскомъ дворѣ, Мардефельду, хлопотать предъ Елизаветой Петровной о присылкѣ къ нему русскихъ иррегулярныхъ войскъ. Въ письмѣ отъ 29-го февраля того года онъ пишетъ своему петербургскому посланнику: «Я желаю знать, предоставитъ-ли мнѣ императрица отрядъ въ 15 или 20.000 человѣкъ ея легкихъ войскъ, то-есть, татаръ, казаковъ и калмыковъ, которыми я могъ бы воспользоваться въ войнѣ съ венгерскою королевою» [2]).

Кажется, одного этого факта достаточно, чтобы получить правильный взглядъ на всѣ сѣтованія пруссаковъ относительно продерзостей и своевольствъ нашихъ иррегулярныхъ войскъ. Какимъ же образомъ пруссаки обвиняли русское правительство въ томъ, что оно пользуется имѣющимися у него средствами, и называли эти средства «негуманными», если прусскій же король одобрялъ и эти средства и пользованіе ими? У Фридриха Великаго не было «разнонародной» команды, а въ какихъ ужасахъ обвиняли пруссаковъ въ Саксоніи! Для довершенія же картины мы должны прибавить,

---

[1]) Besondere Merkwürdigkeiten und Anekdoten von der Gegenwart der russisch-kaiserlichen Armee. Salwedel, 1758, S. 6, 9, 10.

[2]) Je veux savoir si après mon alliance avec l'Impératrice je pourrais espérer que l'Impératrice, à ma réquisition, me fournit un corps de 15 ou de 20.000 ommes de ses troupes légères, c'est-à-dire de Tartares, de Cosaques et de ouks pour m'en servir etc. «Polit. Corresp.», III, 47. По этому вопросу цѣлая переписка, чтобъ получить «quelques milliers de Kalmouks». Ibid., 88, 118, 145 и др.

что упомянутый нами выше очевидецъ, потерпѣвшій отъ «ужасовъ», совершенныхъ русскими иррегулярными войсками во время похода Апраксина въ восточную Пруссію, признаетъ, однако, что «казаки и калмыки подчинялись весьма *строгой дисциплинѣ*» [1]). Подобными свидѣтельствами мы считаемъ вопросъ о пользованіи «нерегулярною» конницей вполнѣ исчерпаннымъ. Война есть война, и ничего болѣе; менѣе всего къ ней можетъ быть примѣнима «нѣжность сентиментовъ», которая такъ много повредила Елизаветѣ Петровнѣ. Почему «шуваловскія гаубицы» предпочитать «продерзостямъ» калмыковъ? Когда и гдѣ была такая война, въ которой враги не обвиняли бы другъ друга въ совершеніи всевозможныхъ ужасовъ?

Таковъ первоначально былъ взглядъ и конференціи того времени. Въ засѣданіи 4-го апрѣля 1756 года было рѣшено нарядить «изъ донскихъ казаковъ четырехтысячную команду, четыре тысячи слободскихъ казаковъ, четыре тысячи волскихъ калмыкъ, двѣ тысячи конныхъ мещеряковъ и башкирцевъ и тысячу казанскихъ татаръ» [2]). Вслѣдствіе различныхъ причинъ, этотъ нарядъ былъ измѣненъ и въ дѣйствующую армію инородцы вошли въ значительно меньшемъ составѣ, но все еще, по словамъ г. Масловскаго, излишнемъ: «При совершенной неподготовкѣ къ дѣйствію «разнонародныхъ» командъ, кромѣ калмыковъ, и слабости слободскихъ казаковъ, можно считать, что изъ числа нерегулярныхъ войскъ арміи Апраксина 5.000 человѣкъ и, главное, 10.000 коней были совершенно лишніе, требуя лишь дорогого довольствія; если къ этому добавимъ до 8.000 кирасиръ, конно-гренадеръ и драгунъ, служившихъ въ пѣшемъ строю, то всего 18.000 лошадей безъ малѣйшаго ущерба дѣлу могли бы быть отправлены изъ арміи» (54). Предоставляемъ спеціали-

---

[1]) Kosaken und Kalmouken hielten sehr strenge Mannszucht. Merkwürdigkeiten u. s. w. S. 8.

[2]) Архивъ князя Воронцова, III, 398.

стамъ оцѣнить такое общее заключеніе автора: въ вопросахъ подобнаго рода мы совершенно не компетентны.

Изъ вопросовъ не спеціально военныхъ, полнѣе всего разработано г. Масловскимъ значеніе конференціи [1]), образованной предъ началомъ Семилѣтней войны для объединенія интересовъ «политики и войны». Хотя относительно значенія этой конференціи въ нашей исторической литературѣ нѣтъ, сколько намъ извѣстно, двухъ мнѣній, тѣмъ не менѣе сдѣланный г. Масловскимъ подборъ фактовъ въ доказательство негодности подобныхъ учрежденій необходимо признать чрезвычайно поучительнымъ для выясненія сложнаго вопроса о взаимодѣйствіи политики и войны. Отрицать это взаимодѣйствіе нельзя; это значило бы признать такое, немыслимое уже для насъ явленіе, какъ война для войны. Война является послѣдствіемъ политики въ обширномъ смыслѣ и въ конечномъ результатѣ имѣетъ въ виду ея же интересы; война—служебный элементъ политики, ея ratio ultima. Но война не есть политика; разграничить сферу дѣйствія и вліянія этихъ двухъ явленій иногда довольно трудно, но всегда крайне необходимо. Даже послѣднія, пережитыя нами двѣ большія войны—прусско-французская 1870 года и русско-турецкая 1876 года—показали, какъ трудно и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо подобное разграниченіе [2]). При Елизаветѣ Петровнѣ, напротивъ, старались слить, объединить вопросы «политики и войны». Къ чести Россіи должно сказать, что не ей принадлежитъ изобрѣтеніе подобнаго учрежденія: эта честь всецѣло принадлежитъ Австріи, родинѣ пресловутаго гофкригсрата; на [illegible] Австріи, что даже честь Елизаветинской конференціи, [illegible]жденной несомнѣнно по мысли канцлера Бестужева-[illegible], оспаривалась австрійскимъ посломъ при русскомъ [illegible] графомъ Эстергази.

---

[1]) [illegible] интересны стр. 243—265 приложенія.

[2]) [illegible] письмо графа Тотлебена изъ Тученицы, отъ 15-го [illegible] «Русской Старинѣ», 1886, XI, 454.

Во всеподданнѣйшихъ докладахъ Бестужева-Рюмина Елизаветѣ Петровнѣ исторія учрежденія конференціи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

«Канцлеръ пріемлетъ смѣлость ея императорскому величеству представить, что высочайшая служба и польза государства необходимо требуютъ управленіе дѣла о конвенціи съ Англіею и всего къ нему принадлежащаго подъ своимъ монаршимъ руководствомъ поручить такой *коммиссіи*, которая бы изъ такихъ и столькихъ людей составлена была, какихъ ея императорское величество сама избрать изволитъ, и которые бы наиболѣе ея высочайшую довѣренность къ себѣ имѣли, и имѣя свое собраніе и засѣданіе при дворѣ, могли тотчасъ на все получить монаршія ея императорскаго величества резолюціи и повелѣнія, и потому съ потребною скоростью и силою управлять и двигать такую великую махину, какова есть отправленіе корпуса 55.000 человѣкъ моремъ и сухимъ путемъ, удовольствительное тамо содержаніе, предпріемлемыя имъ операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей. Напротивъ того, безъ подобной коммиссіи ежели командующій генералъ будетъ вдругъ получать указы изъ сената, военной и иностранной коллегіи, и адмиралтейская коллегія въ тожъ время галерами распоряжать будетъ, а напротивъ того сіи мѣста между собою, вмѣсто согласнаго вспоможенія, будутъ только письменно переспариваться и, оттягивая время, вину одинъ на другого сваливать, то можно напередъ себѣ вообразить, коль печально будетъ тогда состояніе сего командующаго генерала... Ничего къ сему способнѣе быть не можетъ, какъ когда бъ ея императорское величество, избравъ наидостойнѣйшихъ монаршей своей довѣренности персонъ, учредила изъ нихъ при своемъ дворѣ *тайный военный совѣтъ*, не только для нынѣшняго времени, но и навсегда. Весьма много важности прибавится, ежели бъ притомъ еще угодно было повелѣть, чтобъ сей тайный военный совѣтъ началъ исправленіе своей должности приведеніемъ

стамъ оцѣнить такое общее заключеніе автора: въ вопросахъ подобнаго рода мы совершенно не компетентны.

Изъ вопросовъ не спеціально военныхъ, полнѣе всего разработано г. Масловскимъ значеніе конференціи [1]), образованной предъ началомъ Семилѣтней войны для объединенія интересовъ «политики и войны». Хотя относительно значенія этой конференціи въ нашей исторической литературѣ нѣтъ, сколько намъ извѣстно, двухъ мнѣній, тѣмъ не менѣе сдѣланный г. Масловскимъ подборъ фактовъ въ доказательство негодности подобныхъ учрежденій необходимо признать чрезвычайно поучительнымъ для выясненія сложнаго вопроса о взаимодѣйствіи политики и войны. Отрицать это взаимодѣйствіе нельзя; это значило бы признать такое, немыслимое уже для насъ явленіе, какъ война для войны. Война является послѣдствіемъ политики въ обширномъ смыслѣ и въ конечномъ результатѣ имѣетъ въ виду ея же интересы; война—служебный элементъ политики, ея ratio ultima. Но война не есть политика; разграничить сферу дѣйствія и вліянія этихъ двухъ явленій иногда довольно трудно, но всегда крайне необходимо. Даже послѣднія, пережитыя нами двѣ большія войны—прусско-французская 1870 года и русско-турецкая 1876 года—показали, какъ трудно и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо подобное разграниченіе [2]). При Елизаветѣ Петровнѣ, напротивъ, старались слить, объединить вопросы «политики и войны». Къ чести Россіи должно сказать, что не ей принадлежитъ изобрѣтеніе подобнаго учрежденія: эта честь всецѣло принадлежитъ Австріи, родинѣ пресловутаго гофкригсрата; на столько Австріи, что даже честь Елизаветинской конференціи, учрежденной несомнѣнно по мысли канцлера Бестужева-Рюмина, оспаривалась австрійскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, графомъ Эстергази.

[1]) Особенно интересны стр. 243—265 приложенія.

[2]) См. любопытное письмо графа Тотлебена изъ Тученицы, отъ 15-го *октября 1877 г.* въ «Русской Старинѣ», 1886, XI, 454.

ибо и совѣтовъ держать не умѣю, атаковать также, даже и квартиры себѣ выбрать не умѣю и не знаю, за что бы я не получалъ выговору. У насъ надобенъ командиръ чужестранный—тотъ будетъ смѣлѣе, а русскому трудно что на себя взять» [1]. Наконецъ, графъ Бутурлинъ, благодаря Шувалова за заступничество, прибавляетъ: «По милости конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мѣръ моихъ, а нынѣ живаго въ гробъ вселяютъ и поютъ: святый Боже!» [2]. Напрасно Апраксинъ доказывалъ конференціи, что «при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войскъ припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны»,—конференція, вовсе не знакомая съ стратегическою обстановкою, продолжала предписывать арміи невыполнимыя задачи, указывать ей каждый шагъ, дѣлая за все отвѣтственнымъ, конечно, не себя, а главнокомандующаго. Нерѣдко предписанія конференціи были составлены въ такихъ выраженіяхъ, что самое чтеніе ихъ вело только къ потерѣ времени. Разбирая подробно знаменитую инструкцію 5-го октября 1756 года, данную Апраксину, г. Масловскій справедливо говоритъ, что, по этой инструкціи, «русской арміи слѣдовало въ одно и то же время и идти, и стоять на мѣстѣ, и брать крѣпости, и не отдаляться отъ границы» (стр. 165). Елизаветинская конференція, просуществовавъ все время Семилѣтней войны, такъ и не догадалась, что военныя операціи находятся въ зависимости отъ стратегической обстановки, талантливости военачальника, свойства арміи, топографіи театра войны, и до конца думала изъ кабинета руководить войсками. Суворовъ, натерпѣвшійся

---

[1] Сборникъ, IX, 495. [2] Ibid., 509.

генерально всѣхъ здѣшнихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ такую готовность и состояніе, чтобы тотчасъ же въ движеніе прійти и каждый полкъ въ 24 часа въ походъ выступить могъ. Понеже теперь должность и упражненіе подобнаго тайнаго военнаго совѣта почти генерально всю политическую систему въ себѣ заключать имѣютъ, то кого бы ея императорское величество и сколько членами онаго назначить не соизволила, канцлеру и вице-канцлеру въ томъ числѣ быть нужно» [1]).

Изъ «коммиссіи» и «тайнаго военнаго совѣта» народилась конференція, во всемъ согласно съ предложеніемъ Бестужева-Рюмина. Между тѣмъ, по его же собственному свидѣтельству, «посолъ графъ Эстергази открылся дацкому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему, что онъ посолъ своимъ кредитомъ и представленіями то здѣлалъ, что соизволила ея імператорское величество учредить при дворе своемъ конференцію, дабы канцлеръ неімѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде» [2]).

Одному Богу только извѣстно, что вынесли всѣ наши главнокомандующіе отъ этой нелѣпой конференціи. Уже Апраксинъ жаловался на «огорченіе, которое отъ нѣкоторыхъ въ присылаемыхъ рескриптахъ предписаній чувствовалъ» и справедливо негодовалъ на интриги въ конференціи, вслѣдствіе которыхъ «не всѣ реляціи для докладу къ ея величеству въ оригиналахъ представляются, но что только за угодное покажется, или не такъ перетолковываютъ» [3]). Графъ же Салтыковъ, побѣдитель при Палцигѣ и Куннерсдорфѣ, приходилъ просто въ отчааніе: «Изъ высокоучрежденной конференціи столько выговоровъ и нареканій, почему я, видя себя не только такою великою арміею командовать, но ни ротою,

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 84; *Соловьевъ*, XXIV, 26.
[2]) Государств. архивъ, VI, 385, л. 5-й. [3]) Сборникъ, IX, 460.

ибо и совѣтовъ держать не умѣю, атаковать также, даже и квартиры себѣ выбрать не умѣю и не знаю, за что бы я не получалъ выговору. У насъ надобенъ командиръ чужестранный—тотъ будетъ смѣлѣе, а русскому трудно что на себя взять» [1]). Наконецъ, графъ Бутурлинъ, благодаря Шувалова за заступничество, прибавляетъ: «По милости конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мѣръ моихъ, а нынѣ живаго въ гробъ вселяютъ и поютъ: святый Боже!» [2]). Напрасно Апраксинъ доказывалъ конференціи, что «при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войскъ припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны»,—конференція, вовсе не знакомая съ стратегическою обстановкою, продолжала предписывать арміи невыполнимыя задачи, указывать ей каждый шагъ, дѣлая за все отвѣтственнымъ, конечно, не себя, а главнокомандующаго. Нерѣдко предписанія конференціи были составлены въ такихъ выраженіяхъ, что самое чтеніе ихъ вело только къ потерѣ времени. Разбирая подробно знаменитую инструкцію 5-го октября 1756 года, данную Апраксину, г. Масловскій справедливо говоритъ, что, по этой инструкціи, «русской арміи слѣдовало въ одно и то же время и идти, и стоять на мѣстѣ, и брать крѣпости, и не отдаляться отъ границы» (стр. 165). Елизаветинская конференція, просуществовавъ все время Семилѣтней войны, такъ и не догадалась, что военныя операціи находятся въ зависимости отъ стратегической обстановки, талантливости военачальника, свойства арміи, топографіи театра войны, и до конца думала изъ кабинета руководить войсками. Суворовъ, натерпѣвшійся

---

[1]) Сборникъ, IX, 495. [2]) Ibid., 509.

ніе документа, послѣ чего уже онъ становится достояніемъ исторической науки, ея матеріаломъ, которымъ историкъ пользуется и для дальнѣйшихъ цѣлей—для раскрытія политическихъ комбинацій, для узнанія руководящей идеи, для полноты художественнаго представленія. Заслуга г. Масловскаго, и заслуга громадная, заключается именно въ томъ, что онъ рѣшился посвятить свою жизнь на разборъ и обнародованіе подобныхъ «драгоцѣнныхъ памятниковъ» по исторіи Семилѣтней войны. Знакомые съ русскою историческою литературой должны признать, что г. Масловскому приходится возсоздавать, воскрешать событія по «источникамъ», при чемъ въ нашей литературѣ нѣтъ почти ни одного «пособія», которымъ онъ могъ бы воспользоваться. Весь его «критическій разборъ» посвященъ исключительно опроверженію взглядовъ и выводовъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Онъ отмѣчаетъ ошибки г. Семевскаго, Соловьева, Ласковскаго, Глиноецкаго и др.,—ошибки, иногда довольно грубыя, но всегда понятныя и коренящіяся въ самомъ существѣ историческихъ трудовъ.

Историческія знанія расширяются, казалось бы, съ каждымъ новодобытымъ источникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ значительнѣе успѣхи изслѣдованія, тѣмъ болѣе число тѣхъ фактовъ и представленій, которые наука отбрасываетъ, какъ ложные результаты прежняго полузнанія. Что изслѣдователь строитъ сегодня на развалинахъ, оставшихся отъ вчерашнихъ взглядовъ, то завтра же можетъ разрушить новый изслѣдователь новыми, найденными имъ «остатками прошлаго». Это особенно вѣрно относительно русской исторіи, которая еще во многомъ не разработана и для которой собирается только матеріалъ. Во всей русской исторіи нѣтъ ти ни одного періода, въ сужденіи о которомъ взрослый вѣкъ могъ бы положиться на воспоминанія, вынесенныя со школьной скамьи. Соловьевъ представляетъ апраксоходъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ представ-

лялъ его г. Семевскій; г. Масловскій отвергаетъ взгляды и г. Семевскаго, и Соловьева, создавая новое представленіе о Семилѣтней войнѣ, которое, въ свою очередь, можетъ быть измѣнено, дополнено или исправлено на основаніи тѣхъ источниковъ, которыхъ не имѣлъ г. Масловскій или которыми воспользовался не въ должной мѣрѣ. Но и въ этомъ частномъ случаѣ прочные успѣхи историческаго знанія зависятъ столько же отъ новыхъ «архивныхъ документовъ» сколько и отъ твердо установившихся пріемовъ изслѣдованія. Самъ же г. Масловскій долженъ былъ отличить эти пріемы въ трудахъ своихъ предшественниковъ и указать на разницу пріемовъ изслѣдованія въ сочиненіяхъ Пекарскаго, Семевскаго, Соловьева и др. Примѣненіе правильнаго метода при историческомъ изслѣдованіи приводитъ къ выводамъ на столько вѣрнымъ, что вновь открываемые «архивные источники» служатъ только подтвержденіемъ полученныхъ уже результатовъ изслѣдованія. Въ этомъ именно смыслѣ исторія и признается наукою. Уступая даже автору, предполагая, вмѣстѣ съ нимъ, что «военная исторія имѣетъ рядъ *своихъ* пріемовъ», необходимо признать, что и «общеполитическая» исторія имѣетъ свои пріемы, и еслибъ г. Масловскій имѣлъ въ виду эти «невоенные» пріемы, онъ представилъ бы иную оцѣнку сообщеній «очевидца».

Изъ сообщеній двухъ «очевидцевъ», г. Масловскій подробно останавливается на запискахъ Болотова и почти ничего не говоритъ о письмѣ «вояжира изъ Риги». Почему? Записки Болотова обнимаютъ почти все XVIII столѣтіе, а письмо вояжира—исключительно апраксинскій походъ; авторъ записокъ старался «не пропускать ни единаго происшествія, до котораго достигала только его память, и не смотрѣлъ, хотя бы иныя изъ нихъ были самыя маловажныя», авторъ письма имѣлъ въ виду исключительно «состояніе россійской арміи и свойствъ командировъ оной»; Болотовъ былъ офицеромъ malgré lui Архангелогородскаго полка, тяготившимся

ніе документа, послѣ чего уже онъ становится достояніемъ исторической науки, ея матеріаломъ, которымъ историкъ пользуется и для дальнѣйшихъ цѣлей—для раскрытія политическихъ комбинацій, для узнанія руководящей идеи, для полноты художественнаго представленія. Заслуга г. Масловскаго, и заслуга громадная, заключается именно въ томъ, что онъ рѣшился посвятить свою жизнь на разборъ и обнародованіе подобныхъ «драгоцѣнныхъ памятниковъ» по исторіи Семилѣтней войны. Знакомые съ русскою историческою литературой должны признать, что г. Масловскому приходится возсоздавать, воскрешать событія по «источникамъ», при чемъ въ нашей литературѣ нѣтъ почти ни одного «пособія», которымъ онъ могъ бы воспользоваться. Весь его «критическій разборъ» посвященъ исключительно опроверженію взглядовъ и выводовъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Онъ отмѣчаетъ ошибки г. Семевскаго, Соловьева, Ласковскаго, Глиноецкаго и др.,—ошибки, иногда довольно грубыя, но всегда понятныя и коренящіяся въ самомъ существѣ историческихъ трудовъ.

Историческія знанія расширяются, казалось бы, съ каждымъ новодобытымъ источникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ значительнѣе успѣхи изслѣдованія, тѣмъ болѣе число тѣхъ фактовъ и представленій, которые наука отбрасываетъ, какъ ложные результаты прежняго полузнанія. Что изслѣдователь строитъ сегодня на развалинахъ, оставшихся отъ вчерашнихъ взглядовъ, то завтра же можетъ разрушить новый изслѣдователь новыми, найденными имъ «остатками прошлаго». Это особенно вѣрно относительно русской исторіи, которая еще во многомъ не разработана и для которой собирается только матеріалъ. Во всей русской исторіи нѣтъ почти ни одного періода, въ сужденіи о которомъ взрослый человѣкъ могъ бы положиться на воспоминанія, вынесенныя имъ со школьной скамьи. Соловьевъ представляетъ апраксинскій походъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ представ-

Русскій резидентъ въ Регенсбургѣ, И. М. Симолинъ, прислалъ вице-канцлеру графу М. Л. Воронцову письмо, отъ 1-го августа 1758 года, начинавшееся слѣдующими словами: «Понеже секретарь бранденбургскаго министра разослалъ по домамъ приложенную при семъ піесу подъ титломъ: *Письмо вояжира изъ Риги о состояніи россійской арміи и генералитета,* то я принялъ смѣлость послать при семъ къ вашему сіятельству экземпляръ онаго». Вице-канцлеръ, не понимавшій по-нѣмецки, приказалъ перевести письмо на русскій языкъ и, прочитавъ переводъ, сдѣлалъ на немъ слѣдующую полицейскую помѣтку: «Сочинитель сего письма былъ явнымъ спіономъ при нашей арміи, которой чаятельно откуда-нибудь съ хорошими рекомендаціями присланъ былъ, что подозрѣнія на него не имѣли. Впрочемъ, все сіе письмо наполнено злостнымъ ругательствомъ и поношеніемъ арміи и генералитета». Сознавая, однако, что въ письмѣ не только «явные лжи находятся», но есть и доля правды, графъ Воронцовъ послалъ переводъ къ главнокомандующему, графу Фермору, при чемъ совѣтовалъ ему, въ письмѣ отъ 22-го сентября 1758 года: «Главнѣйше разсмотрѣть, не показалъ-ли вояжиръ изъ Риги между многими лжами дѣйствительно какого порока или недостатка въ воинскихъ нашихъ обрядахъ и тогда, кажется, беззазорно можно тѣмъ пользоваться. Я не могу вашему сія-

---

видно, что Ламбертъ былъ уже въ Петербургѣ и сообщилъ прусскому королю кое-какія свѣдѣнія; теперь Фридрихъ II хотѣлъ опять послать его шпіономъ въ Россію и, для большихъ удобствъ, съ паспортомъ курьера англійскаго посольства; но Митчель отказался отъ выдачи подобнаго паспорта, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «такая варварская нація» (une nation barbare), какъ Россія, способна будетъ на всякія крайности изъ-за подобнаго нарушенія международнаго права». Ламберту былъ выданъ паспортъ простого «вояжира» и онъ отправился въ концѣ августа 1756 года въ Ригу, «um sich nach allen militärischen Arrangements zu erkundigen», для чего долженъ былъ «eine Zeit allda aufhalten (Pol. Corr., XIII, 141, 160, 170, 197, 254). Эта догадка о Ламбертѣ подтверждается помѣтой на «Письмѣ вояжира изъ Риги»— 6-го ноября 1756 г., и тѣмъ обстоятельствомъ, что печатное письмо это было распространяемо именно бранденбургскимъ резидентомъ въ Регенсбургѣ.

тельству скрыть, что всѣ почти генерально находятъ вели-
кими пороками множество обозовъ въ нашей арміи, также и
то, что мы нерегулярныхъ своихъ войскъ съ пользою упо-
треблять не умѣемъ. Я дружески совѣтую вашему сіятел
ству, буде нынѣшнее время и обстоятельства васъ къ том
допустить могутъ, сообща съ господами генералами, прилежн
изслѣдовать и разсмотрѣть, въ чемъ неисправности наши
какія полезныя учрежденія и оряды въ непріятельской арміи,
которыя бы въ войскѣ въ самомъ дѣлѣ приняты быть могли
которыми, безъ потерянія времени, надлежитъ пользоваться»[1])

Очевидно, письмо произвело впечатлѣніе, и хотя порицалось, съ русской точки зрѣнія[2]), но заставило обратить вниманіе на нѣкоторыя замѣчанія «вояжира», справедливость которыхъ била въ глаза. Намъ кажется, что въ виду одного этого впечатлѣнія, не говоря уже о томъ, что письмо до послѣдняго времени служитъ однимъ изъ первыхъ источниковъ для иностранныхъ писателей, къ нему слѣдовало отнестись внимательно и подвергнуть его серьезной критикѣ. Между тѣмъ, г. Масловскій ограничивается приведеніемъ изъ письма графа Воронцова къ графу Фермору двухъ фразъ: письмо «въ достойномъ презираніи оставить должно», потому что

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, VI, 775, 776, 353, 354.

[2]) Первое порицаніе принадлежитъ нашему регенсбургскому резиденту, ...ченномъ письмѣ къ гр. Воронцову: «Сіе письмо заслуживаетъ ...тельства и содержитъ въ себѣ только порицанія и ложныя ...тѣмъ уничтожить доброту нашихъ войскъ и достоинство ...рыхъ дерзновеннымъ образомъ несходственныя съ правдою ...; искусство ложное сего автора предъявленіе довольно ... привести его въ стыдъ и конфузію; онъ не разсудилъ, ...стіе для войскъ короля Прусскаго происходитъ; и есть-ли ...вляетъ основательно, то нималой въ томъ славы нѣтъ, ... худое войско. Но пруссаки, будучи въ ордерѣ баталіи, ...а и при всѣхъ ошибкахъ уступать принуждены, изъ чего ...образомъ заключать должна, что оныя еще хуже того ...ость и поступки они уничижать стараются». Архивъ ... 775.

«прежнія дѣла и настоящія противное тому доказали и доказуютъ». Г. Масловскій ссылается при этомъ на «главный архивъ иностранныхъ дѣлъ (прусскія дѣла; связка 2-я»); но письмо это давно напечатано въ «Архивѣ князя Воронцова» и произвело на опытнаго издателя «Архива», П. И. Бартенева, совершенно иное впечатлѣніе: «очевидно, что самъ вице-канцлеръ сознавалъ, что въ отзывѣ иноземца о нашей арміи была доля правды» [1]). Но въ томъ и другомъ случаѣ, кажется, можно усомниться, на столько-ли компетентный судья въ военныхъ вопросахъ графъ М. Л. Воронцовъ, чтобы его мнѣніе могло имѣть рѣшающее значеніе для нашего времени?

Издатель «Жизни и приключеній А. Болотова, описанныхъ самимъ имъ для своихъ потомковъ», желая, въ нѣсколькихъ словахъ, охарактеризовать Болотова и его записки, такъ отозвался о нихъ въ небольшомъ предисловіи къ своему изданію: «Лучшія стороны разсказа Болотова составляютъ необыкновенная искренность автора, любовь къ правдѣ и къ дорогому отечеству. Болотовъ есть полный представитель *лучшихъ* русскихъ людей прошлаго столѣтія. Большія природныя дарованія онъ развилъ упорнымъ изученіемъ наукъ и литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной, въ особенности нѣмецкой. Независимо отъ этого, это былъ человѣкъ прекраснѣйшихъ душевныхъ качествъ: въ запискахъ его какъ въ зеркалѣ отражается его чистое, прекрасное сердце. Отсюда эта теплота разсказа, эта справедливость, этотъ добродушный юморъ». Пекарскій, Соловьевъ, Ѳеоктистовъ, Бартеневъ и др. пользовались «Записками» Болотова и, когда признавали возможнымъ, подтверждали свои взгляды его доводами и сообщали факты его словами. Ни издатель записокъ Болотова, ни историки, пользовавшіеся ими, не подвергали критической оцѣнкѣ этихъ записокъ. Эту трудную задачу

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, VI, 354.

взялъ на себя г. Масловскій. Разобравъ записки Болотова съ точки зрѣнія «военно-исторической» критики, онъ пришелъ къ слѣдующему выводу:

«Болотовъ не обладалъ ни элементарными знаніями военнаго дѣла, ни боевыми опытами, что̀ давало бы ему право критически отнестись къ распоряженіямъ главнокомандующихъ. Болотовъ, какъ русскій солдатъ, не имѣлъ нравственныхъ принциповъ, и если онъ этимъ рисуется для того, чтобы убѣдить въ правдивости всего сказаннаго про другихъ и для увлекательности разсказа, то не думаю, чтобы цѣль его была достигнута. Серьезнаго писателя, позволяемъ себѣ думать, Болотовъ этою личиною не подкупитъ. При обстоятельномъ же изученіи дѣла, искусственность разсказа, несоотвѣтственность съ другими данными, непослѣдовательность, время описанія фактовъ (черезъ 30 лѣтъ спустя послѣ участія) — все это скорѣе выдаетъ автора, свидѣтельствуя о его способности «для краснаго словца» превращать событія изъ «мухи въ слона», даже не жалѣя себя. Эта послѣдняя особенность въ пріемахъ описанія очевидца—стремленіе увлечь читателя фразерствомъ и описаніями разныхъ «зрѣлищъ»—и есть самое опасное оружіе для обезображенія военно-историческихъ фактовъ (стр. 48).

«Въ чемъ же вся сила записокъ Болотова? Талантливый авторъ записокъ, внѣ всякаго сомнѣнія, обладалъ даромъ слога, замѣчательнымъ для своего времени. Въ этомъ случаѣ ему могъ бы позавидовать (относительно) любой изъ авторовъ историческихъ повѣстей, романовъ и. подобные Болотову, гг. корреспонденты-очевидцы XIX столѣтія, правдивость которыхъ [illegible] хорошо извѣстна. А. Т. Болотовъ, на нашъ взглядъ, [illegible]тся первымъ типомъ подобныхъ корреспондентовъ [illegible]ной въ своихъ «письмахъ», яко бы съ театра [illegible]ность, лишь бы она вышла поэффектнѣе. [illegible] разсказа несомнѣнно и повліяла на популяр[illegible]мыхъ записокъ очевидца» (стр. 49).

Эти «корреспонденты-очевидцы XIX столѣтія» могли бы смутить серьезныхъ читателей; но упоминаемые тутъ же «авторы историческихъ романовъ и повѣстей» устраняютъ всякое сомнѣніе относительно смысла рѣчи. Мы, напримѣръ, имѣвшіе возможность видѣть «корреспондентовъ-очевидцевъ» не только русскихъ, но англійскихъ и нѣмецкихъ, въ томъ числѣ офицеровъ генеральнаго штаба, склонны были бы видѣть въ приведенномъ сравненіи не порицаніе, а похвалу. Но, не обращая вниманія на форму выраженій, справедливъ-ли такой отзывъ о Болотовѣ и его запискахъ? Встрѣчая въ запискахъ Болотова неточное описаніе, положимъ, боя, г. Масловскій ставитъ эту неточность въ вину Болотову. Справедливо-ли это?

Передавалъ-ли когда-нибудь «очевидецъ» абсолютно вѣрную картину видѣннаго имъ событія? Безъ сомнѣнія, отдѣльную замѣтку, небольшое извѣщеніе, содержаніе котораго исчерпывается однимъ чувственнымъ воспріятіемъ, можетъ быть передано безъ значительнаго отклоненія отъ истины. Но не то бываетъ, когда дѣло идетъ о связи многихъ подробностей, о передачѣ событія, болѣе или менѣе сложнаго. Не только историческій, но и психологическій опытъ ясно показываетъ, что самый незначительный и наиболѣе очевидный предметъ никогда еще не былъ описанъ двумя очевидцами совершенно одинаково; даже одинъ и тотъ же очевидецъ, описывая нѣсколько разъ одинъ и тотъ же фактъ, варіируетъ его при всякомъ повтореніи. Нагляднѣе всего это сказывается на судебныхъ процессахъ: свидѣтели одного и того же факта, вызванные одною изъ сторонъ, совершенно розно передаютъ видѣнный ими фактъ; одинъ и тотъ же свидѣтель розно описываетъ одинъ и тотъ же фактъ на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи. Винить-ли ихъ за это? Ни мало: причина этой неточности, тайна подобнаго разнорѣчія кроется не въ недобросовѣстности свидѣтеля, а въ томъ чисто физіологическомъ фактѣ, что всякое объективное событіе, про-

ходя чрезъ пониманіе и представленіе человѣческаго духа, терпитъ болѣе или менѣе важныя измѣненія отъ самой сущности человѣческой природы. Если сравнить мемуары Фридриха II или, еще ближе, его «Histoire de la guerre de sept ans» съ его же письмами, депешами, приказами, тотчасъ замѣчается масса измѣненій, неточностей, отступленій. Причина ясна: приказы, отдаваемые полководцемъ на полѣ битвы, не разсказываютъ о событіи—они сами частица этого событія; въ мемуарахъ же встрѣчается, конечно, иногда и сознательная ложь, но гораздо чаще проявляется безсознательное искаженіе связи фактовъ, ослабленіе памяти, измѣненіе собственнаго мнѣнія, и безусловно всегда — измѣненіе точки зрѣнія, взгляда. Въ запискахъ и мемуарахъ заключаются не самые событія, факты, предметы, а лишь впечатлѣнія, которыя эти событія, факты, предметы произвели на автора записокъ; притомъ необходимо помнить, что описаніе этихъ впечатлѣній никогда не соотвѣтствуетъ вполнѣ точно факту, произведшему это впечатлѣніе. Сдѣлать изъ разсказа обратное заключеніе о формѣ впечатлѣнія и изъ него вывести первоначальный образъ факта, произведшаго впечатлѣніе,—вотъ задача исторической критики, во многомъ напоминающая работу судьи, который изъ разсказа свидѣтеля о фактѣ дѣлаетъ заключеніе о самомъ фактѣ, руководствуясь личностью разсказчика и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое могло быть произведено на эту личность.

Мемуары современниковъ Болотова — Фридриха II, Лафайетта, Дюмурье, Наполеона I и др.—отличаются такою же неточностью, искаженіемъ фактовъ, извращеніемъ истины. Маршалъ Мармонъ самъ внесъ въ свои мемуары большую часть документовъ, слѣдовательно, вовсе уже не желалъ ввести читателя въ заблужденіе, и все-таки во многихъ важ[ныхъ] пунктахъ эти документы прямо противорѣчатъ его [разска]зу. Смѣемъ увѣрить г. Масловскаго, что относительно [точнос]ти всѣ эти мемуары ничѣмъ не отличаются отъ за-

писокъ Болотова. И въ нихъ, какъ въ запискахъ Болотова, замѣчается одно и то же явленіе: какъ только является намѣреніе разсказать что-либо, описать какое-либо событіе или фактъ, тотчасъ же человѣческая натура разсказчика воздѣйствуетъ на самую сущность разсказа. Никакая строгость къ самому себѣ, никакая ясность наблюденія не можетъ предостеречь отъ этого, потому что и вѣрно полученныя впечатлѣнія примутъ иную форму въ разсказѣ; самая сильная любовь къ истинѣ не оберегаетъ отъ этого, такъ какъ самъ разсказчикъ вполнѣ убѣжденъ, что представляемая имъ переработка есть точная истина; самая наивная откровенность разсказа не можетъ служить гарантіей противъ измѣненій, потому что въ большей части случаевъ эти измѣненія дѣлаются безсознательно. Не смотря на то, какъ названные иностранные мемуары, такъ и записки Болотова справедливо признаются «драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ исторической литературы».

Что могъ знать о ходѣ военныхъ дѣйствій подпоручикъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка? Конечно, онъ могъ быть «очевидцемъ» только дѣйствій своего полка, и въ этомъ отношеніи даже г. Масловскій признаетъ, что «Болотовъ подробно описываетъ распоряженія и мѣры своего полкового командира». Все же, что̀ не касалось этой боевой единицы, могло быть извѣстно Болотову не какъ очевидцу, но по слухамъ и по разсказамъ третьихъ лицъ. По своей добросовѣстности, онъ нерѣдко, сообщая по слуху какое-нибудь извѣстіе, прибавляетъ: «Но подлинно-ли сіе такъ было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человѣку, каковымъ былъ я, и знать было не можно» [1]). Тѣмъ не менѣе, въ запискахъ Болотова сохранилось нѣсколько извѣстій, которыя безъ того были бы потеряны для исторіи, и г. Масловскій долженъ былъ воспользоваться сообщеніями «корреспондента-очевид-

---

[1]) Записки Болотова, изд. 1870, I, 520.

ходя чрезъ пониманіе и представленіе человѣческаго духа, терпитъ болѣе или менѣе важныя измѣненія отъ самой сущности человѣческой природы. Если сравнить мемуары Фридриха II или, еще ближе, его «Histoire de la guerre de sept ans» съ его же письмами, депешами, приказами, тотчасъ замѣчается масса измѣненій, неточностей, отступленій. Причина ясна: приказы, отдаваемые полководцемъ на полѣ битвы, не разсказываютъ о событіи—они сами частица этого событія; въ мемуарахъ же встрѣчается, конечно, иногда и сознательная ложь, но гораздо чаще проявляется безсознательное искаженіе связи фактовъ, ослабленіе памяти, измѣненіе собственнаго мнѣнія, и безусловно всегда — измѣненіе точки зрѣнія, взгляда. Въ запискахъ и мемуарахъ заключаются не самые событія, факты, предметы, а лишь впечатлѣнія, которыя эти событія, факты, предметы произвели на автора записокъ; притомъ необходимо помнить, что описаніе этихъ впечатлѣній никогда не соотвѣтствуетъ вполнѣ точно факту, произведшему это впечатлѣніе. Сдѣлать изъ разсказа обратное заключеніе о формѣ впечатлѣнія и изъ него вывести первоначальный образъ факта, произведшаго впечатлѣніе,—вотъ задача исторической критики, во многомъ напоминающая работу судьи, который изъ разсказа свидѣтеля о фактѣ дѣлаетъ заключеніе о самомъ фактѣ, руководствуясь личностью разсказчика и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое могло быть произведено на эту личность.

Мемуары современниковъ Болотова — Фридриха II, Лафайетта, Дюмурье, Наполеона I и др.—отличаются такою же неточностью, искаженіемъ фактовъ, извращеніемъ истины. Маршалъ Мармонъ самъ внесъ въ свои мемуары бо̀льшую часть документовъ, слѣдовательно, вовсе уже не желалъ ввести читателя въ заблужденіе, и все-таки во многихъ важныхъ пунктахъ эти документы прямо противорѣчатъ его разсказу. Смѣемъ увѣрить г. Масловскаго, что относительно точности всѣ эти мемуары ничѣмъ не отличаются отъ за-

приговора о запискахъ Болотова. Что же касается мнѣнія г. Масловскаго о значеніи записокъ «очевидцевъ» вообще, то оно не выдерживаетъ ни малѣйшей критики и является плодомъ незнакомства автора съ этого рода источниками.

Мы, напротивъ, должны высказать сожалѣніе, что г. Масловскому не были доступны всѣ брошюры, составленныя «очевидцами» апраксинскаго похода. Ихъ не такъ много, и почти всѣ онѣ находятся въ богатомъ собраніи Rossica Императорской Публичной Библіотеки. Трудъ г. Масловскаго получилъ бы значительно бо̀льшую полноту, еслибъ у него, напримѣръ, были подъ руками показанія генерала кригскоммиссара Веймарна [1]), лица, близкаго Апраксину, «очевидца», игравшаго выдающуюся роль во время перваго похода русскихъ войскъ въ Пруссію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами «Merkwürdigkeiten und Anekdoten», для апраксинскаго похода можно найти интересныя подробности въ брошюрѣ Риччи-Заннони, въ которой авторъ обращаетъ особенное вниманіе на «союзниковъ русскихъ» [2]), въ «сообщеніи виноторговца изъ русскаго лагеря» [3]), весьма оригинальномъ по отзыву о русскихъ войскахъ; въ «выдержкѣ изъ письма изъ лагеря при Велау» [2]) любопытны взгляды непріятеля на движеніе русскихъ войскъ; много свѣдѣній, чисто военныхъ, находятся въ «Извлеченіи изъ письма изъ главной квартиры Тильзе» [5]); очень интересный планъ гроссъ-эгердорфскаго боя приложенъ къ «Разговору въ царствѣ мертвыхъ между графомъ Швериномъ и княземъ Пикколомини» [6]). Почти всѣ важнѣйшія

---

[1]) *Weymarn*, см. *Hupel*, Neue nordische Miscelaneen.

[2]) *Ricci-Zannoni*, Vorstellung der Kriegsbegebenheiten in Deutschland. Nürnberg. 1758.

[3]) Bericht eines Weinhandlers aus dem russischen Lager. Cracau. 1758.

[4]) Auszug eines Schreibens aus dem Lager bey Wehlau. Königsberg. 1757.

[5]) Extract eines Schreibens aus dem Haupt-Quartier Tilse den 3 Oktober 1757. S. l. 1757.

[6]) Gespräche im Reiche der Todten zwischen dem Grafen von Schwerin und dem Fürsten von Piccolomini. Leipzig. 1757. Такихъ «разговоровъ въ царствѣ

событія Семилѣтней войны—бомбардированіе Кюстрина, бой при Цорндорфѣ и подъ Куннерсдорфомъ, движеніе къ Кольбергу. занятіе Берлина—вызывали рядъ брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ разсѣяно много извѣстій, заслуживающихъ вниманія русскаго историка. Какимъ образомъ, напримѣръ. описывая кампанію 1759 года, умолчать о «Журналѣ дѣйствій русско-императорской арміи въ 1759 году» [1]), выходившемъ ежемѣсячно въ Регенсбургѣ?

Основывая свой трудъ на матеріалахъ еще не изданныхъ, покоящихся въ архивахъ. г. Масловскій, какъ мы уже упоминали, почти не пользуется «пособіями». Изъ богатой по этому вопросу нѣмецкой литературы онъ пользуется только трудомъ Газенкампфа [2]), дѣйствительно, кажется, лучшимъ изъ спеціальныхъ работъ по исторіи Семилѣтней войны; изъ русскихъ — ни однимъ. То и другое представляется намъ крайностью.

Слова нѣтъ, участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ представляется нѣмецкими писателями въ такихъ краскахъ, что г. Масловскому пришлось бы тратить много труда на одни опроверженія. Но эти опроверженія, или, по крайней мѣрѣ, разъясненія, иногда крайне необходимы и нерѣдко почти невозможны безъ содѣйствія спеціальнаго изслѣдователя. Конечно, встрѣчая, напримѣръ, въ трудѣ Ранке увѣреніе, будто ненависть въ Россіи къ Фридриху II была такъ велика, что указъ о рекрутскомъ наборѣ 1747 г. былъ именно мотивиро-

мертвыхъ вышла цѣлая серія во время Семилѣтней войны. См. Catalogue de Russica, I. 451.

[1]) Journal von der russisch-kaiserlichen Armee auf das Jahr 1759. Dieses Journal und die Fortsetzung davon wird zu Regensburg im monatlichen Buchladen ausgegeben. Всего вышло семь нумеровъ, съ 1-го апрѣля по 13-е августа 1759 года.

[2]) *Hasenkampf*, Ostpreussen unter dem Doppelaar. Königsberg. 1866. Въ книгѣ г. Масловскаго онъ передѣланъ почему-то въ *Газенкамиса* (232, 239, 274, 276, 280, 286 и т. д.). Вообще, прискорбно встрѣчать въ такомъ почтенномъ трудѣ *вестерминстерскій* трактатъ (115. 129. 130 etc.), *компроментировать* (218). *Егерсдорфъ* (266, 267, 268, 272, 275 и т. д.) и др.

ванъ «опасностью для русскаго государства отъ возростанія военнаго могущества прусскаго короля» [1]), то, несмотря даже на точнѣйшую ссылку [2]), намъ не трудно доказать, что это не болѣе, какъ чистѣйшій вымыселъ [3]) Но мы совершенно безсильны относительно такихъ, напримѣръ, извѣстій, какъ разсказъ Германа о томъ, будто «масса мирныхъ жителей Пруссіи, особенно фабриканты и хлѣбопашцы, съ ихъ женами и дѣтьми, были отправлены въ даль Россіи» [4]). Такое выселеніе ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ во внутреннюю Россію не могло не оставить слѣдовъ въ военной перепискѣ того времени; г. Масловскій ничего не упоминаетъ объ этомъ, изъ чего мы не вправѣ еще заключить, что и это извѣстіе есть «чистѣйшій вымыселъ»—самое извѣстіе Германа, какъ и его трудъ, было неизвѣстно г. Масловскому. Между тѣмъ, подобныя извѣстія необходимо опровергать при всякомъ удобномъ случаѣ: благодаря русскому добродушію, въ нѣмецкой литературѣ распространено много подобныхъ вымысловъ, чистосердечно повторяемыхъ всѣми со словъ такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Ранке, Германъ, Зибель и др.

Русская историческая литература не представляла для г. Масловскаго ни одного пособія по военно-историческимъ

---

[1]) Wie sehr diese Richtung damals in Russland verwaltete, zeigt ein Ukas, in welchem die Anordnung einer neuen Rekrutirung durch die Gefahr, welche, dem russischen Reiche aus der Kriegsmacht des Königs von Preussen erwachse, motivirt wird. *Ranke*, Der Ursprung des siebenjährigen Krieges, Sämmt. Werke, XXX, 159.

[2]) Eigenhändig bestätigter Befehl der Kaiserin Elisabeth an den dirigirenden Senat. St.-Petersburg, 27 Januar 1747. *Ranke*, l. c.

[3]) Въ Полн. Собр. Зак. помѣщены слѣдующіе три именные указа отъ 27-го января 1747 года: № 9366—о наборѣ рекрутъ по новой ревизіи съ 121 души человѣка; № 9367—о сборѣ лошадей драгунскихъ съ 608 душъ, а подъемныхъ съ 2.028 душъ по лошади и № 9368—о сборѣ подушныхъ денегъ по новой ревизіи. Ни въ одномъ изъ этихъ указовъ нѣтъ ни единаго слова о Пруссіи или прусскомъ королѣ.

[4]) Eine Menge friedfertiger Einwohner von Preussen, besonders Fabrikanten und Ackerleute wurden mit Weibern und Kindern ins Ferne von Russland fortgeschleppt. *Hermann*, Gesch. d. russ. Staats, V, 142.

событія Семилѣтней войны—бомбардированіе Кюстрина, бои при Цорндорфѣ и подъ Куннерсдорфомъ, движеніе къ Кольбергу, занятіе Берлина—вызывали рядъ брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ разсѣяно много извѣстій, заслуживающихъ вниманія русскаго историка. Какимъ образомъ, напримѣръ, описывая кампанію 1759 года, умолчать о «Журналѣ дѣйствій русско-императорской арміи въ 1759 году» [1], выходившемъ ежемѣсячно въ Регенсбургѣ?

Основывая свой трудъ на матеріалахъ еще не изданныхъ, покоящихся въ архивахъ, г. Масловскій, какъ мы уже упоминали, почти не пользуется «пособіями». Изъ богатой по этому вопросу нѣмецкой литературы онъ пользуется только трудомъ Газенкампфа [2]), дѣйствительно, кажется, лучшимъ изъ спеціальныхъ работъ по исторіи Семилѣтней войны; изъ русскихъ — ни однимъ. То и другое представляется намъ крайностью.

Слова нѣтъ, участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ представляется нѣмецкими писателями въ такихъ краскахъ, что г. Масловскому пришлось бы тратить много труда на одни опроверженія. Но эти опроверженія, или, по крайней мѣрѣ, разъясненія, иногда крайне необходимы и нерѣдко почти невозможны безъ содѣйствія спеціальнаго изслѣдователя. Конечно, встрѣчая, напримѣръ, въ трудѣ Ранке увѣреніе, будто ненависть въ Россіи къ Фридриху II была такъ велика, что указъ о рекрутскомъ наборѣ 1747 г. былъ именно мотивиро-

мертвыхъ» вышла цѣлая серія во время Семилѣтней войны. См. Catalogue de Russica, I, 454.

[1]) Journal von der russisch-kaiserlichen Armee auf das Jahr 1759. Dieses Journal und die Fortsetzung davon wird zu Regensburg im monatlichen Buchladen ausgegeben. Всего вышло семь нумеровъ, съ 1-го апрѣля по 13-е августа 1759 года.

[2]) *Hasenkampf*, Ostpreussen unter dem Doppelaar. Königsberg. 1866. Въ книгѣ г. Масловскаго онъ передѣланъ почему-то въ *Газенкампса* (232, 239, 274, 276, 280, 286 и т. д.). Вообще, прискорбно встрѣчать въ такомъ почтенномъ трудѣ *вестерминстерскій* трактатъ (115, 129, 130 etc.), *компроментировать* (218). *Егерсдорфъ* (266, 267, 268, 272, 275 и т. д.) и др.

ставилъ монографію объ «Отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны». Выдающеюся особенностью этой монографіи служитъ новая оцѣнка канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, преимущественно же его внѣшней политики. Сводя въ одно разсѣянные въ монографіи отзывы о Бестужевѣ, получается слѣдующій политическій образъ елизаветинскаго канцлера: «Бестужевъ былъ однимъ изъ немногихъ, оставшихся неизмѣнно вѣрными преданіямъ, завѣщаннымъ Петромъ Великимъ, и, завѣдуя иностранною политикой при Елизаветѣ, онъ имѣлъ полное право говорить, что преслѣдуетъ цѣли, указанныя еще ея отцомъ. Основные принципы своей политики онъ выразилъ такимъ образомъ: «своихъ союзниковъ не покидать, а оные суть морскія державы, Англія и Голландія, которыхъ Петръ I всегда наблюдать старался; король польскій, яко курфирстъ саксонскій, королева венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ Россійскою имперіею союзъ имѣютъ; сія система—система Петра Великаго». На сцену выступилъ, такимъ образомъ, человѣкъ съ твердыми, опредѣленными убѣжденіями, которымъ онъ и оставался постоянно вѣренъ. Требовалось много гражданскаго мужества, чтобъ упорно отстаивать ихъ, не смотря ни на какія обстоятельства; а обстоятельства бывали часто крайне неблагопріятны. Ненависть Фридриха II къ Бестужеву была безпредѣльна; но Фридрихъ какъ бы умышленно не понималъ, что если борьба съ «бѣшенымъ канцлеромъ», cet enragé chancelier, не по силамъ даже такому искусному бойцу, какъ онъ, то Бестужевымъ должно было руководить и твердое убѣжденіе, и преданность своей странѣ, и ясное сознаніе той роли, которую она была призвана играть въ средѣ европейскихъ государствъ. Послѣ пораженія австрійцевъ подъ Прагою, онъ одинъ, въ конференціи, настоялъ предъ императрицею, чтобъ русское правительство не отступило отъ войны съ Пруссіею, даже въ томъ случаѣ, еслибъ ему одному пришлось бороться съ прусскимъ

вопросамъ. Онъ могъ, правда, воспользоваться, изъ эт...да Пекарскаго, перепиской Апраксина съ Левальдомъ и письмомъ генерала Сибильскаго [1]): но какъ общій характеръ и подробности военнаго дѣла, такъ объясненіе причинъ и выводы слѣдствій изъ различныхъ движеній русской арміи представлены Пекарскимъ, Семевскимъ и Соловьевымъ въ такомъ свѣтѣ, что г. Масловскій былъ вынужденъ самостоятельно возсоздать весь походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Для очерка же политической обстановки къ началу Семилѣтней войны г. Масловскій, по его собственному заявленію, «пользовался «Исторіею Россіи» проф. Соловьева, а также статьею г. Ѳеоктистова: «Отношенія Россіи къ Пруссіи» (стр. 231). Это «а также» необходимо и сказалось на очеркѣ г. Масловскаго невыгоднымъ образомъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ для г. Масловскаго не могло быть выбора: изъ двухъ представлявшихся пособій ему слѣдовало основаться на трудѣ г. Ѳеоктистова преимущественно, если не исключительно, и вотъ почему:

Соловьевъ внесъ совершенно новый взглядъ на отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. Онъ первый указалъ, что усиліями этого царствованія «силы короля прусскаго были сокращены», при чемъ призналъ въ этомъ сокращеніи наисущественный интересъ Россіи, такъ какъ позже Екатерина II не встрѣтила уже въ Пруссіи препятствія для достиженія своихъ цѣлей. Это несомнѣнная заслуга Соловьева. Уже по выходѣ въ свѣтъ «Исторіи Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны» были изданы чрезвычайно важные документы для исторіи Фридриха II, Маріи-Терезіи и Елизаветы Петровны. Основательно ознакомившись съ «Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen» и съ документами, сообщенными въ трудѣ Арнета «Maria Theresia und siebenjähriger Krieg» и въ «Архивѣ князя Воронцова», г. Ѳеоктистовъ со-

---

[1]) *Пекарскій*, стр. 322, 330.

своихъ и, прежде всего, Бестужева-Рюмина. Личные враги Бестужева не хотѣли и, быть можетъ, не могли понять этого. Еще не окончилась Семилѣтняя война, какъ Фридрихъ II, по его же собственнымъ словамъ, былъ уже на краю гибели:

„C'est à vous, chers amis, que mon cœur se découvre—
Vous voyez sous nos pas l'abyme qui s'entr'ouvre“.

Этотъ «Discours de l'empereur Othon après la perte de la bataille de Bédriac» [1]) былъ написанъ 20-го ноября 1761 года. Еще недѣля, и Фридрихъ II, сознавая, что «nos malheurs sont au comble», помышляетъ о самоубійствѣ:

„Quand on voit sa patrie et ses amis périr
Un lache y peut survivre, un héros doit mourir“ [2]).

Вестминстерскій договоръ погубилъ прусскаго короля; Фридриха II спасла смерть Елизаветы Петровны или, вѣрнѣе сказать, вступленіе на русскій престолъ Петра III.

Винить-ли Бестужева за «безкорыстіе» дорого стоившихъ Россіи кампаній Семилѣтней войны? Въ современныхъ депешахъ сохранились указанія, что именно Бестужевъ былъ единственнымъ государственнымъ человѣкомъ, сознававшимъ нелѣпость подобнаго «политическаго безкорыстія» — онъ одинъ требовалъ уступки Курляндіи и Семигаліи въ пользу Россіи [3]); но въ этомъ отношеніи ему приходилось вести борьбу съ самою Елизаветой Петровной, твердившей всѣмъ, кто только желалъ слушать, что она «не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній». Только Бестужевъ могъ и умѣлъ сдерживать императрицу, женщину нервную, отъ излишней уступчивости ея союзникамъ; когда Бестужевъ былъ уже въ ссылкѣ, никѣмъ не сдерживаемая Елизавета Петровна, опасаясь «поссориться на дѣлежѣ», находитъ, что всякое настойчивое требованіе со стороны Россіи «далеко отъ *нѣжности нашихъ*

---

[1]) Oeuvres posthumes de Fréderis II, Berlin, 1788, VIII, 26.
[2]) Discours de Caton d'Utique à ses amis avant de se tuer. Ibid., 32.
[3]) *Arneth*, V, 67.

сентиментовъ», и въ концѣ концовъ, соглашается «пожертвовать нашими правами на завоеванную нами Восточную Пруссію, если это можетъ улучшить мирныя условія для союзниковъ нашихъ» [1]).

Наша оцѣнка почтеннаго труда г. Масловскаго была бы не полна, еслибъ мы умолчали о тѣхъ произведенныхъ авторомъ изысканіяхъ по спеціальнымъ вопросамъ, которыя скрыты подъ общимъ заглавіемъ «примѣчаній» и которыя сами по себѣ составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ военную науку. Именно «скрыты», и нуженъ извѣстный навыкъ, чтобъ найдти то, чего ищешь. Такъ, изслѣдованіе о конницѣ, весьма важное по новымъ архивнымъ матеріаламъ, которыми пользовался авторъ, помѣщено въ четырехъ примѣчаніяхъ: законы по воинской повинности (стр. 93), реорганизація конницы (стр. 118), устройство русской конницы въ Семилѣтнюю войну (стр. 132) и строевой уставъ конницы (стр. 146). Мы, конечно, должны признать себя вполнѣ некомпетентными для оцѣнки подобныхъ спеціальныхъ вопросовъ; но люди военные найдутъ, вѣроятно, много новаго въ изысканіяхъ объ обсерваціонномъ корпусѣ графа П. И. Шувалова (стр. 104), объ организаціи ландмилиціи (стр. 216) и арміи въ мирное время (стр. 98); изслѣдованіе же объ учрежденіи школъ для солдатскихъ дѣтей (стр. 212) прочтется съ интересомъ и не спеціалистами. Въ виду многихъ новыхъ фактовъ, сообщае-
...словскимъ въ этихъ спеціальныхъ изысканіяхъ,
...ъ бы излишнею статья о дѣйствіи «нерегуляр-
...(стр. 181), составленная преимущественно по
...оріи походовъ россіянъ въ XVIII вѣкѣ» Бу-

...ціальныхъ изысканій, въ примѣчаніяхъ раз-
...архивныхъ документовъ», въ обнародованіи
...оины видѣть главную заслугу автора, спо-

[1]) ..., 272, 273, 375.

собную стяжать ему почетное положеніе въ наукѣ. Здѣсь, между прочимъ, помѣщенъ указъ Петра I военной коллегіи отъ 1-го января 1719 года (стр. 222) о производствѣ офицеровъ и пункты генералъ-аншефа Фермора съ резолюціей императрицы (стр. 203). Оба эти документа помѣщены цѣликомъ, то-есть, именно такъ, какъ слѣдуетъ печатать документы. Всѣ остальные документы—инструкціи Зоричу (стр. 129) и Сибильскому (стр. 140), проектъ графа Шувалова о форпостахъ (стр. 127), рапортъ Я. Сиверса о рекогносцировкѣ (стр. 237), приказъ при паролѣ 18-го августа 1757 года (стр. 252), военно-топографическая записка Демолина (стр. 233) и др.—въ извлеченіи.

Полагаемъ, что трудъ г. Масловскаго могъ бы только выиграть, если бы въ немъ было принято обычное въ подобныхъ произведеніяхъ распредѣленіе матеріала, именно: примѣчанія должны состоять только изъ указаній, ссылокъ, объясненій; документы же должны печататься цѣликомъ и отдѣльно, какъ pièces justificatives, равнымъ образомъ какъ и спеціальныя изысканія должны составить особый отдѣлъ приложеній, въ родѣ Excursen. Это значительно облегчило бы читателя, который теперь встрѣчаетъ извлеченія изъ документовъ то въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ, при чемъ иногда, какъ мы указывали, лишенъ возможности прочесть весь документъ и долженъ предполагать, что изъ него извлечено все, что̀ слѣдовало извлечь, не опущено ничего, заслуживавшаго вниманія.

Два слова о внѣшности изданія. Русская историческая литература обогатилась въ послѣднее время тремя произведеніями по исторіи XVIII столѣтія и всѣ три принадлежатъ людямъ, съ честью промѣнявшимъ саблю на перо. Послѣ прекраснаго изданія «Пугачевъ и его сообщники» г. Дубровина и великолѣпнаго, почти édition de luxe, «Генералиссимусъ князь Суворовъ» г. Петрушевскаго, появилось черезчуръ скромное изданіе «Русской арміи въ Семилѣтнюю войну» г. Ма-

сентиментовъ», и въ концѣ концовъ, соглашается «пожертвовать нашими правами на завоеванную нами Восточную Пруссію, если это можетъ улучшить мирныя условія для союзниковъ нашихъ» [1]).

Наша оцѣнка почтеннаго труда г. Масловскаго была бы не полна, еслибъ мы умолчали о тѣхъ произведенныхъ авторомъ изысканіяхъ по спеціальнымъ вопросамъ, которыя скрыты подъ общимъ заглавіемъ «примѣчаній» и которыя сами по себѣ составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ военную науку. Именно «скрыты», и нуженъ извѣстный навыкъ, чтобъ найдти то, чего ищешь. Такъ, изслѣдованіе о конницѣ, весьма важное по новымъ архивнымъ матеріаламъ, которыми пользовался авторъ, помѣщено въ четырехъ примѣчаніяхъ: законы по воинской повинности (стр. 93), реорганизація конницы (стр. 118), устройство русской конницы въ Семилѣтнюю войну (стр. 132) и строевой уставъ конницы (стр. 146). Мы, конечно, должны признать себя вполнѣ некомпетентными для оцѣнки подобныхъ спеціальныхъ вопросовъ; но люди военные найдутъ, вѣроятно, много новаго въ изысканіяхъ объ обсерваціонномъ корпусѣ графа П. И. Шувалова (стр. 104), объ организаціи ландмилиціи (стр. 216) и арміи въ мирное время (стр. 98); изслѣдованіе же объ учрежденіи школъ для солдатскихъ дѣтей (стр. 212) прочтется съ интересомъ и не спеціалистами. Въ виду многихъ новыхъ фактовъ, сообщаемыхъ г. Масловскимъ въ этихъ спеціальныхъ изысканіяхъ, намъ казалась бы излишнею статья о дѣйствіи «нерегулярныхъ» войскъ (стр. 181), составленная преимущественно по «Военной исторіи походовъ россіянъ въ XVIII вѣкѣ» Бутурлина.

Кромѣ спеціальныхъ изысканій, въ примѣчаніяхъ разсѣяно много «архивныхъ документовъ», въ обнародованіи которыхъ мы склонны видѣть главную заслугу автора, спо-

---

[1]) *Соловьевъ*, XXIV, 272, 273, 375.

ЗАБЫТЫЙ ПАНИНЪ.

Историческій Вѣстникъ, 1889.

словскаго. Оно исполнено такъ, что нарушаетъ самыя элементарныя условія типографскаго искусства. Довольно сказать, что и для текста, и для примѣчаній употребленъ одинъ и тотъ же шрифтъ, и притомъ отдѣлить одно примѣчаніе отъ другого не легко (см., напримѣръ, на стр. 283).

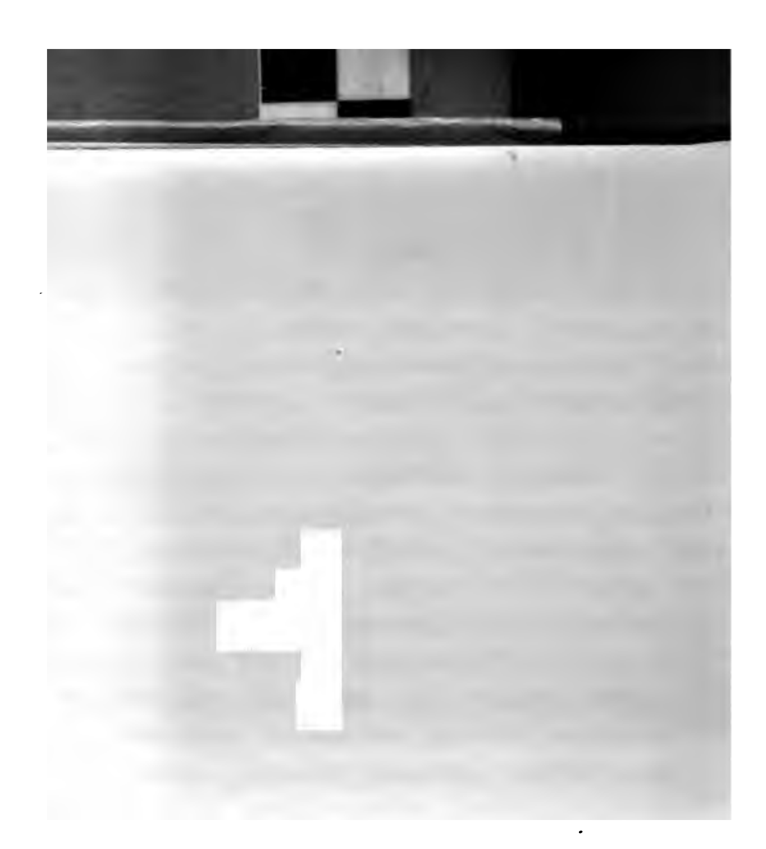
Мы старались разсмотрѣть возможно подробно первый выпускъ труда г. Масловскаго: указать его значеніе для науки русской исторіи, отмѣтить новые факты, установленные авторомъ, не скрыть недосмотровъ и ошибокъ, перечислить даже описки. Эта подробная оцѣнка должна служить выраженіемъ нашего глубокаго уваженія къ серьезному труду, предпринятому г. Масловскимъ. Ожидаемъ съ большимъ интересомъ послѣдующихъ выпусковъ и сердечно желаемъ увидѣть окончаніе всего сочиненія. Судя по первому выпуску, мы въ правѣ ожидать, что въ послѣдующихъ авторъ также точно прольетъ новый свѣтъ на многіе темные еще эпизоды въ исторіи участія русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, какъ, напримѣръ, на вопросъ объ измѣнѣ Тотлебена и др.

ЗАБЫТЫЙ ПАНИНЪ.

(Матерьялы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, составл. *А. Брикнеромъ*, Спб., 1889, т. I-й).

Еще живы и здравствуютъ лица, видѣвшія и знавшія графа Виктора Никитича Панина, министра юстиціи временъ императора Николая; еще не забылось и свѣжо у всѣхъ въ памяти его заявленіе, какъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу. Всѣмъ извѣстны имена его дѣдовъ, «екатерининскихъ» Паниныхъ, двухъ братьевъ, дипломата графа Никиты Ивановича и полководца графа Петра Ивановича. Но кто знаетъ его отца, графа Никиту Петровича? О екатерининскихъ Паниныхъ существуютъ два мнѣнія: одни превозносятъ тонкій умъ графа Никиты, возвеличиваютъ мужественную храбрость графа Петра, признаютъ обоихъ братьевъ государственными дѣятелями, много послужившими на пользу родины; другіе клеймятъ и позорятъ ихъ, какъ самолюбивыхъ интригановъ, дѣйствовавшихъ въ ущербъ интересамъ Россіи; о графѣ Викторѣ Никитичѣ составилось одно безповоротное мнѣніе, какъ о николаевскомъ дѣятелѣ, точномъ исполнителѣ чужой воли; объ отцѣ же его, графѣ Никитѣ Петровичѣ, нѣтъ ни двухъ, ни одного мнѣнія—его не знаютъ, имъ не интерисуются. Почему?

По пословицѣ «всякому овощу свое время». Время Павла I менѣе всего было пригодно для какой-либо плодотворной, даже только полезной дѣятельности. Насъ интересуетъ эпоха Екатерины II и время Александра I, а къ правленію Павла I

кои вы всегда старалися заслугами оказать» [1]). Восемнадцати лѣтъ графъ Никита Петровичъ былъ уже на театрѣ войны, въ Финляндіи: онъ пробылъ тамъ не болѣе шести недѣль и скоро убѣдился, что конфедерація въ Аньялѣ ему болѣе по сердцу, чѣмъ бой подъ Фридрихсгамомъ. Въ 1796 году, 26-ти лѣтъ, онъ былъ уже генералъ-маіоръ арміи, ненавидѣвшій военныя дѣйствія, и, по собственному сознанію, предпочитавшій имъ мирную дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ. Съ воцареніемъ Павла Петровича онъ всецѣло посвятилъ себя иностраннымъ дѣламъ: не прошло и мѣсяца со смерти Екатерины II, какъ въ декабрѣ 1796 года онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ іюлѣ 1797 г.—посланникомъ въ Берлинъ, въ сентябрѣ 1799 года—вице-канцлеромъ. Въ ноябрѣ 1800 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ, 30-ти-лѣтній графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ посланъ въ вяземскую деревню подъ надзоръ полиціи.

За что такая немилость? Чѣмъ провинился графъ Никита? Подробности высылки вполнѣ обрисовываютъ павловское время, полное подобныхъ неожиданностей. Современный литераторъ, извѣстный Иванъ Михайловичъ Муравьевъ-Апостолъ сообщилъ эти любопытныя подробности въ письмѣ къ русскому послу въ Лондонѣ, знаменитому графу Семену Романовичу Воронцову:

«Сіятельнѣйшій графъ!

«Покидая Петербургъ, графъ Панинъ, сосланный въ свои деревни, возложилъ на меня порученіе сообщить вашему превосходительству всѣ обстоятельства, подготовившія и вызвавшія его немилость. Пользуясь представившеюся вѣрною оказіею, исполняю эту грустную и въ то же время лестную для меня обязанность—она возложена на меня моимъ луч-

---

[1]) Сборникъ, XIII, 19.

мы относимся съ грустнымъ равнодушіемъ; при его матери и сынѣ выдвинулся рядъ замѣтныхъ дѣятелей на всѣхъ государственныхъ и общественныхъ поприщахъ, между тѣмъ какъ при немъ дѣйствовали только посредственности да ничтожества. Графу Никитѣ Петровичу выпало на долю быть дѣятелемъ именно въ царствованіе Павла Петровича, съ 1796 по 1801 годъ—а кто же изъ дѣятелей того времени памятенъ русскому обществу?

Кто помнитъ графа Виктора Никитича, тому легко представить себѣ и фигуру его отца. Высокій ростомъ, худой, неуклюжій—il a l'extérieur gauche, говоритъ Роджерсонъ о графѣ Никитѣ Петровичѣ; родные, напротивъ, не замѣчали этой неуклюжести, а видѣли только «очень благородную осанку». Какъ и сынъ, отецъ былъ строгихъ правилъ, человѣкъ высокой нравственности, обладавшій свѣтлымъ умомъ, но въ высшей степени молчаливый и вполнѣ безстрастный. Ему было 19-ть лѣтъ, когда онъ, получивъ отъ своей невѣсты, прелестной 15-ти-лѣтней графини Орловой, первое письмо, милое и граціозное, полное любви, отвѣчалъ: «Вступая нынѣ въ переписку съ вашимъ сіятельствомъ, исполняю я волю почтеннаго и не менѣе любезнаго родителя вашего» и затѣмъ въ четырехъ пунктахъ предлагаетъ своей невѣстѣ скучное «означеніе главнѣйшихъ правилъ употребляемаго въ перепискѣ слога». Отецъ-воинъ готовилъ сына къ военной службѣ, о чемъ просилъ и императрицу; Екатерина II отвѣчала собственноручнымъ письмомъ отъ 1-го мая 1770 года: «Изъ письма вашего отъ 18-го апрѣля усмотрѣла я, что Богъ вамъ даровалъ сына, съ которымъ васъ поздравляю, и какъ вы мнѣ онаго поручаете, дабы отнынѣ начать мое объ немъ попеченіе и поставить его наискорѣе на путь славы, подавъ ему случай, не теряя времени научиться военнаго ремесла, чрезъ сіе вамъ повелѣваю ему объявить чинъ корнета конной гвардіи, и надѣюсь, что вы не оставите въ немъ вселить всѣ тѣ же чувствія къ отечеству и ко мнѣ,

графомъ Ростопчинымъ. Вотъ какъ это случилось: дней восемь до того, какъ разразилась буря, уже была рѣчь о такой нотѣ при чемъ въ ней должно было говориться о недобросовѣстности англичанъ, нарушавшихъ будто бы формальную конвенцію, заключенную въ 1798 году. Графъ Панинъ протестовалъ противъ такой мѣры, заявивъ, что онъ никогда не согласится унизить имя своего государя, заставляя его говорить ложь, такъ какъ подобная конвенція никогда не существовала. На это не обратили вниманія, и нота, въ томъ самомъ видѣ, какъ она напечатана во всѣхъ газетахъ, была прислана изъ Гатчины съ подписью уже графа Ростопчина, при чемъ графу Панину приказывалось вручить ее всѣмъ чужестраннымъ министрамъ. Графъ Панинъ, обрадованный возможностью не прикладывать свое имя къ акту, столь противному формамъ, принятымъ всѣми націями, признающими международное право, передалъ ноту, не снабдивъ ее своею подписью. На другой же день у него истребовали въ этомъ отчета; онъ отдѣлался пустяками: такъ какъ по обычаю,— отвѣчалъ онъ,—всякая бумага подписывается младшимъ членомъ прежде старшаго, то, увидѣвъ подпись канцлера, я не считалъ уже необходимымъ мою подпись. За этой уверткой настало полное спокойствіе, продолжавшееся нѣсколько дней но это спокойствіе было обманчиво, и скоро за нимъ послѣдовала буря, разразившаяся надъ головой графа Панина. Спустя нѣсколько дней была прислана изъ Гатчины новая нота, вполнѣ тождественная по содержанію съ первою, съ приказаніемъ отъ самого императора подписать эту ноту и сообщить дипломатическому корпусу. Тутъ ужъ нечего было разговаривать, приходилось только повиноваться, что онъ и сдѣлалъ, но съ однимъ измѣненіемъ: онъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе измѣнить начало злосчастной ноты, вставивъ, что она сообщается «по именному указу государя императора». Я сдѣлалъ все, что только могъ, чтобъ удержать графа Панина отъ

шимъ другомъ и предназначена лицу, пользующемуся наибольшимъ уваженіемъ.

«Вашему превосходительству извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ, и даже лучше моего, что графъ Панинъ, вѣрный принципамъ чести и здравой политики, не понравился съ самого своего вступленія въ министерство—онъ хотѣлъ навязать извѣстную систему кабинету, который не имѣлъ никакой системы и въ теченіе уже двухъ лѣтъ отличался только перемѣнчивостью и непостоянствомъ своихъ плановъ.

«Первые же шаги графа показали его такимъ, каковъ онъ есть—неспособнымъ къ уступкамъ, противнымъ совѣсти, ради сохраненія занимаемаго имъ поста. Уже съ начала прошлаго года онъ предвидѣлъ свою судьбу и заботился только о томъ, чтобъ сохранить свое доброе имя. Непріятности, испытанныя имъ въ послѣдніе десять мѣсяцевъ, неисчислимы. Дурно принятый при дворѣ, получая иногда замѣчанія въ самой грубой формѣ, онъ безъ отдыха работалъ, пользуясь всякимъ случаемъ сдѣлать что-либо полезное, чаще ослабить вредное—вотъ его тяжелое положеніе до прошлаго октября, когда политика вдругъ и рѣзко была измѣнена и эта неожиданная перемѣна поставила графа Панина въ критическое положеніе. Онъ ожидалъ этого и даже самые недальновидные люди могли напередъ предсказать этотъ кризисъ; но ни коимъ образомъ невозможно было предвидѣть тѣхъ жестокихъ и коварныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали его немилость. Казалось, его хотѣли заставить испить до дна чашу горестей. Разскажу все по порядку.

«Вашему превосходительству извѣстна первая нота, которую наше министерство [1]) сообщило здѣшнему дипломатическому корпусу по поводу послѣдняго эмбаръ; вы припомните, конечно, что эта нота была подписана однимъ только

[1]) Notre ministère, потому что Муравьевъ-Апостолъ тоже служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и былъ одно время полномочнымъ министромъ въ Гамбургѣ, потомъ въ Мадридѣ.

графомъ Ростопчинымъ. Вотъ какъ это случилось: дней восемь до того, какъ разразилась буря, уже была рѣчь о такой нотѣ при чемъ въ ней должно было говориться о недобросовѣстности англичанъ, нарушавшихъ будто бы формальную конвенцію, заключенную въ 1798 году. Графъ Панинъ протестовалъ противъ такой мѣры, заявивъ, что онъ никогда не согласится унизить имя своего государя, заставляя его говорить ложь, такъ какъ подобная конвенція никогда не существовала. На это не обратили вниманія, и нота, въ томъ самомъ видѣ, какъ она напечатана во всѣхъ газетахъ, была прислана изъ Гатчины съ подписью уже графа Ростопчина, при чемъ графу Панину приказывалось вручить ее всѣмъ чужестраннымъ министрамъ. Графъ Панинъ, обрадованный возможностью не прикладывать свое имя къ акту, столь противному формамъ, принятымъ всѣми націями, признающими международное право, передалъ ноту, не снабдивъ ее своею подписью. На другой же день у него истребовали въ этомъ отчета; онъ отдѣлался пустяками: такъ какъ по обычаю,— отвѣчалъ онъ,—всякая бумага подписывается младшимъ членомъ прежде старшаго, то, увидѣвъ подпись канцлера, я не считалъ уже необходимымъ мою подпись. За этой уверткой настало полное спокойствіе, продолжавшееся нѣсколько дней но это спокойствіе было обманчиво, и скоро за нимъ послѣдовала буря, разразившаяся надъ головой графа Панина. Спустя нѣсколько дней была прислана изъ Гатчины новая нота, вполнѣ тождественная по содержанію съ первою, съ приказаніемъ отъ самого императора подписать эту ноту и сообщить дипломатическому корпусу. Тутъ ужъ нечего было разговаривать, приходилось только повиноваться, что онъ и сдѣлалъ, но съ однимъ измѣненіемъ: онъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе измѣнить начало злосчастной ноты, вставивъ, что она сообщается «по именному указу государя императора». Я сдѣлалъ все, что только могъ, чтобъ удержать графа Панина отъ

Паленъ,—но мнѣ кажется, Панину вовсе не до танцевъ».—«Это ему все равно,—вскричалъ императоръ, — это чистый римлянинъ».

«Нѣсколько дней спустя, подобные же вопросы были повторены Палену, при чемъ императоръ прибавилъ, въ видѣ приказанія, что графъ Панинъ хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ попросился въ московскій сенатъ. Графъ Паленъ, уже заранѣе предваренный графомъ Панинымъ на случай подобнаго предложенія, безъ замедленія отвѣчалъ, что Панинъ почелъ бы себя болѣе счастливымъ получить полную отставку. «О, за этимъ дѣло не станетъ»,—сказалъ государь. «По, государь,—будетъ ли ему разрѣшено остаться здѣсь три или четыре мѣсяца, пока жена разрѣшится отъ бремени?»—«Само собою разумѣется,—сказалъ государь;—это разумѣется само собою».—И тотчасъ же онъ написалъ буквально слѣдующій указъ: «Сенаторъ графъ Панинъ отъ службы отставляется».

«Тѣмъ не менѣе, не смотря на «само собою разумѣется», не прошло и трехъ дней, какъ графу Панину было объявлено чрезъ полицію приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга. Мѣстомъ изгнанія было назначено Дугино, село, подаренное покойною императрицею его дядѣ именно за воспитаніе нынѣшняго императора.

«Графъ Панинъ, человѣкъ крѣпкій и мужественный, терпѣливо переносившій всякія несчастія и не смущавшійся даже отъ преслѣдованій, когда они были направлены только противъ [illegible] него, едва не палъ подъ тяжестью горя, видя, [illegible] съ нимъ, и горячо любимыя имъ дѣти, и [illegible] должны подвергнуться всѣмъ жестокостямъ [illegible] гдѣ былъ только полуразрушенный домъ [illegible] въ случаѣ болѣзни или другихъ случай- [illegible] уже выше его силъ, и не смотря на все [illegible] къ просьбамъ о милости, увѣренный, что [illegible] награды, онъ, покидая Петербургъ, написалъ [illegible] гариной письмо, въ которомъ умолялъ ее

сейчасъ увидите, что и это было вмѣнено графу Панину въ преступленіе.

«Графъ Панинъ велъ себя при этомъ съ такимъ достоинствомъ и тактомъ, что заслужилъ полное одобреніе всего общества. Безъ всякой спѣси, но и безъ малѣйшаго смущенія, онъ выполнилъ всѣ мельчайшія обязанности по своей новой должности и, возбуждая общее сожалѣніе, онъ самъ, казалось, сожалѣлъ только о томъ, что ему не дано было служить родинѣ на томъ поприщѣ, къ которому онъ готовилъ себя съ дѣтства. Какъ только всѣ формальности были исполнены, онъ отправился въ сенатъ и сталъ отправлять тамъ всѣ свои обязанности, какъ будто онъ не имѣлъ иной цѣли въ жизни, какъ стать сенаторомъ.

«Эта твердость не только не была оцѣнена по достоинству, но еще болѣе озлобила императора. Какъ только военный губернаторъ графъ Паленъ вошелъ однажды въ кабинетъ императора, государь, хорошо знавшій о его дружбѣ съ графомъ Панинымъ, спросилъ его, видѣлъ-ли онъ Панина? Веселъ-ли Панинъ?—«Я видѣлъ Панина,—отвѣчалъ губернаторъ, — но вовсе не нашелъ его веселымъ. Ваше величество можете быть увѣренными, что тому не до веселья, кто имѣлъ несчастье навлечь на себя вашу немилость». — «Это римлянинъ,—сказалъ императоръ,—я его знаю: моя милость, какъ и немилость не производятъ на него большого впечатлѣнія Онъ давалъ обѣдъ въ самый день своего увольненія». Потомъ, немного погодя, опять: «Я знаю, что онъ не безъ дарованій, но у него три капитальные недостатка: онъ педантъ, систематикъ и методикъ». Графъ Паленъ замѣтилъ, что ничего не понимаетъ въ политикѣ, что его ремесло, какъ солдата, умѣть драться, но что онъ слышалъ, будто методъ и система вещи вовсе не безполезныя. Императоръ, перебивъ его, спросилъ, намѣренъ-ли Панинъ попрежнему дать балъ? Тутъ разумѣлся оффиціальный балъ, который давался вице-канцлеромъ по приказанію двора. «Не знаю, государь,—отвѣчалъ

*

таго графа Панина», русская историческая наука обязана признательностью его внукѣ, княгинѣ Маріи Александровнѣ Мещерской: послѣ многолѣтнихъ трудовъ княгинѣ удалось собрать бумаги семейнаго архива графовъ Паниныхъ; эти бумаги хранились отчасти у нея, отчасти у ея сестры княгини Софіи Александровны Щербатовой; болѣе тысячи нумеровъ этихъ бумагъ, всѣ, касающіяся графа Никиты Петровича, были пересланы княгинею для изданія въ Дерптъ, профессору А. Г. Брикнеру. Трудно было, казалось, сдѣлать болѣе счастливый выборъ издателя. Г. Брикнеръ давно и много занимается разработкою историческихъ вопросовъ, преимущественно русскаго XVIII вѣка, которому принадлежитъ дѣятельность графа Н. П. Панина; всѣ работы г. Брикнера отличаются точностью, возможною полнотою, и, что̀ въ данномъ случаѣ особенно важно, въ своихъ рецензіяхъ на изданія бумагъ семейныхъ архивовъ [1]) онъ высказалъ серьезныя требованія, справедливость которыхъ не могла быть и не была оспариваема.

Такія изданія у насъ, конечно, не новость; но ихъ, однако, такъ мало, что до настоящаго времени не выработалась даже внѣшняя форма подобныхъ изданій, распредѣленіе историческаго матеріала, отношеніе къ языку подлинника и т. п.

Князю Н. Б. Юсупову принадлежитъ честь перваго исторіографа своего рода. Въ изданныхъ имъ въ 1866 г. двухъ томахъ «О родѣ князей Юсуповыхъ» онъ первый въ Россіи печатно заявилъ, что «есть фамильные акты, которые по важности ихъ нравственнаго и политическаго значенія принадлежатъ исторіи», и издалъ эти акты въ формѣ очень простой и удобной: въ первомъ томѣ помѣщены имъ краткія біографіи 14-ти лицъ изъ рода Юсуповыхъ, отъ величественнаго Юсуфа, современника и «друга» Ивана Грознаго, до князя Бориса Николаевича, въ тяжкую годину страшнаго

[1]) Histor. Zeitschrift. LV. 207.

голода 1834—1835 гг., кормившаго на свой счетъ, безъ всякаго пособія отъ правительства, до 70.000 человѣкъ; во второмъ томѣ напечатаны 212 документовъ, касающихся князей Юсуповыхъ и ихъ времени. Въ свое время это прекрасное изданіе не было оцѣнено въ должной мѣрѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть: простая и удобная форма изданія, въ которой историческіе документы отдѣлены отъ историческаго разсказа, причемъ всякому предоставляется возможность провѣрить разсказъ документами или пользоваться ими для своихъ цѣлей, болѣе уже не повторялась. Спустя четыре года, съ 1870 года, началъ выходить «Архивъ князя Воронцова», продолжающій и понынѣ—до настоящаго времени издано уже 34 тома и, если не ошибаемся, изданіе еще не закончено. «Архивъ князя Воронцова» произвелъ переворотъ въ русской исторической литературѣ: благодаря богатствамъ этого архива, почти всѣ вопросы XVIII и начала XIX вѣка получили совершенно новое освѣщеніе и въ настоящее время не появляется уже историческихъ трудовъ о томъ времени, которые не основывались бы на документахъ «Архива князя Воронцова». Можно съ увѣренностью сказать, не опасаясь ошибиться, что это изданіе оказало родинѣ не меньшую услугу, чѣмъ самому роду Воронцовыхъ. Въ этомъ изданіи помѣщены одни документы, безъ всякихъ поясненій; еще не вышелъ общій указатель, который значительно облегчитъ пользованіе этими 34 томами. Трудъ А. А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» явился въ нашей исторической литературѣ образцомъ талантливаго воскрешенія старины, интересной для насъ даже въ образѣ такихъ ничтожныхъ представителей ея, какъ Разумовскіе, не оставившіе по себѣ никакого слѣда на родинѣ и ушедшіе на чужбину, въ подданство герцоговъ саксенъ-кобургъ-готскихъ. Въ изданіи Васильчикова сохранено много устныхъ преданій и помѣщено много документовъ изъ семейныхъ архивовъ не только Разумовскихъ, но и гр. Уваровыхъ, кн. Репниныхъ и др., причемъ доку-

вамъ не отгадать! Тетка, по этому новому словарю, должна означать императора, благодѣянія—преслѣдованія! Какъ только такое толкованіе было сдѣлано, графу Салтыкову, въ Москву, былъ отправленъ указъ: удалить графа Панина съ его семьей изъ окрестностей Москвы, но держать ихъ въ Московской губерніи, съ тѣмъ, чтобы они всегда находились подъ надзоромъ фельдмаршала.

«Вотъ вамъ графъ Панинъ—изгнанникъ, скиталецъ, опасающійся за завтрашній день, неувѣренный, что ему дозволятъ провести двѣ ночи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Это можетъ убить даже одинокаго человѣка, ни съ кѣмъ не связаннаго; но съ дѣтьми, съ женою на сносяхъ, для которой роды всегда были трудны и опасны! Это положеніе, поистинѣ, ужасное; признаюсь, ваше превосходительство, не знаю, какъ онъ его перенесетъ. Я трепещу за его жизнь, тѣмъ болѣе, что не имѣю объ немъ извѣстій со времени послѣдняго удара.

«Исполнивъ тяжелый долгъ, возложенный на меня дружбою, долженъ просить ваше превосходительство извинить небрежность моего слога и негладкость изложенія. Удрученный потерею единственнаго человѣка, привязывавшаго меня къ службѣ, я почти потерялъ способность чувствовать, не только выражать свои мысли.

«Пользуйтесь, графъ, въ кругу своей милой семьи счастьемъ, предназначеннымъ въ удѣлъ такимъ душамъ, какою вы обладаете; пользуйтесь надолго и, Бога ради, всегда вдали отъ нашего жестокаго климата. Этого желаетъ вамъ всегда преданный» и т. д. [1]).

Письмо это помѣчено 16-мъ февраля 1801 года, когда дни Павла Петровича были уже сочтены: 12-го марта вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Графъ Никита Петровичъ тотчасъ же былъ вызванъ изъ ссылки и занялъ прежній постъ вице-канцлера. Черезъ семь мѣсяцевъ, въ ок-

---

[1]) *Архивъ князя* Воронцова, XI, 161.

тябрѣ, онъ получилъ продолжительный отпускъ: un semestre de trois ans, какъ выразился самъ графъ Никита — полную отставку, какъ оказалось. Въ это время ему не было 31 года; онъ былъ здоровъ, полонъ силъ, онъ жаждалъ дѣятельности, но его забыли, о немъ не вспомнили въ теченіе слѣдующихъ 36 лѣтъ, проведенныхъ имъ не у дѣлъ. Почему?

Объ этомъ мы скоро узнаемъ, по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ еще году, какъ обѣщаетъ проф. А. Г. Брикнеръ въ только-что вышедшемъ первомъ томѣ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина». Этотъ томъ обрывается 1797 годомъ, поѣздкой графа Панина въ Берлинъ; въ слѣдующихъ двухъ томахъ будутъ помѣщены матеріалы, касающіеся его дипломатической дѣятельности въ Берлинѣ, вице-канцлерства при Павлѣ I и Александрѣ I, и частной жизни отъ 1802 г. до кончины его въ 1837 г. Послѣдняя часть матеріаловъ должна быть особенно интересна: хорошо ознакомившійся со всѣми матеріалами, г. Брикнеръ говоритъ, что не только «политическая роль Панина, его дѣятельность», но и «многолѣтнее невольное бездѣйствіе въ области политики представляютъ собою важныя данныя для характеристики этого періода нашей исторіи».

Къ немногимъ русскимъ родамъ, обнародовавшимъ свои семейные архивы — къ Юсуповымъ, Воронцовымъ, Разумовскимъ, Шереметевымъ — присоединились въ прошломъ году два рода, представители которыхъ играли видную роль въ историческихъ судьбахъ Россіи — Куракиныхъ и Паниныхъ. Осенью прошлаго года «Саратовскій Листокъ» (№ 169-й отъ 10-го августа) порадовалъ русское общество извѣстіемъ, что князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ приступаетъ къ изданію «Архива князя Куракина», въ который войдутъ 760 томовъ бумагъ, хранящихся въ родовомъ княжескомъ селѣ Надеждинѣ; въ концѣ прошлаго года вышелъ первый томъ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Н. П. Панинъ». За эти новые *матеріалы*, касающіеся жизни и дѣятельности «забы-

таго графа Панина», русская историческая наука обязана признательностью его внукѣ, княгинѣ Маріи Александровнѣ Мещерской: послѣ многолѣтнихъ трудовъ княгинѣ удалось собрать бумаги семейнаго архива графовъ Паниныхъ; эти бумаги хранились отчасти у нея, отчасти у ея сестры княгини Софіи Александровны Щербатовой; болѣе тысячи нумеровъ этихъ бумагъ, всѣ, касающіяся графа Никиты Петровича, были пересланы княгинею для изданія въ Дерптъ, профессору А. Г. Брикнеру. Трудно было, казалось, сдѣлать болѣе счастливый выборъ издателя. Г. Брикнеръ давно и много занимается разработкою историческихъ вопросовъ, преимущественно русскаго XVIII вѣка, которому принадлежитъ дѣятельность графа Н. П. Панина; всѣ работы г. Брикнера отличаются точностью, возможною полнотою, и, что̀ въ данномъ случаѣ особенно важно, въ своихъ рецензіяхъ на изданія бумагъ семейныхъ архивовъ [1]) онъ высказалъ серьезныя требованія, справедливость которыхъ не могла быть и не была оспариваема.

Такія изданія у насъ, конечно, не новость; но ихъ, однако, такъ мало, что до настоящаго времени не выработалась даже внѣшняя форма подобныхъ изданій, распредѣленіе историческаго матеріала, отношеніе къ языку подлинника и т. п.

Князю Н. Б. Юсупову принадлежитъ честь перваго исторіографа своего рода. Въ изданныхъ имъ въ 1866 г. двухъ томахъ «О родѣ князей Юсуповыхъ» онъ первый въ Россіи печатно заявилъ, что «есть фамильные акты, которые по важности ихъ нравственнаго и политическаго значенія принадлежатъ исторіи», и издалъ эти акты въ формѣ очень простой и удобной: въ первомъ томѣ помѣщены имъ краткія біографіи 14-ти лицъ изъ рода Юсуповыхъ, отъ величественнаго Юсуфа, современника и «друга» Ивана Грознаго, до князя Бориса Николаевича, въ тяжкую годину страшнаго

---

[1]) Histor. Zeitschrift, LV, 207.

голода 1834—1835 гг., кормившаго на свой счетъ, безъ всякаго пособія отъ правительства, до 70.000 человѣкъ; во второмъ томѣ напечатаны 212 документовъ, касающихся князей Юсуповыхъ и ихъ времени. Въ свое время это прекрасное изданіе не было оцѣнено въ должной мѣрѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть: простая и удобная форма изданія, въ которой историческіе документы отдѣлены отъ историческаго разсказа, причемъ всякому предоставляется возможность провѣрить разсказъ документами или пользоваться ими для своихъ цѣлей, болѣе уже не повторялась. Спустя четыре года, съ 1870 года, началъ выходить «Архивъ князя Воронцова», продолжающій и понынѣ—до настоящаго времени издано уже 34 тома и, если не ошибаемся, изданіе еще не закончено. «Архивъ князя Воронцова» произвелъ переворотъ въ русской исторической литературѣ: благодаря богатствамъ этого архива, почти всѣ вопросы XVIII и начала XIX вѣка получили совершенно новое освѣщеніе и въ настоящее время не появляется уже историческихъ трудовъ о томъ времени, которые не основывались бы на документахъ «Архива князя Воронцова». Можно съ увѣренностью сказать, не опасаясь ошибиться, что это изданіе оказало родинѣ не меньшую услугу, чѣмъ самому роду Воронцовыхъ. Въ этомъ изданіи помѣщены одни документы, безъ всякихъ поясненій; еще не вышелъ общій указатель, который значительно облегчитъ пользованіе этими 34 томами. Трудъ А. А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» явился въ нашей исторической литературѣ образцомъ талантливаго воскрешенія старины, интересной для насъ даже въ образѣ такихъ ничтожныхъ представителей ея, какъ Разумовскіе, не оставившіе по себѣ никакого слѣда на родинѣ и ушедшіе на чужбину, въ подданство герцоговъ саксенъ-кобургъ-готскихъ. Въ изданіи Васильчикова сохранено много устныхъ преданій и помѣщено много документовъ изъ семейныхъ архивовъ не только Разумовскихъ, но и гр. Уваровыхъ, кн. Репниныхъ и др., причемъ доку-

менты помѣщены цѣликомъ въ приложеніяхъ ко всѣмъ 4-мъ томамъ труда. Инымъ характеромъ отличается «Родъ Шереметевыхъ», роскошное изданіе in 4°, исключительно посвященное дѣятельности представителей этого рода. Въ вышедшихъ до настоящаго времени пяти объемистыхъ книгахъ исторія рода Шереметевыхъ доведена до половины XVII вѣка, отъ Кобылы до плѣненія, въ 1660 г., Василія Борисовича. Авторъ этого капитальнаго труда, А. Барсуковъ, основываетъ свой разсказъ на документахъ семейнаго архива графовъ Шереметевыхъ, иллюстрируетъ его всѣми литературными источниками, русскими и иностранными, критически обрабатываетъ каждое извѣстіе, свое и чужое, и такимъ образомъ возсоздаетъ полную исторію рода Шереметевыхъ. Это изданіе, доведенное до конца, составитъ дорогой вкладъ въ русскую историческую литературу и явится достойнымъ памятникомъ славнаго рода.

Лѣтомъ прошлаго года, въ селѣ Надеждинѣ было рѣшено, при изданіи семейнаго архива Куракиныхъ, принять за образецъ «Архивъ князя Воронцова», издаваемый П. Бартеневымъ. Это дѣйствительно лучшая форма для изданій подобнаго рода. Она, однако, не была признана таковою въ Дерптѣ и матеріалы, доставленные г. Брикнеру княгинею М. А. Мещерскою, подверглись обработкѣ въ совершенно иной формѣ, вполнѣ оригинальной, не похожей ни на одну изъ указанныхъ нами выше. Издатель не считалъ возможнымъ напечатать бумаги, касающіяся «забытаго Панина» цѣликомъ, ни въ томъ видѣ, ѣкъ онѣ были ему доставлены, ни съ необходимыми комменіями; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не имѣлъ времени или не былъ остояніи разработать ихъ въ полную біографію графа . Панина, для чего требовалось всестороннее знакомство хою царствованія Павла I. «Цѣлью моихъ занятій— ъ г. Брикнеръ—не было составленіе біографіи; съ стороны, я не ограничивался изданіемъ лишь сырого а въ строго хронологическомъ порядкѣ». Чѣмъ же

онъ «ограничивался»? Приводимъ его собственныя слова: «Раздѣливъ весь запасъ архивныхъ данныхъ, находившихся въ моемъ распоряженіи и почерпнутыя мною изъ исторической литературы свѣдѣнія о Панинѣ на нѣкоторыя части, сообразно съ теченіемъ жизни графа, и эти части на главы, и соблюдая при этомъ въ общей сложности хронологическій порядокъ, я старался по возможности соединять этотъ пріемъ съ распредѣленіемъ рукописнаго матеріала по группамъ, сообщая, напр., письма однихъ и тѣхъ же лицъ, относящіяся къ извѣстному періоду или событію вмѣстѣ». Поняли въ чемъ дѣло? По сознанію самого г. Брикнера, оказывается, что «такое распредѣленіе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ имѣетъ цѣлью представить біографію Панина, такъ сказать, въ полуразработанномъ видѣ».

Мы были правы: г. Брикнеръ обогатилъ русскую историческую науку совершенно новою и вполнѣ оригинальною формою изданія документовъ—«такъ сказать въ полуразработанномъ видѣ». Это форма новая—она не встрѣчается въ русской литературѣ, сравнительно довольно еще бѣдной, и во всей западно-европейской литературѣ никогда еще не являлось ничего подобнаго; поэтому-то она и вполнѣ оригинальна. Какія же удобства представляетъ эта форма?

Прежде всего, изданныя г. Брикнеромъ бумаги, т.-е письма и документы, являются въ совершенно искаженномъ видѣ, способномъ ввести въ заблужденіе не только читателя или почтенную собирательницу бумагъ, но и самого издателя: г. Брикнеръ дробитъ одно и то же письмо на нѣсколько частей, такъ что въ концѣ концовъ самъ не знаетъ, сколько писемъ имъ напечатано [1]); обыкновенно стараются отвѣтное

---

[1]) Письмо, напр., отъ 21-го августа 1788 г. такъ изуродовано: сперва напечатанъ конецъ на стр. 15, потомъ начало на стр. 20; между тѣмъ обѣ эти части одного и того же письма значатся, какъ самостоятельные документы, подъ разными нумерами, №№ 19 и 24; онѣ и въ оглавленіи указаны,

письмо печатать вслѣдъ за письмомъ, вызвавшимъ отвѣтъ— г. Брикнеръ искусственно раздѣляетъ эти письма и помѣщаетъ ихъ даже въ разныя главы [1]); иногда изъ всего письма берется буквально только пять словъ [2]), остальное же все отбрасывается. Искажая такимъ образомъ документы, предоставленные въ его распоряженіе, г. Брикнеръ заставляетъ насъ вѣрить ему на слово, что въ письмахъ, печатаемыхъ «въ значительно сокращенномъ видѣ», имъ не опущено ничего интереснаго, важнаго: между тѣмъ, по своимъ литературнымъ трудамъ онъ не можетъ имѣть притязанія на такое довѣріе: онъ никогда не работалъ по подобнымъ архивнымъ источникамъ, и всѣ его сочиненія вообще страдаютъ отсутствіемъ исторической критики.

Кромѣ искаженія документовъ, самая группировка ихъ, придуманная г. Брикнеромъ, довольно неудачна и способна лишь безцѣльно утомить читателя. Та система расположенія документовъ, очевидно, никуда не годна, при которой бумаги 1788 г. помѣщаются послѣ бумагъ 1793 года [3]), а въ доказательство скоропостижной смерти графа Петра Ивановича

какъ самостоятельныя письма. Вслѣдствіе этого, конечно, и общій счетъ документовъ оказывается ошибочнымъ.

[1]) Такъ, напр., отвѣтъ на письмо, помѣщенное подъ № 72, на стр. 72, напечатанъ подъ № 98, на стр. 89. Кобыла великаго князя Павла Петровича ожеребилась въ деревнѣ Панина; извѣщая объ этомъ его высочество, Панинъ испрашиваетъ повелѣній о кобылѣ и жеребенкѣ; великій князь отвѣчаетъ: ...рошу васъ кобылу у себя оставить на память, а о жеребенкѣ можемъ мы ... условиться». Этотъ отвѣтъ перенесенъ на 17 стр. позже, подъ осо... , гдѣ долженъ свидѣтельствовать о «тепломъ участіи великаго князя» Панину. И все это говорится безъ ироніи, серьезнымъ тономъ.

... Изъ письма отъ 5-го августа 1771 г., стр. 4, № 7, приведено пять ... «Катенька и Никитушка совершенно здоровы». Если даже допустить, ... полуразработанной біографіи важенъ тотъ фактъ, что 5-го августа ...полуторогодовалый графъ Никита былъ совершенно здоровъ, все же ...невмѣстимымъ вопросъ о Катенькѣ. Что это за Катенька, г. Брик... ...ъясняетъ, зачѣмъ она приведена, онъ и самъ не знаетъ, да и во... ...болѣе о ней не вспоминаетъ.

...116, съ № 125

приводятся буквально слѣдующія строки изъ письма князя Куракина къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Ayant l'honneur de présenter ci-joint à V. A. J. deux lettres de comte Panin, en me mettant à vos pieds et y renouvelant l'assurance etc.». Что же это такое? Этотъ вздоръ долженъ быть всецѣло поставленъ на счетъ негодности принятой г. Брикнеромъ системы распредѣленія матеріала.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изобрѣтенное г. Брикнеромъ «распредѣленіе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ (hier und da) рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ» до крайности обезцѣнило бумаги «забытаго Панина», при чемъ пропала и цѣльность впечатлѣнія. Годъ назадъ, графъ Толстой издалъ «Письма графини С. М. Румянцевой», главная, основная канва которыхъ заключалась въ семейныхъ несогласіяхъ: она была старше его на одиннадцать лѣтъ; спустя шесть лѣтъ послѣ брака, когда ей было уже 40 лѣтъ, а ему только 29, онъ бросилъ ее и сталъ жить съ метрессами, а она въ теченіе 25 лѣтъ охала и вздыхала о невѣрности мужа; на этой-то мало-интересной и старой, какъ міръ, канвѣ графиня вышивала свои узоры. Но эти письма были изданы правильно, безъ сокращеній, безъ несчастнаго распредѣленія ихъ по содержанію, и предъ нами встаетъ, какъ живая, графиня Румянцева—женщина съ теплымъ сердцемъ, свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ, женщина дѣятельная, которая строитъ дома, сажаетъ овощи, управляетъ деревнями, завѣдуетъ винными откупами; ея предложенія всегда разумны, разсужденія ясны, языкъ простъ. О графѣ же Панинѣ, участвовавшемъ въ шведской войнѣ, управлявшемъ Литвой, засѣдавшемъ въ верховномъ литовскомъ правленіи, получается изъ перваго тома «Матеріаловъ» самое смутное представленіе, вѣрнѣе сказать, никакого, именно вслѣдствіе невозможнаго изданія бумагъ.

Часто повторяя, въ своеобразной формѣ, что о томъ или другомъ «не сохранились почти никакія данныя», г. Брик-

неръ не знаетъ того, что сохранилось: ему вовсе неизвѣстны нѣкоторыя письма (напр., приведенное нами выше письмо Екатерины II отъ 1-го мая 1770 г.) и даже официальныя бумаги (какъ, напр., указъ генералъ-прокурору Самойлову о рапортахъ верховнаго литовскаго правленія, см. «Пол. Собр. Зак.», № 17359), касающіяся графа Панина. Онъ печатаетъ, какъ неизданное, письмо Екатерины II къ графу А. Г. Орлову, старается угадать его дату, и не подозрѣвая, что оно давно, болѣе 20 лѣтъ назадъ, издано по оригиналу, хранящемуся въ государственномъ архивѣ [1]), съ отчетливой датой—2-е апрѣля 1789 г.

Бумаги семейнаго архива Паниныхъ подверглись «значительнымъ сокращеніямъ» настолько, что, какъ мы видѣли, нѣкоторыя изъ нихъ потеряли всякій смыслъ (стр. 65); изданныя же ранѣе документы перепечатываются цѣликомъ, безъ сокращеній. Въ первомъ томѣ «Матеріаловъ» г. Брикнеръ напечаталъ 247 сокращенныхъ нумеровъ и перепечаталъ цѣликомъ 44 нумера [2]), т.-е. почти пятую часть, увеличивъ безъ нужды объемъ книги, тѣмъ болѣе безъ нужды, что всѣ 44 перепечатки заимствованы изъ такихъ общедоступныхъ изданій, какъ «Сборникъ русскаго историческаго общества» и «Архивъ князя Воронцова». Если г. Брикнеръ не измѣнитъ своей системы, то въ слѣдующихъ двухъ томахъ ему придется перепечатать до 130 писемъ изъ «Архива князя Воронцова», занимающихъ до 20 печатныхъ листовъ, не считая 50 писемъ изъ «Русской Старины» и др., такъ что изъ

---

[1]) Сборникъ, I, 110. Г. Брикнеръ напечаталъ письмо съ копіи, очевидно, небрежно сдѣланной—безъ даты и съ разночтеніями.

[2]) «Изъ 292 документовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ I томѣ, 42 уже раньше были напечатаны». Г. Брикнеръ ошибается: имъ изданъ 291 документъ, въ томъ числѣ 44 старыхъ: № 64, по невѣдѣнію только признанный имъ за новый, и письмо графа Панина къ Воронцову, отъ 19-го апрѣля 1799 г., разбитое имъ на шесть клочковъ (стр. 105, 131, 277, 279, 295 и 301), но занимающее болѣе пяти страницъ, перепечатано изъ Арх. кн. Воронцова, XI, 69.

двухъ обѣщанныхъ томовъ одинъ будетъ состоять изъ никому ненужныхъ перепечатокъ.

Со смертью графа Владиміра Викторовича родъ графовъ Паниныхъ угасъ. Онъ всецѣло принадлежитъ исторіи; о его представителяхъ можно и, смѣемъ думать, должно писать всю правду. Главная дѣятельность графовъ Паниныхъ принадлежитъ XVIII вѣку, вѣку фаворитизма, «случая» и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ Паниныхъ не былъ «въ случаѣ», всѣ они отличались честными, строгими правилами; какъ матеріальныя богатства, такъ высокіе чины и даже графское достоинство были пріобрѣтены ими своимъ личнымъ трудомъ; всѣ они были люди образованные, умные, съ твердымъ характеромъ, не допускавшіе сдѣлокъ ни съ совѣстью, ни съ честью. Такимъ былъ и графъ Никита Петровичъ. Племянникъ воспитателя Павла Петровича, онъ пользовался благосклонностью великаго князя, переписывался съ нимъ, но вскорѣ навлекъ на себя его немилость. Вотъ какъ онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ 1799 г. графу Воронцову:

«Въ 1791 году я поселился въ Петербургѣ, чтобы нести службу въ качествѣ камеръ-юнкера. Въ императорской семьѣ я не нашелъ уже того единенія и согласія, котораго я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ по своемъ возвращеніи изъ финляндскаго похода. Нелидова царила уже; великая княгиня, нынѣшняя императрица, была оставлена, съ нею дурно обходились, придворные презирали ее. Я не послѣдовалъ этому примѣру. Мое поведеніе не понравилось. Желая привлечь меня въ число обожателей своего идола, великій князь употреблялъ сперва ласки, потомъ холодность, наконецъ угрозы. Ласки меня не соблазняли; угрозы не могли напугать меня. Были пущены въ ходъ лукавыя, метафорическія рѣчи, которыми мнѣ давали знать, что благосклонность великаго князя будетъ мнѣ наградою за слѣпое повиновеніе тому, чего отъ меня требовали, т.-е. уваженія къ Нелидовой, презрѣнія къ великой княгинѣ. Я отвѣчалъ, что не понимаю иносказатель-

ныхъ рѣченій и злоба противъ меня удвоилось. Такъ какъ всѣ эти намеки доходили до меня окольными путями и чрезъ посредство крайне презрѣнныхъ людей, то я выразилъ желаніе объясниться съ самимъ великимъ княземъ. Это объясненіе состоялось и оно-то окончательно погубило меня въ его мнѣніи. Невозможно довѣрить перу все, что говорилось на этомъ свиданіи, происходившемъ въ августѣ 1791 г.; достаточно вамъ сказать, что мое сопротивленіе вызвало изъ устъ самого императора слѣдующія громовыя слова: «Le chemin que vous tenez, monsieur, ne peut vous conduire qu'à la fenêtre ou à la porte. Я отвѣчалъ, что не уклонюсь съ пути, предписываемаго честью, и удалился изъ кабинета, не ожидая того движенія головою, которое означаетъ: убирайтесь вонъ» [1]).

Узнавъ объ этомъ, Екатерина II сдѣлала графа Панина церемоніймейстеромъ, потомъ оберъ-церемоніймейстеромъ. Положеніе графа Панина при дворѣ было, однако, крайне непріятное—каждая милость императрицы вызывала неудовольствія великаго князя. Екатерина II понимала это, искала, казалось, случая дать такое мѣсто графу Панину, которое защитило бы его отъ непріятностей со стороны великаго князя: она предназначала его посланникомъ то въ Неаполь, то въ Гаагу, но, по обстоятельствамъ времени, эти назначенія не могли состояться; наконецъ, она назначила графа Панина, которому тогда не было еще 25 лѣтъ, губернаторомъ въ Литву съ переименованіемъ въ армію генералъ-маіоромъ. Графъ Панинъ тѣмъ болѣе былъ радъ этому назначенію, что ему приходилось служить подъ начальствомъ князя Репнина, который былъ друженъ съ отцомъ и любилъ его, какъ сына. «Я вовсе не ожидалъ быть назначеннымъ въ армію; но ничто не сравнится съ моею радостью по случаю такой милости; вы помните, князь, что я давно уже искалъ чести служить подъ вашимъ начальствомъ», писалъ графъ Панинъ князю Реп-

[1]) Арх. кн. Воронцова, XI, 70.

нину. Онъ пробылъ въ Гродно полтора года, исполнялъ, между прочимъ, обязанности коммиссара по опредѣленію русско-прусской границы, за что получилъ анненскую звѣзду, и уѣхалъ изъ Гродно, недовольный и своею службою, и княземъ Репнинымъ. Въ этомъ случаѣ онъ самъ былъ кругомъ виноватъ, и только привязанность старика Репнина къ сыну своего друга избавила его отъ бо́льшихъ еще непріятностей. Дѣло въ томъ, что, служа подъ начальствомъ князя Репнина, онъ позволялъ себѣ, помимо своего начальника, переписываться по разграничительной коммиссіи прямо съ канцлеромъ, графомъ Безбородко. Конечно, много лѣтъ спустя, сообщая графу Воронцову краткую исторію своей служебной карьеры, графъ Панинъ иначе уже разсказываетъ о своемъ назначеніи въ Литву: «Императрицѣ вздумалось назначить меня къ князю Репнину, въ Литву. Я сдѣлалъ все, что́ отъ меня зависѣло, чтобъ избѣжать этого назначенія, заявляя о своей полной неспособности къ внутреннимъ дѣламъ, но тщетно. Тогда я просилъ, чтобъ меня переименовали въ армію. Меня переименовали генералъ-маіоромъ и назначили литовскимъ губернаторомъ».

Это такъ просто, такъ естественно; между тѣмъ, г. Брикнеръ, не обращая вниманія на года и принимая каждую фразу за чистую монету, путается въ рѣшеніи пустого вопроса: графъ Панинъ былъ то «доволенъ» назначеніемъ къ князю Репнину, то «недоволенъ», ѣхалъ въ Гродно то «охотно», то «неохотно» (стр. 123, 131, 132). Между тѣмъ, самыя элементарныя начала исторической критики разрѣшали вопросъ довольно легко.

Въ разсматриваемомъ первомъ томѣ «Матеріаловъ» не видны ни allgemeine historische Bildung, ни technische Schulung, которыхъ г. Брикнеръ самъ же требуетъ отъ издателей архивнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи къ нему вполнѣ примѣнимо изреченіе: «врачу, исцѣлися самъ».

Въ нынѣшнемъ году будетъ издана вторая часть «Мате-

ріаловъ», въ двухъ томахъ. Въ виду этого считаемъ долгомъ высказать два пожеланія: *во-первыхъ*, чтобъ документы разбирались старательнѣе: графъ Н. П. Панинъ, свободно выражавшійся по-французски, не могъ писать «ретражаментъ» (стр. 25)—было бы лучше просто отмѣтить «не разобрано» (стр. 20), тѣмъ болѣе, что графъ-воинъ говоритъ же о «ретраншированномъ лагерѣ» (стр. 35), и, *во-вторыхъ*, чтобъ изложеніе велось па русскомъ языкѣ: лучше бы «жизнеописаніе» въ заголовкѣ не предпочитать біографіи въ текстѣ, но избѣгать Гаагъ (стр. 112, по-русски употребляется *не der Haag, но la Haye*), карабина, не писать «полномочіе» въ женскомъ родѣ (стр. 164), «письма Панина съ графомъ Марковымъ» (стр. 163) и т. п. не-русскихъ выраженій, которыя встрѣчаются, къ сожалѣнію, слишкомъ ужъ часто и которыя легко могли бы быть исправлены въ корректурѣ. Что же касается формы изданія, она, конечно, останется тою же, и вторая часть представится также въ «полуразработанномъ видѣ»—г. Брикнеръ, очевидно, не признаетъ справедливою французскую поговорку: il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée

---

ТАЙНА ПРОТИВО-НЕЛѢПАГО ОБЩЕСТВА.

Русская Старина, 1890.

*

ТАЙНА ПРОТИВО-НЕЛѢПАГО ОБЩЕСТВА.

(Письмо М. И. Семевскому).

«Тайна» есть буквальная перепечатка небольшой брошюры въ 24 долю листа, въ 26 печатныхъ страничекъ, неизвѣстно кѣмъ составленной и неизвѣстно когда изданной. Основываясь на довольно глухомъ заявленіи Храповицкаго [1]), нѣкоторые приписываютъ ее императрицѣ Екатеринѣ II, но это предположеніе требуетъ еще доказательствъ. Съ своей стороны, я полагалъ прежде, думаю и теперь, что «Тайна» вовсе не принадлежитъ перу Екатерины, и вотъ соображенія, приведшія меня къ такому заключенію.

Въ 1850 году, въ 3-мъ томѣ «Сочиненій Екатерины II-й», изд. Смирдина, явилась первая перепечатка «Тайны», причемъ, конечно, издатель не приводитъ доказательствъ въ пользу авторства Екатерины; въ 1867 году М. Н. Лонгиновъ категорически говоритъ, что Екатерина написала «Тайну» по поводу высылки изъ Россіи Каліостро (Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 134), причемъ Лонгиновъ упоминаетъ Сопикова, Смирдина, Полторацкаго, изъ которыхъ ни одинъ не занимался вопросомъ: дѣйствительно-ли «Тайна» написана Екатериною?

При всемъ довѣріи къ авторитету Лонгинова, какъ библіографа, можно совершенно положительно доказать, что «Тайна» написана *не по поводу высылки Каліостро изъ Россіи.*

---

[1]) *Храповицкій*, 437.

Екатерина не любила Каліостро, считала его негодяемъ, называла его шарлатаномъ и ни отъ кого не скрывала своего отвращенія къ нему и къ его продѣлкамъ. Въ своихъ письмахъ къ различнымъ лицамъ она девять разъ упоминаетъ о Каліостро и вполнѣ откровенно высказываетъ свой взглядъ на него [1]). Но и этого ей было мало: отложивъ въ сторону скиптръ, она беретъ перо и пишетъ комедію «Обманщикъ», въ которой осмѣиваетъ Каліостро подъ именемъ Калифалкжерстона. Это всѣ поняли, да этого не скрывала и сама Екатерина; напротивъ, въ письмѣ къ д-ру Циммерману она прямо говоритъ: Il faut que je vous dise qu'il vient de paraître deux comédies russes, l'une a pour titre le *Trompeur* et l'autre les *Trompés*, la première représente Cagliostro au naturel et l'autre ses dupes [2]). Но нигдѣ и никогда Екатерина не говоритъ о *Тайнѣ*, хотя письмо Гримма, сообщавшаго о похвальбѣ Каліостро «милостями» русской императрицы, такъ разсердило Екатерину, что она разразилась длиннымъ, рѣзкимъ и прелестнымъ письмомъ, въ которомъ не щадитъ ни Каліостро, ни тѣхъ, которые имѣли слабость относиться къ нему съ снисхожденіемъ, не говоря уже съ довѣріемъ. Это письмо помѣчено 9-мъ іюля 1781 года, когда уже «Тайна» давно продавалась по 30 коп. Удержалась-ли бы Екатерина назвать «Тайну» Гримму, какъ назвала «Обманщика» Циммерману, еслибъ «Тайна» была написана ею и именно по поводу вы-

---

[1]) *Marcard*, 324, 353; переписка *Циммермана*, 44; *Смирдинъ*, III, 442, 449; Сборникъ, XXIII, 212, 329, 362, 366, 375, 378; XXVII, 360; «Русск. Архивъ», 1878, III, 68, 119, 125.

[2]) *Marcard*, 324. Это знали многіе. Берлинскій издатель Фридрихъ *Николаи*, исполнявшій многія порученія Екатерины, прямо говоритъ: Wenn es eines Beweises bedürfte, dass Katharima die Grosse eine erklärte Feindinn der Schwärmerey ist, so könnten zwei Lustspiele vor
rüger und der *Verblendete* davon zeugen In
den Namen Kalifalksherston nach dem Lebe
gliostro, XIII). Неужели можно допустить,
Екатерины въ нѣмецкомъ переводѣ, не
Geheimniss», появившейся еще въ 178

сылки Каліостро изъ Россіи? Конечно, нѣтъ. Не забудьте, что въ письмѣ именно говорится о высылкѣ Каліостро въ кибиткѣ, въ сопровожденіи стараго инвалида, вмѣсто «почетнаго конвоя», которымъ хвалился Каліостро. Нѣтъ, не по поводу высылки написана «Тайна».

Мало того: «Тайна» написана не Екатериною. Не будемъ говорить о слогѣ, о манерѣ проводить свою мысль въ діалогической формѣ, о рельефности репликъ—это значило бы зачинать безконечные споры; но обращаю вниманіе на слѣдующее обстоятельство: читая «Обманщика», вы встрѣчаете тѣ же взгляды, нерѣдко тѣ же выраженія, которыя вы читали уже въ указанныхъ мною выше письмахъ Екатерины о Каліостро, между тѣмъ ни единаго намека на «Тайну» ни въ письмахъ, ни въ комедіяхъ.

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующій, согласитесь, довольно осторожный выводъ: въ настоящее время нельзя съ увѣренностью сказать, что авторомъ «Тайны противо-нелѣпаго общества» была Екатерина.

Неизвѣстенъ авторъ «Тайны», извѣстенъ-ли годъ ея изданія?

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится экземпляръ «Тайны», брошюрки довольно рѣдкой На брошюркѣ не помѣчено мѣсто печати, не указана типографія, но ясно обозначенъ годъ: 1759. Говорятъ, годъ обозначенъ завѣдомо ложно; это очень возможно: въ прошломъ вѣкѣ къ этому часто прибѣгали. Не если брошюрка напечатана не въ 1759 году, то въ которомъ же? Говорятъ, что «Тайна» напечатана въ Петербургѣ и именно въ 1780 году, потому что *первая публикація о выходѣ этой книжки появилась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1780 году* (Лонгиновъ, 134), и именно въ «Приложеніи» къ № 7-му газеты. Какая же это
...? Привожу вамъ ее дословно:
...й церькви, въ лейбкучеровомъ домѣ,
... книга: «Le sécret de la societé antiab-
... qui n'en est pas. A Cologne». 1758.

образомъ публикація о продажѣ французскаго оригинала можетъ опредѣлять годъ изданія русскаго перевода? Это очевидное недоразумѣніе.

Остановившись на такомъ, по меньшей мѣрѣ, шаткомъ доказательствѣ выхода «Тайны» въ 1780 году, Лонгиновъ прибавляетъ, что это *совпадаетъ именно съ эпохою высылки Каліостро, подавшей поводъ къ сочиненію* «Тайны». Это-то *именно* и является вторымъ недоразумѣніемъ.

Какъ извѣстно, «С.-Петербургскія Вѣдомости» выходили тогда два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ; № 7-й газеты появился въ пятницу, 24-го января 1780 года, когда Каліостро былъ еще въ Петербургѣ, который онъ покинулъ только въ апрѣлѣ. Слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, что высылка Каліостро служила поводомъ къ составленію брошюры, писанной за нѣсколько мѣсяцевъ до его высылки [1]). Кажется, ясно.

Не хочу злоупотреблять терпѣніемъ читателя и опускаю другія соображенія, основанныя на розысканіяхъ *Макарова* («Репертуаръ» за 1844 г.), *Лонгинова* («Молва» за 1857 г.) и другихъ до самоновѣйшихъ включительно; сознаюсь только въ одномъ: перечитывая сегодня по поводу «Тайны» главу, которая написана два года назадъ и которая появится въ свѣтъ не ранѣе, какъ черезъ два года, я не призналъ возможнымъ измѣнить свой взглядъ на это сочиненіе.

Конечно, «Тайну» слѣдуетъ напечатать—кто же пойдетъ рыться въ смирдинское изданіе, въ которомъ, къ тому же, рисунки подновлены и искалѣчены, между тѣмъ какъ «Русская Старина» передаетъ ихъ съ фотографическою точностью.

---

[1]) *Геннади* указываетъ, что французскій оригиналъ и нѣмецкій его переводъ появились въ одинъ и тотъ же годъ; едва-ли это
цузскій оригиналъ несомнѣнно появился ранѣе—въ 1
валея, между тѣмъ какъ *Heinsius* (Bücher-Lexicon, 17
Lexicon, 1834, III, 117) отмѣтили: Das entdeckte G
Gesellschaft durch Jemand der kein Mitglied da
въ 1781-мъ-ли году появилась и русская «Тайн

ВЫСЫЛКА ПРИНЦА ИЗЪ РОССІИ.

1892.

Высылка изъ Россіи принца вюртембергскаго Фридриха.

1786 г.

Авторъ историческаго изслѣдованія «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», премированнаго академіею наукъ и публикою, потребовавшею уже третье изданіе, Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, напечаталъ въ январской книгѣ «Русской Старины» изд. 1892 г. три интересныхъ указа императрицы Екатерины II шлиссельбургскому коменданту. Указы эти касаются заточенія, содержанія и освобожденія изъ крѣпости маіора Герсдорфа, адъютанта принца Фридриха вюртембергскаго, супруга несчастной принцессы Августы, прозванной Зельмирою. Какъ указы, они кратки, сухи, производятъ тяжелое впечатлѣніе; но какъ осколки драмы, разыгравшейся сто лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, они проливаютъ новый свѣтъ на чисто материнскую заботливость Екатерины II о беззащитной женѣ, угнетаемой грубымъ мужемъ, и вполнѣ подтверждаютъ высказанную Д. Ѳ. Кобеко догадку [1], что высылка принца Фридриха изъ Россіи была вызвана скорѣе политическими, чѣмъ семейными соображеніями.

Еще до пріѣзда вюртембергской четы въ Петербургъ, ей предшествовала дурная молва о семейныхъ раздорахъ. Екатерина отнеслась къ этой молвѣ вполнѣ безпристрастно: она не обвиняла Августы, не считавшей своего мужа «любезнымъ», но въ то же время находила, что Фридрихъ «жестоко оклеветанъ». Императрица писала въ іюлѣ 1782 года:

[1]) См. стр. 317.

«Мы вовсе не подозрѣваемъ принца жестокимъ, способнымъ къ грубымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ; были случаи, когда онъ выказалъ сострадательное сердце, добродушіе и благородный образъ мыслей» ¹). Спустя три мѣсяца, молва вполнѣ оправдалась, и Екатерина сама убѣдилась, что «они живутъ, какъ кошка съ собакою» ²). Въ первое время императрица не принимала стороны ни жены, ни мужа, стараясь не вмѣшиваться въ чисто семейное дѣло; скоро, однако, семейное дѣло стало публичнымъ скандаломъ, соблазномъ, опаснымъ даже для невзыскательнаго въ этомъ отношеніи петербургскаго общества конца XVIII столѣтія. Въ 1785 г. Екатерина писала уже: «принцъ Фридрихъ вюртембергскій—неуживчивый бездѣльникъ; надняхъ онъ билъ принцессу Августу, таскалъ ее за волосы и, наконецъ, заперъ на ключъ» ³). Это было уже слишкомъ даже для грубаго нѣмца; но этотъ нѣмецъ, сверхъ того, былъ выборгскимъ генералъ-губернаторомъ, и Екатерина должна была вмѣшаться: она выслала принца въ Выборгъ съ приказаніемъ не возвращаться въ столицу безъ ея разрѣшенія, а принцессу и ея дѣтей взяла съ собою въ Царское Село ⁴). Разведя ссорящихся, Екатерина старается устранить, по возможности, даже малѣйшій поводъ къ семейнымъ раздорамъ въ вюртембергской четѣ. При этомъ-то въ бумагахъ Екатерины впервые появляется имя «дежуръ-маіора» при принцѣ, барона фонъ-Герсдорфа.

---

¹) Сборникъ, XXIII, 249. ²) Ibid., XXVII, 212. ³) Сборникъ, XXIII, 340.

⁴) Je dois porter à la connaissance de Votre Majesté l'éclat d'une disharmonie ouverte entre le prince Frédéric de Wurtemberg et son épouse, au point que le prince s'étant oublié jusqu'à frapper madame la princesse, et celle-ci ayant fait parvenir à l'impératrice ses plaintes de ce procedé violent, Sa Majesté Impériale a fait partir le prince Frédéric pour son gouvernement de Wybourg avec ordre de n'en revenir que quand elle lui en donnera son agrément, au lieu que la princesse Auguste est allée avec ses enfants passer cet été à Czarsco Selo. Депеша графа Гёрца прусскому королю, отъ 9-го мая 1785 года, въ Берл. Архивѣ, Repos. XI, № 600. Въ депешѣ отъ 4-го іюля, онъ же пишетъ: L'harmonie entre le prince Frédéric de Wurtemberg et son épouse parfaitement rétablie. Ibid., № 616.

Принцъ Фридрихъ ненавидитъ свою жену, и въ то же время, какъ извѣстно [1]), ни въ кого не влюбленъ, никого не любитъ, не близокъ ни съ одною изъ дамъ придворнаго или не придворнаго общества; принцесса Августа—молода, умна, если не красива, то миловидна, интересна. Трудно было думать, чтобы единственною причиною раздора была необузданная натура принца [2]), и явилось предположеніе, что принцъ дѣйствуетъ подъ чьимъ-либо вліяніемъ, находится подъ нравственнымъ гнетомъ кого-либо изъ окружающихъ лицъ. Ближе всѣхъ стоялъ къ принцу баронъ Герсдорфъ: онъ прибылъ въ Россію въ свитѣ принца, состоитъ при немъ флигель-адъютантомъ, видится съ нимъ ежедневно, очень преданъ принцу, il est l'âme damnée de Don-Feroce [3]), какъ Екатерина называла принца. Обратили вниманіе на Герсдорфа.

Въ началѣ ноября 1785 года баронъ Герсдорфъ спѣшно покинулъ Петербургъ, направляясь за границу. 8-го ноября императрица предписываетъ графу Ю. Ю. Броуну, лифляндскому генералъ-губернатору, задержать Герсдорфа въ Ригѣ и допросить его: куда и на долго-ли ѣдетъ, «а пуще всего приводите въ ясность, принужденно-ли онъ ѣдетъ или по

---

[1]) La princesse de Wurtemberg a temoigné beaucoup d'humeur à son époux d'une liaison qu'elle a prétendu avoir decouverte et le prince lui a fait des reproches sur l'inclination qu'on lui suppose généralement pour le prince Daschkoff. Депеша прусскаго посланника, барона Келлера, отъ 22-го декабря 1786 года въ Берл. Архивѣ, Repos, XI, № 25. Это извѣстіе не подтверждается ни изданною уже перепискою частныхъ лицъ, ни хранящеюся въ Госуд. Архивѣ (разр. IV, №№ 150 и 151) перепискою Екатерины II съ родными принцессы Августы. Даже Е. Р. Полянская ничего не говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ С. Р. Воронцову, отъ 1-го января 1787 года, въ которомъ она упоминаетъ о высылкѣ принца Фридриха и разсказываетъ любовныя похожденія даже графа А. А. Безбородко, ей совершенно чужого, а вѣдь князь Дашковъ приходился ей племянникомъ. Архивъ князя Воронцова, XXI, 466.

[2]) Le prince Fréderic se fâche difficillement, mais une fois qu'il est en colère, c'est avec une grande violence. *Oberkirch*, II, 171. Близость баронессы Оберкирхъ къ сестрѣ принца, великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, придаетъ этому извѣстію особенный вѣсъ.

[3]) Сборникъ, XIII, 414.

своей волѣ, и нѣтъ-ли насилія въ его поѣздкѣ; буде найдете насиліе, остановите и мнѣ репортуйте; буде же насилія нѣту, то отпустите его въ свой путь». На допросѣ въ Ригѣ Герсдорфъ показалъ, что «принужденія къ сей его поѣздкѣ не было, но просилъ увольненія и отпущенъ отъ принца по причинѣ тяжкой болѣзни его отца» [1]). Броунъ пропустилъ Герсдорфа за границу. Тѣмъ не менѣе, за перепискою барона Герсдорфа былъ учрежденъ секретный надзоръ и всѣ его письма перлюстровались. Одно изъ этихъ писемъ представлено было императрицѣ при слѣдующей докладной запискѣ графа А. А. Безбородко:

«Письмо сіе было прислано тѣмъ же посредствомъ, какъ и два предпослѣднія. Высланный отсюда, какъ сказала госпожа Прецбургъ, писалъ къ принцу, что онъ былъ позванъ въ Ригѣ къ генералъ-губернатору, и у него спрашиванъ, какъ онъ высланъ. Они боятся, чтобъ принцъ не возъимѣлъ подозрѣнія, что принцесса о сей матеріи осмѣлилась писать вашему императорскому величеству, а фрейлина Прецбургъ призналась своему свойственнику, что положено было, по возвращеніи Герсдорфа, ей за него выйти» [2]).

Подозрѣнія не оправдались. Читая перлюстрованныя письма Герсдорфа, Екатерина пришла къ убѣжденію, что «все хозяйство гроша не стоитъ». Въ самомъ дѣлѣ, стоило-ли хлопотать изъ-за извѣстія, что Герсдорфъ влюбленъ въ фрейлину принцессы Августы и собирается жениться на ней! По возвращеніи Герсдорфа изъ Штутгардта, за нимъ продолжали слѣдить, и оказалось, что не онъ имѣетъ дурное вліяніе на принца Фридриха, но, наоборотъ, принцъ изъ него веревки вьетъ, заставляя исполнять даже жестокія порученія: Don-Feroce a l'employé à une ou plusieurs actions dignes de son nom [3]), какъ писала Екатерина.

---

[1]) Осьмнадц. вѣкъ, I, 403, 404. [2]) Сборникъ, XLII, 271.
[3]) Ibid., XXIII, 343.

Среди такихъ-то обстоятельствъ, 17-го декабря 1785 года, въ четвергъ вечеромъ, по окончаніи спектакля, когда Екатерина пришла изъ эрмитажа въ свою опочивальню, принцесса Августа бросилась въ ноги императрицѣ и, рыдая, умоляла защитить ее отъ мужа.

По свидѣтельству современниковъ, эта «размолвка», вынудившая Августу просить Екатерину о защитѣ, была значительно слабѣе прошлогодней [1]); между тѣмъ императрица немедленно прибѣгла къ ряду крайне рѣшительныхъ мѣръ: принцъ Фридрихъ высланъ за границу, отрѣшенъ отъ должности выборгскаго генералъ-губернатора, исключенъ изъ русской службы; принцесса Августа сперва помѣщена въ Зимнемъ дворцѣ, въ эрмитажѣ [2]), потомъ поселена въ дворцовомъ имѣніи Лоде, близъ Ревеля; баронъ Герсдорфъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Эти рѣшительныя мѣры произвели сильное впечатлѣніе при дворѣ, особенно же великокняжескомъ, и въ городѣ. Начались толки, догадки, предположенія [3]). Одни говорили, что принцъ высланъ за угрозу «переломать ноги и руки» своей

---

[1]) Quoique cette dispute ait produit une scène beaucoup moins vive, qu'il n'y en a eu précédemment, la princesse de Wurtemberg s'est jetée jeudi dernier aux genoux de l'impératrice au sortir du spectacle de l'hermitage et sa majesté impériale l'y a gardée. Депеша барона Келлера, отъ 22-го декабря 1786 года, въ Берлинскомъ Архивѣ, Repos. XI, № 25. Въ этой же депешѣ, dispute обращена уже въ brouille: La semaine passée le prince de Wurtemberg a eu avec son épouse une brouille, qui a engagé cette princesse de réclamer la protection de l'impératrice.

[2]) Въ весьма подробномъ и довольно тщательно составленномъ изслѣдованіи проф. Брюкнера «Зельмира», какъ сцена 17-го декабря, такъ и помѣщеніе Августы въ эрмитажѣ представлены, къ сожалѣнію, въ ложномъ свѣтѣ, какъ заранѣе подготовленная комедія («Историч. Вѣстникъ», XLI, 296). Въ данномъ случаѣ ошибка произошла отъ смѣшенія г. Брюкнеромъ «покоевъ князя Потемкина» съ помѣщеніемъ эрмитажа. О потемкинскихъ комнатахъ въ Зимнемъ дворцѣ см. Записки *Шишкова*, I, 8.

[3]) Cette brouillerie occupe beaucoup le public. Депеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинск. Архивѣ, Rep. XI, № 25. C'était le sujet de toutes les conversations de la ville. Письмо Е. Р. Полянской отъ 1-го января 1787 г. въ Арх. кн. Воронцова XXI, 467.

своей волѣ, и нѣтъ-ли насилія въ его поѣздкѣ; буде найдете насиліе, остановите и мнѣ репортуйте; буде же насилія нѣту, то отпустите его въ свой путь». На допросѣ въ Ригѣ Герсдорфъ показалъ, что «принужденія къ сей его поѣздкѣ не было, но просилъ увольненія и отпущенъ отъ принца по причинѣ тяжкой болѣзни его отца» [1]). Броунъ пропустилъ Герсдорфа за границу. Тѣмъ не менѣе, за перепискою барона Герсдорфа былъ учрежденъ секретный надзоръ и всѣ его письма перлюстровались. Одно изъ этихъ писемъ представлено было императрицѣ при слѣдующей докладной запискѣ графа А. А. Безбородко:

«Письмо сіе было прислано тѣмъ же посредствомъ, какъ и два предпослѣднія. Высланный отсюда, какъ сказала госпожа Прецбургъ, писалъ къ принцу, что онъ былъ позванъ въ Ригѣ къ генералъ-губернатору, и у него спрашиванъ, какъ онъ высланъ. Они боятся, чтобъ принцъ не возъимѣлъ подозрѣнія, что принцесса о сей матеріи осмѣлилась писать вашему императорскому величеству, а фрейлина Прецбургъ призналась своему свойственнику, что положено было, по возвращеніи Герсдорфа, ей за него выйти» [2]).

Подозрѣнія не оправдались. Читая перлюстрованныя письма Герсдорфа, Екатерина пришла къ убѣжденію, что «все хозяйство гроша не стоитъ». Въ самомъ дѣлѣ, стоило-ли хлопотать изъ-за извѣстія, что Герсдорфъ влюбленъ въ фрейлину принцессы Августы и собирается жениться на ней! По возвращеніи Герсдорфа изъ Штутгардта, за нимъ продолжали слѣдить, и оказалось, что не онъ имѣетъ дурное вліяніе на принца Фридриха, но, наоборотъ, принцъ изъ него веревки вьетъ, заставляя исполнять даже жестокія порученія: Don-Feroce a l'employé à une ou plusieurs actions dignes de son nom [3]), какъ писала Екатерина.

---

[1]) Осьмнадц. вѣкъ, I, 403, 404. [2]) Сборникъ, XLII, 271.
[3]) Ibid., XXIII, 343.

заслуживающихъ наказанія кнутомъ, могли бы считаться подтвержденіемъ слуха о какомъ-то государственномъ преступленіи принца, но считаемъ тѣмъ болѣе нужнымъ указать на этотъ источникъ, что г. Кобеко до извѣстной степени склоняется въ пользу правдоподобія этого слуха... Въ виду вышеупомянутыхъ слуховъ о какихъ-то государственныхъ преступленіяхъ принца, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ письмахъ, писанныхъ по поводу отставки супруга Зельмиры, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики. Зная за собою такую вину, принцъ, *какъ намъ кажется*, никогда бы не выразилъ желанія возвратиться въ Россію. Имѣя возможность обвинить принца въ чемъ-либо помимо варварскаго обращенія съ женою и дерзкихъ писемъ къ Екатеринѣ, императрица не преминула бы коснуться хотя бы слегка этихъ дѣлъ» [1]).

Кто же правъ въ данномъ случаѣ? Вопросъ чрезвычайно важный и имѣющій особенное значеніе для характеристики Екатерины II. Въ письмахъ къ принцу Фридриху и къ его сестрѣ, великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, императрица, говоря о семейномъ разладѣ въ вюртембергской четѣ, прямо и категорически заявляла: «Я не хочу и не буду судьею въ этомъ дѣлѣ» [2]), и въ то же время говорила Храповицкому, что «принцъ заслужилъ кнутъ», т.-е. Екатерина готова была стать не только судьею, но даже палачемъ принца. Что-нибудь изъ двухъ: или Екатерина проявила въ данномъ

неръ опровергаетъ самого себя. Замѣчаніе же Гарновскаго о посылкѣ гр. Ангальта въ Финляндію г. Кобеко подтверждаетъ ссылкою на *Анекдоты* о графѣ Ангальтѣ, о чемъ г. Брюкнеръ вовсе умолчалъ.

[1]) «Историч. Вѣстникъ», XLI, 303 и 562.

[2]) Сборникъ, XV, 25, 26. Эти письма не составляли тайны: Le prince Frédéric me montra un billet où sa majesté impériale lui dit que sans s'ériger en juge etc. Депеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинск. Архивѣ, Kepos., XI, № 25.

супругѣ; другіе, будто принцъ «впалъ въ преступленіе государственное»; иные знали даже и самое преступленіе: «принцъ имѣлъ со шведскимъ дворомъ опасную здѣшнему государству переписку», о чемъ полковникъ Спренгпортенъ извѣстилъ императрицу, которая посылала гр. Ангальта въ Финляндію для провѣрки этого извѣстія; въ городѣ носились слухи, что «нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся». Сама же Екатерина говорила только, что «принцъ заслужилъ кнутъ, ежели бъ не закрыли мерзкихъ дѣлъ его» [1]).

Основываясь на этихъ показаніяхъ современниковъ, на словахъ императрицы и «судя по негодованію, съ которымъ впослѣдствіи Екатерина отзывалась о принцѣ Фридрихѣ», г. Кобеко высказалъ мнѣніе, что въ слухѣ о государственномъ преступленіи виртембергскаго принца «была извѣстная доля правды» [2]). Кажется, трудно было сдѣлать болѣе осторожный выводъ и выразить его въ болѣе мягкой формѣ. Между тѣмъ, проф. Брюкнеръ не только отвергаетъ эту догадку г. Кобеко («мы не раздѣляемъ этого мнѣнія»), но глумится надъ нею: «Любопытно видѣть, какъ легко въ публикѣ рождаются слухи, лишенные всякаго основанія, и какимъ образомъ выдумываются историческіе факты, которымъ потомство приписываетъ нѣкоторое значеніе» [3]). Къ сожалѣнію, такое свое рѣзкое до неприличія заявленіе г. Брюкнеръ ничѣмъ не подтверждаетъ, кромѣ личныхъ соображеній довольно сомнительнаго свойства. Приводимъ эти «соображенія» г. Брюкнера изъ двухъ мѣстъ его статьи о «Зельмирѣ»:

«*Мы не думаемъ*, чтобы отправленіе Храповицкаго къ Ангальту [4]) и далѣе замѣчаніе о мерзкихъ дѣлахъ принца,

---

[1]) Записки Гарновскаго, въ «Русской Старинѣ», XV, 19; *Храповицкій*, 21.

[2]) *Кобеко*, 317. [3]) «Историч. Вѣстникъ», XLI, 302.

[4]) Это какое-то недоразумѣніе: о посылкѣ Храповицкаго къ Ангальту упоминаетъ самъ же г. Брюкнеръ; этого дѣйствительно неважнаго обстоятельства г. Кобеко вовсе не касается, такъ что въ данномъ случаѣ г. Брюк-

заслуживающихъ наказанія кнутомъ, могли бы считаться подтвержденіемъ слуха о какомъ-то государственномъ преступленіи принца, но считаемъ тѣмъ болѣе нужнымъ указать на этотъ источникъ, что г. Кобеко до извѣстной степени склоняется въ пользу правдоподобія этого слуха... Въ виду вышеупомянутыхъ слуховъ о какихъ-то государственныхъ преступленіяхъ принца, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ письмахъ, писанныхъ по поводу отставки супруга Зельмиры, мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на какой-либо неблаговидный поступокъ принца въ области политики. Зная за собою такую вину, принцъ, *какъ намъ кажется*, никогда бы не выразилъ желанія возвратиться въ Россію. Имѣя возможность обвинить принца въ чемъ-либо помимо варварскаго обращенія съ женою и дерзкихъ писемъ къ Екатеринѣ, императрица не преминула бы коснуться хотя бы слегка этихъ дѣлъ» [1]).

Кто же правъ въ данномъ случаѣ? Вопросъ чрезвычайно важный и имѣющій особенное значеніе для характеристики Екатерины II. Въ письмахъ къ принцу Фридриху и къ его сестрѣ, великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ, императрица, говоря о семейномъ разладѣ въ вюртембергской четѣ, прямо и категорически заявляла: «Я не хочу и не буду судьею въ этомъ дѣлѣ» [2]), и въ то же время говорила Храповицкому, что «принцъ заслужилъ кнутъ», т.-е. Екатерина готова была стать не только судьею, но даже палачемъ принца. Что-нибудь изъ двухъ: или Екатерина проявила въ данномъ

неръ опровергаетъ самого себя. Замѣчаніе же Гарновскаго о посылкѣ гр. Ангальта въ Финляндію г. Кобеко подтверждаетъ ссылкою на *Анекдоты* о графѣ Ангальтѣ, о чемъ г. Брюкнеръ вовсе умолчалъ.

[1]) «Историч. Вѣстникъ», XLI, 303 и 562.

[2]) Сборникъ, XV, 25, 26. Эти письма не составляли тайны: Le prince Frédéric me montra un billet où sa majesté impériale lui dit que sans s'ériger en juge etc. Депеша Келлера отъ 22-го декабря 1786 г., въ Берлинск. Архивѣ, Берoв., XI, № 25.

имѣлъ недавно съ русскимъ великимъ княземъ и о которыхъ я упоминалъ въ предыдущей депешѣ. Въ первую нашу бесѣду великій князь самъ началъ говорить о принцѣ Фридрихѣ вюртембергскомъ, котораго онъ восхвалялъ за его умъ, познанія и трудолюбіе, но порицалъ при этомъ за надменность и вспыльчивость, вслѣдствіе чего съ самаго вступленія его въ русскую службу можно было уже предвидѣть, что онъ не долго удержится въ ней. Его императорское высочество сознался, что всегда такъ смотрѣлъ на принца, но тѣмъ не менѣе объявилъ мнѣ, что его глубоко огорчили какъ грубый способъ увольненія принца, такъ и особенно мотивы, которыми руководствовалась императрица при высылкѣ его изъ Россіи. «Какимъ образомъ могли опасаться (это подлинныя слова великаго князя) какихъ-либо движеній въ мою пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣющаго здѣсь своихъ друзей? Они должны были знать, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное 24 года назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая по нынѣ царствуетъ надъ нимъ; была-ли эта присяга искренняя или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣсти людей того времени; что же касается меня, я хочу жить въ ладахъ съ моею! Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго моей совѣсти и это счастье я почитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ пред... мнѣ въ исторіи, которой, не знаю, будетъ-ли пере... имя. Таковы мои чувства; ихъ должны бы знать и ...ать тотъ случай, при которомъ я открыто выска... Я полагалъ, что великій князь говоритъ о томъ восторженныхъ кликахъ, которые были въ Москвѣ, ...явился во главѣ своего полка; но онъ сказалъ ...дъ всегда привѣтствовалъ его во все время ... въ древней столицѣ, но что то, о чемъ онъ ... въ Петербургѣ, во дворцѣ, когда онъ могъ

успокоить императрицу насчетъ всѣхъ страховъ, которые она могла имѣть относительно его. Полагая, что этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ вашему величеству, я не полюбопытствовалъ узнать его, опасаясь, что это можетъ не понравиться великому князю, но поздравилъ его высочество съ общею къ нему любовью, выразивъ, что это должно доставлять ему внутреннее удовлетвореніе, на что онъ отвѣчалъ мнѣ: «Ну, я не знаю еще насколько народъ желаетъ меня; я въ этомъ отношеніи не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій! Многіе ловятъ рыбу въ мутной водѣ и пользуются безпорядками въ нынѣшней администраціи, принципы которой, какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, совершенно расходятся съ моими». Его императорское высочество окончилъ этотъ разговоръ словами, обращенными ко мнѣ: «Я говорилъ съ вами прямо, откровенно. Это моя исповѣдь представителю государя, къ которому я наиболѣе привязанъ».

«Второй разговоръ тоже начался съ принца Фридриха вюртембергскаго, по поводу его переговоровъ съ тестемъ, причемъ его высочество во многомъ обвинялъ принцессу Августу и закончилъ такъ: «Прошу васъ, не сообщайте по почтѣ ничего, о чемъ мы говорили—нѣтъ надобности, чтобы кто-нибудь зналъ о сообщеніяхъ, мною вамъ сдѣланныхъ; но воспользуйтесь первою же надежною оказіею, чтобы увѣрить его величество короля, что *я всегда буду разсчитывать на его помощь, чтò со мною ни случилось бы*». Это послѣднее выраженіе, въ связи съ нѣкоторыми фразами великаго князя въ первой бесѣдѣ и съ выраженіемъ физіономіи, которымъ оно сопровождалось, заставляетъ меня предполагать, что его высочество не остановится ни передъ чѣмъ, если голосъ народа провозгласитъ его своимъ избранникомъ.

«Обѣ эти бесѣды съ великимъ княземъ происходили на Каменномъ Острову, въ его дворцѣ.

«Флигель-адъютантъ принца Фридриха вюртембергскаго, нѣкто *Герсдорфъ*, арестованный, нѣсколько дней спустя послѣ

опалы принца, по возвращеніи изъ Выборга, куда онъ былъ посланъ принцемъ, все еще содержится въ Шлюссельбургѣ. Этотъ молодой человѣкъ, прибывшій изъ Штутгардта вмѣстѣ съ принцемъ, вполнѣ ему довѣрявшимъ, нерѣдко выражался довольно легкомысленно; но, кромѣ этой неосторожности, никто не знаетъ за нимъ никакого иного преступленія» [1]).

Такимъ образомъ, слухи, распространенные между современниками, подтвердились во всѣхъ частяхъ: сообщенные Д. Ѳ. Кобеко три указа Екатерины II къ Циглеру, шлюссельбургскому коменданту, вполнѣ отвѣчаютъ слуху «яко бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся»; слова великаго князя Павла Петровича съ лихвою свидѣтельствуютъ о государственномъ преступленіи принца Фридриха виртембергскаго—работая въ пользу мужа своей сестры, принцъ Фридрихъ весьма могъ обратиться къ шведскому королю [2]), и Екатерина, извѣщенная о такой перепискѣ, дѣйствительно, «опасной здѣшнему государству», легко могла послать графа Ангальта въ Финляндію для провѣрки этого извѣстія. Происходило-ли это дѣйствительно такъ или какъ-нибудь иначе—это въ данномъ случаѣ безразлично; главный, существенный вопросъ заключается въ несомнѣнности преступныхъ относительно предержащей власти замысловъ принца Фридриха вюртембергскаго. Въ виду этой несомнѣнности, Екатерина II не только имѣла право, но была обязана при-ъ строгія мѣры противъ принца Фридриха, какъ государ-шаго преступника, и называть его высылку изъ Россіи -лько безцеремонною» [3])—по меньшей мѣрѣ несправед-

---

ин. Архивъ, Керов. XI, № 37. Депеша приведена нами въ извле-

-ьство Густава III весною 1788 года не было-ли отзвукомъ на-ринца Фридриха? См. «Екатерина II во время войны съ Шве-кой Старинѣ», т. LX, стр. 552.

Вѣстникъ», XLI, 562.

Списывать въ хронологическомъ порядкѣ извѣстія, помѣщенныя въ разныхъ изданіяхъ, конечно, не легко, что̀ и доказалъ г. Брюкнеръ, пропустившій въ своей «Зельмирѣ» всѣ извѣстія о *Герсдорфѣ*; но гораздо труднѣе подвергать эти извѣстія вѣрной оцѣнкѣ и дѣлать изъ нихъ правильные выводы...

опалы принца, по возвращеніи изъ Выборга, куда онъ былъ посланъ принцемъ, все еще содержится въ Шлюссельбургѣ. Этотъ молодой человѣкъ, прибывшій изъ Штутгардта вмѣстѣ съ принцемъ, вполнѣ ему довѣрявшимъ, нерѣдко выражался довольно легкомысленно; но, кромѣ этой неосторожности, никто не знаетъ за нимъ никакого иного преступленія» [1]).

Такимъ образомъ, слухи, распространенные между современниками, подтвердились во всѣхъ частяхъ: сообщенные Д. Ѳ. Кобеко три указа Екатерины II къ Циглеру, шлюссельбургскому коменданту, вполнѣ отвѣчаютъ слуху «яко бы нѣкоторые и въ крѣпости уже по сему дѣлу содержатся»; слова великаго князя Павла Петровича съ лихвою свидѣтельствуютъ о государственномъ преступленіи принца Фридриха вюртембергскаго—работая въ пользу мужа своей сестры, принцъ Фридрихъ весьма могъ обратиться къ шведскому королю [2]), и Екатерина, извѣщенная о такой перепискѣ, дѣйствительно, «опасной здѣшнему государству», легко могла послать графа Ангальта въ Финляндію для провѣрки этого извѣстія. Происходило-ли это дѣйствительно такъ или какъ-нибудь иначе—это въ данномъ случаѣ безразлично; главный, существенный вопросъ заключается въ несомнѣнности преступныхъ относительно предержащей власти замысловъ принца Фридриха вюртембергскаго. Въ виду этой несомнѣнности, Екатерина II не только имѣла право, но была обязана принять строгія мѣры противъ принца Фридриха, какъ государственнаго преступника, и называть его высылку изъ Россіи «нѣсколько безцеремонною» [3])—по меньшей мѣрѣ несправедливо.

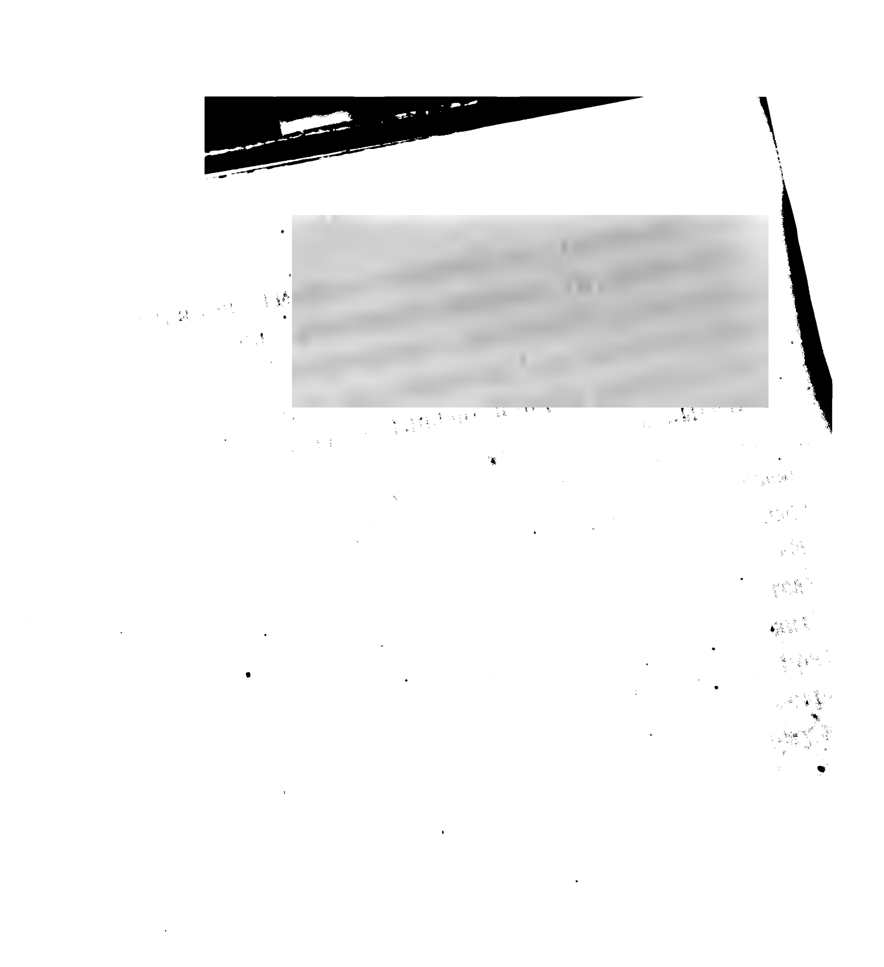
[1]) Берлин. Архивъ, Repos. XI, № 37. Депеша приведена нами въ извлеченіи.

[2]) Бахвальство Густава III весною 1788 года не было-ли отзвукомъ нашептываній принца Фридриха? См. «Екатерина II во время войны съ Швеціею», въ «Русской Старинѣ», т. LX, стр. 552.

[3]) «Историч. Вѣстникъ», XLI, 562.

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

С.-Петербургъ, 1897.

Отзывъ о докторской диссертаціи, представленный въ Императорскую Академію Наукъ.

(«Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774 гг.». Изслѣдованіе *Н. Чечулина*. Спб. 1896 г.).

Будущій историкъ императора Александра II отмѣтитъ въ числѣ отрадныхъ явленій этого царствованія возрожденіе русской литературы вообще и исторической въ особенности, послѣ долгаго ряда десятилѣтій, когда въ русской печати, по слову Аксакова, «слышалось одно молчаніе». Въ царствованіе Александра II зачались всѣ наши историческія изданія: «Русскій Архивъ» (1863), «Сборникъ» русскаго историческаго общества (1867), «Осмнадцатый Вѣкъ» (1869), «Русская Старина» (1870), «Девятнадцатый Вѣкъ» (1872), «Древняя и Новая Россія» (1875), «Историческій Вѣстникъ» (1880); къ тому же времени относится капитальное изданіе историческихъ матеріаловъ не только отдѣльныхъ родовъ, какъ многотомный «Архивъ князя Воронцова» (1870), но и цѣлыхъ учрежденій, какъ «Матеріалы для исторіи русскаго [illegible]лота» (1865). Но тридцатилѣтнее «молчаніе» сказалось на [illegible] изданіяхъ двумя особенностями: *во-первыхъ*, въ [illegible]ъ сырой матеріалъ, подлежащій еще обработкѣ, [illegible] матеріалъ этотъ касается почти исключительно [illegible] періода, преимущественно же XVIII стол. Не [illegible] издателямъ, но и цѣлымъ обществамъ [illegible]ламъ ученая обработка, серьезное изслѣ[illegible] и они появлялись въ совершенно сы-

Отзывъ о докторской диссертаціи, представленный въ Императорскую Академію Наукъ.

(«Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774 гг.». Изслѣдованіе *Н. Чечулина.* Спб. 1896 г.).

Будущій историкъ императора Александра II отмѣтитъ въ числѣ отрадныхъ явленій этого царствованія возрожденіе русской литературы вообще и исторической въ особенности, послѣ долгаго ряда десятилѣтій, когда въ русской печати, по слову Аксакова, «слышалось одно молчаніе». Въ царствованіе Александра II зачались всѣ наши историческія изданія: «Русскій Архивъ» (1863), «Сборникъ» русскаго историческаго общества (1867), «Осмнадцатый Вѣкъ» (1869), «Русская Старина» (1870), «Девятнадцатый Вѣкъ» (1872), «Древняя и Новая Россія» (1875), «Историческій Вѣстникъ» (1880); къ тому же времени относится капитальное изданіе историческихъ матеріаловъ не только отдѣльныхъ родовъ, какъ многотомный «Архивъ князя Воронцова» (1870), но и цѣлыхъ учрежденій, какъ «Матеріалы для исторіи русскаго флота» (1865). Но тридцатилѣтнее «молчаніе» сказалось на всѣхъ этихъ изданіяхъ двумя особенностями: *во-первыхъ*, въ нихъ заключенъ сырой матеріалъ, подлежащій еще обработкѣ, и, *во-вторыхъ*, матеріалъ этотъ касается почти исключительно императорскаго періода, преимущественно же XVIII стол. Не только отдѣльнымъ издателямъ, но и цѣлымъ обществамъ оказалась не по силамъ ученая обработка, серьезное изслѣдованіе матеріаловъ, и они появлялись въ совершенно сы-

ромъ видѣ. Попытки дать читателю болѣе обработанное чтеніе оказались неудачными, именно вслѣдствіе недостатка ученыхъ силъ. Такъ прекратилось изданіе «Древней и Новой Россіи», отдавшее изслѣдованію предпочтеніе предъ сырымъ матеріаломъ: «Въ сыромъ, необработанномъ видѣ, историческіе матеріалы полезны преимущественно однимъ спеціалистамъ, которые могутъ критически отнестись къ каждому вновь появляющемуся документу и знаютъ, какъ пріурочить его къ другимъ, уже имѣющимся у нихъ, свѣдѣніямъ. Только цѣльный, связный разсказъ, основанный на внимательномъ и подробномъ изученіи источниковъ, въ состояніи представить возможно полную и безпристрастную картину событія или характеристику лица, а потому мы отведемъ въ нашемъ изданіи лишь второстепенное мѣсто сырымъ матеріаламъ». Журналъ, какъ извѣстно, не просуществовалъ и семи лѣтъ— въ 1882 году, въ царствованіе императора Александра III, изданіе «Древней и Новой Россіи» прекратилось.

Изданіе сырого матеріала, не очищеннаго даже «критикой текста», конечно, очень легко: документъ, записка, дневникъ списывается копіистомъ и сдается въ типографію. Такимъ приблизительно путемъ издаются у насъ историческіе матеріалы, справедливо характеризуемые эпитетомъ «сырые». Иное дѣло критическая оцѣнка этихъ сырыхъ матеріаловъ: здѣсь уже требуется извѣстная не только техническая, но и ученая подготовка, чтобы сдѣлать этотъ сырой матеріалъ, документъ или пѣсню, дневникъ или письмо, достояніемъ исторической науки, которымъ историкъ можетъ пользоваться къ для возсозданія непосредственнаго событія или явленія, ъ и для дальнѣйшихъ цѣлей—для раскрытія политиче- ь комбинацій, для узнанія руководящей идеи, для пол- художественнаго представленія. Вотъ почему у насъ ся въ послѣднія десятилѣтія сотни томовъ сырого ескаго матеріала, но историческія изслѣдованія по- крайне рѣдко.

Неудивительно, поэтому, что каждое новое «изслѣдованіе» обращаетъ на себя вниманіе. Въ области русской исторіи работы такъ много, а работниковъ такъ мало, что каждый новый труженикъ привѣтствуется съ сердечною радостью и возбуждаетъ большія надежды. Съ такими чувствами взяли мы въ руки и «изслѣдованіе» г. Чечулина «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774».

Исторія Екатерины II, достойная ея государственныхъ заслугъ и отвѣчающая требованіямъ современной исторической науки, еще не написана. Объясняется это вовсе не недостаткомъ матеріала, давно уже и въ изобиліи собраннаго. Этимъ матеріаломъ съ успѣхомъ пользуются уже иностранцы, привлекая вниманіе западно-европейскаго читателя къ дѣяніямъ Екатерины и ея сотрудниковъ; у насъ же матеріалъ этотъ не подвергался еще серьезной обработкѣ ни въ общемъ, ни въ частяхъ. До нѣкоторой степени, конечно, это объясняется самимъ матеріаломъ, требующимъ отъ историка большой подготовки, такъ какъ здѣсь приходится примѣнять не только критику текста, но и критику факта въ полной мѣрѣ и на каждомъ шагу. Здѣсь все подлежитъ еще предварительному изслѣдованію.

Екатерина вступила на престолъ 28-го іюня 1762 года, объявивъ о томъ особымъ манифестомъ, въ которомъ сказано, между прочимъ, о предшествовавшемъ царствованіи, что «слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе». Здѣсь подъ «злодѣемъ» всѣ понимали прусскаго короля. Между тѣмъ, въ тотъ же день, 28-го же іюня, командующему дѣйствующею арміею гр. Чернышеву особымъ рескриптомъ предписано было объявить прусскому королю, что «Мы заключенный миръ съ его величествомъ продолжать будемъ свято и ненарушимо».

Вотъ первый шагъ Екатерины во внѣшней политикѣ—

можно-ли оставить это «противорѣчіе» безъ изслѣдованія? Противорѣчіе это имѣло, какъ извѣстно, свои послѣдствія. Фельдмаршалъ Салтыковъ, получивъ извѣстіе о низложеніи Петра III, рѣшилъ, что ненавистному пруссофильству долженъ быть положенъ конецъ, и поспѣшилъ, «не вѣдая о намѣреніи (которое и королю прусскому ужъ объявлено) заключенный съ нимъ недавно мирный трактатъ безъ нарушенія содержать, въ Королевствѣ Прусскомъ правленіе и прежніе посты занять, а пріѣхавшихъ туда прусскихъ управителей отрѣшить». Произошло очевидное недоразумѣніе: начались протесты, полетѣли жалобы въ Петербургъ. Салтыкову предписано было «исправить свою поспѣшность», а барону Гольцу, прусскому посланнику въ Петербургѣ, вручена была 11-го іюля особая записка, которою отвергались поступки Салтыкова и объявлялось «королевскому прусскому министру, что Ея Императорское Величество всероссійское миръ содержать изволитъ». Дѣйствительно, въ тотъ же день, 11-го іюля, графу Салтыкову послано было повелѣніе «все Королевство Прусское отъ занятія освободить». Это повелѣніе, за подписью императрицы, было отправлено съ нарочнымъ курьеромъ. Но тотъ же курьеръ повезъ тому же графу Салтыкову слѣдующее собственноручное письмо императрицы:

„Господинъ генералъ-фельдмаршалъ.

„Вы увидите изъ присланной при семъ депеши, что я для свѣта ...фировала. Однакожъ, будьте увѣрены, что и я и всѣ вѣрные ...отечества весьма довольны вашимъ поступкомъ, что вы ве...нимать королевство Прусское. Авось Богъ дастъ передѣлы... своему несносный сей миръ. Не спѣшите, да будьте осто...ть-ли король Прусскій графа Чернышева не отпуститъ, ...ь плассъ-дармъ вѣрно въ рукахъ досталось. Истинно всѣ ...іт спасибо.

Екатерина“.

...і оставить безъ изслѣдованія эту небольшую за...ро набросанную, безъ вѣдома коллегіи иностран-

Что въ частностяхъ, то и въ общемъ. По словамъ императрицы Екатерины, она, по воцареніи, могла и должна была заботиться только о *мирной* политикѣ; по ея словамъ, не разъ повтореннымъ, къ этому побуждало ее внутреннее состояніе имперіи, ею же самою обрисованное въ слѣдующихъ словахъ: «Въ 1762 году, при воцареніи моемъ на престолъ, я нашла сухопутную армію за двѣ трети жалованія не получившую. Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей невыполненные. Елизавета Петровна искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало... Монастырскіе и заводскіе крестьяне въ полномъ непослушаніи. Признаки были великаго роптанія на образъ правленія послѣднихъ годовъ. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи» [1]). Эта необходимость мира объявлялась Екатериною и до, и послѣ переворота. За нѣсколько мѣсяцевъ до 28-го іюня 1762 года, Екатерина писала: «Миръ необходимъ для такой обширной имперіи, какъ Россія. Мы нуждаемся въ увеличеніи населенія, а не въ уменьшеніи его. Это по внутренней политикѣ; а извнѣ миръ придастъ намъ большое значеніе, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной» [2]). Нѣсколько лѣтъ послѣ переворота, Екатерина говорила Іосифу II, qu'elle n'avait pu faire autrement au moment qu'elle est montée sur le trône que de faire la paix, tout ayant été dans un délabrement incroyable [3]). Прошло, однако, не болѣе года по воцареніи, какъ Екатерина, въ конфиденціальномъ письмѣ къ лицу, пользовавшемуся ея полнымъ довѣріемъ, откровенно высказала слѣдующія свои намѣренія по внѣшней политикѣ: «Говорю вамъ откровенно, что моя цѣль—быть связанной дружбою, даже оборонительными союзами, со всѣми державами, чтобы всегда имѣть

[1]) «Русскій Архивъ», 1865, стр. 480, 493. [2]) Сборникъ, VII, 85.
[3]) *Arneth*, III, 258.

возможность стать на сторону болѣе угнетаемаго, и такимъ образомъ быть арбитромъ Европы» [1]). Такимъ образомъ, въ теченіе какого-либо года, мирная тенденція смѣнилась воинственною, и такая перемѣна необъяснима безъ изслѣдованія причинъ, ея вызвавшихъ.

Какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ исторія Екатерины II, научно не разработанная, выдвигаетъ рядъ вопросовъ, требующихъ спеціальнаго изслѣдованія. Мы испытали это въ полной мѣрѣ, приступивъ къ составленію «Исторіи Екатерины Второй». Сверхъ болѣе или менѣе обширныхъ примѣчаній, разъясняющихъ возникающія недоразумѣнія, необходимо было изслѣдовать рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, причемъ въ первомъ томѣ, посвященномъ «Екатеринѣ до воцаренія», такихъ изслѣдованій три, во второмъ томѣ, посвященномъ «Воцаренію Екатерины» — четыре. Необходимость разъясненія встрѣчается на каждомъ шагу: во второй главѣ второго тома, занимающей 18 страницъ, нами помѣщено 9 примѣчаній, касающихся критики текста или критики факта. Въ двѣнадцатомъ томѣ, посвященномъ «Екатеринѣ въ иностранной литературѣ», отмѣчено 1.280 сочиненій, сообщающихъ факты и отзывы, требующіе критической оцѣнки, немыслимой безъ серьезнаго изслѣдованія.

Г. Чечулинъ держится иного взгляда. Ни критики тек-
і критики факта онъ не признаетъ, и подъ изслѣдова-
зумѣетъ субъективное толкованіе факта, отмѣчен-
кстѣ. Нельзя, конечно, отказать этому взгляду въ
игинальности, но отъ него едва ли можно ожи-
ибо серьезныхъ для науки результатовъ.
политика Россіи въ началѣ царствованія Ека-
исана отчасти случайно, отчасти помимо воли
и неопредѣленно обозначеніе *въ началѣ цар-*
въ немъ авторъ вполнѣ неповиненъ: въ 1895

—

V, 104; *Бильбасовъ*, II, 103; Сборникъ, XLVIII, 551.

году это обозначало семь лѣтъ, отъ 1762 по 1769 годъ; въ 1896 году—двѣнадцать лѣтъ, отъ 1762 по 1774 годъ; на самомъ же дѣлѣ, по ходу разсказа—девять лѣтъ, отъ 1762 по 1771 годъ. Исходная точка указана самимъ воцареніемъ Екатерины; заключительная же совершенно случайна и отъ автора независима. Почему?

Въ 1883 году, когда г. Чечулинъ сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, русское историческое общество предприняло изданіе «Политической переписки императрицы Екатерины» и до настоящаго времени обнародовало уже шесть частей, доведя эту переписку до конца 1771 года [1]). Этимъ-то годомъ объясняется «начало царствованія» въ заглавіи книги г. Чечулина: оканчивая свой разсказъ первымъ раздѣломъ Польши, авторъ заключаетъ книгу наивнымъ увѣреніемъ, что «много любопытнаго и поучительнаго представитъ изученіе и дальнѣйшей политики Россіи», причемъ объявляетъ: «будемъ ждать новыхъ матеріаловъ для подобнаго изученія» (456). Такимъ образомъ, ограничивая свое «изученіе» 1771 годомъ, онъ самъ опровергаетъ выставленное имъ въ заглавіи опредѣленіе времени «1762—1774». Книга г. Чечулина издана въ 1896 году; но въ 1895 году, не дождавшись выхода шестой части переписки, изданной лишь въ началѣ прошлаго года, г. Чечулинъ ограничивалъ «начало царствованія Екатерины» 1769 годомъ [2]), потому только, что этимъ годомъ оканчивалась «Политическая переписка» въ LXXXVII томѣ «Сборника». Такимъ образомъ, не какая-нибудь идея или система, даже не какой-нибудь фактъ или явленіе, характеризующіе внѣшнюю политику Россіи, но совершенно случайное изданіе «Политической переписки Екатерины II» руководило

[1]) Сборникъ, XLVIII, LI, LVII, LXVII, LXXXVII, XCVII. Первая часть издана въ 1885 г., послѣдняя въ 1896 г.

[2]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1895 г., октябрь. Отдѣльный оттискъ: «Замѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II», стр. 9.

авторомъ и помимо его воли опредѣляло границы его «изученія».

Положивъ въ основу своего труда «Политическую переписку Екатерины II», г. Чечулину предстояло, прежде всего, изслѣдовать значеніе этой переписки. Это было для него тѣмъ болѣе необходимо, что, по мысли издателей, переписка эта должна служить дополненіемъ «Бумагъ императрицы Екатерины II», причемъ преимущественное вниманіе сосредоточивалось на Екатеринѣ II; г. Чечулинъ же выдвигаетъ на первый планъ графа Н. И. Панина и на немъ, не на Екатеринѣ II, сосредоточиваетъ свое вниманіе. По опредѣленію совѣта русскаго историческаго общества, въ изданіи «Политической переписки» Екатерины II «должно быть обращено преимущественное вниманіе на то, чтобы собраны были и приведены въ хронологическій порядокъ, прежде всего, собственноручныя бумаги Екатерины II по внѣшнимъ дѣламъ. Равное вниманіе должно быть обращено на тѣ министерскія бумаги и доклады по дѣламъ внѣшнихъ сношеній Россіи, на которыхъ встрѣчаются собственноручныя резолюціи императрицы, или же резолюціи, послѣдовавшія по именному ея повелѣнію. Эти документы должны занимать первенствующее мѣсто въ изданіи бумагъ Екатерины II» [1]).

Такимъ образомъ, г. Чечулинъ обрисовываетъ дѣятельность Н. И. Панина по перепискѣ, имѣющей въ виду преимущественно Екатерину II. Еслибъ г. Чечулинъ изслѣдовалъ значеніе «Политической переписки Екатерины», онъ легко убѣдился бы, что въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится много бумагъ графа Н. И. Панина, не вошедшихъ въ «Политическую переписку Екатерины II» и оставшихся, такимъ образомъ, неизвѣстными г. Чечулину. Наконецъ, это изслѣдованіе должно было рѣшить и вопросъ о самой характеристикѣ этой пере-

[1]) Сборникъ, XLVIII, предисл. II.

писки: г. Чечулинъ не обратилъ вниманія даже на то, что во всѣхъ шести частяхъ эта переписка называется то «политическою», то «дипломатическою». Издатели могутъ не придавать точнаго значенія этимъ эпитетамъ, но претендующій на званіе серьезнаго ученаго обязанъ, прежде всего, ясно сознавать, какого рода матеріалъ подлежитъ его разработкѣ. Въ данномъ случаѣ это было существенно важно, такъ какъ въ концѣ концовъ оказалось, что г. Чечулинъ пишетъ о внѣшней политикѣ Россіи преимущественно по канцелярской дипломатикѣ.

До настоящаго времени въ «Политической перепискѣ Екатерины II» обнародовано 2.143 документа, за время отъ 28-го іюня 1762 года по 16-е декабря 1771 года. Документы эти обнимаютъ всѣ политическіе и дипломатическіе вопросы, возникавшіе за это время, причемъ значительное большинство документовъ, болѣе 1.400 нумеровъ, касаются польско-турецкаго вопроса, преимущественно перваго раздѣла Польши. Тѣмъ же вопросамъ посвящена «Дипломатическая переписка» прусскаго посланника при русскомъ дворѣ графа Сольмса, изданная тѣмъ же русскимъ историческимъ обществомъ въ трехъ томахъ Сборника [1]) и доведенная уже до начала 1774 года. Эти три тома Сборника составляютъ второй, послѣ «Политической переписки Екатерины», источникъ, положенный г. Чечулинымъ въ основу своего труда.

Пользоваться «Дипломатической перепиской» графа Сольмса, безъ предварительнаго ея изслѣдованія, признавали невозможнымъ даже сами издатели Сборника. Въ предисловіи ко всѣмъ тремъ томамъ, особенно же къ XXII-му, довольно подробно указаны даже *дополненія и исправленія*, какія необходимо имѣть въ виду при пользованіи депешами графа Сольмса, изданными по «системѣ, принятой въ выборѣ этихъ документовъ изъ берлинскаго государственнаго архива про-

[1]) Сборникъ, XXII, XXXVII, LXXII.

фессоромъ Германномъ». Эта система неудовлетворительна во многихъ отношеніяхъ [1]) и, тѣмъ не менѣе, г. Чечулинъ не призналъ необходимымъ примѣнить къ депешамъ графа Сольмса даже ту критику текста, на которую указывали уже ему сами издатели Сборника. Это уже не небрежность, не просмотръ, а ясно выраженное убѣжденіе, что подобныя изслѣдованія излишни, не нужны, и что можно написать «изслѣдованіе», ничего не изслѣдуя и полагаясь исключительно на свое субъективное толкованіе и текста, и факта.

Нужно ли, однако, подвергать критикѣ матеріалъ, изданный русскимъ историческимъ обществомъ? Вѣдь «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» вся основана на указанныхъ девяти томахъ «Сборника», издаваемаго этимъ обществомъ. Если на «Politische Correspondenz Friedrich des Grossen», издаваемую частными лицами, ссылаются безъ предварительной провѣрки, то нуждаются ли въ изслѣдованіи бумаги Екатерины II, издаваемыя императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ?

Заслуги русскаго историческаго общества громадны и цѣнны; изданные имъ сто томовъ «Сборника» — памятникъ, достойный всякаго почтенія. Оно неуклонно, въ теченіе 30-ти уже лѣтъ, преслѣдуетъ поставленную себѣ задачу, заключающуюся въ изданіи матеріаловъ историческаго характера—документовъ всякаго рода, записокъ, писемъ и т. п.; оно издаетъ сырой матеріалъ, почерпнутый изъ архивовъ, нерѣдко вовсе недоступныхъ, или съ большими трудностями, которыя общество, благодаря своему исключительному положенію, пре[illegible]ваютъ такъ или иначе. Въ этомъ его заслуга, которая, [illegible]тъся, умалится предъ будущими поколѣніями, но [illegible]никами оцѣнивается въ полной мѣрѣ. «Сборникъ» [illegible] сравнивать съ «Politische Correspondenz», которая [illegible] ученою комиссіею, составленною изъ спеціалистовъ,

---

[1]) [illegible] XII, 2, № 1024.

а не любителями, случайно посвящающими свой досугъ отъ служебныхъ занятій трудамъ въ русскомъ историческомъ обществѣ. Издатели «Сборника» вовсе и не задаются непосильною имъ цѣлью изслѣдовать обнародуемый ими историческій матеріалъ, очищать его критикою настолько, чтобъ онъ могъ стать пригоднымъ для историка. Къ обществу можно предъявлять одно только требованіе—чтобъ оно вполнѣ исчерпывало по данному вопросу архивъ, изъ котораго пользуется матеріаломъ: но и въ этомъ отношеніи необходимо помнить, что и русскому историческому обществу приходится бороться съ препятствіями, иногда непреодолимыми.

Г. Чечулинъ похваляется и ставитъ себѣ въ заслугу, что для составленія «Внѣшней политики Россіи» онъ «работалъ надъ первоисточниками», проявилъ «добросовѣстное разсмотрѣніе первоисточниковъ» и т. п. [1]). Не будемъ останавливаться надъ разницею между «источникомъ» и «первоисточникомъ»; замѣтимъ только, что если матеріалъ, предлагаемый «Сборникомъ», называть «первоисточникомъ», то въ русскомъ языкѣ не окажется выраженія для опредѣленія въ этомъ отношеніи матеріала, вызывавшаго къ жизни этотъ самый «первоисточникъ». Это представляется необходимымъ отмѣтить, чтобъ похвальба «первоисточникомъ» не ввела кого-нибудь въ заблужденіе, будто г. Чечулинъ работалъ по архивнымъ источникамъ. Сдѣлавъ такую оговорку, придется значительно понизить ученую цѣну заслуги, приписываемой себѣ г. Чечулинымъ. Заслуга ли читать «Сборникъ», особенно же тома, посвященные эпохѣ Екатерины II? Много лѣтъ назадъ, это чтеніе не только не ставилось въ заслугу, но приравнивалось къ удовольствію: «Русскому историческому обществу удалось добыть и издать такъ много и такихъ разнообразныхъ документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, что изъ чтенія одного сырого матеріала, помимо всякой раз-

---

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1897, февраль.

работки, можно составить себѣ, à peu de chose près, вполнѣ ясное и отчетливое представленіе о такъ называемомъ *золотомъ вѣкѣ Екатерины*. И это чтеніе сырого матеріала отнюдь не утомительно и не скучно. Этотъ сырой матеріалъ и самъ по себѣ такъ интересенъ, что непремѣнно увлечетъ всякаго, мало-мальски развитаго читателя. Что касается до писателя-историка, то ему тутъ представляется богатѣйшій источникъ свѣдѣній» [1]).

Эти свѣдѣнія, разнообразныя, интересныя и многочисленныя, подавили г. Чечулина: не онъ изслѣдуетъ, оцѣниваетъ документы и, при помощи ихъ, опредѣляетъ жизненные интересы народа екатерининской эпохи, а эти документы руководятъ взглядами автора и, сообразно своему разностороннему содержанію, бросаютъ его изъ стороны въ сторону.

По матеріалу, заключенному въ указанныхъ девяти томахъ «Сборника», главное вниманіе въ книгѣ г. Чечулина отведено дипломатическимъ переговорамъ по поводу польскихъ дѣлъ, приведшимъ къ первому раздѣлу Польши. Этому вопросу посвящены двѣ главы: четвертая —«Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ» (208), и пятая— «Первый раздѣлъ Польши» (362), занимающія большую половину всей книги; но, по существу вопроса, онъ могъ бы наполнить всю книгу и далеко не въ ущербъ ни интереса, ни серьезности изслѣдованія. Авторъ не считалъ, однако, удобнымъ для себя ограничиться этимъ вопросомъ и, повинуясь матеріалу, расширилъ свою задачу: къ польскому вопросу онъ присоединилъ вопросъ внѣшнихъ «отношеній Россіи къ Англіи, Швеціи, Даніи, Франціи, Турціи и прочимъ европейскимъ державамъ», составляющій предметъ третьей главы (147). Подъ давленіемъ матеріала, обоимъ этимъ вопросамъ придано своеобразное освѣщеніе: по польскому вопросу вспомянута старая, опровергнутая уже наукою, тен-

---

[1]) «Русская Мысль», 1883, VII, 33.

денція, по которой первый раздѣлъ Польши приписывался главнѣйшимъ образомъ и исключительно Россіи, по внѣшней же политикѣ Россіи высказанъ сообразно перепискѣ, веденной коллегіею иностранныхъ дѣлъ, управлявшеюся гр. Н. И. Панинымъ, вполнѣ оригинальный взглядъ, что не императрица Екатерина II, а гр. Панинъ руководилъ внѣшнею политикою Россіи. Первенствующее значеніе гр. Панина въ направленіи русской политики проходитъ красною ниткою чрезъ всю книгу г. Чечулина и составляетъ важнѣйшую ея особенность.

Никитѣ Ивановичу Панину не было еще и 44 лѣтъ, когда Екатерина вступила на престолъ. Это былъ красивый, статный царедворецъ; 23-хъ лѣтъ онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, 29-ти—камергеромъ. Всю свою жизнь, отъ юныхъ лѣтъ до самой смерти, онъ провелъ въ придворной атмосферѣ, причемъ около тринадцати лѣтъ состоялъ по дипломатической части—сперва чрезвычайнымъ посланникомъ при копенгагенскомъ дворѣ, потомъ полномочнымъ министромъ при стокгольмскомъ. Всегда привѣтливый и любезный со всѣми, мягкій по манерамъ, вѣжливый въ обращеніи, онъ легко снискивалъ себѣ уваженіе придворныхъ сферъ, своихъ и чужихъ. Ни рѣзкое слово, ни грубое движеніе никогда не обличали его. По образованію, онъ стоялъ выше многихъ современниковъ; многолѣтнее пребываніе за границей и служба среди иноземныхъ людей, къ тому же дипломатовъ, обогатили его многими познаніями, особенно драгоцѣнными для русскаго человѣка того времени. Ему легко было бы выдвинуться и занять выдающееся положеніе среди «екатерининскихъ орловъ», если бы его воля крѣпла по мѣрѣ того, какъ развивался умъ. Но придворная сфера, какъ извѣстно, не вырабатываетъ характеровъ, а Никита Ивановичъ и по природѣ былъ скорѣе податливаго, чѣмъ твердаго нрава. Въ этомъ отношеніи онъ былъ противоположностью своего брата, Петра Ивановича, извѣстнаго «генерала» Панина. Петръ Ивановичъ, выросшій въ военной дисциплинѣ и закаленный

въ бояхъ, былъ рѣшителенъ до рѣзкости и прямъ до грубости; Никита Ивановичъ, сжившійся съ придворной атмосферой и занятый дипломатическими дѣлами, былъ податливъ, уклончивъ, даже уступчивъ настолько, что могъ казаться двуличнымъ, чѣмъ онъ не былъ. На братьяхъ Паниныхъ вполнѣ оправдывалось сужденіе, что «родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній». Братъ Петръ, какъ полководецъ, пріобыкъ ставить себѣ цѣль и стремиться къ достиженію ея; братъ Никита, какъ царедворецъ, предпочиталъ плыть по теченію и примиряться съ fait accompli. Инціативой онъ не отличался, великихъ идей не провозглашалъ, и оставилъ по себѣ добрую память высокообразованнаго совѣтника и безукоризненно честнаго человѣка.

Екатерина понимала и цѣнила Панина. Нельзя того же сказать о Панинѣ.

Ставя превыше всего придворное служеніе, Панинъ покинулъ дипломатическій постъ въ Стокгольмѣ, чтобы стать воспитателемъ шестилѣтняго цесаревича Павла Петровича, съ званіемъ гофмейстера двора его высочества. Это не приблизило его къ Екатеринѣ, и какъ при Елизаветѣ Петровнѣ, такъ и при Петрѣ III Панинъ сумѣлъ защитить свое трудное положеніе даже отъ всякаго подозрѣнія въ какихъ-либо сношеніяхъ съ императрицею. Можно было догадываться, что просвѣщенный и умный Панинъ, долго жившій за границею, среди иныхъ, не русскихъ порядковъ, многимъ недоволенъ, что онъ не одобряетъ ни лицъ, управлявшихъ Россіею, ни многихъ ея учрежденій, ни порядковъ и обычаевъ, укоренившихся въ Россіи; но рѣзкаго противодѣйствія или хотя бы рѣшительнаго заявленія нельзя было ожидать отъ него. Онъ недоволенъ Петромъ III, которымъ недовольны всѣ, но онъ настолько не понимаетъ Екатерины, что свое не участіе, а только согласіе на переворотъ 1762 года обусловливаетъ установленіемъ регентства. Съ провозглашеніемъ Екатерины императрицей, Панинъ, конечно, примирился легко,

не выказавъ и подобія того протеста, какой заявилъ даже «ничтожный» гр. М. И. Воронцовъ. «Но важны учрежденія, не лица», и Панинъ, не успѣвъ съ регентствомъ, обращается къ перемѣнѣ учрежденій.

Съ согласія Екатерины, но, вѣроятно, по указанію Панина, въ манифестѣ отъ 6-го іюля о восшествіи на престолъ было объявлено: «наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго Нашего отечества въ своей силѣ и при надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло»[1]). На Панина и было «возложено» составить проектъ такихъ государственныхъ установленій. Въ августѣ, если уже не въ іюлѣ[2]), проектъ «императорскаго совѣта» былъ готовъ и представленъ императрицѣ. Въ проектѣ установлялась такая «надобная форма и порядокъ, чѣмъ бы добрый государь *ограничивалъ себя въ ошибкахъ*, свойственныхъ человѣчеству», причемъ императорскій совѣтникъ «каждый по своему департаменту *заимствуетъ часть Нашего* собственнаго попеченія». Надо было совершенно не понимать Екатерины, чтобы предлагать ей подобный проектъ. Даже фельдцейхмейстеръ Вильбоа[3]) находилъ, что эти императорскіе совѣтники «весьма удобно могутъ вырасти въ соправителей» и что самый совѣтъ «слишкомъ ужъ приближаетъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ».

Но верхомъ непониманія Екатерины служитъ роль Панина при «эхѣ» о готовящемся «марьяжѣ» императрицы съ гр. Г. Г. Орловымъ[4]). Для такого царедворца, какъ Панинъ, это звучитъ уже наивностью, не дѣлающею чести его про-

---

[1]) Архивъ Сената, т. 102, л. 24; Госуд. Архивъ, III, № 23; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1762, № 55; П. С. З., № 17759.

[2]) Госуд. Архивъ, l. c., л. 2.

[3]) *Blum*, I, 144. Мнѣніе Вильбоа переведено нами въ «Русск. Старинѣ», LXXII, 294. [4]) *Бильбасовъ*, II, 249.

зорливости, и можетъ быть объяснено только враждою къ Орлову. Это происходило въ 1763 году, и лишь въ 1767 году, когда уже Панинъ сталъ графомъ и былъ «первенствующимъ членомъ» коллегіи иностранныхъ дѣлъ, ему вполнѣ удалось недопустить къ Екатеринѣ «монархиста» Мерсье де Ла-Ривьера съ его «Ordre naturel», этою лебединою пѣснью монархизма [1]).

Рѣшающее значеніе для характеристики Н. И. Панина имѣетъ воспитаніе великаго князя Павла Петровича, такъ какъ здѣсь онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Ни Елизавета Петровна, ни Петръ III, ни Екатерина II ни мало не вмѣшивались въ это дѣло [2]); гофмейстеру Панину была предоставлена полная свобода дѣйствій и онъ могъ проявить здѣсь всѣ свои способности. И что же? Въ почтенномъ трудѣ Д. Ѳ. Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» собраны неложныя свидѣтельства, что Панинъ не уберегъ ни души, ни тѣла своего питомца отъ зловредныхъ вліяній [3]). Лѣнивый отъ «полнокровнаго сложенія», склонный къ излишествамъ стола и всяческихъ удовольствій, Панинъ и самъ «не могъ служить примѣромъ чистоты нравовъ». Мнѣніе свое о воспитаніи цесаревича онъ составилъ хорошо, но воспитывалъ цесаревича дурно [4]). Если справедливы отзывы современниковъ о добрыхъ душевныхъ качествахъ и большихъ умственныхъ способностяхъ первенца Екатерины, то противоположныя явленія должны быть во многомъ поставлены за счетъ его воспитателя.

Только гофмейстеръ Панинъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно: какъ посланникъ въ Стокгольмѣ и первенствующій членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Панинъ былъ уже въ зависимости отъ другихъ, былъ исполнителемъ чужой воли, но не слѣпымъ, по понятіямъ позднѣйшаго времени. Отношенія Панина, какъ главы коллегіи, къ императрицѣ

---

[1]) *Бильбасовъ*, «Никита Панинъ и Мерсье де Ла-Ривьеръ», въ «Русск. Стар.», LXXII, 283, 507.

[2]) *Кобеко*, 12, 16. [3]) *Ibid.*, 30, 31, 37, 40. [4]) Ibid., 37.

Екатеринѣ необходимо мѣрять аршиномъ прошлаго вѣка. Въ этомъ отношеніи юныхъ писателей могъ бы предостеречь авторитетный голосъ кн. П. А. Вяземскаго: «Какая-то жизнь мужественная дышитъ въ этихъ людяхъ царствованія Екатерины. Какъ благородны сношенія ихъ съ императрицею; видно, что она почитала ихъ членами государственнаго тѣла. И самое царедворство, ласкательство ихъ имѣло что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. Послѣ все приняло какое-то холопское уничиженіе. Вся разность въ томъ, что высшіе холопы барствовали передъ дворнею и давили ее, но передъ господиномъ они тѣ же безгласные холопы. Возьмите, напримѣръ, Панина и Нессельроде—въ тѣхъ ли онъ сношеніяхъ съ царемъ, въ какихъ былъ Панинъ съ Екатериною! Воля ваша, а для Россіи нужно еще и физическое представительство въ своихъ сановникахъ Чортъ ли въ этихъ лилипутахъ? При Павлѣ, несмотря на весь страхъ, который онъ внушалъ, все еще въ первые года велись нѣсколько екатерининскіе обычаи; но царствованіе Александра, при всей кротости и многихъ просвѣщенныхъ видахъ, особливо же въ первые года, совершенно изгладило личность. Всѣ силы оставшіяся обратились на плутовство, и стали судить о силѣ такого-то или другого сановника, по мѣрѣ безнаказанныхъ злоупотребленій власти его. Теперь и изъ преданія вывелось, что министру можно имѣть свое мнѣніе» [1]).

Приступая къ изданію «Политической корреспонденціи императрицы Екатерины II», покойный баронъ Ѳ. А. Бюлеръ и извѣстный своими учеными трудами В. А. Уляницкій подробно ознакомились съ содержаніемъ дипломатическихъ бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, привели ихъ въ порядокъ и, издавая первую часть переписки, высказали слѣдующее свое компетентное мнѣніе:

---

[1]) Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, IX, 146.

«При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина дала совершенно новое направленіе внѣшней политикѣ Россіи; поэтому ей по необходимости приходилось много работать самой, вникать во всѣ подробности иностранныхъ сношеній Россіи. Когда въ первые дни по ея восшествіи на престолъ, коллегія, въ числѣ другихъ вопросовъ, представила Екатеринѣ, что «прежде было всегда такое обыкновеніе, что для неутружденія многимъ и излишнимъ читаніемъ, подносимы были государямъ экстракты только изъ министерскихъ реляцій, заключающіе въ себѣ нужнѣйшее къ свѣдѣнію», то императрица положила резолюцію: *«точныя реляціи ко мнѣ приносить»* [1]). Дѣйствительно, при разсмотрѣніи дипломатическаго архива ея царствованія видно, что не только она лично вела переписку съ иностранными коронованными особами, но ей подносились всѣ реляціи русскихъ дипломатическихъ агентовъ за границею съ объяснительными замѣтками министерства, и большая часть ихъ возвращалась въ коллегію съ собственноручными замѣтками и резолюціями императрицы, а нерѣдко реляція какого-либо посланника или докладъ министра вызывали съ ея стороны болѣе или менѣе обстоятельное наставленіе коллегіи или министрамъ, или запросъ коллегіи какого она мнѣнія по тому или другому вопросу

«Не ранѣе, какъ установивши на твердыхъ національныхъ основаніяхъ свою внѣшнюю политику и «ознакомившись» вполнѣ со своими министрами [2]), Екатерина рѣшается, наконецъ, дать имъ болѣе свободы дѣйствій: «Министры наши при чужестранныхъ дворахъ жалуются — пишетъ она [3]) — что

[1]) Сборникъ, XLVIII, [illegible]

[2]) [illegible] Въ письмѣ къ гр. Кейзерлингу, отъ [illegible] марта 1763 года, [illegible] пишетъ: Alles ist noch neu und ich lerne meine [illegible] Meister zu sein (Сборникъ, XLVIII, 406). [illegible] обратить вниманія на это письмо

[3]) Собственноручный указъ, [illegible] 1763 года. Сборникъ, [illegible]XLVIII, 389.

на многія ихъ реляціи отвѣтовъ и резолюцій нѣтъ, а мнѣ одной, прочитавъ реляціи, нельзя столько прилежности имѣть за множествомъ дѣлъ, чтобы всегда придумать все то, что къ доброму успѣху дѣлъ принадлежитъ»; поэтому повелѣно было коллегіи составлять, «соображая съ прямыми нашими интересами и съ собственными приказаніями» императрицы общіе отвѣты нашимъ дипломатическимъ агентамъ за границею. Съ этого времени, именно съ 1764 года, количество собственноручныхъ резолюцій императрицы замѣтно уменьшается, а, съ другой стороны, получаютъ болѣе значенія депеши министровъ къ нашимъ представителямъ за границею, и съ 1764, а особенно съ 1765 года, нѣкоторыя депеши Панина, Остермана и др. нисколько не уступаютъ по историческому интересу и по своему содержанію рескриптамъ, такъ какъ онѣ служатъ дальнѣйшимъ разъясненіемъ и развитіемъ послѣднихъ».

Какъ это просто и ясно, потому именно, что основано на знакомствѣ съ дѣломъ. Г. Чечулинъ ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ: онъ смѣло выдвигаетъ на первый планъ Н. И. Панина. Дипломатическіе переговоры ведутся съ Панинымъ, бумаги изъ коллегіи выходятъ за подписью Панина, слѣдовательно—не Екатерина, а Панинъ руководилъ внѣшнею политикою Россіи: Екатерина совѣтовалась съ нимъ (82), чуть ли не находилась подъ его вліяніемъ (86). Заключеніе, по меньшей мѣрѣ, легкомысленное: съ кѣмъ же могли вестись дипломатическіе переговоры, какъ не съ Панинымъ? за чьею же подписью могли быть бумаги коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ не Панина? Неужели не Панинъ испрашивалъ резолюцій у императрицы, а Екатерина совѣтовалась съ Панинымъ? Чтобъ доказать то значеніе Панина во внѣшней политикѣ Россіи, какое ему придаетъ г. Чечулинъ, необходимо опредѣлить тѣ тенденціи, тѣ взгляды, которые принадлежатъ исключительно Панину, какъ Панину, не какъ первенствующему члену коллегіи, не какъ исполнителю воли

императрицы, выдѣлить, по слову кн. Вяземскаго, «мнѣніе министра». Задача, сравнительно говоря, не легкая, но, во всякомъ случаѣ, для обоснованія тезиса г. Чечулина обязательная. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на переписку Панина съ кн. Волконскимъ, отъ 7-го сентября 1769 года: сообщая кн. Волконскому апробованное Екатериною мнѣніе, гр. Панинъ «открываетъ собственныя свои разсужденія», быть можетъ «и неосновательныя» [1]). Изслѣдованіе этихъ «собственныхъ разсужденій» Панина дѣйствительно представило бы извѣстный интересъ. Вмѣсто этого, г. Чечулинъ, ради излюбленнаго тезиса, позволяетъ себѣ, хоть и невольно, извращать даже смыслъ депешъ. Такъ, въ депешѣ отъ 11-го августа 1766 года, гр. Сольмсъ пишетъ Фридриху II:

Сборникъ, XXII, 471:	*Чечулинъ*, 49:
Elle (la cour) ne demande rien pour elle même, elle ne veut guère se faire valoir, que par l'utilité, dont elle sera à ses amis.	*Панинъ* ничего не ищетъ, ничѣмъ другимъ прославиться не хочетъ, какъ только пользою, которую онъ можетъ принести друзьямъ.

Мы называемъ это извращеніе «невольнымъ», и вотъ почему: г. Чечулинъ тщательно избѣгаетъ оригинальныхъ депешъ и пользуется русскимъ ихъ переводомъ; на его бѣду, la cour—дворъ, мужескаго рода, и поэтому въ «Сборникѣ» оригинальное *elle* правильно переведено русскимъ *онъ*, а ужъ г. Чечулинъ вмѣсто «онъ» поставилъ «Панинъ», и совершенно некстати.

Г. Чечулинъ не выработалъ себѣ точнаго представленія о Н. И. Панинѣ и не дастъ намъ его характеристики. Онъ часто, быть можетъ чаще, чѣмъ слѣдовало бы, сопровождаетъ упоминаніе о Панинѣ различными, преимущественно хвалеб-

---

[1]) Сборникъ, LXXXVII, 483, 485. Ср. le sentiment particulier du comte Panin (Ibid., XXII, 327), то же что «собственныя мои разсужденія» (Ibid., LXXXVII, 483), и др.

ными, эпитетами, именно вслѣдствіе отсутствія яснаго не только внутренняго облика, но и внѣшняго образа графа Никиты Ивановича. О Панинѣ, какъ русскомъ представителѣ въ Стокгольмѣ и воспитателѣ цесаревича, въ книгѣ вовсе не упоминается; авторъ ограничивается отзывами о Панинѣ, какъ «руководителѣ русской внѣшней политики» (82) въ екатерининскую эпоху. Эти отзывы интересны.

Панинъ былъ человѣкъ «замѣчательный» (100), это былъ человѣкъ «высоко замѣчательный» (104), который «развилъ свои блестящія дарованія» и «многократно обнаруживалъ превосходство своего ума надъ дарованіями своихъ соперниковъ» (102); онъ былъ «достойнымъ ученикомъ гр. А. П. Бестужева-Рюмина и не часто, конечно, высокоцѣнная идея была воспринята отъ лучшаго учителя болѣе достойнымъ [1]) ученикомъ» (101); его отличали «твердость убѣжденій, пріятное обращеніе, правдивость» и, «вообще, Панинъ представлялъ изъ себя настоящій типъ дипломата XVIII вѣка: Лябрюйеръ въ своихъ Les caractères даетъ положительно его портретъ» (100).

Ставить рядомъ Бестужева-Рюмина и Панина, значитъ не понимать ни того, ни другого. Еще Екатерина отмѣтила выдающіяся особенности нравственнаго облика гр. Бестужева-Рюмина: «онъ былъ твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ и превосходилъ всѣхъ своимъ характеромъ» [2]); по словамъ же самого г. Чечулина, Панинъ «не обладалъ же-

---

[1]) Депеша Бретэля, отъ 9-го октября 1762 года: M-r Panin ne m'a point dissimulé qu'il blâmat absolument la politique du règne d'Elizabeth et qu'il ne concevait pas comment cette Princesse avait pu être aveugle au point d'épuiser son Empire pour le pur motif du sentiment pour la Cour de Vienne (Париж. Архивъ, Russie, v. 72, № 59). Елизаветинская политика была политикой гр. Бестужева-Рюмина (*Бильбасовъ*, II, 70), погубившей Пруссію; екатерининская политика была политикой Панина, содѣйствовавшей усиленію Пруссіи. Гдѣ же «высокоцѣнная» идея?

[2]) Mémoires, 7.

лѣзной волей» (101) и потому-то «въ искусствѣ хитрить не уступалъ никому изъ своихъ современниковъ» (102). Въ этомъ отношеніи, имѣющемъ рѣшающее значеніе въ характеристикѣ Бестужева-Рюмина и Панина, ихъ должно противопоставить другъ другу и никакъ ужъ нельзя сопоставить ихъ рядомъ. Этимъ сопоставленіемъ г. Чечулинъ обнаружилъ, сверхъ того, и свое непониманіе Екатерины: г. Чечулинъ, очевидно, даже и не догадывается, что великая княгиня Екатерина Алексѣевна уважала Бестужева-Рюмина именно за его твердую волю, за его смѣлую энергію, за его характеръ, и что императрица Екатерина II цѣнила въ Панинѣ его нерѣшительность, его неспособность къ смѣлымъ предпріятіямъ, его податливость. Именно поэтому-то графа Никиту Панина она приблизила къ себѣ, а графа Петра Панина всегда отстраняла.

Если сравненіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ только наивно, то воспоминаніе о Лабрюйерѣ вполнѣ постыдно. Оно, прежде всего, было необязательно: Лабрюйеръ умеръ за много лѣтъ до рожденія Панина и никогда не писалъ портретовъ. Какъ нѣтъ пророковъ прошлаго, такъ немыслимы и портреты будущаго. Говоря, что Лабрюйеръ написалъ портретъ Панина, г. Чечулинъ безъ нужды увеличилъ число тѣхъ mensonges insipides, которыя такъ возмущали Л. Ожè, непремѣннаго секретаря французской академіи. Сверхъ того, въ данномъ случаѣ воспоминаніе о Лабрюйерѣ и совершенно неумѣстно: по Лабрюйеру, ложь, притворство и обманъ составляютъ за[illegible]тельныя качества дипломата, съ которыми вовсе не вя[illegible] «правдивость» (100), которою, по словамъ самого же [illegible]чулина, отличался Панинъ. Единственная черта лабрюйе[illegible]ой политики, примѣнимая къ Панину, свидѣтельствуетъ [illegible] противъ г. Чечулина: Ne pensez qu'à soi et au présent, [illegible] l'erreur en politique [1]). Тотъ жестоко подшутилъ надъ

---

[1] [illegible] XII, Des jugements.

г. Чечулинымъ, кто посовѣтовалъ ему упомянуть о портретѣ Панина, написанномъ Лабрюйеромъ [1]).

«Вопросъ о личныхъ отношеніяхъ Екатерины II и гр. Н. И. Панина» и т. д. (82—104) разсмотрѣнъ г. Чечулинымъ тоже весьма оригинально. Онъ справляется съ нимъ очень легко, ничто въ немъ его не смущаетъ, онъ не надъ чѣмъ не задумывается и ничего не изслѣдуетъ: это онъ отвергаетъ, то признаетъ, одно объясняетъ случайностью, о другомъ умалчиваетъ, и, съ легкимъ сердцемъ, нанизывая фразу на фразу, смѣло идетъ къ намѣченной цѣли. Противорѣчіе иностранцевъ для него чистый вздоръ: французскій посланникъ Бретэль дурно отзывается о Панинѣ—Бретэль «поверхностный говорунъ» (88), отзывъ котораго не можетъ имѣть значенія; императоръ Іосифъ II, будучи въ Россіи, расхваливалъ русскому сановнику Панина—эта похвала искренна и вѣрна (105). Есть прямыя указанія самой Екатерины, что она была недовольна Панинымъ, но эти указанія легко устранить двумя-тремя фразами: «Эти письма написаны въ минуту раздраженія, и кому же не случалось въ подобныя минуты, въ интимныхъ письмахъ къ наиболѣе близкимъ людямъ, произносить о другихъ людяхъ отзывы и сужденія такія, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ обычнымъ, постояннымъ чувствамъ къ тѣмъ же самымъ лицамъ?!» (91). Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ изслѣдовать письма, когда ихъ можно легко устранить пустою фразою? Екатерина имѣла неосторожность

---

[1]) Это упоминаніе г. Чечулинъ подкрѣпляетъ слѣдующею ссылкою: *La Bruyère*, Les caractères, Paris, 1853, 214—216. Ссылка эта фальшива. Г. Чечулинъ не читалъ Лабрюйера и заимствовалъ ссылку изъ *A. Sorel*, L'Europe et la Révolution Française, I, 21, гдѣ она вѣрно показана: ch. X, *Du souverain et de la république*. Г. Чечулинъ, не зная даже, что, при ссылкахъ на Лабрюйера, указываются главы, а не страницы, отыскалъ первую выписку, приводимую Сорелемъ, и отмѣтилъ стр. 214—216, что его и погубило, такъ какъ вторая же выписка приходится на 218 стр. Г. Чечулинъ не можетъ правильно перевесть даже Сореля, не только Лабрюйера: lorsqu'on a dépouillé les lettres, переведено *дѣлая выписки изъ писемъ* (102).

высказать Храповицкому, что не удаляла Панина отъ воспитанія сына «по политическимъ причинамъ; всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ» [1])—но, вѣдь, это «коротенькая фраза», а «мы устраняемся отъ слишкомъ сложныхъ предположеній и слишкомъ искусственныхъ толкованій, не считая возможнымъ построить какое-либо утвержденіе на натянутыхъ и сложныхъ толкованіяхъ одной отрывочной фразы» (90). И правда: стоитъ ли безпокоить себя изъ-за «коротенькой фразы»!

Послѣ бракосочетанія великаго князя Павла Петровича, когда Панинъ былъ удаленъ отъ великокняжескаго двора, Екатерина писала г-жѣ Бьелке: «Скажите Сальдерну, когда его увидите, что мой домъ очищенъ или почти-что очищенъ, что всѣ кривлянья происходили, какъ я предвидѣла, но что однакожъ воля Господня совершилась, какъ я тоже предсказывала» [2]). Тутъ уже никакія фразы не помогутъ, и г. Чечулинъ вовсе умалчиваетъ объ этомъ письмѣ: трудно предположить, что онъ его не знаетъ — о немъ упоминаетъ Д. Ѳ. Кобеко [3]), книгу котораго г. Чечулинъ читалъ.

Не умалчиваетъ г. Чечулинъ о Сальдернѣ и тоже вполнѣ своеобразно: «Дѣло Сальдерна извѣстно намъ по современнымъ донесеніямъ иностранныхъ пословъ» (89)—и болѣе ни полслова, хотя это «дѣло» надѣлало много хлопотъ Панину, какъ то видно изъ обнародованныхъ нами въ 3-мъ т. депешъ графа Сольмса, хранящихся въ Берлинскомъ Архивѣ и не сообщенныхъ проф. Германомъ русскому историческому обществу.

Такое отношеніе г. Чечулина къ историческимъ вопросамъ, такое его невольное подражаніе «поверхностнымъ говорунамъ», было бы совершенно непонятно и даже вполнѣ невѣроятно, еслибъ онъ самъ не сообщилъ намъ, на чемъ основана его надежда, что въ подобномъ «изслѣдованіи» все

[1]) *Храповицкій*, 434. [2]) Сборникъ, XIII, 361. [3]) *Кобеко*, 78.

сойдетъ съ рукъ, и еслибъ самъ же не указалъ, какъ мы должны относиться къ подобнымъ его отзывамъ: «Мы вообще не придаемъ рѣшающаго значенія отзывамъ людей, настроеніе которыхъ слишкомъ легко мѣнялось подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ и которые нимало не скупились на самые опредѣленные, увѣренные отзывы, отчасти искренно увлекаясь, отчасти зная, что опровергнуть и даже провѣрить ихъ совершенно невозможно для тѣхъ, кому они писали» (100). Подражая въ этомъ случаѣ г. Чечулину, мы тоже не придаемъ никакого, не только рѣшающаго, значенія его отзывамъ; но мы, въ то же время, не понимаемъ его надежды, будто «совершенно невозможно опровергнуть и даже провѣрить» его отзывы. Это, напротивъ, довольно легко и, для примѣра, беремъ «коротенькую фразу» Екатерины.

Въ 1793 году, разговаривая съ А. В. Храповицкимъ, императрица Екатерина, похваляя физическое и моральное воспитаніе великаго князя Александра Павловича, сказала: «Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ» [1]). Только человѣку совершенно незнакомому съ тѣмъ временемъ можетъ казаться непонятнымъ смыслъ этихъ словъ. Для уразумѣнія ихъ не нужно ни «сложныхъ предположеній», ни «искусственныхъ толкованій»; необходимо только тщательно изучить «первоисточники» и внимательно изслѣдовать матеріалъ, предлагаемый «Сборникомъ» русскаго историческаго общества. Современники хорошо понимали, что Екатерина довѣрила Панину своего первенца, который, въ глазахъ многихъ, являлся, даже при жизни матери, претендентомъ на престолъ, именно потому, что Панинъ не обладалъ ни энергіей замысла, ни рѣшительностью воли, такъ что ему никогда не могла бы придти

---

[1]) *Храповицкій*, 434.

мысль воспользоваться своимъ питомцемъ для произведенія переворота, который, конечно, могъ только погубить Павла Петровича. Брату Панина, графу Петру Ивановичу, императрица никогда не довѣрила бы своего сына: вѣдь, даже «ничтожный» Сальдернъ, и тотъ мечталъ о возможности переворота именемъ великаго князя. Одинъ изъ современниковъ, конечно, иностранецъ, англійскій посланникъ сэръ Робертъ Гуннинъ писалъ по этому поводу графу Суффольку, отъ 28-го іюля 1772 года: The real motive for confiding so great a trust as the sole care and government of the Great Duke in him, which is in fact putting the crown into his hands is from a conviction that he has neither abilities, resolution nor activity enough to attempt placing it on the head of this young Prince, even if the latter had spirit enough to venture to wear it, which is as yet, very problematical. It is however far from improbable that others of more desperate fortunes and a more enterprising turn may gladly undertake a work of this kind, which upon a near view of things does not appear very difficult [1]).

Такъ же легко можно не только «провѣрить», но и «опровергнуть» отзывы г. Чечулина въ тѣхъ случаяхъ, когда они основаны не на строгомъ изслѣдованіи даннаго вопроса. Къ сожалѣнію, г. Чечулинъ относится съ какимъ-то пренебреженіемъ ко всякому изслѣдованію, находя болѣе удобнымъ замѣнять его собственнымъ разглагольствованіемъ; онъ даже предпочитаетъ проходить полнымъ молчаніемъ вопросы, требующіе изслѣдованія. Такъ, имъ даже не затронутъ вопросъ объ отношеніяхъ Панина къ князю Орлову, хотя безъ разъясненія этихъ отношеній нельзя понять Панина. Екатерина была внимательнѣе къ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, и когда оба они умерли, почти одновременно, произнесла о нихъ свой «замѣчательный» [2]) приговоръ: «Эти два человѣка,

XIX, 298. [2]) Кобеко, 274.

постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, огонь и вода менѣе противоположны, чѣмъ они. Долгіе годы жила я съ этими двумя совѣтниками, журчавшими мнѣ въ уши «каждый свое», и тѣмъ не менѣе дѣла шли и шли полнымъ ходомъ; но часто приходилось поступать, какъ Александръ съ гордіевымъ узломъ и тогда мнѣнія соглашались. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности... Графъ Панинъ былъ по природѣ лѣнивъ, но онъ обладалъ искусствомъ выдавать эту лѣнь за обдуманную осторожность; по своей природѣ онъ не былъ ни такъ добръ, ни такъ прямъ, какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и пороки, которые у него были довольно значительны» [1]).

Какъ самая личность Н. И. Панина вообще не охарактеризована, такъ и личныя его отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ опредѣлены г. Чечулинымъ не по изслѣдованію фактовъ, а по личному впечатлѣнію автора. Мало того: не изслѣдованы и даже вовсе не затронуты вопросы, касающіеся Панина, какъ руководителя внѣшней политики Россіи. Когда Панинъ сталъ принимать участіе въ дѣлахъ внѣшней политики? Что новаго внесъ Панинъ въ политику того времени? Почему Панинъ никогда не былъ пожалованъ канцлеромъ? и т. д.

Безъ изслѣдованія этихъ вопросовъ, однако, нельзя составить себѣ яснаго представленія ни о значеніи Панина вообще, ни о роли его въ направленіи внѣшней политики Россіи того времени.

Французскій посланникъ Бретэль, близко знакомый съ придворнымъ персоналомъ Елизаветы Петровны и Петра III,

---

[1]) Сборникъ, XIII, 275. Правда, это единственный томъ, изданный безъ перевода на русскій языкъ; но приведенное мѣсто переведено цѣликомъ Гротомъ, 315.

говорилъ, что вслѣдъ за переворотомъ всѣми дѣлами завѣдывали Панинъ и Тепловъ [1]), причемъ прибавляетъ, что Панинъ, отличающійся болѣе дѣловитостью, чѣмъ государственною мудростью, единственный человѣкъ, способный содѣйствовать императрицѣ въ ея видахъ [2]). Бретэль, въ своихъ депешахъ, постоянно упоминаетъ о Панинѣ и очень вѣрно представляетъ его положеніе относительно императрицы Екатерины [3]). Датскій резидентъ гр. Гакстгаузенъ также точно свидѣтельствуетъ о значеніи Панина въ дни, непосредственно слѣдовавшіе за переворотомъ: онъ окончательно редактировалъ манифестъ 6-го іюля 1762 года [4]), онъ распоряжался по дѣламъ внѣшней политики [5]). Гр. Гастгаузенъ хорошо зналъ Панина еще до воцаренія Екатерины и всегда отзывался съ похвалою о его способностяхъ [6]). Еще въ царствованіе Петра III императрица старалась, насколько могла, выдвинуть Панина [7]). Прусскій посланникъ баронъ Гольцъ гово-

---

[1]) Депеша Бретэля, отъ 23-го іюля 1762 года: Panin et Teplow dirigent toutes les affaires sous des noms empruntés (Париж. Архивъ, Russie, v. 70, № 12).

[2]) Депеша Бретэля, отъ 9-го января 1763 года: Il est vrai que, hors M-r Panin, qui a encore plutôt l'habitude d'un certain travail que de grands lumières ou connaissances, cette Princesse n'a personne qui puisse servir à ses vues d'administration et de grandeur (Париж. Архивъ, Russie, v. 73, № 7).

[3]) ...епеша Бретэля, отъ 28-го октября 1762 года: Panin est un homme ...sé et qui affiche la vertu citoyenne par caractère. Il sera toujours ...t ne se laissera jamais aller qu'après une surabondance de réfle... les vues ou aux entreprises hazardeuses (Париж. Арихивъ, v. 71,

... Гакстгаузена, отъ 19-го іюля 1762 года: Le manifeste que ...oindre ici... M-r Panin l'a corrigé et y a donné la dernière ...рхивъ, № 128).

... же, отъ 5-го іюля 1762 года: M-r de Rumohr vint... sur ... de Panin... m'en parler (Копенгаг. Архивъ, № 122).

...е, отъ 30-го марта 1762 года: M-r Panin est sans con... et l'homme le plus capable; отъ 10-го іюня: M-r Panin ...гаг. Архивъ, № 67 и 93).

... отъ 30-го марта 1762 года: L'Impératrice s'intéresse ...n; avant-hier Elle montra à M-r Saldern une lettre

ритъ тоже о довѣріи Екатерины къ Панину, причемъ упоминаетъ о стремленіи Панина отстранить отъ императрицы гр. Бестужева-Рюмина, вліянія котораго онъ опасался [1]).

Мы привели рядъ указаній архивныхъ, неизданныхъ, предполагая, что свѣдѣнія этого же рода, обнародованныя уже въ «Сборникѣ», должны быть извѣстны г. Чечулину. Теперь еще очевиднѣе необходимость изслѣдовать вопросъ о первыхъ шагахъ Панина въ царствованіе Екатерины, оставленный г. Чечулинымъ совершенно безъ всякаго вниманія. Въ такой же мѣрѣ подлежали изслѣдованію и другіе, выше нами намѣченные, вопросы, безъ разъясненія которыхъ нельзя говорить о значеніи Панина въ направленіи внѣшней политики Россіи.

Въ чемъ же, однако, заключалась сущность этой политики? Какая произошла въ ней существенная перемѣна съ воцареніемъ Екатерины? Кто виновникъ этой перемѣны: императрица Екатерина или Н. И. Панинъ?

Сознавая важность этихъ вопросовъ для уясненія «внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II», г. Чечулинъ посвятилъ имъ цѣлую главу, первую (1—105). Одинъ изъ друзей автора (VII) категорически, въ офиціальномъ отзывѣ, заявляетъ, что эта «первая глава играетъ главенствующую роль» [2]). Эта первая глава состоитъ изъ крат-

---

qu'Elle avait écrite au prince George et par laquelle Elle demandait, dans les termes les plus touchants, qu'il s'employa en faveur de M-r Panin pour lui faire obtenir le cordon bleu et le rang de général en chef avec augmentation de ses gages (Копенгаг. Архивъ, № 67).

[1]) Депеша Гольца, отъ 10-го августа 1762 года: Le comte Bestuchew aura toujours du ressentiment... et Panin connait trop bien ce qu'il vaut et est trop jaloux du crédit parfait qu'il a prés de la Souveraine, pour faire approcher le Comte (Берлин. Архивъ, Rep. XI, 64, A).

[2]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1897, январь, стр. 174. Тутъ, вѣроятно, говоря словами автора, «корректурная нелѣпость»: какимъ образомъ *предварительныя замѣчанія* могутъ играть «главенствующую роль», причемъ «прочія главы служатъ для обоснованія и оправданія» этихъ предварительныхъ замѣчаній?

каго введенія и двухъ неравныхъ частей: первая часть, представляющая «Общій очеркъ внѣшней политики Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка» (9—33), вся основана на «Исторіи Россіи» Соловьева, что и засвидѣтельствовано г. Чечулинымъ на каждой страницѣ—слѣдовательно, въ первой части, какъ заимствованной, г. Чечулинъ неповиненъ; вторая часть, излагающая «Предварительныя замѣчанія о политикѣ Екатерины II» (33 — 105), прямо относится къ поставленнымъ выше вопросамъ. Въ чемъ же, по словамъ Чечулина, заключалась внѣшняя политика Россіи? Буквально вотъ въ чемъ:

Съ воцареніемъ Екатерины II «нѣкоторая перемѣна въ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ была неизбѣжна и необходима» (33). Сподвижники императрицы «не оставили намъ ничего такого, что было бы подобно Histoire de mon temps Фридриха II» (36) и, поэтому, «свѣдѣнія о политической системѣ русскаго правительства необходимо собирать по частямъ, изъ дипломатической его переписки. Опубликованная переписка петербургскаго кабинета за первыя двѣнадцать лѣтъ [1]) Екатерининскаго царствованія и донесенія изъ Петербурга иностранныхъ представителей о словахъ и дѣйствіяхъ русскихъ министровъ, отчеты пословъ о ихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ отъ сношеній съ русскими дѣятелями представляютъ матеріалъ весьма обширный, въ высшей степени любопытный и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно достаточный для того, чтобы выяснить политическую систему правительства Екатерины II. Изъ этихъ документовъ политика его раскрывается вполнѣ» (37). Не раскрывая, однако, этой политики ни вполнѣ, ни отчасти, авторъ продолжаетъ: «Свидѣтельствъ того, что съ началомъ Екатерининскаго царствованія измѣнилась политическая система русскаго правительства, у насъ не мало» (38), и приводятся по «Сборнику»

[1]) Нѣтъ: Екатерина вступила на престолъ 28-го іюня 1672 года; дипломатическая переписка доведена только до 16-го декабря 1771 года — менѣе

выписки изъ депешъ австрійскаго, прусскаго и англійскаго посланниковъ (39—42), причемъ утверждается, будто «прежде всего заговорилъ объ этомъ графъ Мерси д'Аржанто» [1]. Представители «Австріи, Пруссіи и Англіи свидѣтельствуютъ, что русское министерство держало себя независимо и прямо выставляло, что желаетъ сохранить полную самостоятельность въ политикѣ» (43). «Что же ставило оно себѣ цѣлью этой своей политики? Въ перепискѣ своей съ представителями Россіи за границей петербургское министерство постоянно высказываетъ совершенно прямо, что *«всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ»* [2] (47). «Такимъ образомъ, изъ дипломатической переписки Панина мы видимъ, что и онъ, и императрица желали вести политику совершенно самостоятельную и преслѣдовать главнымъ образомъ интересы Россіи» (51). Далѣе по-

[1]) Нѣтъ: «прежде всего» заговорилъ объ этомъ англійскій представитель Кейтъ (*Бильбасовъ*, II, 89). Но «прежде» всѣхъ и вся, какъ и подобаетъ, заговорила объ этомъ Екатерина II.

[2]) Ни одно, конечно, правительство никогда еще не объявляло, что предпринимаемыя имъ мѣры имѣютъ въ виду вредъ, а не пользу его интересовъ. Представляется, поэтому, невѣроятнымъ, чтобъ «петербургское министерство» могло, къ тому же «постоянно», высказывать подобную плоскую банальность, и по справкѣ оказывается, что г. Чечулинъ исказилъ въ данномъ случаѣ текстъ. Подчеркнутыя нами слова взяты авторомъ изъ рескрипта гр. Кейзерлингу, отъ 8-го февраля 1763 года; этимъ рескриптомъ послу дается знать, что, въ виду ожидаемой смерти польскаго короля, русское правительство мобилизовало корпусъ въ 30.000 человѣкъ, приготовило «знатную денежную сумму» и поручаетъ ему «приласкать примаса и другихъ инфлюенцію имѣющихъ знатныхъ поляковъ». Перечисливъ эти мѣры, рескриптъ, подписанный императрицею Екатериною II и контрасигнованный гр. М. Воронцовымъ, прибавляетъ: «А какъ всѣ сіи предпринимаемыя *запасныя* мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обнадежиться напередъ отъ новаго кандидата полученіемъ нѣкоторыхъ для имперіи нашей выгодностей», причемъ эти выгодности тутъ же и перечислены (Сборникъ, XXVIII, 304). Г. Чечулинъ выбросилъ подчеркнутое нами слово «запасныя», обобщилъ весьма конкретную фразу, придавъ ей банальный смыслъ, и увѣряетъ, будто коллегія «постоянно» высказывала подобныя плоскости.

дробно разсматривается вопросъ «о вліяніи въ Петербургѣ прусскаго короля Фридриха II» и о значеніи «свидѣтельствъ, оставленныхъ самимъ Фридрихомъ» (52), причемъ оказывается, что «вліяніе Пруссіи въ Петербургѣ вовсе не было преобладающимъ» (73) и что оно «не можетъ быть признаваемо сколько-нибудь значительнымъ» (82). 27-го октября 1763 года, по отъѣздѣ гр. Воронцова за границу, Панинъ былъ назначенъ «первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» (82) и «являлся — по наружности уже несомнѣнно — руководителемъ русской внѣшней политики» (83). А Екатерина? «Обращаясь къ вопросу о личномъ участіи императрицы Екатерины въ политикѣ, мы должны сказать, что въ перепискѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ безусловное, положительно подавляющее большинство составляютъ документы, написанные въ коллегіи; императрица ихъ просматривала, просматривала обыкновенно очень внимательно, снабжала замѣтками, вносила поправки; но эти именно документы вполнѣ объясняютъ всѣ дѣйствія петербургскаго министерства; положительно нельзя указать случая, когда бы какое-либо серьезное рѣшеніе было предписано императрицею коллегіи, а не выработано государынею сообща съ кѣмъ-нибудь изъ ближайшихъ ея сотрудниковъ, преимущественно съ Панинымъ. Обыкновенно на его докладъ о какомъ-либо вопросѣ императрица полагала свою утвердительную резолюцію и по этой резолюціи въ коллегіи составлялся указъ, или рескриптъ и т. п., которые затѣмъ снова просматривались и утверждались или императрицею, или высшими чинами коллегіи» (84). Признавая Панина руководителемъ внѣшней политики Россіи, г. Чечулинъ заканчиваетъ свои «Предварительныя замѣчанія» слѣдующимъ вздоромъ: «Въ годъ смерти Н. И. Панина, гр. Сегюръ въ запискѣ, поданной имъ гр. Верженню, послѣ чего Сегюръ и былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, писалъ между прочимъ: Pétersbourg est donc le point, où la *politique doit* porter son activité. C'est de la promptitude et du *succès des négociations*, qui vont s'y entamer, que dépend le sort

de l'Europe. Такъ возросло международное значеніе Россіи за время министерства Панина» [1]) (105).

Итакъ, въ «Предварительныхъ замѣчаніяхъ», играющихъ «главенствующую роль» въ книгѣ о внѣшней политикѣ Россіи, не говорится ни слова ни о внѣшней политикѣ Россіи вообще, ни о перемѣнѣ, происшедшей въ этой политикѣ съ воцареніемъ Екатерины. Почему?

Вся книга г. Чечулина составлена съ «заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ» предоставить «главенствующую роль» во внѣшней политикѣ Россіи Н. И. Панину, а не императрицѣ Екатеринѣ II; между тѣмъ, перемѣна въ этой политикѣ произведена Екатериной, при канцлерѣ М. И. Воронцовѣ, когда Панинъ не былъ еще даже членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Эта перемѣна была обусловлена самимъ воцареніемъ Екатерины и причина этой перемѣны ясно выражена въ первомъ же указѣ, подписанномъ императрицею въ день же воцаренія, 28-го іюня 1762 года, графу Чернышеву: «*тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотложно*» [2]).

---

[1]) Все это—рядъ ошибокъ, объясняемыхъ пренебреженіемъ г. Чечулина къ критикѣ текста. Панинъ умеръ въ 1783 году, когда гр. Сегюръ воевалъ въ Америкѣ; только годъ спустя, въ 1784 г., возвратясь во Францію, гр. Сегюръ былъ назначенъ посломъ къ русскому двору. Готовясь къ отъѣзду въ Россію, онъ составилъ особую записку, въ которой просилъ дать ему инструкціи по указаннымъ имъ въ запискѣ вопросамъ. 16-го декабря 1784 г. инструкція была подписана и въ концѣ декабря гр. Сегюръ выѣхалъ изъ Парижа. Въ своей Note гр. Сегюръ, не упоминая еще ни о Петербургѣ, ни о Панинѣ, говоритъ, прежде всего, о Екатеринѣ: Je crois pouvoir, sans exagération, regarder le parti que l'Impératrice de Russie prendra comme décisif pour le repos de l'Europe. Les yeux de tous les souverains vont se fixer sur Catherine. По «ученымъ» пріемамъ г. Чечулина слѣдовало бы прибавить: «Такъ возросло международное значеніе Россіи за время царствованія Екатерины». Всѣ эти извращенія фактовъ, допущенныя г. Чечулинымъ, произошли отъ мизерной опечатки: Note гр. Сегюра помѣчена 15-го октября 1784, а не 1783 г., какъ напечатано у *Rambaud*, 388.

[2]) Сборникъ, XLVIII, 1. Въ депешѣ Гольца, отъ 23-го іюля 1762 года: La sûreté de la Souveraine demande d'avoir ses troupes au coeur de l'Empire (Берлинскій Архивъ, Rep. XI, 64, A).

Позже, когда «тишина и благосостояніе престола» укрѣпились, Екатерина, какъ мы указывали выше, объясняла перемѣну, произведенную ею во внѣшней политикѣ Россіи, уже иными цѣлями, чисто государственными; въ день же воцаренія—исключительно личными. По своему личному положенію, Екатерина, только что добившаяся престола, была, конечно, права, и ей нельзя ставить въ грѣхъ или во осужденіе, что она, въ самый же день восшествія своего на престолъ, заботится объ укрѣпленіи за собою этого престола; но съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ необходимо признать справедливость вышеприведенной нами «максимы» Лабрюйера: Ne penser qu'à soi et au présent, source d'erreur en politique.

Въ чемъ же эта перемѣна состояла и что знаменовала она?

Правильныя международныя сношенія Россіи съ Западною Европою, собственно съ германскими государствами, начались подъ громъ пушекъ, которыми Петръ I пробивалъ «окно въ Европу». Въ это окно Россія увидѣла, прежде всего, междоусобную рознь двухъ германскихъ державъ, вражду между Австріей и Пруссіей. Ознакомившись съ положеніемъ европейскихъ дѣлъ, Петръ Великій установилъ въ международныхъ сношеніяхъ такую «славную систему, которая нашему отечеству толико блага принесла, что весь свѣтъ отъ того въ удивленіе приведенъ, ибо мы вездѣ въ почтеніи были и повѣренность чужестранныхъ имѣли». Въ чемъ же состояла эта система? «Сіе все въ томъ состоитъ, чтобы своихъ союзниковъ не покидать, для соблюденія себѣ взаимно такихъ пріятелей, на которыхъ бы положиться можно было; а оные суть морскія державы (Англія и Голландія), король польскій, яко курфирстъ саксонскій, и королева венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ сею имперіею интересъ имѣютъ» [1]). Такимъ образомъ, русская политическая система стояла за Австрію, слѣдовательно, противъ Пруссіи.

[1]) *Архивъ кн.* Воронцова, II, 20, 23.

Семья европейскихъ государствъ пополнилась въ началѣ XVIII стол. двумя новыми членами: Прусскимъ королевствомъ, создавшимся изъ курфиршества Бранденбургскаго, и Россійскою имперіею, выросшею изъ Московскаго царства. Первый король прусскій, называвшій перваго русскаго императора своимъ лучшимъ другомъ (mon meilleur ami), съ безпокойствомъ взиралъ на усиленіе Россіи: J'aime les amis forts, говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, mais non les voisins puissants. Едва сошли въ могилу оба эти «лучшіе друзья», какъ ихъ дѣти, Фридрихъ II и Елизавета Петровна, помѣнялись ролями, и уже русская императрица съ тревогою смотритъ на усиленіе Пруссіи: дочь Петра I признаетъ Пруссію «наисильнѣйшимъ сосѣдомъ, а потому натурально и наиопаснѣйшимъ». Тѣмъ не менѣе, два раза, въ самые рѣшительные для Фридриха II моменты, и оба раза совершенно невольно, Россія благопріятствовала успѣхамъ прусской политики: въ 1740 году, когда вѣсть о смерти Анны Ивановны дала Фридриху II, по его собственному сознанію, послѣдній толчекъ къ занятію Силезіи, и въ 1761 году, когда смерть Елизаветы Петровны избавила Фридриха II отъ всѣхъ злосчастныхъ для него послѣдствій войны. Теперь Екатерина II, въ третій уже разъ, и не невольно, а сознательно, содѣйствуетъ цѣлямъ прусской политики.

Будучи цербстской принцессой, Екатерина видѣла Фридриха II въ Берлинѣ; ставъ русской великой княгиней, она высказывалась за политическую систему гр. Бестужева-Рюмина, врага Пруссіи, и желала «ослабленія короля прусскаго»; уже императрицей, но еще при Петрѣ III, она заявила свое расположеніе къ Австріи и мирный русско-прусскій договоръ былъ ей противенъ; ставъ самодержицей, она признаетъ необходимымъ «передѣлывать несносный сей миръ». Тѣмъ не менѣе, съ первыхъ же дней царствованія, Екатерина склоняется на сторону Пруссіи, по мотивамъ чисто личнымъ въ явный ущербъ государственнымъ интересамъ Россіи. Вну-

тренняя «разстройка» имперіи, отсутствіе кредита въ Голландіи и «армія, за двѣ трети жалованья не получившая»— мотивы нимало не существенные для отозванія русскихъ войскъ. Пруссія была несравненно болѣе Россіи истощена и разстроена: едва услышавъ о сверженіи Петра III, гр. Салтыковъ, безъ труда и не встрѣтя сопротивленія, опять занимаетъ Восточную Пруссію и возстановляетъ всѣ завоеванія, сдѣланныя русскою арміею при Елизаветѣ Петровнѣ. Только удержаніе этихъ завоеваній и могло вознаградить Россію за военныя издержки, поддержать честь ея оружія и поднять русскій государственный кредитъ.

Екатерина не пошла по стопамъ супруга, но и не послѣдовала примѣру тетки: Елизавета Петровна воевала противъ Фридриха II, Петръ III воевалъ за Фридриха II, Екатерина II объявила себя нейтральною, но ея нейтралитетъ клонился въ пользу Пруссіи [1]). Одно отозваніе русскихъ войскъ съ театра войны было уже важно для Фридриха—русскія войска не будутъ въ рядахъ его враговъ; возвращеніе же всѣхъ завоеваній, очищеніе прусскихъ земель, занятыхъ русскими войсками, въ значительной степени увеличивало военные шансы прусскаго короля. Этотъ екатерининскій нейтралитетъ былъ противъ Австріи и за Пруссію: завоеваніе Восточной Пруссіи совершилось при извѣстномъ, хотя, быть можетъ, и косвенномъ, содѣйствіи австрійскихъ военныхъ силъ, и очищеніе его сопровождалось подробностью, не оставлявшею сомнѣнія относительно политическихъ тенденцій Екатерины, прямо противоположныхъ елизаветинской системѣ.

Подробность эта любопытна. Въ самый разгаръ Семилѣтней войны, въ началѣ 1759 года, когда обнаружилось намѣреніе Фридриха II оттѣснить русскія войска за Нѣманъ и

---

[1]) Депеша Бретэля, отъ 12-го сентября 1762 года: Je ne serais pas même étonné qu'en maintenant la paix de Pierre trois avec Sa Majesté Prussienne, *l'Impératrice eut* adopté sur ce point un système peu différent de celui de son *mari (Париж.* Архивъ, Russie, v. 72, № 59).

явилось опасеніе за возможность удержанія Восточной Пруссіи, г. п. Фролову-Багрѣеву былъ посланъ особый рескриптъ, въ которомъ, на случай необходимой ретирады, предписывалось: «отступая, за собою ничего цѣлаго не оставлять, но все жечь и разорять; но притомъ не меньше и того смотрѣть надлежитъ, чтобъ, разоряя прусскую землю, не разорять тѣхъ земель, кои среди Пруссіи лежатъ, а, однакожъ, *полякамъ принадлежатъ*» [1]). Три года спустя, 28-го іюня 1762 года, въ рескриптѣ Екатерины II П. И. Панину о возвращеніи русскихъ войскъ въ Россію предписывалось: «всѣ осторожности принять, дабы его величества короля прусскаго землямъ никакихъ причинъ не подавать къ озлобленію» [2]), а о польскихъ земляхъ вовсе не упоминалось. Сопоставляя оба рескрипта, при всемъ различіи поводовъ, ихъ вызвавшихъ, не трудно видѣть, что одинъ изъ нихъ продиктованъ дочерью Петра В., другой — дочерью прусскаго генерала. Если не ошибаемся, изъ всѣхъ современниковъ Екатерины II, одинъ только кн. Ѳ. Н. Голицынъ въ своихъ запискахъ принималъ во вниманіе, что «государыня была не русская» [3]).

Не только мы, спустя болѣе ста лѣтъ, даже современники Екатерины дивились «дружескому» поведенію императрицы относительно Фридриха II [4]). Довольно обратить вниманіе на первыя письма, которыми они обмѣнялись по поводу воцаренія: Фридрихъ II не поздравляетъ даже императрицу съ восшествіемъ на престолъ, а желаетъ ей успѣха по поводу ея avènement au gouvernement de l'Empire, и обѣщаетъ поддержать la bonne harmonie et l'intelligence, возстановленныя между обѣими націями [5]). Екатерина же, въ своемъ

---

[1]) *Масловскій*, Русско-австрійскій союзъ, 246.

[2]) Сборникъ, VII, 103. [3]) Русск. Архивъ, 1874, I, 1283.

[4]) Депеша Гольца, отъ 31-го іюля 1762 года: La conduite amicale de l'Impératrice vis-à-vis de Votre Majesté doit être très inattendue pour toute cette Cour, puisque à peine peuvent-ils se refuser d'en témoigner leur étonnement (Берл. Архивъ, R. XI, 64, A).

[5]) *Сборникъ*, XX, 151.

отвѣтѣ, замѣняетъ слово intelligence выраженіемъ amitié и сама называетъ распоряженія графа Салтыкова des mesen tendus en Prusse survenus par un excès de zèle [1]). Разница въ тонѣ обѣихъ писемъ была замѣчена современниками, и баронъ Гольцъ, въ депешѣ отъ 31-го іюля, увѣдомляетъ короля, что отвѣтъ писанъ самою императрицею, не только безъ участія, но даже безъ вѣдома кого-либо изъ совѣтниковъ, и что чувства, въ немъ выраженныя, принадлежатъ лично Екатеринѣ [2]).

Не прошло и недѣли со дня переворота, какъ Екатерина, въ началѣ іюля, никого не спрашивая, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, разрѣшаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, представленныхъ ей въ особомъ докладѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Эти рѣшенія кратки, ясны и вполнѣ рисуютъ начало новаго направленія внѣшней политики Россіи, направленія «екатерининскаго» [3]). Въ концѣ іюля, отличіе этой «новой политики» отъ «системы», положенной въ основу политическихъ дѣлъ прежняго времени, елизаветинскаго, стало уже очевидно по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ: 26-го іюля, императрица предложила «своимъ совѣтникамъ» восемь собственноручно написанныхъ пунктовъ: на эти вопросы совѣтники представили свои отвѣты, и въ этихъ вопросахъ и отвѣтахъ охарактеризовалось все различіе двухъ направленій—стараго и новаго [4]).

---

[1]) Сборникъ, 162 [illegible]

[2]) Депеша Гольц[illegible] іюля 1762 года: Une circonstance que je viens d'apprendre [illegible], me parait mériter d'être rapportée à Votre Majesté: [illegible] a fait Sa réponse à Votre Majesté non seulement [illegible] Ses ministres, mais qui plus est, sans en faire [illegible] ainsi les sentiments que cette Princesse [illegible] être censés les Siens propres (Берл

[illegible] на это вниманія; ему неизвѣстны ни во- [illegible] этого небреженія къ столь существен-

Не подлежитъ сомнѣнію, что сущность перемѣны, послѣдовавшей съ воцареніемъ Екатерины II, во внѣшней политикѣ Россіи можетъ быть понята и опредѣлена лишь въ связи не только съ мотивами, вызвавшими переворотъ, но и съ обстановкою, при которой совершилось воцареніе. Это важно какъ для внѣшней, такъ и для внутренней политики, чѣмъ и объясняется, что изъ двѣнадцати томовъ «Исторіи Екатерины Второй» мы вынуждены были посвятить отдѣльный томъ, второй, вопросу о воцареніи Екатерины II: безъ серьезнаго и всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса нельзя понять ни Екатерины, ни ея государственной дѣятельности, составившей эпоху въ исторической жизни русскаго народа, эпоху «екатерининскую». Г Чечулинъ находитъ, что изданный въ «Сборникѣ» русскаго историческаго общества матеріалъ «совершенно достаточенъ для того, чтобы выяснить политическую систему правительства Екатерины II» (37); между тѣмъ, въ виду недостаточности этого матеріала, намъ пришлось испещрить 2-й томъ выписками изъ берлинскаго, парижскаго и датскаго архивовъ, причемъ мы пришли къ результатамъ, почти діаметрально противоположнымъ тѣмъ, которые получаются отъ чтенія разсматриваемой книги. Въ доказательство, насколько г. Чечулинъ ошибается, довольствуясь «Сборникомъ», ссылаемся на матеріалъ, извлеченный Соловьевымъ изъ Московскаго Главнаго Архива и на

ному матеріалу никоимъ образомъ нельзя; его можно только объяснить и это объясненіе не дѣластъ чести безпристрастію автора: въ числѣ «совѣтниковъ», къ которымъ Екатерина обратилась съ своими вопросами (графъ М. Воронцовъ, графъ А. Бестужевъ-Рюминъ, И. И. Неплюевъ, князь Голицынъ и князь Волконскій), не встрѣчается имени Н. И. Панина и г. Чечулинъ, слѣпо преслѣдующій свою заднюю мысль о возвеличеніи quand-même Панина, игнорируетъ такой матеріалъ, какъ негодный для его цѣли. Матеріалъ этотъ напечатанъ, и не разъ: *Соловьевъ*, XXV, 192; Архивъ князя Воронцова, XXV, 334; Сборникъ, XLVIII, 34; причемъ у Соловьева приведены выдержки всѣхъ отвѣтовъ (по Моск. Гл. Архиву), а въ Архивѣ князя Воронцова напечатанъ полностью отвѣтъ канцлера.

помѣщенные нами выше [1]), нигдѣ еще неизданные матеріал[illegible] изъ государственныхъ архивовъ Берлина и Парижа.

Если справедливо, что перемѣна во внѣшней политик[illegible] Россіи произошла вслѣдъ за вступленіемъ Екатерины II н[illegible] престолъ, когда Н. И. Панинъ не принималъ даже еще непосредственнаго участія въ дѣлахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, то утверждать, что именно Панинъ былъ «руководителемъ русской внѣшней политики» предстявляется, по меньшей мѣрѣ, несерьезнымъ; доказывать же это «руководительство» тѣмъ, что «въ перепискѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ безусловное, положительно подавляющее большинство составляютъ документы, написанные въ коллегіи» (83)—болѣе чѣмъ наивно. По существу вопроса нимало не удивительно, что во всей книгѣ г. Чечулина не указана ни одна политическая мысль, тенденція, не говоримъ ужъ о явленіи, если не творцомъ, то хотя бы иниціаторомъ которыхъ можно было бы признать исключительно Панина [2]); но поистинѣ удивительно то ослѣпленіе, съ которымъ авторъ, преслѣдуя свою idée fixe, не замѣчаетъ даже прямыхъ указаній самого же Панина, что то или другое его распоряженіе основано «на собственныхъ усмотрѣніяхъ всемилостивѣйшей государыни» [3]) или дѣлается по точному соизволенію ея величества» [4]), или написано «по точному ея императорскаго величества высочайшему повелѣнію» [5]), что Панинъ только пересылаетъ «отъ ея величества наставленія» [6]), что онъ, «не имѣя отъ ея величества резолюціи» [7]), ничего рѣшить не можетъ и т. д., и т. д. Мы не считаемъ, конечно, возможнымъ предположить, что г. Чечулину [illegible] добросовѣстно изучилъ переписку пе-

---

[1]) [illegible] документы были впервые изданы нами въ прило-[illegible] Чечулина.

[2]) [illegible] г. Чечулинъ называетъ не иначе, какъ «пре-[illegible] и неизвѣстенъ «творецъ» этой системы.

[3]) [illegible] [4]) Ibid., 57. [5]) Ibid., 111.

[6]) [illegible] [7]) Ibid., 277.

тербургскаго двора» [1]), извѣстны эти указанія, но что онъ умышленно умолчалъ о нихъ, надѣясь, что «опровергнуть и даже провѣрить его совершенно невозможно» (100).

Кромѣ Панина, какъ «руководителя русской внѣшней политикой» (83) и «управителя русской иностранной политикой» (226), второю особенностію книги г. Чечулина является взглядъ автора на первый раздѣлъ Польши. Взглядъ этотъ не новъ, давно уже истрепанъ западно-европейскою литературою и отвергнутъ, какъ ложный, историческою наукою; но онъ вполнѣ новъ для нашей литературы и, если не ошибаемся, впервые высказывается г. Чечулинымъ, съ усердіемъ, поистинѣ, достойнымъ лучшей участи. Въ разсматриваемой книгѣ онъ представленъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Борьба съ Польшею должна была доставить русскому народу совершенно необходимое для полнаго развитія всякаго народа національное единство» (5). Въ первое время по воцареніи Екатерины, «въ Петербургѣ постоянно была одна главная цѣль—усиленіе русскаго вліянія въ Польшѣ» (209, 214) и «терминомъ польскихъ дѣлъ опредѣляли кончину королевскую» (217, 224, 376). При первомъ же извѣстіи о смерти Августа III, «въ чрезвычайной конференціи» (222) читанъ былъ «Секретный планъ» гр. З. Г. Чернышева, предлагавшаго «пріобрѣсть отъ Польши, въ видахъ округленія границъ, польскую Лифляндію, воеводства полоцкое и витебское, и изъ мстиславскаго часть по сю сторону Днѣпра» (223, 369, 376). Планъ этотъ имѣетъ «громадное значеніе», и «то обстоятельство, что онъ обсуждался и въ общихъ чертахъ былъ принятъ [2]) въ первой же конференціи послѣ смерти

[1]) По голословному, очевидно, увѣренію С. Платонова, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1897, январь, 175.

[2]) На конференціи 6-го октября 1763 года планъ этотъ *не былъ принятъ*, но такъ какъ онъ былъ представленъ вице-президентомъ военной коллегіи, то отказъ записанъ въ протоколѣ въ слѣдующей вѣжливой формѣ: «И хотя великую сего проекта для здѣшняго государства пользу по многимъ обстоятельствамъ и уваженіямъ болѣе желать, нежели дѣйствительнаго оной испол-

*

короля польскаго, доказываетъ съ полною очевидностью, что мысль о пріобрѣтеніяхъ отъ Польши была у правительства Екатерины съ первыхъ, можно сказать, дней его существованія» (224). Мѣсяцъ спустя была изготовлена инструкція гр. Кейзерлингу и кн. Репнину [1]), въ которой высказаны «ужасныя условія» (227), «ужасныя для всякаго поляка цѣли» (228); эта инструкція есть «откровенное, скажемъ—страшно откровенное—изложеніе цѣлей русской политики» (228); заключается инструкція «весьма знаменательной угрозой» (230), что, въ случаѣ войны, оружіе не будетъ положено. «покамѣстъ не присоединимъ онымъ къ имперіи всю польскую Лифляндію» (231). Панинъ, конечно, «твердо преслѣдовалъ во всей своей дальнѣйшей дѣятельности цѣли, высказанныя въ

ненія легко чаять можно, однако же положено, чтобы, не выпуская оный проектъ изъ виду, первыхъ здѣшнихъ войскъ движеніямъ быть со стороны тѣхъ мѣстъ, о которыхъ въ ономъ показано» (Сборникъ, LI, 8). Г. Чечулинъ упустилъ изъ виду, что, по положенію русско-польской границы, движенія русскихъ войскъ со стороны иныхъ мѣстъ и быть не могли. Къ сожалѣнію, говоря о конференціи 6-го октября, г. Чечулинъ забылъ сравнить ее съ конференціей 3-го февраля (Сборникъ, XLVIII, 299); между тѣмъ только такое сравненіе могло дать ему надежную точку опоры для объясненія письма Екатерины къ гр. Кейзерлингу, отъ 8-го октября (Ibid., LI, 21), въ которомъ императрица предписываетъ ему «держаться инструкцій, данныхъ въ февралѣ», вовсе не упоминая даже конференціи, бывшей два дня назадъ. Г. Чечулинъ не обратилъ должнаго вниманія на это письмо.

[1]) Эта «замѣчательная инструкція» была помѣчена 6-го ноября 1763 г., нѣмецкій переводъ ея, въ шифрахъ, отправленъ гр. Кейзерлингу 9-го, а русскій текстъ 11-го ноября. Во время революціи 1794 г. былъ захваченъ архивъ варшавскаго посольства и многія секретныя бумаги были позже изданы (*Бильбасовъ*, XII, № 1001). Инструкція впервые была издана *Angeberg*, 3, въ 1862 г. и, спустя двадцать пять лѣтъ, въ Сборникѣ, LI, 92, въ 1886 г. Объ этой инструкціи говорятъ: *Beer*, I, 130; *Соловьевъ*, XXV, 319; *Reimann*, I, 67; *Askenasy*, 53, и можно лишь пожалѣть, что г. Чечулинъ не усвоилъ ихъ серьезнаго и спокойнаго взгляда на эту инструкцію. Напрасно также г. Чечулинъ увѣряетъ, будто «Беръ отдаетъ должную справедливость простой, опредѣленной и практичной политикѣ Панина»—Beer даже не упоминаетъ о Панинѣ, а говоритъ объ императрицѣ Екатеринѣ II (I, 131); равнымъ образомъ указаніе г. Чечулина на *Askenasy*, I, 50, 51, 55 невѣрно: на указанныхъ *страницахъ* вовсе не говорится объ инструкціи.

этой замѣчательной инструкціи», и менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ достигъ главной своей цѣли — раздѣла Польши. «Для полнаго уразумѣнія перваго раздѣла Польши необходимо подробно и обстоятельно изучить въ исторіи Польши причины и пути, которые довели это государство до его печальнаго конца» (362), поэтому-то «мы въ нашемъ изученіи перваго польскаго раздѣла не будемъ опредѣлять самый генезисъ его идеи, а попытаемся раскрыть постепенное осуществленіе тѣхъ намѣреній и плановъ [1]), которые и закончились раздѣломъ» (364), и «ставимъ своею задачею выяснить не причины паденія Польши и не причины, по коимъ въ средѣ европейскихъ государствъ сталъ возможенъ раздѣлъ одного изъ нихъ—а обстоятельства этого событія» (375). Авторъ хотѣлъ бы «подвергнуть новому пересмотру весь ходъ переговоровъ о раздѣлѣ» (365), но услѣдить за ними онъ не въ силахъ: «въ этомъ хаосѣ переговоровъ трудно, если не невозможно, выдѣлить, такъ сказать, прямыя линіи переговоровъ, такіе переговоры, которые бы, разъ начавшись въ извѣстномъ направленіи, такъ въ томъ же направленіи и шли, и завершились; каждый участникъ этой оживленной дипломатической работы преслѣдовалъ не одну какую-нибудь опредѣленную цѣль, а нѣсколько, примѣнялся постоянно ко всякой перемѣнѣ обстоятельствъ и полученные результаты явились слѣдствіемъ самыхъ различныхъ, сложныхъ воздѣйствій» (389). Гораздо легче оказалось перепечатать письма Генриха прусскаго и Екатерины изъ «Сборника» (XCVII, 34), признавая, конечно,

---

[1]) Это довольно своеобразная логика: чтобы уразумѣть раздѣлъ Польши необходимо изучить его причины, и поэтому мы будемъ изучать не причины, а осуществленіе раздѣла! Для непонятливыхъ прибавлено слѣдующее поясненіе: «Мы говоримъ именно *раскрыть постепенное осуществленіе плановъ*, и хотимъ отличить такую постановку задачи отъ опредѣленія, кто первый произнесъ слово *раздѣлъ* въ тѣхъ переговорахъ, которые раздѣломъ заключились, такъ какъ намъ кажется, что толчекъ этому дѣлу, послѣ котораго оно, не останавливаясь, и дошло до конца, былъ данъ не оттуда, гдѣ было впервые произнесено слово раздѣлъ» (365). Ну, теперь, слава Богу, совсѣмъ все ясно.

«все громадное значеніе этой переписки» (392). Не осиливъ «прямыя линіи переговоровъ», авторъ, однако, замѣтилъ, что «въ Петербургѣ съ принцемъ Генрихомъ впервые съ русской стороны заговорили о раздѣлѣ Польши» (394), что «къ окончательному результату всѣ переговоры были направляемы изъ Петербурга» (399), что «не Панина заставили согласиться на раздѣлъ Польши, но онъ самъ направлялъ къ этому дѣла» (409). Прусскій король «Фридрихъ не являлся руководителемъ этого дѣла, онъ былъ лишь просителемъ, а вовсе не иниціаторомъ» (429); Панинъ «твердо, спокойно, осторожно и рѣшительно велъ дѣло до конца (444).

Взглядъ этотъ, какъ мы говорили, не новъ, и давно уже опровергнутъ какъ въ западно-европейской, такъ и въ нашей исторической литературѣ. Благодаря непроницаемой тайнѣ, которою были покрыты дипломатическіе переговоры о первомъ раздѣлѣ Польши, почти цѣлое столѣтіе вся темная сторона этого дѣла, весь odium раздѣла падалъ на Россію, и Екатеринѣ приписывались иниціатива и планъ расчлененія и уничтоженія государственной Польши, причемъ Марія-Терезія и Фридрихъ II представлялись какъ бы жертвами русскаго коварства и насилія. Участники раздѣла, сознавая нравственную непригладность этого дѣянія, всегда старались отклонить отъ себя, перенести на другихъ, моральную за него отвѣтственность. Марія-Терезія писала гр. Мерси, австрійскому послу въ Парижѣ: «Фридрихъ и Екатерина славно провели насъ за носъ, и я неутѣшна. Если что и можетъ еще успокоить меня, такъ это то, что я всегда была какъ противъ этого безсовѣстнаго и столь неравнаго раздѣла, такъ и противъ нашего сообщества съ этими чудовищами». Фридрихъ II еще въ маѣ 1771 г. говорилъ фонъ-Свитену: «проектъ раздѣленія нѣкоторыхъ областей Польши исходитъ прямо отъ русскаго двора, а не отъ меня»—et non de ma boutique [1]). Это повторялось всѣми почти сто лѣтъ, и честь пер-

[1]) *Beer*, II, 354.

ваго, рѣшившагося раскрыть ложь, принадлежитъ Fr. de Smitt, Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, который издалъ свой трудъ именно для опроверженія взгляда, вновь возобновляемаго г. Чечулинымъ: Jusqu'à présent, les historiens ont toujours mis en avant l'impératrice Catherine, et Frédéric est représenté en toute occasion comme un accessoire, un très complaisant et très docile serviteur de Sa Majesté, и Смиттъ издаетъ свой трудъ pour démontrer que la vérité se trouvait précisement dans le point de vue opposé et que tous les malheurs qui fondirent sur la Pologne, ont pris naissance dans la politique artificieuse de Frédéric et dans ses plans tracés de longue main. Въ этомъ не только значеніе, но и ученая заслуга Смитта: благодаря его труду, une fable convenue была отвергнута наукой и отошла въ свойственную ей область сказокъ.

Смиттъ издалъ свой трудъ въ 1861 году, когда не были еще обнародованы необходимые историческіе матеріалы и ему приходилось работать въ архивахъ; теперь, спустя 40 лѣтъ, когда сперва въ Пруссіи, потомъ, благодаря «Сборнику», и въ Россіи изданы важнѣйшіе для рѣшенія вопроса документы, теперь, въ 1896 году, появляется книга г. Чечулина, въ которой насъ хотятъ увѣрить, что сказка—быль.

Оставимъ «условленную сказку» и воскресимъ историческую быль.

По своему этнографическому составу, еще болѣе, быть можетъ, по своему географическому положенію, не говоря уже о политическомъ строѣ, Польша, какъ государство, не могла существовать и, рано или поздно, должна была слиться, если не стать добычей кого-либо изъ сосѣдей—Австріи, Пруссіи, Россіи. Въ какихъ же отношеніяхъ къ Польшѣ находились эти сосѣди?

Отношенія Австріи къ Польшѣ, то дружескія, то враждебныя, были вообще довольно безразличны. Жизненные интересы ихъ нигдѣ не сталкивались до такой степени, чтобы

обусловить для одной изъ нихъ необходимость исчезновенія другой. Существовала Австрія или не существовала, положеніе Польши отъ этого не мѣнялось существенно; равно и Австрія не могла выиграть ничего существеннаго отъ уничтоженія Польши. Напротивъ, сохраненіе Польши въ качествѣ независимаго государства было даже выгодно для Австріи: Польша всегда была ея вѣрнымъ и полезнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ турками и, что̀ еще важнѣе, служила значительнымъ препятствіемъ къ усиленію Пруссіи, врага ея. И Австрія, и Польша уживались мирно рядомъ.

Не то съ Пруссіей. Въ отношеніяхъ Пруссіи къ Польшѣ прямо и рѣзко поставленъ былъ вопросъ о томъ, которому изъ двухъ государствъ быть и которому не быть на свѣтѣ. Тутъ не могло быть ни сдѣлки, ни примиренія. Владѣнія Польши перерѣзывали Пруссію на части, стояли преградой между ею и моремъ, доходили до воротъ ея столицы. Пока Польша сохраняла хотя одинъ видъ самостоятельности и независимости, Пруссія не только не могла развиваться, она не могла дышать свободно. Конечное уничтоженіе Польши, какъ государства, и поляковъ, какъ народа, безслѣдное и безвозвратное исчезновеніе Рѣчи Посполитой представляло для Пруссіи условія жизни или смерти. Или Польша, или Пруссія—обѣ рядомъ немыслимы.

Отношенія Россіи къ Польшѣ совершенно иныя. Католическая Австрія и протестантская Пруссія—страны германскія; православная Россія—страна славянская, какъ и католическая Польша. Этимъ уже объясняется до извѣстной степени какъ австро-польскій индифферентизмъ и прусско-польская враждебность, такъ и русско-польское единеніе. Въ существѣ дѣла, Россія и Польша, обѣ, издавна стремились къ соединенію другъ съ другомъ и долгое время вопросъ между ними заключался лишь въ преобладаніи одной надъ другой. Въ тѣсномъ кругѣ взаимныхъ отношеній ихъ другъ къ другу, *интересы ихъ* часто бывали противоположны, даже враждебны;

но по отношенію къ сосѣдямъ, къ Австріи и Пруссіи, эти интересы были и остаются поднесь совершенно тождественными; вотъ почему даже во времена самой усиленной враждебности, инстинктивное стремленіе къ единенію никогда не угасало въ нихъ, хотя и выражалось большею частію въ поползновеніи каждой изъ нихъ овладѣть другою. Овладѣть, а не раздѣлить. Мысль о раздѣлѣ Польши никогда не представлялась русскому уму и до самаго конца встрѣчала сильное противодѣйствіе.

Даже уничтоженіе политической самостоятельности Польши никогда не разсматривалось въ Россіи, какъ нѣчто безусловно необходимое для интересовъ русскаго государства. Если только Польша возвращала добровольно или по принужденію «отчины и дѣдины» Руси, существованіе Польши становилось даже полезнымъ для Россіи, которая охотно соглашалась на простой союзъ съ нею, лишь бы Польша вѣрно и честно соблюдала его; въ этомъ случаѣ для Россіи былъ прямой интересъ даже поддерживать Польшу, какъ передовой постъ противъ внѣшнихъ враговъ. Тѣмъ менѣе, конечно, стремилась Россія уничтожить польскую народность.

Екатерина II, какъ нерусская, ничего этого не понимала и своимъ невольнымъ рѣшеніемъ «польскаго вопроса» нанесла русскимъ государственнымъ интересамъ неисчислимый ущербъ, послѣдствія котораго чувствуются до сего дня. Это рѣшеніе мы называемъ «невольнымъ», такъ какъ оно продиктовано было Екатеринѣ II «злодѣемъ» Россіи и Польши— прусскимъ королемъ Фридрихомъ II.

Ко времени воцаренія Екатерины, участь Польши была уже рѣшена въ принципѣ: она должна была подпасть чужому господству и весь вопросъ состоялъ въ томъ, завладѣетъ ли ею одна какая-либо держава, или придется подвергнуть приговоренное исторіей и сосѣдями государство раздѣлу. Россія, еще не связанная роковымъ «общимъ дѣломъ» съ Пруссіею и не успѣвшая окончательно подпасть ея вліянію, не хотѣла

раздѣла. Вѣрная традиціямъ Московскаго царства, Россія, несомнѣнно, стремилась отнять у Польши русскія земли и, со временемъ, присоединить и всю Польшу. Но это присоединеніе никогда не рисовалось въ воображеніи русскихъ государственныхъ людей въ видѣ насильственнаго, внезапнаго захвата, а ужъ мысль о раздѣлѣ съ нѣмцами, съ пожертвованіемъ въ пользу нѣмцевъ лучшихъ и исконныхъ польскихъ земель, конечно, никогда не представлялась русскому уму. Не думала о раздѣлѣ и Екатерина, въ первые годы своего царствованія: Польша была уже de facto вассаломъ Россіи, которая ставила ей королей, вводила по произволу свои войска въ польскіе предѣлы, гарантировала польскую конституцію—Екатерина хотѣла только оформить этотъ порядокъ вещей заключеніемъ съ Польшею вѣчнаго союза, причемъ обязывалась гарантировать безопасность и цѣлость польской территоріи. Это было прямо противъ видовъ прусскаго короля и Фридрихъ II разстроилъ эти планы Екатерины, навязавъ ей, подъ видомъ «общаго дѣла», чисто прусское дѣло. Въ чемъ же состояло это общее дѣло?

Въ непосредственной депешѣ, отъ 12-го февраля 1767 года, Фридрихъ II писалъ въ Петербургъ своему представителю графу Сольмсу: Le vrai intérêt de tous les voisins de la Pologne
...ent, que la forme du gouvernement de ce royaume
...même pied, que jusqu'à présent [1]). Это являлось
...интересомъ» только для Пруссіи; интересамъ
...о прямо вредно. Въ былыя времена, при Петрѣ I
...шенію къ Польшѣ, сильной и воинственной,
...тересамъ тогда еще слабой Россіи вполнѣ со-
...утренняя безурядица у ея безпокойной со-
...при Екатеринѣ II, когда роли перемѣни-
...а дошла до такого разложенія, что, видимо,
...цествовать самостоятельно и независимо,

...2.

а Россія выросла и окрѣпла, теперь интересы Россіи, по отношенію къ Польшѣ, стали совсѣмъ иными. Если прежде, для собственной безопасности, необходимо было гнуть и ломать, то теперь слѣдовало поддержать и исправить. Екатерина II не понимала, что разлагалась только государственная Польша и, какъ таковая, была обречена на гибель, но Польша національная жива, и, при твердомъ управленіи, жизнеспособна, и что эта-то Польша можетъ и должна служить интересамъ Россіи и всѣхъ прочихъ славянъ. Не Петръ I, не Елизавета Петровна, а только нерусская Екатерина II могла пожертвовать славянскою Польшею въ пользу германскихъ Пруссіи и Австріи.

Таковъ взглядъ на первый раздѣлъ Польши, установившійся въ исторической наукѣ, какъ западно-европейской, такъ и русской, уже послѣ изданія въ «Сборникѣ» соотвѣтствующихъ документовъ, т.-е. именно тѣхъ, которыми пользовался и г. Чечулинъ. Мы высказали его словами русскихъ ученыхъ, лишь повторяя выводы, къ которымъ они пришли, изучивъ «дипломатическую переписку петербургскаго кабинета». Если г. Чечулинъ не согласенъ съ этимъ взглядомъ, онъ обязанъ опровергнуть его, доказавъ неосновательность такихъ выводовъ. Оказывается, однако, что установившійся въ наукѣ взглядъ даже неизвѣстенъ г. Чечулину [1]. Такое незнакомство съ литературой вопроса не могло, конечно, остаться безнаказаннымъ и отразилось на книгѣ г. Чечулина

[1]) Въ полемикѣ съ своими оппонентами г. Чечулинъ наивно сознается, что онъ не читалъ даже статей В. К., «Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху, предшествовавшую первому раздѣлу Польши» («Русская Мысль», 1883, іюль; отд. оттискъ, стр. 5). Объ иностранныхъ сочиненіяхъ и говорить нечего, если даже г. Платоновъ, въ офиціальной бумагѣ, признаетъ, что для г. Чечулина «иностранныя публикаціи (?) и изслѣдованія не имѣютъ большого значенія, разъ они не даютъ ему точныхъ свѣдѣній о петербургскомъ кабинетѣ» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1897, январь, 174). Между тѣмъ въ «публикаціи» Сореля г. Чечулинъ прочелъ бы о первомъ раздѣлѣ Польши: c'est le roi de Prusse qui engagea l'opération et la conduisit à son terme (*Sorel*, I, 39).

предпочтеніемъ, которое онъ отдаетъ «условленной сказкѣ» предъ историческою былью.

Такимъ образомъ, два основныя положенія г. Чечулина— Панинъ, «управитель русской иностранной политики», и первый раздѣлъ Польши, измышленный и доведенный до конца Панинымъ — оказываются неосновательными и не выдерживаютъ критики. Оба они не только научно не обоснованы, но даже не согласованы сами съ собою и съ фактами, разсматриваемыми самимъ же авторомъ.

Приписывая, напр., Панину главную роль въ проектѣ и осуществленіи перваго раздѣла Польши, г. Чечулинъ и не замѣчаетъ, что этимъ самымъ ставитъ Панина въ прямое противорѣчіе съ его же «сѣверной системой»: по разсказу г. Чечулина, одинъ и тотъ же Панинъ включаетъ Польшу въ члены «сѣвернаго аккорда» и хлопочетъ о ея расчлененіи! Въ «сѣверномъ союзѣ» Польшѣ предоставлялась значительная роль: Фридрихъ II ставилъ ее въ этомъ отношеніи на первое мѣсто послѣ Россіи и Пруссіи; Екатерина II сознавалась, что именно Польша дастъ «возможность дѣйствовать болѣе свободно въ пользу поддержанія въ Европѣ равновѣсія, вслѣдствіе безопасности, которую она доставляетъ со стороны Турціи» [1]). По словамъ Панина, онъ включаетъ Польшу въ «сѣверную систему», чтобы augmenter le parti pour le système du nord [2]). И эту же Польшу, въ это же время, тотъ же Панинъ силился раздѣлить, обезсилить, по-
...ть? Это значило бы своими же руками раздѣлывать свое
...ю.

...уя Панина иниціаторомъ и исполнителемъ перваго ... Польши, г. Чечулинъ не уяснилъ себѣ даже отно...нина ни къ польскому государственному строю, ни ...мъ вообще. Напомнимъ нѣсколько чертъ, весьма

[1]) ...XXII, 444.

[2]) ...VII, 126. «Панинъ разсчитывалъ на Польшу, какъ на до...жлу въ сѣверной системѣ» (284).

характерныхъ. Панинъ, «управитель русской иностранной политики», серьезно считаетъ возможнымъ упразднить въ католической Польшѣ папу, замѣнивъ его синодомъ [1]); онъ не называетъ поляковъ иначе, какъ «забубенные», «вѣтреные» и т. п. [2]); онъ сознается, что въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ нѣтъ даже «исправныхъ для польскаго языка переводчиковъ» [3]); онъ не знаетъ, что такое «посполитое рушенье» и проситъ князя Репнина «безъ потерянія времени увѣдомить» его: «какіе въ тамошнихъ уставахъ предписаны причины и обряды королю одному или съ правительствомъ, одного ли сената или съ сеймомъ для возглашенія того посполитаго рушенія, и не перемѣняется ли, и въ чемъ точно перемѣняется тогда направленіе, какъ и остаются ли притомъ какія права свободными польскому шляхетству, подобныя правамъ ихъ конфедерацій» [4]) и т. д. Подобныхъ чертъ много и всѣ онѣ рисуютъ въ этомъ отношеніи Панина съ крайне несимпатичной стороны. Еслибъ г. Чечулинъ, «добросовѣстно изучившій переписку», собралъ и изслѣдовалъ эти черты въ результатѣ, быть можетъ, оказалось бы, что Н. И. Панинъ не столько государственный человѣкъ, способный распоряжаться судьбами Польши, сколько чиновникъ, относящійся съ канцелярскимъ индифферентизмомъ къ порученному ему дѣлу.

Оставлены г. Чечулинымъ безъ должнаго изслѣдованія и отношенія Панина къ Фридриху II. Смѣло утверждая, вопреки общепринятому взгляду, что не Фридрихъ II вліялъ на русское правительство, а Панинъ руководилъ Фридрихомъ въ своемъ стремленіи къ первому раздѣлу Польши, г. Чечулинъ обязанъ былъ добросовѣстно изслѣдовать отношенія русскаго министра къ прусскому королю. Укажемъ на нѣкоторые лишь факты, только въ видѣ примѣра, заявленные въ перепискѣ и пропущенные г. Чечулинымъ: Панинъ про-

[1]) Сборникъ, XXXVII, 135; LXXXVII, 282, 284.
[2]) Ibid., LXVII, 245; LXXXVII, 74. [3]) Ibid., LXVII, 95.
[4]) Ibid., LXVII, 245.

ситъ у Фридриха II совѣта по польскимъ дѣламъ [1]); онъ исполняетъ les demandes si justes Фридриха II [2]); онъ сознается, что «велъ переговоры о соглашеніяхъ съ Польшею по предложенію короля прусскаго» [3]); онъ, Панинъ, екатерининскій министръ иностранныхъ дѣлъ, даетъ поводъ прусскому послу написать, что «сохраненіе величія прусской монархіи составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ русской политики» [4]). Дальше этого идти, кажется, уже некуда, и мы можемъ только пожалѣть, что г. Чечулинъ, такъ, по мнѣнію г. Платонова, «добросовѣстно изучившій переписку», не замѣтилъ и не оцѣнилъ такого, позорящаго честь русскаго человѣка, заявленія. Объ отношеніяхъ Фридриха II къ Панину въ сочиненіи г. Чечулина вовсе не упоминается [5]).

Незнакомство съ матеріаломъ, неумѣніе найти «прямыя линіи переговоровъ», незнаніе литературы вопроса и какое-то органическое пренебреженіе ко всякаго рода изслѣдованію [6]) привели г. Чечулина къ провозглашенію перваго раз-

---

[1]) Сборникъ, XXII, 106. [2]) Ibid., XXXVII, 125. [3]) Ibid., XCVII, 335.

[4]) Депеша графа Сольмса отъ 20-го февраля 1769 года: La conservation de la grandeur de la monarchie prussienne fait un des principes fondamentaux de la politique russienne (Сборникъ, XXXVII, 217). Даже московскій наборщикъ не повѣрилъ этой, «совсѣмъ ужъ дико звучащей», фразѣ и, печатая ея русскій переводъ, набралъ *русской* монархіи, вмѣсто прусской («Русская Мысль», 1883, VIII, стр. 13).

[5]) И совершенно напрасно. Фридрихъ II, не менѣе Маріи-Терезіи, не допускалъ, чтобы его водили не только за носъ, но даже и подъ руки; онъ всегда трезво и прямо смотрѣлъ на людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Мнѣніе Фридриха II о Панинѣ—вопросъ вовсе не безразличный въ данномъ случаѣ. Не будемъ повторять указаній, заключающихся въ «Сборникѣ»—ихъ легко найти по личнымъ указателямъ, прилагаемымъ къ каждому тому; приведемъ мнѣніе изъ письма Фридриха къ графу Финкенштейну, отъ 4-го января 1771 года, не сообщеннаго Германномъ русскому историческому обществу: Il me paraît par tout ce qui me revient de Pétersbourg, que le comte Panin n'a pas des idées justes ni des intérêts des princes de l'Europe, ni de leur politique, ni de leur puissance. C'est un moyen de s'égarer étrangement dans le métier qu'il fait (Берл. Архивъ, Rp. XI, 175). Этотъ отзывъ долженъ быть извѣстенъ г. Чечулину, такъ какъ напечатанъ Beer, II, 45).

[6]) *Даже* «*Секретный* планъ, поднесенный отъ графа Чернышева», *оставленъ безъ изслѣдованія* (223, 364), которое одно могло бы опредѣлить зна-

дѣла Польши исключительнымъ дѣломъ Панина. Въ расчлененіи Польши и въ присоединеніи къ нѣмецкимъ Австріи и Пруссіи чисто славянскихъ земель г. Чечулинъ видитъ «выгоды русскаго государства и народа» (III). Въ заключеніи же авторъ высказываетъ слѣдующій свой взглядъ на русско-польскій вопросъ и на отношеніе къ нему Панина:

«Мы увѣрены, что о полномъ подчиненіи Польши, которая въ то время по своему населенію очень немного уступала Россіи, никто тогда не думалъ; Панинъ ужъ во всякомъ случаѣ не былъ склоненъ къ такимъ увлеченіямъ и иллюзіямъ. Онъ говорилъ, что Россія теряетъ треть своей силы, если Польша въ зависимости не отъ нея; онъ ясно говорилъ и о томъ, какую зависимость онъ себѣ представляетъ—и говорилъ лишь о возможности сильною партіею добиваться желательныхъ для Россіи рѣшеній и никогда не обнаруживалъ онъ мысли о полномъ подчиненіи всей Польши Россіи, такомъ подчиненіи, которое бы прямо усиливало Россію, а не дѣлало бы для нея возможнымъ лишь съ меньшими затратами, съ затратами на содержаніе партіи, а не арміи, добиваться желаемаго. Мы увѣрены, что гр. Панинъ поступилъ бы совершенно такъ же, какъ Августъ II польскій, который охотно соглашался уступить часть Польши, гдѣ онъ правилъ, какъ избирательный король, сосѣдямъ, съ тѣмъ, чтобы остальнымъ править какъ наслѣдственный владѣлецъ: если бы Панину прямо предложили на выборъ: не вполнѣ вѣрное, но весьма вѣроятное господство дипломатическимъ путемъ и съ боль-

---

ченіе плана. Планъ «поднесенъ» графомъ З. Г. Чернышевымъ, опозорившимъ себя присутствіемъ въ сраженіи 21-го іюля 1762 года при Буркерсдорфѣ, въ угоду Фридриху II. который, будучи еще кронъ-принцемъ, подавалъ уже своему отцу планъ о раздѣлѣ Польши на «случай кончины короля польскаго» (*St.-Priest.* Etuds, I, 34). И почему въ этомъ планѣ упомянута Польская Лифляндія? Не въ 1762 году, а даже въ 1771-мъ, и не графъ Чернышевъ, а «самъ» графъ Панинъ сознавался, что «Россія не имѣетъ никакого права на Польскую Лифляндію» (Архивъ Госуд. Совѣта, I, 83; *Соловьевъ*, XXVIII, 255). Ничего этого г. Чечулинъ не знаетъ и ничего не изслѣдуетъ.

шими денежными затратами надъ цѣлымъ, или треть въ постоянное и полное владѣніе—онъ, не сомнѣваемся, избралъ бы послѣднее» (377).

Болѣе жестокій приговоръ надъ «научнымъ изслѣдованіемъ» г. Чечулина трудно, конечно, было бы сдѣлать. Здѣсь въ полной мѣрѣ сказалось недомысліе автора, и его сравненіе Панина съ Августомъ II служитъ лучшею оцѣнкою и гр. Панина, и взглядовъ автора на польскій вопросъ.

Столь же характерно отношеніе автора къ Фридриху II. Желая оправдать г. Чечулина, говорятъ, что «для него иностранныя публикаціи и изслѣдованія не имѣютъ большого значенія»; необходимо добавить: ни большого, ни малаго. такъ какъ онъ ихъ вовсе не знаетъ. Было бы, конечно, тщетно ожидать отъ г. Чечулина, чтобы онъ, рѣшаясь говорить о Фридрихѣ II, былъ бы знакомъ съ такими «публикаціями», какъ Politische Korrespondenz Friedrichs des Grossen [1]), или Preussische Staatsschriften aus der Zeit Friedrichs des Grossen, и съ такими трудами, какъ *Häusser*, Zur Würdigung Friedrichs des Grossen, или *Klopp*, Friedrich II und seine Politik; но никто, вѣроятно, не оправдаетъ пренебреженія г. Чечулина къ такимъ «изслѣдованіямъ», какъ *Preuss*, Erste Theilung Polens und die Memoiren Friedrichs II, или *его же* Abtretung Westpreussens durch den Reichstag zu Warschau 1773, прямо касающимся разсматриваемыхъ г. Чечулинымъ вопросовъ. Совершенно незнакомый съ литературой вопроса, авторъ нерѣдко ломится въ открытую дверь, причемъ добровольно обнаруживаетъ негодность своихъ техническихъ пріемовъ [2]).

[1]) Оно упоминается въ книгѣ г. Чечулина всего одинъ разъ—на стр. 161—очевидно, съ чужого голоса.

[2]) Много упоминая о книгѣ *Smitt*, Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, г. Чечулинъ, совершенно незнакомый съ литературой, не въ состояніи ни указать значеніе этого труда, ни опредѣлить его достоинства и достатки, между тѣмъ какъ все это давно уже строго-научно опредѣлили *...usser*, въ Forschungen zur Deutschen Geschichte, IV, 9, такъ и *Simon* zur Preussische Geschichte, II, 343. Оба эти изслѣдованія могли бы ...тина техническимъ пріемамъ, ему вполнѣ чуждымъ.

и «своимъ умомъ доходитъ» даже до сопоставленія «Histoire de mon temps» Фридриха II съ такими компиляціями, какъ труды Флассана и Фавье (36). Отзывъ г. Чечулина о Фридрихѣ II сводится къ слѣдующему:

«Подвергши небольшому критическому изслѣдованію писанія Фридриха II, мы должны придти къ заключенію, что, какъ историческій свидѣтель, и даже какъ историческій писатель, Фридрихъ II не долженъ быть поставляемъ особенно высоко. Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы, хотя отчасти доказавши преувеличенное значеніе его, какъ писателя, считать доказаннымъ и преувеличенное значеніе его, какъ историческаго дѣятеля; правильная оцѣнка его съ этой стороны требуетъ, конечно, еще болѣе тщательнаго изученія, чѣмъ оцѣнка его, какъ писателя» (66). «Благодаря своимъ блестящимъ военнымъ способностямъ, еще болѣе благодаря превосходнымъ генераламъ, которыхъ оставилъ ему отецъ, а всего болѣе — благодаря неумѣлости своихъ противниковъ, полной бездарности почти всѣхъ главныхъ предводителей австрійскихъ, русскихъ и французскихъ, Фридрихъ держался въ теченіе семилѣтней войны очень хорошо» (29). «Несомнѣнно, что Фридрихъ II въ очень сильной степени страдалъ тѣмъ недостаткомъ, которому болѣе или менѣе подвержены всѣ люди, всегда высоко стоявшіе и непривыкшіе видѣть рядомъ съ собою равноправныхъ мнѣній: не встрѣчая возраженій очень часто лишь потому, что по ихъ положенію спорить съ ними неудобно, они мало-по-малу начинаютъ думать, что на ихъ слова и не существуетъ возраженій и, наконецъ, начинаютъ считать всѣ свои мнѣнія и замыслы столь же несомнѣнными, какъ доказанныя истины; только исключительно высокія качества ума или сердца предохраняютъ отъ такого заблужденія» (59).

Celui qui n'estime pas le mérite n'en a pas, писала Екатерина [1]) и была, конечно, права. Никто и никогда еще не пи-

[1]) Сборникъ, VII, 88.

салъ ничего подобнаго о Фридрихѣ II. Какъ всѣ великіе дѣятели, Фридрихъ удостоивался при жизни и восторженныхъ панегириковъ, и отчаянныхъ памфлетовъ; но со стороны исторіи онъ вполнѣ заслужилъ право на болѣе серьезное отношеніе къ своей дѣятельности, несмотря даже на то, что онъ не привыкъ «видѣть рядомъ съ собою равноправныхъ мнѣній», какъ думаютъ «поверхностные говоруны» (88).

Отзывъ г. Чечулина о Фридрихѣ II не достоинъ, конечно, опроверженія — на него довольно только указать. Но послѣ такого отзыва возникаетъ вопросъ: можетъ ли г. Чечулинъ судить о «писаніяхъ» и о «недостаткахъ» Фридриха II? знаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, тотъ языкъ, на которомъ писалъ Фридрихъ? Приведемъ одинъ примѣръ, но безапелляціонно рѣшающій этотъ вопросъ:

Г. Чечулинъ подробно, на двухъ страницахъ, 412—413, разсуждаетъ о томъ, что въ мартѣ 1771 года, наканунѣ перваго раздѣла, Фридрихъ II выразилъ желаніе пріобрѣсти отъ Польши «Силезію, Новую Марку или Померанію» и писалъ не только гр. Финкенштейну, но и гр. Сольмсу въ Петербургъ, что онъ «былъ бы очень доволенъ, еслибъ ему удалось присоединить къ моимъ владѣніямъ одинъ изъ этихъ участковъ». Что это значитъ? Родина Екатерины II, Померанія, входившая нѣкогда въ составъ Вендскаго королевства, вся населенная славянами, поморами, давно уже, съ вестфальскаго мира, стала по частямъ отходить къ Бранденбургскому дому и съ 1720 года вся принадлежала Пруссіи; Новая Марка—основная часть Бранденбургской Марки; Силезія—только что присоединенная къ Пруссіи самимъ же Фридрихомъ II. Никогда и ни «одинъ изъ этихъ участковъ» Польшѣ не принадлежалъ и Фридрихъ II не могъ говорить о желаніи присоединить къ Пруссіи исконныя прусскія земли! Это, вѣдь, все равно, еслибъ насъ стали увѣрять, что Екатерина II изъявила желаніе присоединить отъ Польши Смоленскую *губернію, княжество* Тверское или Московское, и писала Па-

нину и кн. Волконскому въ Варшаву, что будетъ довольна «присоединить къ своимъ владѣніямъ одинъ изъ этихъ участковъ»! Даже такая очевидная нелѣпость не останавливаетъ г. Чечулина и онъ, совершенно спокойно, продолжаетъ строить на этомъ вздорѣ свои разсужденія и дѣлаетъ изъ него выводы: «Теперь — говоритъ г. Чечулинъ — когда съ прусской стороны было сказано уже такъ много и прямо, заговорилъ болѣе открыто и Панинъ» (413). Что же все это значитъ?

Всѣ рескрипты и депеши Фридриха II графу Сольмсу, изданные въ «Сборникѣ», переведены на русскій языкъ и ихъ легко можетъ прочесть всякій, даже вовсе незнакомый съ французскимъ языкомъ: переведена и депеша его о желательныхъ пріобрѣтеніяхъ, отъ 25-го марта 1771 года [1]). Но письмо къ Финкенштейну, отъ того же числа, найденное Бэромъ въ Берлинскомъ Архивѣ и Германномъ не сообщенное русскому историческому обществу, напечатано въ приложеніи къ труду *Beer*, Die erste Theilung Polens, напечатано на французскомъ языкѣ [2]), безъ всякаго перевода, какъ то принято во всѣхъ ученыхъ изданіяхъ. Приводимъ это письмо съ точнымъ указаніемъ, что взялъ изъ него г. Чечулинъ и какъ онъ перевелъ его съ французскаго на русскій языкъ, изъ чего легко увидѣть, какъ онъ вообще пользуется документами:

Оригиналъ:	Переводъ:
Je vous sait beaucoup de gré de votre promptitude à m'adresser le précis de Mes prétentions sur la Pologne, avec l'instruction pour le comte de Solms. Je viens de recevoir l'un et l'autre, à la sui-	

[1]) Сборникъ, XXXVII, 433. Г. Чечулинъ не читалъ этой депеши — она предохранила бы его отъ нелѣпаго перевода записки Фридриха гр. Финкенштейну. [2]) *Beer*, II, 353.

te de votre rapport d'hier et Je ne tarderai point de les expédier à ce ministre par le courrier, que Je suis sur le point de lui dépêcher avec mes ordres immédiats. Il n'y a point de mal, que vous ne lui avez rien touché encore des Palatinats de Culm et de Marienbourg. Je lui en ai lâché quelque chose dans Mes ordres immédiats, et comme d'un dernier expédient, au cas que Je ne puisse pas obtenir quelque portion des provinces, qui confinent à Mes états de Prusse, de Silésie, de la Nouvelle Marche ou de la Poméranie. Tout dépend à présent de Ma bonne fortune; et Je serai bien charmé si Je puis réunir à Mes domaines l'une et l'autre de ces cantons. Nous verrons comment le comte de Solms s'y prendra, et s'il sera assez intelligent et heureux pour choisir un bon canal à la réussite de cette négociation importante et délicate. Il en augure assez bien dans sa dernière dépêche et il faut voir maintenant s'il aura les succès, qu'il paraît se promettre.

Я далъ Сольмсу кое-какія наставленія на случай крайности: если не удастся получить части, граничащей съ моею Пруссіею—то Силезію, Новую Марку или Померанію. Все зависитъ теперь отъ моего счастья; я былъ бы очень доволенъ, еслибъ мнѣ удалось присоединить къ моимъ владѣніямъ одинъ изъ этихъ участковъ. Посмотримъ, какъ возьмется за все это графъ Сольмсъ и будетъ ли онъ достаточно благоразуменъ и счастливъ, чтобы избрать правильный путь для этого важнаго и деликатнаго дѣла. Въ послѣдней депешѣ онъ получилъ отъ меня достаточныя наставленія и остается теперь взглянуть, будетъ ли онъ имѣть успѣхъ, какого, кажется, мы можемъ ожидать.

Читая подобный переводъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: незнанію ли до такой степени французскаго языка, что какъ общій смыслъ простой и ясной записки, такъ и отдѣльныя ея выраженія совершенно извращены, или невѣжеству переводчика, причисляющаго Померанію или Силезію къ владѣніямъ Польши? Г. Чечулинъ прочелъ, однако, всѣ документы, написанные на французскомъ языкѣ и помѣщенные въ приложеніи къ труду Бэра [1]), и выбралъ необходимую для него записку Фридриха. При разсмотрѣніи книги г. Чечулина, даже такое совершенно естественное предположеніе оказывается ошибочнымъ. Несмотря на то, что г. Чечулинъ ссылается на *Beer*, II, 353, ни одного изъ этихъ документовъ онъ не читалъ и о существованіи записки Фридриха онъ узналъ изъ труда Реймана [2]), гдѣ приведена и указанная ссылка, которою г. Чечулинъ воспользовался [3]), въ надеждѣ, конечно, что «ни опровергнуть, ни даже провѣрить» его не будутъ въ состояніи тѣ, для которыхъ онъ писалъ (100) свое сочиненіе.

Внѣшняя политика Россіи, даже «въ началѣ царствованія Екатерины», не ограничивалась, однако, польскимъ вопросомъ, и г. Чечулинъ бѣгло обозрѣваетъ отношенія Россіи къ Курляндіи, Англіи, Швеціи, Даніи и т. д., посвящая каждому вопросу по нѣсколько страницъ, но всегда стараясь выставить на первый планъ Панина и указать новое направленіе въ политикѣ Россіи.

---

[1]) *Beer*, II, 323. [2]) *Reimann*, I, 388.

[3]) Въ приложеніи ко второму тому *Beer*, Die erste Theilung Polens, напечатано 56 документовъ и многіе изъ нихъ гораздо болѣе интересны именно для задачи г. Чечулина, чѣмъ злополучная записка къ гр. Финкенштейну (см. стр. 331, 349, 354 и др.), но о нихъ не упомянуто въ трудѣ Реймана и г. Чечулинъ ихъ не приводитъ. Къ сожалѣнію, Рейманъ, передавая записку своими словами, допустилъ неточность, которую буквально повторилъ г. Чечулинъ въ своемъ переводѣ: французское выраженіе *l'une et l'autre de ces cantons* Рейманъ передалъ словами *den einen oder anderen von diesen Bezirken*, и Чечулинъ перевелъ *одинъ изъ этихъ участковъ*.

Всесторонній и надежный матеріалъ для такого обзора представляютъ, между прочимъ, два документа, давно уже изданные: *во-первыхъ*, докладъ канцлера гр. Воронцова императору Петру III, представленный 23-го января 1762 года, и, *во-вторыхъ*, сохранившаяся въ архивѣ кн. Воронцова «Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины Великой». Оба эти документа чрезвычайно интересны и важны: въ нихъ не только изложены договорныя связи Россіи съ иностранными державами и взаимное ихъ отношеніе въ данное время, но указаны политическія перемѣны, вызванныя воцареніемъ Екатерины, и виды на будущее. Подробное изслѣдованіе этихъ двухъ документовъ приводитъ къ любопытнымъ заключеніямъ относительно не только направленія внѣшней политики, но и положенія внутреннихъ дѣлъ Россіи въ то время. Врагъ всякаго изслѣдованія, г. Чечулинъ отметаетъ эти документы, какъ негодные для него (43):

«Въ XXV т. Архива князя Воронцова, 272—312, напечатано «Описаніе состоянія дѣлъ во время государыни императрицы Елизаветы Петровны», составленное въ іюлѣ 1762 г. Въ этомъ очеркѣ перечислены договоры Россіи съ иностранными державами и указаны связывающіе Россію и другія государства общіе интересы и существующіе между ними пункты несогласій; далѣе въ томъ же томѣ, 313—333, напечатана «Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины II» неизвѣстнаго сочинителя; и мы не можемъ опредѣлить автора этой записки. Но оба эти документа не имѣли для насъ большой цѣны, потому что дальнѣйшая политика Россіи пошла значительно сильнѣе, тверже, а отчасти и по другимъ путямъ, чѣмъ предлагали авторы записки, напр., относительно Курляндіи (см. стр. 330—331) или Воронцовъ относительно Польши (см. стр. 280)».

Коротко, но невѣрно. Едва ли настоитъ надобность разы-

скивать, откуда г. Чечулинъ заимствовалъ указаніе на эти документы—несомнѣнно, что самъ онъ съ «Архивомъ кн. Воронцова» не знакомъ настолько, что одинъ и тотъ же документъ цитируетъ по разнымъ томамъ, не подозрѣвая даже простой перепечатки [1]), что немыслимо при самой поверхностной критикѣ текста, которая обнаружила бы и ошибку издателя, повторенную г. Чечулинымъ: документъ относится къ январю 1762 г., не къ *іюлю*, когда уже Петра III не было на свѣтѣ. Приведемъ примѣръ и небреженія г. Чечулина къ критикѣ факта. Г. Чечулинъ утверждаетъ, что оба эти документа не имѣютъ для него «большой цѣны», такъ какъ «дальнѣйшая политика Россіи пошла по другимъ путямъ, чѣмъ предлагали авторы записки, напр., относительно Курляндіи». Подведемъ итоги, точнѣе, сосчитаемъ фактическія ошибки, сдѣланныя г. Чечулинымъ въ этихъ немногихъ словахъ: *во-первыхъ*, записку писали не авторы, а писалъ ее авторъ, котораго нѣсколько строкъ выше самъ же г. Чечу-

[1]) Напечатанное въ XXV т. Архива кн. Воронцова «Описаніе» есть дословное повтореніе «поднесеннаго» Петру III «меморіала» канцлера гр. Воронцова, напечатаннаго уже въ томъ же изданіи т. VII, 534. Въ дополненіе къ меморіалу канцлеромъ были представлены «шесть артикуловъ», въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ «Краткое описаніе о настоящихъ дѣлахъ съ Польшею»; г. Бартеневъ, издавая «Архивъ» безъ предварительной систематизаціи его, «не отыскалъ» своевременно этихъ артикуловъ, о чемъ и объявилъ въ VII т., вышедшемъ въ 1875 году; помѣщая эти артикулы въ XXV т., вышедшемъ въ 1882 году, онъ вторично издалъ и самый докладъ, забывъ уже о VII томѣ и самовольно помѣчая меморіалъ *іюлемъ* 1762 г., вопреки указаніямъ канцлера (VII, 532). Г. Чечулинъ указываетъ на отзывъ гр. Воронцова о Польшѣ два раза, причемъ на стр. 43 ссылается на XXV, 280, а на стр. 208 цитируетъ VII, 540, не зная, конечно, что это одно и то же. Мало того: желая принизить гр. Воронцова передъ Н. И. Панинымъ, онъ прибавляетъ: «Въ глазахъ канцлера графа Воронцова отношенія польскія не имѣли особаго значенія», между тѣмъ какъ въ артикулѣ о Польшѣ подробно разсмотрѣны четыре пункта—о диссидентахъ, о разграниченіи, о барьерныхъ мѣстахъ и о бѣглыхъ, т.-е. всѣ вопросы, которые въ то время составляли предметъ международныхъ, русско-польскихъ сношеній; сверхъ того, въ этомъ же артикулѣ упомянуто объ императорскомъ титулѣ. Такимъ образомъ, упрекъ по адресу гр. Воронцова представляется, по меньшей мѣрѣ, легкомысленнымъ.

линъ «опредѣлить» не могъ; *во-вторыхъ*, въ запискѣ никакихъ политическихъ предложеній относительно Курляндіи нѣтъ; *въ-третьихъ*, единственное мнѣніе, высказанное авторомъ записки и заключающееся въ заявленіи, что «кажется» было бы полезно «склонить наслѣднаго курляндскаго принца къ женитьбѣ на природной Россіянкѣ» (XXV, 331), было буквально выполнено женитьбой герцога Петра на княжнѣ Евдокіи Борисовнѣ Юсуповой, 6-го марта 1774 года, слѣдовательно, именно «въ началѣ царствованія Екатерины»

Прослѣдимъ, вмѣстѣ съ г. Чечулинымъ, новую политику Россіи, и, слѣдуя его примѣру, будемъ кратки.

Курляндія, 126—146. Съ воцареніемъ Екатерины, въ курляндскомъ вопросѣ политика Россіи была рѣзко измѣнена—Карлъ изгнанъ, посаженъ Биронъ; но во всемъ этомъ Панинъ не принималъ участія. Авторъ не потрудился даже сравнить условія Карла (130) съ условіями Бирона (142). Замѣняя изслѣдованіе собственными разсужденіями, г. Чечулинъ приходитъ къ слѣдующему мудрому заключенію: «Рѣшить, кто былъ правъ и кто неправъ въ стремленіи осуществить относительно Курляндіи свои намѣренія—едва ли возможно; у всѣхъ были одинаково эгоистическія цѣли, всѣ допускали въ своихъ дѣйствіяхъ большія или меньшія несправедливости—и польское дворянство, и король, и Россія, и курляндское рыцарство. Стремле́ніе этихъ разныхъ силъ утвердить свое вліяніе въ Курляндіи, рѣшить вопросъ о ней согласно со своими видами, было столь же законно или столь же незако́нно, какъ всякое другое стремленіе одной политической силы подчинить себѣ другія политическія силы, или другія государственныя тѣла» (131), и т. д., и т. д. Бретэль, признаваемый г. Чечулинымъ за «поверхностнаго говоруна» (88), не писалъ, однако, ничего подобнаго [1]).

Англія, 147—159. Г. Чечулинъ не обратилъ должнаго

[1]) См. выше, т. III, стр. 185. Депеши Бретэля были впервые нами обнародованы въ приложеніи къ отзыву о диссертаціи г. Чечулина.

вниманія на *Мартенса* Собраніе трактатовъ, X, 215, вслѣдствіе чего весь очеркъ свидѣтельствуетъ только о невѣроятномъ легкомысліи автора. Между прочимъ, объ отъѣздѣ англійскаго посланника Макартнея изъ Россіи, г. Чечулинъ безъ всякой нужды прибавляетъ, что «впослѣдствіи онъ оказалъ Англіи большія услуги въ Китаѣ» (151), причемъ ссылается на *Чтенія*, 1865, II, 432. Это рѣзко противорѣчитъ всѣмъ иностраннымъ извѣстіямъ о китайскомъ посольствѣ Макартнея, вполнѣ безуспѣшномъ, и ссылка на «Чтенія» болѣе чѣмъ неумѣстна—объ этомъ посольствѣ въ «Чтеніяхъ» приведенъ слѣдующій отзывъ одного изъ участниковъ: «Мы пришли въ Пекинъ, какъ нищіе, проживали тамъ, какъ плѣнные, и были выгнаны, какъ мошенники». Если это и можно признать за услугу, то лишь медвѣжью.

Швеція, 159—173. Инструкція гр. Остерману въ Стокгольмъ была подписана Екатериною 13-го августа 1762 года, слѣдовательно, тонъ политикѣ данъ не Панинымъ. Но Панинъ долго жилъ въ Стокгольмѣ, шведскія дѣла ему хорошо извѣстны и, поэтому, его наставленія гр. Остерману всегда серьезны и мѣтки. Оцѣнка ихъ г. Чечулинымъ не отличается, къ сожалѣнію, тѣми же достоинствами. Такъ, по его мнѣнію, «Панинъ съ полнымъ правомъ приписалъ для императрицы на депешѣ Остермана: «сіе дѣло то, которое рѣшитъ навсегда твердость полезной для Россіи шведской формы правительства и котораго предки Вашего Величества достигнуть не могли никогда, хотя всѣ наши прежнія съ Швеціею безпокойства, кои иногда и дѣйствительно насъ вооружали, главнѣйшее оное въ виду имѣли» (169). Какое же это дѣло? Г. Чечулинъ не только скрылъ отъ читателя, откуда взята имъ эта приписка [1]), но даже невѣрно помѣтилъ депешу гр. Остермана: 7-го августа 1765 г. вм. 4-го августа 1766 года Почему? Дѣло въ томъ, что въ этой припискѣ Панинъ восхвалялъ свои же распоряженія! Г. Чечулинъ утверждаетъ,

[1]) Сборникъ, LXVII, 47.

что извѣстный проектъ былъ апробованъ «на сеймѣ» (168), между тѣмъ какъ депеша говоритъ только о большой депутаціи. И успѣхъ Панина, и похвальба его «навсегда» упрочить выгодные для Россіи порядки въ Швеціи разлетѣлись, какъ извѣстно, въ прахъ послѣдовавшимъ черезъ шесть лишь лѣтъ переворотомъ 1772 года, о которомъ, поэтому, вѣроятно, г. Чечулинъ едва упоминаетъ (173), хотя онъ отозвался позже русско-шведскою войною. Екатерина была скромнѣе и Панина, и Чечулина—прочтя депешу и приписку, она написала Панину: «Предоставляю себѣ васъ поздравить, когда всѣ чины согласятся на то».

Данія, 173—179. Съ воцареніемъ Екатерины, политическія отношенія рѣзко измѣнились—Петръ III грозилъ Даніи войною, Екатерина стремится поддержать «доброе съ датскимъ дворомъ согласіе»; но тонъ этимъ новымъ политическимъ отношеніямъ къ датскому двору данъ Екатериной, не Панинымъ—рескриптомъ барону Корфу отъ 29-го іюня 1762, о чемъ г. Чечулинъ умалчиваетъ, скрывая дату. Это несерьезно, но вотъ что уже совсѣмъ некрасиво: желая доказать, что «правительство Екатерины въ первую половину ея царствованія постоянно и неуклонно преслѣдовало выгоды русскаго государства и народа» (III), г. Чечулинъ фальшиво [1]) переводитъ рескриптъ:

Оригиналъ:	Переводъ:
...zur Grundregel anzunehmen dass die Holsteinischen Angelegenheiten zu keinem Anlass dienen sollen, das gute Vernehmen mit den Dänischen Hofe wankend zu machen.	...«полагая за правило, что голштинскія дѣла не могутъ служить основаніемъ для дѣйствій, несходныхъ съ интересами русскаго государства».

[1]) Это уже не простая ошибка: въ «Сборникѣ» приведенъ переводъ *вполнѣ* точный: «полагая за правило, что голштинскія дѣла поводомъ служить *не имѣютъ* къ нарушенію добраго съ датскимъ дворомъ согласія» *(XLVIII, 4)*.

Вслѣдъ за этимъ, г. Чечулинъ, говоря о дѣйствіяхъ русскаго правительства «въ началѣ 1763 года» (174), прибавляетъ: «*нѣсколько раньше еще* Панинъ предписывалъ» и, въ доказательство, что это было ранѣе начала 1763 г., ссылается на два рескрипта къ барону Корфу—отъ 22-го октября 1763 года и 27-го января 1764 года [1]). Занятый исключительно Панинымъ, г. Чечулинъ не обратилъ должнаго вниманія на письмо Екатерины II къ Христіану VII, отъ 7-го іюня 1771 года [2]), которое проливаетъ яркій свѣтъ на отношенія какъ къ Даніи, такъ и еще болѣе къ Швеціи. Въ то же время, говоря о дѣлахъ 1770 года, г. Чечулинъ упоминаетъ «о министеріальной перепискѣ» Панина (179), не замѣчая, что, напр., въ письмахъ къ Философову, отъ 15-го іюля 1770 г., Панинъ употребляетъ именно выраженія Екатерины [3]) и пишетъ «по точному ея императорскаго величества высочайшему повелѣнію» [4]).

Сѣверная система, 179—186. Собственно о сѣверной системѣ не сказано ни слова; даже у *Reimann*, I. 165, полнѣе и серьезнѣе. Несмотря на всѣ усилія г. Чечулина, ему не удалось поколебать высказанное проф. Мартенсомъ и принятое теперь въ наукѣ мнѣніе, что «сѣверная система» была плодомъ свойственнаго Панину «доктринерства въ политикѣ»; но ему вполнѣ удалось обнаружить свое полное недомысліе: сѣверная система, какъ политическая комбинація, не могла быть полезна только для Россіи, или только для Пруссіи, или только для одного изъ членовъ союза (180, 183). Въ довершеніе всего, при пересказѣ депеши гр. Сольмса, отъ 2-го декабря 1767 года, союзъ съ Польшею (une alliance entre la Russie et la République) принятъ г. Чечулинымъ за сѣверный союзъ (le système du Nord), вслѣдствіе чего извра-

---

[1]) Сборникъ, LI, 49, 494. [2]) Ibid., XCVII, 328.

[3]) Tels que je les reçus immédiatement de la bouche de Sa Majesté. Сборникъ, XCVII, 106.

[4]) Ibid., 111.

щены слова Панина о «выгодахъ» для Пруссіи (183): Панинъ говоритъ о пользѣ отъ польскаго союза, а не отъ сѣвернаго [1]). Мы упоминали уже о внутреннемъ противорѣчіи, въ которое г. Чечулинъ ставитъ Панина, заставляя его въ одно и то же время хлопотать о присоединеніи Польши къ сѣверному союзу и о раздѣлѣ Польши. Въ заключеніе г. Чечулинъ говоритъ: «Не англійскимъ представителямъ, а русскимъ, Панинъ прямо и открывалъ, что его цѣль—чтобы степень вліянія Англіи на сѣверѣ была поставлена въ зависимость отъ болѣе или менѣе искренняго соединенія ея съ Россіею» (183), и въ доказательство ссылается на Сборникъ, LVII, 131, 207, 209, но совершенно ошибочно, такъ какъ тамъ не упоминается даже объ Англіи и сѣверномъ союзѣ:

Стр. 131—рескриптъ гр. Остерману, отъ 9-го декабря 1764 года—ни единаго слова объ Англіи;

Стр. 207—рескриптъ тому же, отъ 17-го марта 1765 года—объ англійскихъ субсидіяхъ Швеціи, и

Стр. 209—рескриптъ тому же, отъ того же числа—объ отношеніи Франціи къ Швеціи сравнительно съ цѣлями „Россіи или и Англіи, съ нею въ союзѣ находясь".

Франція, Австрія, Италія, 185—192. Всего семь страницъ, причемъ одна страница посвящена чрезвычайно важному для «внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» вопросу alliance franco-russe! Въ ученомъ изслѣдованіи о политикѣ Екатерины II эта тирада о современной намъ alliance franco-russe такъ характерна для всего труда г. Чечулина и написана такимъ искреннимъ языкомъ и дипломатическимъ тономъ, что заслуживаетъ вниманія:

«Именно тѣ самыя причины дѣлали совершенно естественною борьбу Франціи и Россіи въ XVIII в., которыя дѣлаютъ теперь вполнѣ естественнымъ, и потому искреннимъ и твердымъ союзъ этихъ государствъ. Для Франціи теперь нѣтъ могущества турецкаго, могущества польскаго и шведскаго,

---

[1]) *Сборникъ*, XXXVII, 126.

въ которыхъ она находила себѣ опору для борьбы съ нѣмецкими державами; для Россіи нѣтъ теперь опасной силы польской, турецкой и шведской, съ которыми ей приходилось бы бороться для удовлетворенія своихъ насущныхъ и законныхъ интересовъ. Между Россіею и Франціею теперь стоятъ одни только нѣмецкія государства, которыя, благодаря счастливымъ случайностямъ (?), въ свою пользу обратили многіе результаты усилій Россіи и Франціи и претендуютъ на непринадлежащую никому роль въ европейскихъ отношеніяхъ; Россія и Франція являются первыми оплотами европейскаго мира и, не имѣя теперь столкновенія въ своихъ интересахъ, угрожаемыя однимъ и тѣмъ же врагомъ (?), наконецъ поняли и оцѣнили важность того союза, который силою вещей сталъ для нихъ такъ естественнымъ; весь міръ наблюдаетъ теперь искреннюю и сердечную дружбу между ними; и если обязанность говорить о прошломъ только полную правду заставляетъ насъ въ этомъ изслѣдованіи изображать постоянно только недружелюбныя, враждебныя отношенія Россіи и Франціи, то съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ останавливаемъ мы свою мысль на той дружбѣ, на томъ согласіи и глубокомъ взаимномъ уваженіи, которыя господствуютъ теперь между этими двумя великими народами и великими государствами (186). Сближеніе этихъ двухъ великихъ государствъ должно имѣть чрезвычайно важное и благотворное значеніе для всей исторіи Европы. То, что сдѣлано было покойнымъ государемъ Александромъ III для сближенія Россіи и Франціи, останется навсегда блестящимъ свидѣтельствомъ его глубокаго пониманія истинныхъ интересовъ Россіи и его великою заслугою въ дѣлѣ упроченія европейскаго мира» (455).

Это даже не тирада, это уже поступокъ, и какъ таковой не нуждается въ отзывѣ. Несмотря, однако, на эту тираду-поступокъ, г. Чечулинъ называетъ свою работу «ученою», свое изслѣдованіе «научнымъ», и строго придерживается обычнаго въ подобныхъ трудахъ пріема, хотя и чисто внѣш-

няго, снабжать свой разсказъ указаніями на тѣ источники, изъ которыхъ онъ заимствованъ. Эти источники у него двухъ родовъ—рукописные и печатные.

«Кто когда-нибудь—говоритъ г. Чечулинъ—имѣлъ дѣло съ рукописными матеріалами, тотъ знаетъ, какія почти непреодолимыя трудности представляютъ они для полнаго и точнаго изученія какого-нибудь обширнаго и сложнаго вопроса; точное и обстоятельное изслѣдованіе по рукописямъ частнаго, сравнительно мелкаго вопроса не даромъ почитается настоящею ученою заслугою; изучить же по рукописному матеріалу цѣлый періодъ сложныхъ дипломатическихъ сношеній—есть подвигъ, самая попытка котораго составляетъ огромную заслугу, хотя сколько-нибудь совершенное исполненіе ея невозможно—по крайней мѣрѣ при томъ состояніи архивовъ, въ какомъ они находятся у насъ: въ главнѣйшихъ нашихъ древне-хранилищахъ документы находятся, правда, въ порядкѣ, но и только; изслѣдователь безъ особаго труда получитъ документы извѣстнаго, указаннаго имъ года, но никакихъ описаній, никакихъ указателей или чего-либо подобнаго, что облегчило бы трудъ изслѣдователя, за весьма рѣдкими исключеніями, еще не имѣется. Какъ бы ни былъ привыченъ и внимателенъ изслѣдователь, но онъ не можетъ, очевидно, сразу же, при первомъ же прочтеніи, отмѣтить все замѣчательное, прослѣдить все нужное, не пропустивъ ничего; возвратиться же къ какому-нибудь проскользнувшему прежде намеку, значеніе котораго разъясняется мало-по-малу при дальнѣйшемъ изученіи—при занятіи по обширному рукописному матеріалу совершенно невозможно» (367).

Этотъ наборъ фразъ, отчасти пустыхъ, отчасти фальшивыхъ, свидѣтельствуетъ о полномъ недомысліи автора, которому неизвѣстны ни условія, ни задачи архивныхъ работъ. Вся эта банальная болтовня объ архивахъ служитъ прямымъ указаніемъ, что авторъ не знакомъ съ архивами ни «у насъ», *ни «не у насъ»*, и что мы должны крайне осторожно отно-

ситься къ его архивнымъ источникамъ. Такія «предваренія» пишутся лишь для отвода глазъ.

«Непреодолимыя трудности» работы въ архивахъ вполнѣ отразились на разсматриваемой книгѣ: г. Чечулинъ много «трудился» въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но мало чѣмъ могъ воспользоваться. Въ его книгѣ встрѣчаются лишь пять ссылокъ на Московскій Архивъ (224, 269, 318, 425, 445) и всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о полномъ неумѣніи автора пользоваться архивными матеріалами. Онъ отправился въ Москву, работалъ въ архивѣ, не сознавая даже, что, ссылаясь на обнародованное изданіе, достаточно указать томъ и страницу; заимствуя же какое-либо сообщеніе изъ архива, нельзя ограничиваться указаніемъ связки или даже листа—необходимо напечатать самый текстъ, безъ чего подобная ссылка не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ не можетъ быть провѣрена. Вѣрно ли прочитанъ текстъ? Вѣрно ли понятъ? Такъ, напр., г. Чечулинъ, изъ пяти указанныхъ ссылокъ, только въ одной приводитъ текстъ и тѣмъ даетъ возможность не только провѣрить, но и опровергнуть выводъ, сдѣланный имъ изъ этой архивной его находки:

Г. Чечулинъ пишетъ бросающуюся въ глаза нелѣпость: «Сальдернъ письменно обращался къ императрицѣ съ предложеніемъ написать ея исторію» (318), причемъ, совершенно безсознательно, самъ же опровергаетъ себя, помѣщая, въ примѣчаніи, изъ Московскаго Архива текстъ письма Сальдерна и упомянувъ о приложенномъ къ письму Plan général des mémoires pour servir à l'histoire de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies en qualité de tutrice de Son Altesse Impérial touchant l'administration du duché de Holstein. Вотъ о чемъ собирался писать Сальдернъ и имѣлъ, конечно, къ тому основанія, а не исторію Екатерины II.

Такъ относится г. Чечулинъ къ рукописнымъ источникамъ; къ печатнымъ—еще хуже. Незнакомый съ литературой вопроса, онъ не можетъ дать себѣ отчетъ, откуда и что

должно заимствовать, невольно пренебрегаетъ своими излюбленными «первоисточниками», дѣлаетъ нерѣдко поразительныя ошибки, вслѣдствіе незнанія иностранныхъ языковъ, и невѣрными ссылками, зачастую просто фальшивыми, только роняетъ свое «научное изслѣдованіе».

Начиная съ предисловія уже, г. Чечулинъ признаетъ «замѣчательной книгой» (6), «чрезвычайно замѣчательной» (50), трудъ Сореля, не разъ ссылается на него, не давая себѣ, однако, отчета въ значеніи этого сочиненія, даже не называя его. Французскій ученый, академикъ Albert Sorel издалъ въ 1881 году «La question d'Orient au dix-huitième siècle», касающуюся Россіи, и, четыре года спустя, «L'Europe et la Révolution Française», написанную съ спеціальною цѣлью опредѣлить вліяніе большой французской революціи [1]) на измѣненіе понятій въ Европѣ, не въ Россіи [2]). Говоря о Россіи, онъ самъ ссылается преимущественно на A. Leroy-Beaulieu, L'Empire des tsars et les Russes, куда г. Чечулину и слѣдовало адресоваться, какъ къ «первоисточнику» для него въ этомъ случаѣ.

A. Sorel, кромѣ значительной эрудиціи, обладаетъ большимъ литературнымъ талантомъ, и г. Чечулинъ могъ заимствовать у него, по крайней мѣрѣ, нѣсколько красивыхъ фразъ, подвергшихся въ переводѣ вольному или невольному искаженію (6). Гораздо труднѣе опредѣлить, зачѣмъ понадобилось г. Чечулину безпокоить такихъ почтенныхъ покойниковъ, какъ Wichmann (177, 178), Wolff und Zwiedineck (241), Morawski (363), Villermont (403) и др., которые приводятся имъ всего по единому разу? Г. Чечулинъ трудовъ ихъ не читалъ и читать не могъ; онъ невѣрно называетъ даже живыхъ авторовъ—Альберта Сореля окрестилъ Альфредомъ (466), покойнаго Wichmann обратилъ въ Wiechmann и т. п. Импонировать въ «ученой работѣ», даже въ «научномъ изслѣдо-

---

[1]) *I, 26, 29 и* 71.

[2]) *La propagande* révolutionnaire ne pouvait pas atteindre la Russie, I, 511,

ванія», пустымъ перечнемъ иностранныхъ сочиненій довольно трудно, если вообще и возможно, въ наше время.

Г. Чечулинъ вполнѣ справедливо отзывается съ похвалою о диссертаціи Askenazy, Die letzte polnische Königswahl, но пользоваться ею не умѣетъ:

Стр. 217—Askenazy, 14, Ann. I, хотя здѣсь Аскенази самъ основывается на Сборникѣ, XLVI, 537, XLVIII, 512, 547;

Стр. 224—Askenazy, 37—38, несмотря на то, что самъ же Аскенази опровергаетъ это на слѣдующей же стр. 39 ссылкой на Соловьева, XXVI, 67 (64—опечатка);

Стр. 230—Askenazy, 35, между тѣмъ какъ Аскенази ссылается на труды Boutaric, Broglie, Rambaud, даже Соловьева, XXV, 323.

и т. д. Такимъ образомъ, оказывается, что г. Чечулинъ отрекается отъ своего русскаго «первоисточника» ради возможности сослаться на иностранное сочиненіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ иностранномъ сочиненіи русскій источникъ не названъ и г. Чечулину приходится имѣть дѣло только съ иностранцами, результатъ оказывается довольно плачевнымъ.

Приведя, на французскомъ языкѣ, небольшое замѣчаніе Рюльера, Аскенази поясняетъ его: eine Bemerkung, die dadurch nur noch piquanter wird, dass Rulhière, als er sie niederschrieb, gewiss ebensowoll an Choiseul und die Dubarry, wie an Panin und Orlow gedacht hat (52). Кажется, ясно; но г. Чечулинъ, вслѣдствіе незнанія нѣмецкаго языка [1]), не понялъ приведенныхъ нѣмецкихъ строкъ, невѣрно перевелъ ихъ и сдѣлалъ изъ нихъ слѣдующій вздорный выводъ: «Аскенази поясняетъ, что замѣчаніе Рюльера тѣмъ интереснѣе, что въ немъ онъ столько же имѣлъ въ виду отношенія Шуазеля и Дюбарри, какъ Панина и Орлова (!?)—но въ нашихъ глазахъ именно это обстоятельство и лишаетъ замѣтку Рюльера уже всякаго значенія: мы не можемъ сомнѣваться, что Рюльеръ и вста-

[1]) Этимъ же объясняются вполнѣ невѣрныя ссылки на диссертацію Аскенази, помѣщенныя въ книгѣ г. Чечулина на стр. 220, 241, 253, 256, 257, 258, 259 и др.

вилъ ее именно для того, чтобы сдѣлать намекъ на французское министерство, и вовсе не видимъ въ этомъ повода разыскивать такія же отношенія въ Петербургѣ» (243). Ничего подобнаго у Рюльера нѣтъ—ни Дюбарри, ни Шуазеля, о которыхъ Рюльеръ, по словамъ Аскенази, gewiss gedacht hat!

При незнаніи нѣмецкаго языка трудно, конечно, воспользоваться диссертаціею Аскенази, посвященной вопросу объ избраніи Понятовскаго; но труднѣе еще—трудомъ A. Beer, Die erste Theilung Polens, столь важнымъ для избранной г. Чечулинымъ темы. Въ чемъ заключается значеніе этой «иностранной публикаціи»?

Въ первомъ раздѣлѣ Польши участвовали три правительства—австрійское, прусское и русское. Дипломатическая переписка по этому вопросу послѣднихъ двухъ издана; австрійская же до сихъ поръ еще не обнародована. Кромѣ изданій Arneth, вѣнскаго архиваріуса, въ которыхъ встрѣчаются извѣстія о первомъ раздѣлѣ Польши, только Бэръ воспользовался въ названномъ сочиненіи дипломатическою перепискою австрійскихъ государственныхъ дѣятелей по вопросу о первомъ раздѣлѣ Польши. Въ этомъ заключается значеніе труда Бэра въ исторической наукѣ. Торжественно признавая себя «обязаннымъ вновь пересмотрѣть вопросъ о раздѣлѣ» (375), г. Чечулинъ не замѣтилъ даже, что для такого новаго пересмотра у него нѣтъ матеріаловъ вѣнскаго архива, кромѣ извѣстій, сообщенныхъ именно Бэромъ. А эти матеріалы очень важны.

Фридрихъ II постоянно и систематически «пугалъ» Екатерину II грозными «приготовленіями» Австріи, враждебными Россіи. Прусскій король былъ убѣжденъ, что, постоянно пугая, Россію не трудно «запугать» и, такимъ образомъ, заставить плясать по его дудкѣ.

«Не хочу скрыть отъ васъ—пишетъ Фридрихъ II графу *Финкенштейну* — наблюденія, сдѣланнаго мною относительно *способа* веденія переговоровъ съ Россіею и подтвержденнаго

опытомъ въ разныхъ случаяхъ. Чтобы успѣть въ переговорахъ съ нею, надо часто повторять ей одно и то же, и не унывать, если бы она даже и представила въ началѣ нѣкоторыя затрудненія. Чѣмъ больше напѣваютъ ей одну и ту же пѣсню, тѣмъ болѣе ея слухъ привыкаетъ къ ней, и, въ концѣ концовъ, не преминешь привести ее къ полнѣйшему согласію» [1]). Въ вопросѣ о первомъ раздѣлѣ Польши такою прусскою пѣснью были угрозы вооруженіями Австріи. Панинъ былъ убаюканъ этой пѣснью; подчиняется ей и г. Чечулинъ, ни разу не изслѣдовавшій, насколько угрозы Австріею справедливы въ прусскихъ сообщеніяхъ; но Екатерина эту пѣсню поняла и оцѣнила, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Она писала «руководителю русской иностранной политики» графу Панину, въ январѣ 1771 года, пересылая ему письмо и мемуаръ Фридриха II: «Было бы желательно, чтобъ перестали вамъ постоянно показывать вооруженную или поднятую руку Австріи, ибо Россія, подвергшись нападенію, сумѣетъ защититься, она не боится никого... Во всѣхъ этихъ бумагахъ видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него, а все положено на счетъ вѣнскаго двора, но когда увидятъ, что угрозами ничего не выиграютъ, то остальное найдется само собой. Держитесь крѣпко и ни шага назадъ: все обдѣлается какъ нельзя лучше» [2]).

Только по труду Бэра г. Чечулинъ могъ и долженъ былъ изслѣдовать, насколько были справедливы прусскія угрозы

---

[1]) Сборникъ, XXXVII, 556.

[2]) *Соловьевъ*, XXVIII, 211. Г. Чечулинъ перепечаталъ все письмо Екатерины (400), но при этомъ (по ошибкѣ, вѣроятно) скрылъ отъ читателя, что оно писано никому другому, какъ именно Панину и, поэтому уже, свидѣтельствуетъ ярче всякихъ канцелярскихъ справокъ, что Екатерина руководила внѣшнею политикою, давала ей тонъ, что она не «совѣтовалась» съ Панинымъ, а приказывала ему: «держитесь крѣпко и ни шага назадъ». Не обратилъ г. Чечулинъ вниманія и на то, что письмо это напечатано Соловьевымъ, а не въ «Сборникѣ», куда оно почему-то не попало. Изъ Государственнаго ли оно Архива? Не опечатка ли это?

*

австрійскими вооруженіями. Между тѣмъ, онъ, подобно Панину, относится съ полнымъ довѣріемъ къ этой прусской пѣснѣ и наивно повторяетъ ее, думая, что въ этомъ и долженъ заключаться пересмотръ вопроса о первомъ раздѣлѣ Польши. Ссылки г. Чечулина на Бэра или касаются общихъ фактовъ, не спеціально австрійскихъ (213, 231, 243, 253, 256, 259, 277), или невѣрны и не заключаютъ въ себѣ указанныхъ г. Чечулинымъ сообщеній (229, 245, 246, 294, 304, 309 [1]), 414, 415) и только четыре ссылки (46, 403 [2]), 425, 442) имѣютъ серьезное значеніе, какъ указывающія на свѣдѣнія, заимствованныя Бэромъ изъ вѣнскаго архива [3]). Мы умалчиваемъ о ссылкахъ сложныхъ, на нѣсколько страницъ, иногда на цѣлую главу (433, 434, 449), для подкрѣпленія свѣдѣнія, строго говоря, вовсе въ ссылкѣ не нуждающагося; но указываемъ на ссылку непозволительную въ «научномъ изслѣдованіи»: по поводу разграниченія польскихъ земель, отошедшихъ къ Австріи, г. Чечулинъ ссылается на Dohm Denkwürdigkeiten meiner Zeit, 510 [4]), по которому разграни-

[1]) Ссылка на Beer, II, 95, хотя въ ней Репнину отдается предпочтеніе предъ Сальдерномъ.

[2]) Совершенно вѣрная и умѣстная ссылка на Beer, II, 48, изукрашена слѣдующимъ дополненіемъ, поистинѣ, изумительнымъ, и совершенно ненужнымъ: «*Ranke*, Sämmtliche Werke, Bd. 51—52, 391; *Villermont*, Marie-Therèse, II, 314, 329—331, *Wolf und Zwedinek*, Oesterreich unter Maria Theresia, Iosef II und Leopold, 159». Объяснить подобный пріемъ въ «ученой работѣ» можно, конечно, наивностью автора; но чѣмъ оправдать его? Приводимъ, не ручаясь за полноту, страницы съ указаніемъ невѣрныхъ, фальшивыхъ ссылокъ на иностранныя сочиненія вообще: 229, 243, 259, 277, 281, 285, 294, 300, 414, 415, 433.

[3]) Не серьезное, а совершенно иное уже, значеніе представляетъ ссылка на стр. 259, хотя и касается свѣдѣній изъ вѣнскаго архива: желая во что бы ни стало приписать Россіи главную роль въ первомъ раздѣлѣ Польши, г. Чечулинъ фальшиво излагаетъ записку Кауница—онъ говоритъ только о Россіи, умалчиваетъ о Пруссіи—и чтобы скрыть подобную неблаговидную передѣлку документа, ссылается на Beer, I, 181—183, между тѣмъ какъ фальсифицированное имъ мѣсто находится на предыдущей, 180 стр.

[4]) *Тутъ, очевидно, опечатка*, вмѣсто I, 510, всѣхъ томовъ пять. Сама же *по себѣ* эта ссылка на Dohm является какимъ-то недомысліемъ.

ченіе окончилось въ 1777 году, а не на Beer, II, 302, какъ бы слѣдовало, гдѣ окончаніе дѣла отнесено, и совершенно вѣрно, къ январю 1776 года.

Нельзя, конечно, оправдать г. Чечулина за то, что, приводя отзывъ Сегюра, онъ ссылается не на подлинникъ [1]), а на переводъ въ «Русскомъ Архивѣ» (88), но это можно объяснить незнаніемъ французскаго языка. Чѣмъ, не говоримъ оправдать, но объяснить, цитату изъ англійскаго дневника по нѣмецкому переводу? Отзывъ о князѣ Репнинѣ, записанный въ Diaries and correspondence of James Harris, приведенъ по нѣмецкому переводу Memoiren des Grafen v. Malmesbury, въ Bibliothek ausgewählter Memoiren des XVIII und XIX Iahrhunderts (309)! А между тѣмъ, въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» [2]) напечатанъ переводъ этой цитаты М. Лонгиновымъ на русскій языкъ, и переводъ вѣрный: въ нѣмецкомъ переводѣ оригиналъ искаженъ, къ тому же въ смыслѣ прямо противномъ тексту г. Чечулина. Кто же повѣритъ, что г. Чечулинъ, неспособный прочесть записки Сегюра на французскомъ языкѣ, прочелъ нѣмецкій переводъ записокъ Гарриса, когда онъ не понимаетъ даже совершенно простой [3]) нѣмецкой фразы?

---

[1]) *Ségur*, II, 72. [2]) За 1865 г., стр. 956.

[3]) Выставляя повсюду Н. И. Панина, г. Чечулинъ не только перепечатываетъ цѣликомъ указъ о назначеніи его «старшимъ членомъ» коллегіи иностранныхъ дѣлъ (225), но сопровождаетъ это слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сборникъ, LI, 67. Въ Сборникѣ указъ этотъ помѣченъ 27-го октября ст. ст.; по сообщенію Курда ф. Шлецера, Friedrich der Grosse und Katharina II, 150, 27-го октября (7-го ноября н. ст.) послѣдовало объявленіе дипломатическому корпусу отъ вице-канцлера князя Голицына о томъ, что Панину поручается завѣдываніе иностранными дѣлами, а указъ вышелъ черезъ 8 дней». Приводимъ подлинникъ: Am 7 November machte der Vice-Kanzler Fürst Galitzin dem diplomatischen Corps die officielle Anzeige, dass die Kaiserin den Herrn von Panin zum Mitgliede des auswärtigen Collegiums ernannt habe, und etwa acht Tage später erschien ein Ukas, welcher ihm die obere Leitung des ganzen Collegiums ubertrug. Какую важность придавали этому назначенію современники видно изъ того, что графъ Сольмсъ упоминаетъ о немъ лишь мѣсяцъ спустя, въ депешѣ отъ 18-го (29-го) ноября (Сборникъ, XX, 163), о чемъ г. Чечулинъ, конечно, умалчиваетъ.

Въ 1840 году, членъ Россійской Академіи, почтенный А. С. Кочетовъ читалъ, въ публичномъ засѣданіи, рѣчь «О пагубныхъ слѣдствіяхъ пристрастія къ чужеземнымъ языкамъ». Въ этой рѣчи онъ говорилъ, между прочимъ: «Всякій просвѣщенный знаетъ, что знаніе языковъ есть ключъ къ познанію всего, что по части наукъ и искусствъ написано на языкахъ иноземныхъ» [1]). Спустя болѣе полустолѣтія, г. Чечулинъ представляетъ въ ту же академію, но уже Академію Наукъ, «ученую работу», которая несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что авторъ «Внѣшней политики Россіи» за время перваго раздѣла Польши не знаетъ ни одного изъ иноземныхъ языковъ, ни даже польскаго.

Еще интереснѣе и для разсматриваемой книги несравненно характернѣе отношеніе г. Чечулина къ русскимъ «первоисточникамъ», заключающимся «въ нѣсколькихъ (пятнадцати или шестнадцати) томахъ «Сборника» русскаго историческаго общества». По мнѣнію г. Платонова, высказанному въ офиціальной статьѣ о разсматриваемомъ трудѣ, г. Чечулину «важенъ прежде всего и почти исключительно русскій документъ, въ которомъ онъ находитъ офиціальное и достовѣрное раскрытіе мотивовъ петербургской политики; для него иностранныя публикаціи и изслѣдованія не имѣютъ большого значенія» [2]). Мы видѣли, что «иностранныя публикаціи и изслѣдованія» не могли имѣть для г. Чечулина никакого значенія, ни большого, ни малаго, такъ какъ онъ, по незнанію иностранныхъ языковъ, не могъ ими пользоваться; но «исключительно важные» для него русскіе матеріалы онъ изучилъ? пользоваться ими онъ умѣетъ?

Въ первой же главѣ, которая «играетъ въ книгѣ главенствующую роль», г. Чечулинъ, обозрѣвая русскую внѣшнюю политику при началѣ войны за австрійское наслѣдство, весьма патріотически, но вовсе не научно, возмущается, что рус-

---

[1]) *С.-Петербургъ*, 1840, стр. 4.

[2]) *«Журн. Мин. Нар. Пр.»*, 1897, января, 174.

ское министерство вело дѣла «точно какое министерство второстепеннаго государства» (19; ср. 46, 418). Но таковымъ оно дѣйствительно и было, даже по мнѣнію самого же Панина, что ясно и категорически выражено имъ въ письмѣ къ кн. Волконскому отъ 31-го октября 1769 года [1]).

«Нѣкоторые думаютъ, что Панинъ пришелъ къ мысли о сѣверной системѣ въ виду существованія на югѣ Европы союза державъ католическихъ — Франціи, Австріи и Испаніи» (179). Г. Чечулинъ, конечно, удивится, узнавъ, что во главѣ этихъ «нѣкоторыхъ» стоитъ самъ же Панинъ, какъ онъ то и высказалъ въ рескриптѣ Гроссу въ Лондонъ, отъ 10-го ноября 1764 года [2]).

Поверхностное и небрежное отношеніе г. Чечулина къ «первоисточникамъ», русскимъ и на русскомъ языкѣ, ставитъ его въ довольно комическое положеніе по вопросу о наймѣ русскихъ войскъ въ иноземную службу. Этотъ злосчастный вопросъ трактуется два раза, и оба раза обличаетъ его недостаточное «изученіе» матеріаловъ. Въ первый разъ, г. Чечулинъ восторгается тѣмъ, что Екатерина не дала «Англіи въ наемъ русскихъ солдатъ» и не считала «возможнымъ продавать своихъ подданныхъ» (68). Напротивъ: Екатерина и на словахъ, чрезъ Панина, обѣщала, и въ своемъ письмѣ королю подтвердила готовность отпустить «русскихъ солдатъ» на англійскую службу [3]). Въ другой разъ, г. Чечулинъ заявляетъ, что «русскія войска не бываютъ отдаваемы въ наемъ», по поводу просьбы Чарторійскихъ (245). И опять неудачно: «тысяча человѣкъ легкой конницы» была уже въ

[1]) Сборникъ, LXXXVII, 515. [2]) Сборникъ, LVII, 63.

[3]) Въ подтвержденіе своего восторга г. Чечулинъ ссылается на Сборникъ, XIX, 476—502, и вполнѣ неудачно: вмѣсто 26 стр., имъ указанныхъ, стоитъ только прочесть одну пропущенную имъ стр. 474, чтобы убѣдиться, что Екатерина, по совѣту Панина, обѣщала отдать русскія войска въ наемъ англійскому королю. Мало того: въ указанныхъ 26-ти страницахъ говорится только противъ отпуска 20.000 корпуса въ Канаду (501), но не въ Испанію, Ганноверъ или Англію (493, 499).

услуженіи Чарторійскихъ; гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, находя наемъ русскихъ войскъ вполнѣ возможнымъ, просили о присылкѣ еще «другой тысячи да двухъ пѣхотныхъ полковъ» [1]). Въ обоихъ случаяхъ ясно сказалось неумѣнье г. Чечулина пользоваться документомъ даже русскимъ.

Н. И. Панину приписывается политическій взглядъ на диссидентскій вопросъ и это ставится ему въ заслугу настолько, что два раза перепечатывается [2]) его отзывъ по этому поводу кн. Репнину, въ депешѣ отъ 14-го августа 1767 года (48, 261). Къ сожалѣнію, г. Чечулину осталось неизвѣстнымъ, что въ этомъ случаѣ Панинъ только повторилъ слова Фридриха II и дѣйствовалъ по его указкѣ: въ депешѣ гр. Сольмсу, отъ 12-го февраля 1767 года, т.-е. полгода ранѣе Панина, Фридрихъ писалъ, что «кромѣ нѣсколькихъ польскихъ бискуповъ, никто не смотритъ на диссидентское дѣло, какъ на дѣло религіозное» [3]).

Г. Чечулинъ невѣрно передаетъ даже фактическія указанія. Такъ, напр., говоря о «созданіи въ Польшѣ генеральной конфедераціи» осенью 1769 года, г. Чечулинъ сообщаетъ, будто Панинъ «готовъ былъ обѣщать Польшѣ территоріальное вознагражденіе на счетъ Турціи, напримѣръ, *часть Молдавіи или Валахіи*» (311). Подчеркнутыя нами слова—чи-

[1]) Рескриптъ гр. Кейзерлингу и кн. Рѣпнину, отъ 2-го февраля 1764 г. (Сборникъ, LI, 202). Содержаніе этого рескрипта совершенно вѣрно, очевидно со словъ Панина, передано гр. Сольмсомъ, въ депешѣ отъ 3-го февраля 1764 г. (Сборникъ, XXII, 210). Г. Чечулинъ неумѣло прочелъ рескриптъ и напрасно разразился комической тирадой противъ гр. Сольмса (246).

[2]) Сборникъ, LXVII, 409. Изъ этой замѣчательной депеши г. Чечулинъ перепечаталъ только общее мѣсто, не Панину принадлежащее, и его разсужденіе о «нашихъ единовѣрныхъ» передалъ своими словами (48 и 262), хотя оно въ высшей степени характерно: усиленіе нашихъ единовѣрныхъ въ Польшѣ вредно для Россіи, такъ какъ русскій человѣкъ, «видя въ Польшѣ, при безопасности, большое въ вѣрѣ распространеніе, съ выгодами свободнаго во всемъ народа», убѣжитъ въ Польшу (Ibid., 410). А г. Чечулинъ пишетъ, что екатерининское правительство «преслѣдовало выгоды русскаго народа» (III).

[3]) Сборникъ, XXXVII, 32.

стый вымыселъ: въ письмѣ гр. Панина къ кн. Волконскому, отъ 30-го сент. 1769 года, вовсе не упоминается Валахія и ничего не говорится о «части Молдавіи», а ясно и не разъ повторено о «присоединеніи къ Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи» [1]).

Ссылки и указанія г. Чечулина на «русскій документъ», для него исключительно «важный», положительно невѣроятны въ «научномъ изслѣдованіи», главное достоинство котораго въ этомъ отношеніи заключается именно въ точности. Даже обычныя ковычки не обезпечиваютъ отъ этой небрежности.

Письмо Панина къ кн. Чарторійскимъ, отъ 4-го іюля 1766 года, изложено крайне тенденціозно (270), причемъ не упомянуто даже, что, кромѣ диссидентскаго вопроса, Панинъ пишетъ о союзномъ трактатѣ и о пограничныхъ спорахъ. Сводя все письмо къ диссидентскому дѣлу, г. Чечулинъ прибавляетъ, что неудача этого дѣла будетъ, будто бы по словамъ Панина, «доказательствомъ ихъ нерадѣнія и нежеланія употребить въ соотвѣтствіе видамъ императрицы всѣ свои связи и все свое вліяніе» [2]). Этихъ словъ, поставленныхъ въ кавычки, въ письмѣ Панина не встрѣчается.

Сообщая содержаніе деклараціи 1766 года (272), г. Чечулинъ не только не указываетъ источника (Сборникъ, LXVII, 84), но еще вставляетъ въ нее нѣсколько строкъ— тоже не указывая, откуда заимствованы имъ эти слова [3])— изъ депеши Панина къ князю Репнину (Сборникъ, LXVII, 97).

---

[1]) Сборникъ, LXXXVII, 502—503. Здѣсь у г. Чечулина сборная ссылка: Сборникъ, LXXXVII, 483—486, 498—504, 515, итого 13 страницъ, причемъ 483—486 начинаются и оканчиваются полусловами изъ двухъ разныхъ писемъ Панина; въ 498—504 вычитана Валахія, а стр. 515 не заключаетъ въ себѣ ничего подобнаго тому, о чемъ говорится въ текстѣ. Зачѣмъ понадобилась подобная ссылка? Въ текстѣ сообщены общеизвѣстные факты, не нуждающіеся въ ссылкахъ, и присочинена Валахія, которую никакой ссылкой подтвердить нельзя. Ср. *Beer*, I, 245.

[2]) Сборникъ, LXVII, 9—20.

[3]) Въ ссылкѣ, соотвѣтствующей этому сообщенію, указаны: «Сборникъ, т. LXVII, 76—96, 100—104, 129, 174» (273), причемъ не отмѣчена именно 97 стр., изъ которой сдѣлано заимствованіе.

На стр. 260 передается довольно подробно, словами документа и, потому, въ кавычкахъ, данное кн. Репнину наставленіе по поводу представленія «деклараціи въ пользу диссидентовъ», причемъ не обозначено, изъ какого документа заимствованы эти наставленія и въ концѣ лишь страницы упомянуто, что это «Панинъ совѣтовалъ Репнину». Конечно, невозможно было болѣе затруднить провѣрку для лицъ, незнакомыхъ съ вопросомъ, и все это для возвеличенія Панина и для сокрытія неточности выписокъ. Единственный намекъ, не указаніе—«Панинъ совѣтовалъ Репнину»—и тотъ ошибоченъ: приводимое мѣсто взято изъ рескрипта не Панина, а императрицы Екатерины, и не Репнину, а гр. Кейзерлингу и кн. Репнину [1]); въ началѣ же страницы заимствованія сдѣланы изъ депеши Панина кн. Репнину, апробованной императрицею [2]), причемъ депеша отъ 13-го октября 1764 года приведена прежде рескрипта отъ 29-го сентября того же года.

На стр. 261 приводится выписка, въ кавычкахъ, но безъ ссылки, а лишь съ указаніемъ на депешу Панина отъ 14-го августа 1767 года. Но депешъ Панина, помѣченныхъ этимъ числомъ, шесть, и изъ нихъ къ кн. Репнину пять, занимающихъ 20 страницъ, на которыхъ приходится искать, благодаря небрежности «научнаго изслѣдованія», нѣсколько строкъ [3]), приведенныхъ въ разсматриваемой книгѣ.

Эти и многіе другіе примѣры [4]) небрежнаго отношенія къ русскимъ даже матеріаламъ рисуютъ г. Чечулина дилетантомъ, небрегущимъ точностью изслѣдованія, а не серьезнымъ ученымъ. Къ сожалѣнію, въ разсматриваемой книгѣ встрѣчаются иные примѣры, рисующіе автора съ иной, вполнѣ уже некрасивой стороны. Приведемъ одинъ изъ нихъ:

---

[1]) Сборникъ, LVII, 9. [2]) Ibid., 19.

[3]) Эти нѣсколько строкъ взяты изъ Сборника, LXVII, 409.

[4]) Приводимъ, не ручаясь, конечно, за полноту, указаніе страницъ, на которыхъ встрѣчаются подобные примѣры: 77, 201, 205, 212, 217, 223, 225, 232, 243, 248, 271, 272, 296, 411, 421, 429, 431.

Стараясь во что бы то ни стало доказать основную мысль своей «ученой работы», что Панинъ уже съ 1763 года задумалъ раздѣлъ Польши, постоянно, въ теченіе девяти лѣтъ, стремился къ нему и, наконецъ, въ 1772 году, осуществилъ свою завѣтную мечту, г. Чечулинъ невѣрно передаетъ отвѣтъ императрицы Екатерины II на одинъ изъ запросовъ прусскаго короля (382). Когда Фридрихъ II возбудилъ, въ 1767 году, рѣчь о вознагражденіи, въ случаѣ, если Пруссія, въ силу русско-прусскаго договора 1764 года, будетъ вовлечена въ войну, Екатерина отвѣчала, что она consent volontiers de le lui faire trouver partout où il pourra être pris sur le compte de la puissance ennemie qui par ses démarches aura engagé cette guerre [1]). При переводѣ этихъ строкъ, г. Чечулинъ опустилъ прилагательное ennemie и, недоумѣвая, о какой иной державѣ, кромѣ Польши, могла идти рѣчь, восклицаетъ: «Конечно, не могли же въ Петербургѣ подразумѣвать Австрію подъ именемъ державы, отъ которой можно будетъ взять вознагражденіе!» (382, прим.). Между тѣмъ, вся переписка того времени велась, именно, о враждебномъ положеніи, которое Австрія, по увѣреніямъ Фридриха II, готова была принять въ 1767 году, что ясно и выражено въ депешѣ того же гр. Сольмса, отъ 15-го марта 1767 года, помѣщенной лишь нѣсколькими страницами ниже, въ томъ же «Сборникѣ», и оставшейся неизвѣстною г. Чечулину [2]). По его взгляду, подъ этою «непріятельскою державою» должны были разумѣть, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, именно Польшу. Но во всей дипломатической перепискѣ того времени, не только до перваго раздѣла Польши, но и позже, ни въ русскихъ, ни въ прусскихъ документахъ Польша ни единаго раза не называется «державою», тѣмъ менѣе «непрія-

---

[1]) Депеша гр. Сольмса, отъ 1-го февраля 1767 г., въ Сборникѣ, XXXVII, 50.

[2]) XXXVII, 73. Это является прямымъ результатомъ указаннаго уже нами недостатка книги, въ которой существенно важный вопросъ о прусскихъ угрозахъ Австріею оставленъ неизслѣдованнымъ.

тельскою»; на это были серьезныя основанія, которыхъ г. Чечулинъ, избѣгающій всякаго изслѣдованія, не понялъ, и, не находя въ документахъ подтвержденія своему взгляду, рѣшился фальсифицировать одну изъ депешъ Фридриха II. По его словамъ (411), прусскій король, «въ депешѣ отъ 24-го марта (4-го апрѣля), высказываетъ крайнее нетерпѣніе, досадуетъ на медлительность Панина, соглашается уже «удовольствоваться» епископствомъ вармійскимъ и кульмскимъ, если Россіи трудно будетъ содѣйствовать ему въ пріобрѣтеніи бо́льшаго; онъ повторяетъ, что вѣдь изъ-за Польши, изъ-за просьбъ конфедератовъ предъ Турціей, Россія ведетъ войну, *слѣдовательно можетъ относиться къ Польшѣ, какъ къ государству враждебному*» [1]). Не только въ упомянутой депешѣ, но и во всѣхъ депешахъ, приводимыхъ г. Чечулинымъ [2]) и неприводимыхъ, подчеркнутыхъ нами словъ нѣтъ и быть не могло: они произвольно вставлены г. Чечулинымъ для подтвержденія своего взгляда, все въ той же, вѣроятно, надеждѣ, что его «опровергнуть и даже провѣрить совершенно невозможно» для тѣхъ, кому онъ писалъ (100).

Быть можетъ, этою же надеждою должна быть объяснена

---

[1]) Отмѣтимъ, кстати, небрежность г. Чечулина при передачѣ даже такого простого документа: *во-первыхъ*, депеша невѣрно помѣчена—она отъ 13-го (24-го) марта (Сборникъ, XXXVII, 432), а не отъ 24-го марта (4-го апрѣля) *во-вторыхъ*, въ депешѣ ни разу не упомянутъ всюду выдвигаемый г. Чечулинымъ Панинъ; *въ-третьихъ*, Фридрихъ II вовсе не говоритъ о согласіи «удо[illegible] епископствомъ вармійскимъ и кульмскимъ», что превосходитъ [illegible]енныя желанія: «я удовольствуюсь—писалъ онъ—воеводствомъ К[illegible], если это невозможно (à son défaut), воеводствомъ Маріен-б[illegible] епископствомъ Вармійскимъ»; *въ-четвертыхъ*, въ депешѣ Фрид-р[illegible]рически говорится объ отвращеніи русскаго двора отъ всякаго [illegible] (la répugnance de la cour de Russie pour tout démembrement [illegible] г. Чечулинымъ умолчено. Благодаря всему этому, не [illegible] фальсификаціи, депеша Фридриха II получаетъ въ передачѣ [illegible]рпенно несвойственный ей смыслъ.

[2]) [illegible] депеша точно не указана, причемъ помѣта ея, какъ мы [illegible] На всей 411-й стр, гдѣ сообщаются выдержки изъ депешъ [illegible] только двѣ ссылки съ указаніемъ на Сборникъ, [illegible] а также 433, 434, 435.

особая система ссылокъ, употребляемыхъ г. Чечулинымъ—сборныхъ ссылокъ, съ указаніемъ на десятки страницъ, подлежащихъ прочтенію для провѣрки нѣсколькихъ строкъ текста [1]). Система ссылокъ, которая не облегчаетъ, а лишь затрудняетъ провѣрку, едва ли заслуживаетъ поощренія сама по себѣ; но она достойна только порицанія, если, къ тому же, примѣняется недобросовѣстно. Приводимъ примѣры такихъ ссылокъ:

стр. 279, ссылка 2—«Сборникъ, т. LXVII, 204, 208, 228, 245, 256, 279», для подтвержденія, что поляки-католики, ради противодѣйствія диссидентамъ, готовы «броситься къ вѣнскому двору» или, по мнѣнію Панина, устроить что-либо «въ родѣ сициліанской вечерни». Изъ шести указаній, только два годныхъ—245 [2]) и 256; остальныя четыре говорятъ о другомъ: 204—объ епископахъ, 208—о большинствѣ голосовъ, 228—записка Екатерины объ епископахъ и 279—объ остудѣ къ польскому двору;

стр. 314, ссылка 1—«Сборникъ, т. XCVII, 46, 48, 52, 55, 147, 170—171», для подтвержденія трехъ выписокъ изъ писемъ Екатерины и Панина. Изъ шести указаній необходимы лишь первыя три, остальныя совершенно излишни;

стр. 418, ссылка 2—«См., напр., Сборникъ, т. XCVII, 337—342», для подтвержденія разсужденій о словѣ «я» во французской депешѣ Сальдерну «отъ 11-го іюня 1771 года». Не говоря уже о томъ, что депешъ отъ 11-го іюня три (XCVII, 332, 340, 343), приводимая въ текстѣ выписка по поводу комическаго «я» въ депешѣ къ Сальдерну, непонимавшему по-русски, взята со стр. 335, вовсе пропущенной въ ссылкѣ, и т. д. [3]).

---

[1]) Стр. 185, 1—51 страница; стр. 195,1—61 стр. и т. п.

[2]) 244, вѣроятно, опечатка.

[3]) Приводимъ списокъ такихъ сборныхъ ссылокъ, опять не ручаясь за его полноту: 40, 60, 68, 74, 80, 111 (причемъ необходимый Арх. кн. Воронцова, VII, 602, пропущенъ), 141, 145, 159, 165, 175, 184, 191, 206, 217, 267, 273, 292, 293, 297, 313, 314, 315, 433, 434, 449.

Только преднамѣренно можно писать, напр., ссылку «Сборникъ, т. XCVII, 447» на слѣдующія строки текста: «Въ депешѣ отъ 28-го августа 1771 г. Панинъ раскрылъ Сальдерну «новую систему», сообразоваться съ которою онъ и совѣтовалъ послу» (319). Такихъ депешъ Панина не одна, а девять, всѣ отъ 28-го августа; помѣщенная же на указанной въ ссылкѣ 447 стр.—отъ 15-го октября!

Такъ со «Сборникомъ», пользованіе которымъ представляетъ «практическое удобство»; съ другими изданіями не лучше: Соловьевъ цитируется преимущественно по новому, петербургскому изданію, но встрѣчаются ссылки и на первоначальное, московское (299, 320); его ссылкамъ на «Чтенія» (151, 286) такъ же мало можно довѣрять, какъ на «Русскій Архивъ» и на «Русскій Вѣстникъ» (296) — онѣ совершенно случайны и свидѣтельствуютъ только о незнакомствѣ его съ матеріаломъ [1]).

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что г. Чечулинъ небреженъ не только къ матеріалу, но и къ самому себѣ: выскажетъ какое-нибудь сужденіе и черезъ нѣсколько страницъ, или на той же страницѣ опровергнетъ его. Такъ, въ 1726 году, война съ Турціей неизбѣжна на 10-й стр. и ее можно было избѣжать на 11-й; одно и то же «несомнѣнно доказано» въ началѣ страницы и «очень вѣроятно» въ концѣ (28); Понятовскій былъ избранъ «при полномъ спокойствіи» (258) и, въ примѣчаніи, это спокойное избраніе является комедіей; одинъ и тотъ же Панинъ то находитъ неудобнымъ предоставленіе диссидентамъ большихъ правъ (263), то желаетъ полнаго уравненія ихъ съ католиками (283) и т. д., и т. д. Иногда онъ забываетъ себя же и повторяетъ то, что уже говорилъ: на стр. 278 повторено со стр. 276, на стр. 283 [illegible]торено со стр. 262, и т. п.

[illegible]ъ, указываетъ на статью въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (296), а не [illegible]рвоисточника»—Сборникъ, LXXXVII, 124; на той же стр. приво[illegible]й Архивъ и не упоминается *Angeberg*, 61, и т. п. Даже *Храно*[illegible]уется по изданію Геннади (90).

Ранке всегда твердилъ своимъ ученикамъ, что необходимо заботиться о формѣ изложенія, и не безъ основанія, такъ какъ форма опредѣляется содержаніемъ: живость представленія какого-либо событія свидѣтельствуетъ о глубокомъ его пониманіи, которое можетъ быть достигнуто только при помощи точнаго и всесторонняго изслѣдованія. Такая мѣрка неприложима, конечно, къ такимъ сочиненіямъ, какъ разсматриваемая книга; но отъ всякой «ученой работы» мы въ правѣ требовать двухъ условій: точности изслѣдованія и ясности изложенія. На книгѣ г. Чечулина вполнѣ оправдались слова Ранке: каково изслѣдованіе, таково и изложеніе.

Въ разсматриваемой книгѣ изложеніе страдаетъ неровностями: въ главахъ чисто компилятивныхъ, какъ, напр., глава V—«Первая турецкая война» (320)—вся составленная по труду г. Петрова, оно ясно и просто; въ главахъ же, посвященныхъ возвеличенію Панина и первому раздѣлу Польши—сбивчиво и вяло. Иногда г. Чечулинъ восторгается до паѳоса, какъ, напр., при описаніи кагульской битвы (337)—это паѳосъ дурного тона, паѳосъ за чужой счетъ, но все же паѳосъ, вовсе неумѣстный, однако, въ «научномъ изслѣдованіи» [1]); иногда за его разсказомъ тяжело слѣдить, до того онъ дряблъ и дѣланъ. Неясное изложеніе само по себѣ свидѣтельствуетъ уже о неточности пониманія [2]); ясности же

---

[1]) «Думаемъ, что побѣда съ 17.000 надъ 100.000 должна бы заставить умолкнуть всякую критику» (339). Военные историки «думають» иначе, и они, конечно, правы.

[2]) «Если одинъ изъ участниковъ дипломатической переписки хвалитъ, а другой порицаетъ нѣкоторыя дѣйствія третьяго, если одинъ говоритъ, что онъ старался чему-либо противодѣйствовать, а другой—что онъ этому самому дѣлу оказывалъ поддержку, если, наконецъ, третій говоритъ самъ о томъ, какъ онъ именно дѣлалъ это, порицаемое однимъ и восхваляемое другимъ, дѣло, причемъ въ объясненіи причинъ своего поступка расходится и съ тѣмъ и съ другимъ свидѣтелемъ, а выставляетъ свои собственныя основанія—то мы можемъ вполнѣ ясно и точно опредѣлить представляющееся намъ явленіе, его причины и значеніе» (37). Передъ этимъ не устоятъ даже «прямыя линіи переговоровъ» (389)!

изложенія много вредятъ къ тому же предваренія и перерывы. Какъ бы не полагаясь на вниманіе читателя, г. Чечулинъ считаетъ необходимымъ предварять о чемъ онъ хочетъ говорить и зачѣмъ это нужно—такія вывѣски [1]), совершенно излишнія, только дѣлаютъ изложеніе болѣе тягучимъ и вредятъ интересу разсказа. Несравненно хуже перерывы: не составивъ себѣ яснаго представленія ни о лицахъ, ни о дѣлахъ ихъ, г. Чечулинъ ничего не изображаетъ въ полной картинѣ, въ цѣльномъ представленіи, а лишь по частямъ, постоянно отсылая читателя «ниже». Это «ниже» и само по себѣ не свидѣтельствуетъ о мастерствѣ изложенія, но въ такомъ большомъ количествѣ [2]), какъ въ разсматриваемой книгѣ, оно просто претитъ. Нимало не улучшаетъ изложенія и небрежность, съ которою г. Чечулинъ относится къ русской рѣчи [3]).

Но не языкъ, c'est le ton qui fait la musique Отзываясь рѣзко, даже неприлично объ ученыхъ, заслужившихъ своими трудами общее уваженіе, г. Чечулинъ всюду выставляетъ, тоже до неприличія, свое самомнѣніе и, съ убѣжденностью проповѣдника, самодовольно возглашаетъ такія банальныя максимы: «Вообще лишь въ точномъ и полномъ знаніи фактовъ, *по моему глубокому убѣжденію*, можемъ мы получить твердое основаніе для ясныхъ и вѣрныхъ сужденій о всякомъ предметѣ» и т. д. Скромностью онъ не грѣшитъ: «Какъ *наиболѣе цѣнный результатъ* предлагаемаго изслѣдованія мнѣ представляется именно то, что мнѣ удалось—смѣю, по крайней мѣрѣ, думать—твердо установить положеніе» и т. д. Онъ любитъ поучать: «Для насъ безспорно, что и всегда таковъ же будетъ результатъ политики истинно національной, такой по-

[1]) См. стр. 9, 33, 52, 54, 82, 86, 126, 137, 146 и т. д.

[2]) См. стр. 32, 50, 51, 62, 64, 73, 98, 134, 189, 204, 207, 213, 221, 233, 240, 264, 340, 370, 378, 380, 395, 404, 405, 406, 409, 422, 424, 427, 439.

[3]) Гр. Салтыковъ немедленно распорядился занимать (107); императрица предписывала потребовать счетовъ (226); отношенія Россіи къ иноземнымъ государствамъ установились такъ (236); можетъ или нѣтъ конвокаціонный сеймъ (253); нельзя допустить, чтобъ были допускаемы (259) и др.

литики, которая цѣли ставитъ себѣ соотвѣтствующія всему прошлому народа, его существеннымъ потребностямъ и стремленіямъ, а пріемы свои и дѣйствія основываетъ на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа». Но еще болѣе любитъ онъ рисоваться: «Вообще же могу лишь каждому пожелать столько же наслажденій и отъ ученой работы, и отъ столкновеній съ хорошими людьми, сколько испыталъ я самъ; умственный трудъ и кругъ высшей интеллигенціи, куда онъ открываетъ путь, съ избыткомъ вознаграждаютъ за то тяжелое, что приходится испытывать въ жизни и что неизбѣжно». Когда же критика уличила его въ незнаніи иностранныхъ языковъ и русской литературы вопроса, въ искаженіи русскихъ документовъ и въ фальсификаціи иностранныхъ, г. Чечулинъ, съ тѣмъ же самомнѣніемъ и самодовольствомъ, не переставая рисоваться, заговорилъ иное: «Нападки такого рода—какъ, впрочемъ, и ничто въ мірѣ—не могутъ нимало отклонить меня отъ пути научныхъ работъ, которымъ я иду — смѣло говорю—единственно изъ любви къ научному изслѣдованію. «Исторія не даетъ отдыха своимъ труженикамъ; кто разъ отвѣдалъ этого горькаго и крѣпкаго напитка, тотъ не перестанетъ пить его до смерти»— прочелъ я еще студентомъ въ одномъ сочиненіи Мишле; съ тѣхъ поръ эти слова всегда были моимъ девизомъ и останутся имъ до конца моихъ дней» [1]). Это даже не самомнѣніе, это просто уже бахвальство.

Разсмотрѣвъ методъ и пріемы, употребленные г. Чечулинымъ для сочиненія «Внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II», его отношенія къ сырому историческому матеріалу и къ изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ, его выводы и заключенія, какъ о лицахъ, такъ и событіяхъ, его систему изложенія, его слогъ и языкъ, имѣю

---

[1]) Предыдущія выписки взяты изъ «Предисловія» къ диссертаціи, послѣдняя—изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1897, февраль, уже по утвержденіи г. Чечулина докторомъ русской исторіи.

честь увѣдомить Императорскую Академію Наукъ, что означенное сочиненіе, представленное на соисканіе наградъ имени графа Уварова, не заслуживаетъ, по моему мнѣнію, ни малѣйшаго поощренія.

Этимъ, собственно говоря, и заканчивается задача, предложенная мнѣ Академіею Наукъ. По особымъ, однако, обстоятельствамъ, сопровождавшимъ появленіе въ свѣтъ разсмотрѣннаго сочиненія, представляется необходимымъ оградить предлагаемый отзывъ, хотя нимало для Академіи Наукъ необязательный, отъ возможныхъ нареканій, какъ рѣзко противорѣчащій постановленію Петербургскаго Университета, наградившаго г. Чечулина за это же сочиненіе высшею ученою степенью доктора русской исторіи. Это—фактъ, который нельзя пройти молчаніемъ; съ нимъ необходимо считаться.

Чѣмъ объясняется такое противорѣчіе?

При общемъ передѣлѣ всѣхъ реформъ, прославившихъ царствованіе императора Александра II, не устояла и университетская реформа: уставъ 1863 года былъ признанъ несоотвѣтствующимъ правительственнымъ цѣлямъ и замѣненъ новымъ, уставомъ 1884 г. Преобразовавъ среднія учебныя заведенія съ намѣреніемъ сдѣлать школу не орудіемъ ученія, а орудіемъ нѣкоторой внѣшней дисциплины, и для того приспособивъ учебные предметы къ этой внѣшней цѣли, перешли и къ преобразованію университетовъ въ тѣхъ же видахъ и ради той же цѣли.

Прежде, вырабатывая проектъ университетскаго устава 1863 года, исходили изъ той мысли, что лучшею формою для научнаго и учебнаго учрежденія является коллегія, въ которой интересы каждой науки находятъ своихъ представителей, которою поддерживается связь наукъ и вырабатывается направленіе учебной дѣятельности; въ то время всѣ сознавали, что для такой коллегіи необходима автономія, такъ какъ только автономія воспитываетъ коллегію и даетъ ей внутреннее содержаніе. Теперь, въ 1884 году, коллегію

старались замѣнить канцеляріею и на мѣсто автономіи постановить административное распоряженіе.

Не прошло и двѣнадцати лѣтъ, какъ то и другое стало уже приносить свои плоды. Эти плоды пророчески были предсказаны, въ офиціальномъ изданіи, еще при характеристикѣ дореформенныхъ университетовъ — что было до реформы 1863 года, то опять обнаружилось, когда реформа была устранена: съ новымъ уставомъ 1884 года «научная дѣятельность университетовъ видимо падала; многія каѳедры, за отсутствіемъ системы правильнаго и постояннаго приготовленія профессоровъ, оставались вакантными; другія замѣщались лицами, не имѣвшими требуемыхъ по уставу ученыхъ степеней» [1]). Дошло, наконецъ, до того, что въ настоящее время въ петербургскомъ университетѣ каѳедра русской исторіи представлена не въ должной мѣрѣ и полнотѣ.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ учащеюся молодежью. Когда подъ изсушающимъ воздѣйствіемъ ученія, приноровленнаго къ цѣлямъ, чуждымъ школѣ, въ душѣ и умѣ юноши весьма часто пропадаетъ все идеальное, все способное влечь его въ царство разума, добра и правды, остается существо, животное, ζῶον, желающее жить, преуспѣвать, дѣлать карьеру, и для этой цѣли готовое на всякія средства. Для этой цѣли ему нуженъ «дипломъ», для этой же цѣли, впослѣдствіи, ему нужно будетъ «мѣсто», какое угодно, гдѣ угодно и добытое какъ угодно. На все это, по его глубочайшему убѣжденію, онъ имѣетъ право, потому что онъ призванъ жить. Онъ имѣетъ право содержаться на чужой счетъ въ высшемъ учебномъ заведеніи; онъ имѣетъ право переходить изъ курса въ курсъ, почти ничего не дѣлая, кромѣ зубренія литографированныхъ записокъ, потому что всякая задержка на курсѣ есть препятствіе, поставляемое между нимъ и дипломомъ; онъ имѣетъ право на дипломъ, потому что лишеніе диплома

---

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1863, августъ, 2.

есть препятствіе къ полученію мѣста, онъ же имѣетъ право на мѣсто, и, ничтоже сумняшася, купитъ или выползаетъ его у мѣсторараздавателя. Въ результатѣ получается типъ карьериста, памятующаго, что все сотворено на потребу человѣка.

И университеты лишены уже возможности противодѣйствовать этому злу, лишены, вслѣдствіе двухъ недоразумѣній, положенныхъ въ основу устава 1884 года. Составители устава ошибались, во-первыхъ, полагая, что ростъ науки заключается только въ количественномъ накопленіи массы знанія—нѣтъ, въ настоящее время измѣнилось самое отношеніе къ знанію, измѣнился методъ изслѣдованія, способъ познаванія. Университетъ, конечно, дорожитъ практической цѣной знанія, какъ всякая школа; но, какъ академія, университетъ дорожитъ еще болѣе идеальною любовью къ истинѣ и наукѣ, тою любовью, которую онъ сѣетъ въ сердцахъ слушателей, какъ наиболѣе драгоцѣнное сѣмя, потому что, при помощи этого сѣмени, студентъ будетъ уже въ состояніи самъ найти путь къ положительному знанію. Такое доброе сѣмя можетъ посѣять только спеціалистъ, и никто, кромѣ его, не въ состояніи дать правильную оцѣнку всходу и росту этого сѣмени. Но у насъ, въ Россіи, спеціалистъ, проникнутый современнымъ духомъ изслѣдованія, есть синонимъ преподавателя университета, профессора. Въ отношеніи же къ этому профессору, составители университетскаго устава 1884 года допустили вторую свою ошибку, порвавъ всякую внутреннюю, во имя науки, академическую связь между профессоромъ и его слушателемъ, студентомъ. Эта идейная связь могла представляться излишнею, даже вредною, лишь при взглядѣ на профессора, какъ на чиновника, причемъ деканъ представлялся начальникомъ отдѣленія, а ректоръ—директоромъ департамента. Чѣмъ необходимѣе была эта связь, тѣмъ менѣе могла она сохраниться при преобразованіи университетскаго устава по тенденціи, положенной уже въ основу средняго образованія—обратить ученіе въ средство полицейской дис-

циплины. Между профессоромъ и студентомъ установлены были отношенія чисто формальныя. Молодой человѣкъ, который лѣтъ 18—20-ти окончилъ среднее образованіе и въ которомъ не пробуждено никакого человѣческаго интереса, для котораго весь классическій міръ представляется собраніемъ неправильныхъ глаголовъ, для котораго имена Алкивіада и Суллы, Ивана Калиты и Дмитрія Донскаго, Петра I и Екатерины II, Лютера и Вашингтона являются лишь несамостоятельными приставками къ такому-то году, для котораго не существуютъ ни чудныя красоты родного языка, ни прелести всеобщей литературы, душа котораго не рвется къ рѣшенію вопросовъ, отъ которыхъ трепещетъ радостью и надеждой образованный юноша—такой молодой человѣкъ, ставъ студентомъ, разсматриваетъ высшее образованіе какъ средство получить дипломъ, необходимый для жизненнаго поприща.

И даже этотъ самый дипломъ, служившій нѣкогда связью, знаменуетъ теперь лишь отчужденіе профессора отъ студента, благодаря «отдѣленію экзаменовъ отъ преподаванія», этой полицейской мѣрѣ, преслѣдующей вовсе не академическія цѣли. Университетскій дипломъ выдается уже по приговору не университетской коллегіи, а экзаменаціонной комиссіи, ничего общаго съ университетомъ неимѣющей. За университетомъ оставлены только дипломы на высшія ученыя степени—магистра и доктора.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, вотъ въ какой обстановкѣ была писана и представлена въ историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета диссертація г. Чечулина на соисканіе степени доктора русской исторіи.

Факультетъ отнесся къ ней вполнѣ формально. Разсмотрѣніе докторской диссертаціи было возложено на магистра русской исторіи, министерствомъ, вопреки §§ 99 и 103 устава, назначеннаго экстраординарнымъ профессоромъ, г. Платонова, хотя и стяжавшаго уже своими учеными работами завидную извѣстность, но совершенно въ другой области русской исторіи. На его одобрительный отзывъ, представленный факуль-

тету, не возражалъ ни одинъ изъ преподавателей ни русской, ни всеобщей исторіи; отзывъ былъ «заслушанъ» факультетомъ и г. Чечулинъ допущенъ къ публичной защитѣ своего сочиненія. Ректоръ университета, къ тому же членъ того же историко-филологическаго факультета, извѣщая профессоровъ и преподавателей о днѣ диспута, прибавлялъ, что официальными оппонентами назначены проф. В. И. Ламанскій и тотъ же проф. С. Ѳ. Платоновъ—опять чисто формальное назначеніе: ни одного изъ профессоровъ всеобщей исторіи, хотя диссертація посвящена внѣшней политикѣ Россіи.

Диспутъ прошелъ при обстоятельствахъ всѣмъ еще памятныхъ. Одинъ изъ официальныхъ оппонентовъ, заслуженный ординарный профессоръ В. И. Ламанскій публично высказалъ полное неодобреніе диссертаціи — явленіе, сколько намъ извѣстно, въ университетахъ еще небывалое. Публичное засѣданіе факультета было на время прервано и рѣшеніе закрытаго засѣданія было публично объявлено: диспутантъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени лишь *большинствомъ голосовъ.*

Это большинство голосовъ особенно характерно по отношенію именно къ историко-филологическому факультету. Самое названіе факультета свидѣтельствуетъ, что въ его составъ входятъ уже двѣ отрасли знанія—историческая и филологическая; такъ какъ филологическая, въ свою очередь, распадается на двѣ отдѣльныя части, классической и славянской филологіи, то является уже не два, а три отдѣленія факультета. По числу ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, участвующихъ въ подачѣ голоса, въ баллотировкѣ, два отдѣленія факультета всегда имѣютъ перевѣсъ голосовъ надъ третьимъ. Если въ данномъ случаѣ даже и всѣ профессора историческаго отдѣленія (за исключеніемъ, конечно, подавшаго отзывъ) были противъ и всѣ филологи — за, такое «большинство голосовъ» получаетъ чисто формальное значеніе относительно сочиненія по исторіи, а не филологіи, ни классической, ни славянской.

На основаніи ст. 2, § II, 2 университетскаго устава, постановленіе факультета подлежало внесенію въ совѣтъ на утвержденіе. Между тѣмъ, вслѣдъ за публичнымъ диспутомъ, печать такъ громко и такъ недвусмысленно высказала свой взглядъ на обстоятельства, которыми сопровождался диспутъ, что признано было необходимымъ публично же объяснить, если не оправдать, допущеніе подобной диссертаціи къ публичной защитѣ. Эту роль должна была выполнить помѣщаемая въ приложеніи статья г. Платонова, отдѣльные оттиски которой были предварительно разосланы членамъ совѣта.

Это, впрочемъ, оказалось излишнимъ. Совѣтъ университета, признавъ себя не болѣе какъ «кассаціонною инстанціею», обязанною наблюдать за выполненіемъ формальныхъ условій и отнюдь не входящею въ оцѣнку научныхъ достоинствъ диссертаціи, утвердилъ постановленіе факультета. Формальное отношеніе къ вопросу далѣе этого идти уже не можетъ. При дѣйствіи устава 1863 года, совѣтъ одного изъ университетовъ собирался въ экстренныя засѣданія и въ полномъ составѣ обсуждалъ представленныя ему соображенія факультета по поводу диссертаціи, написанной тоже для соисканія ученой степени доктора русской исторіи.

Причина противорѣчивыхъ взглядовъ на сочиненіе г. Чечулина кроется, такимъ образомъ, не въ людяхъ, а въ учрежденіяхъ. «Люди всегда найдутся на всякое дѣло» [1], писала еще Екатерина II; точное же исполненіе устава не можетъ подлежать осужденію, тѣмъ менѣе порицанію.

Мы имѣли уже случай печатно заявить, и не разъ, что не ставимъ недостатковъ разсматриваемаго сочиненія въ вину г. Чечулину—всякій работаетъ, какъ умѣетъ, и нельзя требовать, чтобы диссертація превосходила по своимъ качествамъ минимумъ предъявляемыхъ къ ней требованій, если и при этомъ условіи она достигаетъ преслѣдуемую ею цѣль. Не можетъ подлежать даже обсужденію одобрительный отзывъ

[1]) Сборникъ, XXIII, 275.

г. Платонова въ факультетѣ, писанный по «обязанностямъ службы». Ему представлялось сочиненіе объемистое, въ 30 печатныхъ листовъ, на тему обширную, обнимающую всѣ внѣшніе интересы Россіи за 12 лѣтъ, написанное со всѣми признаками ученаго изслѣдованія—не только съ массой ссылокъ и указателемъ личныхъ именъ, но даже съ критикой старыхъ взглядовъ и установкой новаго освѣщенія. Подробный разборъ этого сочиненія потребовалъ бы много труда, отнялъ бы много времени, необходимаго на другія, болѣе плодотворныя занятія: порицаніе требуетъ доказательствъ, похвала же освобождаетъ отъ этого затрудненія. Одобрительный отзывъ подсказывался въ данномъ случаѣ и самимъ положеніемъ г. Платонова, крайне деликатнымъ: магистру поручено было дать отзывъ о докторской диссертаціи.

Одобрительный отзывъ, представленный г. Платоновымъ въ историко-филологическій факультетъ не напечатанъ; помѣщаемая же ниже статья г. Платонова была уже обусловлена отзывомъ. Это не критика, не рецензія, а просто канцелярская отписка: разъ высказанное сужденіе должно быть поддержано во что бы ни стало ради какого-то и чьего-то престижа, несмотря даже на то, что теперь потребовалось уже доказывать, что хотя «Внѣшняя *политика* Россіи» и обращаетъ вниманіе «на Екатерининскую *политику*» и г. Чечулинъ «цѣлью своею поставилъ опредѣлить руководящія идеи въ *политикѣ* императрицы», но, напротивъ того, «главнымъ предметомъ его изученія—не политическій фактъ, а *дипломатическая переписка*, не политическія событія, а *дипломатическая среда* и ея взгляды», причемъ г. Чечулинъ, суя *дипломатическую* систему на фонѣ *политическихъ* шеній», необходимо долженъ «смѣшать эти несовпадаю- области» и т. п. Къ чести историко-филологическаго ьтета должно полагать, что на основаніи этой статьи ніе г. Чечулина не было бы допущено къ публичной

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Депеши Сольмса

(изъ Берлинскаго Архива).

Изданіе всѣхъ дипломатическихъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ, невозможно и для науки не нужно; тѣмъ важнѣе, однако, какъ точная передача подлежащаго изданію, такъ и, главнѣйшимъ образомъ, умѣлый и добросовѣстный выборъ документовъ. Какъ представителемъ Россіи можетъ быть только русскій, такъ и выборъ документовъ, важныхъ для русской исторіи, можетъ быть сдѣланъ только тѣмъ, для кого эта исторія является отечественною. Русское историческое общество пренебрегло этими соображеніями и поручило такой выборъ германскому ученому, давно уже и вполнѣ откровенно высказавшему свой взглядъ на Россію, на русскихъ и на русскую исторію (*Бильбасовъ*, XII, № 1024).

Сочиненіе г. Чечулина основано, въ главнѣйшихъ частяхъ, на бумагахъ гр. Сольмса и Фридриха II, доставленныхъ русскому историческому обществу проф. Геррманномъ и изданныхъ въ «Сборникѣ». Не изслѣдовавъ этого матеріала, г. Чечулинъ вполнѣ довѣряетъ ему и полагается на него; между тѣмъ, при сличеніи изданныхъ депешъ съ оригиналами въ Берлинскомъ Архивѣ, замѣчаются пропуски не только отдѣльныхъ частей, но и цѣлыхъ депешъ, равно какъ и невѣрныя обозначенія датъ. Ограничиваемся указаніемъ лишь нѣсколь-

кихъ примѣровъ подобныхъ «недостатковъ», исключительно по вопросамъ, затрагиваемымъ въ разсматриваемой книгѣ; приводить всѣ невозможно—ими испещрены у насъ соотвѣтствующіе томы «Сборника».

1.

Le roi au comte de Solms, le 30 Octobre 1767 (Сборникъ, XXXVII, 104).

Это собственноручная депеша Фридриха II по польскимъ дѣламъ, отъ 30-го октября 1766 г., ошибочно помѣченная 1767 годомъ. При внимательномъ отношеніи къ матеріалу, ошибка легко замѣчается: король извѣщаетъ о полученіи депеши гр. Сольмса отъ 14-го октября и отвѣчаетъ на нее; гр. Сольмсъ не посылалъ депеши 14-го октября 1767 г., но годомъ раньше—она и напечатана въ «Сборникѣ», XXII, 493).

2.

Le comte de Solms au roi, le 4—15 Février 1768.

Пропущена вся депеша, отмѣченная № 421. Приводимъ только P. S. ad relat. 421:

On vient d'avoir ici une petite alarme, par la nouvelle, que le prince Repnin a donné de la protestation du nonce à Varsovie contre tout ce qui s'y est passé aux conférences tenues entre cet ambassadeur et les députés de la Diète. Le comte Panin qui parait croire avec raison que cela s'est fait à l'instiion des esprits turbulents et malintentionnés, a écrit au Repnin d'engager le roi de Pologne même et tous ses le persuader le ministre du Pape à se tenir tranquille, cas qu'il n'y ait pas moyen d'y réussir, il lui donne ir, afin de prévenir un plus grand éclat, de saisir la du nonce et de le faire mettre dans un endroit, où de connexions jusqu'au temps que toutes les affaires et que les résolutions de la dernière députation sur sanction par la ratification de la Diète.

3.

Le comte de Solms au roi, le 8 (19) d'Août 1768.

Пропущена вся депеша, отмѣченная № 456.

C'est par une confidence que le comte Panin m'a faite que j'ai appris qu'on a trouvé ici le moyen d'attraper une grande partie de la correspondance de Sr. de Tott en Tartarie au duc de Choiseuil. Qu'il avait reconnu par là, que tout le plan qu'on avait formé en France pour attirer la Porte Ottomane dans les affaires de Pologne par les excitations du chan des Tartares, n'avait été formé que sur un tissu d'impostures et de fausses confidences, qu'elle avait fait faire à ce Prince tartare sur les intentios de V. M. et de l'Impératrice de Russie pour un partage de la Pologne. Que ce Tott avait eu quelques conférences secrètes avec des gentils-hommes polonais, qu'il avait encouragé à se confédérer, en leur promettant des subsides de sa Cour et le secours de la Porte Ottomane; qu'il ne paraissait pas, qu'il avait fourni de l'argent, mais qu'il avait repandu seulement quelques montres et tabatières d'or.

4.

Le roi au comte de Solms, le 19 Novembre 1769.

Пропущена вся депеша (vol. IX, Repos. XI, 175). Очень важна для характеристики Фридриха II, пишущаго по случаю вступленія войскъ въ Эльбингъ.

5.

Le roi au comte de Solms, le 25 Novembre 1769.

Пропущена вся депеша—о захватѣ поляковъ въ прусскихъ лѣсахъ и отправкѣ ихъ въ кенигсбергскую крѣпость.

6.

Le roi au comte de Solms, le 4 Juillet 1770.

Пропущена вся депеша.

Bien loin de trouver importunes les réflexions particulières que votre dépêche du 19 de Juin (Сборникъ, XXXVII, 302)

fournit sur les sentiments de la Cour où vous êtes relativement à la paix, elles m'ont fait le plus grand plaisir du monde, puisqu'elles donnent tout lieu à espérer, que les troubles actuels pourront encore être apaisée à temps, avant qu'ils éclatent dans un embrasement général.

7.

Le roi au comte de Solms, le 20 Février 1771.

Письмо отъ этого числа, помѣщенное въ Сборникѣ, XXXVII, 391, начинается словами: Je vous avais déjà écrit les ordres ci-joint en original, lorsque votre dépêche du 5 de ce mois me fut rendue. Это первое письмо короля, отъ 20-го февраля, все посвящено раздѣлу Польши.

8.

Le comte de Solms au roi, le 25 Février (8 Mars) 1771.

Очень важная депеша, отмѣченная № 684. Приводимъ наиболѣе интересный отрывокъ по вопросу о раздѣлѣ Польши и именно для выясненія, откуда былъ данъ толчекъ этому дѣлу (365):

Il me reste à demander à V. M. une grâce à cette occasion, c'est qu'Elle veuille bien condescendre à ne pas presser la déclaration des sentiments de cette Cour Impériale. J'aurai également besoin d'agir dans cette affaire avec quelque ménagement pour ne pas effaroucher trop au commencement la délicatesse ute Panin, qui a déjà souffert plusieurs assauts par les qui ont été tenus ici sur les acquisitions déjà faite par ichiens et sur celles qui restèreraient encore à faire par ut on a parlé ici comme d'une chose assurée. Il y a des personnes qui ont soutenus dans le conseil, que evait se hâter d'imiter ces exemples, de sorte que ce duisant le comte Panin pas-à-pas, pour le convaincre ue le démembrement de la Pologne devient une chose plus être empêchée, que je crois devoir agir porter à y faire acquiescer sa Cour.

9.

Le comte de Solms au roi, le 13 (24) d'Août 1773.

Изъ депеши подъ № 922:

Ce qui fournit le plus de matière présentement à des observations et à différents propos, c'est l'attente de la décision du sort du comte Panin. Les uns le renvoyent à Moscou et changent tout le ministère; les autres le font grand chancelier, avec tous les émoluments... J'ai tâché de découvrir, ce qui peut avoir causé ce grand refroidissement qui s'est manifesté tout d'un coup entre la Souveraine et son ministre. et tout se réunit pour me faire croire, que cela est venu effectivement du grand empressement que le comte Panin a marqué de gouverner le Grand-Duc, même après qu'il serait marié. Cela peut avoir renouvelé et fortifié les soupçons que le prince Orlow a tâché d'inspirer depuis son retour sur les intentions de ce ministre, qu'il a fait regarder comme dangereuses pour le repos de l'Impératrice. Les intrigues du Saldern ont achevé de le rendre suspect.

10.

Le comte de Solms au roi, le 30 Août (10 Septembre) 1773.

Изъ депеши подъ № 927:

Le sort du comte Panin paraît encore indécis aux yeux du public. Quoique je ne le regarde pas entièrement désespéré, puisque j'ai vu moi-même un couple de fois, que l'Impératrice lui a parlé aux cercles très gracieusement, quelquefois sur des choses indifférents, et d'autrefois a part, à voix basse, probablement sur quelque affaire, lui-même ne paraît pas encore assez rassuré. En attendant je sais, qu'il se prépare pour pouvoir se justifier sur tous les articles pour lesquels il pourrait avoir déplu, qui ne peuvent regarder que l'empressement de conserver la place auprès du Grand-Duc et à cette occasion là, il ne pourra plus se dispenser de faire connaître les projets dangereux de Sr. Saldern, relativement à la Co-Régence, et de faire voir par là la nécessité de veiller continuellement auprès

de ce jeune Prince, pour lui faire éviter les pièges de ce traître. Le Grand-Duc, qui daigne me supposer de l'attachement pour sa personne et qui connaît mes liaisons avec son grand gouverneur, me parla le dernier jour de Cour sur son sujet et sur celui de Sr. Saldern, pour lequel il marque du mépris et de l'horreur, tandis qu'il compatit beaucoup à la situation critique de l'autre, et il me dit, qu'il était résolu d'employer tout ce qui dépendrait de lui pour obtenir de l'Impératrice sa mère la conservation du comte Panin dans tous les emplois et qu'il était convenu avec le ministre, qu'il lui indiquerait le moment, où il croirait que ses prières et son intercession auprès de l'Impératrice pourraient lui devenir utile d'en faire l'essai. Si cette interposition a lieu, je crois que la situation du comte Panin reprendra bientôt une forme avantageuse. L'Impératrice ne voudra pas désobliger le Grand-Duc, cela donnera lieu à des explications et S. M. I. sera peut-être surprisè d'apprendre qu'on lui a supposée l'idée de vouloir le renvoyer du ministère.

11.

Le comte de Solms au roi, le 24 Septembre (5 Octobre) 1773.

Изъ депеши № 934:

Le comte de Panin me parla de sa situation, et me confia que l'Impératrice lui avait fait faire des propositions pour lui faire accepter la place du grand chancelier; qu'il avait pris la résolution aussi de garder les affaires, à condition que ce ne sera que pour peu de temps encore, mais qu'il refuserait fermement le titre de chancelier. Je lui dis, que j'espérais au moins, qu'il voudrait conserver la diréction jusqu'à la conclusion des affaires de Pologne et jusqu'à la paix, mais il me témoigna, qu'il ne comptait pas atter dre ces év
ferait venir le comte Ostermanr
un successeur et qu'il quittera
le titre et les émoluments,
être considérés comme des c
tion personnelle pour lui, c

ment des avantages, mais uniquement pour acquitter d'une certaine façon l'Impératrice envers le public, et pour lui sauver devant le monde le reproche de n'avoir pas recompensé un ministre, qui l'a fidèlement servie dans l'administration des affaires et dans l'éducation de son fils; mais que par la perte de sa place auprès du Grand-Duc, ayant perdu tout son appui et tout ce qui pouvait lui donner de la considération dans la nation, ses ennemis ne manqueraient pas de le pousser plus loin; qu'il était aisé de rendre un ministre coupable, dès qu'on était intentionné de vouloir lui chercher des fautes; que les changements des ministres en Russie étaient fréquents; que les maximes de la Cour ne ressemblaient plus présentement à celles des premières années, et changeraient encore davantage, lorsqu'il en serait éloigné, de sorte qu'il ne lui convenait pas de penser ni à sa gloire, ni à son intérêt, mais à sa sûreté personnelle et qu'il ne se chargerait des affaires que pour un temps limité et les remettrait aussitôt qu'il remarquerait des progrès ultérieures de ses ennemis contre lui; que pendant ce temps-là même il serait extrêmement circonspect, pour ne pas donner prise contre soi et se tiendrait toujours passivement. Enfin il me paraît extrêmement intimidé et l'esprit occupé de son avenir.

Mais le S-r Kusmin, conseiller privé et secrétaire du cabinet, que S. M. I. a employé à cette négociation, ayant fait depuis encore plusieures allées et venues — l'affaire a été à la fin desidée de la manière dont j'aurai l'honneur de rendre compte ci-après... Le voilà donc raffermi formellement et mis à la première place du ministère. Il faut espérer maintenant que la confiance entre sa Souveraine et lui reprendra aussi peu-à-peu et qu'il rentrera dans son crédit passé. Il y a seulement à craindre, qu'il n'en puisse pas jouir longtemps—ses forces s'affaiblissent visiblement. Son corps et son esprit commencent à s'user, et je ne crois pas que quand même il le voudrait, il *sera en état de* le soutenir au delà d'une couple d'années.

II.

Критическія статьи.

Большинство статей касается не столько книги, сколько публичнаго диспута, на которомъ г. Чечулинъ защищалъ свою диссертацію. По отзывамъ всѣхъ статей, безъ исключенія, диспутъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ; въ нѣкоторыхъ онъ объявленъ позорнымъ. Изъ статей, посвященныхъ спеціально сочиненію г. Чечулина, намъ извѣстны двѣ: въ «Русскомъ Богатствѣ» (1896, ноябрь) и въ «Вѣстникѣ Европы» (1897, январь); въ обѣихъ статьяхъ, причемъ одна подписана почтеннымъ именемъ ординарнаго профессора всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ, высказаны крайне горькіе, но справедливые упреки книгѣ, которую самъ авторъ поторопился объявить «научнымъ изслѣдованіемъ». Приводимъ только тѣ статьи, о которыхъ упоминается въ настоящемъ отзывѣ:

1.

Докторская степень.

(«Новости», 1896, № 338).

Въ воскресенье, 8-го декабря, въ петербургскомъ университетѣ, магистръ русской исторіи г. Чечулинъ будетъ публично защищать диссертацію подъ заглавіемъ «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II», представленную имъ для полученія степени доктора русской исторіи. Предстоящій диспутъ обѣщаетъ быть интереснымъ во многихъ отношеніяхъ и можетъ имѣть извѣстное практическое значеніе.

Публичное засѣданіе историко-филологическаго факуль*тета, въ которомъ* магистръ русской исторіи доказываетъ

свои права на полученіе высшей ученой степени — свѣтлый праздникъ науки, университета, всѣхъ любителей отечественной исторіи и просвѣщенія. Это вполнѣ понятно: въ области русской исторіи работы такъ много, а работниковъ такъ мало, что каждый новый труженикъ привѣтствуется съ сердечною радостью и возбуждаетъ большія надежды. Къ этому общему интересу присоединяется въ данномъ случаѣ частный: диссертація посвящена вопросу, которому суждено еще надолго волновать русское чувство и будить русскій умъ, вопросу еще не закончившемуся вполнѣ, еще живому, несмотря на сотни лѣтъ, протекшія отъ его возникновенія—вопросу польскому. Сущность «внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» ярче, рельефнѣе всего сказалась въ первомъ раздѣлѣ Польши: докторантъ едва упоминаетъ объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи и Англіи, къ Швеціи и Даніи, къ Пруссіи и Турціи, и наиболѣе подробно останавливается на отношеніяхъ къ Польшѣ, на первомъ раздѣлѣ.

Второй уже разъ эпизодъ изъ исторіи Польши становится предметомъ публичнаго состязанія въ русскомъ университетѣ. Болѣе 30-ти лѣтъ назадъ, въ Москвѣ, В. И. Герье защищалъ свою историческую диссертацію, «составленную по архивнымъ источникамъ», подъ заглавіемъ «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году». Это былъ серьезный вкладъ въ историческую науку, дѣлающій честь и автору, и университету; трудъ г. Герье остается до настоящаго времени наилучшимъ изслѣдованіемъ вопроса, тѣмъ болѣе цѣннымъ, что въ немъ изданы важные матеріалы изъ архивовъ; теперь, въ петербургскомъ университетѣ, будетъ дебатироваться вопросъ о первомъ раздѣлѣ Польши. Въ русской исторической литературѣ нѣтъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія по этому вопросу, такъ всесторонне разсмотрѣнному въ западно-европейской литературѣ.

Это интересъ для публичнаго диспута, pour la galerie; для университета, для науки интересъ заключается не въ выборѣ

темы, а въ методѣ изслѣдованія, въ системѣ работы. Въ этомъ-то отношеніи предстоящій диспутъ и можетъ имѣть практическое значеніе.

Не такъ давно въ печати горячо обсуждался вопросъ объ ученой степени доктора медицины, причемъ доктора «не медицины» старались придать особое значеніе своей ученой степени, основываясь, между прочимъ, на отсутствующей у медиковъ магистерской степени. До настоящаго времени, однако, ученыя требованія отъ этихъ двухъ степеней, магистерской и докторской, еще не опредѣлены, не разграничены: бываютъ магистерскія диссертаціи, заслуживающія степени доктора, и докторскія, недостойныя степени магистра. Въ этомъ отношеніи играетъ извѣстную роль практика, обычай того или другого университета. Намъ извѣстенъ случай, также по каѳедрѣ русской исторіи, когда докторская диссертація, отвергнутая однимъ университетомъ, была признана другимъ. Такъ какъ публичное защищеніе диссертаціи является послѣднимъ, чисто формальнымъ актомъ при оцѣнкѣ диссертаціи, то самое «изслѣдованіе» г. Чечулина даетъ возможность опредѣлить минимумъ требованій, предъявляемыхъ петербургскимъ университетомъ къ докторскимъ диссертаціямъ по русской исторіи.

Изъ подробнаго разсмотрѣнія диссертаціи г. Чечулина оказывается, что для доктора русской исторіи необязательно знакомство съ литературой вопроса. Вслѣдствіе этого авторъ нерѣдко ломится въ открытую дверь, причемъ добровольно обнаруживаетъ негодность своихъ техническихъ пріемовъ. ...ну неизвѣстенъ даже капитальный, вышедшій еще въ 1874 г., ...дъ Прейсса «Первый раздѣлъ Польши и Мемуары Фрид...а II», и г. Чечулинъ «своимъ умомъ доходитъ» даже до ...оставленія «Histoire de mon temps» Фридриха II съ та...ч компиляціями, какъ труды Флассана и Фавье.

...еобязательнымъ оказывается и знаніе иностранныхъ язы... до французскаго и нѣмецкаго включительно, что и ли... г. Чечулина возможности ознакомиться съ литературой

вопроса. Говоря, напримѣръ, о желательныхъ Пруссіею пріобрѣтеніяхъ отъ Польши, докторантъ такъ переводитъ письмо Фридриха II къ Финкенштейну. отъ 25-го (14-го) марта 1771 года: «Я далъ Сольмсу кое-какія наставленія (je ai laché [1]) quelque chose) на случай крайности: если не удастся получить части, граничащей съ моею Пруссіею—то Силезію, Новую Марку или Померанію... Я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось присоединить къ моимъ владѣніямъ одинъ изъ этихъ участковъ» (412). Само собою разумѣется, что Фридрихъ II подобной нелѣпости не писалъ—онъ заявлялъ желаніе получить одно изъ воеводствъ: Кульмское или Маріенбургское, о чемъ и писалъ подробно графу Сольмсу въ тотъ же день (Сборникъ, XXXVII, 433). Съ нѣмецкимъ языкомъ докторантъ церемонится еще менѣе.

Не зная иностранныхъ языковъ, г. Чечулинъ весь свой трудъ основалъ на «Сборникѣ русскаго историческаго общества», гдѣ всѣ депеши изданы съ переводомъ на русскій языкъ. Своего пренебреженія къ тексту оригинала докторантъ не скрываетъ и откровенно цитируетъ страницы перевода, а не текста (314). Къ сожалѣнію, переводъ въ «Сборникѣ» не всегда вѣренъ, и г. Чечулинъ повторяетъ не только ошибки перевода, но даже цѣлыя фразы, вставленныя по невѣжеству переводчика (385).

Необязательною оказывается и точная передача даже русскаго текста, до офиціальныхъ документовъ включительно. Такъ, напримѣръ, передавая содержаніе деклараціи 1766 года (272), докторантъ произвольно вставляетъ въ нее нѣсколько строкъ изъ депеши Панина къ кн. Репнину, не указывая источника (Сборникъ, LXVII, 97). Подобная небрежность работы не остается, конечно, безнаказанною. Говоря объ отъѣздѣ Макартнея изъ Россіи, докторантъ безъ всякой нужды прибавляетъ, что «впослѣдствіи онъ оказалъ Англіи большія

---

[1]) Этотъ безграмотный варіантъ принадлежитъ докторанту; въ письмѣ Фридриха написано: je lui en ai laché.

услуги въ Китаѣ», причемъ ссылается на *Чтенія* московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ (151). Это рѣзко противорѣчитъ всѣмъ иностраннымъ извѣстіямъ о китайскомъ посольствѣ Макартнея, вполнѣ безуспѣшномъ, и ссылка на *Чтенія* болѣе чѣмъ неумѣстна—о китайскомъ посольствѣ въ *Чтеніяхъ* приведенъ слѣдующій отзывъ одного изъ участниковъ: «Мы пришли въ Пекинъ какъ нищіе, проживали тамъ какъ плѣнные, и были выгнаны какъ мошенники». Если это и можно признать за услугу, то лишь медвѣжью.

Къ чести г. Чечулина должно сказать, что онъ не ограничивается простымъ изложеніемъ бумагъ, изданныхъ въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества», но старается придать имъ извѣстное освѣщеніе: онъ силится доказать, что внѣшняя политика Россіи направлялась не императрицею, а ея министромъ, не Екатериною II, а Н. И. Панинымъ. Въ какой, именно, мѣрѣ Панинымъ—докторантъ не разъясняетъ, хотя самъ же признаетъ, что идея сѣвернаго союза принадлежитъ Корфу (181), а перваго раздѣла Польши—гр. Чернышеву (223, 376); можно лишь догадываться, что Панинъ выставляется впередъ, какъ исполнитель, какъ первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, и эта мысль о первенствующемъ, заслоняющемъ Екатерину значеніи Панина во внѣшней политикѣ Россіи можетъ быть предметомъ изслѣдованія, представлять извѣстный интересъ и заслуживать вниманія; жаль только, что докторантъ прибѣгаетъ къ совершенно ненаучному пріему для ея доказательства. Въ тѣхъ, напр., случаяхъ, когда иниціатива принадлежала, несомнѣнно, императрицѣ, а не Панину, докторантъ старается затемнить вопросъ, умалчивая, что Екатерина писала приводимое мнѣніе (*Соловьевъ*, XXVIII, 211) именно Панину, именно для руководства (400). Иногда и того хуже: докторантъ придаетъ особое значеніе документу, который былъ врученъ кн. Лобковичу 1-го августа 1771 г.; Соловьевъ говоритъ, что «Екатерина сама написала» этотъ

документъ (XXVIII, 257), г. Чечулинъ приписываетъ его Панину (426), и для доказательства приводитъ письмо Панина къ Сальдерну, но обходитъ письмо того же Панина къ кн. Голицыну въ Вѣну, хотя это письмо имѣетъ рѣшающее въ данномъ случаѣ значеніе. Панинъ пишетъ кн. Голицыну: «Ея Императорское Величество, указавъ положить на бумагу *ея собственныя разсужденія*, изволила мнѣ повелѣть сообщить оныя князю Лобковичу, что я исполнилъ на этихъ дняхъ чрезъ врученіе ему *точной копіи съ той бумаги, которую мнѣ сама государыня императрица вручить изволила*» (Сборникъ, XCVII, 395). Неудивительно, что въ данномъ разногласіи правъ оказывается Соловьевъ, а не г. Чечулинъ; но удивительно, какимъ образомъ могъ быть допущенъ подобный пріемъ въ «изслѣдованіи», представленномъ для полученія степени доктора русской исторіи.

Мысль о возвеличеніи гр. Н. И. Панина, и, именно, за счетъ Екатерины II, принадлежитъ, безспорно, г. Чечулину; нельзя того же сказать о стремленіи приписать Россіи первенствующую роль въ первомъ раздѣлѣ Польши: мысль эта не новая, и она характеризуетъ не столько диссертацію, сколько то время, въ которое диссертація появляется. Мы поэтому не коснемся существа вопроса, тѣмъ менѣе той оригинальной формы, которая придана ему докторантомъ.

Равнымъ образомъ не коснемся мы ни языка, которымъ написана диссертація, ни тона, въ который докторантъ облекаетъ свои отзывы объ ученыхъ, заслужившихъ своими трудами общее уваженіе—въ этомъ отношеніи требованія не подлежатъ сомнѣнію: языкъ долженъ быть, по меньшей мѣрѣ, правильнымъ, тонъ, тоже по меньшей мѣрѣ, приличнымъ. Нарушеніе этого минимума требованій едва ли можетъ быть отнесено къ отраднымъ явленіямъ, заслуживающимъ поощренія.

Немногія указанія, выбранныя нами только для примѣра изъ массы подобныхъ недоразумѣній, возникающихъ при чте-

нія диссертаціи, не могутъ быть поставлены въ вину или въ осужденіе докторанта—всякій работаетъ какъ умѣетъ. Нельзя и требовать, чтобы диссертація превосходила по своимъ качествамъ минимумъ предъявляемыхъ къ ней требованій, если и при этомъ условіи она достигаетъ преслѣдуемой цѣли. Въ этомъ-то мы и усматриваемъ практическое значеніе «изслѣдованія» г. Чечулина. Насъ интересуетъ не диссертація, а предъявляемыя къ ней требованія. Если они въ настоящее время таковы, какъ мы указали, то что-нибудь изъ двухъ: или необходимо точнѣе формулировать эти требованія, или слѣдуетъ уничтожить одну изъ двухъ ученыхъ степеней, магистра и доктора. Вѣдь, въ концѣ концовъ, для науки важно умѣнье работать, а не та или другая кличка.

Одновременно съ диссертаціей г. Чечулина, въ которой отведено такое значительное мѣсто гр. Н. И. Панину, появился трудъ гг. Гейсмана и Дубовскаго о его братѣ, подъ заглавіемъ «Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ», и сравненіе обѣихъ работъ категорически отвѣчаетъ на поставленный вопросъ о значеніи подобныхъ кличекъ для умѣнья работать.

В. Бильбасовъ

2.

Критика и библіографія.

(«Журналъ Мин. Нар. Пр.», 1897, январь).

Съ именемъ Н. Д. Чечулина связана опредѣленная ученая репутація. Онъ не новичекъ въ нашей исторической литературѣ. Книгѣ о политикѣ императрицы Екатерины, написанной имъ теперь, предшествовали двѣ другія его книги: «Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка». Спб. 1889, и «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ». Спб. 1889. За первый изъ этихъ трудовъ *авторъ получилъ* въ С.-Петербургскомъ университетѣ *серебряную медаль*, за второй—степень магистра русской исто-

ріи. Кромѣ того, имя г. Чечулина появлялось на страницахъ ученыхъ журналовъ, какъ автора статей, посвященныхъ обработкѣ бытового матеріала въ писцовыхъ книгахъ и какъ рецензента разнообразныхъ ученыхъ трудовъ и изданій. По предложенію Географическаго общества, г. Чечулинъ издалъ въ свѣтъ, съ своимъ предисловіемъ и указателемъ, первую половину I-го тома извѣстнаго изданія Н. В. Калачова «Писцовыя книги XVI вѣка». Наконецъ, по годовому отчету (за 1895 годъ) предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества извѣстно, что г. Чечулинъ состоитъ редакторомъ одной части «Русскаго біографическаго словаря». Словомъ, въ лицѣ г. Чечулина русская историческая наука имѣетъ усерднаго работника, ученыя свойства котораго совершенно опредѣлились и даже успѣли получить нѣкоторое признаніе и весьма компетентную оцѣнку со стороны Академіи Наукъ и ея рецензента проф. В. О. Ключевскаго [1]).

Новая книга г. Чечулина посвящена внѣшнимъ сношеніямъ Россіи въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II. Этотъ предметъ даетъ для изслѣдованія извѣстныя удобства. Факты, взятые нашимъ авторомъ для спеціальнаго изученія, составляютъ опредѣленный періодъ въ политической жизни Россіи прошлаго столѣтія—такъ называемый первый періодъ войнъ Екатерининскаго царствованія, завершенный крупными земельными пріобрѣтеніями до присоединенія Крыма включительно. Тѣсная связь между всѣми отдѣльными политическими сношеніями и дѣйствіями того времени, сгруппированными вокругъ польскаго вопроса, можетъ придать очерку русской политики въ данный періодъ внутреннюю цѣльность. Богатый матеріалъ, находящійся въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, еще не сведенный и не использованный нашими учеными, даетъ возможность провѣрить и исправить наблюденія и выводы предшествую-

---

[1]) См. «Отчетъ о XXXIII присужденіи наградъ графа Уварова». Спб. 1892.

щихъ изслѣдователей. Пересмотръ спеціальной литературы, очень мало дающей для исторіи собственно русской политики даннаго времени, можетъ повести къ существеннымъ поправкамъ, къ новому взгляду на событія и лица, къ свѣжему историческому выводу. Не лишено значенія и чисто практическое удобство, состоящее въ томъ, что относящійся къ предмету матеріалъ изданъ систематически въ нѣсколькихъ (пятнадцати или шестнадцати) томахъ «Сборника» Историческаго общества.

Конечно, все это имѣлъ въ виду г. Чечулинъ, направляя свое вниманіе на Екатерининскую политику. Въ основаніе своего труда онъ положилъ именно названный «Сборникъ», а цѣлью своею поставилъ изучить дѣйствія петербургскаго кабинета и опредѣлить руководящія идеи въ политикѣ императрицы и руководящія вліянія въ русской правительственной средѣ въ изучаемые имъ годы. Главный предметъ изученія для автора—не политическій фактъ, а «дипломатическая переписка тогдашняго русскаго министерства», не взаимныя отношенія державъ, а отношеніе петербургскаго кабинета къ его политическимъ задачамъ и обстановкѣ, словомъ—не политическія событія, а дипломатическая среда и ея взгляды. «Наиболѣе цѣннымъ» результатомъ своего труда самъ авторъ считаетъ (стр. II—III) именно то, что ему «удалось установить» существованіе въ политикѣ Екатерины извѣстныхъ принциповъ, которые въ его глазахъ имѣютъ «значеніе для оцѣнки и пониманія всей эпохи», а не только дипломатіи этой государыни. По представленію г. Чечулина, императрица Екатерина и ея министръ Панинъ согласно и вполнѣ сознательно стремились сдѣлать свою политику совершенно самостоятельною и имѣть въ виду «единственно пользу интересовъ нашихъ». Этотъ государственный эгоизмъ авторъ считаетъ обязательнымъ для всякой дипломатіи и сочувствуетъ ему; но онъ строго отдѣляетъ оцѣнку цѣли отъ оцѣнки пріе*мовъ, какими она* достигалась въ то время, и не закрываетъ

глазъ на «коварство и обманы», свойственные Панину наравнѣ съ прочими дипломатами его вѣка. «Не вдаваясь въ разсужденіе о нравственномъ достоинствѣ» такихъ дипломатическихъ пріемовъ, г. Чечулинъ однако имѣетъ мужество ихъ не замалчивать и не оправдывать, но утѣшается тѣмъ, что, «слава Богу, не всегда соперники Россіи въ этихъ интригахъ успѣвали ее обмануть» (47—49). По мнѣнію автора, даже самый умный «соперникъ» Фридрихъ Прусскій, не успѣвалъ провести Панина и втянуть русскій кабинетъ въ сферу своего вліянія; по словамъ г. Чечулина, Фридрихъ «не имѣлъ на правительство Екатерины никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія; къ нему лично и къ его политикѣ относились въ Петербургѣ постоянно крайне подозрительно» (9-й тезисъ). Къ польскому раздѣлу не Фридрихъ привелъ Екатерину и Панина, по мнѣнію нашего автора, а сами они шли осторожно, но твердо и послѣдовательно. Имѣя въ виду утвердить свое вліяніе въ Польшѣ, они въ то же время ставили себѣ цѣлью и увеличеніе своей территоріи на счетъ Польши; «сдѣлать отъ Польши территоріальныя пріобрѣтенія входило въ планы правительства Екатерины; графъ Панинъ главнымъ образомъ и подготовилъ первый раздѣлъ Польши». Мотивы національно-религіозные въ политикѣ петербургскаго кабинета г. Чечулинъ отодвигаетъ на послѣдній планъ: по его представленію, за нихъ держались, какъ за политическое средство, и ихъ оставляли, когда переставали въ нихъ нуждаться (261, 449). Русская политика того времени имѣла въ виду одно только «усиленіе» Россіи; она ловко направляла дѣло къ тому, чтобы понудить Фридриха II первымъ заговорить о вознагражденіи отъ Польши, и когда онъ заговорилъ объ этомъ, въ Петербургѣ сдѣлали видъ, что охотно соглашаются на постороннее предложеніе произвести раздѣлъ польскихъ земель. Въ такихъ чертахъ изображаетъ г. Чечулинъ Екатерининскую политику.

Обнаружить идеи этой политики и ихъ практическое раз-

витіе можно было различными способами: нельзя сказать, чтобы нашъ авторъ выбралъ простѣйшій изъ нихъ. Онъ раскрываетъ основные принципы и взгляды Петербургскаго правительства въ общемъ обзорѣ дипломатической и даже военной его дѣятельности за 1762—1774 годы и этому обзору предпосылаетъ въ первой главѣ руководящее введеніе, въ которомъ заранѣе выясняетъ свои точки зрѣнія на дѣло. Читатель, желающій внимательно и справедливо отнестись къ работѣ г. Чечулина, неизбѣжно приведетъ къ заключенію, что первая глава его книги играетъ въ трудѣ главенствующую роль, а прочія главы служатъ для обоснованія и оправданія высказанныхъ въ первой главѣ положеній. По замыслу автора, эти главы вовсе не должны были заключать въ себѣ полнаго пересмотра всего матеріала, относящагося къ исторіи международныхъ отношеній за годы 1762—1774, и тѣ критики, которые посмотрѣли на разбираемую книгу, именно какъ на полный сводъ данныхъ по исторіи внѣшней политики Россіи, судили автора не за то, что онъ желалъ и могъ дать. О чемъ бы ни говорилъ г. Чечулинъ, онъ имѣетъ въ виду только руководителей русской политики съ ихъ взглядами и пріемами; поэтому ему важенъ прежде всего и почти исключительно русскій документъ, въ которомъ онъ находитъ офиціальное и достовѣрное раскрытіе мотивовъ петербургской политики, ея настроенія, скрытыхъ стремленій, надеждъ и опасеній, идей и правилъ, выставляемыхъ на показъ, рядомъ съ хитростями и притворствомъ. Для него иностранныя публикаціи и изслѣдованія, по существу его задачи, не имѣютъ большого значенія, разъ они не даютъ ему точныхъ свѣдѣній о петербургскомъ кабинетѣ. Вотъ почему его очерки внѣшнихъ сношеній Екатерины не только со второстепенными державами, но и съ важнѣйшими, кажутся односторонними и неполными, если на ъ смотрѣть какъ на исторію европейской дипломатии ъ. Даже въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о «сѣвер-

ной системѣ» (179—185) и объ отношеніи русскаго правительства къ диссидентамъ (261, 449), нашъ авторъ уклоняется отъ простого изложенія подробностей и ограничивается лишь тѣмъ, что выясняетъ только руководящія мысли русскаго кабинета въ этихъ дѣлахъ; даже о знаменитой рѣчи Г. Конискаго у него нѣтъ ни одного слова. Все это становится понятнымъ только тогда, когда мы уразумѣемъ общій пріемъ автора.

Признаемся, что мы лично не выбрали бы подобнаго пріема. Давая частному изслѣдованію форму общаго историческаго обзора, онъ вынуждаетъ автора вводить въ изложеніе много лишняго: главы II-я и V-я книги г. Чечулина—краснорѣчивые тому примѣры. Въ то же время, рисуя дипломатическую систему на фонѣ политическихъ отношеній, авторъ всегда рискуетъ смѣшать эти несовпадающія области. Но мы сами себя упрекнули бы въ нежеланіи понять и признать чужую точку зрѣнія, если бы стали преслѣдовать автора за избранный имъ путь доказательства его положеній. Дѣло вѣдь въ томъ, чтобы положенія были ясно высказаны и достаточно оправданы. А кажется, нельзя спорить о томъ, что г. Чечулинъ достаточно ясно обрисовалъ направленіе и пріемы петербургской дипломатіи и добросовѣстно изучилъ переписку Петербургскаго двора первой половины царствованія Екатерины II-й. Съ его опредѣленіями и характеристиками можно спорить; его взглядъ на своеобразное «равенство» при первомъ раздѣлѣ Польши (стр. 451—452) можно не раздѣлять и даже осуждать; можно далѣе находить непримиренное противорѣчіе между его взглядами на политику графа А. П. Бестужева-Рюмина (стр. 24) и Н. Панина въ отношеніи прусскаго союза; но нельзя доказать, чтобы авторъ не зналъ вопроса, за который взялся, и не умѣлъ извлекать изъ историческаго матеріала существенныя и важныя черты съ надлежащимъ вниманіемъ и ученою серьезностью. Можно признавать его отношеніе къ истори-

ческимъ лицамъ субъективнымъ и подмѣтить въ немъ дозу увлеченія Панинымъ; можно говорить о томъ, что патріотическое одушевленіе автора вообще располагаетъ его къ апологетическому тону; но нельзя утверждать, чтобы это одушевленіе ослѣпляло автора и заставляло его замалчивать истину. Онъ, напримѣръ, не скрываетъ, что Панинъ въ своихъ дипломатическихъ пріемахъ не чуждался интригъ, что диссидентскій вопросъ былъ для него только благовидною ширмою, за которою пряталось простое стремленіе къ «усиленію» русскаго государства, а не забота о единовѣрной братіи, и т. п. Словомъ, можно во многомъ не соглашаться и за многое упрекнуть автора, но, разумѣется, нельзя поймать его на научной недобросовѣстности или доказать безплодность его работы. Въ ней находится обстоятельный сводъ свѣдѣній по исторіи Екатерининской дипломатіи, и въ этомъ значеніе книги г. Чечулина. Послѣ нея нельзя будетъ говорить о политикѣ Панина и объ отношеніи къ ней Екатерины, не посчитавшись съ выводами г. Чечулина и съ его точками зрѣнія.

Здѣсь нѣтъ нужды останавливаться на деталяхъ разбираемой книги. На нихъ обращено даже слишкомъ большое вниманіе господъ рецензентовъ. Они считали возможнымъ говорить о незнакомствѣ автора съ французскимъ языкомъ, на основаніи корректурной нелѣпости на стр. 412—413, и не замѣтить, что въ другихъ мѣстахъ (стр. 381—382, 415) авторъ исправляетъ неточные переводы «Сборника». Они указывали труды, на которые авторъ не ссылался, не разъясняя, какой ущербъ произошелъ отъ того въ разработкѣ взятой авторомъ темы. Они, наконецъ, искренне удивлялись, что «ссылкою» можно назвать не одно подстрочное примѣчаніе. Можно отъ души пожелать, чтобы книга г. Чечулина подверглась самому тщательному разбору дѣйствительно серьезныхъ и компетентныхъ критиковъ. Предъ судомъ нелицепріятнаго знанія книга г. Чечулина можетъ подвергнуться

существеннымъ исправленіямъ, но врядъ ли она въ своей сущности будетъ осуждена.

С. Платоновъ.

3.

«Ученый» fin de siècle.

(«Новости», 1897, № 14).

Еще покойный Бодянскій, говоря объ Академіи Наукъ, доказывалъ, «какъ трудно защищать дѣло, которое само себя не защищаетъ»; спустя 30 лѣтъ, это же подтвердилъ г. Платоновъ, взявшій на себя трудъ защитить университетъ отъ нареканій, вызванныхъ въ обществѣ и въ печати публичнымъ диспутомъ 8-го декабря. Такъ смотримъ мы на его небольшую замѣтку въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», не придавая никакого значенія заявленной печатно его дружбѣ съ г. Чечулинымъ.

Въ замѣткѣ этой намъ ставятъ въ вину, будто мы «считали возможнымъ говорить [1]) о незнакомствѣ г. Чечулина съ французскимъ языкомъ на основаніи корректурной нелѣпости на стр. 412—415». Qui, diable, trompe-t-on ici? Во-первыхъ, мы ясно, по-русски, заявили, что приводимъ только «примѣры изъ массы подобныхъ недоразумѣній»; во-вторыхъ, приписывать корректору нелѣпость автора значитъ — сваливать съ больной головы на здоровую. Представляемъ на судъ всѣхъ самый corpus delicti, не въ защиту, конечно, корректора, который тутъ не причемъ:

25-го марта 1771 года Фридрихъ II писалъ графу Финкенштейну о желательныхъ пріобрѣтеніяхъ, о чемъ сообщалъ наканунѣ и графу Сольмсу въ Петербургъ:

---

[1]) «Новости», 1896 г., № 338 (см. выше, стр. 432).

Текстъ:	Переводъ:
Je lui en ai laché quelque chose, dans Mes ordres immediats, et comme d'un dernier expedient, au cas que je ne puisse pas obtenir quelque portion des provinces. qui confinent a Mes Etats de Prusse, de Silesie, de la nouvelle Marche ou de la Pomeranie. Tout depend a present de Ma bonne fortune; et Je serai bien charmé si Je puis réunir a Mes Domaines l'une et l'autre de ces cantons. Nous verrons, comment le Comte de Solms s'y prendra, et s'il sera assèz intelligent et heureux pour choisir un bon canal, à la réussite de cette negociation importante et delicate. Il en augure assèz bien dans sa dernière depeche, et il faut voir maintenent, s'il aura les succès, qu'il paroit se promettre.	Я далъ Сольмсу кое-какія наставленія (je ai laché quelque chose) на случай крайности: если не удастся получить части, граничащей съ моею Пруссіею—то Силезію, Новую Марку или Померанію. Все зависитъ теперь отъ моего счастья; я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось присоединить къ моимъ владѣніямъ одинъ изъ этихъ участковъ. Посмотримъ, какъ возьмется за все это графъ Сольмсъ и будетъ ли онъ достаточно благоразуменъ и счастливъ, чтобы избрать правильный путь для этого важнаго и деликатнаго дѣла. Въ послѣдней депешѣ онъ получилъ отъ меня достаточныя наставленія и остается теперь взглянуть, будетъ-ли онъ имѣть успѣхъ, какого, кажется, мы можемъ ожидать.

И общій смыслъ записки Фридриха II, и отдѣльныя ея выраженія извращены и по незнанію французскаго языка, и по невѣжеству переводчика. Объ этой «нелѣпости на стр. 412—413» факультетъ не былъ извѣщенъ своевременно, въ *противномъ* случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, потребовалъ бы пе-

репечатать эти страницы, и теперь уже поздно называть эту нелѣпость «корректурною». Изъ этой нелѣпости авторъ дѣлаетъ выводъ: «Теперь, когда съ прусской стороны было сказано уже такъ *много* и *прямо*, заговорилъ болѣе открыто и Панинъ» (413) — это «много и прямо» идетъ, конечно, къ Силезіи, Новой Маркѣ или Помераніи», но не годится для староствъ Кульмскаго и Маріенбургскаго, о чемъ писалъ Фридрихъ и чего авторъ даже не упоминаетъ. Это нелѣпость, но не корректурная.

Это же незнаніе французскаго языка заставило г. Чечулина написать много нелѣпостей и, между прочимъ, слѣдующую, бросающуюся въ глаза: «Сальдернъ письменно обращался къ императрицѣ съ предложеніемъ написать ея исторію» (318), причемъ авторъ безсознательно даетъ противъ себя розгу, помѣщая, въ примѣчаніи, Plan général des mémoires pour servir à l'histoire de S. M. J. de toutes les Russies en qualité de tutrice de S. A. J. touchant l'administration du duché de Holstein. Вотъ о чемъ собирался писать Сальдернъ и имѣлъ, конечно, къ тому основанія, а не исторію Екатерины II.

Примѣры незнанія г. Чечулинымъ иностранныхъ языковъ, не только французскаго или нѣмецкаго, но даже польскаго, могутъ быть приведены во множествѣ и безъ труда: почти всѣ его ссылки на Askenazy, Beer, Reiman, Smitt свидѣтельствуютъ объ этомъ и жестоко мстятъ ему.

Г. Платоновъ говоритъ, что «въ основаніе своего труда г. Чечулинъ положилъ Сборникъ русскаго историческаго общества». Слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что г. Чечулинъ если не изучилъ, то, по крайней мѣрѣ, старательно ознакомился со «Сборникомъ»? Ни мало. Сверхъ примѣровъ, приведенныхъ уже нами въ № 338 «Новостей» [1]), укажемъ на ту же злосчастную записку Фридриха II: она почти до-

[1]) См. выше, стр. 435.

словно выражена Фридрихомъ II въ рескриптѣ къ графу Сольмсу отъ 24-го марта 1771 года, напечатанномъ и совершенно вѣрно переведенномъ въ Сборникѣ, XXXVII, 433; если бы г. Чечулинъ старательно отнесся къ Сборнику, онъ увидѣлъ бы, что рѣчь шла о староствахъ Кульмскомъ и Маріенбургскомъ и объ епископствѣ Вармійскомъ. Мы не признаемъ возможнымъ предположить, какъ то дѣлаетъ г. Платоновъ, что г. Чечулинъ читалъ упомянутый рескриптъ и все-таки смѣшалъ Кульмъ или Вармію съ Силезіей или Помераніей

Г. Платоновъ ссылается, между прочимъ, на стр. 382, гдѣ приведенъ переводъ депеши отъ 1-го февраля 1767 г., исправленный будто бы г. Чечулинымъ противъ Сборника. Такая защита хуже обвиненія: въ депешѣ г. Сольмса упоминается une puissance ennemie (XXXVII, 50), что и переведено въ Сборникѣ «непріятельская держава»; г. Чечулинъ же забылъ перевесть прилагательное ennemie и, недоумѣвая, о чемъ идетъ рѣчь, восклицаетъ: «Конечно, не могли же въ Петербургѣ подразумѣвать Австрію подъ именемъ державы, отъ которой можно будетъ взять вознагражденіе!» Между тѣмъ, вся переписка ведется именно о враждебномъ положеніи, которое Австрія, по увѣреніямъ Фридриха II, готова была принять въ 1767 году, что ясно и выражено въ депешѣ того же гр. Сольмса, помѣщенной лишь нѣсколькими страницами ниже, въ томъ же Сборникѣ, XXXVII, 73, и неизвѣстной г. Чечулину.

Знакомство съ литературой вопроса г. Платоновъ не признаетъ нужнымъ; по крайней мѣрѣ, подобно г. Чечулину, онъ не видитъ, «какой ущербъ произошелъ отъ того въ разработкѣ взятой авторомъ темы». Это, конечно, manière de parler, не болѣе, объясняемая дружбою. Если бы г. Чечулинъ былъ знакомъ съ положеніемъ разсматриваемыхъ имъ вопросовъ въ исторической литературѣ, онъ не написалъ бы

ни такого вздора о «сѣверномъ союзѣ», ни такихъ напраслинъ на Россію по поводу «перваго раздѣла», ни тѣхъ неприличностей о Фридрихѣ II, какими переполнена его книга, не говоря уже о другихъ, болѣе частныхъ вопросахъ. Не зная языковъ, трудно, конечно, читать иностранныя сочиненія; но г. Чечулинъ и съ русскими-то незнакомъ, ни даже съ трудами, вызванными Сборникомъ же.

Часто упоминаемый XXXVII томъ Сборника вышелъ въ 1883 г. и тогда же обратилъ на себя вниманіе. Въ журналахъ появились болѣе или менѣе обстоятельныя статьи и, между прочимъ, «Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху, предшествовавшую первому раздѣлу Польши» («Русская Мысль», 1883, VII, sqq.), «Наканунѣ раздѣла Польши» («Вѣстникъ Европы», 1883, IV, августъ) и др. Г. Чечулинъ похваляется тѣмъ, что не читалъ ихъ — происшедшій отъ этого «ущербъ въ разработкѣ взятой авторомъ темы» бросается въ глаза.

Мы и прежде не ставили недостатковъ «изслѣдованія» г. Чечулина въ вину и осужденіе автора; въ настоящее же время тѣмъ менѣе. Его разсчетъ оказался совершенно вѣрнымъ и онъ достигъ своей цѣли: искомая имъ ученая степень была дарована ему, хотя и большинствомъ голосовъ; его «противники» остались въ меньшинствѣ. Примѣненіе счета голосовъ къ опредѣленію учености — это одно изъ явленій fin de siècle, съ которымъ, очевидно, приходится если не мириться, то считаться.

Не напрасно же друзья г. Чечулина рисуютъ его ученымъ fin de siècle: онъ приватъ-доцентъ въ университетѣ, помощникъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», помощникъ библіотекаря въ Публичной Библіотекѣ, одинъ изъ редакторовъ «Русскаго біографическаго словаря»; ему, по ихъ словамъ, 33 года («Новое Время», № 7467), а онъ уже писалъ о московскихъ городахъ въ

XVI вѣкѣ, о жилыхъ постройкахъ XVI вѣка, о переписи въ Россіи до конца XVI вѣка, о населенности посадскаго двора въ XVII вѣкѣ, составилъ «указатель» къ писцовымъ книгамъ и т. д. до «Внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» включительно.

В. Бильбасовъ.

[redacted]

НЕМИРОВСКІЙ КОНГРЕССЪ.

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1900.

[redacted]

НЕМИРОВСКІЙ КОНГРЕССЪ.

А. Кочубинскій, «Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса. Война пяти лѣтъ, 1735—1739». Одесса, 1899.

Съ тѣхъ поръ, какъ наблюденіе и опытъ обновили физическія науки, указавъ общіе законы, управляющіе безконечнымъ разнообразіемъ явленій природы, подобный же переворотъ совершился и въ области наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ человѣка. Философія, исторія, политическая экономія, статистика не имѣютъ иной цѣли, кромѣ розысканія естественныхъ и моральныхъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Конечно, между природой и человѣкомъ есть та великая разница, что человѣкъ одаренъ свободною волею: но это новое условіе, усложняя задачу, не измѣняетъ ее. Недостаточно изучить событія, то-есть, результаты, необходимо изслѣдовать идеи, то-есть, причины, необходимо раскрыть генеалогію идей, безъ чего событія остаются голыми скелетами. Изучить исторію идей, прослѣдить ихъ зарожденіе, развитіе, паденіе или переходъ одной въ другую —вотъ что необходимо изгонитъ изъ исторической науки все, что считается до настоящаго времени случайнымъ и чѣмъ мы прикрываемъ только наше невѣжество.

Одною изъ такихъ идей, если не самою важною, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе вліятельною на историческія судьбы русскаго народа, является такъ называемый «восточный вопросъ», проходящій чрезъ всю тысячелѣтнюю исторію Россіи, отъ перваго набѣга нашихъ предковъ на Византію въ 860 г.

до стоянки русскихъ войскъ въ 1877 году подъ Константинополемъ, въ Санъ-Стефано. Восточный вопросъ для Западной Европы, южный—для насъ, есть жизненный вопросъ не только Россіи, но всего славянскаго племени; стремленіе къ его разрѣшенію является историческимъ подвигомъ русскаго народа. Какъ же сложился этотъ вопросъ, какъ развивался, какія фазы переживалъ и въ какомъ состояніи представляется въ настоящее время?

Появленіе русскихъ на исторической сценѣ обозначилось движеніемъ на югъ, чрезъ земли печенѣговъ и половцевъ, по Черному морю и по Болгарскому царству, къ Византіи. Первые русскіе князья, почти всѣ, предпринимали походы на Византію, въ Царьградъ, и проходили по тѣмъ путямъ, которыми мы пользуемся и въ настоящее время въ борьбѣ съ Турціею, смѣнившею Византію. Это наши естественные пути: морской путь отъ Днѣпра (860, 907, 941, 988 гг.), путь чрезъ долину Дуная и Болгарію (967—972, 1116 гг.), путь между Чернымъ и Каспійскимъ морями (походъ Святослава, Владиміра и др. въ Тмутаракань) и одновременное пользованіе этими путями (944, 1043 гг). Эти походы на югъ завязали торговыя сношенія съ Византіей, установили религіозное и культурное съ нею общеніе, но, въ то же время, обнаружили ясно, что безусловное обезпеченіе нашего движенія на югъ можетъ быть достигнуто только полнымъ покореніемъ сосѣдей, враждебно относившихся къ этому нашему движенію. Удѣльныя распри и монгольское иго надолго прекратили наше южное движеніе, и цѣлые вѣка, отъ XIV до XVII, русское государство только защищается отъ безпрерывныхъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Только Іоаннъ IV пытался перейти въ наступленіе противъ татаръ, только при немъ возникла даже мысль о покореніи Крыма, объ обращеніи Чернаго моря въ русское озеро (Адашевъ), но тогда эта мысль была признана невыполнимою, какъ приводившая къ борьбѣ съ сильною Турціею. Эта попытка, дѣйствительно, и окончи-

лась неудачею въ 1687—1689 гг., наканунѣ появленія Петра Великаго, который возобновилъ борьбу за Черное море. Какъ геніальный стратегъ, онъ, прежде всего, сталъ твердою ногою на Азовскомъ морѣ (1695—1696 гг.), что давало ему хорошую базу для борьбы съ Турціею и сильную позицію для сдерживанія крымскихъ татаръ. Какъ мудрый политикъ, онъ хорошо понялъ измѣнившуюся международную обстановку нашего движенія на югъ и вѣрно опредѣлилъ новыя средства борьбы: въ виду того, что слабая, культурная, православная Византія уступила свое мѣсто сильной, грубой, мусульманской Турціи, Петръ I связываетъ вопросъ объ обладаніи Чернымъ моремъ съ вопросомъ объ освобожденіи православныхъ, славянъ и грековъ, подданныхъ Турціи. Такою вѣрною въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ постановкою вопроса мы обязаны Петру Великому. Практическое разрѣшеніе восточнаго вопроса по этой новой постановкѣ требовало, конечно, времени и силъ; оно заняло цѣлыя два столѣтія и все еще не доведено до конца. Между тѣмъ Петръ Великій, занятый войною на Сѣверѣ, со Швеціей, началъ одновременно и войну на Югѣ, съ Турціею; такая война на два фронта, на противоположныхъ окраинахъ государства, требовала чрезвычайнаго напряженія, оказалась превышавшею средства Россіи и окончилась полнымъ пораженіемъ русскихъ на Прутѣ (1711 г.), причемъ были потеряны всѣ пріобрѣтенія, достигнутыя азовскими походами.

Преемники Петра Великаго воспользовались его уроками и постепенно, мало-по-малу очищали путь къ достиженію конечной цѣли.

Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ злосчастнаго прутскаго договора Россія впервые вела войну съ Турціею (1735—1739), при чемъ впервые же присоединила отъ Турціи 1.657 кв. миль, какъ, равнымъ образомъ, впервые же русскія войска одержали при Ставучанахъ замѣчательную побѣду надъ турецкою арміею. Это было, со стороны Россіи, начало раздѣла

Турціи. Послѣ двухъ екатерининскихъ войнъ Турція уступила Россіи 2.474 кв. м., при чемъ Россія утвердилась на берегахъ Азовскаго и по сѣверному побережью Чернаго моря, Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи и наша юго-западная граница дошла до Днѣпра. При Александрѣ I Россія пріобрѣла Бессарабію (828 кв. м.), и граница наша приблизилась къ Пруту и низовьямъ Дуная: при Николаѣ I русскія войска впервые шагнули за Балканы. Россія утвердилась на восточномъ берегу Чернаго моря, пріобрѣла 772 кв. м. и содѣйствовала образованію независимаго греческаго королевства и автономныхъ Молдавіи, Валахіи, Сербіи, вслѣдствіе чего, въ общей сложности, Турція лишилась 3.552 кв. м. Въ послѣднюю войну (1877—1878 гг.) Турція потеряла 4.897 кв. м. образованіемъ Болгарскаго княжества, независимыхъ Румыніи и Сербіи, отдѣленіемъ Кипра къ Англіи и Босніи съ Герцеговиной къ Австріи.

Подведемъ итоги: при подписаніи въ 1711 г. прутскаго договора Турція владѣла на европейскомъ материкѣ 15.592 кв. мил., въ настоящее время ея европейскія владѣнія ограничиваются 4.558 кв. м., то-есть, въ послѣднія два столѣтія она потеряла 11.034 кв. м. Милліоны турецко-подданныхъ славянъ освобождены отъ мусульманскаго ига. Турецкой имперіи, какъ европейской державы, способной быть грозою сосѣдей, не существуетъ. Въ такомъ положеніи представляется нынѣ «восточный вопросъ» и въ такомъ положеніи онъ останется надолго, по крайней мѣрѣ относительно Россіи, которая, отказавшись отъ своего традиціоннаго, вѣками прокладывавшагося пути въ южномъ направленіи, перенесла свое вниманіе на отдаленный Востокъ, въ Портъ-Артуръ.

Исторія «восточнаго вопроса» еще не написана: даже отдѣльные эпизоды его еще не изслѣдованы. Въ трудахъ Соловьева, Ульяницкаго, Стрѣльбицкаго, Петрова, въ статьяхъ Ковалева, Фадѣева и др. намѣчены только, болѣе или менѣе удачно, направленіе и способъ обработки частныхъ вопросовъ.

Въ русской исторической литературѣ восточный вопросъ все еще представляется вопросомъ, требующимъ отвѣта. До настоящаго времени ученымъ образомъ всесторонне изслѣдованъ только эпизодъ пятилѣтней войны Россіи съ Турціею при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ недавно вышедшемъ трудѣ заслуженнаго профессора Новороссійскаго университета А. А. Кочубинскаго.

Давно уже, лѣтъ тридцать, если не болѣе, г. Кочубинскій интересуется восточнымъ вопросомъ и печатаетъ свои монографіи по этому вопросу въ различныхъ журналахъ [1]. Его точка зрѣнія, какъ и интересующіе его предѣлы вопроса довольно точно опредѣляются первымъ его изслѣдованіемъ— «Южные славяне, румыны и Петръ Великій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», появившемся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ 1872 г., и еще болѣе его монографіей «Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1881 г. Изъ обширной тысячелѣтней исторіи восточнаго вопроса г. Кочубинскій интересуется преимущественно исторіею послѣднихъ двухъ столѣтій, когда наше историческое движеніе на югъ, вслѣдствіе новой постановки вопроса Петромъ Великимъ, обратилось въ «восточный вопросъ», благодаря привлеченію новаго сильнаго фактора въ лицѣ турецко-подданныхъ славянъ. Появившаяся же недавно монографія г. Кочубинскаго «На Босфорѣ въ 1735 году», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1897 году, свидѣтельствовала, что изъ двухсотлѣтней исторіи собственно восточнаго вопроса г. Кочубинскій интересуется преимущественно временемъ Анны Іоанновны и особенно отношеніемъ гр. А. И Остермана къ восточному вопросу, что и выразилось въ его обширномъ трудѣ, наполнившемъ 74-й томъ «Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета».

---

[1]) Всѣ эти журнальныя статьи изданы г. Кочубинскимъ въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ «Очерки исторіи и политики славянъ». Одесса, 1887.

Основное заглавіе послѣдняго труда г. Кочубинскаго—«Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи»—не даетъ точнаго понятія о его содержаніи, такъ какъ разсматриваемый трудъ не посвященъ спеціально ни гр. Остерману, ни раздѣлу Турціи; второе заглавіе—«Изъ исторіи восточнаго вопроса»—страдаетъ, въ свою очередь, неопредѣленностью; только третье заглавіе, «Русско-турецкая война пяти лѣтъ, 1735—1739», довольно точно опредѣляетъ предметъ изслѣдованія. Только по старательномъ ознакомленіи съ этимъ почтеннымъ трудомъ объясняется, если и не оправдывается, обиліе его заглавій: русско-турецкую войну 1735—1739 гг. г. Кочубинскій разсматриваетъ какъ эпизодъ изъ исторіи восточнаго вопроса, причемъ обращаетъ особенное вниманіе на задачи, указанныя гр. Остерманомъ, руководителемъ русской политики того времени, представителемъ Россіи на Немировскомъ конгрессѣ, составляющемъ главную задачу всего изслѣдованія.

Поставленный въ такія рамки, трудъ г. Кочубинскаго представляется ученымъ изслѣдованіемъ одного изъ наименѣе обработанныхъ эпизодовъ восточнаго вопроса. Главная и существенная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ не ограничивается возстановленіемъ внѣшнихъ фактовъ, пересказомъ современныхъ извѣстій, но изслѣдуетъ внутренній смыслъ событій, слѣдитъ за руководящими идеями. Трудъ г. Кочубинскаго—цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу, столь небогатую учеными изслѣдованіями подобнаго рода; для исторіи же восточнаго вопроса онъ можетъ служить образцомъ для будущихъ изслѣдователей. Можно не соглашаться съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ г. Кочубинскаго, можно противорѣчить той или другой догадкѣ его, но нельзя не признавать его методъ и пріемы строго научными, нельзя не удивляться его глубокому знакомству съ вопросомъ, его всесторонней начитанночти.

Исторія пятилѣтней войны Россіи съ Турціей, 1735—1739,

изображена г. Кочубинскимъ въ связи съ новою постановкою восточнаго вопроса Петромъ Великимъ и въ соотвѣтствіи съ послѣдующимъ ходомъ развитія этого вопроса. Такая широкая программа свидѣтельствуетъ о серьезномъ изученіи причинъ и слѣдствій тѣхъ явленій, какія наблюдались за эти пять лѣтъ и, прежде всего, Немировскаго конгресса.

Г. Кочубинскому принадлежитъ честь перваго историка, подробно изслѣдовавшаго ходъ переговоровъ на конгрессѣ въ Немировѣ. До послѣдняго времени свѣдѣнія объ этомъ конгрессѣ въ русской исторической литературѣ были крайне сбивчивы, даже невѣрны [1]; только благодаря г. Кочубинскому конгрессъ въ Немировѣ представляется теперь въ его настоящемъ свѣтѣ.

Главнымъ «дѣйствующимъ лицомъ» на Немировскомъ конгрессѣ оказывается руководитель русской политики въ царствованіе Анны Іоанновны, гр. А. И. Остерманъ, пребывавшій въ Петербургѣ: онъ не былъ въ Немировѣ, но на конгрессѣ русскіе представители говорили и дѣйствовали по его инструкціямъ, и только по нимъ. Г. Кочубинскій первый обнародовалъ чрезвычайно любопытную, «писанную собственноручно гр. Остерманомъ» (20), инструкцію 14-го іюня 1737 года и рядъ дополняющихъ эту инструкцію рескриптовъ, продиктованныхъ тѣмъ же Остерманомъ. Какъ самая инструкція разсмотрѣна авторомъ во всей подробности (212, 239, 311, 371, 375, 395, 471, 522), такъ и смыслъ рескриптовъ опредѣленъ съ возможною точностью [2]. Само собою разумѣется,

---

[1] Г. Кочубинскій обращаетъ вниманіе на то, что даже въ 1893 г. русское историческое общество напечатало, будто Немировскій конгрессъ составленъ «при посредничествѣ Англіи и Голландіи» (Сборникъ, т. 86, стр. XXI), между тѣмъ какъ гр. Остерманъ отклонилъ этихъ медіаторовъ, «понеже не малая внутренняя злоба и парціальство къ туркамъ присматривается» (278). Ср. *Соловьевъ*, XX, 128.

[2] Дѣла Немировскаго конгресса заимствованы г. Кочубинскимъ изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ инструкціи 14-го іюня 1737 г., авторъ приводитъ выдержки изъ рескриптовъ, отъ 6-го іюля

что, разъясняя «идейное» значеніе инструкціи и рескриптовъ, г. Кочубинскій обратилъ вниманіе и на автора этихъ историческихъ документовъ.

«Инструкція полномочнымъ министрамъ» въ Немировѣ, по словамъ г. Кочубинскаго, есть «мостъ, переброшенный отъ идей Петра къ восточной политикѣ Екатерины II, катихизисъ нашей южной политики XVIII столѣтія—XIX привело его къ настоящему осуществленію и затѣмъ повело дѣло логически дальше» (211). Въ чемъ же заключался смыслъ этой инструкціи? «Возсоединеніе Степи, старой русской земли, обезвреженье, если не присоединеніе Крыма, южная граница Россіи по южному Дунаю и политическая независимость Молдавіи и Валахіи, первыхъ нашихъ сосѣдей изъ христіанъ Турціи — вотъ, говоритъ авторъ, основные пункты программы Остермана. Здѣсь все духомъ Петра Великаго дышало; но слишкомъ широкая программа его была введена въ границы. Остерманъ допускалъ, что и его формулировка программы Петра еще, быть можетъ, останется въ области идеала: остальныя условія онъ самъ называетъ «не толикимъ трудностямъ подлежащія», эти же не легки. Но онъ выставлялъ свои главныя «кондиціи» серьезно, съ убѣжденіемъ, какова бы судьба ихъ пока ни была: не сегодня, такъ завтра, но отнюдь не для одного торгашества. Возможность уступокъ въ нихъ, въ естественной зависимости отъ пестрыхъ обстоятельствъ минуты, онъ самъ въ принципѣ признавалъ, но требовалъ и отъ своихъ немировскихъ помощниковъ такой же разсудительности и серьезности въ приведеніи его идей въ дѣло, съ какою онъ формулировалъ ихъ въ кабинетѣ, подъ диктовку своего патріотическаго чувства и нравственнаго долга» (219).

Что гр. А. И. Остерманъ былъ человѣкъ осторожный (88), что онъ обладалъ методическимъ государственнымъ умомъ

---

(222), 12-го іюля (223), 26-го іюля (236, 271), 3-го августа (286), 31-го августа *(301), 12-го сентября* (308), 14-го сентября (329), 3-го октября (331), 1-го де-*кабря (362).*

(217), что онъ былъ дипломатъ искусный (358), что этотъ «нѣмецъ» былъ «не только русскій, но русскій, который стоитъ двадцати другихъ» (525)—въ этомъ теперь никто изъ историковъ-спеціалистовъ уже не сомнѣвается. Г. Кочубинскому извѣстно, однако, что въ лагерѣ историковъ-дилеттантовъ [1]) тотъ же Остерманъ до настоящаго времени представляется «уродомъ нравственнаго міра» (415), и, въ виду этого, ему слѣдовало, по крайней мѣрѣ, въ тѣсныхъ рамкахъ своей задачи, не оставлять въ сомнѣніи относительно дѣятельности гр. Остермана за время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Между тѣмъ, имъ оставлены безъ вниманія «секретные пункты 4-го января 1742 года», не смотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ и отвѣты на нихъ Остермана непосредственно касаются предмета изслѣдованія г. Кочубинскаго. Приводимъ эти пункты:

Вопросы:	*Отвѣты*:
6. Турецкую войну по какимъ важнымъ причинамъ старался ты начать, и для чего къ предосужденію Россійской славы и чести, не объявя по обыкновенію прежде Портѣ, Азовъ взятъ, о чемъ отъ Римско-цесарскаго и другихъ дворовъ происходили нареканія?	На 6-й. По какимъ причинамъ оное произошло, въ томъ ссылаюсь на дѣло въ кабинетѣ и на письмо мое къ визирю, предъ начатіемъ еще войны писанное.
7. Отправя пословъ на Немировскій конгрессъ, съ какого умысла ты отъ нихъ долгое время утаевалъ мирныя кондиціи, а наконецъ, для чего такія невозможныя и затруднительныя велѣлъ объявить	На 7-й. Въ томъ такожъ ссылаюсь на дѣла; что же касается до кондицій, то при отъѣздѣ отсюда нашихъ министровъ на конгрессъ, въ то время оныя кондиціи еще были на мѣрѣ не положены. А въ

[1]) «Морской Вѣстникъ», 1882, ноябрь, стр. 99, прим. 42.

туркамъ кондиціи, для которыхъ турки, тотчасъ брося конгрессъ, разъѣхались; отъ чего и бывшая тамъ убыточная и съ великимъ кровопролитіемъ война продолжалась, слѣдовательно, не авантажный миръ воспослѣдовалъ?

прочемъ мирныя кондиціи отъ времени до времени въ отправляемыхъ отсюда къ нимъ министрамъ рескриптахъ писаны бывали, на которыя и ссылаюсь, такожъ ссылаюсь и на послѣднія пропозиціи и кондиціи, которыя на томъ конгрессѣ представлены были отъ нашихъ министровъ туркамъ и отъ турецкихъ нашимъ.

8. Для чего и съ какого умысла ты въ мирной съ турками негоціаціи, никого изъ россійскихъ національныхъ не употребилъ, но чужестранца Каньонія послалъ, который предъ тѣмъ ни въ какихъ важныхъ дѣлахъ не былъ употребленъ и россійскихъ интересовъ знать не могъ; а чрезъ такое пренебреженіе онаго Каньонія, многое въ исполненіи мнимаго трактата затрудненіе, и посылками отъ обѣихъ сторонъ торжественныхъ пословъ, великій Россійскому государству причиненъ убытокъ; онаго Каньонія за что знатною денежною суммою наградилъ?

На 8-й. Каньоній для того къ тому употребленъ, что я его къ тому призналъ за весьма способнаго; что же я къ тому дѣлу никого изъ россійскихъ національныхъ не употребилъ, въ томъ признаюсь виновнымъ и прошу прощенія; оному же Каньонію награжденіе дано за его въ томъ дѣлѣ трудъ; а торжественное посольство учреждено для славы Россійской изъ Персіи, о чемъ и посламъ на конгрессѣ стараться было велѣно.

9. Когда по разорваніи Немировскаго конгресса, отъ высокаго ея императорскаго величества двора на тайнаго со-

На 9-й. Онаго Неплюева оставить въ Кіевѣ ни для чего иного я не старался, токмо для содержанія съ нашими въ

вѣтника Неплюева, за то, что онъ такожде не малою причиною къ турецкой войнѣ былъ, гнѣвъ имѣлся, для чего ты, уберегая его, оставить въ Кіевѣ старался, подъ видомъ будто бы онъ для заграничной корреспонденціи необходимъ былъ; въ чемъ однакожъ тогда никакой нужды не было [1]).

непріятельской сторонѣ тайными пріятелями корреспонденціи, которую онъ и исправлялъ, и ссылаюсь на его реляціи.

Нельзя, конечно, предполагать, чтобъ и секретные пункты 4-го января 1742 года могли измѣнить по существу взглядъ г. Кочубинскаго на гр. Остермана; но подробное ихъ изслѣдованіе внесло бы, вѣроятно, не одну новую черту въ обрисовку взглядовъ современниковъ на турецкую войну 1735—1739 гг. и помогло бы болѣе ясно опредѣлить ихъ отношенія къ гр. Остерману. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что эти секретные пункты относятся къ 1742 г., ни мало не оправдываетъ полнаго невниманія къ нимъ со стороны г. Кочубинскаго.

Судя по инструкціи 14-го іюля 1737 г., не подлежитъ сомнѣнію, что въ восточномъ вопросѣ гр. Остерманъ продолжалъ политику Петра Великаго. Такъ на бумагѣ; не такъ на дѣлѣ. Существенная особенность политики Петра Великаго заключалась въ томъ, что онъ ввелъ въ сферу восточнаго вопроса интересы славянъ, турецкимъ подданныхъ. Турки пользовались татарами на Востокѣ, Петръ I рѣшилъ воспользоваться славянами на Западѣ. Таковъ былъ естественный ходъ вопроса: для достиженія главной цѣли необходимо было дѣйствовать постепенно, съ одной стороны, на Азовъ, Крымъ, Грузію, Кавказъ, съ другой — на Польшу, Молдавію, Валахію и на славянъ Балканскаго полуострова, при чемъ глав-

[1]) «Русскій Архивъ», 1864, стр. 266.

ною цѣлью являлось сперва Черное море, потомъ — выходъ изъ него. Обезпечивъ тылъ и фланги, Петръ I заботился о содѣйствіи турецко-подданныхъ славянъ, какъ важнаго союзника для борьбы съ Турціею. Еще въ маѣ 1710 г. онъ думалъ уже «о Сербской землѣ, ярмомъ басурманскимъ обремененной» и извѣщалъ черногорцевъ, что стремится «христіанскій народъ отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви украсить и животворящій крестъ возвысить». Гр. Остерманъ, какъ извѣстно, о славянахъ и не думалъ. А стоило подумать: едва Минихъ вступилъ въ Яссы, какъ къ нему явились сербы и болгары съ предложеніемъ услугъ и съ мольбой объ освобожденіи (487).

Заслуга гр. А. П. Остермана, и заслуга весьма значительная, заключалась въ обезпеченіи Россіи союзами со Швеціею, Австріею, Пруссіею, Даніею, Саксоніею, словомъ, со всѣми сосѣдними землями, при чемъ, спеціально для восточнаго вопроса, весьма важенъ былъ австро-русскій договоръ 6-го августа 1726 г. По артикулу 6-му этого договора, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, «Цесарь на вспоможеніе пришлетъ Ея Всероссійскому Величеству 30.000 человѣкъ, а именно: 20.000 инфантеріи и 10.000 драгунъ»; слѣдующимъ, 7-мъ артикуломъ, постановлено: «И понеже по воинскому резону случиться можетъ, что обѣимъ сторонамъ полезнѣе будетъ общаго непріятеля изъ собственныхъ коегожде провинцій атаковать, въ такомъ случаѣ сообща совѣтовано будетъ, какимъ образомъ, то лучше въ дѣйство произведено быть можетъ». Сообразно этому 7-му артикулу, въ особомъ «секретнѣйшемъ» артикулѣ, точно было выражено: «Понеже обѣ договаривающіяся стороны наивящій интересъ имѣютъ стараться, дабы Порта Отоманская владѣніе свое въ Персіи болѣе и чрезмѣрно не распространила, того ради Его Цесарское Католическое Величество обѣщаетъ и обязуется Ея Всероссійскому Величеству, что ежели бы Порта Отоманская помянутый трактатъ нарушила и коронѣ Россійской войною

обязаться прилучилось, то тѣжъ самыя помощи на самомъ дѣлѣ подать хочетъ и долженъ есть, въ которымъ себя въ главномъ союзѣ обязалъ, развѣ по силѣ 7-го артикула трактата вмѣсто помощи лучше Портѣ Отоманской войну объявить похочетъ» [1]). Вслѣдствіе этого договора въ войнѣ 1735—1739 гг. участвовала и Австрія; это была австро-русско-турецкая война. Когда этотъ договоръ составлялся и подписывался, еще были живы у всѣхъ на памяти успѣхи Евгенія Савойскаго надъ турецкими полчищами и не забыты тяжкія для Порты условія Пажаровацкаго договора 1718 г. Не вина, конечно, Остермана, что двадцать лѣтъ спустя послѣ славныхъ побѣдъ, австрійскія войска потерпѣли на тѣхъ же почти поляхъ не менѣе значительныя пораженія: въ политическомъ отношеніи война 1735—1739 гг. была поставлена въ наилучшія условія, и этимъ мы обязаны гр. Остерману. Въ военномъ отношеніи война эта, благодаря Миниху, представляетъ рядъ значительныхъ успѣховъ, одержанныхъ русскими войсками: взятіе Азова, разореніе Крыма, сдача Очакова, занятіе Молдавіи, славная Ставучанская побѣда, сдача Хотина — все это, безъ сомнѣнія, успѣхи, и успѣхи крупные. Не забудемъ, что при Ставучанахъ одержана первая русская побѣда надъ турецкой вооруженной силой; вспомнимъ, что побѣда эта одержана 28-го августа 1739 г., а 18-го сентября, спустя три недѣли, подписанъ Бѣлградскій миръ, по своимъ условіямъ ни мало не соотвѣтствовавшій военнымъ нашимъ успѣхамъ.

Г. Кочубинскій, подробно и обстоятельно разсмотрѣвъ положеніе дѣла, тщательно оцѣниваетъ всѣ извѣстія, касающіяся не только августа и сентября 1739 г., но и самаго сепаратнаго мира Австріи, и приводитъ рядъ любопытныхъ данныхъ, но въ окончательномъ выводѣ останавливается только на вопросѣ о несвоевременности войны, въ чемъ онъ

---

[1]) *Мартенсъ*, I, 39, 43.

обвиняетъ «однихъ горячихъ птенцовъ гнѣзда Петрова—Неплюева и особенно Вѣшнякова» (525). Съ этимъ едва-ли можно согласиться. Неплюевъ и Вѣшняковъ—второстепенные агенты: не они рѣшаютъ войну или миръ. Они доносили реляціями о положеніи Турціи, доносили добросовѣстно, какъ видѣли и понимали, но доносили только о Турціи; имъ ничего неизвѣстно относительно общаго положенія дѣлъ даже въ Россіи, не только въ Европѣ; имъ неизвѣстны ни взгляды Бирона, ни намѣренія Остермана, не говоря уже о желаніяхъ австрійскаго правительства или о намѣреніяхъ французскаго. Ни Неплюевъ, ни Вѣшняковъ, никто изъ второстепенныхъ дѣятелей не можетъ быть обвиненъ въ томъ довѣріи къ услугамъ французскаго двора, какъ «медіатора», которое погубило всѣ плоды военныхъ успѣховъ нашихъ въ войну 1735—1739 гг. и, въ концѣ концовъ, погубило и самого гр. Остермана.

Изслѣдованіе г. Кочубинскаго чрезвычайно лестно рекомендуетъ себя своею серьезностью: его соображенія всегда чисто ученаго характера, онъ преслѣдуетъ интересы исключительно научные. Русская историческая наука обогатилась въ прошломъ 1899 году нѣсколькими учеными трудами, заслуживающими серьезнаго вниманія. Рядомъ съ изслѣдованіями, касающимися XVI и XVII столѣтія—«Сельское хозяйство Московской Руси», П. Рожкова; «Сельское населеніе въ Московскомъ государствѣ», И. Дьяконова; «Очерки по [illegible]оріи Смутнаго времени», С. Платонова; «Церковный со[illegible]ъ 1682 года», Н. Виноградскаго—появилось два труда, [illegible]ященные XVIII вѣку—«Оберъ-прокуроры святѣйшаго си[illegible], Ѳ. Благовидова, и разсматриваемый нами трудъ. Изъ [illegible] этихъ сочиненій, трудъ г. Кочубинскаго выгодно вы[illegible]я своимъ методомъ и пріемами строго ученаго изслѣ[illegible]. Не только архивные матеріалы, имъ изданные, даже [illegible]ыя эпохѣ изданія, не говоря уже о новѣйшихъ, [illegible]гаетъ критикѣ, при чемъ его критика текста обли[illegible]аго филолога, а критика факта серьезнаго исто[illegible]е оставляетъ безъ критическаго изслѣдованія ни

одного сомнительнаго названія, малоизвѣстнаго имени, ни одного вопроса, какъ незначителенъ онъ ни былъ бы, если только этотъ вопросъ касается предмета его труда.

Положивъ въ основу своего труда «Немировскія дѣла», г. Кочубинскій помѣстилъ въ «Приложеніи» нѣсколько документовъ какъ изъ главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ и изъ пражскаго Archiv Zemský Królevstvi Českého. Текстъ всѣхъ этихъ изданныхъ имъ документовъ очищенъ критикою и снабженъ необходимыми примѣчаніями настолько, что историку легко уже пользоваться ими для своихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи «Приложенія» г. Кочубинскаго являются образцовыми.

Въ числѣ архивныхъ матеріаловъ въ «Приложеніи» изданъ «Секретнѣйшій рескриптъ» отъ 3-го августа 1737 года, весь писанный рукою гр. Остермана. Представителямъ Россіи на Немировскомъ конгрессѣ предписывается этимъ рескриптомъ между прочимъ: «Ежели съ цесарской стороны такія кондиціи требованы были-бъ, на которые-бъ турки поступить не похотѣли, то вамъ за тѣми цесарскими кондиціями не остановиться, но свой миръ не отлагая заключать» (XXI). Понимая вполнѣ, насколько такой сепаратный миръ противорѣчилъ условіямъ австро-русскаго договора 1726 года, гр. Остерманъ прибавлялъ: «Но понеже сей артикулъ весьма важный и деликатный и къ великому нашему предосужденію служить могло-бъ, ежели-бъ цесарскіи министры о такомъ вамъ данномъ указѣ малѣйше что увѣдали, того ради по присяжной вашей должности чрезъ сіе вамъ повелѣвается—оный въ наивящемъ секретѣ содержать и чтобъ кромѣ васъ трехъ никто объ ономъ не вѣдалъ и никакимъ образомъ объ немъ не пронеслось, яко вы въ томъ отвѣтствовать должны будете» (XXII). Смыслъ этого «указа» долженъ быть принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ того «раздраженія и негодованія» (506), какое возбудила на берегахъ Невы вѣсть о сепаратномъ мирѣ австрійцевъ съ турками.

*

Можно только удивляться начитанности г. Кочубинскаго. Не говоримъ уже о новѣйшихъ сочиненіяхъ, касающихся занимающаго его вопроса, гдѣ ему извѣстна не только книга «De la Barre de Nanteuil, L'Orient et l'Europe depuis le XVII siècle», Paris, 1898, но и небольшая статья въ «Revue de l'Orient chrétien», Avril (8); имъ просмотрѣны и исчерпаны многія изданія, современныя изслѣдуемой имъ эпохѣ, начиная съ «Głos wolny szlachcica wolność ubezpieczający», Nancy, 1733 (57) и «Recherche des causes de la présente guerre entre S. M. l'Impératrice de Russie et la Porte Ottomane», La Haye, 1737, до мелкихъ календарей и отдѣльныхъ листовъ 30 и 40 годовъ прошлаго столѣтія. Не ручаясь за точность нашего счета, можемъ удостовѣрить, что нами отмѣчено болѣе 25 брошюръ первой половины XVIII вѣка, упоминаемыхъ г. Кочубинскимъ [1]). Онъ пользуется ими, главнымъ образомъ, для обрисовки взгляда современниковъ и для опредѣленія впечатлѣнія, произведеннаго тѣмъ или другимъ событіемъ; онѣ помогаютъ ему нерѣдко при географическихъ справкахъ и при характеристикѣ лицъ.

Какъ и при архивныхъ матеріалахъ, г. Кочубинскій подвергаетъ критической провѣркѣ всякое извѣстіе, заимствованное имъ изъ печатныхъ источниковъ, и нерѣдко его примѣчанія составляютъ сами по себѣ цѣлое изслѣдованіе. Таково, напримѣръ, его примѣчаніе о могуществѣ французской политики на Востокѣ съ половины XVII столѣтія (7), о перколабѣ (XXX) и мн. др. Можно, конечно, не соглашаться съ его догадкой, что перколабъ есть передѣлка нѣмецкаго Burggraf (182, 231), но нельзя не поблагодарить его за тщательныя изысканія, давшія ему возможность довольно точно опредѣлить значеніе перколаба и его положеніе среди обывателей (XXX).

---

[1]) Указываемъ страницы, на которыхъ названы главнѣйшія: 8, 9, 57, 80, *98*, *101*, *133*, *160*, 163, 245, 247, 250, 257, 263, 342, 343, 356, 372, 378, 430, *434*, *456*, *458*, *467*, 468, 502.

Особенно интересны, и для исторіи войны 1735—1739 гг. особенно драгоцѣнны, примѣчанія географическія. Они составлены съ особенною тщательностью, причемъ не оставленъ безъ разъясненія ни одинъ даже малѣйшій географическій терминъ, ни одинъ перевозъ на рѣкѣ, ни одна балка, по которой шли русскія войска. Не касаясь чисто военныхъ вопросовъ, отрекаясь даже отъ нихъ (124), г. Кочубинскій, тѣмъ не менѣе, собралъ богатый военно-географическій матеріалъ относительно театра войны на югѣ Россіи и, не довольствуясь рукописными и печатными свѣдѣніями, воспользовался свѣдѣніями своего отца, съ реляціею Миниха въ рукахъ обходившаго указанныя мѣстности (476), самъ прошелъ всѣ мѣста нижняго Дуная и Прута (478), спускался въ Едикулъ искать слѣдовъ русскихъ военноплѣнныхъ, и нашелъ (382). Вотъ почему его географическія описанія отчетливы и ясны, хотя испещрены примѣчаніями [1]).

При такомъ обиліи примѣчаній, составляющихъ добрую треть обширнаго труда г. Кочубинскаго, встрѣчаются, конечно, и такія, съ которыми трудно согласиться Ихъ, впрочемъ, весьма немного, и мы укажемъ только одно: упомянувъ, въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, о «южной программѣ царя Петра» въ восточномъ вопросѣ, г. Кочубинскій сопровождаетъ это упоминаніе обширнымъ примѣчаніемъ, которое должно служить подтвержденіемъ слѣдующаго положенія автора: «Петръ Великій не вдохновлялъ русскаго народа: закрѣпощеніе отрѣзало его отъ государства, и у него вдохновитель—Стенька Разинъ» (4). Ни въ общемъ, ни въ частностяхъ это положеніе не выдерживаетъ самой снисходительной критики.

Имя Петра Великаго хорошо извѣстно народной поэзіи. Не народное пѣснотворчество не знаетъ Петра. а мы не

---

[1]) Указываемъ важнѣйшія: 111, 128, 130, 133, 161, 212, 230, 283, 393, 406, 407, 471, 473, 475, 476, 478, 482, 483, 488, 492, 494; особенно важныя для Юга Россіи: 49, 120, 170, 229—232, 342—343, 404.

знаемъ народныхъ пѣсней или знаемъ ихъ не вполнѣ. Первая болѣе или менѣе значительная запись народно-поэтической старины сдѣлана была Киршею Даниловымъ, потомъ Чулковымъ, Трутовскимъ, Новиковымъ, Дмитріевымъ, Поповымъ и т. д. до Кирѣевскаго. Въ нашей литературѣ, какъ въ руководствахъ русской словесности, такъ и въ хрестоматіяхъ, даже въ исторіяхъ русской литературы, напр., Галахова, высказывалось, лѣтъ 30—40 назадъ, господствовавшее тогда мнѣніе, будтоПетръ Великій не оставилъ по себѣ никакого почти слѣда и отклика въ народномъ пѣснотворчествѣ. Это мнѣніе, какъ вполнѣ ложное, было категорически опровергнуто, еще 30 лѣтъ назадъ, изданіемъ 8-го выпуска «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», всецѣло посвященнаго Петру Великому. Въ сборникѣ Кирѣевскаго, дополненномъ и изданномъ г. Безсоновымъ, «пѣснотворчество народное слѣдуетъ шагъ въ шагъ почти за всѣми важнѣйшими дѣйствіями и событіями жизни великаго государя, отъ минуты рожденія его до послѣдняго дыханія: величавый образъ носится всюду, даже въ тѣхъ былевыхъ пѣсняхъ, которыя единственно лишь современны своимъ происхожденіемъ и касаются случаевъ какъ будто постороннихъ; и здѣсь, если не дѣйствуетъ онъ, то онъ присутствуетъ, какъ зерцало, передъ коимъ совершается дѣйствіе, какъ духъ и характеръ, вызовъ къ творчеству и средоточію фантазіи». Всего г. Безсоновымъ издано 198 пѣсней и 2 сказки о Петрѣ Великомъ, при чемъ издатель свидѣтельствуетъ, что собрано еще далеко не все, чѣмъ Петръ Великій вдохновлялъ русскій народъ. Но и то, что уже издано г. Безсоновымъ, давало ему право сказать, а мы рѣшаемся напомнить г. Кочубинскому: «Всякій порядочный историкъ отнынѣ воспользуется симъ для исторіи Петра и петровской эпохи: въ наукѣ восполнился громадный, значительно прежде ослаблявшій ее, пробѣлъ. А когда, наконецъ, въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа, столь свѣжемъ еще памятникѣ видимъ мы явную любовь къ Петру и

искреннее къ нему сочувствіе, когда встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе, далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ передъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву русской жизни: мы отнынѣ, что бы ни говорила о Петрѣ и какая бы ни говорила намъ исторія, сошлемся всегда на творчество народное. Ясный историческій взглядъ на эпоху нерѣдко подтвердимъ мы: да, то же самое и также точно говоритъ самъ народъ въ своихъ пѣсняхъ; самую обличительную тенденцію встрѣтимъ порою словами: однако же не такъ передается дѣло въ творческомъ образѣ самого народа. Историческую истину можно поздравить съ немаловажнымъ торжествомъ правды» [1]).

Мы не оказали бы должнаго вниманія къ разсматриваемому труду, еслибъ умолчали о языкѣ, которымъ онъ написанъ. Какъ ни было бы спеціально изслѣдованіе, изложеніе его должно быть, прежде всего, ясно и удобопонятно. Самый лучшій слогъ подобныхъ трудовъ всегда наиболѣе простой; въ простотѣ слога заключена та внутренняя красота его, которая свидѣтельствуетъ объ отчетливомъ пониманіи и ясномъ представленіи предмета разсказа. Такъ просто написаны г. Кочубинскимъ «Двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ», такъ ясно составлена имъ картина «На Босфорѣ въ 1735 году»; не такъ изложенъ разсматриваемый трудъ. Здѣсь, напротивъ, отдано предпочтеніе какой-то вычурности, нерѣдко затемняющей смыслъ. Вѣрная по большей части мысль облечена иногда въ такую вычурную форму, которая можетъ только затруднить читателя и безъ нужды заставить его призадуматься. На одной изъ первыхъ же страницъ разсматриваемаго труда встрѣчаются слѣдующія, напримѣръ, витіеватыя строки:

---

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, VIII, стр. II, XVI.

«Умеръ великій политикъ Россіи начала XVIII столѣтія, и, естественно, если грузная государственная машина, державшаяся на плечахъ одного человѣка, нѣсколько запнулась. Естественно, если въ первые годы мы видимъ какъ бы недомоганье справиться съ завѣщаннымъ наслѣдіемъ—Россіей, а не Москвой царя-отца, царя Алексѣя. Нѣкоторое замѣшательство, разладъ—обыкновенные спутники переходнаго времени. Но и въ тяжелые годы выучки русскаго человѣка, освоеніе его съ его новымъ—европейскимъ положеніемъ въ Европѣ, освоеніе, которому сопутствовала извѣстная усталость его духа, «тестаментъ» царя Петра, воплощавшійся въ основныхъ побужденіяхъ, стремленіяхъ его многолѣтней дѣятельности—оставь Востокъ, носился надъ высшей политикой переходной Россіи, былъ небезразличенъ для нея, напротивъ, чутко чувствовался ею» (4).

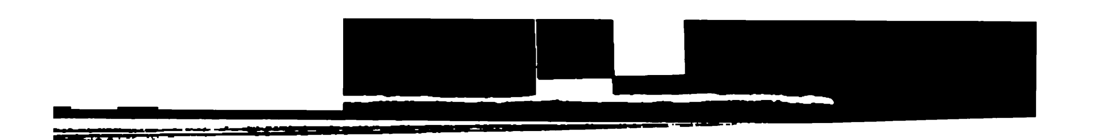
Трудно не согласиться съ основною мыслью автора, но нельзя не пожалѣть о формѣ, въ какой она выражена. Иногда эта форма создается авторомъ чисто искусственно, напримѣръ: «Такъ немирно, прямою и усложненною войною заключался тотъ же 1736 годъ на Сѣверѣ, на Невѣ, когда Вѣшняковъ, съ оливковою вѣткою въ рукахъ, входилъ въ предѣлы Россіи съ юга, изъ своего дунайскаго заточенія, отъ береговъ Овидія» (175). Въ иныхъ же случаяхъ неясность происходитъ отъ небрежности слога напримѣръ: «Бель, посланный въ декабрѣ англійскимъ посломъ Рондо безъ отписки, прямо на Босфоръ, чтобъ ускорить новый Немировъ, былъ долго продержанъ въ Яссахъ, а на Невѣ лишь въ маѣ» (369).

Не только слогъ, иногда и отдѣльныя слова затрудняютъ читателя, напримѣръ: осчаствляемый (98), пріяющій (375), тонче (404) и др.

Не смотря, однако, на подобные недостатки языка, изслѣдованіе г. Кочубинскаго читается съ большимъ интересомъ. Благодаря строго ученой системѣ обработки матеріала, какъ

самый Немировскій конгрессъ. такъ и событія. его вызвавшія и имъ порожденныя, представлены точно, опредѣленно, и производятъ должное впечатлѣніе. Въ этомъ сказалась сила чисто ученаго изслѣдованія: даже въ затрудняющей читателя формѣ изложенія, предметъ изслѣдованія представляется явленіемъ живымъ и яснымъ, чѣмъ и объясняется интересъ, возбуждаемый разсматриваемымъ трудомъ г. Кочубинскаго.

Конецъ пятаго и послѣдняго тома.

СПИСОКЪ

ИЗДАНІЙ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ

«ИСТОРИЧЕСКИХЪ МОНОГРАФІЙ».

Abel, O. Die politische Bedeutung Kölns. Leipzig, 1862.

Allatii. De ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione. Coloniae 1648.

Амвросій, еп. Исторія россійской іерархіи. 7 т. Москва, 1815.

Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne. Paris, 1862.

Andreae, O. Ein Weib auf dem Stuhl Petri. Gütersloch, 1866.

Анекдоты о графѣ Ангальтѣ. Спб. 1789.

Aquila, d'. Histoire des évènements mémorables du règne de Gustave III. Paris, 1807.

Aragon, H. Le prince Charles de Nassau-Siegen. Paris, 1893.

Archetti. Commentarii de legatione Petropolitana ab J. A. Archettio administrata. Paris, 1872.

Arneth, A. Joseph II und Catharina von Russland. Wien, 1869.

— Maria Theresia und der Siebenjährige Krieg. Wien, 1871.

Арно. Опасность городской жизни. Спб., 1784.

Aschbach, I. Geschichte der Omajjaden in Spanien. 2 Bde. Frankfurt, 1830.

— Rosvitha und Conrad Celtes. Wien, 1859.

Askenazy, S. Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894.

Assemani, J. Italicae historiae scriptores. 4 v. Romae, 1753.

Auszug eines Sehreibens aus dem Lager bey Welau von 22 August 1757. Königsberg, 1757.

Aventini. Annalium Bojorum libri VII. Basiliae, 1780.

Balinski, M. Starożytności Polski. 2 t. Warszawa, 1849.

Banck, L. Roma triumphans. Francof., 1645.

Barack, K. Die Werke der Grotswitha. Nürnberg, 1858.

Barrière, F. Bibliotèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le XVIII siècle. 37 v. Paris, 1853.

Барсовъ, Н. Географія начальной лѣтописи. Варшава, 1873.

Baur, J. Die christliche Kirche des Mittelalters. Berlin, 1861.

Beauvollier. Mémoires sur l'expedition de Russie. 2 v. Paris, 1825.

Безсоновъ, П. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. 2 т. Москва, 1860.

Bekker, J. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. 48 v. Bonnae, 1855.

Bellarmin, R. Disputationes de controversiis fidei christianae adversus hujus temporis haereticos. 4 v. Moguntiae, 1842.

Benoit, H. Histoire politique et ecclésiastique de la ville et du diocèse de Toul. Paris, 1843.

Berchtold, J. Die Entwickelung der Landeshoheit in Deutschland. München, 1863.

Bergbohm, C. Die bewaffnete Neutralität. Berlin, 1887.

Bergenroth. Calendar of letters, despatches and state-papers relating to the negociation between England and Spain. 2 v. London, 1867.

Beer. A. Die erste Theilung Polens. 3 Bde. Wien, 1873.

— Leopold II, Franz II und Catharina. Leipzig, 1874.

Bericht. Aufgefangener. eines Weinhandlers aus dem russischen Lager an seinen Compagnon in Grodno. Cracau, 1758.

Berington, T. A literary history of the middle ages. London, 1829.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV вѣка. Спб., 1868.

Бибиковъ. Записки о жизни и службѣ А. П. Бибикова. Спб., 1817.

Благовидовъ, Ѳ. Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII вѣкѣ. Казань, 1899.

Blakey, R. The history of general literature, viewed politically and historically. 2 v. London, 1861.

Blanqui, J. Histoire de l'économie politique en Europe. Paris, 1838.

Blondel, D. Eclarcissement de la question si une femme a été assise au siège papal de Rome entre Leon IV et Renoit VIII. Amsterdam, 1647.

Blum, K. Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Sievers Denkwürdigkeiten. 4 Bde. Leipzig, 1857.

Boczek. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. 12 v. Olomucii, 1836.

Богдановичъ, М. Исторія Россіи при Александрѣ I. 6 т. Спб., 1871.

Болотовъ, А. Жизнь и приключенія А. Т. Болотова. 4 т. Спб., 1870.

Bouchet, J. Sejour des illustres, claires et honnestes dames. Poitiers, 1636.

Bouquet, M. Recueil des historiens des Gaules et de la France. 21 v. Paris, 1855.

Boutaric, E. Correspondance secrète de Louis XV sur la politique étrangère. 2 v. Paris, 1866.

Bower, C. The history of the [illegible] 3 v. Philadelphia, 1854.

Брикнеръ, А. Конфе[illegible] въ 1788 г. Спб., 1868.

— Пип[illegible] и его родственники. Москва, 1874.

— И[illegible] Екатерины II. 5 ч. Спб., 1885.

[illegible] графа Н. П. Панина. Спб., 1888.

[illegible] zur Geschichte des Mittelalters bis zum [illegible]

[illegible] XIV. 5 v. Paris, 1738.

[illegible] gesta Romanorum pontificum.

Busch, M. Graf Bismarck und seine Leute. 2 Bde. Leipzig, 1878.

Büsching, A. Magazin für Historie und Geographie. 25 Bde. Hamburg, 1793.

— Beiträge zur Lebensgeschichte merkwürdiger Personen. 6 Bde. Hamburg, 1789.

Busk, W. Mediaeval popes, emperors, kings and crusaders from 1125 to 12[illegible]. 4 v. London, 1854.

Буслаевъ, Ѳ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. 2 т. Спб., 1861.

Бутурлинъ, Д. Военная исторія походовъ россіянъ въ XVIII вѣкѣ. 4 ч. Спб., 1839.

Бѣляевъ, И. Святые Константинъ (нареченный Кириллъ) и Меѳодій, учители славянскіе. Спб., 1862.

— Жизнь святыхъ Кирилла и Меѳодія. Москва, 1865.

Wackernagel, Ph. Das deutsche Kirchenlied. Stuttgart, 1841.

— **K.** Geschichte der deutschen Literatur. Basel, 1848.

Walther, H. Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Wien, 1877.

Васильевскій, В. Житіе св. Георгія Амастридскаго. Спб., 1891.

Васильчиковъ, А. Семейство Разумовскихъ. 4 т. Спб., 1880.

Vassif-Efendi. Précis historique de la guerre de Turcs contre les Russes depuis 1769 jusqu'à 1774. Paris, 1822.

Wats, G. Historia major Angliae (Matth. Paris). Londini, 1684.

Wattenbach, W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Berlin, 1866.

Weber, C. Das Papstthum und die Päpste. 3 Bde. Stuttgart, 1834.

Weickardt. Taurische Reise. Koblenz, 1799.

— Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte Weickardts. Leipzig, 1802.

Weiske, F. Sachsenspiegel. Leipzig, 1844.

Verci, N. Storia degli Eccelini. 4 v. Milano, 1812.

Веселаго, Ѳ. Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства. 4 т. Спб., 1877.

— Общій морской списокъ. 6 т. Спб., 1885.

Weymarn. Ueber den ersten Feldzug des russischen Kriegsheeren gegen die Preussen im Jahr 1757. Riga, 1794.

Викторовъ, А. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ. Москва, 1865.

Wilken. Die Verhlätnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. Berlin, 1829.

Villani, F. Liber de civitatis Florentiae famosis civibus. Florentiae, 1847.

Villemain, H. Cours de la littérature française. 2 v. Paris, 1862.

Wilson, R. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon and the retreat of the French army. London, 1860.

Vivenot, H. Quellen zur Geschichte der dentschen Kaiserpolitik Oesterreichs. Wien, 1873.

Виноградскій, Н. Церковный соборъ 1682 года. Москва, 1899.

Вицынъ, А. Очеркъ управленія въ Россіи. Казань, 1855.

Wolff, G. Vier griechische Briefe Kaiser Friedrich des Zweiten. Berlin, 1855.

Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Москва, 1864.
Вяземскій. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. 10 т. Спб., 1878.
Cancellieri. Storia de solenni possessi. Romae, 1802.
Carcani, P. Constitutiones regni Siciliae. Napoli, 1786.
Carlyle, Th. On heroes, heroworship and the heroic in history. London, 1857.
— The invasion of the Crimea. 4 v. Leipzig, 1863.
Castera. Vie de Catherine II. 2 v. Paris, 1797.
Cave. De scriptoribus ecclesiasticis. 2 v. London, 1688.
Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. 2 v. Paris, 1838.
Chiemsee. Onus ecclesiae. S. l., 1631.
Cochlaeus, J. Historia Hussitarum. Moguntiae, 1551.
Cohn. Stammtafeln. Leipzig, 1860.
Coiffeteau. Réponse au Mystère d'Iniquité. Paris, 1613.
Contzen, Th. Ueber du Quellen der Geschichte Deutschlands im sächsischen Zeitraum. München. 1837.
Copies photographiées des miniatures des manuscrits grecs conservées à la Bibliothèque Synodale, autrefois patriarchale de Moscou. Moscou, 1862.
Correspondance de Napoleon I. 32 v. Paris, 1858.
Correspondence respecting the rights and privileges of the Latin and Greek churches in Turkey. London, 1855.
Correspondenz, Politische, Friedrich des Grossen. 12 Bde. Berlin, 1857.
Cruse, C. Curland unter den Herzögen. 2 Bde. Mitká, 1833.
Gabler, H. Kleine theologische Schriften. Berlin, 1858.
Gachard, L. Correspondance de Marguerite d'Autriche avec Philippe II. Paris 1867.
Gale. Th. Historiae Britannicae, Saxonicae, Anglo-Danicae scriptores. 36 v. Oxon., 1843.
Гаркави, А. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ. Спб., 1873.
Gautier Mapes. De nugis curialium (ed. Wright). London, 1841.
Gazo см. Beauvollier.
Гедеоновъ. С. Изслѣдованія о варяжскомъ вопросѣ. Спб., 1862.
Geheimniss. Das entdeckte, der antiabsurden Gesellschaft durch Jemand der kein Mitglied davon ist. Sptrbrg. 1781.
Gengler. H. Schwabenspiegel. Tübingen, 1847.
Герье. В. Письма и мемуары Лейбница. Спб., 1873.
Голицынъ. Н. Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ. Корректурное изданіе. Кіевъ, 1880.
Gespräche im Reiche der Todten zwischen dem Grafen von Schwerin und dem Fürsten von Piccolomini. Leipzig. 1757.
Gfrörer. A. Allgemeine Kirchengeschichte. 4 Bde. Stuttgart, 1846.
Giesebrecht. W. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. 4 Bde. Braunschweig, 1863.
Gieseler. J. Lehrbuch der Kirchengeschichte. 6 Bde. Bonn, 1856.
Головачевъ. В. Дѣйствія русскаго флота въ войнѣ со шведами въ 1790 гг. Спб., 1871.

Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Москва, 1880.
Горскій, А. Житія святыхъ Кирилла и Меѳодія. Москва, 1855.
— О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меѳодію. Москва, 1856.
Göthe. Sämmtliche Werke. 28 Bde. Leipzig, 1868.
Görz, A. Regesten der Erzbischöfe zu Trier. Trier, 1831.
Горчаковъ, М. Монастырскій приказъ. Спб., 1874.
Graesse, J. Trésor de livres rares et précieux. Dresde, 1858.
Gregorovius, F. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. 7 Bde. Stuttgart, 1882.
Грибовскій, М. О состояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи. Спб., 1816.
— **А.** Записки о Екатеринѣ Великой. Москва, 1847.
Григорьевъ, В. О скиѳскомъ народѣ сакахъ. Спб., 1871.
Grimm und Schmaller. Lateinische Gedichte des X und XI Jahrh. Leipzig, 1838.
Grimm, J. Kleine Schriften. Berlin. 1857.
Гротъ, Я. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Спб., 1884.
Guerrier, W. Die Kronprinzessin Charlotte von Russland. Bonn, 1875.
— Leibnitz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter den Grossen. Leipzig, 1876.
Guizot, Fr. Histoire de la civilisation en Europe. Paris, 1857.
Даль, В. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. 4 т. Спб., 1880.
Dangeau, marquis de. Journal de la cour de Louis XIV. 19 vol. Paris, 1860.
Danzel, H. Gottscheid und seine Zeit. Leipzig, 1848.
Denina, C. Pierre le Grand. Paris, 1809.
Denkwürdigkeiten des Feldzugs gegen Schweden im Jahre 1788 von dem Prinzen Carl von Hessen. Leipzig, 1789.
Державинъ. Сочиненія Г. Р. Державина (изд. Грота). 9 т. Спб., 1864.
Diderot, D. Oeuvres complètes. 20 v. Paris, 1875.
Добровскій, I. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители. Москва, 1825.
Dohm, C. Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Hannover, 1814.
Döllinger, H. Die Papst-Fabeln des Mittelalters. München, 1863.
Dorn, B. Каспій. Походы русскихъ въ Кабаристанъ. Спб., 1875.
Драгомановъ, М. Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской Имперіи и Тацитъ. Кіевъ, 1869.
Дрэперъ, Д. Исторія умственнаго развитія Европы. 2 т. Спб., 1869.
Дубровинъ, Н. Пугачевъ и его сообщники. 3 т. Спб., 1884.
— Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. 4 т. Спб., 1886.
Ducange, C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. 2 v. Parisiis, 1766.
Du-Meril, E. Poésies populaires latines du moyen âge. Paris, 1847.
Du-Plessis Mornai. Mystère d'Iniquité. Lyon, 1611.
Du-Tilliot. Mémoires pour servir à l'histoire de la fête des foux. Genève, 1741.
...ое населеніе въ Московскомъ Государствѣ. Москва, 1899.
...Bischöfe. 2 Bde. Leipzig, 1858.
... medii aevi. 2 v. Lipsiae, 1723.
...o auctori vindicata. Parisiis, 1709.

Echard. Scriptores ordinis Praedicatorum. 2 v. Parisiis, 1706.
Eckard, J. Jungrussisch und Altlifländisch. Berlin, 1871.
Eden, R. Churchmann theological dictionary. London, 1859.
Ермоловъ, А. Записки о войнѣ 1812 года. London, 1863.
Extract eines Schreibens aus dem Haupt-Quartier Tilse den 3 october 1757.
Eylert. Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III. 3 Bde. Magdeburg, 1846.
Jacobus de Aquis. Monumenta Aquensia (ap. Moriondi). 2 v. Romae, 1784.
Giannone, P. Storia civile del regno di Napoli. 13 v. Milano, 1823.
Giustiniani, C. Memorie istoriche degli scrittori legali del regno di Napoli. 3 v. Napoli, 1787.
Жомини, Г. Общія правила военнаго искусства. Спб., 1817.
Jomini, A. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée. 2 v. St.-Pétersbourg, 1878.
Jordan, J. Die Vorläufer der Hussitenthums in Boehmen. Leipzig, 1846.
Jornandes. De Gothorum origine et rebus gestis. Stuttgart, 1861.
Journal de la Révolution Française. Le point du jour. 17 v. Paris, 1789.
Jubinal, A. Oeuvres de Rutebeuf. 2 v. Paris, 1840.
Забѣлинъ, И. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. 2 т. Москва, 1876.
Золотовъ, В. Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму. Тифлисъ, 1855.
— Міровѣдѣніе. Спб., 1861.
Hammer. Sur les origines russes. St.-Pétersbourg, 1827.
Hardt, von der. Magnum oecumenicum Constantiense consilium. 6 v. Lipsiae, 1700.
Hasenkampf. Ostpreussen unter dem Doppelaar. Königsberg, 1866.
Helbig, G. Russische Günstlinge. Stuttgart, s. a.
— Biographie Peters des Dritten. 2 Bde. Tübingen, 1808.
Held, J. Testamen historicum illustrandis rebus anno 1409 in universitate Pragensis gestis. Pragae, 1827.
Henke, H. Kirchengeschichte. 6 Bde. Braunschweig, 1788.
Herrmann, E. Geschichte des Russischen Staates. 7 Bde. Hamburg, 1869.
Höfler, G. Kaiser Friedrich II. Göttingen, 1859.
Höfler. Magister Iohannes Hus. Prag, 1864.
Hollmann, H. Rustringen, die ursprungliche Heimath des ersten russischen Grossfürsten Ruriks und seiner Brüder. Bremen, 1816.
Holtzendorff, F. Wesen und Werth der Oeffentlichen Meinung. München, 1879.
Horst, G. Geschichte des letzten schwedisch-russischen Krieges. Francfort, 1792.
Huillard-Bréholles, C. Historia diplomatica Friderici Secundi. 2 v. Parisiis, 1863.
— Chronicon Placentinum et chronicon de rebus in Italia gestis. Parisiis, 1856.
— Vie et correspondance de Pierre de la Vigne. Paris, 1865.

Hurter, F. Geschichte Papst Innocenz des Dritten und seiner Zeitgenossen. Leipzig, 1842.

Hus, Johannis, et Hieronymi Pragensis historia et monumenta. 2 v. Norimbergae, 1558.

Ивановъ, П. Историческое обозрѣніе мѣстъ и учрежденій въ Россіи. Москва, 1850.

Иконниковъ, В. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ, 1869.

Иловайскій, Д. О памятникахъ Тмутараканской Руси и о тмутараканскомъ болванѣ. Москва, 1864.

— Разысканія о началѣ Руси. Москва, 1876.

К., В. Политика Россіи и Турціи въ эпоху, предшествовавшую первому раздѣлу Польши. Москва, 1883.

Казанскій, П. Исторія русскаго православнаго монашества. Москва, 1853.

— Исторія православнаго монашества на Востокѣ. Москва, 1857.

Калачевъ, Н. Архивъ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи. 4 т. Спб., 1859.

Kalinka, W. Polityka dwora austryackiego w sprawe konstytucyi trzeciego Maja. Krakow, 1872.

— Seym czteroletni. 3 t. Lwow, 1888.

Капнистъ, В. Лирическія сочиненія. Спб., 1796.

— „Ябеда", въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб., 1798.

Карамзинъ, Н. Исторія Государства Россійскаго (изд. Слениныхъ). 12 т. Спб., 1813.

Кеппенъ, Г. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Спб., 1837.

Keyser, J. Om Nordmaendenes Herkomst og Folkeslaegtskab. Christiania, 1839.

Кирѣевскій, П. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. 10 в. Москва, 1870.

Klimes, J. Chronica summorum pontificum imperatorumque ad septem aetatibus mundi. Pragae, 1859.

Кобеко, Д. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Спб., 1887.

Колотовъ, П. Дѣянія Екатерины II. 6 т. Спб., 1811.

Komensky, A. Hystoria o cěžkých protiwenstwach Cýrkwe České. Praha, 1834.

Köpke, H. Widukind von Korvei. Berlin, 1867.

Костомаровъ, Н. Кто былъ первый Лжедимитрій? Спб., 64.

— Смутное время Московскаго Государства. Спб., 1868.

— Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. 5 т. Спб., 1874.

Котляревскій, А. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва, 1868.

Кочубинскій, А. Очерки исторіи и политики славянъ. Одесса, 1878.

— Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи. Одесса, 1899.

Kunik, E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. 2 Bde. St.-Ptrobrg., 1845.

Kurtz, F. Handbuch der Kirchengeschichte. 2 Bde. Tübingen, 1856.

La Bruyère, de. Les caractères ou les moeurs de ce siècle. 2 v. Amsterdam, 1743.
Lamius, **J**. Deliciae eruditorum. 18 v. Florentiae, 1769.
Laurent, **F**. Etudes sur l'histoire de l'humanité. 18 v. Paris, 1866.
Le Beau. Histoire du Bas-Empire. 29 v. Paris, 1781.
Лебединцевъ, **Ѳ**. О жизни и трудахъ св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ. Кіевъ, 1862.
Leibnitz, Lebnitius. Scriptores rerum Brunswicensium. 3 v. Hannoverae, 1711.
Lenfant, **J**. Histoire du concile de Constance. 2 v. Amsterdam, 1714.
— Histoire du concile de Pise. 2 v. Amsterdam, 1724.
— Histoire de la guerre des Hussites et du concile de Bâle. 2 v. Amsterdam, 1731.
L'Epinois, **H**. Le gouvernement des papes et les révolutions dans les états de l'Eglise. Paris, 1865.
Lettres du roi de Pologne Jean Sobieski. 2 v. Paris, 1821.
Ligne. Mélanges militaires, littéraires et sentimentaires du prince de Ligne. 32 v. Dresde, 1795.
Lingard, **J**. A history of England. 5 v. London, 1826.
Lorenz, **O**. Deutsche Geschichte in XIII und XIV Jahrhunderten. 2 Bde. Leipzig, 1853.
Лонгиновъ, **М**. Новиковъ и московскіе мартинисты. Москва, 1867.
Luden, **H**. Geschichte der Teutschen. 3 Bde. Jena, 1843.
Luther's Martin Sämmtliche Werke. 65 Bde. Frankfurt am Main, 1855.
Macquereau, **R**. Histoire générale de l'Europe depuis la naissance de Charles-Quint. 2 v. (Louvain, 1765). Paris, 1841.
Magnin, **H**. Théâtre de Hrotsvitha. Paris, 1845.
Макарій, арх. Исторія русской церкви. 8. Спб., 1868.
— Сказанія о жизни и трудахъ Стефана. Москва, 1856.
— Сказаніе о жизни и трудахъ преосвященнаго Гаврiила. Москва, 1861.
Малиновскій, **М**. Обозрѣніе исторіи церкви Русской, изряднѣе Галицкой. Львовъ, 1852.
Mannert, **K**. Tabula itineraria Peutingeriana. Leipzig, 1824.
Mansi, **J**. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. 21 v. Venetiis, 1772.
Marbot, **M**. Mémoires du général baron de Marbot. 3 v. Paris, 1892.
Marcard, **H**. Zimmermann's Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II. Bremen, 1803.
Maresius, **C**. Johanna papissa restituta. Coloniae, 1783.
Margeret. Estat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie. Paris, 1669.
Маржеретъ. Историческія записки съ 1590 по 1606. Москва, 1830.
Marmontel, **J. F**. Oeuvres. 18 v. Paris, 1818.
Мармонтель. Велицеръ. Романъ, перев. съ французскаго. Спб., 1785.
Martene, ***E***. *Veterum* scriptorum et monumentum collectio amplissima. 9 v. *Paris*, *1724*.

Мартенсъ, Ө. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. 14 т. Спб., 1874.
Мартыновъ, И. Переводъ исторіи Геродота. Спб., 1821.
Масловскій, Д. Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Спб., 1886.
— Русско-австрійскій союзъ 1759 года. Спб., 1887.
Матеріалы. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. 8 т. Спб., 1895.
Matthaei Parisiensis Historia major Angliae ab a. 1066. Tiguri, 1606.
Мацеевскій, А. Исторія первобытной христіанской церкви у славянъ. Варшава, 1840.
Mémoires de l'impératrice Catherine II. Londres, 1859.
Mercier de La-Rivière. L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Paris, 1767.
Merkwürdige in dem Archive der Bastille Papiere. Leipzig, 1790.
Merkwürdigkeiten, Besondere, und Anecdoten aus Neudam in der Neumark von der unglücksvollen Gegenwart der russisch-kaiserlichen Armee. Schwedel, 1758.
Migne, J. Patrologiae cursus completus. Parisiis, 1844.
Милютинъ, В. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Москва, 1862.
Михайловскій, В. Очеркъ исторіи христіанской церкви. Спб., 1868.
Морлей, Дж. Дидро и энциклопедисты. Москва, 1881.
— Руссо. Москва, 1882.
— Вольтеръ. Москва, 1889.
Mone, F. Die Schauspiele des Mittelalters. 2 Bde. Karlsruhe, 1846.
Mouy, C. Correspondance du roi Stanislas-August Poniatowski et de madame Jeoffrin. Paris, 1875.
Muchanow, P. Autentyczne świadectwa o wzajemnych stosunkach pomiędzy Rossyą a Polską szczególniéj zas czasów samozwanców w Rossyi. Moskwa, 1834.
Munch, P. Om Nordboernes Forbindelser med Russland og tildgraendsende Lande. Christiania, 1849.
Muralt, E. Essai de chronographie Byzantine. St.-Pétersbourg, 1855.
Muratori, L. Scriptores rerum Italicarum. 28 v. Mediolanae, 1751.
Nachricht von Cagliostro Aufenthalte in Mitau. Berlin, 1787.
Наказъ комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Спб., 1770.
Naruszewicz, A. Dyaryusz podróży Stanislawa Augusta Króla na Ukrainą w roka 1787. Warszawa, 1805.
Nasse, H. Ueber die Universitäts-Studien und Staatsprüfungen. Berlin, 1869.
Nauck, A. Lexicon Vindobonense. Accedit appendix duas Photii homilias. Petropoli, 1867.
Нащокинъ. Записки Александра Васильевича Нащокина. Спб., 1842.
Neander, J. Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. 6 Bde. Hamburg, 1825.
— Kleine Gelegenheitsschriften. Berlin, 1829.

Невзоровъ, Н. П. И. Мельниковъ и его литературное значеніе. Казань, 1883.
— И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія. Казань, 1883.
— Руководящіе типы и воспитательный элементъ въ произведеніяхъ русской литературы послѣ Гоголя. Казань, 1883.
Niebuhr, B. Kleine historische und philologische Schriften. 2 Bde. Bonn, 1843.
Новиковъ, Н. Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Спб., 1772.
Oberkirch. Mémoires de la baronne d'Oberkirch. 2 v. Paris, 1869.
Описаніе моровой язвы, бывшей въ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ. По всевысочайшему повелѣнію напечатано. Москва, 1775.
Oppert, K. Der Priester Johannes in Sage und Geschichte. Berlin, 1864.
Orosius, P. Historiarum libri VII adversus paganos. Lugduni, 1767.
Ottino, F. Curiosità e ricerche di storia Subalpina. 2 v. Torino, 1879.
Отчетъ, Всеподданнѣйшій, государственнаго контролера. Спб., 1883.
Oudin, C. De scriptoribus Ecclesiae antiquis. Lipsiae, 1722.
Ozanam, A. Oeuvres complètes. 8 v. Paris, 1856.
Palacky, F. Dějiny národu Českého. 4 t. W Praze, 1848.
— Geschichte von Böhmen. 5 Bde. Prag, 1864.
— Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler. Prag, 1868.
Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. 7 т. Спб., 1851.
Parthenay, H. Histoire de Pologne. 4 v. La Haye, 1733.
Pauli, R. Geschichte von England. 4 Bde. Leipzig, 1863.
Pelzel, F. Scriptores rerum Bohemicarum. 3 v. Pragae, 1829.
— **J.** Lebensgeschichte des Königs Wenzel. 2 Bde. Leipzig, 1851.
Perrin, J. Historia Albigensium christianum. Genovae, 1618.
Pertz, G. Monumenta Germaniae historica. 23 v. Hannoverae, 1864.
Петровъ, А. Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II. 2 т. Спб., 1880.
Петрушевскій, А. Генералиссимусъ князь Суворовъ. 3 т. Спб., 1884.
Pez, B. Thesaurus anecdotorum novissimus. 6 v. August. Vindeb., 1729.
— **H.** Scriptores rerum Austriacarum. 3 v. Lipsiae, 1745.
Pierling, P. Rome et Demetrius. Paris, 1878.
— Lettre de Dmitri dit le Faux à Clement VIII. Paris, 1898.
Piper, F. Ewangelischer Kalender. Berlin, 1850.
Pistorius. Scriptores rerum Germanicarum. 3 v. Ratisbonnae, 1726.
Платоновъ, И. Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Харьковъ, 1862.
— **С.** Очерки по исторіи Смутнаго времени. Спб., 1899.
Погодинъ, М. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ. Москва, 1865.
Pompadour. Lettres de m-me la marquise de Pompadour. Londres, 1772.
Поповъ, А. Обзоръ хронографовъ русской редакціи. 2 т. Москва, 1866.
Posselt, H. Geschichte Gustavs III. Karlsruhe, 1792.
Potthast, A. Bibliotheca historica medii aevi. 2 Bde. Berlin, 1862.

Prescott, W. History of the reign of Ferdinand and Isabella of Spain. 3 v. London, 1850.
Puibusque, L. Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Paris, 1817.
Пыляевъ, М. Старый Петербургъ. Спб., 1887.
Пыпинъ, А. Литературная исторія повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб., 1858.
— Бѣлинскій, его жизнь и переписка. 2 т. Спб., 1876.
Querard, J. Notice sur M-r Serge Poltoratzky. Paris, 1854.
Quip, J. Beschreibung der Münsterkirche in Aachen. Aachen, 1863.
Rambaud, A. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie. 2 v. Paris, 1890.
Ranke, L. Sämmtliche Werke. 54 Bde. Leipzig, 1887.
Raumer, F. Beiträge zur neueren Geschichte. 5 Bde. Leipzig, 1836.
— Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. 6 Bde. Leipzig, 1857.
Ravaisson-Mollieu. Archives de la Bastille. Paris, 1892.
Raynaldi, O. Annales ecclesiastici. 9 v. Coloniae, 1727.
Reiffenberg, J. Monuments pour servir à l'histoire du province de Namur. Paris, 1861.
Reimann, E. Geschichte des Preussischen Staates. 2 Bde. Gotha, 1882.
Rettberg, F. Kirchengeschichte Deutschlands. 2 Bde. Göttingen, 1848.
Ricci-Zannoni, Kurze Vorstellung den gegenwärtigen Kriegsbegebenheiten in Deutschland. Nürnberg, 1758.
ichter, A. Geschichte der deutsche Ostreeprovinzen. 5 Bde. Riga, 1857.
Rinaldo, A. Memorie di Capua. 3 v. Venezia, 1851.
Röstell, H. Die Beschreibung der Stadt Rom. 2 Bde. Berlin, 1837.
Rousseau, J. Oeuvres complètes. 4 v. Paris, 1852.
Rovelli, C. Storia di Como. 3 v. Torino, 1829.
Rymer, Th. Foedera, conventiones. acta publica inter reges Angliae et alios reges habita aut tractata. 10 v. La Haye, 1739.
Савельевъ, А. Очеркъ инженернаго управленія въ Россіи. Спб., 1879.
— **П.** Топографія кладовъ съ восточными монетами. Спб., 1846.
Saint-Simon. Mémoires du duc de Saint-Simon. 20 v. Paris, 1858.
Sainte-Beuve, C. Causeries du Lundi. 15 v. Paris, 1857.
Samoilowicz, D. Mémoire sur la peste. Paris, 1783.
Самоквасовъ, Д. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава, 1884.
— Классификація могилъ южной Россіи. Варшава, 1890.
— Хронологическая классификація древностей. Варшава, 1892.
Sandoval, P. Historia de cinco obispos. Historias de Idacio, Isidoro, Sebastiano, Sampiro, Pelagio. Pamplona, 1634.
Say, J. Cours complet d'économie politique pratique. 6 v. Paris, 1830.
Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб., 1867.
Schäfer, H. Geschichte von Spanien. 3 Bde. Hamburg, 1867.
Scherr, J. Geschichte deutscher Cultur und Sitte. Leipzig, 1854.
Schirrmacher, F. Kaiser Friedrich der Zweite. 2 Bde. Stuttgart, 1859.
Schlözer, A. Oskold und Dir. Erste Probe russischer Annalen. Göttingen, 1773.

Schlözer, A. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt. 5 Bde. Göttingen, 1809.
— **K. v.** Friedrich der Grosse und Katharina die Zweite. Berlin, 1859.
Schmidt, W. Geschichte der preuss.-deutschen Unionsbestrebungen seit der Zeit Friedrich's des Grossen. Berlin, 1851.
— **J.** Kirchengeschichte. 2 Bde. Tübingen, 1858.
Schröckh, J. Lebensbeschreibungen berühmter Männer. 2 Bde. Leipzig, 1791.
Schwartz, C. Vollständige Bibliothek kurländischer und piltenscher Staatsschriften. Mitau, 1799.
Secret, Le, de la société antiabsurde, devoilé par quelqu' un qui n'en est pas. Cologne, 1758.
Ségur, L. Tableau politique de l'Europe, 1786—1796. 3 v. Paris, 1801.
— Mémoires ou souvenirs et anecdotes. 3 v. Paris, 1827.
— **Ph.** Histoire de Napoléon et de la grande armée. 2 v. Paris, 1826.
Сегюръ, гр. Записки о пребываніи въ Россіи. Спб., 1865.
Словцовъ, П. Историческое обозрѣніе Сибири. 2 т. Москва, 1844.
Смирдинъ, А. Сочиненія императрицы Екатерины II. 3 т. Спб., 1850.
Смышляевъ, Д. Пермскій сборникъ. 2 т. Москва, 1859.
Smitt, F. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Paris, 1861.
Собраніе всѣхъ реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей Россійской Имперіи. 2 т. Москва, 1791.
— государственныхъ грамотъ и договоровъ. 4 т. Москва, 1813.
— постановленій по части раскола. 2 т. Лондонъ, 1863.
Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 т. Москва, 1851
Sorel, A. La question d'Orient au XVIII siècle. Paris, 1878.
— Le partage de la Pologne et le traité de Kainardji. Paris, 1889.
— L'Europe et la Révolution Française. 4 v. Paris, 1893.
Spilleke. H. Erstes Einladungs-Programm. Berlin, 1821.
Staatsschriften. Preussische, aus der Regierungszeit König Friedrichs II. 5 Bde. Berlin, 1862.
Stedingk. Mémoires posthumes du feld-maréchal comte de Stedingk. 2 v. Paris, 1845.
Stella. Vitae Paparum Romanorum. Basileae, 1507.
Суворинъ, А. Разсказы изъ русской исторіи. Бояринъ Матвѣевъ. Москва, 1864.
Surrugues. Lettres sur l'incendie de Moscou. Paris, 1823.
Sybel, H. Kleine historische Schriften. 2 Bde. München, 1862.
Szafarzik, P. Ueber die Abkunft der Slawen. Ofen, 1823.
Tanner, B. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam anno 1678 feliciter suscepta. Norimbergae, 1689.
Tchadaïef. Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef. Paris, 1862.
Tchitchagoff. Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. Berlin, 1855.
Терещенко, А. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. 3 т. Спб., 1837.
— Бытъ русскаго народа. 5 т. Спб., 1848.

Theobald. Geschichte des Hussitenkriegs, oder Geschichte des Lebens und die Lehre Joh. Hussens. Breslau, 1750.
Thiebault, D. Souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin. Paris, 1805.
Thierry, Am. Tableau de l'Empire Romain. Paris, 1862.
Thomsen, W. The relations between ancient Russia und Scandinavia. The origine of the Russian state. London, 1877.
— Der Ursprung des Russischen Staates. Gotha, 1879.
Tiraboschi, J. Storia della litteratura italiana. 13 v. Modena, 1782.
Токвиль, А. Старый порядокъ и революція. Спб., 1861.
Толстой, Д. Письма графини С. М. Румянцовой. Спб., 1888.
Toppi, N. Bibliotheca Napolitana. Napoli, 1847.
Tourneux, M. Correspondance de Grimm, Diderot, Raynal etc. 16 v. Paris, 1877.
Трачевскій, А. Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II. Спб., 1876.
Trithemius, J. Catalogus illustrium virorum. Francofurtae, 1601.
Туркестановъ, Н. Губернскій служебникъ. Спб., 1869.
Ughelli, Italia sacra, ed. Coleti. 10 v. Venetiis, 1725.
Уляницкій, В. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1883.
Urstisius. Germaniae historicorum illustrium tomi II. Francofurtae, 1670.
Успенскій, П. Четыре бесѣды Фотія, свят. архіеп. Константинопольскаго. Спб., 1864.
Устряловъ, Н. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. 5 т. Спб., 1837.
Фабіянъ, И. Переписка россійской императрицы Екатерины II съ господиномъ Вольтеромъ. 2 т. Москва, 1803.
Fabricius, J. Bibliotheca Graeca. 14 Bde. Hamburg, 1708.
— Codices apocryphicis Novis Testamenti. Hamburg, 1721.
Fare, La, C. Mémoires et réflexions sur les principaux évènements du règne de Louis XIV. Rotterdam, 1714.
Феатръ Россійскій. Полное собраніе всѣхъ россійскихъ феатральныхъ сочиненій. 37 т. Спб., 1786.
Фелдингъ. Дѣянія господина Іонафана Вильда Великаго. 2 т. Спб., 1772.
Феоктистовъ, Е. Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. Москва, 1882.
Ferrand, A. Histoire des trois démembrements de la Pologne. 3 v. Paris, 1820.
Feuillet de Conches, F. Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Elisabeth. 6 v. Paris, 1864.
Ficker, J. Reinald von Dassel, Reichkanzler und Erzbischof von Köln. Leipzig, 1850.
Fielding, H. Tom Jones. London, 1750.
— Thomas Jones ou l'enfant trouvé. Paris, 1780.
Филаретъ, еп. Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Москва, 1846.
Finlay, G. History of the Byzantine and Greek Empires. 2 v. London, 1856

Vitzthum von Eckstädt, C. Petersburg und London in den J. 1852—64, aus den Denkwürdigkeiten des sächsischen Gesandten. 2 Bde. Stuttgart, 1885.

Florez, H. España sagrada. 35 v. Madrid, 1786.

Florimond de Remond. Erreur populaire de la papesse Jeanne. Paris, 1599.

Floto, H. Kaiser Heinrich der Vierte und sein Zeitalter. 2 Bde. Stuttgart, 1855.

Фонъ-Визинъ, Д. Сочиненія, ред. Ефремова. Спб., 1876.

Frähn, C. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen. St.-Petersburg, 1823.

Frédéric II. Oeuvres posthumes. 17 Bde. Berlin, 1788.

Freher, M. Rerum Bohemicarum scriptores. Hanoverae, 1612.

Freitag, J. De Hrotswitha poetria. Halle, 1839.

Funck, W. Geschichte des Kaiser Friedrichs II. Leipzig, 1859.

Funck-Brentano, F. Légendes et archives de la Bastille. Paris, 1892.

Хвольсонъ, Д. Извѣстія о хазарахъ и русскихъ Ибнъ-Даста. Спб., 1872.

Ходневъ, А. Исторія вольнаго экономическаго общества. Спб., 1865.

Zapf, F. Das Leben J. von Dahlberg. Augsburg, 1789.

Zedler, J. Grosse Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. 68 Bde. Leipzig, 1754.

Zeuss, K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1873.

Чечулинъ, Н. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. Спб., 1896.

Чичеринъ, Б. Опыты по исторіи русскаго права. Москва, 1868.

Шафарикъ, П. Славянскія древности. Переводъ съ чешскаго. Москва, 1857.

Šafařík, P. Pamatky dřevného písemnicti jihoslovanův. W Praze, 1851.

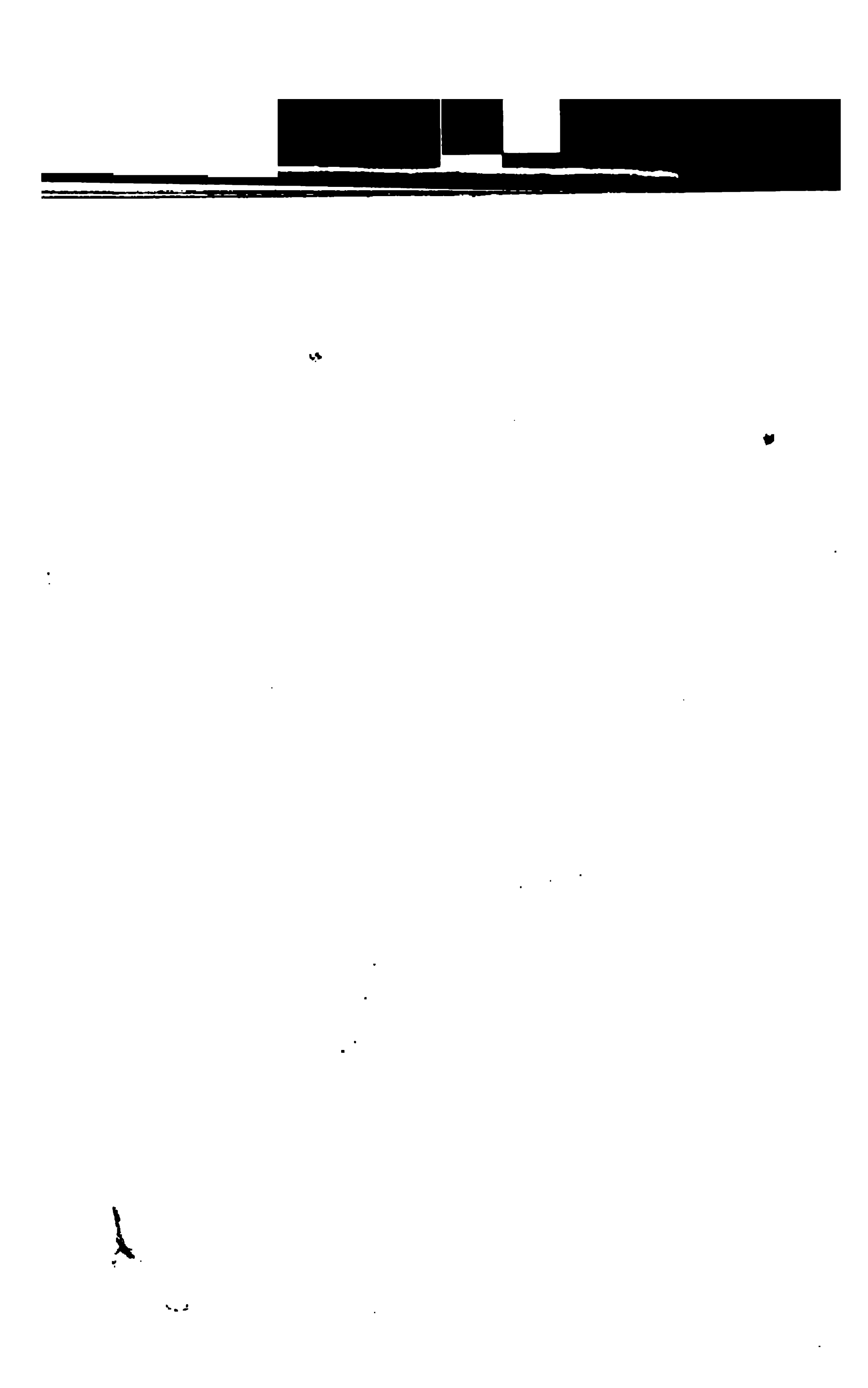
Шаховской, О. О представительныхъ учрежденіяхъ въ древнемъ мірѣ. Спб., 1866.

Шишковъ, А. Собраніе высочайшихъ манифестовъ, грамотъ и рескриптовъ. Спб., 1816.

— Записки, мнѣнія и переписка адмирала Шишкова. 2 т. Berlin, 1870.

Юсуповъ, Н. Родъ князей Юсуповыхъ. 2 т. Спб., 1866.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	DATE DUE		
		NOV 1	8 1991

Того же автора:

Крестовый походъ императора Фридриха Втораго (магистерская диссертація). Спб., 1863.

Поповскій Король. Генрихъ IV Распе (докторская диссертація). Спб., 1867.

Кириллъ и Меѳодій, въ двухъ томахъ:

I) по документальнымъ источникамъ. Спб., 1868.
II) по западнымъ легендамъ. Спб. 1871.

Дидро въ Петербургѣ. Спб., 1884.

Jeanne Elisabeth, mère de Catherine II. St. Pétersbourg, 1889.

Исторія Екатерины Второй, въ двѣнадцати томахъ:

I) Екатерина до воцаренія. Спб., 1890.
II) Воцареніе Екатерины. Спб., 1891.
XII) Обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ. Берлинъ, 1896.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ.

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 18.